3 1761 08821404 4

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso04koro

LK
K8467

Korolenko, Vladimir Galaktionovich
... Polnoe sobranie sochinenij

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. Г. КОРОЛЕНКО.

v.4.

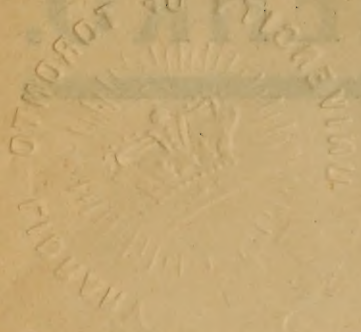
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

74cv

489677
12.4.49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1914

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1914 г.



Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

БЕЗЪ ЯЗЫКА.

(Разсказъ).

I.

На моей родинѣ, въ Волынской губерніи, въ той ея части, гдѣ холмистые отроги Карпатскихъ горъ переходятъ постепенно въ болотистыя равнины Полѣсья, есть небольшое мѣстечко, которое я назову Хлѣбно. Съ сѣверо-запада оно прикрыто небольшой возвышенностью. На юго-востокъ отъ него раскинулась обширная равнина, вся покрытая нивами, на горизонтѣ переходящими въ синія полосы еще уцѣлѣвшихъ лѣсовъ. Тамъ и сямъ, особенно подъ лучами заходящаго солнца, сверкаютъ широкія озера, между которыми змѣятся узенькія, пересыхающія на лѣто рѣчушки.

Сторона спокойная, тихая, немного даже сонная. Мѣстечко похоже болѣе на село, чѣмъ на городъ, но когда-то оно знало если не лучшіе, то во всякомъ случаѣ менѣе дремотные дни. На возвышенности сохранились еще слѣды земляныхъ окоповъ, на которыхъ теперь колышется трава, и пастухъ старается передать ея шопотъ на своей нехитрой дудкѣ, пока общественное стадо мирно пасется въ тѣни полузасыпанныхъ рвовъ...

Невдалекѣ отъ этого мѣстечка, надъ извилистой рѣчушкой, стоялъ, а можетъ, и теперь еще стоитъ, небольшой поселокъ. Рѣчка отъ лозы, обильно растущей на ея берегахъ, получила названіе Лозовой; отъ рѣчки поселокъ названъ Лозищами, а уже отъ поселка жители всѣ сплошь носятъ фамиліи Лозинскихъ. А чтобы точнѣе различить другъ друга, то Лозинскіе къ общей фамиліи прибавляли прозвища: были Лозинскіе птицы и звѣри, одного звали Мазницей, другого Колесомъ, третьяго даже Голенищемъ...

Трудно сказать, когда этотъ поселокъ засѣлъ подъ самымъ бокомъ у города. Было это еще въ тѣ времена, когда на валахъ

виднѣлись пушки, а пушкари у нихъ постоянно смѣнялись: то стояли съ фитилями поляки, въ своихъ пестрыхъ кунтушахъ, а казаки и „голота“ подымали кругомъ пыль, облегая городъ... то, наоборотъ, изъ пушекъ палили казаки, а польскіе отряды кидались на окопы. Говорили, будто лозинскіе были когда-то „реестровыми“ казаками и получили разныя привилегіи отъ польскихъ королей. Ходили даже слухи, будто они были когда-то и за что-то пожалованы дворянствомъ.

Все это, однако, давно забылось. Въ шестидесятыхъ годахъ умеръ столѣтній старикъ Лозинскій - Шулякъ. Въ послѣдніе годы онъ уже ни съ кѣмъ не разговаривалъ, а только громко молился или читалъ старую славянскую библію. Но люди еще помнили, какъ онъ разсказывалъ о прежнихъ годахъ, о запорожьи, о гайдамакахъ, о томъ, какъ и онъ уходилъ на Днѣпръ и потомъ съ ватажками нападалъ на Хлѣбно и на Клевань, и какъ осажденные въ горящей избѣ гайдамаки стрѣляли изъ оконъ, пока отъ жара не лопались у нихъ глаза и не взрывались сами собой пороховницы. И старикъ сверкалъ дикими потухающими глазами и говорилъ: „Гей-гей! Было когда-то наше время... Была у насъ свобода!..“ А лозищане—уже третье или четвертое поколѣніе—слушая эти странные разсказы, крестились и говорили: „а то-жъ не дай Господи Боже!“

Сами они давно уже запахали въ землю всѣ привилегіи и жили подъ самымъ мѣстечкомъ ни мужиками, ни мѣщанами. Говорили какъ будто по-малорусски, но на особомъ волынскомъ нарѣчіи, съ примѣсью польскихъ и русскихъ словъ, исповѣдывали когда-то греко-уніатскую вѣру, а потомъ, послѣ нѣкоторыхъ замѣшательствъ, были причислены къ православному приходу, а старая церковка была закрыта и постепенно развалилась... Пахали землю, ходили въ бѣлыхъ и сѣрыхъ свитахъ, съ синими или красными поясами, штаны носили широкіе, шапки бараньи. И хотя, можетъ быть, были бѣднѣе своихъ сосѣдей, но все же смутная память о какомъ-то лучшемъ прошломъ держалась подъ соломенными стрѣхами лозищанскихъ хатъ. Ходили лозищане чище крестьянъ, были почти всѣ грамотны по церковному, и объ нихъ говорили, что они держатъ себя слишкомъ гордо. Правда, это очень трудно было бы замѣтить постороннему, потому что при встрѣчѣ съ господами или начальствомъ они такъ же торопливо сворачивали съ дороги, такъ же низко клапялись и такъ же иной разъ цѣловали смиренно господскія руки. Но всетаки было *что-то*, и опытные люди *что-то* замѣчали. О лозищанахъ говорили, что они *что-то* вспоминаютъ, о *чемъ-то* во-

ображаютъ и *чѣмъ-то* недовольны. Дѣйствительно, на обычные вопросы при встрѣчахъ: „какъ себѣ живете“ или „какъ вамъ Богъ помогаетъ“ — лозищане, вмѣсто „слава Богу“, только махали рукой и говорили:

„А, какая тамъ жизнь!“ или: „Живемъ, какъ горохъ при дорогѣ!“ А иные, посмѣлѣе, принимались разсказывать иной разъ такое, что не всякій соглашался слушать. Къ тому же у нихъ тянулась долгая тяжба съ сосѣднимъ помѣщикомъ изъ-за чинша, которую лозищане сначала проиграли, а потомъ вышло какъ-то такъ, что наслѣдникъ помѣщика уступилъ... Говорили, что послѣ этого Лозинскіе стали „еще гордѣе“, хотя не стали довольнѣе.

И нигдѣ такъ радушно не встрѣчали заѣзжихъ людей, которые могли поразсказать кое-что о широкомъ бѣломъ свѣтѣ.

II.

Такъ же вотъ жилось въ родныхъ Лозищахъ и нѣкоему Осипу Лозинскому, т. е. жилось, правду сказать, неважно. Земли было мало, аренда тяжелая, хозяйство бѣднѣло. Былъ онъ уже женатъ, но дѣтей у него еще не было, и не разъ онъ думалъ о томъ, что, когда будутъ дѣти, то имъ придется такъ же плохо, а то и похуже. „Пока человѣкъ еще молодъ,— говаривалъ онъ, — а за спиной еще не пищитъ дѣтвора, тутъ-то и поискать человѣку, гдѣ это затерялась его доля“.

Не первый онъ былъ и не послѣдній изъ тѣхъ, кто, попрощавшись съ родными и сосѣдями, взяли, какъ говорится, ноги за-поясъ и пошли искать долю, работать, биться съ лихой нуждой и ѣсть горькій хлѣбъ изъ чужихъ печей на чужбинѣ. Не мало уходило такихъ неспокойныхъ людей и изъ Лозищей, уходили и въ одиночку, и парами, а разъ даже цѣлымъ гуртомъ пошли за хитрымъ агентомъ-нѣмцемъ, пробравшись ночью черезъ границу. Только все это дѣло кончалось или ничѣмъ, или еще хуже. Кто возвращался ободранный и голодный, кого нѣмцы гнали на веревкѣ до границы, а кто пропадалъ безъ вѣсти, затерявшись гдѣ-то въ огромномъ Божьемъ свѣтѣ, какъ маленькая булавка въ омётѣ соломы.

Лозинскій Осипъ былъ, кажется, еще первый, который не пропалъ и отыскался. Человѣкъ, видно, былъ съ головой, не изъ тѣхъ, что пропадаютъ, а изъ тѣхъ, что еще другихъ выводятъ на дорогу. Какъ бы то ни было,—черезъ годъ или два, а можетъ и больше, пришло въ Лозищи письмо, съ большою рыжею маркой, какой до того времени еще и не виды-

вали въ той сторонѣ. Не мало дивились письму, читали его и перечитывали въ волости и писарь, и учитель, и священникъ, и много людей позначительнѣе, кому было любопытно, а наконецъ, всетаки вызвали Лозинскую и отдали ей письмо въ разорванномъ конвертѣ, на которомъ совершенно ясно было написано ея имя: Катеринѣ Лозинской, женѣ Лозинскаго Іосифа Оглобли, въ Лозищахъ.

Письмо было отъ ея мужа, изъ Америки, изъ губерніи Миннесота, а какого уѣзда и села, теперь сказать очень трудно, потому что... Впрочемъ, это будетъ видно дальше.

Въ письмѣ было написано, что Лозинскій, слава Богу, живъ и здоровъ, работаетъ на „фармѣ“ и, если Богъ поможетъ ему такъ же, какъ помогалъ до сихъ поръ, то надѣется скоро и самъ стать хозяиномъ. А впрочемъ, и работникомъ тамъ ему лучше, чѣмъ иному хозяину въ Лозищахъ. Свобода въ этой сторонѣ большая. Земли довольно, коровы даютъ молока по ведру на удой, а лошади—чистые быки. Человѣка съ головой и руками уважаютъ и цѣнятъ, и вотъ даже его, Лозинскаго Осипа, спрашивали недавно, кого онъ желаетъ выбрать въ главные президенты надъ всею страной. И онъ, Лозинскій, подавалъ свой голосъ не хуже людей, и хоть, правду сказать, сдѣлалось не такъ, какъ они хотѣли съ своимъ хозяиномъ, а все таки ему понравилось и то, что человѣка, какъ бы то ни было, спросили. Однимъ словомъ, свобода и все остальное очень хорошо. Только Лозинскому очень скучно безъ жены, и потому онъ старался работать какъ только можно, и первыя деньги отдалъ за *тикетъ*, который и посылаетъ ей въ этомъ письмѣ. А что такое *тикетъ*, такъ это вотъ эта самая синяя бумажка, которую надо беречь, какъ зѣницу ока. На ней нарисованъ паровозъ съ вагонами и пароходъ. Это значитъ, что по этому билету Лозинскую повезутъ теперь даромъ и по землѣ, и по водѣ,— стоитъ ей только доѣхать до нѣмецкаго города Гамбурга. А на другіе расходы пусть продастъ избу, корову и имущество.

Пока Лозинская читала письмо, люди глядѣли на нее и говорили между собой, что вотъ и въ какой пустой бумажкѣ какая можетъ быть великая сила, что человѣка повезутъ на край свѣта и нигдѣ уже не спросятъ плату. Ну, разумѣется, всѣ понимали при этомъ, что такая бумажка должна была стоить Осипу Лозинскому не мало денегъ. А это, конечно, значитъ, что Лозинскій ушелъ въ свѣтъ не напрасно, и что въ свѣтѣ можно-таки разыскать свою долю...

И всякій подумалъ про себя: а хорошо бы и мнѣ... Писарь

(тоже лозищанинъ родомъ), и тотъ не сразу отдалъ Лозинской письмо и билетъ, а держалъ у себя цѣлую недѣлю и думалъ: баба глупая, а съ такой бумагой и кто-нибудь поумнѣе могъ бы побывать въ Америкѣ и поискать тамъ своего счастья... Но на билетѣ было совершенно ясно, хоть и не по нашему, написано: mississ Katharina Ioseph Losinsky-Oglobla. Іосифъ Лозинскій и Оглобля,—это бы, конечно, еще ничего, но Катерина это уже было ясно, что женщина, да и mississ тоже, пожалуй, обозначаетъ бабу. Однимъ словомъ, хотя и въ послѣднюю минуту писарь все еще какъ-то вздыхалъ и непріятно косился, вынимая изъ стола билетъ, который у него былъ припрятанъ особо, но все таки отдалъ. Лозинская взяла его, сѣла на лавку и горько заплакала.

Разумѣется, она была рада письму, да вѣдь и отъ радости тоже плачутъ. При томъ всетаки приходилось покинуть и родную деревню, и родныхъ, и сосѣдей. Затѣмъ, нужно сказать, что Лозинская была баба молодая и, какъ говорится, гладкая. Безъ мужа мало ли бѣды, — не видѣла проходу хотя бы и отъ этого самаго писаря, а на духу приходилось признаваться, что и „врагъ“ не оставлялъ ее въ покоѣ. Нѣтъ-нѣтъ, да и зашепчетъ кто-то на ухо, что Осипъ Лозинскій далеко, что еще никто изъ такихъ далекихъ странъ въ Лозищи не возвращался, что, можетъ, вороны растаскали уже и мужнины косточки въ далекой пустынѣ, а она тутъ тратитъ напрасно молодыя лѣта—ни дѣвкой, ни вдовой, ни мужниной женой. Правда, что Лозинская была женщина разумная, и соблазнить ее было не легко, но что у нея было тяжело на душѣ, это оказалось при полученіи письма: сразу подкатили подъ сердце и настоящая радость, и прежнее горе, и всѣ грѣшныя молодыя мысли, и всѣ безсонныя ночи, съ горячими думами. Однимъ словомъ, упала Лозинская въ обморокъ, и пришлось тутъ ея родному брату Матвѣю Лозинскому, по прозванію Дышло, нести ее на рукахъ въ ея хату.

И пошелъ по деревнѣ говоръ. Осипъ Лозинскій разбогатѣлъ въ Америкѣ и сталъ такимъ важнымъ человѣкомъ, что съ нимъ уже совѣтуются, кого назначить въ президенты... Стали молодые люди почасту гостить въ корчмѣ, пьютъ пиво и медъ, курятъ трубки, засиживаются за полночь, шумятъ, спорятъ и хвастаютъ. Кто бы послушалъ эти толки, то подумалъ бы, что не останется въ Лозищахъ ни одного молодого человѣка къ филипповкамъ... Если уже Осипа спрашивали, кого онъ хочетъ въ президенты, то что тамъ надѣлаютъ другіе, получше Осипа!.. Потому что тамъ—свобода!

Свобода! Это слово частенько таки повторялось въ шинкѣ еврея Шлемы, спокойно слушавшаго за своей стойкой. Правду сказать, не всякій изъ лозищанъ понималъ хорошенько, что оно значитъ. Но оно какъ-то хорошо обращалось на языкѣ, и звучало въ немъ что-то такое, отъ чего человѣкъ будто прибавлялся въ ростѣ и что-то будто вспоминалось неясное, но пріятное... Что-то такое, о чемъ какъ будто бы знали когда-то въ той сторонѣ старые люди, а дѣти иной разъ прикидываются, что и они тоже знаютъ...

Ну, да вѣдь мало ли кто о чемъ говоритъ! Поговорили, пошумѣли и бросили. И, можетъ, уже забыли и тянутъ лямку, какъ волъ въ бороздѣ, а можетъ, говорятъ и до сихъ поръ, все на томъ же мѣстѣ. А все таки отыскались тутъ два человѣка изъ такихъ, что не любятъ много говорить, пока не сдѣлаютъ... Подумали, потолковали на сторонѣ другъ съ другомъ и принялись продавать хаты и землю. Продавать-то было, пожалуй, немного, и, когда все это дѣло покончили, тогда и объявили: ѣдемъ и мы съ Осиповой Лозихою, чтобы ей одной не пропасть въ дорогѣ.

Одинъ приходился ей близкимъ человѣкомъ: это былъ ея братъ, Матвѣй Дышло, родной правнукъ Лозинскаго-Шуляка, бывшаго гайдамака,—человѣкъ огромнаго роста, въ плечахъ сажень, руки, какъ грабли, голова бѣлокурая, курчавая, величиною съ добрый котелъ,—настоящій медвѣдь изъ пущи. Говорили, что онъ наружностью походилъ на дѣда. Только глаза и сердце,—какъ у ребенка. Женатъ онъ еще не былъ, изба у него была плохая, а земли столько, что если лечь такому огромному человѣку поперекъ полосы, то ноги уже окажутся на чужой землѣ. Говорилъ мало, смѣялся рѣдко. У него была старая дѣдовская библія, которую онъ любилъ читать, и часто думалъ что-то про себя стыдливо и печально. Никогда его въ Лозищахъ умнымъ не считали, и парни нерѣдко издѣвались надъ нимъ, можетъ быть, потому, что онъ, не смотря на свою необычайную силу, драться не любилъ.

Былъ у него задушевный пріятель, Иванъ Лозинскій Дыма, человѣкъ уже совсѣмъ другого рода: небольшого роста, несильный, но веселый, разговорчивый и острый. Дыма былъ сухощавъ, говорливъ, подвиженъ, волосы у него торчали щетиной, глаза бѣгали и блестѣли, языкъ имѣлъ быстрый, находчивый, усы носилъ длинные, по-казачьи,—книзу. Никто его дуракомъ не считалъ, и онъ никому не давалъ спуску. Но если кого задѣнетъ своимъ колючимъ словомъ, то уже, бывало, все старается держаться поближе къ Матвѣю, потому что на руку былъ не силенъ и въ дракѣ ни съ кѣмъ устоять не могъ.

Когда узнали въ Лозищахъ, что и эти двое собрались въ Америку, то какъ-то всѣмъ это стало непріятно.

— Да гдѣ же тебѣ, Матвѣй,—говорили пріятели,—въ такую даль забираться? Ты глупъ, а Иванъ слабъ. Да васъ тамъ въ Америкѣ гуси затопчутъ.

Но Матвѣй отвѣчалъ:

— Будетъ, что Богъ дастъ. А я отъ сестры да отъ Дымы не отстану.

Такъ и поѣхали втроемъ въ дальнюю дорогу... Не стоитъ описывать, какъ они переѣхали черезъ границу и проѣхали черезъ нѣмецкую землю; все это не такъ ужъ трудно. Къ тому же въ Пруссіи не мало встрѣчалось и своихъ людей, которые могли указать, какъ и что надо дѣлать дорогой. Довольно будетъ сказать, что пріѣхали они въ Гамбургъ и, взявши свои пожитки, отправились, не долго думая, къ рѣкѣ, на пристань, чтобы тамъ узнать, когда слѣдуетъ ѣхать дальше.

А Гамбургъ нѣмецкій городъ, стоитъ на большой рѣкѣ, не очень далеко отъ моря, и оттуда ходятъ корабли во всѣ стороны. Вотъ видятъ наши лозищане въ одномъ мѣстѣ, на берегу, народу видимо-невидимо, бѣгутъ со всѣхъ сторонъ, торопятся и толкаются такъ, какъ будто человѣкъ—какое-нибудь бревно на проѣзжей дорогѣ. А съ берега, отъ пристани два пароходика все возятъ народъ на корабль, потому что корабли, которые ходятъ по океану, стоятъ на серединѣ подалъ, на самомъ глубокомъ мѣстѣ. Видятъ лозищане, что одинъ корабль дымится, а къ нему то и дѣло пристаютъ пароходы. Выкинутъ въ него народъ, сундуки, узлы и чемоданы—и тотчасъ же опять къ пристани, и опять нагружаются, и везутъ снова.

Вотъ Иванъ Дыма, разсмотрѣвши все хорошенько, догадался первый.

— А знаете,—говоритъ,—что я вамъ скажу: это, должно быть, корабль въ Америку, потому что очень великъ. Вотъ мы и попали какъ разъ. Давай, Матвѣй, пробираться впередъ.

Поставили они женщину съ билетомъ впереди и пошли проталкивать ее между народомъ. Дошли до самаго края пристани, а тамъ ужъ, видно, послѣднюю партію принимаютъ. Боже мой, что только творилось на этой пристани: и плачутъ, и кричатъ, и смѣются, и обнимаются, и ругаются, и машутъ платками. И рѣдкое лицо не взволновано, и на рѣдкихъ глазахъ не сверкаютъ прощальныя слезы... И все кругомъ,—чужой языкъ звучитъ, незнакомая рѣчь хлещетъ въ уши, непонятная и дикая, какъ волна, что брызжетъ пѣной подъ ногами. Закружились у нашихъ лозищанъ головы, забились

сердца, глаза такъ и впились впередъ, чтобы какъ-нибудь не отстать отъ другихъ, чтобы какъ-нибудь ихъ не оставили въ этой старой Европѣ, гдѣ они родились и прожили полжизни...

Матвѣю Лозинскому не трудно было пробить всѣмъ дорогу, и черезъ двѣ минуты Лозинская стояла уже со своимъ сундукомъ у самаго мостика и въ рукахъ держала билетъ. А пароходикъ уже свистнулъ два раза жалобно и тонко, и черный дымъ пыхнулъ изъ его трубы въ сырой воздухъ,—видно, что сейчасъ уходить хочетъ, а пока лозищане оглядывались,—раздался и третій свистокъ, и что-то заклокотало подъ ногами такъ сильно, что наши даже вздрогнули и невольно подались назадъ. А въ это время какой-то огромный нѣмецъ, съ выпученными глазами и весь въ поту, суетившійся всѣхъ больше на пристани, увидѣлъ Лозинскую, выхватилъ у нея билетъ, посмотрѣлъ, сунулъ ей въ руку, и не успѣли лозищане оглянуться, какъ уже и женщина, и ея небольшой узелъ очутились на пароходикѣ. А въ это время два другихъ матроса сразу двинули мостки, сшибли съ ногъ Дыму, отодвинули Матвѣя и выволокли мостки на пристань. Кинулись наши лозищане къ высокому нѣмцу.

— А побойся ты Бога, человѣче!—закричалъ ему Дыма.—Да это же наша родная сестра, мы хотимъ ѣхать вмѣстѣ.

Дыма, конечно, схитрилъ, называя себя роднымъ братомъ Лозинской, да какая ужъ тамъ къ чорту хитрость, когда нѣмецъ ни слова не понимаетъ. А тутъ пароходикъ отваливаетъ, а съ парохода Катерина такъ разливается, что даже изо всѣхъ нѣмецкихъ голосовъ ея голосъ слышенъ. Завернули лозищане полы, вытащили, что было денегъ, положили на руки, и пошелъ Матвѣй опять локтями работать. Стали опять впереди, откуда еще можно было вскочить на пароходъ, и показываютъ нѣмцу деньги, чтобы онъ не думалъ, что они намѣрены втроемъ ѣхать по одному бабьему билету. Дыма такъ даже отобралъ небольшую монетку и тихонько сунулъ ее въ руку нѣмцу. Сунулъ и самъ же зажалъ ему руку, чтобы монета не вывалилась, и показываетъ ему на пароходикъ и на женщину, которая въ это время уже начала терять голосъ отъ испуга и плача...

Ничего не вышло! Нѣмецъ, положимъ, монету не бросилъ и даже сказалъ что-то довольно привѣтливо, но, когда наши друзья отступили на шагъ, чтобы получше разбѣжаться и вскочить на пароходикъ, нѣмецъ мигнулъ двумъ матросамъ, а тѣ, видно, были люди привычные: сразу такъ принялись за обоихъ лозищанъ, что нечего было думать о скачкѣ.

— Матвѣй, Матвѣй,—закричалъ было Дыма,—а ну-ка, попробуй съ ними по своему. Какъ разъ теперь это и нужно!— Но въ это время оба отлетѣли, и Дыма упалъ, задравши ноги кверху.

Когда онъ поднялся,—пароходикъ уже скользилъ, поворачиваясь, вдоль пристани. Показались кожухи, заворочались колеса, обдавая пристань мутными брызгами, хвостъ дыма задѣлъ по лицамъ густо-столпившуюся публику, потомъ мелькнуло заплаканное лицо испуганной Лозинской, и еще черезъ минуту—между пристанью и пароходомъ залегла бурливая и мутная полоса воды въ двѣ-три сажени. Колеса ударили дружнѣе, и полоса растянулась въ десять-двадцать сажень,—а пароходикъ сталъ уменьшаться, убѣгая среди мглистаго воздуха, подъ мутнымъ небомъ, по мутной рѣкѣ...

Лозищане глядѣли, разинувши рты, какъ онъ пристадъ къ одному кораблю, какъ что-то протянулось съ него на корабль, точно тонкая жердочка, по которой, какъ муравьи, поползли люди и вещи. А тамъ и самый корабль дохнулъ чернымъ дымомъ, загудѣлъ глубокимъ и гулкимъ голосомъ, какъ огромный бугай въ стадѣ коровъ,—и тихо двинулся по рѣкѣ, между мелкими судами, стоявшими по сторонамъ или быстро уступавшими дорогу.

Лозищане чуть не заплакали, провожая глазами эту громаду, увезшую у нихъ изъ-подъ носа бѣдную женщину въ далекую Америку.

Народъ сталъ расходиться, а высокій нѣмецъ снялъ свою круглую шляпу, вытеръ платкомъ потное лицо, подошелъ къ лозищанамъ и ухмыльнулся, протягивая Матвѣю Дышлу свою лапу. Человѣкъ, очевидно, былъ не изъ злопамятныхъ; какъ не стало на пристани толкотни и давки, онъ оставилъ свои манеры и, видно, захотѣлъ поблагодарить лозищанъ за подарокъ.

— Вотъ видишь,—говоритъ ему Дыма.—Теперь вотъ кланяешься, какъ добрый, а самъ подумай, что ты съ нами надѣлалъ; родная сестра уѣхала одна. Поди ты къ чорту!—Онъ плюнулъ и сердито отвернулся отъ нѣмца.

А въ это время корабль уже выбрался далеко, подымилъ еще, все меньше, все дальше, а тамъ не то, что Лозинскую, и его уже трудно стало различать межъ другими судами, да еще въ туманѣ. Защекотало что-то у обоихъ въ горлѣ.

— Собака ты, собака!—говоритъ нѣмцу Матвѣй Дышло.

— Да! говори ты ему, когда онъ не понимаетъ,—съ досадой перебилъ Дыма.—Вотъ если бы ты его въ свое время двинулъ въ ухо, какъ я тебѣ говорилъ, то, можетъ, такъ или

иначе, мы бы теперь были на пароходѣ. А ужъ оттуда все равно въ воду бы не бросили! Тѣмъ болѣе у насъ сестра съ билетомъ!

— Кто знаетъ,—отвѣтилъ Матвѣй, почесывая въ затылкѣ.— Правду тебѣ сказать,—хоть оно двинуть человѣка въ ухо и недолго, а только не видалъ я въ своей жизни, чтобы отъ этого выходило что-нибудь хорошее. Что-нибудь и мы тутъ не такъ сдѣлали, вѣрь моему слову. Твое было дѣло—догадаться, потому что ты считаешься умнымъ человѣкомъ.

Какъ это бываетъ часто, пріятели старались свалить вину другъ на друга. Дыма говоритъ: надо было помочь кулакомъ, Матвѣй винитъ голову Дымы. А нѣмецъ стоитъ и дружелюбно киваетъ обоимъ...

Потомъ нѣмецъ вынулъ монету, которую ему Дыма сунулъ въ руку, и показываетъ лозищанамъ. Видно, что у этого человѣка все таки была совѣсть; не захотѣлъ напрасно денегъ взять, щелкнулъ себя пальцемъ по галстуку и говоритъ: „Шнапсъ“, а самъ рукой на кабачекъ показалъ. „Шнапсъ“, это на всѣхъ языкахъ понятно, что значитъ. Дыма посмотрѣлъ на Матвѣя, Матвѣй посмотрѣлъ на Дыму и говоритъ:

— А что-жъ теперь дѣлать. Конечно, надо идти. Пѣшкомъ по водѣ не побѣжишь, а отъ этого нѣмецкаго чорта всетаки, можетъ, хоть что-нибудь доберемся...

Пошли. А въ кабакѣ стоитъ старый человѣкъ, съ сѣдыми, какъ щетина, волосами, да и лицо тоже все въ щетинѣ. Видно сразу: какъ ни брѣется, а борода все таки изъ-подъ кожи лѣзетъ, какъ отава послѣ хорошаго дождя. Какъ увидѣли наши пріятели такого шероховатаго человѣка посреди гладкихъ и аккуратныхъ нѣмцевъ, и показалось имъ въ немъ что-то знакомое. Дыма говоритъ тихонько:—Это, должно быть, минскій или могилевскій, а то изъ Пущи.

Такъ и вышло. Поговоривши съ нѣмцемъ, кабатчикъ принесъ четыре кружки съ пивомъ (четвертую для себя) и сталъ разговаривать. Обругалъ лозищанъ дураками и объяснилъ, что они сами виноваты.—„Надо было зайти за уголъ, гдѣ надъ дверью написано: „Billetenkasse“. Billeten,—это и дураку понятно, что значитъ билетъ, а Kasse такъ касса и есть. А вы лѣзете, какъ стадо въ городьбу, не умѣя отворить калитки“.

Матвѣй опустилъ голову и подумалъ про себя: „правду говоритъ: безъ языка человѣкъ, какъ слѣпой или малый ребенокъ“. А Дыма, хоть, можетъ быть, думалъ то же самое, но, такъ какъ былъ человѣкъ съ амбиціей, то стукнулъ кружкой по столу и говоритъ:

— Долго ли ты будешь ругаться, старый! Лучше принеси еще по кружкѣ и скажи, какъ намъ теперь быть.

Всѣмъ это понравилось,—увидѣли, что человѣкъ съ самолюбіемъ и находчивый. Нѣмецъ потрепалъ Дыму по плечу, а хозяинъ принесъ опять четыре кружки на подносѣ.

— Ну, какъ же намъ ее догонять? — спрашиваетъ Дыма.

— Бѣги за ней, можетъ, догонишь, — отвѣтилъ кабатчикъ.— Ты думаешь, на морѣ, какъ въ полѣ, на телѣгѣ. Теперь,— говоритъ,—вамъ надо ждать еще недѣлю, когда пойдетъ другой эмигрантскій корабль, а если хотите, то заплатите подороже: скоро идетъ большой пароходъ, и въ третьемъ классѣ отправляется не мало народу изъ Швеціи и Даніи наниматься въ Америкѣ въ прислуги. Потому что, говорятъ, американцы народъ свободный и гордый, и прислуги изъ нихъ найти трудно. Молодыя датчанки и шведки въ годъ-два зарабатываютъ тамъ хорошее приданое.

— Пожалуй, дорого, — сказалъ Дыма, но Матвѣй возразилъ: — Побойся ты Бога! Вѣдь женщину нельзя заставлять ждать цѣлую недѣлю. Вѣдь она тамъ изойдетъ слезами. Матвѣю представлялось, что въ Америкѣ, на пристани, вотъ такъ же, какъ въ селѣ у перевоза, сестра будетъ сидѣть на берегу съ узелочкомъ, смотрѣть на море и плакать...

Переночевали у земляка, на утро онъ сдалъ лозищанъ молодому шведу, тотъ свелъ ихъ на пристань, купилъ билеты посадилъ на пароходъ, и въ полдень поплыли наши Лозинскіе—Дыма и Дышло—догонять Лозинскую Оглоблю...

III.

Проходитъ день, проходитъ другой. Солнце садится въ море съ одной стороны, на утро подымается изъ моря съ другой. Плещетъ волна, ходятъ туманныя облака, летаютъ за кораблемъ чайки, садятся на мачты, потомъ какъ будто отрываются отъ нихъ вѣтромъ и, колыхаясь съ боку на бокъ, какъ клочки бѣлой бумаги, отстаютъ, отстаютъ и исчезаютъ назади, улетая обратно, къ европейской землѣ, которую наши лозищане покинули навѣки. Матвѣй Лозинскій провожаетъ ихъ глазами и вздыхаетъ. Вотъ, думаетъ онъ: и чайка боится летѣть дальше, а мы полетѣли. И рисуется передъ нимъ сосновый лѣсъ, подъ лѣсомъ рѣчка съ блѣдною лозой, надъ рѣчкой — бѣдныя соломенныя хаты. И кажется, — вернулся бы назадъ къ прежней бѣдѣ, родной и знакомой.

А море глухо бьетъ въ борты коробля, и волны, какъ горы, подымаются и падаютъ съ рокотомъ, съ плескомъ, съ глухимъ стономъ, какъ будто кто грозитъ и жалуется вмѣстѣ.

Корабль клонитъ-клонитъ, вотъ, кажется, совсѣмъ перевернется, а тамъ опять начнетъ подниматься съ кряхтѣньемъ и скрипомъ. Гнутся и скрипятъ мачты, сухо свиститъ вѣтеръ въ снастяхъ, а корабль все идетъ и идетъ; надъ кораблемъ свѣтитъ солнце, надъ кораблемъ стоитъ темная ночь, надъ кораблемъ задумчиво висятъ тучи или гроза бушуетъ и реветъ на океанѣ, и молніи падаютъ въ колыхающуюся воду. А корабль все идетъ и идетъ...

Матвѣй Дышло говорилъ всегда мало, но часто думалъ про себя такое, что никакъ не могъ бы разсказать словами. И никогда еще въ его головѣ не было столько мыслей, смутныхъ и неясныхъ, какъ эти облака и эти волны, — и такихъ же глубокихъ и непонятныхъ, какъ это море. Мысли эти рождались и падали въ его головѣ, и онъ не могъ бы, да и не старался ихъ вспомнить, но чувствовалъ ясно, что отъ этихъ мыслей что-то колышется и волнуется въ самой глубинѣ его души, и онъ не могъ бы сказать, что это такое...

Къ вечеру океанъ подергивался темнотой, небо угасало, а верхушки волны загорались какимъ-то особеннымъ свѣтомъ... Матвѣй Дышло замѣтилъ прежде всего, что волна, отбѣгавшая отъ остраго корабельнаго носа, что-то слишкомъ бѣла въ темнотѣ, павшей давно на небо и на море. Онъ нагнулся книзу, поглядѣлъ въ глубину и замеръ...

Вода около корабля свѣтилась, въ водѣ тихо ходили блѣдные огни, вспыхивая, угасая, выплывая на поверхность, уходя опять въ таинственную и страшную глубь... И казалось Матвѣю, что все это живое: и ходъ корабля, и жалобный гулъ, и грохотъ волны, и движеніе океана, и таинственное молчаніе неба. Онъ глядѣлъ въ глубину, и ему казалось, что на него тоже кто-то глядитъ оттуда. Кто-то неизвѣстный, кто-то удивленный, кто-то испуганный и недовольный... Отъ вѣка вѣковъ море идетъ своимъ ходомъ, отъ вѣка встаютъ и падаютъ волны, отъ вѣка поетъ море свою собственную пѣсню, непонятную человѣческому уху, и отъ вѣка въ глубинѣ идетъ своя собственная жизнь, которой мы не знаемъ. И вотъ, теперь въ эту вѣковѣчную гармонію, въ это живое движеніе вмѣшался дерзкій и правильный ходъ корабля... И пѣсня моря дрогнула и измѣнилась, и волны разрѣзаны и сбиты, и кто-то въ глубинѣ со страхомъ прислушивается къ этому ходу непонятнаго чудовища изъ другого непонятнаго міра. Конечно, Лозинскій не могъ бы разсказать все это такими словами, но онъ чувствовалъ испугъ передъ тайной морской глубины. И казалось Лозинскому, что вотъ онъ

смотритъ со страхомъ сверху, а на него съ такимъ же ужасомъ кто-то смотритъ снизу. Смотритъ и сердится, и посылаетъ своихъ посланцевъ съ огнями, которые выплываютъ наверхъ и ходятъ взадъ и впередъ, и узнаютъ что-то, и о чемъ-то тихо совѣтуются другъ съ другомъ, и всетаки печально уходятъ въ безвѣстную пучину,—ничего не понимая... А корабль все бѣжитъ неудержимымъ бѣгомъ къ своей собственной цѣли...

И много въ эти часы думалъ Матвѣй Лозинскій, — жаль только, что всѣ эти мысли подымались и падали, какъ волны, не оставляя замѣтнаго слѣда, не застывая въ готовомъ словѣ, вспыхивали и гасли, какъ морскіе огни въ глубинѣ... А впрочемъ, онъ говорилъ послѣ и самъ, что никогда не забудетъ моря.—„Человѣкъ много думаетъ на морѣ разнаго,—сказалъ онъ мнѣ, — разное думаетъ о себѣ и о Богѣ, о землѣ и о небѣ... Разное думается человѣку на океанѣ — о жизни, мой господинъ, и о смерти“... И по глазамъ его было видно, что какой-то огонекъ хочетъ выбиться на поверхность изъ безвѣстной глубины этой простой и темной души... Значитъ, что-то всетаки осталось въ этой душѣ отъ моря.

Да, навѣрное, оставалось... Душа у него колыхалась, какъ море, и въ сердцѣ ходили чувства, какъ волны. И порой слеза подступала къ глазамъ, и порой — смѣшно сказать — ему, здоровенному и тяжелому человѣку, хотѣлось кинуться и летѣть, летѣть, какъ эти чайки, что опять стали уже появляться отъ американской стороны... Летѣть куда-то вдаль, гдѣ угасаетъ заря, гдѣ живутъ добрые и счастливые люди...

Послѣ Лозинскій самъ признавался мнѣ, что у него въ то время были такія мысли, которыя никогда не заходили въ голову ни въ Лозищахъ, когда онъ шелъ за сохой, ни на ярмаркѣ въ мѣстечкѣ, ни даже въ церкви. Тамъ все были обыкновенныя мысли, какія и должны быть въ своемъ мѣстѣ и въ свое время. А въ океанѣ мысли были все особенныя и необычныя. Онѣ подымались откуда-то, какъ эти морскіе огни, и онъ старался присмотрѣться къ нимъ поближе, какъ къ этимъ огнямъ... Но это не удавалось. Пока онъ не слѣдилъ за ними, онѣ плыли одна за другой, вспыхивали и гасли, лаская душу и сердце. А какъ только онъ начиналъ ихъ ловить и хотѣлъ ихъ разсказать себѣ словами,—онѣ убѣгали, а голова начинала болѣть и кружиться.

Разумѣется, все оттого, что было много досуга, а передъ глазами ходилъ океанъ и колыхался, и гремѣлъ, и сверкалъ, и угасалъ, и свѣтился, и уходилъ куда-то въ безконечность...

На третій день пути, выйдя на палубу, онъ увидѣлъ впе-

реди корабль. Сначала ему показалось, что это маленькій игрушечный корабликъ запутался между снастями того парохода, на которомъ они сами плыли. Но это оттого, что прозрачный и ясный воздухъ приближалъ все, а кругомъ, кромѣ воды, ничего не было. Парусный корабль качался и росъ, и когда поровнялся съ ними, то Лозинскій увидѣлъ на немъ веселыхъ людей, которые смѣялись и кланялись, и плыли себѣ дальше, какъ будто имъ не о чемъ думать и заботиться, и жизнь ихъ будто всегда идетъ такъ же весело, какъ ихъ корабль при попутномъ вѣтрѣ... А въ другой разъ въ сильную качку, когда на носу ихъ парохода стояла цѣлая туча брызговъ, онъ опять смотрѣлъ, какъ такой же корабликъ, весь наклонившись на бокъ, летѣлъ, какъ птица. Волны вставали и падали, какъ горы, и порой съ замираніемъ сердца Лозинскій и другіе пассажиры смотрѣли и не видѣли больше смѣлаго суденышка. Но оно опять взлетало на вершину, и опять его парусъ касался пѣны, будто крыло чайки,—и онъ колыхался и шелъ, шелъ и колыхался... А Лозинскій думалъ про себя, что это, должно быть, уже американцы. Смѣлые, видно, люди! И вотъ, онъ ѣдетъ къ нимъ, простой и робкій лозищанинъ... Какъ-то они его встрѣтятъ, и зачѣмъ онъ имъ нуженъ?.. И какой-то онъ будетъ самъ черезъ десятокъ лѣтъ?.,

И ему казалось, что и теперь онъ уже другой, не тотъ, что ходилъ за сохой въ Лозищахъ или въ праздникъ глазѣлъ на базаръ въ сосѣднемъ городѣ. Уже одно то, что онъ видѣлъ это колыхающееся безъ конца море, эти корабли, этихъ странныхъ, чужихъ людей... То, что его глазъ смотрѣлъ въ тайну морской глубины, и что онъ чувствовалъ ее въ душѣ и думалъ о ней и объ этихъ чужихъ людяхъ, и о себѣ, когда онъ пріѣдетъ къ нимъ...—все это дѣлало его какъ будто другимъ человѣкомъ. И онъ вглядывался впередъ, въ яркую синеву неба или въ пелену морскихъ тумановъ, какъ будто искалъ тамъ свое мѣсто и свое будущее...

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда невѣдомыя до тѣхъ поръ мысли и чувства всплывали изъ глубины его темной души, какъ искорки изъ глубины темнаго моря,—онъ разыскалъ на палубѣ Дыму и спросилъ:

— Послушай, Дыма. Какъ ты думаешь, всетаки: что это у нихъ тамъ за свобода?

Но Дыма отвѣтилъ сердито:

— Убирайся ты... Поищи себѣ трясцу (лихорадку) или паралича, чтобы тебя разбило вдребезги яснымъ громомъ.

Это оттого, что бѣдному Дымѣ въ эту минуту былъ не милъ бѣлый свѣтъ. Потому что, когда корабль раскачивало направо

и налѣво, то отъ кормы къ носу, то опять отъ носа къ кормѣ,—тогда небо, казалось, вотъ-вотъ опрокинется на море, а потомъ опять море все разомъ лѣзло высоко къ небу. Отъ этого у бѣднаго Дымы страшно кружилась голова, что-то тосковало подъ ложечкой, и онъ все подходилъ къ борту корабля и висѣлъ книзу головой, точно тряпка, повѣшенная на плетнѣ для просушки. Бѣднаго Дыму сильно тошнило, и онъ кричалъ, что это проклятое море вывернетъ его наизнанку, и заклиналъ Христомъ Богомъ, чтобы корабль присталъ къ какому-нибудь острову и чтобъ его, Дыму, высадили хоть къ дикарямъ, если не хотятъ загубить христіанскую душу. Сначала Матвѣй очень дивился тому, что у Дымы оказался такой непостоянный характеръ, и даже пробовалъ всячески стыдить его. Но потомъ увидѣлъ, что это не съ однимъ Дымой; многіе почтенные люди и даже шведскія и датскія барышни, которыя плыли въ Америку наниматься въ горничныя и кухарки, такъ же висѣли на бортахъ, и съ ними было все то же, что и съ Дымой. Тогда Матвѣй понялъ, что это на океанѣ дѣло обыкновенное. Самому ему становилось иногда непріятно и только; Дыма—человѣкъ нервный—проклиналъ и себя, и Осипа, и Катерину, и корабль, и того, кто его выдумалъ, и всѣхъ американцевъ, даже еще не рожденныхъ на свѣтъ... Порой, кажется, онъ готовъ былъ даже кощунствовать, но все-таки сдерживался... Потому что на морѣ оно какъ-то не такъ легко, какъ иной разъ на землѣ...

А все-таки мысль о свободѣ сидѣла въ головѣ у Матвѣя. И еще на берегу, въ Европѣ, когда они разговорились съ могилевцемъ-кабатчикомъ, тогда самъ Дыма спросилъ у него первый:

— А что, скажите на милость... Какая тамъ у нихъ, люди говорятъ, свобода?

— А! рвутъ другъ другу горла,—вотъ и свобода...—сердито отвѣтилъ тотъ.—А впрочемъ,—добавилъ онъ, допивая изъ кружки свое пиво,—и у насъ это дѣлаютъ, какъ не надо лучше. Поэтому я, признаться, не могу понять, зачѣмъ это инымъ простакамъ хочется, чтобы ихъ ободрали непремѣнно въ Америкѣ, а не дома...

— Это вы, кажется, кинули камень въ нашъ огородъ,—сказалъ тогда догадливый Дыма.

— Мнѣ до чужихъ огородовъ нѣтъ дѣла,—отвѣтилъ могилевецъ уклончиво,—я говорю только, что на этомъ свѣтѣ кто перервалъ другъ другу горло, тотъ и правъ... А что будетъ на томъ свѣтѣ, это когда-нибудь увидите и сами... Не думаю, однако, чтобы было много лучше.

Кабатчикъ, видимо, видалъ въ жизни много непріятностей. Отвѣтъ его не понравился лозищанамъ и даже немного ихъ обидѣлъ. Что люди всюду рвутъ другъ друга,—это, конечно можетъ быть, и правда, но свободой,—думали они,—навѣрное, называется что-нибудь другое. Дыма счелъ нужнымъ отвѣтить на обидный намекъ.

— А это, я вамъ скажу, всюду такъ: какъ ты кому, такъ и тебѣ люди: мягкому и на доскѣ мягко, а костистому жестко и на перинѣ. А такого шероховатаго человѣка, какъ вы, я еще, признаться, и не видывалъ...

Такимъ образомъ, разговоръ тогда кончился немного кисло...

Теперь съ лозищанами на кораблѣ плылъ еще чехъ, человѣкъ уже старый и невеселый, но пріятный. Его выписалъ сынъ, который хорошо устроился въ Америкѣ. Старикъ ѣхалъ, но, по его словамъ, лучше было бы, если бы сынъ хорошо устроился на родинѣ. Тогда бы и ѣхать незачѣмъ. Чешская рѣчь всетаки—славянская. Поляку могло показаться, что это онъ говоритъ по-русски, а русскому—что по-польски. Наши же лозищане говорили на волынскомъ нарѣчіи: не по-русски и не по-польски, да не совсѣмъ и по-украински, а всѣхъ трехъ языковъ намѣшано понемногу. Поэтому имъ было легче. Дыма къ тому же,—человѣкъ, битый не въ темя,—разговорился скоро. Гдѣ не хватало языка, онъ помогалъ себѣ и руками, и головой, и ногами. Гдѣ щелкнетъ, гдѣ причмокнетъ, гдѣ хлопнетъ рукой, однимъ словомъ, какъ-то скоро стали они съ чехомъ пріятели. А чехъ говоритъ по-нѣмецки, значитъ, можно было кое-что узнать черезъ него и отъ нѣмцевъ. А уже черезъ нѣмцевъ—и отъ англичанъ...

Вотъ, когда вѣтеръ стихалъ, и погода становилась яснѣе, Дыму и другихъ отпускала болѣзнь, и становилось на пароходѣ веселѣе. Тогда пассажиры третьяго класса выползали на носовую палубу, долговязый венгерецъ начиналъ играть на дудкѣ, молодой нѣмецъ на скрипкѣ, а молодежь брала шведскихъ барышень за талію и кружилась, обходя осторожно канаты и цѣпи. И надъ океаномъ неслись далеко звуки музыки, а волна подпѣвала и шаловливо кидала кверху бѣлую пѣну и брызги, и дельфины скакали, обгоняя корабль. А на душѣ становилось и весело, и грустно.

Въ это время Дыма съ чехомъ усаживались гдѣ-нибудь въ уголкѣ, брали къ себѣ еще англичанина или знающаго нѣмца, и Дыма учился разговаривать. Англичанинъ говорилъ нѣмцу, нѣмецъ чеху, а ужъ чехъ передавалъ Дымѣ. Прежде всего, разумѣется, онъ выучился американскому счету и затвержи-

валъ его, загибая пальцы. Потомъ узналъ, какъ называть хлѣбъ и воду, потомъ плугъ и лошадь, домъ, колодезь, церковь. И все списывалъ на бумажкѣ и твердилъ про себя. Онъ старался обучить и Матвѣя, но тому давалось трудно. Только и выучилъ по-англійски „три“,—потому что у нихъ три называется по-нашему.

А потомъ у стараго чеха Дыма тоже спросилъ, что такое свобода. Это, говоритъ, сдѣлана у нихъ на островѣ такая мѣдная фигура. Стоитъ выше самыхъ высокихъ домовъ и церквей, подняла руку кверху. А въ рукѣ—факелъ, такой огромный, что свѣтитъ далеко въ море. Внутри лѣстница,—и можно войти въ голову, и въ руку, и даже на верхушку факела. Вечеромъ зажигаютъ огонь во лбу и около факела, и тогда выходитъ сіяніе, точно отъ мѣсяца и даже много ярче. И называется эта мѣдная женщина—свобода.

Дыма передалъ этотъ разговоръ Матвѣю, но обоимъ казалось, что это опять не то: одинъ говоритъ: „рвутъ горло“, другой говоритъ: „фигура, которая свѣтится“... А Матвѣю почему-то вспоминался все старый дѣдъ Лозинскій-Шулякъ, который подарилъ ему библію. Старикъ умеръ, когда Матвѣй еще былъ ребенкомъ; но ему вспоминались какіе-то смутные разсказы дѣда о старинѣ, о гойнахъ, о Запорожьи, гдѣ-то въ степяхъ на Днѣпрѣ... И теперь, какъ память о странномъ снѣ, разсказанномъ старымъ дѣдомъ, рисовалась эта старина и какой-то просторъ, и какая-то дикая воля... „А если встрѣтишь, бывало, татарина или хоть кого другого... Ну, тутъ уже кому Богъ поможетъ“—вспоминались слова дѣда... Что же,—думалъ онъ,—тоже, выходитъ, „рвали горло“... Потомъ онъ вспоминалъ, что была надъ народомъ панская „неволя“. Потомъ пришла „воля“... Но свободы все какъ будто не было. У него кружилась голова, мысли туманились, а въ душѣ оставался все-таки нерѣшенный вопросъ.

IV.

На седьмой день палъ на море страшный туманъ. Такой туманъ, что носъ парохода упирался будто въ бѣлую стѣну, и едва было видно, какъ колышется во мглѣ притихшее море. Раза два-три, прямо у самаго парохода, проплыли какія-то водоросли, и Лозинскій подумалъ, что это уже близко Америка. Но Дыма узналъ черезъ своего чеха, что это какъ-разъ середина океана. Только не очень далеко на полдень—мелкое мѣсто. И здѣсь теплая струя ударяется въ мель и идетъ на полночь, а тутъ же встрѣчается и холодная струя съ полночныхъ морей. И отъ того надъ моремъ въ этомъ

мѣстѣ все гнѣздится туманъ. Пароходъ шелъ тихо, и необыкновенно громкій свистокъ ревѣлъ гулко и жалобно, а стѣна тумана отдавала этотъ крикъ, какъ эхо въ густомъ лѣсу. И становилось всѣмъ жутко и страшно.

И въ это время на кораблѣ умеръ человѣкъ. Говорили, что онъ уже сѣлъ больной; на третій день ему сдѣлалось совсѣмъ плохо, и его помѣстили въ отдѣльную каюту. Туда къ нему ходила дочь, молодая дѣвушка, которую Матвѣй видѣлъ нѣсколько разъ съ заплаканными глазами, и каждый разъ въ его широкой груди поворачивалось сердце. А наконецъ, въ то время, когда корабль тихо шелъ въ густомъ туманѣ, среди пассажировъ пронесся слухъ, что этотъ больной человѣкъ умеръ.

И, дѣйствительно, на кораблѣ всѣ почувствовали смерть... Пассажиры притихли, докторъ ходилъ серьезный и угрюмый, капитанъ съ помощникомъ совѣщались, и потомъ, черезъ день, его похоронили въ морѣ. Завернули въ бѣлый саванъ, привязали къ ногамъ тяжесть, какой-то человѣкъ, въ длинномъ черномъ сюртукѣ и широкомъ бѣломъ воротникѣ, какъ казалось Матвѣю, совсѣмъ непохожій на священника,—прочиталъ молитвы, потомъ тѣло положили на доску, доску положили на бортъ и черезъ нѣсколько секундъ, среди захватывающей тишины, раздался плескъ... Вмѣстѣ съ этимъ кто-то громко крикнулъ, молодая дѣвушка рванулась къ морю, и Матвѣй услышалъ ясно родное слово: „Отецъ, отецъ!“ Между тѣмъ, корабль, тихо работавшій винтами, уже отодвинулся отъ этого мѣста, и самыя волны на томъ мѣстѣ смѣшались съ бѣлымъ туманомъ. Отъ человѣка не осталось и слѣда... Туманъ сомкнулся позади плотной стѣной, и туманъ былъ впереди, а пароходный ревунъ стоналъ и будто бы надрывался надъ печальной человѣческой судьбой...

Скоро, однако, другія событія закрыли собой эту смерть... Въ этотъ же день небольшая парусная барка только-только успѣла вывернуться изъ-подъ носа у парохода. Но это еще ничего. Люди на баркѣ махали шляпами и смѣялись на разстояніи какихъ-нибудь пяти саженей. Они были въ клеенчатыхъ курткахъ и странныхъ шляпахъ... Другой разъ чуть не вышло еще хуже. Среди бѣлаго дня, въ молочной мглѣ что-то, видно, почудилось капитану. Пароходъ остановили, потомъ отошли назадъ, какъ будто убѣгали отъ кого-то, кто двигался въ туманѣ. Потомъ стали въ ожиданіи. И вдругъ Лозинскій увидѣлъ вверху, какъ будто во мглѣ, встало облако съ свѣтящимися краями, а въ воздухѣ стало холоднѣе и повѣяло острымъ вѣтромъ. Пароходъ повернулся и

тихо, будто украдкой, сталъ уползать въ глубь тумана налѣво. А направо было не облако, а ледяная гора. Лозинскій не вѣрилъ своимъ глазамъ, чтобы можно было видѣть разомъ такую огромную гору чистаго льда. Но это видѣли всѣ. На пароходѣ все притихло, даже винтъ работалъ осторожнѣе и тише. А гора плыла, тихонько покачиваясь, и вдругъ исчезла совсѣмъ, будто растаяла...

Наши двое лозищанъ и чехъ тотчасъ же сняли шапки и перекрестились. Нѣмцы и англичане не имѣютъ обычая креститься, кромѣ молитвы. Но и они также вѣрятъ въ Бога и также молятся, и, когда пароходъ пошелъ дальше, то молодой господинъ въ черномъ сюртукѣ съ бѣлымъ воротникомъ на шеѣ (ни за что не сказалъ бы, что это священникъ) всталъ посреди людей, на носу, и громкимъ голосомъ сталъ молиться. И люди молились съ нимъ, и пѣли какіе-то канты, и священное пѣніе смѣшивалось съ гуломъ и жалобнымъ крикомъ корабельнаго ревуна, опять посылавшаго впередъ свои предостереженія, а стѣна тумана опять отвѣчала, только еще жалобнѣе и еще глуше...

А море тоже все болѣе стихало и лизало бока корабля, точно ласкалось и просило у людей прощенія...

Женщины послѣ этого долго плакали и не могли успокоиться. Особенно жалко было Лозинскому молодую сироту, которая сидѣла въ сторонѣ и плакала, какъ ребенокъ, закрывая лицо угломъ шерстянаго платка. Онъ уже и самъ не зналъ, какъ это случилось, но только онъ подошелъ къ ней, положилъ ей на плечо свою тяжелую руку и сказалъ:

— Будетъ уже тебѣ плакать, малютка, Богъ милостивъ.

Дѣвушка подняла голубые глаза, посмотрѣла на Лозинскаго и отвѣтила:

— А! Какъ мнѣ не плакать... Ѣду одна на чужую сторону. На родинѣ умерла мать, на кораблѣ отецъ, а въ Америкѣ гдѣ-то есть братья, да гдѣ они,—я и не знаю... Подумайте сами, какая моя доля!

Лозинскій постоялъ, посмотрѣлъ и не сказалъ ей ничего. Онъ не любилъ говорить на вѣтеръ, да и его доля была тоже темна. А только съ этихъ поръ, гдѣ бы онъ ни стоялъ, гдѣ бы онъ ни сидѣлъ, что бы ни дѣлалъ, а все думалъ объ этой дѣвушкѣ и слѣдилъ за нею глазами.

И тогда же Лозинскій сказалъ себѣ самому: „А вотъ же, если я найду тамъ въ широкомъ и невѣдомомъ свѣтѣ свою долю, то это будетъ также и твоя доля, малютка. Потому что человѣку какъ-то хочется кого нибудь жалѣть и любить, а особенно, когда человѣкъ на чужбинѣ“.

V.

На двѣнадцатый день народъ началъ все набираться на носу, какъ муравьи на плавучей щепкѣ, когда ее прибиваетъ вѣтромъ къ берегу ручья. Изъ этого наши лозищане поняли, что, должно быть, недалеко уже американская земля. И, дѣйствительно, Матвѣй, у котораго глаза были острые, увидѣлъ первый, что надъ синимъ моремъ направо встала будто бѣлая игла. Потомъ она поднялась выше, и уже ясно было видно, что это бѣлый маякъ. По волнамъ то и дѣло неслись лодки съ косымъ парусомъ, бѣлые пароходы, съ окнами, точно въ домахъ, маленькіе пароходики, съ коромыслами наверху, какихъ никогда еще не приходилось видѣть лозищанамъ. А тамъ въ синеватой мглѣ стало проступать что-то, что-то заискрилось, что-то забѣлѣло, что-то вытягивалось и нестрѣло. Пошли острова съ деревьями, пошла длинная коса съ бѣлымъ пескомъ. На косѣ что-то гомыхало и стучало, и черный дымъ валилъ изъ высокой трубы.

Дыма толкнулъ Лозинскаго локтемъ.

— Видишь? Чехъ говорилъ правду.

Матвѣй посмотрѣлъ впередъ. А тамъ, возвышаясь надъ самыми высокими мачтами самыхъ большихъ кораблей, стояла огромная фигура женщины, съ поднятой рукой. Въ рукѣ у нея былъ факелъ, который она протягивала на встрѣчу тѣмъ, кто подходитъ по заливу изъ Европы къ великой американской землѣ.

Пароходъ шелъ тихо, среди другихъ пароходовъ, сновавшихъ, точно водяные жуки, по заливу. Солнце сѣло, а городъ все выплывалъ и выплывалъ на-встрѣчу, дома выростали, огоньки зажигались рядами и въ безпорядкѣ дрожали въ водѣ, двигались и перекрещивались внизу, и стояли высоко въ небѣ. Небо темнѣло, но на немъ ясно еще рисовалась высоко въ воздухѣ тонкая сѣтка огромнаго, невиданнаго моста.

Исполинскіе дома въ шесть и семь этажей ютились внизу, подъ мостомъ, по берегу; фабричныя трубы не могли достать до моста своимъ дымомъ. Онъ повисъ надъ водой, съ берега на берегъ, и огромные пароходы пробѣгали подъ нимъ, какъ ничтожныя лодочки, потому что это самый большой мостъ во всемъ Божіемъ свѣтѣ... Это было направо, а налѣво уже совсѣмъ близко высилась фигура женщины,—и во лбу ея, еще споря съ послѣдними лучами угасавшей въ небѣ зари, загоралась золотая діадема, и вѣнокъ огоньковъ свѣтился въ высоко поднятой рукѣ...

А сердце Лозинскаго трепетало и сжималось отъ ужаса. Только теперь онъ понялъ, что такое эта Америка, на берегу которой онъ думалъ встрѣтить Лозинскую. Онъ ждалъ, что она будетъ сидѣть тутъ гдѣ-то со своимъ узелкомъ. „Боже мой, Боже мой,—думалъ Матвѣй.—Да здѣсь человѣкъ, какъ иголка въ травѣ, или капля воды, упавшая въ море...“ Пароходъ шелъ уже часа два въ виду земли, въ виду построекъ и пристаней, а городъ все развертывалъ надъ заливомъ новые ряды улицъ, домовъ и огней... И съ берега, сквозь шумъ машины, неслось рокотаніе и гулъ. Казалось, кто-то дышитъ огромный и усталый, то опять кто-то жалуется и сердится, то кто-то ворочается и стонетъ... и опять только гудитъ и катится, какъ вѣтеръ въ степи, то опять говоритъ смѣшанными голосами...

Лозинскій отыскалъ Анну,—молодую дѣвушку, съ которой онъ познакомился,—и сказалъ:

— Держись, малютка, меня и Дымы. Видишь, что тутъ дѣется въ этой Америкѣ. Не дай Боже!

Дѣвушка схватила его за руку, и не успѣлъ сконфуженный Матвѣй оглянуться, какъ ужъ она поцѣловала у него руку. Потому что бѣднячка, видно, испугалась Америки еще хуже, чѣмъ Лозинскій.

Пароходъ остановился на ночь въ заливѣ, и никого не спускали до слѣдующаго утра. Пассажиры долго сидѣли на палубахъ, потомъ большая часть разошлась и заснула. Не спали только тѣ, кого, какъ и нашихъ лозищанъ, пугала невѣдомая доля въ незнакомой странѣ. Дыма, впрочемъ, первый заснулъ себѣ на лавкѣ. Анна долго сидѣла рядомъ съ Матвѣемъ, и порой слышался ея тихій и робкій голосъ. Лозинскій молчалъ. Потомъ и Анна заснула, склонясь усталой головой на свой узелъ.

И только Матвѣй просидѣлъ всю теплую ночь, пока свѣтъ на лбу статуи не померкъ, и заиграли отблески зари на волнахъ, оставляемыхъ бороздами возвращавшихся съ долгой ночной работы пароходовъ...

На слѣдующее утро пришли на пароходъ американскіе таможенные чиновники, давали подписывать какую-то бумагу, а, между тѣмъ, корабль потихоньку стали подтягивать къ пристани. И было какъ-то даже грустно смотрѣть, какъ этотъ морской великанъ лежитъ теперь на водѣ, безъ собственнаго движенія, точно мертвый, а какой-то маленькій пароходишко хлопочетъ около него, какъ живой муравей около мертваго жука. То потянетъ его за хвостъ, то забѣжитъ съ носу, и свиститъ, и шипитъ, и вертится... А пристань оказалась—

огромный сарай, какихъ много было на берегу. Онѣ стояли рядами, некрасивыя, огромныя и мрачныя. Только на одной толпились американцы, громко визжали, свистѣли и кричали „ура“. Матвѣй посмотрѣлъ туда съ остаткомъ надежды увидѣть сестру—и махнулъ рукой. Гдѣ ужъ!..

Наконецъ, пароходъ подтянули. Какой-то матросъ, ловкій, какъ дьяволъ, взобрался кверху, подъ самую крышу сарая, и потомъ закачался въ воздухѣ вмѣстѣ съ мостками, которые спустились на корабль. И пошелъ народъ выходить на американскую землю...

Скучно было нашимъ... Пошли и они,—не оставаться же на кораблѣ вѣчно. А если сказать правду, то Матвѣю приходило въ голову, что на кораблѣ было лучше. Плывешь себѣ и плывешь... Небо, облака, да море, да вольный вѣтеръ, а впереди, за гранью этого моря,—что Богъ дастъ... А тутъ вотъ тебѣ и земля, а что въ ней... Всѣхъ кто-нибудь встрѣчаетъ, цѣлуютъ, обнимаются, плачутъ. Только нашихъ лозищанъ не встрѣчаетъ никто, и приходится идти самимъ искать невѣдомую долю. А гдѣ она?.. Куда ступить, куда податься, куда поставить ногу и въ какую сторону повернуться,—неизвѣстно. Стали наши, въ бѣлыхъ свитахъ, въ большихъ сапогахъ, въ высокихъ бараньихъ шапкахъ и съ большими палками въ рукахъ,—съ палками, вырѣзанными изъ родной лозы, надъ родною рѣчкою, и стоятъ, какъ потерянные, и дѣвушка со своимъ узелкомъ жмется межъ ними.

VI.

— Жидъ! А ей же Богу, пусть меня разобьетъ яснымъ громомъ, если это не жидъ,—сказалъ вдругъ первый Дыма, указывая на какого-то господина, одѣтаго въ круглую шляпу и въ кургузый, потертый пиджакъ. Хотя рядомъ съ нимъ стоялъ молодой барчукъ, одѣтый съ иголочки и уже вовсе не похожій на жиденка,—однако, когда господинъ повернулся, то уже и Матвѣй убѣдился съ перваго взгляда, что это непремѣнно жидъ, да еще свой, изъ-подъ Могилева или Житомира, Минска или Смоленска, вотъ будто сейчасъ съ базара, только переодѣлся въ нѣмецкое платье.

Обрадовались они этому человѣку, будто родному. Да и жидъ, замѣтивъ бѣлыя свитки и барашковыя шапки, тотчасъ подошелъ и поклонился.

— Ну, поздравляю съ пріѣздомъ. Какъ ваше здоровье, господа? Я сразу вижу, что это пріѣхали земляки.

— А что,—сказалъ Дыма, съ торжествующимъ видомъ.— Не говорилъ я? Вотъ вѣдь какой это народъ хорошій. Гдѣ

нужно его, тутъ онъ и есть. Здравствуйте, господинъ еврей, не знаю, какъ васъ назвать.

— А! Звали когда-то Борухъ, а теперь зовутъ Боркъ, мистеръ Боркъ,—къ вашимъ услугамъ,—сказалъ еврей и какъ-то гордо погладилъ бородку.

— А! Чтобъ тебя! Ну, слушай же ты, Берко...

— Мистеръ Боркъ,—поправилъ еврей съ еще большею гордостью.

— Ну, пускай такъ, мистеръ, такъ и мистеръ, чтобъ тебя схватило за бока... А гдѣ же тутъ хорошая заѣзжая станція, чтобы, знаешь, не очень дорого и не очень ужъ плохо. Потому что, видишь ты... Мы хоть въ простыхъ свиткахъ, а не совсѣмъ уже мужики... однодворцы... При томъ еще съ нами, видишь самъ, дѣвушка...

— Ну,—развѣ я ужъ самъ не могу различить, съ кѣмъ имѣю дѣло,—отвѣтилъ мистеръ Боркъ съ большою политикой.—Что вы обо мнѣ думаете?.. Ихе! Мистеръ Боркъ дуракъ, мистеръ Боркъ не знаетъ людей... Ну, только и я вамъ скажу: это ваше большое счастье, что вы попали сразу на мистера Борка. Я вѣдь не каждый день хожу на пристань, зачѣмъ я сталъ бы каждый день ходить на пристань?.. а у меня вы сразу имѣете себѣ хорошее помѣщеніе, и для барышни найдемъ комнатку особо, вмѣстѣ съ моею дочкой.

— А, вотъ видите вы, какъ оно хорошо,—сказалъ Дыма и оглянулся, какъ будто это онъ самъ выдумалъ этого мистера Борка.—Ну, веди же насъ, когда такъ, на свою заѣзжую станцію.

— Можетъ, вамъ нужно взять еще вашъ багажъ?

— Э! Какой тамъ багажъ! Правду тебѣ сказать, такъ и все вотъ тутъ съ нами.

— Гэ, это не очень много! Джонъ!..—крикнулъ онъ на молодого человѣка, который таки оказался его сыномъ.—Ну, чего ты стоишь, какъ какой-нибудь болванъ. Таке ту бэгеджъ офъ миссъ (возьми у барышни багажъ).

Молодой человѣкъ оказался не гордый. Онъ вѣжливо приподнялъ шляпу, схватилъ изъ рукъ Анны узелокъ, и они пошли съ пристани.

Прошли черезъ улицу и вошли въ другую, которая показалась пріѣзжимъ какой-то пещерой. Дома темные, высокіе, выходы изъ нихъ узкіе, да еще въ половину домовъ поверхъ улицы сдѣлана на столбахъ настилка, загородившая небо...

— А, Господи! Матерь Божья!—взвизгнула вдругъ въ испугѣ Анна и схватила за руку Матвѣя.

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа,—сказалъ про себя Матвѣй,—а что же это еще такое?

— Ай-ай, чего вы это испугались,—сказалъ жидъ.—Да это только поѣздъ. Ну, ну, идите, что такое за важность... Пускай себѣ онъ идетъ своей дорогой, а мы пойдемъ своей. Онъ насъ не тронетъ, и мы его не тронемъ. Здѣсь, я вамъ скажу, такая сторона, что зѣвать некогда...

И мистеръ Боркъ пошелъ дальше. Пошли и наши, скрѣпя сердце, потому что столбы кругомъ дрожали, улица гудѣла, вверху лязгало желѣзо о желѣзо, а прямо надъ головами лозищанъ, по настилкѣ, на всѣхъ парахъ летѣлъ поѣздъ. Они посмотрѣли съ разинутыми ртами, какъ поѣздъ изогнулся въ воздухѣ змѣей, повернулъ за уголъ, чуть не задѣвая за окна домовъ,—и полетѣлъ опять по воздуху дальше, то прямо, то извиваясь...

И показалось нашимъ, привыкшимъ только къ шуму родного бора, да къ шопоту тростниковъ надъ тихою рѣчкой Лозовою, да къ скрипу колесъ въ степи,—что они теперь попали въ самое пекло. Дома—шапка свалится, какъ посмотришь. Взглянешь назадъ,—корабельныя мечты, какъ горѣлый лѣсъ; поднимаешь глаза къ небу,—небо закопчено и еще закрыто этой настилкой воздушной дороги, отъ которой въ улицѣ вѣчныя сумерки. А впереди человѣкъ видитъ опять, какъ въ воздухѣ, наперерѣзъ, съ улицы въ улицу летитъ уже другой поѣздъ, а воздухъ весь изрѣзанъ храпомъ, стономъ, лязганіемъ и свистомъ машинъ.

— Господи Іисусе,— шептала Анна блѣдными губами. Матвѣй только закусилъ усъ, а Дыма мрачно понурилъ голову и шагалъ, согнувшись подъ своимъ узломъ. А за нимъ бѣжали кучи какихъ-то уличныхъ дьяволятъ, даже иной разъ совсѣмъ черныхъ, какъ хорошо вычищенный сапогъ, и заглядывали имъ прямо въ лица, и подпрыгивали, и смѣялись, а одинъ большой негодяй кинулъ въ Дыму огрызокъ какого-то плода.

— А ну, это человѣкъ, наконецъ, можетъ потерять всякое терпѣніе.—сказалъ Дыма, ставя свой узелъ на землю.—Послушай, Берко...

— Мистеръ Боркъ,—поправилъ еврей.

— А что же, мистеръ Боркъ, у васъ тутъ дѣлаетъ полиція?

— А что вамъ за дѣло до полиціи?—отвѣтилъ еврей съ неудовольствіемъ.—Зачѣмъ вамъ безпокоить полицію такими пустяками? Здѣсь не такая сторона, чтобы чуть что не такъ, и сейчасъ звать полицію...

— Это вѣрно называется свобода,—сказалъ Дыма очень язвительно.—Человѣку кинули въ лицо огрызокъ,—это сво-

бода... Ну, когда здѣсь уже такая свобода, то, послушай, Матвѣй, дай этому висѣльнику хорошаго пинка, можетъ, тогда они насъ оставятъ въ покоѣ.

— Ну, пожалуйста, не надо этого дѣлать,—взмолился Берко, къ имени котораго теперь все приходилось прибавлять слово „мистеръ“.—Мы уже скоро дойдемъ, уже совсѣмъ близко. А это они потому, что... какъ бы вамъ сказать... Имъ непріятно видѣть такихъ очень лохматыхъ, такихъ шорстныхъ, такихъ небритыхъ людей, какъ ваши милости. У меня есть тутъ по близости цирюльникъ... Ну, онъ васъ приведетъ въ порядокъ за самую дешевую цѣну. Самый дешевый цирюльникъ въ Нью-Іоркѣ.

— А это, я вамъ скажу, хорошая свобода, — чтобъ ее взяли черти,—сказалъ Дыма, сердито взваливая себѣ мѣшокъ на спину.

А въ это время въ Дыму опять полетѣла корка банана. Пришлось терпѣть и идти дальше. Впрочемъ, прошли немного, какъ мистеръ Боркъ остановился.

— Ну, а теперь, пожа уйста, пойдемъ на эту лѣстницу...

— Да куда же это мы пойдемъ, хотѣлъ бы я знать?— сказалъ Дыма. И дѣйствительно, лѣстница вела съ улицы наверхъ, на ту самую настилку, что была у нихъ надъ головами.

— Ну, намъ надо сѣсть въ вагонъ.

— Не пойду,—сказалъ Дыма рѣшительно.—Богъ создалъ человѣка для того, чтобы онъ ходилъ и ѣздилъ по землѣ. Довольно и того, что человѣкъ проѣхалъ по этому проклятому морю, которое чуть не вытянуло душу. А тутъ еще лети, какъ какая-нибудь сорока, по воздуху. Веди насъ пѣшкомъ.

— Ай-ай!—сказалъ мистеръ Боркъ нетерпѣливо,—что же мнѣ съ вами дѣлать? Идите, пожалуйста!

— Не пойду!—рѣшительно сказалъ Дыма и, обращаясь къ Матвѣю и Аннѣ, сказалъ:

— И вы тоже не ходите!

Еврей что-то живо заговорилъ съ сыномъ, который только улыбался,—и потомъ, повернувшись къ Дымѣ, мистеръ Боркъ сказалъ очень рѣшительно:

— Ну, когда вы такой упрямый человѣкъ, что все хотите по своему... то идите, куда знаете. Я себѣ пойду въ вагонъ, а вы какъ хотите... Джонъ! Отдай барышнѣ багажъ. Каждый человѣкъ можетъ идти своей дорогой.

Джонъ усмѣхнулся, но не торопился отдавать Аннѣ багажъ. Матвѣй взялъ Дыму за руку и сказалъ:

— А! что тамъ! Пойдемъ уже.

— Пойдемъ, пожалуйста,—робко сказала и Анна.

— Га! Что дѣлать! Въ этой сторонѣ, видно, надо ко всему привыкать,—отвѣтилъ Дыма и, взваливъ мѣшокъ на плечи, сердито пошелъ на лѣстницу.

На первомъ поворотѣ за конторкой сидѣлъ равнодушный американецъ, которому еврей далъ монету, а тотъ выдалъ ему 5 билетовъ. Эти билеты Боркъ кинулъ въ стеклянную коробку, и всѣ поднялись еще выше и вышли на платформу.

Поѣзда еще не было. Платформа была вровень съ третьими этажами домовъ. Внизу шли люди, ѣхали большіе фургоны, проходили, позванивая, вагоны конно-желѣзной дороги; вверху, по синему небу плыли облака, бѣлыя, свѣтлыя, совсѣмъ, какъ наши. „Вотъ,—думалъ Матвѣй,— полетитъ это облако надъ землей, надъ моремъ, пронесется надъ Лозищами, заглянетъ въ свѣтлую воду Лозовой рѣчки, увидитъ лозищанскіе дома и поле, и людей, которые ѣдутъ въ поле и съ поля, какъ Богъ велѣлъ, въ пароконныхъ телѣгахъ и съ драбинами. Подумаетъ ли кто-нибудь въ Лозищахъ, что двое лозищанъ стоятъ въ эту минуту въ чужомъ городѣ, гдѣ надъ ними сейчасъ издѣвались, точно они не христіане, и пріѣхали сюда на посмѣшище... Стоятъ ни на землѣ, ни на горѣ и собираются летѣть по воздуху въ какой-то машинѣ“. „Господи, думала въ это время и Анна,—а ну, какъ это провалится, а ну, какъ полетимъ мы всѣ съ этой машиной внизъ, на каменную мостовую! Господе Іисусе, Дѣва Марія, святой Іосифъ! Всякая душа хвалитъ Господа“. Дыма смотрѣлъ и кусалъ длинный усъ...

На рельсахъ вдали показался какой-то кругъ и покатился, и сталъ выростать, приближаться, желѣзо зазвенѣло и заговорило подъ ногами, и скоро передъ платформой пролетѣлъ цѣлый поѣздъ... Завизжалъ, остановился, открылись затворки— и нѣсколько десятковъ людей торопливо прошли мимо нашихъ лозищанъ. Потомъ они вошли въ вагонъ, заняли пустыя мѣста, и поѣздъ сразу опять кинулся со всѣхъ ногъ и полетѣлъ такъ, что только мелькали окна домовъ...

Матвѣй закрылъ глаза. Анна крестилась подъ платкомъ и шептала молитвы. Дыма оглядывался кругомъ вызывающимъ взглядомъ. Онъ думалъ, что американцы, сидѣвшіе въ вагонахъ, тоже станутъ глазѣть на ихъ шапки и свитки и, пожалуй, кидать огрызками банановъ. Но, видно, эти американцы были люди серьезные: никто не пялилъ глазъ, никто не усмѣхался. Дымѣ это понравилось, и онъ немного успокоился...

А тамъ поѣздъ опять остановился, и наши вышли благополучно и опять спустились по лѣстницѣ на улицу...

VII.

Заѣзжій дворъ мистера Борка совсѣмъ не походилъ на наши. Наши, т. е. тѣ, что на Волыни, или подъ Могилевомъ, или въ Полѣсьѣ, гораздо лучше: длинный, невысокій домъ, на бѣлой стѣнѣ чернѣютъ широкія ворота такъ привѣтливо и пріятно, что лошади приворачиваютъ къ нимъ сами собой. За въѣздомъ—прямо крытый дворъ, съ высокою соломенною стрѣхой; между стропилами летаютъ тучи воробьевъ, и голуби воркуютъ гдѣ-то такъ сладко, а гдѣ — и не увидишь... А тамъ — колодезь съ воротомъ, ясли съ „драбинами“ для лошадей, куры, коза, корова, запахъ лошадинаго поту, запахъ дегтя и душистаго сѣна... Вспомнить, такъ и то пріятно...

Нужно сказать, что Матвѣй и Дыма считались въ своихъ мѣстахъ людьми степенными, знающими, какъ обращаться въ свѣтѣ. Случалось имъ не разъ, на ярмаркѣ, или въ праздникъ, проѣздомъ въ мѣстечкахъ или въ какой-нибудь корчмѣ на шляху—заставать полнымъ-полно народу,—и это ихъ нисколько не смущало. Извѣстное дѣло, — всякій самъ себя знаетъ. Поставилъ человѣкъ лошадь къ мѣсту, кинулъ ей сѣна съ воза или подвязалъ торбу съ овсомъ, потомъ сунулъ кнутъ себѣ за поясъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы люди видѣли, что это не бродяга или нищій волочится на ногахъ по свѣту, а настоящій хозяинъ, со своей скотиной и телѣгой; потомъ вошелъ въ избу и сѣлъ на лавку ожидать, когда освободится за столомъ мѣсто. А пока — оглядѣлъ всѣхъ, и сразу видно, что за народъ послалъ Богъ на-встрѣчу, и сразу же можно начать подходящій разговоръ: одинъ разговоръ съ простымъ мужикомъ, другой—со своимъ братомъ, однодворцемъ или мѣщаниномъ, третій — съ управляющимъ или подпанкомъ. Разумѣется, знали и свое мѣсто: если уже за столомъ разсѣлся проѣзжій баринъ, — то, конечно, приходилось и подождать, хотя бы мѣста было и достаточно. Однимъ словомъ, ходили всегда по свѣту съ открытыми глазами; — знали себя, знали людей, а потому отъ равныхъ видѣли радушіе и уваженіе, отъ гордыхъ сторонились, и, если встрѣчали отъ господъ иногда какія-нибудь непріятности, то все-таки не часто.

Теперь они сразу стали точно слѣпые. Не пришли сюда пѣшкомъ, какъ бывало на богомолье, и не пріѣхали, а прилетѣли по воздуху. И дворъ мистера Борка не похожъ былъ

на дворъ. Это былъ просто большой домъ, довольно темный и непріятный, Боркъ открылъ своимъ ключемъ дверь, и они взошли наверхъ по лѣстницѣ. Здѣсь былъ небольшой корридорчикъ, на который выходило нѣсколько дверей. Войдя въ одну изъ нихъ, по указанію Борка, наши лозищане остановились у порога, положили узлы на полъ, сняли шапки и оглядѣлись.

Комната была просторная. Въ ней было нѣсколько кроватей, очень широкихъ, съ бѣлыми подушками. Въ одномъ только мѣстѣ стоялъ небольшой столикъ у кровати, и въ разныхъ мѣстахъ—нѣсколько стульевъ. На одной стѣнѣ висѣла большая картина, на которой фигура „Свободы“ подымала свой факелъ, а рядомъ—литографіи, на которыхъ были изображены пятисвѣчники и еврейскія скрижали. Такія картины Матвѣй видѣлъ у себя на Волыни и подумалъ, что это Боркъ привезъ въ Америку съ собою.

Въ открытое окно виднѣлась линія воздушной дороги, вдоль улицы, по которой пріѣхали и они. И опять вдали показался круглый щитъ локомотива и сталъ все выростать. Лозищане смотрѣли на него съ нѣкоторымъ страхомъ. Лязгъ и грохотъ все приближался, и имъ казалось, что поѣздъ вкатится въ комнату. Но въ это время что-то вдругъ хлеснуло въ окно рѣзкой струей воздуха, и мимо, совсѣмъ близко, съ противоположной стороны, пронеслась какая-то стѣна съ окнами. Это былъ другой встрѣчный поѣздъ; въ окнахъ мелькнули головы, шляпы, лица, въ томъ числѣ нѣкоторыя черныя, какъ сажа... И черезъ нѣсколько секундъ все исчезло, повернуло, и поѣздъ понесся вдаль, все уменьшаясь, между тѣмъ, какъ прежній выросталъ и черезъ минуту тоже пронесся мимо оконъ. Клубъ пара и дыма, точно развѣвающаяся лента, махнулъ по окну, и нѣсколько клочьевъ ворвалось въ самую комнату...

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!—сказалъ Матвѣй, крестясь съ испугомъ. И только когда оба поѣзда исчезли, онъ рѣшился оглядѣться хорошенько на новомъ мѣстѣ.

Кроватей въ комнатѣ стояло около десятка, но изъ жильцовъ въ ней находился только одинъ господинъ, званіе котораго лозищане опредѣлить не могли. На немъ было „городское платье“, какъ и на Боркѣ, свѣтлые клѣтчатые короткіе панталоны, большіе и тяжелые шнуровые ботинки, крахмальная сорочка и свѣтлый жилетъ. Онъ лежалъ на постели, полуприкрывшись огромнымъ листомъ газеты и, отклонивъ ея уголь, съ любопытствомъ смотрѣлъ на новоприбывшихъ. По виду это былъ настоящій „баринъ“, и,

если бы такъ у себя, дома, то Дыма непремѣнно отвѣсилъ бы ему низкій поклонъ и сказалъ бы:

— Прошу прощенія... Можетъ, это жидъ Берко завелъ насъ сюда по ошибкѣ.

Во всякомъ случаѣ лозищане подумали, что видятъ передъ собой американскаго дворянина или начальника. Но мистеръ Боркъ скоро сошелъ по витой лѣсенкѣ сверху, куда онъ успѣлъ отвести Анну, и подвелъ лозищанъ къ кровати совсѣмъ рядомъ съ этимъ важнымъ бариномъ.

— Вотъ эта кровать, — сказалъ онъ, — стоитъ вамъ два доллара въ недѣлю.

— А что я тебѣ скажу, мистеръ Боркъ, — зашепталъ ему осторожно Дыма. — Хорошо ли, смотри, это у насъ выйдетъ?

— Ну, — обиженно отвѣтилъ Боркъ, — что же еще нужно за два доллара въ недѣлю? Вы, можетъ, думаете — это съ одного? Нѣтъ, это съ обоихъ. За обѣдъ особо...

— Богъ съ тобой,—отвѣтилъ Дыма всетаки шопотомъ,— если уже ты не можешь уступить подешевле. А только вотъ этому господину не покажется ли непріятно? Всетаки мы люди простого званія...

Боркъ въ отвѣтъ только свиснулъ и сказалъ, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ посмотрѣвъ на американскаго дворянина:

— Фью-ю! На этотъ счетъ вы себѣ можете быть вполнѣ спокойны. Это совсѣмъ не та исторія, что вы думаете. Здѣсь свобода: всѣ равные, кто за себя платитъ деньги. И знаете, что я вамъ еще скажу? Вотъ вы простые люди, а я васъ больше почитаю... потому что я вижу: вы въ вашемъ мѣстѣ были хозяева. Это же видно сразу. А этого шарлатана я, можетъ быть, и держать не сталъ бы, если бы за него не платили отъ Тамани-холла. Ну, что мнѣ за дѣло! У „босса“ денегъ много, каждую недѣлю я свое получаю аккуратно.

Дыма ловилъ на лету все, что замѣчалъ въ новомъ мѣстѣ, и потому, обдумавъ не совсѣмъ понятныя слова Борка, покосился на лежавшаго господина и сказалъ:

— Я, мистеръ Боркъ, такъ понимаю твои слова, что это не баринъ, а бездѣльникъ, въ родѣ того, какіе и у насъ бываютъ на ярмаркахъ. И шляпа на немъ, и бѣлая рубашка, и галстухъ... а глядишь, уже кто-нибудь кошелька и не досчитался...

Боркъ усмѣхнулся.

— Ну, вы-таки умѣете попадать пальцемъ въ небо,—сказалъ онъ, поглаживая свою бородку. — Нѣтъ, насчетъ ко-

шелька такъ вы можете не бояться. Это не его ремесло. Я только говорю, что всякій человѣкъ долженъ искать солиднаго и честнаго дѣла. А кто продаетъ свой голосъ... пусть это будетъ даже настоящій голосъ... Но кто продаетъ его Тамани-холлу за деньги, того я не считаю солиднымъ человѣкомъ.

И, вздохнувъ, онъ прибавилъ:

— У меня было здѣсь солидное заведеніе. Ну, что дѣлать! Заведеніе пошло прахомъ, осталась квартира до срока. Приходится какъ-нибудь колотиться со всякою дрянью.

Дыма не совсѣмъ понималъ, какъ можно продать свой голосъ, хотя бы и настоящій, и кому онъ нуженъ, но, такъ какъ ему было обидно, что разъ онъ уже попалъ пальцемъ въ небо, — то онъ сдѣлалъ видъ, будто все понялъ, и сказалъ уже громко:

— А когда такъ, то и хорошо. Клади, Матвѣй, узелъ сюда. Что, въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь и наши деньги не щербаты. А здѣсь, при томъ же, чортъ ихъ бей, свобода!

И онъ сѣлъ на свою кровать противъ американскаго господина, вдобавокъ еще разставивши ноги. Матвѣй боялся, что американецъ всетаки обидится. Но онъ оказался парень простой и покладливый. Услыхавъ, что разговоръ идетъ о Тамани-холлѣ,—онъ отложилъ газету, сѣлъ на своей постели, привѣтливо улыбнулся, и нѣкоторое время оба они сидѣли съ Дымой и пялили другъ на друга глаза.

— Good day (здравствуйте)! — первый сказалъ американецъ и хлопнулъ Дыму по колѣну.

Дыма хлопнулъ его съ своей стороны и, очень мало подумавши, отвѣтилъ:

— Yes (да).

— Tammany-holl, — сказалъ опять американецъ, любезно улыбаясь, — вэри-уэллъ!

— Вэри-уэллъ, — кивнулъ головой Дыма. — Это значитъ: очень хорошо... Эхъ ты, баринъ! Ты вотъ научи меня, какъ это продать этому чорту Тамани-холлу свой голосъ, чтобы за это человѣка кормили и поили даромъ.

— Well! — отвѣтилъ американецъ, захохотавъ.

— Yes, — засмѣялся и Дыма.

Ирландецъ опять подмигнулъ, похлопалъ Дыму по колѣну, и, они, видно, сразу стали пріятели.

VIII.

А Матвѣй подивился на Дыму („вотъ вѣдь какой даръ у этого человѣка“ — подумалъ онъ), но самъ сѣлъ на постели, грустно понуривъ голову, и думалъ:

„Вотъ человѣкъ и въ Америкѣ... что же теперь будемъ дѣлать?“

Правду сказать, все не понравилось Матвѣю въ этой Америкѣ. Дымѣ тоже не понравилось, и онъ былъ очень сердитъ, когда они шли съ пристани по улицамъ. Но Матвѣй зналъ, что Дыма — человѣкъ легкаго характера: сегодня ему кто-нибудь не по душѣ, а завтра первый пріятель. Вотъ и теперь онъ уже крутитъ усъ, придумываетъ слова и посматриваетъ на американца веселымъ окомъ. А Матвѣю было очень грустно.

Да, вотъ и Америка! Еще вчера ночью она лежала передъ нимъ, какъ какое-нибудь облако, и онъ не зналъ, что-то явится, когда это облако разступится... Но все ждалъ чего-то чуднаго и хорошаго... „Правду сказать,—думалъ онъ,—на этомъ свѣтѣ человѣкъ думаетъ такъ, а выходитъ иначе, и если бы человѣкъ зналъ, какъ выйдетъ, то, можетъ, вѣкъ бы свѣковалъ въ Лозищахъ, съ родной бѣдою“. Вотъ и облако разступилось, вотъ и Америка, а сестры нѣтъ, и той Америки нѣтъ, о которой думалось такъ много надъ тихою Лозовою рѣчкой и на морѣ, пока корабль плылъ, колыхаясь на волнахъ, и океанъ пѣлъ свою смутную пѣсню, и облака неслись по вѣтру въ высокомъ небѣ то изъ Америки въ Европу, то изъ Европы въ Америку... А на душѣ пробѣгали такія же смутныя мысли о томъ, что было тамъ, на далекой родинѣ, и что будетъ впереди за океаномъ, гдѣ придется искать новаго счастья...

Ищи его теперь, этого счастья, въ этомъ пеклѣ, гдѣ люди летятъ куда-то, какъ бѣшеные, по землѣ и подъ землей и даже,—прости имъ, Господи,—по воздуху... гдѣ все кажется не такимъ, какъ наше, гдѣ не различишь человѣка, какого онъ можетъ быть званія, гдѣ не схватишь ни слова въ человѣческой рѣчи, гдѣ за крещенымъ человѣкомъ бѣгаютъ мальчишки такъ, какъ въ нашей сторонѣ бѣгали бы развѣ за туркомъ...

— Вотъ что, Дыма,—сказалъ Матвѣй, отрываясь отъ своихъ горькихъ мыслей.—Надо поскорѣе писать письмо Осипу. Онъ здѣсь уже свой человѣкъ,—пусть же совѣтуетъ, какъ сыскать сестру, если она еще не пріѣхала къ нему, и что намъ теперь дѣлать съ собою.

— Да ужъ не иначе!—отвѣтилъ Дыма.

Попросили у Борка перо и чернилъ, устроились у окна и написали. Писалъ письмо Дыма, а такъ какъ и у него руки не очень-то привыкли держать такую маленькую вещь, какъ перо,—то прописали очень долго.

Кончили писать, Дыма сталъ отирать потъ со лба и вдругъ остановился съ разинутымъ ртомъ. Матвѣй тоже оглянулся,— и у него какъ-то пріятно замерло сердце.

Въ комнатѣ стояла старая барыня, въ поношенной, но видно, что когда-то шелковой мантильѣ, въ старой шляпкѣ съ желтыми цвѣтами и съ сумочкой на рукѣ. Кромѣ того, на ленточкѣ она держала небольшую бѣлую собачку, которая поворачивалась во всѣ стороны и нюхала воздухъ.

— Наша,—шепнулъ Дыма Матвѣю.

И дѣйствительно, барыня сѣла у двери на стулъ, отдышалась немного и сказала съ перваго слова:

— Проклятая сторона, проклятый городъ, проклятые люди. Ну, скажите, пожалуйста, зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

Наши очень обрадовались родной рѣчи, кинулись къ барынѣ и чуть не столкнулись головами, цѣлуя у нея руку.

Барынѣ, видно, это понравилось. Она сидѣла на стулѣ, не отнимала руки и глядѣла на лозищанъ, жалостно кивая головой.

— Подольскіе или изъ Волыни?

— Изъ Лозищей, милостивая госпожа.

— Изъ Лозищей! Прекрасно! А куда же это Богъ несетъ?

— Въ Миннесотѣ есть наши.

— Миннесота! Знаю, знаю. Болото, лѣсъ, мошка, лѣсные пожары и, кажется, индѣйцы... Ай люди, люди! И что вамъ только понадобилось въ этой Америкѣ? Жили бы въ своихъ Лозищахъ...

„Оно, можетъ, и правда“, — подумалъ Матвѣй. А Дыма отвѣтилъ:

— Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше.

— Такъ... отъ этого-то рыба попадаетъ въ неводъ, а люди въ Америку... Это очень глупо. А впрочемъ, — это не мое дѣло. А гдѣ же тутъ самъ хозяинъ?.. Да, вотъ и Берко.

— Мистеръ Боркъ,—поправилъ еврей, входя въ комнату.

— А, мистеръ Берко,—сказала барыня, и лозищане замѣтили, что она немного разсердилась.—Скажите, пожалуйста, я и забыла! А впрочемъ, ваша правда, ясновельможный мистеръ Боркъ! Въ этой проклятой сторонѣ всѣ мистеры, и уже не отличишь ни жида, ни хлопа, ни барина... Вотъ и эти (она указала на лозищанъ) снимутъ завтра свои свитки, забудутъ Бога и тоже потребуютъ, чтобы ихъ звать господами...

— Это ихъ дѣло, всякій здѣсь устраиваетъ себя, какъ хочетъ,—сказалъ Боркъ хладнокровно и прибавилъ, поглаживая бородку:—Чѣмъ могу вамъ служить?

— Твоя правда,—сказала барыня.—Въ этой Америкѣ никто не долженъ думать о своемъ ближнемъ... Всякій знаетъ

только себя, а другіе,—хоть пропади въ этой жизни и въ будущей... Ну, такъ вотъ я зачѣмъ пришла: мнѣ сказали, что у тебя тутъ есть наша дѣвушка. Или, простите, мистеръ Боркъ... Не угодно ли вамъ позвать сюда молодую пріѣзжую лэди изъ нашихъ крестьянокъ.

— Ну, а зачѣмъ вамъ миссъ Эни?..

— Ты, кажется, самъ начинаешь вмѣшиваться въ чужія дѣла, мистеръ Берко.

Боркъ пожалъ плечами, и черезъ минуту сверху спустилась Анна. Старая барыня надѣла стеклышки на носъ и оглядѣла дѣвушку съ ногъ до головы. Лозищане тоже взглянули на нее, и имъ показалось, что барыня должна быть довольна и испуганнымъ лицомъ Анны, и глазами, въ которыхъ дрожали слезы, и крѣпкой фигурой, и тѣмъ, какъ она мяла рукой конецъ передника.

— Умѣешь ты убирать комнаты?—спросила барыня.

— Умѣю,—отвѣтила Анна...

— И готовить кушанье?

— Готовила.

— И вымыть бѣлье, и выгладить рубашку, и заправить лампу, потому что я терпѣть не могу здѣшняго газа, и поставить самоваръ или сварить кофе...

— Такъ, ваша милость. Умѣю.

— Ты пріѣхала сюда работать?

— Какъ же иначе?—отвѣтила дѣвушка совсѣмъ тихо.

— Почемъ я знаю, какъ иначе?.. Можетъ быть, ты разсчитывала выйти замужъ за президента... Только онъ, моя милая, уже женатъ...

Двѣ крупныя слезы скатились съ длинныхъ рѣсницъ Анны и упали на бѣлый передникъ, который она все переминала въ рукахъ. Матвѣю стало очень жаль дѣвушку, и онъ сказалъ:

— Она, ваша милость, сирота...

А Дыма прибавилъ:

— У нея на кораблѣ умеръ отецъ.

— Умнѣе ничего не могъ придумать! — сказала барыня спокойно.—Много здѣсь дураковъ прилетало, какъ мухи на медъ... Ну, вотъ что. Мнѣ некогда. Если ты пріѣхала, чтобы работать, то я возьму тебя съ завтрашняго дня. Вотъ этотъ мистеръ Боркъ укажетъ тебѣ мой домъ... А эти—тебѣ родня?

— Нѣтъ, милостивая пани, но...

И Матвѣй видѣлъ, какъ испуганный глазъ дѣвушки остановился на немъ, будто со страхомъ и вопросомъ.

— Никакихъ „но“. Я не позволю тебѣ водить ни любовниковъ, ни тамъ двоюродныхъ братьевъ. Впередъ тебѣ го-

ворю: я строгая. Изъ-за того и беру тебя, что не желаю имѣть американскую барыню въ кухаркахъ. Шведки тоже уже испорчены... Слышишь? Ну, а пока до свиданія. А паспортъ есть?

— Есть...

— То-то.

Барыня встала, гордо кивнула головой и вышла изъ помѣщенія.

— Наша!—сказалъ Матвѣй и глубоко вздохнулъ.

— А это, видно, и здѣсь такъ же, какъ и всюду на свѣтѣ,—прибавилъ къ этому Дыма.

Анна тихонько вытерла слезу концомъ передника.

Еврей посмотрѣлъ на дѣвушку съ сожалѣніемъ и сказалъ:

— Ну, что вы плачете, миссъ Эни! Я вамъ прямо скажу: это дѣло не пойдетъ, и плакать нечего...

— А почему же не пойдетъ?—возразилъ Матвѣй задумчиво, хотя и ему самому казалось, что не стоило ѣхать въ Америку, чтобы попасть къ такой строгой барынѣ. Можно бы, кажется, и пожалѣть сироту... А, впрочемъ, въ сердцѣ лозищанина примѣшивалось къ этому чувству другое. „*Наша* барыня, наша,—говорилъ онъ себѣ,—даромъ что строгая, за то своя и не дастъ дѣвушкѣ ни пропасть, ни избаловаться“...

— Ну, почему же не идетъ?—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Га! Если миссъ Эни пріѣхала сюда искать своего счастья, то я скажу, что его надо искать въ другомъ мѣстѣ. Я эту барыню знаю: она любитъ очень дешево платить и чтобы ей очень много работали.

— Эхъ, мистеръ Боркъ, а кто же этого не любитъ на свѣтѣ?—сказалъ Матвѣй со вздохомъ.

— Ну, это правда, а только здѣсь всякій любитъ также получить больше, а работать меньше. А, можетъ быть, вы думаете иначе, тогда мистеръ Боркъ будетъ молчать... это уже не мое дѣло...

Боркъ поднялся съ своего мѣста и вскорѣ ушелъ, одѣвшись, на улицу.

Онъ былъ еврей серьезный, но неудачливый, и дѣла его шли неважно. Помѣщеніе было занято рѣдко, и буфетъ въ сосѣдней комнатѣ работалъ мало. Дочь его прежде ходила на фабрику, а сынъ учился въ коллегіи; но фабрика стала, самъ мистеръ Боркъ мѣнялъ уже третье занятіе и теперь подумывалъ о четвертомъ. Кромѣ того, въ Америкѣ дѣйствительно не очень любятъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, поэтому и мистеръ Боркъ не сказалъ лозищанамъ ничего больше, кромѣ того, что покамѣстъ миссъ Эни можетъ помогать его дочери

по хозяйству, и онъ ничего не возьметъ съ нея за помѣщеніе.

— Подождемъ еще, малютка,—сказалъ Матвѣй.—Можетъ быть, придетъ скоро отвѣтъ отъ Лозинскаго, тогда, пожалуй, и тебѣ найдется работа въ деревнѣ.

— Дай-то Боже,—отвѣтили въ одинъ голосъ дѣвушка и Дыма.

— А теперь,—прибавилъ Матвѣй,—напиши, Дыма, адресъ.

Но тутъ открылось вдругъ такое обстоятельство, что у лозинцанъ кровь застыла въ жилахъ. Дѣло въ томъ, что бумажка съ адресомъ хранилась у Матвѣя въ кисетѣ съ табакомъ. Да какъ-то, видно, терлась и терлась, пока карандашъ на ней совсѣмъ не истерся. Первое слово видно, что губернія Миннесота, а дальше ни шагу. Осмотрѣли этотъ клочокъ сперва Матвѣй, потомъ Дыма, потомъ позвали дѣвушку, дочь Борка, не догадается ли она, потомъ вмѣшался новый знакомый Дымы—ирландецъ, но ничего и онъ не вычиталъ на этой бумажкѣ.

— Что же это теперь будетъ?—сказалъ Матвѣй печально.

Дыма посмотрѣлъ на него съ великою укоризной и постучалъ себя пальцемъ по лбу. Матвѣй понялъ, что Дыма не хочетъ ругать его при людяхъ, а только показываетъ знакомъ, что онъ думаетъ о головѣ Матвѣя. Въ другое время Матвѣй бы, можетъ, и самъ отвѣтилъ, но теперь чувствовалъ, что всѣ они трое по его винѣ идутъ на дно—и смолчалъ.

— Эхъ,—сказалъ Дыма и заскребъ въ головѣ. Заскребъ въ головѣ и Матвѣй, но ирландецъ, человѣкъ видно рѣшительный, схватилъ конвертъ, написалъ на немъ: „Миннесота, фермерскому работнику изъ Россіи, Іосифу Лозинскому“ и сказалъ:

— All right.

— Онъ говоритъ оллъ-райтъ,—обрадовался Дыма, значитъ, дойдетъ.

— Дай-то Богъ,—это будетъ чудо Господне,—сказалъ Матвѣй.

А ирландецъ вдобавокъ предложилъ Дымѣ сходить вмѣстѣ, отнести письмо. И когда они выходили,—ирландецъ, надѣвъ свой котелокъ и взявъ въ руки тросточку, а Дыма въ своей свиткѣ и бараньей шапкѣ,—то Матвѣю показались они оба какими-то странными, точно онъ ихъ видѣлъ во снѣ. Особенно, когда, у порога, ирландецъ, какъ-то изогнувшись, предложилъ Дымѣ выйти первому. Дыма, изогнувшись совершенно такъ же, предлагалъ пройти впередъ ирландцу. Потомъ они двинулись оба вмѣстѣ. и тутъ уже Дыма постарался все таки пройти первымъ. Ирландецъ крѣпко хлоп-

нулъ его по плечу и захохоталъ... Дыма посмотрѣлъ на Матвѣя съ гордымъ видомъ.

IX.

Дѣло это было въ пятницу, уже послѣ обѣда.

Матвѣй ждалъ Дыму, но Дыма съ ирландцемъ долго не шелъ. Матвѣй сѣлъ у окна, глядя, какъ по улицѣ снуетъ народъ, ползутъ огромные, какъ дома, фургоны, летятъ поѣзда. На небѣ, поднявшись надъ крышами, показалась звѣзда. Роза, дѣвушка, дочь Борка, покрыла столъ въ сосѣдней комнатѣ бѣлою скатертью и поставила на немъ свѣчи въ чистыхъ подсвѣчникахъ и два хлѣба прикрыла бѣлыми полотенцами.

Отъ этихъ приготовленій у Матвѣя что-то вдругъ прилило къ сердцу. Онъ вспомнилъ, что сегодня пятница, и что такимъ образомъ на его родинѣ евреи приготовляются всегда встрѣчать субботу.

Дѣйствительно, скоро мистеръ Боркъ вернулся изъ синагоги, важный, молчаливый и, какъ показалось Матвѣю, очень печальный. Онъ стоялъ надъ столомъ, покачивался и жужжалъ свои молитвы съ закрытыми глазами, между тѣмъ какъ въ окно рвался шумъ и грохотъ улицы, а изъ третьей комнаты доносился смѣхъ молодого Джона, вернувшагося изъ своей „коллегіи“ и разсказывавшаго сестрѣ и Аннушкѣ что-то веселое. На зовъ отца дѣвушка вбѣжала въ комнату и подала ему на руки воду. Онъ мылъ руки, потомъ концы пальцевъ, брызгалъ воду и бормоталъ слова молитвы, а дѣвушка, видно, вспомнила что-то смѣшное и глядѣла на брата, который подошелъ къ столу и ждалъ, покачиваясь на каблукахъ. Затѣмъ они усѣлись. Молодые люди продолжали весело разговаривать. Одинъ Боркъ что-то порой шепталъ про себя, тихонько разрѣзывая луковицу или бѣлый хлѣбъ, и часто и глубоко вздыхалъ...

Лозищанинъ глядѣлъ на еврея и вспоминалъ родину. Вотъ и шабашъ здѣсь не такой, думалъ онъ про себя, и родное мѣстечко встало въ памяти, какъ живое. Вотъ засіяла вечерняя звѣзда надъ потемнѣвшимъ лѣсомъ, и городокъ стихаетъ, даже перестали дымиться трубы въ еврейскихъ домахъ. Вотъ засвѣтилась огнями синагога, зажглись желтыя свѣчи въ окнахъ лачугъ, евреи степенно идутъ по домамъ, смолкаетъ на улицахъ говоръ и топотъ шаговъ, а зато въ каждое окно можно видѣть, какъ хозяинъ дома благословляетъ столъ, окруженный семьей. Въ это время двери всюду открыты, чтобы Авраамъ, Іаковъ и другіе патріархи могли ходить не-

видимо отъ одной лачуги къ другой и заходить въ дома. Знакомые евреи говорили Матвѣю, что въ это время ангелы ходятъ вмѣстѣ съ Авраамомъ, а черти, какъ вороны, носятся надъ крышами, не смѣя приблизиться къ порогу.

Разумѣется, въ своемъ мѣстѣ Матвѣй смѣялся надъ этими пустяками: очень нужно Аврааму, котораго чтутъ также и христіане, заходить въ грязныя лачуги некрещенныхъ жидовъ! Но теперь ему стало очень обидно за Борка и за то, что даже евреи, такой крѣпкій въ своей вѣрѣ народъ, — забыли здѣсь свой обычай... Молодые люди наскоро отужинали и убѣжали опять въ другую комнату, а Боркъ остался одинъ. И у Матвѣя защемило сердце при видѣ одинокой и грустной фигуры еврея.

Мистеръ Боркъ, какъ бы угадывая мысли Лозинскаго, вышелъ изъ-за стола и сѣлъ съ нимъ рядомъ.

— Вижу я, господинъ Боркъ,—обратился къ нему Матвѣй,— что твои дѣти не очень почитаютъ праздникъ?

Боркъ задумчиво погладилъ бороду и сказалъ:

— А! хотите вы знать, что я вамъ скажу? Америка — такая сторона, такая сторона... Она перемалываетъ людей, какъ хорошая мельница.

— Что, видно, и здѣсь не очень-то любятъ вашу вѣру?— сказалъ Матвѣй наставительно.

— Э, вы совсѣмъ не то говорите, что надо. Если бы вы захотѣли, я повелъ бы васъ въ нашу синагогу... Ну, вы увидѣли бы, какая у насъ хорошая синагога. А нашъ раввинъ здѣсь въ такомъ почетѣ, какъ и всякій священникъ. И когда его вызывали на судъ, то онъ сидѣлъ съ ихъ епископомъ, и они говорили другъ съ другомъ... Ну, совсѣмъ такъ, какъ двоюродные братья.

— А вы бросаете всетаки свою вѣру? — сказалъ лозищанинъ. Ему не совсѣмъ-то вѣрилось, чтобы и здѣсь можно было приравнять раввина къ священнику.

— Ну, это очень трудно вамъ объяснить. Видите что: Америка такая хитрая сторона, она не трогаетъ ничьей вѣры. Боже сохрани! Она беретъ себѣ человѣка. Ну, а когда человѣкъ станетъ другой, то и вѣра у него станетъ уже другая. Не понимаете? Ну, хорошо. Я вамъ буду объяснять еще иначе. Моя дочь кончила школу, а въ это время мои дѣла пошли очень плохо. Ну, мнѣ говорятъ, пусть ваша дочь идетъ на фабрику. Плата будетъ 10 долларовъ въ недѣлю. а когда выучится—тогда плата будетъ и 12 долларовъ въ недѣлю. Ну, что вы скажете на это? Вѣдь это 24 рубля въ недѣлю,—хорошія деньги?

— Очень хорошія деньги,—подтвердилъ Матвѣй. — Такія деньги у насъ платятъ работнику отъ Покрова до Пасхи... Правда, на хозяйскихъ харчахъ.

— Ну, вотъ. Она пошла на фабрику къ мистеру Бэркли. А мистеръ Бэркли говоритъ: „Хорошо. Еврейки работаютъ не хуже другихъ. Я могу принимать еврейку. Но только я не могу, чтобы у меня станокъ стоялъ пустой въ субботу. Это не платитъ. Ты должна ходить и въ субботу“...

— Ну?

— Ну... Я сказалъ: лучше я буду помирать или выйду на улицу продавать спички, а не позволю дочери ломать святую субботу. Хорошо. А въ это время пріѣхалъ къ намъ мистеръ Мозесъ. Вы не знаете, разумѣется, кто такой мистеръ Мозесъ. Это одинъ себѣ еврей изъ Луисвилля. У него умъ, какъ огонь, а языкъ, какъ молотъ. Ну, онъ перековалъ всѣхъ своихъ евреевъ въ Луисвиллѣ и поѣхалъ въ другіе города. Собрались мы въ синагогу слушать этого Мозеса, а онъ и говоритъ: „Слышалъ я, что многіе изъ васъ терпятъ нужду и умираютъ, а не хотятъ ломать субботу“. Мы говоримъ: ну, это и правда. Суббота святая! Суббота царица, свѣтъ Израиля! А онъ говоритъ: „Вы похожи на человѣка, который собрался ѣхать, сѣлъ на осла задомъ напередъ и держится за хвостъ. Вы смотрите назадъ, а не впередъ, и потому всѣ попадете въ яму. Но, если бы вы хорошо смотрѣли назадъ, то и тогда вы бы могли догадаться, куда вамъ ѣхать. Потому что, когда сыновъ Израиля стали избивать язычники, а было это дѣло при Маккавеяхъ, то ваши отцы погибали, какъ овцы, потому что не брали меча въ субботу. Ну, что тогда сказалъ Господь? Господь сказалъ: Если такъ будетъ дальше, то изъ-за субботы всѣхъ моихъ людей перерѣжутъ, какъ стадо, и некому будетъ праздновать самую субботу... пусть ужъ лучше берутъ мечъ въ субботу, чтобы у меня остались мои люди. Теперь подумайте сами: если можно брать мечъ, чтобы убивать людей въ субботу, то отчего не взять въ руки станокъ, чтобы вамъ не помирать съ голоду въ чужой сторонѣ?“ А! Я же вамъ говорю: это очень умный человѣкъ, этотъ Мозесъ.

Матвѣй посмотрѣлъ на еврея, у котораго странно сверкали глаза, и сказалъ:

— Видно и тебя начинаетъ тянуть туда же. А я тебя считалъ почтеннымъ человѣкомъ.

— Ну,—отвѣтилъ Боркъ, вздохнувъ,—мы, старики, всетаки держимся, а молодежь... А! что тутъ толковать! Вотъ и моя дочь пришла ко мнѣ и говоритъ: „Какъ хочешь, отецъ, не-

зачѣмъ намъ пропадать. Я пойду на фабрику въ субботу. Пусть наша суббота будетъ въ воскресеніе".

Боркъ взялъ свою бороду обѣими руками, посмотрѣлъ на Матвѣя долгимъ взглядомъ и сказалъ:

— Вы еще не знаете, какая это сторона Америка! Вотъ вы посмотрите сами, какъ это вамъ понравится. Мистеръ Мозесъ сдѣлалъ изъ своей синагоги настоящую конгрегешенъ, какъ у американцевъ. И знаете, что онъ дѣлаетъ? Онъ вѣнчаетъ христіанъ съ еврейками, а евреекъ съ христіанами!

— Послушай, Берко, — сказалъ Матвѣй, начиная сердиться.—Ты, кажется, шутишь надо мной.

Но Боркъ смотрѣлъ на него все такъ же серьезно, и по его печальнымъ глазамъ Матвѣй понялъ, что онъ не шутитъ.

— Да,—сказалъ онъ, вздохнувъ.—Вотъ вы увидите сами. Вы еще молодой человѣкъ,—прибавилъ онъ загадочно...—Ну, а наши молодые люди уже всѣ реформаторы, или, еще хуже—эпикурейцы... Джонъ, Джонъ! А поди сюда на минуту!—крикнулъ онъ сыну.

Смѣхъ и разговоры въ сосѣдней комнатѣ стихли, и молодой Джонъ вышелъ, играя своей цѣпочкой. Роза съ любопытствомъ выглянула изъ-за дверей.

— Послушай, Джонъ,—сказалъ ему Боркъ.—Вотъ господинъ Лозинскій осуждаетъ васъ, зачѣмъ вы не исполняете вѣру отцовъ.

Джонъ, которому, видно, не очень любопытно было разговаривать объ этомъ,—поигралъ цѣпочкой и сказалъ:

— А развѣ господинъ тоже еврей?

Матвѣй выпрямился. У себя онъ бы, можетъ быть, поучилъ этого молокососа за такое обидное слово, но теперь онъ только отвѣтилъ:

— Я христіанинъ, и дѣды, и отцы были христіане—грекоуніаты...

— Оль райтъ!—сказалъ молодой Джонъ.—А какъ вы мнѣ скажете: можно ли спастись еврею?

Матвѣй подумалъ и сказалъ, немного смутившись:

— По совѣсти тебѣ, молодой человѣкъ, скажу: не думаю...

— Уэлль! Такъ зачѣмъ вы хотите, чтобы я держался такой вѣры, въ которой моя душа должна пропасть...

И видя, что Матвѣй долго не соберется отвѣтить, — онъ повернулся и опять ушелъ къ сестрѣ.

— А ну! Что вы скажете? — спросилъ Боркъ, глядя на лозищанина острымъ взглядомъ.—Вотъ какъ они тутъ умѣютъ разсуждать. Повѣрите вы мнѣ, на каждое ваше слово онъ вамъ сейчасъ вотъ такъ отвѣтитъ, что у васъ языкъ при-

сохнетъ. По нашему лучшая вѣра та, въ которой человѣкъ родился,—вѣра отцовъ и дѣдовъ. Такъ мы думаемъ, глупые старики.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Матвѣй, обрадовавшись.

— Ну, а знаете, что онъ вамъ скажетъ на это?

— Ну?

— Ну, онъ говоритъ такъ: значитъ, будетъ на свѣтѣ много самыхъ лучшихъ вѣръ, потому что ваши дѣды вѣрили по вашему... Такъ? Ага! А наши дѣды—по нашему. Ну, что же дальше? А дальше будетъ вотъ что: лучшая вѣра такая, какую человѣкъ выберетъ по своей мысли... Вотъ какъ они говорятъ, молодые люди...

— А чтобъ имъ провалиться,—сказалъ Матвѣй.—Да это значитъ, сколько головъ, столько вѣръ.

— А что вы думаете,—тутъ ихъ развѣ мало? Тутъ что ни улица, то своя конгрегешенъ. Вотъ нарочно подите въ воскресенье въ Бруклинъ, такъ даже можете не мало посмѣяться...

— Посмѣяться? Въ церкви?

— Ну, они и молятся, и смѣются, и говорятъ о своихъ дѣлахъ, и опять молятся... Я вамъ говорю,—Америка такая сторона... Вотъ увидите сами...

И долго еще эти два человѣка: старый еврей и молодой лозищанинъ сидѣли вечеромъ и говорили о томъ, какъ вѣрятъ въ Америкѣ. А въ сосѣдней комнатѣ молодые люди все болтали и смѣялись, а за стѣной глухо гремѣлъ огромный городъ...

X.

Городъ гремѣлъ, а Лозинскій, помолившись Богу и рано ложась на ночь, закрывалъ уши, чтобы не слышать этого страшнаго, тяжелаго грохота. Онъ старался забыть о немъ и думать о томъ, что будетъ, когда они разыщутъ Осипа и устроятся съ нимъ въ деревнѣ...

Въ той самой деревнѣ, которая померещилась имъ еще въ Лозищахъ, изъ-за которой Лозищи показались имъ бѣдны и скучны, изъ-за которой они проѣхали моря и земли, которая видѣлась имъ изъ-за дали океана, въ туманныхъ мечтахъ, какъ земля обѣтованная, какъ вторая родина, которая должна быть такая же дорогая, какъ и старая родина.

Такая же, какъ и старая, только гораздо лучше...

Такіе же люди, только добрѣе. Такіе же мужики, въ такихъ же свиткахъ, только мужики похожи на старыхъ лозищанъ, еще не забывшихъ о своихъ старыхъ правахъ, а

свитки тоньше и чище, только дѣти здоровѣе и всѣ обучены въ школѣ, только земли больше, и земля родитъ не по нашему; только лошади крѣпче и сытѣе, только плуги берутъ шире и глубже, только коровы даютъ по ведру на удой...

И такія же села, только побольше, да улицы шире и чище, да избы просторнѣе и свѣтлѣе, и крыты не соломою, а тесомъ... а можетъ быть, и соломой,—только новой и свѣжей... И должно быть, около каждаго дома — садикъ, а на краю села у выѣзда корчма, съ привѣтливымъ американскимъ жидомъ, гдѣ по вечерамъ гудитъ басъ, тонко подпѣваетъ скрипка и слышенъ въ весенніе теплые вечера топотъ и пѣсни до ранней зари, — какъ было когда-то въ старые годы въ Лозищахъ. А по серединѣ села школа, а недалеко отъ школы—церковка, можетъ быть, даже уніатская.

А въ селѣ такія же дѣвушки и молодицы, какъ вотъ эта Анна, только одѣты чище, и лица у нихъ не такія запуганныя, какъ у Анны, и глаза смѣются, а не плачутъ.

Все такое же, только лучше. И конечно, такіе же начальники въ селѣ, и такой же писарь, только и писарь больше боится Бога и высшаго начальства. Потому что и господа въ этихъ мѣстахъ должны быть добрѣе и все только думаютъ и смотрятъ, чтобы простому человѣку жилось въ деревнѣ какъ можно лучше...

Съ этими мыслями лозищанинъ засыпалъ, стараясь не слышать, что кругомъ стоитъ шумъ, глухой, непрерывный, глубокій. Какъ вѣтеръ по лѣсу, пронесся опять подъ окнами ночной поѣздъ, и окна тихо прозвенѣли и смолкли, — а Лозинскому казалось, что это опять гудитъ океанъ за бортомъ парохода... И когда онъ прижимался къ подушкѣ, то опять что-то стучало, ворочалось, громыхало подъ ухомъ... Это потому, что надъ землей и въ землѣ стучали безъ отдыха машины, вертѣлись чугунныя колеса, бѣжали канаты...

И вотъ, ночью Матвѣю приснилось, что кто-то стоитъ надъ нимъ огромный, безъ лица и не похожій совсѣмъ на человѣка, стоитъ и кричитъ, совсѣмъ такъ, какъ еще недавно кричалъ въ его ушахъ океанъ подъ ночнымъ вѣтромъ:

- Глупые люди, бѣдные, темные люди. Нѣтъ такой деревни на свѣтѣ, и нѣтъ такихъ мужиковъ, и господъ такихъ нѣту, и нѣтъ такихъ писарей. И поле здѣсь не такое, и не то здѣсь въ полѣ родится, и люди иные. И нѣтъ уже тебя, Матвѣя Оглобли, и нѣтъ твоего пріятеля Дымы, и нѣту Анны!.. Прежній Матвѣй уже умеръ, и умеръ Дыма, и умерла ваша прежняя вѣра, и сердце у васъ станетъ другое, и иная душа, и чужая молитва... И если бы встала твоя мать изъ забро-

шенной могилы, на тихомъ кладбищѣ подъ лозищанскимъ лѣсомъ,— то здѣсь въ дѣтяхъ твоихъ она не признала бы своихъ внуковъ... Потому что они не будутъ похожи ни на отца, ни на тебя, ни на дѣдовъ и прадѣдовъ... А будутъ американцы...

Матвѣй проснулся весь въ поту и сѣлъ на своей постели.

Онъ протиралъ глаза и не могъ вспомнить, гдѣ онъ. Въ комнатѣ было темно, но кто-то ходилъ, кто-то топалъ, кто-то сопѣлъ и кто-то стоялъ надъ самой его постелью.

Потомъ вдругъ комната освѣтилась, потому что кто-то зажегъ газовый рожокъ спичкой. Комната освѣтилась, а Матвѣй все еще сидѣлъ и ничего не понималъ, и говорилъ съ испугомъ:

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа.

— Ну, что еще?.. Чего ты это испугался?—сказалъ кто-то знакомымъ голосомъ. Голосъ былъ какъ будто Дымы, но что-то еще было въ немъ странное и чужое. И человѣкъ, стоявшій надъ кроватью Матвѣя, былъ тоже Дыма, но какъ будто какой-то другой, на Дыму не похожій... Матвѣй думалъ, что это все еще сонъ, и сталъ протирать кулаками глаза... Когда онъ открылъ ихъ, въ комнатѣ было еще свѣтлѣе, и по ней двигались люди, только что вернувшіеся цѣлой гурьбой... Странные люди, чужіе люди, люди непонятные и незнакомые, люди неизвѣстнаго званія, люди съ такими лицами, по которымъ нельзя было опредѣлить, добрые они или злые, нравятся ли они человѣку, или не нравятся... Они нахлынули въ комнату, точно толпа странныхъ привидѣній, которыя человѣку видятся порой только во снѣ—и тихо, безъ шума занимали свои мѣста. И Матвѣй долго еще не могъ сообразить—кто это, откуда, что здѣсь дѣлаютъ, и что онъ самъ дѣлаетъ среди нихъ...

А потомъ вспомнилъ: да вѣдь это американцы. Тѣ, что летаютъ по воздуху, что смѣются въ церквахъ, что женятся у раввиновъ на еврейкахъ, что выбираютъ себѣ вѣру, кто какъ захочетъ... Тѣ, что берутъ себѣ всего человѣка, и тогда у него тоже мѣняется вѣра...

А тотъ, что стоялъ надъ самой постелью,—неужели это Дыма? Да, это и былъ Дыма, но только опять такой, какъ будто онъ приснился во снѣ. Онъ очень торопился раздѣваться и отворачивалъ лицо. Однако, отъ Матвѣя не ускользнуло, что этотъ Дыма скидаетъ съ себя совсѣмъ не свою одежду. На немъ не было ни бѣлой свитки, ни краснаго пояса, купленнаго передъ самымъ отъѣздомъ въ мѣстечкѣ,

ни высокихъ смазныхъ сапогъ, ни широкихъ шароваръ изъ коричневой коломянки. Вмѣсто всего этого, онъ теперь старался поскорѣе вылѣзти изъ какой-то нѣмецкой кургузой куртки, не закрывавшей даже какъ слѣдуетъ того, что должно быть закрыто хорошей одеждой; шею его подпиралъ высокій воротникъ крахмальной рубашки, а ноги нельзя было освободить изъ узкихъ штановъ... Когда же онъ, наконецъ, раздѣлся и полѣзъ къ Матвѣю подъ одно одѣяло,—то Матвѣй даже отшатнулся, до такой степени самое лицо Дымы стало чужое. Волосы его были коротко острижены и торчали вихромъ на лбу, усы подстрижены надъ губой, а отъ бороды осталась только узкая американская лопатка.

— Побойся ты Бога, Дыма! — сказалъ Матвѣй, вглядѣвшись.—На кого ты похожъ, и что это ты надъ собою сдѣлалъ?

Дыма, повидимому, чувствовалъ себя такъ, какъ человѣкъ, который вышелъ на базаръ, забывши надѣть штаны... Онъ какъ-то все отворачивалъ лицо, закрывалъ ротъ рукою и говорилъ какимъ-то виноватымъ и слащавымъ голосомъ:

— Да вотъ, какъ меня видишь... Зашелъ съ проклятымъ ирландцемъ въ цирульню, чтобы меня немного остригли. Повѣрь совѣсти, Матвѣй, я хотѣлъ чуть-чуть... А вышло вотъ что. Посадили меня въ кресло. Кресло, знаешь, такое хорошее, а только какъ сѣлъ въ него—и кончено. Ноги сейчасъ схватило чѣмъ-то и кинуло кверху, голову отвалило назадъ: ей-Богу, какъ баранъ на бойнѣ... Вижу, дѣлаетъ нѣмецъ не такъ, какъ надо, а двинуться не могу. Посмотрѣлъ потомъ на себя въ зеркало, — не я, да и только. „Что ты, говорю, собачій сынъ, надъ человѣкомъ сдѣлалъ?“ А они оба довольны, хлопаютъ меня по плечу: „Уэлъ, уэлъ, вери уэлъ!“

Дыма тихонько полѣзъ подъ одѣяло, стараясь улечься на краю постели. Однако, когда въ комнатѣ погасили огонь и послѣдній изъ американцевъ улегся, онъ сначала все еще лицемѣрно вздохнулъ, потомъ поправился на своемъ мѣстѣ и, наконецъ, сказалъ:

— Ну, а всетаки, признайся, Матвѣй... Всетаки этакъ человѣкъ какъ-то больше похожъ на американца.

— А зачѣмъ тебѣ непремѣнно походить на американца?— сказалъ Матвѣй холодно...

— И знаешь,—живо продолжалъ Дыма, не слушая,—когда я, вдобавокъ, вымѣнялъ у еврея на базарѣ эту одежду... съ небольшой, правда, придачей... то уже на улицѣ подошелъ ко мнѣ какой-то господинъ и заговорилъ по-англійски...

— Ахъ, Иванъ, Иванъ,—сказалъ Матвѣй съ такой горечью,

что Дыму что-то какъ бы укололо, и онъ заворочался на мѣстѣ.—Правду, видно, говоритъ этотъ Берко: ты уже скоро забудешь и свою вѣру...

— Иные люди, — заворчалъ Дыма, отворачиваясь, — такъ упрямы, какъ лозищанскій волъ... Имъ лучше, чтобы въ нихъ кидали на улицѣ корками...

— Вотъ ты уже ругаешься Лозищами, въ которыхъ родился,—сказалъ Матвѣй и замолчалъ. Дыма еще поворчалъ, поворочался, повздыхалъ и затѣмъ заговорилъ тихо, немного заискивающимъ голосомъ:

— Охота тебѣ слушать Берка. Вотъ онъ облаялъ этого ирландца... И совсѣмъ напрасно... Знаешь, я таки разузналъ, что это такое Тамани-холлъ и какъ продаютъ свой голосъ... Дѣло совсѣмъ простое... Видишь ли... Они тутъ себѣ выбираютъ голову, судей и прочихъ тамъ чиновниковъ... Одни подаютъ голоса за однихъ, другіе за другихъ... Ну, понимаешь, всякому хочется попасть повыше... Вотъ они и платятъ... Только, говоритъ, подай голосъ за меня... Кто соберетъ десять голосовъ, кто двадцать... Ты, Матвѣй, слушаешь меня?

И, хотя Матвѣй ничего не отвѣтилъ, онъ продолжалъ:

— И по-моему это-таки справедливо: хочешь себѣ,—дай же и людямъ... И знаешь еще что?..

Тутъ Дыма понизилъ голосъ до шопота и повернулся совсѣмъ къ Матвѣю:

— Они говорятъ—этотъ ирландецъ и еврей, у котораго я покупалъ одежду,—что и намъ бы можно... Конечно, голоса не совсѣмъ настоящіе, но тоже чего-нибудь стоятъ...

Матвѣй хотѣлъ отвѣтить что-то очень внушительное, но въ это время съ одной изъ кроватей послышался сердитый окрикъ какого-то американца. Дыма разобралъ только одно слово devil, но и изъ него понялъ, что ихъ обоихъ посылаютъ къ дьяволу за то, что они мѣшаютъ спать... Онъ скорчился и юркнулъ подъ одѣяло.

А наверху, въ маленькой комнаткѣ спали вмѣстѣ Роза и Анна. Когда имъ пришлось ложиться,—Роза посмотрѣла на Аннушку и спросила:

— Вамъ, можетъ быть, непріятно будетъ спать на одной постели съ еврейкой?

Анна покраснѣла и сконфузилась.

Она собиралась молиться, вынула свой образокъ и только-что хотѣла приладить его гдѣ-нибудь въ уголку, какъ слова Розы напомнили ей, что она — въ еврейскомъ помѣщеніи. Она стояла въ нерѣшительности, съ образкомъ въ рукахъ. Роза все смотрѣла на нее и потомъ сказала:

— Вы хотите молиться и... я вамъ мѣшаю... Я сейчасъ уйду?

Анна сконфузилась. Она дѣйствительно думала, хорошо ли молиться Богу въ присутствіи еврейки, и позволитъ ли еврейка молиться по-христіански въ своей комнатѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она.—Только... я думала,—не будетъ ли вамъ непріятно?

— Молитесь, — просто сказала Роза и стала оправлять постель.

Аннушка прочитала свои молитвы, и обѣ дѣвушки стали раздѣваться. Потомъ Роза завернула газовый рожокъ и свѣтъ погасъ. Черезъ нѣкоторое время въ темнотѣ обозначилось окно, а за окномъ высоко надъ продолжающимъ гудѣть огромнымъ городомъ, стояла небольшая, блѣдная луна.

— О чемъ вы думаете? — спросила Роза лежащую съ ней рядомъ Анну.

— Я думаю... видятъ ли теперь этотъ самый мѣсяцъ въ нашемъ городишкѣ.

— Нѣтъ, не видятъ, — отвѣтила Роза, — у васъ теперь день... А какой вашъ городъ?

— Нашъ городъ — Дубно...

— Дубно? — живо подхватила Роза. — Мы тоже жили въ Дубнѣ... А зачѣмъ вы оттуда уѣхали?

— Братья уѣхали раньше... Я жила съ отцомъ и младшимъ братомъ. А послѣ этого брата... услали.

— Что онъ сдѣлалъ?

— Онъ... вы не думайте... Онъ не воръ и не что-нибудь... только...

Она замялась. Она не хотѣла сказать, что, когда разбивали еврейскіе дома, онъ разбивалъ тоже, и послѣ стали драться съ войсками... Она думала, что лучше не говорить этого, и замолчала.

— Что-жъ, — сказала Роза, — со всякимъ можетъ случиться несчастіе. Мы жили спокойно и тоже не думали ѣхать такъ далеко. А потомъ... вы, можетъ-быть, знаете... когда стали громить евреевъ... Ну, что людямъ нужно?.. У насъ все разбили, и... моя мать...

Голосъ Розы задрожалъ.

— Она была слабая... и они ее очень испугали... и она умерла.

Анна подумала, что она хорошо сдѣлала, не сказавъ Розѣ всего о братѣ... У нея какъ-то странно сжалось сердце... И еще долго она лежала молча, и ей казались странными и этотъ глухо гудящій городъ, и люди, и то, что она лежитъ на одной по-

стели съ еврейкой, и то, что она молилась въ еврейской комнатѣ, и что эта еврейка кажется ей совсѣмъ не такой, какой представлялась бы тамъ, на родинѣ...

Начинало уже свѣтать, когда, наконецъ, обѣ дѣвушки заснули крѣпкимъ молодымъ сномъ. А въ это самое время Матвѣй, приподнявшись на своей постели, послѣ легкаго забытья, — все старался припомнить, гдѣ онъ и что съ нимъ случилось. Ненадолго притихшій было городъ начиналъ просыпаться за стѣной. Быстрѣе ворочались колеса на какой-то близкой станціи и уже пронесся поѣздъ, шумя, какъ вѣтеръ въ бору передъ дождливымъ утромъ. Рядомъ на другой подушкѣ лежала голова Дымы, но Матвѣй съ трудомъ узналъ своего пріятеля. Лицо Дымы было красно, потому что его сильно подпиралъ тугой воротникъ не снятой на ночь крахмальной сорочки. Прежніе его казацкіе длинные усы были подстрижены, и одинъ еще держался кверху тонко нафабреннымъ кончикомъ. Вообще, — при видѣ этого почти чужого лица Матвѣю стало какъ-то обидно... Ему казалось, что Дыма становится чужимъ...

XI.

И, дѣйствительно, съ слѣдующаго утра стало замѣтно, что у Ивана Дымы началъ портиться характеръ...

Когда онъ проснулся, то прежде всего, наскоро одѣвшись, подошелъ къ зеркалу и сталъ опять закручивать усы кверху, что дѣлало его совсѣмъ не похожимъ на прежняго Дыму. Потомъ, едва поздоровавшись съ Матвѣемъ, подошелъ къ ирландцу Падди и сталъ разговаривать съ нимъ, видимо гордясь его знакомствомъ и какъ будто даже щеголяя передъ Матвѣемъ своими развязными манерами. Матвѣю казалось, однако, что остальные американцы глядятъ на Дыму съ улыбкой.

Компанія жильцовъ мистера Борка была довольно разнообразна. Были тутъ и нѣмцы, и итальянецъ, и два-три англичанина, и нѣсколько ирландцевъ. Часть этихъ людей казалась Матвѣю солидными и серьезными. Они вставали утромъ, умывались въ ванной комнатѣ, мало разговаривали, пили въ сосѣдней комнатѣ кофе, которое подавали имъ Роза съ Анной, и потомъ уходили на работу или на поиски работы. Но была тутъ и кучка людей, которые оставались на цѣлые дни, курили, жевали табакъ и страшно плевались, стараясь попадать въ каминъ, иной разъ черезъ головы сосѣдей. У нихъ не было опредѣленныхъ часовъ работы. Иной разъ они уходили куда-то гурьбой, и тогда звали съ собой и Дыму... Въ

разговорахъ часто слышалось слово Тамани-холлъ... Дѣла этой компаніи, повидимому, шли въ это время хорошо. Возвращаясь изъ своихъ похожденій въ помѣщеніе Борка — они часто громко хохотали... И Дыма хохоталъ съ ними, что Матвѣю казалось очень противно.

Такъ прошло еще два-три дня.

Характеръ Дымы портился все больше. Правда, онъ сдѣлалъ большіе, даже удивительные успѣхи въ языкѣ. За двѣ недѣли на морѣ и за нѣсколько дней у Борка онъ уже говорилъ цѣлыя фразы, могъ спросить дорогу, могъ поторговаться въ лавкѣ и при помощи рукъ и разныхъ движеній — разговаривалъ съ Падди такъ, что тотъ его понималъ и передавалъ другимъ его слова... Это, конечно, не заслуживало еще осужденія. Но Матвѣя огорчало и даже сердило, что Дыма не просто говоритъ, а какъ будто гримасничаетъ и передразниваетъ кого-то: вытягиваетъ нижнюю губу, жуетъ, шипитъ, картавитъ... „Взялъ бы хоть примѣръ съ жида, — думалъ про него Матвѣй. — Онъ тоже говоритъ съ американцами на ихъ языкѣ, но — какъ степенный и серьезный человѣкъ“. А Дыма уже и „мистеръ Боркъ“ произноситъ какъ-то особенно картаво, — мисте'гъ Бег'къ. А иной разъ, забывшись, онъ уже и Матвѣя начиналъ называть мистеръ Мэтью... Въ такихъ случаяхъ Матвѣй смотрѣлъ на него долгимъ укоризненнымъ взглядомъ — и онъ немного смущался.

Въ одинъ день, послѣ того, какъ Падди долго говорилъ что-то Дымѣ, указывая глазами на Матвѣя, — они оба ушли куда-то, вѣроятно, къ еврею-лавочнику, который въ трудныхъ случаяхъ служилъ имъ переводчикомъ. Вернувшись, Дыма подошелъ къ Матвѣю и сказалъ:

— Послушай, Матвѣй, что я тебѣ скажу. Сидимъ мы здѣсь оба безъ дѣла и только тратимъ кровныя деньги. А между тѣмъ, можно бы дѣйствительно кое-что заработать.

Матвѣй поднялъ глаза и, ничего не говоря, ожидалъ, что Дыма скажетъ дальше.

— Вотъ видишь ли... Тутъ эти вотъ шестеро — агенты или, по нашему, факторы Тамани-холла... Это, видишь ли, такая, скажемъ, себѣ компанія... Скоро выборы. И они хотятъ выбрать въ мэры надъ городомъ своего человѣка. И всѣхъ тогда назначатъ тоже своихъ... Ну, и тогда уже дѣлаютъ въ городѣ что хотятъ...

— Ну, такъ что же? — спросилъ Матвѣй.

— Такъ вотъ они собираютъ голоса. Они говорятъ, что, если бы оба наши голоса, то они и дали бы больше, чѣмъ за одинъ мой... А намъ что это стоитъ? Нужно только тутъ

въ одномъ мѣстѣ записаться и не говорить, что мы недавно пріѣхали. А потомъ... Ну, они все сдѣлаютъ и укажутъ...

Матвѣй вспомнилъ, что разъ уже Дыма заговаривалъ объ этомъ; вспомнилъ также и серьезное лицо Борка, и презрительное выраженіе его печальныхъ глазъ, когда онъ говорилъ о занятіяхъ Падди. Изъ всего этого въ душѣ Матвѣя сложилось рѣшеніе, а въ своихъ рѣшеніяхъ онъ былъ упрямъ, какъ быкъ. Поэтому онъ отказался наотрѣзъ.

— Но отчего же ты не хочешь? Скажи! — спросилъ Дыма съ неудовольствіемъ.

— Не хочу, — упрямо отвѣтилъ Матвѣй. — Голосъ данъ человѣку не для того, чтобы его продавать.

— Э, глупости! — сказалъ Дыма. — Вѣдь не останешься же ты послѣ этого безъ голоса. Даже не охрипнешь. Если люди покупаютъ, такъ отчего не продать? Всетаки не убудетъ въ кошелѣ, а прибудетъ...

— А помнишь, какъ когда-то экономъ уговаривалъ насъ, чтобы мы подписали его бумагу... Что бы тогда вышло?

— Гм... да... — пробормоталъ Дыма, немного растерявшись. — Потеряли бы всю чиншевую землю! Такъ вѣдь тамъ было что терять. А тутъ... что намъ за дѣло? Даютъ, чортъ ихъ бей, деньги и кончено.

Матвѣй не нашелъ, что отвѣтить, но онъ былъ человѣкъ упрямый.

— Не пойду, — сказалъ онъ, — и если хочешь меня послушать, — то и тебѣ не совѣтую. Не связывайся ты съ этимъ лодыремъ.

И Матвѣй безъ церемоніи ткнулъ пальцемъ по направленію къ Падди, который внимательно слѣдилъ за разговоромъ и, увидя, что Матвѣй указываетъ на него, весело закивалъ головой. Дыма, конечно, тоже не послушался. — Ну, что-жъ, — сказалъ онъ, — когда ты такой, то заработаю одинъ. Всетаки хоть что-нибудь...—И въ тотъ же день онъ сообщилъ, что его уже записали...

XII.

Письма все не было, а дни шли за днями. Матвѣй больше сидѣлъ дома, ожидая, когда, наконецъ, онъ попадетъ въ американскую деревню, а Дыма часто уходилъ и, возвращаясь, разсказывалъ Матвѣю что-нибудь новое.

— Сегодня Падди сводилъ меня на кулачную драку, — сказалъ онъ однажды. — Ты, Матвѣй, и представить себѣ не можешь, какъ этотъ народъ любитъ драться. Какъ только двое заспорятъ, то остальные станутъ въ кругъ, — кто съ

трубкой, кто съ сигарой, кто съ жвачкой, и смотрятъ. А тѣ сейчасъ куртки долой, засучатъ рукава, завертятъ-завертятъ руками и — хлопъ! Кто половчѣе, глядишь, и засвѣтилъ другому фонарь... И при томъ, больше всего любятъ бить по лицу, въ носъ, или, если ужъ не удастся — въ ухо. А въ темя или подъ сердце — Боже упаси! Но дерутся, замѣть, не сердито и, какъ только одинъ полетитъ пятками кверху, такъ его сейчасъ поднимутъ, обмоютъ лицо и опять сядутъ вмѣстѣ за игру или тамъ за кружки, какъ будто бы ничего и не случилось. И начнутъ говорить, кто какъ ударилъ, и какъ бы можно ударить еще лучше.

— Ну, это правда, — подтвердилъ Боркъ, слышавшій разсказъ Дымы. — Во всей Америкѣ боксъ очень любятъ! И если еще, вдобавокъ, выищутся какіе-нибудь необыкновенные силачи, то ѣздятъ изъ города въ городъ и тузятъ другъ друга на людяхъ за хорошія деньги. И знаете что: въ это время за ними ѣздятъ газетчики и все записываютъ. И даже посылаютъ телеграммы: „въ два часа 15 минутъ 4 секунды Джонъ подбилъ Джеку правый глазъ, вотъ такимъ способомъ, а черезъ полминуты Джекъ свалилъ Джона съ ногъ такъ-то“. И тогда въ разныхъ городахъ люди сидятъ въ ресторанахъ, а имъ читаютъ извѣстія. И они спорятъ: какъ бы можно ударить Джона или Джека еще лучше... И что вы думаете: проигрываютъ на этомъ большія деньги!

— Лодыри! — сказалъ на это Матвѣй...

Въ одинъ день Дыма пришелъ подъ вечеръ и сказалъ, что сегодня они таки выбрали новаго мэра и именно того, кого хотѣлось Тамани-холлу.

— Жарко было, о вэллъ! — сказалъ онъ хвастливо. — А всетаки наша взяла... И знаешь: Падди мнѣ говоритъ, что много помогли наши „ненастоящіе голоса“.

Въ этотъ день Падди и его компанія были особенно веселы и шумны. Они ходили по кабачкамъ, много пили и угощали Дыму. Дыма вернулся съ ними красный, говорилъ громко, держался особенно развязно. Матвѣй сидѣлъ на своей постели, около газоваго рожка и, пристроивъ небольшой столикъ, читалъ библію, стараясь не обращать вниманія на поведеніе Дымы.

Однако, черезъ нѣсколько минутъ, Дыма подошелъ къ нему и, положивъ ему руку на плечо, наклонился къ его лицу такъ близко, что отъ него запахло даже виномъ.

— Слушай, Матвѣй, — сказалъ онъ какимъ-то заискивающимъ голосомъ. — Вотъ видишь, что я тебѣ хочу сказать. Они... хотѣли бы угостить тебя.

— Спасибо, я не хочу, — отвѣтилъ Матвѣй, не отрываясь отъ книги.

— И видишь, что еще... Пожалуйста, не прими тамъ какъ-нибудь... того... въ дурную сторону. У всякаго народа свой обычай, и въ чужой монастырь, какъ говорится, не ходятъ со своимъ уставомъ.

— Къ чему ты это ведешь? — спросилъ Матвѣй строго.

— А къ тому, что этотъ Падди хочетъ съ тобой драться...

Матвѣй даже разинулъ ротъ отъ удивленія, и два пріятеля съ полминуты молча глядѣли другъ на друга. Потомъ Дыма отвелъ глаза и сказалъ:

— Когда уже у нихъ здѣсь такой обычай...

— Послушай, Дыма, — сказалъ Матвѣй серьезно. — Почему ты думаешь, что ихъ обычай непремѣнно хорошъ? А по моему, у нихъ много такихъ обычаевъ, которыхъ лучше не перенимать крещеному человѣку. Это говорю тебѣ я, Матвѣй Лозинскій, для твоей пользы. Вотъ ты уже перемѣнилъ себѣ лицо, а потомъ застыдишься и своей вѣры. И когда придешь на тотъ свѣтъ, то и родная мать не узнаетъ, что ты былъ лозищанинъ.

— Э! — отвѣтилъ Дыма съ неудовольствіемъ. — Гдѣ Крымъ, гдѣ Римъ, а гдѣ панская корчма. Съ какой стати ты приплелъ сюда мою покойницу мать? Мнѣ говорятъ: скажи, я и сказалъ. А ты какъ себѣ хочешь.

— Ну, такъ я и говорю: скажи ты своимъ пріятелямъ, пусть не просятъ своего Бога, чтобы я сталъ съ ними драться...

— Ну, вотъ видишь, — обрадовался Дыма. — Я имъ какъ разъ говорилъ, что ты у насъ самый сильный человѣкъ не только въ Лозищахъ, но и во всемъ уѣздѣ. А они говорятъ: ты не знаешь правильнаго боя.

Дыма отошелъ къ ирландцамъ, а Матвѣй опять обратился къ старой библіи и погрузился въ чтеніе.

Онъ сталъ читать, шевеля губами, о томъ, какъ двое молодыхъ людей пришли въ Содомъ къ Лоту, и какъ жители города захотѣли взять ихъ къ себѣ. Потомъ онъ поднялъ голову и началъ думать. Онъ думалъ о томъ, что вотъ они съ Дымой какъ разъ такіе молодые люди въ этомъ городѣ. Только у Дымы сразу сталъ портиться характеръ, и онъ самъ пошелъ къ жителямъ города...

Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, кто-то вдругъ погасилъ рожокъ, около котораго онъ сидѣлъ. Матвѣй оглянулся. За нимъ, недалеко, сидѣлъ мистеръ Падди, ирландецъ, пріятель Дымы, и невинно улыбался.

Матвѣй досталъ спичку, зажегъ рожокъ и опять принялся

за книгу. Однако, догадавшись, что Падди на этомъ не кончитъ,—онъ тотчасъ оглянулся. Падди стоялъ сзади и уже вытянулъ ротъ, чтобы дунуть на огонь изъ-за плеча Матвѣя.

Матвѣй не очень сильно двинулъ локтемъ, и Падди упалъ на постель.

— All right (хорошо),—сказалъ онъ, подымаясь и скидая куртку.

— Wery well (отлично),—сказали его товарищи, отодвигая стулья и подходя къ тому мѣсту.

— Аль райтъ,—повторилъ за другими и Дыма какъ-то радостно.—Теперь выходи, Матвѣй, на середину, и, главное, защищай лицо. Онъ будетъ бить по носу и въ губы. Я знаю его манеру...

Но Матвѣй, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ опять и раскрылъ свою книгу.

Ирландцы были озадачены. Однако, такъ какъ у нихъ на все есть свои правила, то вскорѣ Падди сталъ подходить къ Матвѣю, присѣдая и вертя кулаками, точно мельницей.

— Ну, дѣлать нечего,—подумалъ Матвѣй,—если ужъ ты самъ этого хочешь.

И не успѣлъ еще Падди изловчиться, какъ уже сильный лозищанинъ всталъ во весь ростъ, какъ медвѣдь на охотника, поднялъ надъ головой Падди обѣ руки, потомъ сгребъ его за густые, хотя и не длинные волосы, нагнулъ и, зажавъ голову колѣнями, нѣсколько разъ шлепнулъ очень громко по мягкому мѣсту.

Все это случилось такъ быстро, что никто не успѣлъ и оглянуться. А когда Падди поднялся, озираясь кругомъ, точно новорожденный младенецъ, который не знаетъ, что съ нимъ было до этой минуты,—то всѣ невольно покатились со смѣху.

На нѣсколько минутъ большая комната мистера Борка оглашалась только хохотомъ на разные лады и разными голосами. Даже длинный американецъ, съ сухимъ лицомъ и рыжей бородой въ видѣ лопатки, человѣкъ въ очень потертомъ клѣтчатомъ костюмѣ, на высохшемъ и морщинистомъ лицѣ котораго никогда не видно было даже подобія улыбки, теперь дѣлалъ какія-то невѣроятныя гримасы, какъ будто хватилъ нечаянно уксусу, и изъ его горла вылетало что-то такое, какъ будто онъ сильно заикался. А одинъ безусый юноша, недавно занявшій послѣднюю кровать у мистера Борка, кинулся на свою постель и хохоталъ звонко, неудержимо, лягая въ воздухѣ ногами, какъ будто боялся, что иначе смѣхъ задушитъ его на смерть. На этотъ шумъ изъ другихъ комнатъ прибѣжали сначала Роза, а потомъ и Анна. Роза видѣла только, какъ

Падди оглядывался по комнатѣ, и всетаки упала на стулъ у двери, свѣсивъ руки и закинувъ голову отъ смѣха. А Анна уже ничего не видѣла, но всетаки смѣялась, зараженная общимъ хохотомъ и глядя на сухопараго американца, который все еще икалъ и какъ будто давился.

Дыма тоже смѣялся и сначала очень гордился своимъ пріятелемъ.—А, что! Я говорилъ вамъ,—сказалъ онъ, поворачиваясь къ смѣющимся американцамъ и забывая даже перевести свои слова.—Га! Вотъ какъ дерутся у насъ, въ Лозищахъ.—Но послѣ, когда смѣхъ постепенно утихъ и всѣ принялись горячо обсуждать случившееся, лицо Дымы стало омрачаться, и черезъ нѣкоторое время онъ сказалъ такъ, что Матвѣй разслышалъ ясно его слова:

— Хорошо, нечего сказать: драться, точно медвѣдь у берлоги... Это стыдъ передъ образованными людьми...

— Ничего,—отвѣтилъ Матвѣй спокойно, опять, какъ ни въ чемъ не бывало, принимаясь за библію,—хоть по медвѣжьи, а здорово. Въ другой разъ твой Падди будетъ знать...

Ирландцы пошумѣли еще нѣкоторое время, потомъ разступились, выпустивъ Падди, который опять вышелъ впередъ и пошелъ на Матвѣя, сжавъ плечи, втянувъ въ нихъ голову, опустивши руки и изгибаясь, какъ змѣя. Матвѣй стоялъ, глядя съ нѣкоторымъ удивленіемъ на его странныя ужимки, и уже опять было приготовился повторить прежній урокъ, какъ вдругъ ирландецъ присѣлъ; руки Матвѣя напрасно скользнули въ воздухѣ, ноги какъ будто сами поднялись, и онъ полетѣлъ черезъ постель на спину.

Кроватъ затрещала, и огромный лозищанинъ свалился на полъ.

— All right—одобрительно раздалось въ кучѣ ирландцевъ, а Падди, довольный, сталъ надѣвать свою куртку. Но въ это время Матвѣй тяжело поднялся изъ-за кровати.

Его нельзя было узнать: всегда кроткіе глаза его теперь глядѣли дико, волосы торчали дыбомъ, зубы скрипѣли, и онъ озирался, что̀ бы ему взять въ руку.

Ирландцы взяли Падди въ середину и сомкнулись тревожно, какъ стадо при видѣ медвѣдя. Всѣ они глядѣли на этого огромнаго человѣка, ожидая чего-то страшнаго, тѣмъ болѣе, что Дыма тоже стоялъ перепуганный и блѣдный...

Трудно сказать, что было бы дальше, но въ эту минуту Анна перебѣжала черезъ комнату и схватила Матвѣя за руку.

— Для Бога,—сказала она только.—О, для Бога!..

Матвѣй поглядѣлъ на нее сначала мутнымъ, непонимаю-

щимъ взглядомъ, но черезъ нѣсколько секундъ тяжело перевелъ духъ. Потомъ отвернулся и сѣлъ къ окну.

Ирландцы успокоились. Падди хотѣлъ даже подойти къ Матвѣю и протянулъ руку; но Дыма остановилъ его, и они оставили Матвѣя въ покоѣ.

А за окномъ весь міръ представлялся сплошною тьмой, усѣянной свѣтлыми окнами. Окна большія и окна маленькія, окна свѣтились внизу, и окна стояли гдѣ-то высоко въ небѣ, окна яркія и веселыя, окна чуть видныя и будто прижмуренныя. Окна вспыхивали и угасали, наконецъ, ряды оконъ пролетали мимо и въ нихъ мелькали, проносились и исчезали чьи-то фигуры, чьи-то головы, чьи-то едва видныя лица...

XIII.

Поздпимъ вечеромъ Дыма осторожно улегся въ постель рядомъ съ Матвѣемъ, который лежалъ, заложивъ руки за голову, и о чемъ-то думалъ, уставивши глаза и сдвинувши брови. Всѣ уже спали, когда Дыма, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— И чего бы, кажется, сердиться на пріятеля.. Развѣ я тутъ виноватъ... Если уже какой-нибудь поджарый Падди можетъ повалить самаго сильнаго человѣка во всѣхъ Лозищахъ... Га! Это значитъ, такая уже въ этой сторонѣ во всемъ образованность... Тутъ сердиться нечего, ничего этимъ не поможешь, а видно надо какъ-нибудь и самимъ ухитряться... Индѣйскій ударъ! Это у нихъ, видишь ли, называется индѣйскимъ ударомъ...

Матвѣй поднялся на постели, повернулъ лицо къ Дымѣ и спросилъ:

— А ты, Дыма Лозинскій, зналъ впередъ, что они мнѣ приготовили эту индійскую штуку?..

— А... развѣ я уже все понимаю по-англійски,—отвѣчалъ Дыма уклончиво. И затѣмъ, обрадовавшись, что Матвѣй говоритъ спокойно, онъ продолжалъ уже смѣлѣе:

— Вотъ, знаешь что,—сходимъ завтра къ этому цирульнику. Приведи ты и себя, какъ это здѣсь говорится, въ порядокъ, и кончено. Ей-Богу, правда!—прибавилъ онъ сладкимъ голосомъ и уже собираясь заснуть.

Но вдругъ онъ съ испугомъ привскочилъ на кровати. Матвѣй тоже сидѣлъ. При свѣтѣ съ улицы было видно, что лицо его блѣдно, волосы стоятъ дыбомъ, глаза горятъ, а рука приподнята кверху.

— Слушай ты, Дыма, что тебѣ скажетъ Матвѣй Лозинскій. Пусть громъ разобьетъ твоихъ пріятелей, вмѣстѣ съ

этимъ мерзавцемъ Таманиголломъ, или какъ тамъ его зовутъ! Пусть громъ разобьетъ этотъ проклятый городъ и выбраннаго вами какого-то мэра. Пусть громъ разобьетъ и эту ихъ мѣдную свободу, тамъ на островѣ... И пусть ихъ возьмутъ всѣ черти, вмѣстѣ съ тѣми, кто продаетъ имъ свою душу...

— Тише, пожалуйста, Матвѣй,—пробовалъ остановить его Дыма.—Люди спятъ, и здѣсь не любятъ, когда кто кричитъ ночью...

Но Матвѣй не остановился, пока не кончилъ. А въ это время, дѣйствительно, и ирландцы повскакали съ кроватей, кто-то зажегъ огонь, и всѣ, проснувшись, смотрѣли на разсвирѣпѣвшаго лозищанина.

— Смотрите, не смотрите, а это правда,—сказалъ онъ, повернувшись къ нимъ и грозя кулакомъ, и затѣмъ опять повалился на постель.

Американцы стали тревожно разговаривать между собой и потомъ, потребовавъ Дыму, спрашивали у него, въ своемъ ли разумѣ его пріятель и не грозитъ ли имъ ночью отъ него какая-нибудь опасность. Но Дыма ихъ успокоилъ: теперь Матвѣй будетъ спать и никому ничего не сдѣлаетъ. Онъ человѣкъ добрый, только не знаетъ образованности, и теперь его дня два не надо трогать... Тогда американцы тихо разошлись по своимъ постелямъ, оглядываясь на Матвѣя. Погасили огни, и въ комнатѣ мистера Борка водворилась тишина. Только огни съ улицы свѣтили смутно и неясно, такъ что нельзя было видѣть, кто спитъ и кто не спитъ въ помѣщеніи мистера Борка.

XIV.

Матвѣй Лозинскій долго лежалъ въ темнотѣ съ открытыми глазами и забылся сномъ уже передъ утромъ, въ тотъ сѣрый часъ, когда заснули совсѣмъ даже улицы огромнаго города. Но его сонъ былъ мучителенъ и тревоженъ: онъ привыкъ уважать себя и не могъ забыть, что съ нимъ сдѣлалъ негодяй Падди. И какъ только онъ начиналъ засыпать,—ему снилось, что онъ стоитъ, неспособный двинуть ни рукой, ни ногой, а къ нему, присѣдая, подгибая колѣни и извиваясь, какъ змѣя, подходитъ кто-то,—не то Падди, не то какой-то курчавый негръ, не то Джонъ. И онъ не можетъ ничего сдѣлать, и летитъ куда-то среди грохота и шума, и передъ глазами его мелькаетъ испуганное лицо Анны.

Потомъ вдругъ все стихло, и онъ увидѣлъ еврейскую свадьбу; мистеръ Мозесъ изъ Луисвилля, еврей очень непріятнаго вида, вѣнчаетъ Анну съ молодымъ Джономъ. Джонъ съ

торжествующимъ видомъ топчетъ ногой рюмку, какъ это дѣлается на еврейской свадьбѣ, а кругомъ, надрываясь, всѣ въ поту, съ вытаращенными глазами, ирландцы гудятъ и пищатъ на скрипицахъ, и на флейтахъ, и на пузатыхъ контрабасахъ... А невдалекѣ, задумчивый и недоумѣвающій, стоитъ Берко и говоритъ:

— Ну, что вы на это скажете?.. И какъ вы это можете допустить?..

Матвѣй заскрежеталъ во снѣ зубами, такъ что Дыма проснулся и отодвинулся отъ него со страхомъ...—Гей-гей!—закричалъ Матвѣй во снѣ...—А гдѣ же тутъ христіане? Развѣ не видите, что жиды захватили христіанскую овечку!..

Дыма отодвинулся еще дальше, слушая бормотаніе Матвѣя,—но тотъ уже смолкъ, а сонъ шелъ своимъ чередомъ... Бѣгутъ христіане со всѣхъ сторонъ, съ улицъ и базаровъ, изъ шинковъ и отъ возовъ съ хлѣбомъ. Бѣгутъ христіане съ крикомъ и шумомъ, съ камнями и дреколіемъ... Быстро запираются двери домовъ и лавочекъ, звякаютъ стекла, слышны отчаянные крики женщинъ и дѣтей, летятъ изъ оконъ еврейскіе бебехи и всякая рухлядь, пухъ изъ перинъ кроетъ улицы, [illegible]но снѣгомъ...

Потомъ и это затихло, и въ глубокомъ снѣ къ Матвѣю подошелъ кто-то и сталъ говорить голосомъ важнымъ и почтеннымъ что-то такое, отъ чего у Матвѣя на лицѣ даже сквозь сонъ проступило выраженіе крайняго удивленія и даже растерянности.

И на этомъ онъ проснулся... Ирландцы спѣшно пили въ сосѣдней комнатѣ утренній кофе и куда-то торопливо собирались. Дыма держался въ сторонѣ и не глядѣлъ на Матвѣя, а Матвѣй все старался вспомнить, что это ему говорилъ кто-то во снѣ, теръ себѣ лобъ и никакъ не могъ припомнить ни одного слова. Потомъ, когда почти всѣ разошлись, и квартира Борка опустѣла,—онъ вдругъ поднялся на верхъ, въ комнату дѣвушекъ.

Тамъ онъ засталъ Джона. Въ послѣдніе дни молодой человѣкъ нерѣдко заходилъ туда, просиживалъ по получасу и болѣе и что-то оживленно разсказывалъ Аннѣ. На этотъ разъ, поднимаясь по лѣстницѣ, Матвѣй опять услышалъ голосъ молодого человѣка.

— Ну, вотъ видите,—говорилъ онъ,—такъ-то здѣсь живутъ, въ новомъ свѣтѣ, что? Развѣ плохо?

Увидя Матвѣя, онъ скоро попрощался и выбѣжалъ, чтобы поспѣть къ поѣзду, а Матвѣй остался. Лицо его было немного блѣдно, глаза глядѣли печально, и Анна потупилась, ожидая,

что онъ скажетъ. Обѣ дѣвушки посмотрѣли на него какъ-то застѣнчиво, какъ будто невольно вспоминали объ индѣйскомъ ударѣ и боялись, что Лозинскій догадается объ этомъ. Онъ тяжело присѣлъ на постель, посмотрѣлъ на Анну немного растерянным взглядомъ и сказалъ:

— Хочешь ли ты, сирота, послушать, что тебѣ скажетъ Матвѣй Лозинскій?

— Говорите, пожалуйста. Я васъ считаю за родного,— тихо отвѣтила дѣвушка, которая старалась показать Матвѣю, что она не перестала уважать его послѣ вчерашняго случая.

Матвѣй мучительно задумался и сказалъ:

— Мало хорошаго въ этой сторонѣ, малютка. Повѣрь ты мнѣ,—мало хорошаго... Содомъ и Гоморра.

Роза невольно улыбнулась, но онъ говорилъ такъ печально, что у Анны навернулись на глаза слезы. Она подумала, что, по разсказамъ Джона, въ Америкѣ не такъ ужъ плохо, если только человѣкъ сумѣетъ устроиться. Но она не возражала и сказала тихо:

— Что же теперь дѣлать?

— А! Что дѣлать! Если бы можно, надѣлъ бы я котомку на плечи, взялъ бы въ руки палку, и пошли бы мы къ тобой назадъ, въ свою сторону, хотя бы Христовымъ именемъ... Лучше бы я сталъ стучаться въ окна на своей сторонѣ, лучше сталъ бы водить слѣпыхъ, лучше издохъ бы гдѣ-нибудь на своей дорогѣ... На дорогѣ или въ полѣ... на своей сторонѣ... Но теперь этого нельзя, потому что...

Онъ потеръ себѣ лобъ и сказалъ:

— Потому что море... А письма отъ Осипа не будетъ... И сидѣть здѣсь, сложа руки... ничего не высидимъ... Такъ вотъ, что я скажу тебѣ, сирота. Отведу я тебя къ той барынѣ... къ нашей... А самъ посмотрю, на что здѣсь могутъ пригодиться здоровыя руки.. И если... если я здѣсь не пропаду, то жди меня... Я никогда еще не лгалъ въ своей жизни и... если не пропаду, то приду за тобою...

— Нехорошо вы придумали!—горячо сказала на это молодая еврейка.—Мы эту барыню знаемъ... Она всегда старается нанимать пріѣзжихъ.

— Богъ наградитъ ее за это,—сказалъ Матвѣй сухо.

— Но это потому...—сбиваясь, сказала Роза,—что она платитъ очень мало...

— Съ голоду не уморитъ...

— И заставляетъ очень много работать.

— Богъ любитъ трудъ...

Матвѣй посмотрѣлъ на Розу высокомѣрнымъ и презритель-

нымъ взглядомъ. Молодая еврейка хорошо знала этотъ взглядъ христіанъ. Ей казалось, что она начала дружиться съ Анной и даже питала симпатію къ этому задумчивому волынцу, съ голубыми глазами. Но теперь она вспыхнула и сказала:

— Дѣлайте, какъ себѣ хотите...—И она вышла изъ комнаты...

— Наше худое лучше здѣшняго хорошаго,—сказалъ Матвѣй поучительно, обращаясь къ Аннѣ.—Собери свои вещи. Мы пойдемъ сегодня.

Анна вздохнула, однако, покорно стала собираться. Матвѣю не понравилось, что, уходя изъ помѣщенія мистера Борка, она крѣпко поцѣловалась съ еврейкой, точно съ сестрой.

XV.

Въ этотъ день наши опять шли по улицамъ Нью-Іорка, съ узлами, какъ и въ день пріѣзда. Только въ этотъ разъ съ ними не было Дымы, который давно разстался съ своей бѣлой свитой, держался съ ирландцами и даже плохо зналъ, что затѣваютъ земляки. За то Матвѣй и Анна остались точь въ точь, какъ были: на немъ была та же бѣлая свита со шнурами, на ней—бѣленькій платочекъ. Молодой Джонъ тоже считалъ очень глупымъ то, что надумалъ Матвѣй. Но, какъ американецъ, онъ не позволялъ себѣ мѣшаться въ чужія дѣла и только посвистывалъ отъ досады, провожая Матвѣя и Анну.

Сначала шли пѣшкомъ, потомъ пара лошадей потащила ихъ въ огромномъ вагонѣ, потомъ поднимались наверхъ и летѣли по воздуху. Изъ улицы въ улицу—ѣхали долго. Пошли дома поменьше, попроще, улицы пошли прямыя, широкія и тихія.

На одномъ углу наши вышли и пошли прямо. Если бы поменьше камня, да если бы кое-гдѣ изъ-подъ камня пробилась мурава, да если бы на серединѣ улицы сидѣли ребята съ задранными рубашенками, да если бы кое-гдѣ корова, да хоть одинъ домишко, вросшій окнами въ землю и съ провалившейся крышей,—то, думалось Матвѣю, улица походила бы, пожалуй, на нашу. Только здѣсь всѣ дома были какъ одинъ: всѣ въ три этажа, всѣ съ плоскими крышами, у всѣхъ одинаковыя окна, одинаковыя крылечки, съ одинаковымъ числомъ ступенекъ, одинаковые выступы и карнизы. Однимъ словомъ, вдоль улицы ряды домовъ стояли, какъ родные братья-близнецы, — и только черный номеръ на матовомъ стеклѣ, надъ дверью, отличалъ ихъ одинъ отъ другого.

Джонъ посмотрѣлъ въ свою записную книжку, потомъ разыскалъ номеръ и прижалъ пуговку у двери. Въ квартирѣ

что-то затрещало. Дверь отворилась, и наши вошли въ переднюю.

Старая барыня, ждавшая мужа, сама отперла дверь. Она, какъ оказалось, мыла полы. Очки у нея были вздернуты на лобъ, на лицѣ виднѣлся потъ отъ усталости, и была она въ одной рубашкѣ и грязной юбкѣ. Увидѣвъ пришедшихъ, она оставила работу и вышла, чтобы переодѣться.

— Смотри, — шепнулъ Матвѣй Аннѣ, — вотъ какъ здѣсь живется нашимъ господамъ, — что ужъ говорить о простыхъ людяхъ!

— Ну,—отвѣтилъ Джонъ,—вы еще не знаете этой стороны, мистеръ Мэтью.—И съ этими словами онъ прошелъ въ первую комнату, сѣлъ развязно на стулъ, а другой подвинулъ Аннѣ.

Матвѣй строго посмотрѣлъ на невѣжливаго молодого человѣка, и оба съ Анной остались на ногахъ у порога. Матвѣй не взлюбилъ молодого еврея еще съ тѣхъ поръ, какъ говорилъ съ нимъ о религіи. А затѣмъ онъ не могъ не замѣтить, что Джонъ частенько остается дома, съ сестрой, помогаетъ дѣвушкамъ по хозяйству и поглядываетъ на Анну. Нужно сказать, что дѣвушка была хороша: голубые глаза, большіе и ясные, кроткій взглядъ, привѣтливая улыбка и нѣжное лицо, немного, правда, поблѣднѣвшее отъ дороги и отъ неизвѣстности. Никто изъ бездѣльниковъ, жившихъ у Борка, ни разу не позволилъ себѣ съ дѣвушкой ни одной вольности. Однако, не считая Дымы, который вывертывался передъ нею въ своихъ диковинныхъ пиджакахъ, — еще и Падди тоже старался всячески услужить ей, когда встрѣчался въ корридорѣ или на лѣстницѣ. А тутъ еще Джонъ и разсказы Борка о Мозесѣ... Чего добраго,—думалъ Матвѣй, — вѣдь въ этомъ Содомѣ никто не смотритъ за такими дѣлами. Вотъ Дыма — давній и испытанный пріятель, но и у него характеръ совершенно измѣнился въ какую-нибудь недѣлю. Что же можетъ статься съ молоденькой, неопытной дѣвушкой, немного еще, можетъ быть, и легкомысленной, какъ всѣ дочери Евы... Дурного, положимъ, она не сдѣлаетъ... Но вѣдь здѣсь и хорошее тоже ни чорта не стоитъ, а дѣвушка молода, неопытна и испугана.

Вспомнивъ, вдобавокъ, свой сонъ, Матвѣй даже вздохнулъ и оглянулся. Слава Богу,—вотъ квартира старой барыни, которая возьметъ къ себѣ Анну. Все нравилось Матвѣю въ этой квартирѣ. Въ первой комнатѣ стоялъ столъ, покрытый скатертью, въ сосѣдней виднѣлась кровать, подъ пологомъ, въ углу большой знакомый образъ Почаевской Божіей Матери, которую въ нашемъ Западномъ краѣ чтутъ одинаково като-

лики и православные. За образомъ была воткнута восковая свѣча и пучекъ сухихъ вѣтокъ. Верба не верба, а всетаки былъ виденъ нашъ обычай, и у Матвѣя стало теплѣе на сердцѣ... Поэтому онъ сначала заложилъ руку за поясъ и очень гордо посмотрѣлъ на молодого еврея... Но тотчасъ же ему пришлось смиренно согнуться почти до земли, потому что въ комнату вошла барыня, одѣтая, съ очками на носу, съ вязаніемъ въ рукахъ. Видъ у нея былъ спокойный и даже величавый, такъ что Матвѣю было даже странно вспомнить, что онъ видѣлъ ее сейчасъ за мытьемъ половъ. Она сѣла на стулъ, досчитала петли, передернула спицу и сказала почтительно ожидавшимъ Матвѣю и Аннѣ, не кивнувъ даже Джону:

— Ну, что скажете?

— Къ вашей милости, — отвѣтили оба въ одинъ голосъ.

— Тебя, кажется, зовутъ Анной?..

— Анной, милостивая пани.

— А тебя... Матвѣемъ?

Лицо Матвѣя расцвѣло пріятной улыбкой.

— А что же тотъ... Третій?..

Матвѣй махнулъ рукой:

— А! Не знаю ужъ, что и сказать... Поступилъ на службу или ужъ какъ... къ какому-то здѣшнему... Таманиголлу...

Барыня жалостно посмотрѣла на Матвѣя и покачала головой.

— Хорошій господинъ, нечего сказать! Шайка мошенниковъ!

— О, Господи, — вздохнулъ Лозинскій.

— Въ этой сторонѣ все навыворотъ, — сказала опять барыня. — У насъ такихъ молодцовъ сажаютъ въ тюрьмы, а здѣсь они выбираютъ висѣльниковъ въ городскіе мэры, которые облагаютъ честныхъ людей налогами.

Матвѣй вспомнилъ, что и Дыма выбиралъ мэра, и вздохнулъ еще глубже. У барыни спицы забѣгали быстрѣе,—было видно, что она начинаетъ чего-то сердиться...

— Ну, что же ты мнѣ скажешь, моя милая? — спросила она какъ-то ѣдко, обращаясь къ Аннѣ. — Ты пришла наниматься или, можетъ быть, тоже поищешь себѣ какого-нибудь Тамани-голла?..

— Она — дѣвушка честная, — вступился Матвѣй.

— А! Видѣла я за двадцать лѣтъ много честныхъ дѣвушекъ, которыя черезъ годъ, а то и меньше пропадали въ этой проклятой странѣ. Сначала человѣкъ какъ человѣкъ: тихая, скромная, послушная, боится Бога, работаетъ и уважаетъ старшихъ. А потомъ... Смотришь, — начала задирать носъ, потомъ обвѣшается лентами и тряпками, какъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ, потомъ прибавляй ей жалованье,

потомъ ей нуженъ отдыхъ два раза въ недѣлю... А потомъ уже барыня служи ей, а она хочетъ сидѣть, сложа руки...

— Господи упаси! Гдѣ же это видано!..—сказалъ съ ужасомъ Матвѣй.

Молодой Джонъ сидѣлъ на стулѣ, вытянувъ ноги и заложивъ руки въ карманы, съ видомъ человѣка, скучающаго отъ этихъ разговоровъ.

— Ну, чортъ еще не такъ страшенъ, какъ его малюютъ,— сказалъ онъ...

Барыни замолкла, даже перестала вязать и устремила внимательный взглядъ на Джона, который поднялъ безпечно голову къ потолку, какъ будто разглядывая тамъ что-то интересное. Нѣсколько секундъ стояло молчаніе, барыня и Матвѣй укоризненно смотрѣли на молодого еврея. Анна покраснѣла.

— А все отчего? — начала опять барыня спокойно. — Все оттого, что въ этой странѣ нѣтъ никакого порядка. Здѣсь жидъ Берко—уже не Берко, а мистеръ Боркъ, а его сынъ Іоська превратился въ ясновельможнаго Джона...

— Чистая правда, — сказалъ Матвѣй съ убѣжденіемъ. — Слышишь, Анна?

Дѣвушка съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣла на Матвѣя и покраснѣла еще больше. Ей казалось, что, хотя, конечно, Джонъ еврей, и сидитъ немного дерзко, но что говорить такъ въ глаза не слѣдуетъ...

— Да, все здѣсь перемѣшалось, какъ на Лысой горѣ, — продолжала барыня,— правду говоритъ одинъ мой знакомый: этотъ новый свѣтъ какъ будто сорвался съ петель и летитъ въ преисподнюю...

— И это святая правда,—подтвердилъ Матвѣй.

— Я вижу, что ты человѣкъ разумный, — сказала барыня снисходительно,—и понимаешь это... То ли, самъ скажи, у насъ?.. Старый нашъ свѣтъ стоитъ себѣ спокойно... люди знаютъ свое мѣсто... жидъ такъ жидъ, мужикъ такъ мужикъ, а баринъ такъ баринъ. Всякій смиренно понимаетъ, кому что назначено отъ Господа... Люди живутъ и славятъ Бога...

— Ну, эту исторію надо когда-нибудь кончить, — сказалъ Джонъ, поднимаясь.

— Ахъ, извините, мистеръ Джонъ,—усмѣхнулась барыня.— Ну, что-жъ, моя милая, надо и въ самомъ дѣлѣ кончать. Я возьму тебя, если сойдемся въ цѣнѣ... Только впередъ предупреждаю, чтобы ты знала: я люблю все дѣлать по своему, какъ у насъ, а не по здѣшнему.

— Это и всего лучше,—вставилъ Матвѣй.

— Я за тебя отвѣчаю передъ людьми и передъ Богомъ. По воскресеньямъ мы станемъ вмѣстѣ ходить въ храмъ Божій, а на эти митинги и балы—ни ногой.

— Слушай барыню, Анна, — сказалъ Матвѣй. — Барыня тебя худому не научитъ... И ужъ она не обидитъ сироту.

— Пятнадцать долларовъ въ мѣсяцъ считается здѣсь совсѣмъ низкой платой,—сказалъ Джонъ, глядя на часы,—пятнадцать долларовъ, отдѣльная комната и свободный день въ недѣлю.

Барыня, все такъ же спокойно продолжая вязанье, — кинула на Джона уничтожающій взглядъ и сказала Аннѣ:

— Знаешь ты, что значитъ долларъ?

— А это два рубля, милостивая госпожа, — отвѣтилъ за Анну Матвѣй.

— Ты служила уже гдѣ-нибудь?

— Служила... горничной у г-жи Залѣсской.

— Сколько получала?

— Шесть рублей.

— Много что-то для нашей стороны,—вздохнула барыня.— Въ мое время такой платы не знали... А здѣсь, если хочешь получить тридцать,—то поди вотъ къ нему. Онъ тебѣ дастъ тридцать рублей, отдѣльную комнату и сколько хочешь свободнаго времени... днемъ...

Краска опять залила лицо Анны, а барыня, посмотрѣвъ на нее поверхъ очковъ, прибавила, обращаясь къ Матвѣю:

— Недалеко ходить: на этой же улицѣ живетъ христіанская дѣвушка у еврея. И уже Богъ благословилъ ихъ ребеночкомъ.

— Вы же знаете, что они обвѣнчаны, — сказалъ Джонъ сердито.

— Обвѣнчаны, конечно!.. Кто же ихъ это обвѣнчалъ, скажи, пожалуйста?

— Ихъ обвѣнчали въ мэріи, вы знаете.

— Ну, вотъ видите, — обратилась барыня къ Матвѣю. — Они это называютъ вѣнчаніемъ...

Матвѣй съ ненавистью взглянулъ на еврея и сказалъ:

— Дѣвушка останется у васъ.

И потомъ, посмотрѣвъ на Анну, онъ добавилъ мягкимъ тономъ:

— Она, сударыня, круглая сирота... Грѣхъ ее обидѣть.

Барыня, перебирая спицы, кивнула головой. Между тѣмъ, Джонъ, которому очень не понравилось все это, а также и обращеніе съ нимъ Матвѣя, надѣлъ шляпу и пошелъ къ двери, не говоря ни слова. Матвѣй увидѣлъ, что этотъ не-

пріятный молодой человѣкъ готовъ уйти безъ него, и тоже заторопился. Наскоро попрощавшись съ Анной и поцѣловавъ у барыни руку, онъ кинулся къ двери, но еще разъ остановился.

— А что... извините... я спросилъ бы у васъ?

— Что такое?

— Не найдется ли и мнѣ у васъ мѣстечка? За дешевую плату... Можетъ по двору, въ огородѣ или около лошади? Угла бы я у васъ гдѣ-нибудь въ сараѣ не пролежалъ и цѣну бы взялъ пустую. А?.. Чтобы только не издохнуть...

— Нѣтъ, милый. Какіе огороды! Какія лошади! Здѣсь сенаторы садятся за пять центовъ въ общественный вагонъ рядомъ съ послѣднимъ оборванцемъ...

— Ну, прошу прощенія... А гдѣ же?..

И, не окончивъ, Матвѣй торопливо выбѣжалъ на крыльцо, чтобы не потерять изъ виду Джона.

XVI.

На крыльцѣ непріятнаго молодого человѣка уже не было, но кто-то мелькнулъ за угломъ. Матвѣй побѣжалъ туда, хотя ему и показалось, что это въ другой сторонѣ. Повернувъ еще за уголъ, онъ догналъ шедшаго человѣка, но въ этой сторонѣ люди, какъ и дома, похожи другъ на друга. На незнакомцѣ былъ такой же котелокъ на головѣ, такая же тросточка въ рукахъ, такая же походка, какъ и у Джона, но лицо человѣка, повернувшагося къ Матвѣю, было совсѣмъ чужое, удивленное и незнакомое. Матвѣй остолбенѣлъ и провожалъ взглядомъ уходившаго незнакомца; а на Матвѣя съ обѣихъ сторонъ улицы глядѣли занавѣшанныя окна домовъ, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды.

Матвѣй попробовалъ вернуться. Онъ еще не понималъ хорошенько, что такое съ нимъ случилось, но сердце у него застучало въ груди, а потомъ начало какъ будто падать. Улица, на которой онъ стоялъ, была точь въ точь такая, какъ и та, гдѣ былъ домъ старой барыни. Только занавѣски въ окнахъ были опущены на правой сторонѣ, а тѣни отъ домовъ тянулись на лѣвой. Онъ прошелъ кварталъ, постоялъ у другого угла, оглянулся, вернулся опять и началъ тихо удаляться, все оглядываясь, точно его тянуло къ мѣсту, или на ногахъ у него были пудовыя гири.

А въ это время молодого Джона зазрила совѣсть, что онъ такъ невѣжливо бросилъ Матвѣя. Онъ быстро вернулся, позвонилъ и довольно сердито попросилъ выслать Лозинскаго, потому что ему некогда ждать: время—деньги.

Старая барыня посмотрѣла на него съ удивленіемъ, Анна, которая успѣла уже снести свой узелъ въ кухню и, поддернувъ подолъ юбки, принималась за мытье пола, покинутаго барыней, — наскоро оправившись, тоже выбѣжала къ Джону. Всѣ трое стояли на крыльцѣ и смотрѣли и направо, и налѣво. Никого не было видно, похожаго на Матвѣя, на тихой улицѣ.

— Ну, онъ, вѣрно, пошелъ на станцію другой дорогой,— сказалъ Джонъ.

Анна недовѣрчиво покачала головой.

— Нѣтъ, — сказала она, — онъ не знаетъ здѣсь никакой дороги.

Она посмотрѣла на улицу, на ряды однообразныхъ домовъ, и на глазахъ у нея появились слезы.

— Ну, милая,—сказала барыня,—глядѣть теперь нечего... Ничего не высмотришь... Да и не затѣмъ я взяла тебя... Тамъ полъ стоитъ недомытый.

— Можетъ быть... онъ вернется?—сказала Анна.

— Что же! Ты такъ и будешь стоять тутъ до вечера? — спросила барыня, уже немного раздражаясь.

— Онъ у меня одинъ только близкій человѣкъ въ этой сторонѣ,—произнесла Анна тихо.

— Ну, и слава Богу, что только одинъ,—отвѣтила барыня.— Для молодой дѣвушки и одного слишкомъ много.

Анна кинула послѣдній взглядъ на улицу. За угломъ мелькнула фигура Джона, разспрашивавшаго какого-то прохожаго. Потомъ и онъ исчезъ. Улица опустѣла. Анна вспомнила, что она не оставила себѣ даже адреса мистера Борка и что она теперь такъ же потеряна здѣсь, какъ и Матвѣй.

Вскорѣ дверь за нею захлопнулась, и домъ старой барыни, недавно еще встревоженный, стоявшій съ открытою дверью и съ людьми на крыльцѣ, которые останавливали разспросами прохожихъ,—опять сталъ въ рядъ другихъ, ничѣмъ не отличаясь отъ сосѣдей; та же дверь съ матовымъ стекломъ и черный номеръ: 1235.

Между тѣмъ, недалеко въ переулкѣ одинъ изъ прохожихъ, котораго разспрашивалъ Джонъ, наткнулся на страннаго человѣка, который шелъ, точно тащилъ на плечахъ невидимую тяжесть, и все озирался. Американецъ ласково взялъ его за рукавъ, подвелъ къ углу и указалъ вдоль улицы:

— Тэрти-файфъ, тэрти-файфъ (тридцать пятый),—сказалъ онъ ласково, и послѣ этого, вполнѣ увѣренный, что съ такимъ точнымъ указаніемъ нельзя уже сбиться,—побѣжалъ по своему спѣшному дѣлу, а Матвѣй подумалъ, оглянулся и, подойдя къ ближайшему дому, позвонилъ. Дверь отворила не-

знакомая женщина, съ лицомъ въ морщинахъ и съ черными буклями по бокамъ головы. Она что-то сердито спросила — и захлопнула дверь.

То же случилось въ слѣдующемъ домѣ, то же въ третьемъ. На углу онъ подумалъ, что надо повернуть, и онъ повернулъ, опять повернулъ и, увидя фонтанъ, мимо котораго, какъ ему казалось, они проходили часъ назадъ, повернулъ еще разъ. Передъ нимъ вновь была такая же улица, только тѣни опять перебросились на правую сторону, а солнце прямо било въ занавѣски на лѣвой... Издали, точно гдѣ-то за горой, храпѣлъ поѣздъ... Матвѣй остановился на серединѣ улицы, какъ барка, которую сорвало съ причала и несетъ куда-то по теченію, и, безъ надежды найти жилье старой барыни, пошелъ туда, откуда слышался шумъ. А въ это время, по улицѣ, черезъ которую только что прошелъ лозищанинъ, опять пробѣжалъ молодой Джонъ, совсѣмъ встревоженный и огорченный. № 1235 опять отворился, и опять на крыльцѣ стояли двѣ женщины съ молодымъ человѣкомъ, совѣтуясь и озираясь кругомъ. У Анны на глазахъ стояли слезы, Джонъ сконфуженно пожималъ плечами.

Поздно вечеромъ, заплаканная и грустная, Анна кончила работу своего перваго дня на службѣ. Работы было много, такъ какъ болѣе двухъ недѣль уже барыня обходилась безъ прислуги. Вдобавокъ, въ этотъ день у барыни обыкновенно вечеромъ играли въ карты жильцы ея и гости. Засидѣлись далеко за-полночь, и Анна, усталая и печальная, ждала въ сосѣдней комнатѣ, чтобы быть готовой на первый зовъ.

Расходясь, гости благодарили хозяйку за пріятный вечеръ.

— А! Право, только у васъ и почувствуешь себя иной разъ точно на родинѣ,—сказалъ одинъ изъ гостей, цѣлуя у хозяйки руку.—И какъ вы это все умѣете устроить?

— О, она у меня истинная волшебница!—сказалъ съ гордостью мужъ старой барыни, человѣкъ круглый, сѣдой, съ пробритой въ серединѣ бородкой и торчавшими по бокамъ сѣдыми баками.—А замѣтили вы новую горничную?

— Какъ не замѣтить. Навѣрное, изъ нашихъ странъ. Такіе хорошіе, покорные глаза. О, нашъ народъ еще не испорченъ.

— Скажите лучше: не весь еще испорченъ. Есть уже и у насъ эти каррикатуры на господъ. Даже въ деревню уже проникаетъ пиджакъ, замѣняя живописные костюмы простого народа.

— Да! А дѣвушка, дѣйствительно, пріятная; нѣтъ этого вызывающаго нахальства, этого... какъ бы сказать... Ну, од-

нимъ словомъ, пріятно, когда видишь человѣка, занимающаго свое мѣсто.

— Надолго ли только!—вздохнула барыня.—Портится все это здѣсь необыкновенно скоро. И не знаешь, просто, откуда.

— Въ воздухѣ, въ воздухѣ... въ родѣ эпидеміи,—сказалъ одинъ изъ жильцовъ, весело засмѣявшись...—И, проходя въ свою комнату, онъ благосклонно ущипнулъ Анну за подбородокъ...

А въ бордингъ-гоузѣ мистера Борка въ этотъ вечеръ долго стоялъ шумъ. Несмотря на то, что у Дымы испортился характеръ, ему теперь было очень совѣстно и жалко Матвѣя, и онъ чувствовалъ себя виноватымъ. Отправляясь на чужую сторону, они сговорились жить или пропадать вмѣстѣ. Голова—Дымы; сила, руки и ноги—Матвѣя. Теперь ноги однѣ ходили по свѣту въ то время, какъ голова путалась съ чужими людьми. Совѣсть у Дымы проснулась, Дыма кричалъ, Дыма проклиналъ Джона, себя и своихъ пріятелей и даже толкнулъ Падди, когда тотъ сунулся съ какой-то шуткой. Падди обидѣлся и вызвалъ Дыму на единоборство. Дыма сначала послалъ его къ чорту; но Падди пустилъ ему немного крови изъ носу,—тогда онъ самъ сталъ совать руками, куда попало... Чувствуя, однако, что и головѣ приходится плохо безъ сильной руки товарища, онъ схватилъ стулъ, сталъ кричать, что ему наплевать на всѣ правила, и сильно уронилъ себя во мнѣніи Падди... Ночью онъ вскакивалъ съ постели и даже плакалъ.

Но это, конечно, не помогло. Пріятель потонулъ въ огромномъ городѣ, точно иголка на пыльномъ проѣзжемъ шляху...

XVII.

Впослѣдствіи, по причинамъ, которыя мы изложимъ дальше, Матвѣй Лозинскій изъ Лозищей сталъ на нѣсколько дней самымъ знаменитымъ человѣкомъ города Нью-Іорка, и каждый шагъ его въ эти дни былъ прослѣженъ очень точно. Прежде всего, человѣка въ странной бѣлой одеждѣ видѣли идущимъ на 4 avenue, потомъ онъ долго шелъ пѣшкомъ подъ настилкой воздушной дороги, къ Бруклинскому мосту. Казалось, его тянуло туда, гдѣ люднѣе и гуще. На углу Бродвэя и какого-то переулка онъ вошелъ въ булочную и, указавъ на огромный кусокъ бѣлаго хлѣба, протянулъ руку съ деньгами на ладони. Онъ говорилъ что-то продавцу-нѣмцу и даже, когда тотъ отдавалъ сдачу, старался схватить его за руку и тянулся къ ней губами. Нѣмецъ вырвалъ руки и занялся другими покупателями. Человѣкъ постоялъ, посмотрѣлъ на бу-

лочника грустными глазами, пытался еще говорить что-то и вышелъ на улицу.

Это былъ часъ выхода вечернихъ газетъ. На небольшой площадкѣ, невдалекѣ отъ огромнаго зданія газеты „Tribune“, странный человѣкъ зачерпнулъ воды у фонтана и пилъ ее съ большой жадностью, не обращая вниманія на то, что въ грязномъ водоемѣ два маленькихъ оборванца плавали и ныряли за никелевыми и мѣдными монетками, которыя имъ на потѣху кидали прохожіе. Безчисленное количество газетныхъ мальчишекъ, ожидавшихъ выхода номера и развлекавшихся пока чѣмъ попало, раздѣлили свое вниманіе между этими водолазами и странно одѣтымъ человѣкомъ, котораго они засыпали цѣлой тучей звонкихъ остротъ. Въ это время, черезъ площадку проходилъ газетный репортеръ-иллюстраторъ и наскоро набросалъ эту сцену въ своей книжкѣ. Безъ сомнѣнія, если бы этотъ джентльмэнъ могъ провидѣть будущее, онъ постарался бы сдѣлать свой рисунокъ какъ можно точнѣе. Но, во 1-хъ, онъ очень торопился, и ему пришлось поэтому заканчивать набросокъ съ памяти, а во 2-хъ, онъ былъ введенъ зъ заблужденіе присутствіемъ нырявшихъ мальчишекъ, которыхъ причислилъ къ семейству незнакомца. Наконецъ, онъ не зналъ, на что собственно можетъ пригодиться его эскизъ, такъ какъ странный незнакомецъ не могъ отвѣтить ничего на самые обыкновенные вопросы.

— Your nation?—спросилъ репортеръ, желая узнать, какой Матвѣй націи.

— Какъ мнѣ найти мистера Борка?—отвѣтилъ тотъ.

— Your name (ваше имя)?

— Онъ тутъ гдѣ-то... имѣетъ помѣщеніе. Нашъ... могилевскій жидъ.

— How do you like this country? — Это значило, что репортеръ желалъ знать, какъ Матвѣю понравилась эта страна,— вопросъ, который, по наблюденіямъ репортеровъ, обязаны понимать рѣшительно всѣ иностранцы...

Но незнакомецъ не отвѣтилъ, только глядѣлъ на газетнаго джентльмэна съ такою грустью, что ему стало неловко. Онъ прекратилъ разспросы, ободрительно похлопалъ Матвѣя по плечу и сказалъ:

— Wery well! Это очень хорошо для васъ, что вы сюда пріѣхали: Америка—лучшая страна въ мірѣ, Нью-Іоркъ—лучшій городъ въ Америкѣ. Ваши милыя дѣти станутъ здѣсь когда-нибудь образованными людьми. Я долженъ только замѣтить, что полиція не любитъ, чтобы дѣтей купали въ городскихъ бассейнахъ.

Затѣмъ, съ „талантомъ, отличающимъ карандашъ этого джентльмэна“, онъ украсилъ на рисункѣ свитку лозищанина нѣсколькими фантастическими узорами, изъ его волосъ, буйныхъ, нестриженныхъ и слипшихся, сдѣлалъ одно цѣлое — вмѣстѣ съ бараньей шапкой и, наконецъ, всю эту странную прическу, по внезапному и слишкомъ торопливому вдохновенію, перевязалъ тесьмой или лентой. Ростъ Матвѣя онъ прибавилъ еще на 1/4 аршина, а у его ногъ, въ водоемѣ, помѣстилъ двухъ младенцевъ, напоминавшихъ чертами предполагаемаго родителя.

Все это онъ наскоро снабдилъ надписью:

«*Дикарь, купающій своихъ дѣтей въ водоемѣ на Бродвэѣ*», и затѣмъ, сунувъ книжку въ карманъ и оставляя до будущаго времени вопросъ о томъ, можно ли сдѣлать что-либо полезное изъ такого фантастическаго сюжета,—онъ торопливо отправился въ редакцію.

Какъ разъ въ эту минуту вышло вечернее прибавленіе, и все вниманіе площадки и прилегающихъ переулковъ обратилось къ небольшому балкону, висѣвшему надъ улицей, на стѣнѣ Tribune-building (домъ газеты „Трибуна“). На этотъ балкончикъ выходили люди съ кипами газетъ, брали у толпившихся внизу мальчишекъ, запрудившихъ весь переулокъ, ихъ марки, а взамѣнъ кидали имъ кипы газеты. Минутъ въ двадцать все было кончено. Сотни мальчишекъ мчали во всѣ стороны десятки тысячъ номеровъ, и ихъ звонкіе крики разносились съ этого мѣста по огромному городу.

На площадкѣ остался только лозищанинъ, да два оборванца вылавливали въ водоемѣ послѣднія монеты. Вскорѣ туда же подошелъ еще высокій господинъ въ партикулярномъ платьѣ, въ сѣрой большой шляпѣ, въ видѣ шлема, и съ короткою палкой въ рукѣ, въ родѣ гетманской булавы, украшенной цвѣтнымъ шнуркомъ и кистями. Это былъ полисмэнъ Гопкинсъ, лицо хорошо извѣстное всему Нью-Іорку. Полисмэнъ Гопкинсъ, какъ сообщалось въ тѣхъ же газетныхъ замѣткахъ, изъ которыхъ я узналъ эту часть моей достовѣрной исторіи, былъ прежде довольно искуснымъ боксеромъ, на котораго ставились значительныя пари. Однако, въ послѣдніе годы ему пришлось испытать нѣсколько крупныхъ превратностей, связанныхъ съ этой профессіей, а одна изъ нихъ сопровождалась даже раздробленіемъ носовыхъ хрящей, потребовавшихъ серьезнаго леченія. Это побудило мистера Гопкинса къ перемѣнѣ рода занятій. Физическія данныя и любовь къ сильнымъ ощущеніямъ рѣшили его выборъ, и онъ предложилъ свои услуги директору полиціи

въ качествѣ полисмэна. Само собою разумѣется, что услуги были охотно приняты, такъ какъ времена наступали довольно бурныя: участились стачки и митинги безработныхъ („которыми,—какъ писала одна благомыслящая газета,—эта цвѣтущая страна обязана коварной агитаціи завистливыхъ иностранцевъ"), и все это открывало новое поле природнымъ талантамъ мистера Гопкинса и его склонности къ физическимъ упражненіямъ болѣе или менѣе рискованнаго свойства. Увѣсистый „клобъ" изъ ясеня или дуба даетъ, вдобавокъ, рѣшительное преимущество полисмэну передъ любымъ боксеромъ, и имя мистера Гопкинса опять стало часто мелькать въ хроникѣ газетъ. „Полисмэнъ Гопкинсъ, извѣстный неумѣреннымъ употребленіемъ клоба",—писали о немъ рабочія газеты. За то другія отмѣчали съ восторгомъ, что „клобъ полисмэна Гопкинса, какъ всегда, отбивалъ барабанную дробь на головахъ анархистовъ"..

Случай пожелалъ, чтобы дороги знаменитаго полисмэна и бѣднаго лозищанина встрѣтились два раза. Въ первый разъ это произошло именно у описаннаго фонтана. Мистеръ Гопкинсъ шелъ мимо, какъ всегда, величаво и важно, играя на ходу своимъ клобомъ, и его внимательный взглядъ остановился на странной фигурѣ неизвѣстнаго иностранца. „Не видя, однако, законныхъ причинъ для какого бы то ни было личнаго воздѣйствія" — такъ разсказывалъ впослѣдствіи Гопкинсъ газетнымъ интервьюэрамъ, — онъ рѣшилъ только подойти поближе для внимательнаго осмотра. Но тутъ незнакомецъ удивилъ его своимъ непонятнымъ поведеніемъ: „снявъ съ головы свой странный головной уборъ (повидимому, изъ бараньяго мѣха), онъ согнулъ станъ такимъ образомъ, что голова его пришлась вровень съ поясомъ Гопкинса и, внезапно поймавъ одной рукой его руку, потянулся къ ней губами съ неизвѣстною цѣлью. Гопкинсъ не можетъ сказать навѣрное, что незнакомецъ хотѣлъ укусить его за руку, но не можетъ и отрицать этого".

Вопросъ остался невыясненнымъ, такъ какъ въ это мгновеніе надъ поверхностью водоема появились внезапно головы двухъ водолазовъ. Они нырнули при появленіи Гопкинса и теперь опять вынырнули въ надеждѣ, что онъ уже прошелъ. Это было уже явное нарушеніе правилъ благочинія. Полисмэнъ тотчасъ же взялъ обоихъ мальчишекъ за шивороты, поднялъ ихъ высоко надъ землей и сталъ встряхивать, точно двѣ мокрыя тряпицы. Видъ у него въ это время былъ величавый и грозный, и какъ разъ въ эту же минуту черезъ площадь пробѣгалъ прежній торопливый репортеръ. Онъ

остановился, быстро набросилъ, около прежней фигуры лозищанина, фигуру мистера Гопкинса съ двумя дикаренками въ рукахъ и прибавилъ надпись:

„Полисмэнъ Гопкинсъ объясняетъ дикарю, что купаніе дѣтей въ городскихъ водоемахъ не согласно съ законами этой страны“.

Затѣмъ, сунувъ книжку въ карманъ, онъ ринулся со всѣхъ ногъ къ вагону канатной дороги, чтобы поспѣть на пожаръ. Въ его головѣ мелькалъ уже планъ цѣлой замѣтки: „Извѣстно, что нашъ городъ, величайшій въ мірѣ, привлекаетъ къ себѣ пришельцевъ изъ отдаленнѣйшихъ частей свѣта. На дняхъ мы имѣли случай наблюдать, какъ одинъ изъ этихъ дикарей...“

Вагонъ канатной дороги умчалъ талантливаго человѣка вмѣстѣ съ этимъ началомъ, а мистеръ Гопкинсъ поставилъ мальчишекъ на мостовую, далъ имъ по легонькому шлепку, при одобрительномъ смѣхѣ проходящихъ, и затѣмъ повернулся къ незнакомцу. Очень можетъ быть, что мистеру Гопкинсу удалось бы лучше выяснить національность незнакомца, а также и то, „какъ ему нравится эта страна“... Можетъ быть, даже Матвѣй въ тотъ же вечеръ попалъ бы въ объятія Дымы, который весь день бѣгалъ съ Падди по городу, — если бы... въ то время, пока Гопкинсъ возился съ мальчишками, лозищанинъ не скрылся...

По всему поведенію Гопкинса онъ понялъ, что это полицейскій и даже, повидимому, не изъ послѣднихъ. А эта мысль тотчасъ же привела за собой другую: Матвѣй вспомнилъ, что его паспортъ остался въ квартирѣ Борка... А такъ какъ онъ не зналъ, что въ этой странѣ даже не понимаютъ хорошенько, что такое паспортъ, — то его подрало по спинѣ. Сначала онъ попятился немного назадъ, потомъ еще, а потомъ,—какъ у насъ говорится, — взялъ ноги за поясъ и пошелъ, не оглядываясь, прочь. Съ тяжелой мыслью въ головѣ, что вотъ онъ теперь, вдобавокъ ко всему, сталъ въ этой сторонѣ безпаспортнымъ бродягой,—онъ смѣшался съ густой толпой на Бродвэѣ.

XVIII.

Тутъ еще разъ лозищанина приласкала надежда. Когда онъ шелъ по людной улицѣ, кто-то тронулъ его за рукавъ тихо и ласково. Рядомъ съ нимъ стоялъ негръ и что-то говорилъ ему, указывая рукою на стулъ, который стоялъ тутъ же, на панели. Черное, лоснящееся лицо, красныя губы, сверкающіе бѣлки и вьющіеся волосы негра показались

Матвѣю какъ будто знакомыми. Онъ даже подумалъ, — не одинъ ли это изъ тѣхъ бездѣльниковъ, которые приставали къ нему на улицѣ въ первый день пріѣзда. Но что же ему нужно теперь? А можетъ быть, онъ узналъ Матвѣя, можетъ быть, онъ знаетъ Борка и Дыму, можетъ быть, онъ видѣлъ, что они ищутъ его по всему городу, и предлагаетъ подождать здѣсь, а самъ пошлетъ кого-нибудь за пріятелями Матвѣя?

Дѣйствительно, сажая Матвѣя на стулъ, негръ сказалъ что-то своему мальчишкѣ, и тотъ внезапно куда-то провалился. Очевидно, побѣжалъ за Дымой или Боркомъ. Матвѣй радостно сѣлъ и кивнулъ негру головой. Лицо чернаго человѣка теперь ему очень понравилось: глаза грустные и ласковые, губы добрыя. Правда, некрасивъ и черенъ, за то привѣтливъ и услужливъ. Онъ тоже кивнулъ Матвѣю головой, присѣлъ у его ногъ и вздумалъ, пока что, почистить Матвѣю сапоги. Матвѣй сначала противился, а потомъ подумалъ, что всякіе есть обычаи на свѣтѣ, пожалуй, какъ бы негръ не обидѣлся. И онъ согласился исполнить желаніе добраго человѣка, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, сапоги совсѣмъ порыжѣли за дорогу. Негръ все такъ же ласково сталъ тереть ноги Матвѣя щетками, мазалъ сапоги ваксой, плевалъ, дышалъ и опять теръ. Минутъ черезъ пять сапоги Матвѣя стали, какъ зеркало. Матвѣй кивнулъ головой и опять усѣлся на стулъ поудобнѣе, но негръ взялъ его за рукавъ и показалъ большимъ пальцемъ на ладонь. Матвѣй понялъ, что негръ проситъ „на водку“, сошелъ со стула и полѣзъ въ карманъ.

— И стоитъ, — сказалъ онъ громко. — Вѣрно, что стоитъ. За такую услугу не знаю, чего бы человѣкъ не отдалъ.

И онъ вынулъ изъ кармана двѣ монеты. Негръ взялъ лишь одну.

— Бери еще,—сказалъ Матвѣй добродушно.

Негръ покачалъ головой. „Вотъ вѣдь какой честный народъ“,—подумалъ Матвѣй и опять хотѣлъ взгромоздиться на стулъ, но въ это время какой-то господинъ сѣлъ раньше его, а прибѣжавшій мальчишка принесъ негру кружку пива. Негръ сталъ пить пиво, а мальчишка принялся ваксить сапоги новоприбывшаго американца. Волосы у Матвѣя стали подыматься подъ шапкой.

— А Дыма, а Боркъ?—спросилъ онъ обращаясь къ старшему негру.

Тотъ повернулся, поглядѣлъ на Матвѣя, потомъ указалъ на его сапоги и сказалъ:

— Уэллъ (хорошо).

— Уэллъ, — всполнилъ Матвѣй объясненіе Дымы. — Это значитъ „очень хорошо“. Что же тутъ хорошаго? А, проклятый! Онъ говоритъ, что хорошо вычистилъ мои сапоги. Ему только этого и было нужно...

— Собака ты, черная собака, — подумалъ онъ съ горечью. — Человѣкъ на тебя надѣялся, какъ на друга, какъ на брата... какъ на родного отца! Ты мнѣ казался небеснымъ ангеломъ. А вмѣсто всего — ты только вычистилъ мои сапоги...

И бѣдный человѣкъ пошелъ дальше. Сапоги его блестѣли, какъ зеркало, но на душѣ стало еще темнѣе...

XIX.

Такъ вышелъ онъ на берегъ залива. Круглая площадка, на ней — небольшой садикъ, надъ головами прохожихъ вьется по столбамъ дорога, по дорогѣ пробѣжалъ поѣздъ, изогнулся надъ самымъ заливомъ и побѣжалъ дальше берегомъ, скрывшись за угломъ сѣраго дома и кинувши на воду клубъ чернаго дыма. Матвѣй сѣлъ на скамью и сталъ смотрѣть на заливъ. Вода колыхалась, искрилась, сверкала. Невдалекѣ свистнулъ пароходъ и отбѣжалъ отъ берега, нагруженный народомъ. Глаза Матвѣя побѣжали невольно за нимъ. Пароходикъ бѣжалъ прямо къ острову, на которомъ стояла знакомая мѣдная женщина. Мимо острова въ это самое время тихо проплывалъ гигантскій корабль, такой же, какъ и тотъ, на которомъ пріѣхали лозищане. Распущенный флагъ плескался по вѣтру и, казалось, стлался у ногъ мѣдной женщины, которая держала надъ нимъ свой факелъ... Матвѣй смотрѣлъ, какъ европейскій корабль тихо расталкиваетъ своею грудью волны, и на глаза его просились слезы... Какъ недавно еще онъ съ такого же корабля глядѣлъ до самаго разсвѣта на эту статую, пока на ней угасли огни и лучи солнца начинали золотить ея голову... А Анна тихо спала, склонясь на свой узелъ...

Невдалекѣ отъ этого мѣста стоитъ круглое невысокое зданіе, въ родѣ цирка. Теперь это зданіе уже заколочено, а прежде, еще недавно, здѣсь получали пріютъ эмигранты изъ Европы, пріѣзжавшіе на эмигрантскихъ пароходахъ. Если бы Матвѣй зналъ это, то навѣрное подошелъ бы поближе. А если бы подошелъ, то могъ бы увидѣть, какъ изъ воротъ, веселая и нарядная, выходила его сестра Анна, объ руку съ Осипомъ Лозинскимъ. Осипъ одѣтъ, какъ господинъ, такъ же, какъ одѣлся Дыма, только на Осипѣ все уже облежалось и не торчитъ, какъ на коровѣ сѣдло. Они вышли и пошли берегомъ,

направо, къ пристанямъ, въ надеждѣ, что, можетъ быть, Матвѣй и Дыма пріѣхали на томъ эмигрантскомъ кораблѣ изъ Германіи, который только что проплылъ мимо „Свободы“. А въ это время Матвѣй поднялся и пошелъ налѣво, вдоль берега, за убѣжавшимъ поѣздомъ.

Часа въ 4 страннаго человѣка видѣли опять у моста. Только что прошелъ мостовой поѣздъ, локомотивъ дѣлалъ поворотъ по кругу, съ лѣстницы сходила цѣлая толпа пріѣхавшихъ съ той стороны американцевъ,—и они обратили вниманіе на страннаго человѣка, который, стоя въ серединѣ этого людского потока, кричалъ:

— Кто въ Бога вѣруетъ, спасите!

Но, разумѣется, никто его не понялъ. Если бы такъ крикнулъ кто теперь, въ большомъ американскомъ городѣ, то, навѣрное, ему отозвался бы кто-нибудь изъ толпы, потому что въ послѣдніе годы корабль за кораблемъ привозитъ множество нашихъ: поляковъ, духоборовъ, евреевъ. Они расходятся отсюда по всему побережью, пробуютъ пахать землю въ колоніяхъ, нанимаются въ приказчики, работаютъ на фабрикахъ. Инымъ удается, иные богатѣютъ, иные пристраиваются къ землѣ, и тогда черезъ нѣсколько лѣтъ уже не узнаешь еврейскихъ мальчиковъ, выростающихъ въ здоровыхъ фермерскихъ работниковъ. Но многіе также терпятъ неудачи; тогда, обѣднѣвшіе и испуганные, они опять кидаются въ города, цѣпляются за прежнюю жизнь. Кто разложитъ на телѣжкѣ плохіе ножики и замочки, кто торгуетъ съ рукъ разной мелочью, кто носитъ книжки съ картинками Нью-Іорка, Ніагары, великой дороги, кто бѣгаетъ на побѣгушкахъ у своей братіи и пріѣзжихъ. Идетъ такой бѣдняга съ дряннымъ товаромъ, порой со спичками, только бы прикрыть чѣмъ-нибудь свое нищенство, идетъ лохматый, оборванный и грязный, съ потускнѣвшими и грустными глазами, и по всему сразу узнаешь нашего еврея, только еще болѣе несчастнаго на чужой сторонѣ, гдѣ жизнь дороже, а удача встрѣчаетъ не всѣхъ.

Но тогда ихъ было еще не такъ много, и на несчастіе Матвѣя ему не встрѣтилось ни одного, когда онъ стоялъ среди толпы и кричалъ, какъ человѣкъ, который тонетъ. Американцы останавливались, взглядывали съ удивленіемъ на страннаго человѣка и шли дальше... А когда опять къ этому мѣсту сталъ подходить полисмэнъ, то Лозинскій опять быстро пошелъ отъ него и скрылся на мосту...

За мостомъ онъ пошелъ все прямо по улицамъ Бруклина. Онъ ждалъ, что за рѣкой кончится этотъ проклятый городъ и начнутся поля, но ему пришлось идти часа три, пока, на-

конецъ, дома стали меньше, и между ними, на большихъ разстояніяхъ потянулись деревья.

Лозинскій вздохнулъ полной грудью и сталъ жадными глазами искать полей съ желтыми хлѣбами или луговъ съ зеленой травой. Онъ разсчиталъ, что, по нашему, теперь травы уже поспѣли для косьбы, а хлѣба должны наливаться, и думалъ про себя:

— А! Подойду къ первому, возьму косу изъ рукъ, взмахну разъ-другой, такъ тутъ уже и безъ языка поймутъ, съ какимъ человѣкомъ имѣютъ дѣло... Да и народъ, работающій около земли, долженъ быть проще, а паспорта навѣрное не спросятъ въ деревнѣ. Только когда, наконецъ, кончится этотъ проклятый городъ?..

Теперь по бокамъ дороги пошли уже скромные коттэджи, въ одинъ и два этажа, на иныхъ висѣли скромныя вывѣски, какъ на нашихъ лавкахъ — по дверямъ и въ окнахъ. Сады становились все чаще, дома все тѣ же, мощеная дорога лежала прямо, точно разостланная на землѣ холстина, надъ которой съ обѣихъ сторонъ склонились зеленыя деревья. Порой на дорогѣ показывался вагонъ, какъ темная коробочка, мелькалъ въ солнечныхъ пятнахъ, выросталъ и прокатывался мимо, и вдали появлялся другой... Порой казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ все это кончится, и откроется даль, съ шоссейной дорогой, которая бѣжитъ по полямъ, съ однимъ рядомъ телеграфныхъ столбовъ, съ одинокой почтовой телѣжкой и съ моремъ спѣлыхъ хлѣбовъ по сторонамъ, до самаго горизонта. А тамъ свѣтлая рѣчка, мостикъ, лужокъ—и привѣтливый деревенскій народъ на работѣ...

Но, вмѣсто этого, внезапно цѣлая куча домовъ опять выступала изъ-за зелени, и Матвѣй опять попадалъ какъ будто въ новый городъ; порой даже среди скромныхъ коттэджей опять подымались гордые дома въ 6 и 7 этажей, а черезъ нѣсколько минутъ опять маленькіе домики и такая же дорога, какъ будто этотъ городъ не можетъ кончиться, какъ будто онъ занялъ уже весь свѣтъ...

И все здѣсь было незнакомо, все не наше. Кое-гдѣ въ садахъ стояла странная зелень, что-то вилось по тычинкамъ, связаннымъ дугами, и, приглядѣвшись, Матвѣй увидѣлъ кисти винограда...

Наконецъ, въ сторонѣ мелькнулъ межъ вѣтвей кусокъ черной, какъ бархатъ, пашни. Матвѣй быстро кинулся туда и сталъ смотрѣть съ дороги изъ-за деревьевъ...

Но то, что онъ здѣсь увидѣлъ, облило кровью его сердце. Это былъ кусокъ плоскаго поля, десятинъ въ 15, огорожен-

наго не плетнемъ, не тыномъ, не жердями, а желѣзной проволокой, съ колючками. На одномъ краю этого поля дымилась труба завода, закопченнаго и чернаго. На другомъ— стоялъ локомобиль, — красивая и сверкающая машина на колесахъ. Маховое колесо быстро вертѣлось, суетливо стучали поршни, бѣлый паръ вырывался тоненькой, хлопотливой и прерывистой струйкой. Тутъ же, мѣрно волнуясь, плылъ въ воздухѣ приводный канатъ. Прослѣдивъ его глазомъ, Матвѣй увидѣлъ, что съ другого конца пашни, какъ животное, сердито взрывая землю, ползетъ желѣзная машина и грызетъ, и роетъ, и отваливаетъ широкую борозду чернозема.

Матвѣй перекрестился. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа! На что же теперь можетъ пригодиться въ этой сторонѣ деревенскій человѣкъ, вотъ такой пахарь, какъ Матвѣй Лозинскій, на что нужна умная лошадь, почтенный волъ, твердая рука, вѣрный глазъ и сноровка? И что же онъ станетъ дѣлать въ этой сторонѣ, если здѣсь такъ пашутъ землю?

Нѣсколько человѣкъ слѣдили за этой работой. Можетъ быть, они пробовали машину, а можетъ быть, обрабатывали поле, но только ни одинъ не былъ похожъ на нашего пахаря. Матвѣй пошелъ отъ нихъ въ другую сторону, гдѣ сквозь зелень блеснула вода...

Онъ жадно наклонился къ ней, но вода была соленая. Это уже было взморье, — два-три паруса виднѣлись между берегомъ и островомъ. А тамъ, гдѣ островъ кончался,—надъ линіей воды тянулся чуть видный дымокъ парохода. Матвѣй упалъ на землю, на береговомъ откосѣ, на самомъ краю американской земли, и жадными, воспаленными, сухими глазами смотрѣлъ туда, гдѣ за моремъ осталась вся его жизнь. А дымокъ парохода тихонько таялъ, таялъ и, наконецъ, исчезъ...

Между тѣмъ, за островомъ сѣло солнце. Волна за волной тихо набѣгала на берегъ, и пѣна ихъ становилась бѣлѣе, а волны темнѣли. Матвѣю казалось, что онъ спитъ, что это во снѣ плещутся эти странныя волны, угасаетъ заря, полный мѣсяцъ, большой и задумчивый, повисъ въ вечерней мглѣ, лиловой, прозрачной и легкой... Волны все бѣжали и плескались, а на ихъ верхушкахъ, закругленныхъ и зыбкихъ, играли то бѣлая пѣна, то переливы глубокаго синяго неба, то серебристые отблески мѣсяца, то, наконецъ, красные огни фонарей, которые какой-то человѣкъ, сновавшій по водѣ въ легкой лодкѣ, зажигалъ зачѣмъ-то въ разныхъ мѣстахъ, надъ моремъ...

Потомъ, опять будто во снѣ, послышались голоса, крики, звонкій смѣхъ. Нѣсколько мужчинъ, женщинъ и дѣвушекъ,

въ странныхъ костюмахъ, съ обнаженными руками и ногами до колѣнъ, появились изъ маленькихъ деревянныхъ будокъ, построенныхъ на берегу, и, взявшись за руки, кинулись со смѣхомъ въ волны, расплескивая воду, которая брызгала у нихъ изъ-подъ ногъ тяжелыми каплями, точно расплавленное золото. Еще сильнѣе закачались зыбкіе гребни, еще быстрѣе запрыгали въ водѣ огни, перемѣшиваясь съ цвѣтными клочками неба и мѣсяца, а лодки подъ фонарями, черныя, точно изъ цѣльнаго угля,—забились и запрыгали на верхушкахъ...

Матвѣю все казалось, что онъ спитъ или грезитъ. Чужое небо, незнакомая красота чужой природы, чужое, непонятное веселье, чужой закатъ и чужое море — все это разслабляло его усталую душу...

— Господи, Іисусе, святая дѣва...

— Всякое дыханіе... Помилуй меня грѣшнаго.

Потихоньку бормотаніе страннаго человѣка стихало.

Онъ дѣйствительно спалъ, откинувшись на спину, на откосѣ...

XX.

Проснулся онъ внезапно, точно кто толкнулъ его въ бокъ, вскочилъ и, не отдавая себѣ отчета, куда и зачѣмъ, пошелъ опять по дорогѣ. Море совсѣмъ угасло, на берегу никого не было, дорога тоже была пуста. Коттэджи спали, освѣщаемые мѣсяцемъ сверху, спали также высокія незнакомыя деревья съ густою, тяжелою зеленью, спало недопаханное квадратное поле, огороженное проволокой, спала прямая дорога, бѣлѣвшая и искрившаяся блѣдною полоской...

Послышался звонъ. Вагонъ вынырнулъ на свѣтъ изъ тѣни деревьевъ и, вздрагивая, позванивая, гудя, какъ ночной жукъ, пробѣжалъ мимо. Матвѣй посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Лошадей не было, не было ни трубы, ни дыма, ни пара. Только наверху, откинувшись спереди назадъ, точно щупальце этого страннаго животнаго изъ стекла, желѣза и дерева,—торчалъ желѣзный стержень съ утолщеніемъ на концѣ. Онъ какъ будто хватался вверху за тонкую проволоку, чуть видную въ темномъ воздухѣ, и всякій разъ, какъ ему встрѣчался узелъ,—на его верхушкѣ вспыхивала яркая, синеватая искра.

Вагонъ уменьшался, стихалъ его гудящій звонъ, и искорки блѣднѣли и угасали вдали, а изъ тѣни уже подходилъ другой, также гудя и позванивая.

Это, должно быть, былъ уже послѣдній и шелъ почти пустой. Полусонный кондукторъ, замѣтивъ одинокую фигуру на дорогѣ, позвонилъ; вагонъ задрожалъ, заскрежеталъ на рельсахъ и замедлилъ ходъ. Кондукторъ наклонился, взялъ

Лозинскаго подъ локоть и посадилъ на скамью. Лозинскій подалъ монету, раздался металлическій звонокъ счетчика, и вагонъ опять покатился, а мимо убѣгали назадъ коттэджи, сады, переулки, улицы. Сначала все это спало или засыпало. Потомъ какъ будто пробуждалось, гремѣло, говорило, свѣтилось. На небѣ разливалось зарево. Замелькали окна, уходя все выше и выше къ небу.

— Бриджъ (мостъ), сказалъ кондукторъ. Матвѣй вышелъ, сожалѣя, что нельзя ѣхать такимъ образомъ вѣчно. Передъ нимъ зіяло опять, точно пещера, устье Бруклинскаго моста. Вверху, пыхтя, опять завернулся локомотивъ и подхватилъ поѣздъ. Въ лѣвой сторонѣ вкатывались вагоны канатной дороги, справа выбѣгали другіе, а рядомъ въѣзжали фургоны и шли рѣдкіе пѣшеходы...

Дойдя до половины моста, Матвѣй остановился. Въ ушахъ у него шумѣло, въ головѣ что-то ворочалось. Мимо бѣжали поѣзда, вагоны, коляски, мостъ гудѣлъ, и было страшно слушать тонкіе свистки пароходовъ, долетавшіе снизу—такъ они казались далеко и глубоко, въ какой-то безднѣ, переполненной снующими огоньками... А въ небо уходили два гигантскихъ пролета, съ которыхъ спускались канаты невиданной толщины. Цѣлая сѣть желѣзныхъ стержней, которые казались Матвѣю съ корабля такой красивой паутинкой, тянулась отъ канатовъ, поддерживая мостъ на вѣсу. Изъ-за нихъ едва можно было разглядѣть рѣку, сливавшуюся съ заливомъ въ одно серебристое сіяніе, въ которомъ утопали и изъ котораго виднѣлись опять огни пароходовъ. И дальше тысячи огней, какъ звѣзды, висѣли надъ водой, уходя вдаль, туда, гдѣ новые огни горѣли въ Нью-Джерси. И среди всего этого моря огня, вдалекѣ, острые глаза Матвѣя едва различили круглую огненную діадему и факелъ свободы. Ему казалось, что онъ видитъ въ синеватомъ свѣтѣ и голову мѣдной женщины, и поднятую руку. Но это уже свѣтилось слабо, чуть-чуть мерцая, какъ недавніе дни съ мечтами о счастьи на чужой сторонѣ...

Въ черной громадѣ пролета, точно нора, свѣтилось оконце мостового сторожа, и самъ онъ, какъ ничтожный свѣтлякъ, выползъ изъ этой норы, съ фонаремъ. Онъ тотчасъ же увидѣлъ на мосту иностранца, а это всегда нравится американцу. Сторожъ похлопалъ Матвѣя по плечу и сказалъ нѣсколько одобрительныхъ словъ.

— Нельзя ли у тебя переночевать? — спросилъ Матвѣй усталымъ голосомъ.

— О уэллъ!—отвѣтилъ тотъ по своему и сталъ объяснять Матвѣю, что Америка больше всего остального свѣта,—это

извѣстно. Нью-Іоркъ—самый большой городъ Америки, а этотъ мостъ—самый большой въ Нью-Іоркѣ. Изъ этого Матвѣй, если бы понималъ слова сторожа, могъ бы заключить, чего стоятъ остальные мостишки передъ этимъ.

Потомъ сторожъ поглядѣлъ въ глаза страннаго человѣка, прочелъ въ нихъ тоску, вмѣсто удивленія, и мысли его приняли другое направленіе... Конечно, если уже человѣку жизнь не мила, то, пожалуй, лестно кинуться съ самаго большого моста въ свѣтѣ, но, во-первыхъ, это трудно: не перелѣзешь черезъ эту сѣть проволокъ и канатовъ, а во-вторыхъ, мостъ построенъ совсѣмъ не для того. Все это сторожъ объявилъ Матвѣю, а затѣмъ довольно рѣшительно повернулъ его и сталъ провожать, поталкивая сзади. Впрочемъ, странный человѣкъ пошелъ покорно, какъ заведенная машина, туда, гдѣ надъ городомъ стояло зарево и, точно вѣнецъ, плавало въ воздухѣ кольцо электрическихъ огней надъ зданіемъ газетнаго дома...

За мостомъ онъ уже безъ приглашенія кондуктора взобрался въ вагонъ, на которомъ стояла надпись: Central park. Спокойное сидѣніе и ровный бѣгъ вагона манили невольно безпріютнаго человѣка, а куда ѣхать, ему было теперь все равно. Только бы ѣхать, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, не думая ни о чемъ, давая отдыхъ усталымъ ногамъ, пока дремота налетаетъ вмѣстѣ съ ровнымъ постукиваніемъ колесъ...

Ему было очень непріятно, когда постукиваніе вдругъ прекратилось, и передъ нимъ сталъ кондукторъ, взявшій его за рукавъ. Онъ опять вынулъ деньги, но кондукторъ сказалъ—No,—и показалъ рукой, что надо выйти.

Матвѣй вышелъ, а пустой вагонъ какъ-то радостно закатился по кругу. Кондукторъ гасилъ на ходу огни, окна вагона точно зажмурились, и скоро Матвѣй увидѣлъ, какъ онъ вкатился во дворъ станціи и сталъ подъ навѣсомъ, гдѣ, покрытые тѣнью, отдыхали другіе такіе же вагоны...

Здѣсь было довольно тихо. Луна стала совсѣмъ маленькой, и синяя ночь была довольно темна, хотя на небѣ виднѣлись звѣзды, и большая, еще не застроенная площадь около Центральнаго парка смутно бѣлѣла подъ серебристыми лучами... Далекіе дома перемежались съ пустырями и заборами, и только въ одномъ мѣстѣ какой-то гордый человѣкъ вывелъ домъ этажей въ шестнадцать, высившійся черною громадой, весь обставленный еще лѣсами... Эта вавилонская башня рѣзко рисовалась на заревѣ отъ освѣщеннаго города...

До ушей Матвѣя донесся шумъ деревьевъ. Лѣсъ всегда тянетъ къ себѣ безпріютнаго бродягу, а Матвѣй Лозинскій чувствовалъ себя настоящимъ бродягой.

Поэтому онъ быстро повернулся и пошелъ къ парку. Если бы кто смотрѣлъ на него въ это время съ площади, то могъ бы видѣть, какъ бѣлая одежда то теряется въ тѣни деревьевъ, то мелькаетъ опять на мѣсячномъ свѣтѣ.

Онъ шелъ такъ нѣсколько минутъ и вдругъ остановился. Передъ нимъ поднималась въ чащѣ огромная клѣтка изъ тонкой проволоки, точно колпакомъ покрывшая дерево. На вѣтвяхъ и перекладинахъ сидѣли и тихо дремали птицы, казавшіяся какими-то сѣрыми комками. Когда Матвѣй подошелъ поближе, большой коршунъ поднялъ голову, сверкнулъ глазами и лѣниво расправилъ крылья. Потомъ опять усѣлся и втянулъ голову между плечъ.

Матвѣй отошелъ, боясь, чтобы птицы не подняли возню. Онъ ступалъ тихо и оглядывался, ища себѣ пріюта. Вскорѣ передъ нимъ забѣлѣло продолговатое зданіе. Половина его была темная, и Матвѣю показалось, что это какой-нибудь сарай, гдѣ можно свернуться и заснуть до утра. Но, подойдя, онъ опять увидѣлъ желѣзную рѣшетку, отъ которой отскочилъ въ испугѣ. Изъ-за нея сверкнули на него огнемъ два глаза. Большой сѣрый волкъ стоялъ надъ спящею волчицей и зорко слѣдилъ за подозрительнымъ человѣкомъ въ бѣлой одеждѣ, который бродитъ неизвѣстно зачѣмъ ночью около звѣринаго жилья.

Въ то же время откуда-то изъ тѣни человѣческій голосъ сказалъ что-то по-англійски рѣзко и сердито. Матвѣю этотъ окрикъ показался хуже ворчанія лѣсного звѣря. Онъ вздрогнулъ и пугливо пошелъ опять къ опушкѣ. Тутъ онъ остановился и погрозилъ кулакомъ. Кому? Неизвѣстно, но человѣкъ безъ языка чувствовалъ, что и въ немъ просыпается что-то волчье...

XXI.

Легкое журчаніе воды потянуло его дальше. Это струился въ бассейнъ неплотно запертый фонтанъ. Вода сочилась кверху, будто сонная, и, то поднимаясь, то падая совсѣмъ низко, струйка звенѣла и плескалась. Матвѣй склонился къ водоему и сталъ жадно пить. Потомъ онъ снялъ шапку и перекрестился, рѣшившись лечь тутъ же въ кустахъ. Издалека въ тишинѣ ночи до него донесся свистокъ... Ему показался онъ звукомъ изъ какого-то другого міра. Онъ самъ когда-то тоже пріѣхалъ на пароходѣ... Можетъ быть, это еще такой же пароходъ изъ старой Европы, на которомъ люди пріѣхали искать въ этой Америкѣ своего счастья,—и теперь смотрятъ на огромную статую съ поднятой рукой,

въ которой чуть не подъ облаками свѣтится факелъ... Только теперь лозищанину казалось, что онъ освѣщаетъ входъ въ огромную могилу.

Съ сокрушеніемъ, сиявъ шапку и глядя въ звѣздное небо, онъ сталъ молиться готовыми словами вечернихъ молитвъ. Небо тихо горѣло своими огнями въ бездонной синевѣ и казалось ему чужимъ и далекимъ. Онъ вздохнулъ, бережно положилъ около себя кусокъ хлѣба, съ которымъ все не разставался, — и легъ въ кусты. Все стихло, все погасло, все заснуло на площади, около звѣринца и въ паркѣ. Только плескалась струйка воды, да гдѣ-то вскрикивала въ клѣткѣ ночная птица, да въ кустахъ шевелилось что-то бѣлое, и порой человѣкъ бормоталъ во снѣ что-то печальное и сердитое, можетъ быть, молитву, или жалобы, или проклятія.

Ночь продолжала тихій бѣгъ надъ землей. Поплыли въ высокомъ небѣ бѣлыя облака, совсѣмъ похожія на наши. Луна закатилась за деревья; становилось свѣжѣе и какъ будто свѣтлѣло. Отъ земли чувствовалась сырость...

Тутъ съ Матвѣемъ случилось небольшое происшествіе, котораго онъ не забылъ во всю свою послѣдующую жизнь, и хотя онъ не могъ считать себя виноватымъ, но все же оно камнемъ лежало на его совѣсти.

Онъ начиналъ дремать, какъ вдругъ раздвинулись кусты, и какой-то человѣкъ остановился надъ нимъ, заглядывая въ его ночное убѣжище.

Часъ былъ сѣрый, сумеречный. Матвѣй плохо видѣлъ лицо незнакомца. Впослѣдствіи ему припоминалось, что лицо было блѣдно, а большіе глаза смотрѣли страдающе и грустно...

Очевидно, это былъ тоже ночной бродяга, какой-нибудь несчастливецъ, которому, видно, не повезло въ этотъ день, а можетъ, не везло уже много дней и теперь не было нѣсколькихъ центовъ, чтобы заплатить за ночлегъ. Можетъ быть, это былъ тоже человѣкъ безъ языка, какой-нибудь бѣднягаитальянецъ, одинъ изъ тѣхъ, что идутъ сюда цѣлыми стадами изъ своей благословенной страны, бѣдные, темные, какъ и наши, и съ такой же тоской о покинутой родинѣ, о родной бѣдѣ, подъ роднымъ небомъ... Одинъ изъ безработныхъ, выкинутыхъ этимъ огромнымъ потокомъ, который лишь ненадолго затихъ тамъ, въ той сторонѣ, гдѣ высились эти каменныя вавилонскія башни и зарево огней тихо догорало, какъ будто и оно засыпало передъ разсвѣтомъ. Можетъ быть, и этого человѣка грызла тоска; можетъ быть, его уже не носили ноги; можетъ быть, его сердце уже переполнилось тоской одиночества; можетъ быть, его просто томилъ голодъ.

и онъ радъ бы былъ куску хлѣба, которымъ могъ бы съ нимъ подѣлиться Лозинскій. Можетъ быть, и онъ могъ бы указать лозищанину какой-нибудь выходъ...

Можетъ быть... Мало ли что можетъ быть! Можетъ быть, эти два человѣка нашли бы другъ въ другѣ братьевъ до конца своей жизни, если бы они обмѣнялись нѣсколькими братскими словами въ эту теплую, сумрачную, тихую и печальную ночь на чужбинѣ...

Но человѣкъ безъ языка шевельнулся на землѣ такъ, какъ недавно шевельнулся ему навстрѣчу волкъ въ своей клѣткѣ. Онъ подумалъ, что это тотъ, чей голосъ онъ слышалъ недавно, такой рѣзкій и враждебный. А если и не тотъ самый, то, можетъ быть, садовый сторожъ, который прогонитъ его отсюда...

Онъ поднялъ голову съ враждой на душѣ, и четыре человѣческихъ глаза встрѣтились съ выраженіемъ недовѣрія и испуга...

— Джерменъ?—спросилъ незнакомецъ глухимъ голосомъ...—Френчъ? Тэдеско, итальяно?.. (германецъ? французъ? итальянецъ?)

— Что тебѣ нужно?—отвѣтилъ Матвѣй.—Неужели и здѣсь не дашь человѣку минутку покоя?..

Они еще обмѣнялись нѣсколькими фразами. Голоса обоихъ звучали сердито и враждебно...

Незнакомецъ тихо выпустилъ вѣтку, кусты сдвинулись, и онъ исчезъ.

Онъ исчезъ, и шаги его стали стихать... Матвѣй быстро приподнялся на локтѣ съ какимъ-то испугомъ. „Уходитъ,—подумалъ онъ.—А что же будетъ дальше“... И ему захотѣлось вернуть этого человѣка. Но потомъ онъ подумалъ, что вернуть нельзя, да и не зачѣмъ. Все равно—не пойметъ ни слова.

Онъ слушалъ, какъ шаги стихали, потомъ стихли, и только деревья что-то шептали передъ разсвѣтомъ въ сгустившейся темнотѣ... Потомъ съ моря надвинулась мглистая туча и пошелъ тихій дождь, недолгій и теплый, покрывшій весь паркъ шорохомъ капель по листьямъ.

Сначала этотъ шорохъ слышали два человѣка въ Центральномъ паркѣ, а потомъ только одинъ...

Другого на утро ранняя заря застала висящимъ на одномъ изъ шептавшихъ деревьевъ, съ страшнымъ, посинѣвшимъ лицомъ и застывшимъ стекляннымъ взглядомъ.

Это былъ тотъ, что подходилъ къ кустамъ, заглядывая на лежавшаго лозищанина. Человѣкъ безъ языка увидѣлъ его

первый, поднявшись съ земли отъ холода, отъ сырости, отъ тоски, которая гнала его съ мѣста. Онъ остановился передъ нимъ, какъ вкопанный, невольно перекрестился и быстро побѣжалъ по дорожкѣ, съ лицомъ, блѣднымъ, какъ полотно, съ испуганными, сумасшедшими глазами... Можетъ быть, ему было жалко, а можетъ быть также... онъ боялся попасть въ свидѣтели... Что онъ скажетъ, онъ, человѣкъ безъ языка, безъ паспорта судьямъ этой проклятой стороны?..

Въ это время его увидалъ сторожъ, который, зѣвая, потягивался подъ своимъ навѣсомъ. Онъ подивился на странную одежду огромнаго человѣка, вспомнилъ, что какъ будто видѣлъ его ночью около волчьей клѣтки, и потомъ съ удивленіемъ разсматривалъ огромные слѣды огромныхъ сапогъ лозищанина на сырой песчаной дорожкѣ...

XXII.

Въ это утро безработные города Нью-Іорка рѣшили устроить митингъ. Часъ былъ назначенъ ранній, такъ, чтобы шествіе обратило вниманіе всѣхъ, кто самъ спѣшитъ на работу, въ конторы, на фабрики и въ мастерскія.

О предстоящемъ митингѣ уже за недѣлю писали въ газетахъ, сообщая его программу и имена ораторовъ. Предвидѣли, что толпа можетъ „выйти изъ порядка“, интервьюировали директора полиціи и вожаковъ рабочаго движенія. Газеты биржевиковъ и Тамани-холла громили „агитаторовъ“, утверждая, что только иностранцы да еще лѣнтяи и пьяницы остаются безъ работы въ этой свободной странѣ. Рабочія газеты возражали, но тоже призывали къ достоинству, порядку и уваженію къ законамъ. „Не давайте противникамъ повода обвинять васъ въ некультурности“,—писали извѣстные вожаки рабочаго движенія.

Газета „Sun“, одна изъ наиболѣе распространенныхъ, обѣщала самое подробное описаніе митинга въ нѣсколькихъ его фазахъ, для чего каждые полчаса должно было появляться спеціальное прибавленіе. Одинъ изъ репортеровъ былъ поэтому командированъ раннимъ утромъ, чтобы дать замѣтку: „Центральный паркъ передъ началомъ митинга“.

Ему очень повезло. Прежде всего, обѣгая всѣ закоулки парка, онъ наткнулся на Матвѣя и тотчасъ же нацѣлился на него своимъ фотографическимъ аппаратомъ. И хотя Матвѣй быстро отъ него удалился, но онъ успѣлъ сдѣлать моментальный снимокъ, къ которому намѣревался прибавить подпись: „первый изъ безработныхъ, явившійся на митингъ“. Онъ представлялъ себѣ, какъ подхватятъ эту фигуру газеты,

враждебныя рабочему движенію: „Первымъ явился какой-то дикарь въ фантастическомъ костюмѣ. Наша страна существуетъ не для такихъ субъектовъ“...

Затѣмъ, зоркій глазъ репортера замѣтилъ въ чащѣ висящее тѣло. Надо отдать справедливость этому газетному джентльмэну: первой его мыслью было,—что, можетъ быть, несчастный еще живъ. Поэтому, подбѣжавъ къ трупу, онъ вынулъ изъ кармана свой ножикъ, чтобы обрѣзать веревку. Но, пощупавъ совершенно охладѣвшую руку,—спокойно отошелъ на нѣсколько шаговъ и, выбравъ точку,—набросалъ снимокъ въ альбомъ... Это должно было тоже произвести впечатлѣніе,—хотя уже съ другой стороны. Это подхватятъ рабочія газеты... „Человѣкъ, который явился на митингъ еще ранѣе... Еще одна жертва нужды въ богатѣйшей странѣ міра“... Во всякомъ случаѣ замѣтка вызоветъ общую сенсацію, и редакція будетъ довольна.

Дѣйствительно, и замѣтка, и изображеніе мертваго тѣла появились въ газетѣ ранѣе, чѣмъ о происшествіи стало извѣстно полиціи. По странной оплошности („что, впрочемъ, можетъ случиться даже съ отличной полиціей“—писали впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ газетахъ)—толпа уже стала собираться и тоже замѣтила тѣло, а полиція все еще не знала о происшествіи...

Матвѣй Лозинскій, ничего, конечно, не читавшій о митингѣ, увидѣлъ, что къ парку съ разныхъ сторонъ стекается народъ. По площади, изъ улицъ и переулковъ шли кучами какіе-то люди въ пиджакахъ, правда, довольно потертыхъ, въ сюртукахъ, правда, довольно засаленныхъ, въ шляпахъ, правда, довольно измятыхъ, въ крахмальныхъ, правда, довольно грязныхъ рубахахъ. Общій видъ этой толпы, изможденныя, порой бородатыя лица производили на Лозинскаго успокоительное впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ что-то какъ будто родственное и симпатичное. Всѣ они собирались къ фонтану, затѣмъ узнали о самоубійствѣ и, какъ муравьи, толпились около этого мѣста, сумрачные, озлобленные, печальные.

Лозинскій теперь смѣлѣе вышелъ на площадку, около которой расположилась группа черномазыхъ и густоволосыхъ людей, еще болѣе оборванныхъ, чѣмъ остальные. Глаза ихъ были, какъ сливы, лица смуглыя, порой остроконечныя шляпы съ широкими полями, а языкъ звучалъ, какъ музыка—мягко и мелодично. Это были итальянцы. Они напомнили Матвѣю словаковъ, заходившихъ въ Лозищи изъ Карпатъ, и онъ довѣрчиво попытался заговорить съ ними. Но и тутъ его никто не понялъ. Итальянцы лѣниво повора

чивали къ нему головы; одинъ подошелъ, пощупалъ его бѣлую свиту и съ удивленіемъ щелкнулъ языкомъ. Потомъ онъ съ удовольствіемъ ощупалъ мускулы его рукъ и сказалъ что-то товарищамъ, которые выразили свое одобреніе шумными криками... Но больше ничего отъ нихъ Матвѣй не добился... Онъ замѣтилъ только, что глаза у нихъ сверкаютъ, какъ огонь, а у иныхъ, подъ куртками у поясовъ, висятъ небольшіе ножи.

Вскорѣ толпа залила уже всю площадку. Надъ ней стояла тонкая пыль, залегавшая, какъ туманъ, между зеленью, и сплошной гулъ голосовъ носился надъ людскими головами...

Около дерева, гдѣ висѣлъ человѣкъ, началось движеніе. Суровые и важные, туда прошли полисмэны въ своихъ сѣрыхъ шляпахъ. Надъ ними смѣялись, ихъ закидали враждебными криками и остротами, показывая номеръ газеты, но они не обращали на это вниманія. Только около самаго дерева произошло какое-то замѣшательство,—сѣрыя каски какъ-то странно толкались между черными, рыжими и пестрыми шляпенками, потомъ подымались кверху и опускались деревянныя палки и что-то суетливо топталось и шарахалось. Потомъ мертвое тѣло колыхнулось, голова мертвеца вдругъ выступила изъ тѣни въ свѣтлое пятно, потомъ поникла, а тѣло, будто произвольно, тихо опустилось вровень съ толпой.

Матвѣй снялъ шапку и перекрестился. А въ это время, съ другой стороны, съ площадки, послышались вдругъ звуки музыки. Повернувъ туда голову, лозищанинъ увидѣлъ, что изъ переулка, на той сторонѣ площади, около большой постройки, выкатился клубъ золотистой пыли и покатился къ парку. Точно гнали стадо, или шло большое войско. А изъ облака неслись звуки музыки, то стихая,—и тогда слышался какъ будто одинъ только гулкій топотъ тысячи ногъ,—то вдругъ вылетая впередъ визгомъ кларнетовъ и мѣдныхъ трубъ, стукомъ барабановъ и звономъ литавровъ. Впереди бѣжали двумя рядами уличные мальчишки, и высокій тамбуръ-мажоръ шагалъ, отмахивая такъ большимъ жезломъ. За нимъ двигались музыканты, съ раздутыми и красными щеками, въ каскахъ съ перьями, въ цвѣтныхъ мундирахъ, съ огромными эполетами на плечахъ, расшитые и изукрашенные до такой степени, что, кажется, не оставалось на нихъ ни клочка, чѣмъ-нибудь не расцвѣченнаго, не завѣшаннаго какимъ-нибудь галуномъ или позументомъ.

Матвѣй думалъ, что далѣе онъ увидитъ отрядъ войска. Но, когда пыль стала ближе и прозрачнѣе, онъ увидѣлъ, что за музыкой идутъ сначала рядами, а потомъ, какъ попало, въ безпорядкѣ—все такіе же пиджаки, такія же мятыя шляпы,

такія же пыльныя и полинялыя фигуры. А впереди всей этой пестрой толпы, высоко надъ ея головами, плыветъ и колышется знамя, укрѣпленное на высокой платформѣ на колесахъ. Кругомъ знамени, точно стража, съ десятокъ людей двигались вмѣстѣ съ толпой...

Гремя, стуча, колыхаясь, подъ яркіе звуки марша, подъ неистовые крики и свистъ ожидавшаго народа, знамя подошло къ фонтану и стало. Складки его колыхнулись и упали, только ленты шевелились по вѣтру, да порой полотнище плескалось, и на немъ струились золотыя буквы...

Тогда въ толпѣ поднялся настоящій шабашъ. Одни звали новоприбывшихъ къ дереву, гдѣ недавно висѣлъ самоубійца, другіе хотѣли остаться на заранѣе назначенномъ мѣстѣ. Знамя опять колыхнулось, платформа поплыла за толпой, но скоро вернулась назадъ, отраженная плотно сомкнувшимся у дерева отрядомъ полиціи.

Когда пыль, поднятую этой толкотней, пронесло дальше, къ площади, знамя опять стояло неподвижно, а подъ знаменемъ всталъ человѣкъ съ открытой головой, длинными, откинутыми назадъ волосами и черными сверкающими глазами южанина. Онъ былъ невеликъ ростомъ, но возвышался надъ всею толпой на своей платформѣ, и у него былъ удивительный голосъ, сразу покрывшій говоръ толпы. Это былъ мистеръ Чарльзъ Гомперсъ, знаменитый ораторъ рабочаго союза.

Толпа вся стихла, когда, протянувъ руку къ дереву, гдѣ еще недавно висѣлъ самоубіца, онъ сказалъ негромко, но съ какой-то особенной торжественной внятностью:

— Прежде всего, отдадимъ почетъ одному изъ нашихъ товарищей, который еще этой ночью изнемогъ въ трудной борьбѣ.

Надъ многотысячной толпой точно пронесся вѣтеръ, и безчисленныя шляпы внезапно замелькали въ воздухѣ. Головы обнажились... Складки знамени рванулись и заплескались среди гробовой тишины печально и глухо. Потомъ Гомперсъ началъ опять свою рѣчь.

Въ груди у Матвѣя что-то дрогнуло. Онъ понялъ, что этотъ человѣкъ говоритъ *о немъ*, о томъ, кто ходилъ этой ночью по парку, несчастный и безпріютный, какъ и онъ, Лозинскій, какъ и всѣ эти люди съ истомленными лицами. О томъ, кого, какъ и ихъ всѣхъ, выкинулъ сюда этотъ безжалостный городъ, о томъ, кто недавно спрашивалъ у него о чемъ-то глухимъ голосомъ... О томъ, кто бродилъ здѣсь со своей глубокой тоской и кого теперь уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ.

Было слышно, какъ вѣтеръ тихо шелеститъ листьями, было слышно, какъ порой тряхнется и глухо ударитъ по вѣтру своими складками огромное полотнище знамени... А рѣчь человѣка, стоявшаго выше всѣхъ съ обнаженной головой, продолжалась, плавная, задушевная и печальная...

Потомъ онъ повернулся и протянулъ руку къ городу, гнѣвно и угрожающе.

И въ толпѣ будто стукнуло что-то разомъ во всѣ сердца,— произошло внезапное движеніе. Всѣ глаза повернулись туда же, а итальянцы приподнимались на цыпочкахъ, сжимая свои грязные, загорѣлые кулаки, вытягивая свои жилистыя руки.

А городъ, объятый тонкою мглою собственныхъ испареній, стоялъ спокойно, будто тихо дыша и продолжая жить своею обычною, ничѣмъ невозмутимою жизнью. По площади тянулись и грохотали вагоны, пыхтѣлъ гдѣ-то въ туннелѣ быстрый поѣздъ... Вѣтеръ несъ надъ площадью пыльное облако. Облако это, точно лента, пронизанная солнцемъ, — повисло въ половинѣ огромнаго недостроеннаго дома, напоминавшаго вавилонскую башню. Вверху среди лѣсовъ и настилокъ копошились, какъ муравьи, занятые постройкой рабочіе, а снизу то и дѣло подымались огромныя тяжести... Подымались, исчезали въ облакѣ пыли и опять плыли сверху, между тѣмъ, какъ внизу гигантскіе краны безшумно ворочались на своихъ основаніяхъ, подхватывая все новыя платформы съ глыбами кирпичей и гранита...

И на все это свѣтило яркое солнце веселаго яснаго дня.

Въ груди лозищанина подымалось что-то незнакомое, неиспытанное, сильное. Въ первый еще разъ на американской землѣ онъ стоялъ въ толпѣ людей, чувство которыхъ ему было понятно, было въ то же время и его собственнымъ чувствомъ. Это нравилось ему, это его какъ-то странно щекотало, это его подмывало на что-то. Ему захотѣлось еще большаго, ему захотѣлось, чтобы и его увидѣли, чтобы узнали и его исторію, чтобы эти люди поняли, что и онъ ихъ понимаетъ, чтобы они оказали ему участіе, которое онъ чувствуетъ теперь къ нимъ. Ему хотѣлось еще чего-то необычнаго, опьяняющаго, ему казалось, что сейчасъ будетъ что-то, отъ чего станетъ лучше всѣмъ, и ему, лозищанину, затерявшемуся, точно иголка, на чужой сторонѣ. Онъ не зналъ, куда онъ хочетъ идти, что онъ хочетъ дѣлать, онъ забылъ, что у него нѣтъ языка и паспорта, что онъ бродяга въ этой странѣ. Онъ все забылъ и, ожидая чего-то, проталкивался впередъ, опьяненный, послѣ одиночества, сознаніемъ своего единенія съ этой огромной массой въ какомъ-то общемъ чувствѣ, которое билось и трепетало здѣсь, какъ море въ крутыхъ берегахъ.

Онъ какъ-то кротко улыбнулся, говорилъ что-то тихо, но быстро, и все проталкивался впередъ, туда, гдѣ подъ знаменемъ стоялъ человѣкъ, такъ хорошо понимавшій всѣ чувства, такъ умѣло колыхавшій ихъ своимъ глубокимъ, проникавшимъ голосомъ...

XXIII.

Совершенно неизвѣстно, что сдѣлалъ бы Матвѣй Лозинскій, если бы ему удалось подойти къ самой платформѣ, и чѣмъ бы онъ выразилъ оратору, мистеру Гомперсу, волновавшія его чувства. Въ той мѣстности, откуда онъ былъ родомъ, люди, носящіе сермяжныя свиты, имѣютъ обыкновеніе выражать свою любовь и уваженіе къ людямъ въ сюртукахъ— посредствомъ низкихъ, почти до земли, поклоновъ и цѣлованья руки. Очень можетъ быть, что мистеръ Гомперсъ получилъ бы это проявленіе удивленія къ своему ораторскому искусству, если бы роковой случай не устроилъ это дѣло иначе, а именно такъ, что ранѣе мистера Гомперса, предсѣдателя рабочихъ ассоціацій и искуснаго оратора, на пути лозищанина оказался мистеръ Гопкинсъ, бывшій боксеръ и полисмэнъ. Мистеръ Гопкинсъ, на ряду съ другими людьми въ сѣрыхъ каскахъ и съ клобами въ рукахъ,—стоялъ неподвижно, какъ статуя, и, разумѣется, не былъ тронутъ краснорѣчіемъ мистера Гомперса. Нью-іоркская полиція отлично знала этого популярнаго джентльмэна и дѣйствіе его краснорѣчія оцѣнивала съ своей точки зрѣнія. Она знала, что мистеръ Гомперсъ человѣкъ очень искусный и никогда въ своихъ рѣчахъ не „выйдетъ изъ порядка“. Но за то—таково было обычное дѣйствіе его слова,—слушатели выходили изъ порядка слишкомъ часто. Безработные всегда склонны къ этому въ особенности, а сегодня, вдобавокъ, отъ этого проклятаго дерева, на которомъ полиція прозѣвала повѣсившагося бѣднягу и позволила ему висѣть „внѣ всякаго порядка“ слишкомъ долго, на толпу вѣяло чѣмъ-то особеннымъ. Между тѣмъ, давно уже не бывало митинга такого многолюднаго, и каждому полисмэну, въ случаѣ свалки, приходилось бы имѣть дѣло одному на сто.

Въ такихъ случаяхъ, полиція держится крѣпко насторожѣ, слѣдя особенно за иностранцами. Пока все въ порядкѣ,—а въ порядкѣ все, пока дѣло ограничивается словами, хотя бы и самыми страшными, и жестами, хотя бы очень драматическими,—до тѣхъ поръ полисмэны стоятъ въ своихъ сѣрыхъ шляпахъ, позволяя себѣ порой даже знаки одобренія въ особенно удачныхъ мѣстахъ рѣчи. Но лишь только въ какой-нибудь части толпы явится стремленіе перейти къ дѣлу и „выйти изъ порядка“—полиція тотчасъ же занимаетъ выгод-

ную позицію нападающей стороны. И клобы пускаются въ ходъ быстро, рѣшительно, съ ошеломляющей неожиданностью. И толпа порой тысячъ въ двадцать отступаетъ передъ сотнею-другою палокъ, при чемъ задніе бѣгутъ, закрывая, на всякій случай, головы руками...

Матвѣй Лозинскій, разумѣется, не зналъ еще, къ своему несчастью, мѣстныхъ обычаевъ. Онъ только шелъ впередъ, съ раскрытымъ сердцемъ, съ какими-то словами на устахъ, съ надеждой въ душѣ. И когда къ нему внезапно повернулся высокій господинъ въ сѣрой шляпѣ, когда онъ увидѣлъ, что это опять вчерашній полицейскій, онъ излилъ на него все то чувство, которое его теперь переполняло: чувство огорченія и обиды, безпомощности и надежды на чью-то помощь. Однимъ словомъ, онъ наклонился и хотѣлъ поймать руку мистера Гопкинса своими губами.

Мистеръ Гопкинсъ отскочилъ шагъ назадъ и—клобъ свиснулъ въ воздухѣ... Въ толпѣ рѣзко прозвучалъ первый ударъ...

Лозищанинъ внезапно поднялся, какъ разъяренный медвѣдь... По лицу его текла кровь, шапка свалилась, глаза стали дикіе. Онъ былъ страшнѣе, чѣмъ въ тотъ разъ въ комнатѣ Борка. Только теперь не было уже человѣческой силы, которая была бы въ состояніи сдержать его. Неожиданное оскорбленіе и боль переполнили чашу терпѣнія въ душѣ большого, сильнаго и кроткаго человѣка. Въ этомъ ударѣ для него вдругъ сосредоточилось все то, что онъ пережилъ, перечувствовалъ, перестрадалъ за это время, вся ненависть и гнѣвъ бродяги, котораго, наконецъ, затравили, какъ дикаго звѣря.

Неизвѣстно, зналъ ли мистеръ Гопкинсъ индѣйскій ударъ, какъ Падди, во всякомъ случаѣ и онъ не успѣлъ примѣнить его во время. Передъ нимъ поднялось что-то огромное и дикое, поднялось, навалилось—и полисмэнъ Гопкинсъ упалъ на землю, среди толпы, которая вся уже волновалась и кипѣла... За Гопкинсомъ послѣдовалъ его ближайшій товарищъ, а черезъ нѣсколько секундъ огромный человѣкъ, въ невиданной одеждѣ, лохматый и свирѣпый, одинъ опрокинулъ ближайшую цѣпь полицейскихъ города Нью-Іорка... За нимъ, съ громкими криками и горящими глазами первые кинулись итальянцы. Американцы оставались около знамени, гдѣ мистеръ Гомперсъ напрасно надрывалъ грудь призывами къ порядку, указывая въ то же время на одну изъ надписей: „порядокъ, достоинство, дисциплина!“

Черезъ минуту вся полиція была смята, и толпа кинулась на площадь...

Была одна минута, когда. казалось, городъ дрогнулъ подъ вліяніемъ того, что происходило около Central park'a...

Уѣзжавшіе вагоны заторопились, встрѣчные остановились въ нерѣшимости, перестали вертѣться краны, и люди на постройкѣ перестали ползать взадъ и впередъ... Рабочіе смотрѣли съ любопытствомъ и сочувствіемъ на толпу, опрокинувшую полицію и готовую ринуться черезъ площадь на ближайшія зданія и улицы.

Но это была только минута. Площадь была во власти толпы, но толпа совершенно не знала, что ей дѣлать съ этой площадью. Между тѣмъ, большинство осталось около знамени и понемногу голова толпы, которая, точно змѣя, потянулась было по направленію къ городу,—опять притянулась къ туловищу. Затѣмъ, послѣ короткаго размышленія,—вожаки рѣшили, что митингъ сорванъ, и, составивъ наскоро резолюцію, протестующую противъ дѣйствій полиціи, они двинулись обратно. Впереди, какъ ни въ чемъ не бывало, опять выстроился наемный оркестръ, и облако пыли опять покатилось вмѣстѣ съ музыкой черезъ площадь. А за нимъ сомкнутымъ строемъ шли оправившіеся полицейскіе, ободрительно помахивая клобами и поощряя отставшихъ.

Черезъ полчаса паркъ опустѣлъ; подъемные краны опять двигались на своихъ основаніяхъ, рабочіе опять сновали чуть не подъ облаками на постройкѣ, опять мѣрно прокатывались вагоны, и проѣзжавшіе въ нихъ люди только изъ газетъ узнали о томъ, что было полчаса назадъ на этомъ мѣстѣ. Только сторожа ходили около фонтана, качая головами и ругаясь за помятые газоны...

XXIV.

Нѣсколько дней газеты города Нью-Іорка, благодаря лозищанину Матвѣю, работали очень бойко. Въ его честь типографскія машины сдѣлали сотни тысячъ лишнихъ оборотовъ, сотни репортеровъ сновали за извѣстіями о немъ по всему городу, а на площадкахъ, передъ огромными зданіями газетъ „World“, „Tribune“, „Sun“, „Herald“—толпились лишнія сотни газетныхъ мальчишекъ. На одномъ изъ этихъ зданій, Дыма, все еще рыскавшій по городу въ надеждѣ встрѣтиться съ товарищемъ, увидѣлъ экранъ, на которомъ висѣло объявленіе:

ДИКАРЬ ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ.

Происшествіе на митингѣ безработныхъ. Кафръ, патагонецъ или славянинъ?

Сильнѣе полисмэна Гопкинса.

УГРОЗА ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Оскорбленіе законовъ этой страны!

Мы дадимъ портретъ дикаря, убившаго полисмэна Гопкинса.

Черезъ часъ листы уже летѣли въ толпу мальчишекъ, которые тотчасъ же ринулись во всѣ стороны. Они шныряли подъ ногами лошадей, вскакивали на ходу въ вагоны электрической дороги, черезъ полчаса были уже на концѣ подземной дороги и въ предмѣстьяхъ Бруклина,—и всюду раздавались ихъ звонкіе крики:

„Дикарь въ Нью-Іоркѣ!.. Портретъ дикаря на митингѣ безработныхъ!.. Оскорбленіе законовъ этой страны!“

Газетный джентльмэнъ, нарисовавшій вчера фантастическое изображеніе дикаря, купающаго свою семью въ городскомъ водоемѣ, не подозрѣвалъ, что его рисунокъ получитъ столь скорое примѣненіе. Теперь это талантливое произведеніе красовалось въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, и серьезные американцы, возвращавшіеся изъ своихъ конторъ, развертывали на ходу газету именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась фигура дикаря, „дважды нарушившаго законы этой страны“. А такъ какъ очень трудно воздержаться отъ невольныхъ сопоставленій, то газета, пока не выяснятся окончательно мотивы загадочнаго преступленія этого загадочнаго человѣка,—предлагала свое объясненіе, не настаивая, впрочемъ, на полной его достовѣрности. „Вчера бѣдный Гопкинсъ разъяснилъ дикарю всю неумѣстность купанія дѣтей въ городскихъ водоемахъ. Извѣстно, что дикари мелочны и мстительны. Кто знаетъ, быть можетъ, Гопкинсъ палъ невинною жертвой ревностнаго исполненія своего долга на Бродвэѣ“.

Въ другой газетѣ, болѣе серьезной, дано было изложеніе событія по свѣжимъ слѣдамъ. Замѣтка носила названіе: „*Митингъ безработныхъ*“:

„Спѣшимъ дать нашимъ читателямъ точное изложеніе событія въ Центральномъ паркѣ. Какъ уже извѣстно, митингъ безработныхъ былъ назначенъ утромъ, и уже чуть не съ разсвѣта площадка и окружающая мѣстность стали наполняться людьми въ количествѣ, которое привело въ нѣкоторое замѣшательство полицейскіе резервы. Въ числѣ послѣднихъ оказался извѣстный Гопкинсъ, бывшій боксеръ, лицо достаточно популярное въ этомъ городѣ.

„Къ несчастью, случай, одинъ изъ тѣхъ, которые, конечно, могутъ встрѣтиться во всякомъ городѣ этого штата, во всякомъ штатѣ этой страны, во всякой странѣ этого міра (гдѣ всегда будетъ богатство и бѣдность, что бы ни говорили опасные утописты)—такой случай внесъ особенное возбужденіе въ настроеніе этой толпы. Неподалеку отъ фонтана, по сосѣдству съ мѣстомъ митинга, въ эту ночь повѣсился какой-то бѣднякъ, имя, родъ занятій, даже національность ко-

тораго остаются пока неизвѣстны. Какъ бы то ни было,—полиція проявила несомнѣнную оплошность. Одинъ изъ репортеровъ успѣлъ срисовать даже изображеніе самоубійцы прежде, чѣмъ полиція узнала о фактѣ. Вынимать тѣло изъ петли пришлось уже въ то время, когда въ паркѣ было много людей, судьба которыхъ, вслѣдствіе случайныхъ, но тѣмъ не менѣе прискорбныхъ причинъ очень грустно иллюстрировалась видомъ и судьбой этого бѣдняги. Первая попытка полиціи снять тѣло — оказалась неудача, вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго сильно возбужденной толпой. Но затѣмъ, когда силы полиціи увеличились, это было, наконецъ, сдѣлано,—хотя, нужно, признаться, не безъ содѣйствія клобовъ, которые, какъ мы это указывали многократно, полиція наша пускаетъ въ ходъ нерѣдко и при обстоятельствахъ, пожалуй менѣе оправдывающихъ употребленіе этого орудія въ цивилизованной странѣ.

„Въ назначенное время прибылъ на мѣсто извѣстный рабочій агитаторъ мистеръ Гомперсъ, въ сопровожденіи хора музыки и со знаменемъ, на которомъ была надпись:

Работы!
Терпѣніе народа истощено.
Соединяйтесь!
Петиція новому мэру!

„Безпристрастіе требуетъ прибавить, что, кромѣ этихъ, была еще надпись слѣдующаго содержанія: „Достоинство, порядокъ, дисциплина!“

За этой замѣткой слѣдовала въ газетѣ другая, имѣвшая опять три заглавія:

„Чарли Гомперсъ былъ горекъ.
„Онъ громилъ богатство и роскошь.
„Порицалъ порядки этой страны, а этотъ городъ называлъ вавилонской блудницей“.

„Чарли Гомперсъ, ораторскому таланту котораго нельзя не отдать должной дани удивленія, прекрасно использовалъ данное положеніе. Едва прибывъ на мѣсто, въ сопровожденіи прекраснаго хора м-ра Ивэнса (Second avenue, № 300), и узнавъ объ утреннемъ происшествіи, онъ началъ свою рѣчь блестящей импровизаціей, въ которой въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изобразилъ положеніе лишенныхъ работы и судьбу, ожидающую, быть можетъ, въ близкомъ будущемъ многихъ изъ этихъ несчастливцевъ. Вслѣдъ за этимъ онъ воспользовался контрастами, которые на всякомъ шагу развертываетъ этотъ городъ, какъ извѣстно, самый большой и самый богатый въ мірѣ. Эта рѣчь Чарли Гомперса, имѣвшая цѣлью

пригласить безработныхъ къ петиціи на имя городского мэра, а также пропагандировавшая идею рабочихъ ассоціацій, — вызвала, повидимому, самыя дурныя страсти. Правда, англичане и американцы (которыхъ, впрочемъ, было очень немного), даже большинство ирландцевъ и нѣмцы, — остались въ порядкѣ. Но наименѣе цивилизованные элементы толпы, — въ лицѣ итальянцевъ, отчасти русскихъ евреевъ и въ особенности какого-то дикаго человѣка неизвѣстной націи — вспыхнули при этомъ, какъ порохъ отъ спички".

„Мнѣніе о происшествіи сенатора Робинзона".

„Мистеръ Робинзонъ, любезно принявшій у себя нашего репортера, находитъ, что въ этомъ происшествіи съ особенной яркостью выразилась сила законнаго порядка этой страны. „Сэръ,—сказалъ мистеръ Робинзонъ нашему репортеру,—что вы видите въ данномъ случаѣ? Мятежники, побуждаемые опасными демагогами, опрокинули полицію. Преграда между ними и цивилизаціей въ лицѣ браваго Гопкинса и его товарищей рушилась. И что же,—мятежники не находятъ ничего лучшаго, какъ вернуться самопроизвольно къ порядку. Я позволилъ бы себѣ, однако, предложить мистеру Гомперсу и въ его лицѣ всѣмъ подобнымъ ему агитаторамъ одинъ вопросъ, который, надѣюсь, поставилъ бы ихъ въ немалое затрудненіе: *зачѣмъ вы, сэръ, возбуждаете страсти и подстрекаете толпу на дѣло, самый успѣхъ котораго не можете ни въ какомъ случаѣ обратить въ свою пользу?*"

„Въ слѣдующемъ №,—прибавляла редакція,—мы надѣемся дать читателямъ отвѣтъ мистера Гомперса на уничтожающій вопросъ почтеннаго сенатора".

На утро газета исполнила свое обѣщаніе. Она дала, во-первыхъ, портретъ мистера Гомперса, а затѣмъ подробное изложеніе бесѣды его съ репортеромъ. При этомъ мистеръ Гомперсъ въ изображеніи репортера рисовался столь же благожелательными красками, какъ и сенаторъ Робинзонъ. „Мистеръ Гомперсъ въ личной жизни—человѣкъ привлекательный и симпатичный, его обращеніе съ репортеромъ было необыкновенно привѣтливо и любезно, но его отзывы о дѣлѣ—очень горячи и энергичны. Мистеръ Гомперсъ винитъ во всемъ несдержанность полиціи этого города. Самъ онъ былъ „въ порядкѣ". Правда, какъ это совершенно справедливо было отмѣчено нашимъ репортеромъ, онъ „былъ горекъ" въ своей рѣчи. Онъ этого не отрицаетъ. Но съ какихъ же это поръ для американца въ этой странѣ считается обязательнымъ произносить только сладкія рѣчи?! Кому не нравится сравненіе этого города съ блудницей, тотъ не долженъ слушать

по воскресеньямъ проповѣди, хотя бы, напримѣръ, достопочтеннаго реверендъ-Джонса, такъ какъ это его любимое сравненіе. И, однако, никто не обвиняетъ за это священниковъ въ возбужденіи дурныхъ страстей или въ оскорбленіи страны. Надо думать, что Таманирингъ, котораго, какъ извѣстно, м-ръ Робинзонъ является дѣятельнымъ членомъ, еще не въ силахъ ограничить въ этой странѣ свободу слова, завѣщанную великими творцами ея конституціи! (здѣсь репортеръ выражаетъ сожалѣніе, что онъ не въ силахъ передать ни великолѣпнаго жеста, ни возвышеннаго пафоса, съ какимъ мистеръ Гомперсъ произнесъ послѣднюю фразу. Онъ констатируетъ, однако, что они сдѣлали бы честь первымъ ораторамъ страны). Мистеръ Гомперсъ очень сожалѣетъ о томъ, что случилось, но пострадавшими въ этомъ дѣлѣ считаетъ себя и своихъ друзей, такъ какъ митингъ оказался сорваннымъ и право собраній грубо нарушено въ ихъ лицѣ. Какъ началась свалка, онъ не видѣлъ. Онъ далекъ также отъ мысли заподозрѣвать добросовѣстность талантливаго джентльмэна, давшаго изображеніе дикаря. Однако, и наружность, и костюмъ этого дикаря кажутся ему достаточно маскарадными, чтобы быть изобрѣтеніемъ полиціи. Что касается до обращеннаго къ нему вопроса, то удовлетворить любопытство достопочтеннаго сенатора гораздо легче, чѣмъ освѣтить нѣкоторыя продѣлки Таманиринга. Какъ уже ясно изъ предыдущаго, онъ не подстрекалъ никого къ нападенію на полицію, такъ же, какъ не подстрекалъ полицейскихъ къ слишкомъ усердному употребленію клобовъ. Но онъ убѣжденъ, что великій вопросъ о богатствѣ и бѣдности долженъ быть рѣшенъ на почвѣ свободы слова и союзовъ. Что же касается до плодовъ агитаціи, то они видны уже и теперь. Два года назадъ ассоціація рабочихъ, которой онъ имѣетъ честь быть предсѣдателемъ, считала ровно вдвое меньшее число членовъ, чѣмъ имѣетъ въ настоящее время. Таковы плоды непосредственные. Что же касается дальнѣйшихъ, то мистеръ Робинзонъ, сенаторъ и крупный фабрикантъ, можетъ сказать кое-что по этому поводу, такъ какъ на его собственной фабрикѣ съ прошлаго года рабочіе часы сокращены безъ сокращенія платы. „И мы съ гордостью предвидимъ, — прибавилъ м-ръ Гомперсъ съ неподражаемой ироніей, — тотъ день, когда м-ру Робинзону придется еще поднять плату безъ увеличенія рабочаго дня“... Наконецъ, мистеръ Гомперсъ сообщилъ, что онъ намѣренъ начать процессъ передъ судьей штата о нарушеніи неприкосновенности собраній. Какъ извѣстно, сказалъ онъ, — ученымъ этой страны до сихъ поръ не удалось выяс-

нить вопроса о національности загадочнаго дикаря. М-ръ Гомперсъ не теряетъ, однако, надежды, что суду это удастся и что директору полиціи (которому онъ отказываетъ, впрочемъ, въ должномъ уваженіи) уже и теперь извѣстно кое-что по этому поводу".

„Однимъ словомъ, — такъ заканчивалась замѣтка, — если оставить въ сторонѣ нѣкоторые щекотливые вопросы, вызывающіе (быть можетъ, и справедливое) осужденіе, — м-ръ Гомперсъ оказался не только превосходнымъ ораторомъ и тонкимъ политикомъ, но и очень пріятнымъ собесѣдникомъ, которому нельзя отказать въ искреннемъ пафосѣ и возвышенномъ образѣ мыслей. Самъ мистеръ Гомперсъ убѣжденъ, что онъ и его единомышленники оказываютъ истинную услугу странѣ, внося организацію, порядокъ, сознательность и надежду въ среду, бѣдствія, отчаяніе и справедливое негодованіе которой легко могли бы сдѣлать ее добычей анархіи"...

Нѣсколько дней еще происшествіе въ Центральномъ паркѣ не сходило со столбцовъ нью-іоркскихъ газетъ. Репортеры обѣгали весь городъ и въ редакціи являлись разныя лица, видѣвшія въ разныхъ мѣстахъ странныхъ людей, навлекавшихъ подозрѣніе въ тожественности съ загадочнымъ дикаремъ. Дикарей въ Нью-Іоркѣ оказалось достаточно. Исходя изъ перваго изображенія, нѣкоторые болѣе или менѣе ученые джентльмэны высказывали свое мнѣніе о его національности. Отзывы были весьма различны, но по мѣрѣ того, какъ свѣдѣнія становились многочисленнѣе и точнѣе, заключенія ученыхъ джентльмэновъ начинали вращаться въ кругѣ все болѣе ограниченномъ. Первый приблизился къ истинѣ нѣкто мистеръ Аткинсонъ, взявшій исходнымъ пунктомъ „разрушительныя тенденціи незнакомца и его безпредѣльную ненависть къ цивилизаціи и культурѣ". Судя по этимъ признакамъ, онъ причислялъ его къ славянскому племени... Къ сожалѣнію, пустившись въ дальнѣйшія гипотезы, мистеръ Аткинсонъ отнесъ къ славянскому племени также „кавказскихъ черкесовъ и самоѣдовъ, живущихъ въ глубинахъ снѣжной Сибири".

Кругъ около загадочной личности смыкался все болѣе. Въ замѣткахъ, становившихся все болѣе краткими, но зато и болѣе точными,—появлялись все новыя мѣста и лица, такъ или иначе прикосновенныя къ личности „дикаря". Негръ Самъ, чистильщикъ сапогъ въ Бродвэѣ, мостовой сторожъ, подозрѣвавшій незнакомца въ какомъ-нибудь покушеніи на цѣлость бруклинскаго моста, кондукторъ вагона, въ которомъ Матвѣй прибылъ вечеромъ къ Central-park'y, другой кондукторъ, который подвергалъ свою жизнь опасности, оставаясь

съ глазу на глазъ съ дикаремъ въ электрическомъ вагонѣ, въ пустынныхъ предмѣстьяхъ Бруклина, наконецъ, старая барыня, съ буклями на вискахъ, къ которой таинственный дикарь огромнаго роста и ужасающаго вида позвонился однажды съ неизвѣстными, но, очевидно, недобрыми цѣлями, когда она была одна въ своемъ домѣ... Къ счастью, престарѣлая лэди успѣла захлопнуть свою дверь какъ разъ во время для спасенія своей жизни.

XXV.

О другой старой барынѣ, изъ дома № 1235, въ газетахъ не упоминалось. Не упоминалось также и объ Аннѣ, которая только вздыхала порой, при воспоминаніи о пропавшемъ безъ вѣсти Матвѣѣ. Человѣкъ канулъ точно въ воду, а сама она попала, какъ лодка, въ тихую заводь. Каждый день, когда мужъ и жильцы старой барыни уходили, — она, точно невидимая фея, являлась въ оставленныя комнаты, убирала постели, подметала полы, а разъ въ недѣлю перетирала стекла и чистила газовые рожки. Каждый день выносила соръ на улицу въ корзину, откуда его убирали городскіе мусорщики, и готовила обѣдъ для господъ и для двухъ джентльмэновъ, обѣдавшихъ съ ними. Два раза въ мѣсяцъ она ходила въ церковь вмѣстѣ съ барыней... Вообще все для нея въ этомъ уголкѣ было такъ, какъ на родинѣ. Все было какъ на родинѣ въ такой степени, что дѣвушкѣ становилось до боли грустно: зачѣмъ же она ѣхала сюда, зачѣмъ мечтала, надѣялась и ждала, зачѣмъ встрѣтилась съ этимъ высокимъ человѣкомъ, задумчивымъ и страннымъ, который говорилъ: „Моя доля будетъ и твоя доля, малютка“. Молодой Джонъ и Дыма не являлись. Жизнь ея истекала скучными днями, какъ двѣ капли воды похожими другъ на друга... Она нашла здѣсь родину, ту самую, о которой такъ вздыхалъ Лозинскій—и не разъ она горько плакала объ этомъ по ночамъ въ своей кухонкѣ, въ подвальномъ этажѣ, низкомъ и тѣсномъ... И не разъ ей хотѣлось вернуться къ той минутѣ, когда она послушалась Матвѣя, вмѣсто того, чтобы послушать молодую еврейку... Вернуться и начать жить здѣсь по иному, искать иной доли, можетъ быть, дурной, да иной...

Однажды почталіонъ, къ ея великому удивленію, подалъ ей письмо. На конвертѣ совершенно точно стоялъ ея адресъ, написанный по-англійски, а на верху печатный штемпель: „соединенное общество лицъ, занятыхъ домашними услугами“. Не понимая по-англійски, она обратилась къ старой барынѣ,

съ просьбой прочесть письмо. Барыня подозрительно посмотрѣла на нее и сказала:

— Поздравляю! Ты уже заводишь шашни съ этими бунтовщиками!

— Я ничего не знаю,—отвѣтила Анна.

Въ письмѣ былъ только печатный бланкъ, съ приглашеніемъ поступить въ члены общества. Сообщался адресъ и размѣръ членскаго взноса. Цифра этого взноса поразила Анну, когда барыня иронически перевела приглашеніе... Однако, дѣвушка спрятала письмо и порой вынимала его по вечерамъ и смотрѣла съ задумчивымъ удивленіемъ: кто же это могъ замѣтить ее въ этой странѣ и такъ правильно написать на конвертѣ ея имя и фамилію?

Это было вскорѣ послѣ ея поступленія на службу. А еще черезъ нѣсколько дней старая барыня съ суровымъ видомъ сообщила ей новость:

— Хорошія дѣла, нечего сказать, надѣлалъ этотъ твой... Матвѣй, что ли!—сказала она.—Вотъ и вѣрь послѣ этого наружности. Казался такимъ почтительнымъ и смирнымъ.

— Что такое?—спросила Анна съ тревогой.

— Убилъ полицейскаго, ни болѣе, ни менѣе.

— Не можетъ быть!—вскрикнула дѣвушка невольно.

Старая барыня показала ей кучку газетъ, которыя принесъ ей мужъ, когда уже личность Матвѣя стала выясняться. Въ фантастическомъ изображеніи трудно было признать добродушную фигуру лозищанина, хотя все же сохранились нѣкоторыя черты и окладъ бороды. Затѣмъ, въ слѣдующихъ №№ былъ приведенъ портретъ Дымы, на этотъ разъ въ свитѣ и бараньей шапкѣ,—какъ соотечественника исчезнувшей знаменитости. Старая барыня, надѣвъ очки, цѣлый день читала газеты, сообщая отъ времени до времени вычитанныя свѣдѣнія и Аннѣ. Сама она была искренно удивлена, узнавъ, что Матвѣй попалъ на митингъ и оказался предводителемъ банды итальянцевъ, опрокинувшихъ полицію и побуждавшихъ толпу безработныхъ ограбить ближайшіе магазины.

— А вѣдь какимъ казался почтительнымъ и тихимъ,—сказала барыня въ раздумьи, вспоминая покорную фигуру Матвѣя, его кроткіе глаза и убѣжденное поддакиваніе на всѣ ея мнѣнія...—Да, да! Вѣрь послѣ этого наружности.

Она подозрительно покосилась даже на Анну, готовая видѣть въ ней сообщницу страшнаго человѣка, но открытый взглядъ дѣвушки разсѣялъ ея опасенія.

— Онъ очень вспыльчивъ, — сказала Анна грустно, вспоминая страшную минуту во время столкновенія съ Падди...—

И... и... знаете что... Какъ это тамъ написано: потянулся губами къ рукѣ... Вѣдь это онъ... прошу васъ... хотѣлъ, вѣрно, поцѣловать у него руку...

— Хотѣлъ поцѣловать?.. и убилъ?.. Что-то все это странно,— сказала барыня.—Во всякомъ случаѣ, если его поймаютъ, то непремѣнно повѣсятъ... Видишь, до чего здѣсь доводятъ эти... общества разныя... Я бы этихъ Гомперсовъ!.. Смотри, вотъ они и тебя хотятъ завлечь въ свои сѣти...

Анна видѣла, что барыня говоритъ совершенно искренно, а происшествіе съ Матвѣемъ придавало ея словамъ еще большее значеніе. Однако, когда, въ отсутствіи барыни, опять пришло письмо на ея имя съ тѣмъ же штемпелемъ, — она обратилась за прочтеніемъ не къ ней, а къ одному изъ жильцовъ. Это былъ человѣкъ молчаливый и суровый, не участвовавшій въ карточныхъ вечерахъ у хозяевъ и не сказавшій никогда съ Анной лишняго слова. Онъ все сидѣлъ въ своей комнатѣ, цѣлые дни писалъ что-то и дѣлалъ какія-то выкладки. Въ домѣ говорили, что онъ „считаетъ себя изобрѣтателемъ“. Почему-то Анна питала къ суровому человѣку безотчетное довѣріе и уваженіе.

Онъ взялъ изъ ея рукъ письмо и добросовѣстно перевелъ слово въ слово. Содержаніе письма очень удивило Анну: въ немъ писали, что комитету общества стало извѣстно, что миссъ Анна служитъ на такихъ условіяхъ, которыя, во-первыхъ, унизительны для человѣческаго достоинства своей неопредѣленностью, а, во-вторыхъ, понижаютъ общій уровень вознагражденія. 10 долларовъ въ мѣсяцъ и одинъ свободный день въ недѣлю—это минимальныя требованія, принятыя въ одномъ изъ собраній „соединеннаго общества лицъ, занятыхъ домашними услугами“. Въ виду этого, ей опять предлагаютъ поступить въ члены общества и предъявить повышенныя требованія своей хозяйкѣ, иначе ея сотоварищи вынуждены будутъ считать ее „врагомъ своего класса“.

Анна выслушала съ испугомъ это странное обращеніе.

— Что же мнѣ будетъ? — спросила она, глядя на чтеца совсѣмъ округлившимися глазами и не понимая хорошенько, кто это пишетъ и по какому праву.

— Ну, я въ эти дѣла не мѣшаюсь, — отвѣтилъ сурово молчаливый жилецъ и опять повернулся къ своимъ бумагамъ. Но между глазами и бумагой ему почудилось испуганное лицо миловидной дѣвушки, растерявшейся и безпомощной, и онъ опять съ неудовольствіемъ повернулся, подымая привычнымъ движеніемъ свои очки на лобъ.

— Ты еще здѣсь?—сказалъ онъ, глядя въ упоръ на Анну

своими близорукими глазами, устремленными какъ бы въ пространство или видѣвшими что-то за ней. — Странно: твое лицо мнѣ мѣшаетъ... Ты спрашивала мое мнѣніе?.. Ну, такъ вотъ: по моему мнѣнію, все это глупости! Когда-то и я вѣрилъ въ эти бирюльки и увлекался, пока не понялъ, что только наука способна измѣнить всѣ человѣческія отношенія. Понимаешь: наука! Вопросъ рѣшается не на улицѣ, а въ кабинетѣ ученаго... Вотъ здѣсь (онъ положилъ руку на бумаги) рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ. Скоро всѣ узнаютъ... и ты въ томъ числѣ. Ну, а пока—иди съ Богомъ. Твое лицо мнѣ мѣшаетъ... А мое дѣло и для тебя важнѣе всей этой сутолоки.

И онъ опять наклонился надъ чертежами и выкладками, махая Аннѣ лѣвой рукой, чтобы она уходила. Анна пошла въ кухню, думая о томъ, что всетаки не все здѣсь похоже на наше, и что она никогда еще не видѣла такого страннаго господина, который бы такъ торжественно произносилъ такія непонятныя слова.

Она захотѣла посовѣтоваться еще съ Дымой и Розой. Въ церковь она ходила мимо Борка и уже знала дорогу. Однажды, когда барыня осталась дома и она одна пошла въ церковь, дѣвушка забѣжала въ знакомую квартиру. Розы и Джона не было, а Боркъ былъ очень занятъ. Отъ него она узнала только, что Дыма уѣхалъ, такъ какъ письмо его, наконецъ, дошло, и Лозинскіе его увезли въ Миннесоту. Это было для него очень кстати, такъ какъ пріятели-ирландцы разбрелись. Таммани-голлъ не нуждался болѣе въ его голосѣ, а работы все не находилось... Временная знаменитость и появленіе его портрета въ газетахъ — плохо утѣшали Дыму въ потерѣ пріятеля. Впрочемъ, въ это время публика перестала уже интересоваться инцидентомъ въ Центральномъ паркѣ, въ особенности послѣ того, какъ оказалось, вдобавокъ, что и здоровье мистера Гонкинса, вовсе не убитаго, приведено въ надлежащее состояніе.

Исторія дикаря отступала все далѣе и далѣе на четвертую, пятую, шестую страницы, а на первыхъ, за отсутствіемъ другихъ предметовъ сенсаціи, красовались черезъ нѣсколько дней портреты миссъ Лиззи и мистера Фрэда, двухъ еще совсѣмъ молодыхъ особъ, которые, обвѣнчавшись самовольно въ Балтиморѣ, устроили своимъ родителямъ, извѣстнымъ милліонерамъ города Нью-Іорка, „неожиданный сюрпризъ“. И веселая, кудрявая головка миссъ Лиззи, съ лукавыми черными глазками, глядѣла на читателя съ того самаго мѣста и даже нарисованная тѣмъ самымъ карандашомъ, который изображалъ недавно нашего земляка.

Изъ этого слѣдуетъ, какъ легко стать знаменитымъ въ этой странѣ и какъ это бываетъ ненадолго...

И только Дыма да Лозинскіе читали, что могли, о Матвѣѣ, думая о томъ, какъ имъ теперь разыскать бѣднягу, опять потонувшаго безъ слѣда въ людскомъ океанѣ...

XXVI.

А самъ виновникъ волненія публики въ день знаменитаго митинга подъ вечеръ ѣхалъ въ экстренномъ поѣздѣ на Детройтъ, на Бэффало, на Ніагару и на Чикаго...

Какъ онъ попалъ въ этотъ поѣздъ, онъ помнилъ потомъ очень смутно. Когда толпа остановилась, когда онъ понялъ, что болѣе уже ничего не будетъ, да и быть болѣе уже нечему, кромѣ самаго плохого, когда, наконецъ, онъ увидѣлъ Гопкинса, лежащимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, съ бѣлымъ, какъ у трупа, лицомъ и закрытыми глазами, онъ остановился, дико озираясь вокругъ и чувствуя, что его въ этомъ городѣ настигнетъ, наконецъ, настоящая погибель. Съ этой минуты онъ сталъ опять точно безпомощный ребенокъ и покорно побѣжалъ за какимъ-то долговязымъ итальянцемъ, который схватилъ его за руку и увлекъ за собой.

Черезъ площадь они пробѣжали вмѣстѣ съ другими, потомъ вбѣжали въ переулокъ, потомъ спустились въ какой-то подвалъ, гдѣ было еще съ десятокъ бѣглецовъ, частью мрачныхъ, частью, повидимому, довольныхъ сегодняшнимъ днемъ. Мрачны были старики, довольны молодые бобыли и въ томъ числѣ долговязый спаситель Матвѣя. Это былъ тотъ самый молодой человѣкъ, который утромъ, передъ митингомъ хлопалъ Матвѣя по плечу и щупалъ его мускулы. Веселому малому, кажется, очень понравилась манера обращенія Матвѣя съ полиціей. Онъ и нѣсколько его товарищей кинулись вслѣдъ за Матвѣемъ, расчистившимъ дорогу, но затѣмъ, когда толпа остановилась, не зная, что дѣлать дальше, — онъ сообразилъ, что теперь остается только скрыться, такъ какъ дѣло принимало оборотъ очень серьезный. И онъ счелъ своей обязанностью позаботиться также о странномъ незнакомцѣ.

Изъ переулка Матвѣя ввели въ какое-то помѣщеніе, длинное, узкое и довольно темное. Здѣсь столпилось десятка два человѣкъ, разныхъ національностей, которые, чувствуя себя въ безопасности, обсуждали событія дня. Они горячо спорили при этомъ: одни находили, что митингъ сорванъ напрасно, другіе доказывали, что, наоборотъ, все вышло хорошо, и фактъ прямого столкновенія съ полиціей произведетъ впечатлѣніе даже сильнѣе „слишкомъ умѣренныхъ“ рѣчей Гомперса. Все

это привело, наконецъ, споривших къ вопросу: что же имъ дѣлать съ страннымъ незнакомцемъ?

Они приступили къ Матвѣю съ разспросами на разныхъ языкахъ, но онъ только глядѣлъ на нихъ своими синими глазами, въ которыхъ виднѣлась щемящая тоска, и повторялъ: Миннесота... Дыма... Лозинскій...

Наконецъ, долговязый юноша пришелъ къ заключенію, что не остается ничего другого, какъ переодѣть Матвѣя и отправить его по желѣзной дорогѣ въ Миннесоту. Достали одежду, которая сразу затрещала по швамъ, когда ее напялили на Матвѣя, а затѣмъ привели парикмахера изъ членовъ того же общества. Сначала Матвѣй оказалъ было сопротивленіе, но когда молодой верзила очень краснорѣчивымъ жестомъ показалъ на шею, какъ бы охватывая ее петлей,—Матвѣй понялъ и покорно отдался своей судьбѣ. Черезъ десять минутъ въ небольшое зеркальце на Матвѣя глядѣло чужое, незнакомое лицо, съ подстриженными усами и небольшой лопаткой вмѣсто бороды.

Молодой человѣкъ похлопалъ его по плечу. Лозищанинъ понялъ, что эти люди заботятся о немъ, хотя его удивляло, что этотъ безпечный народъ относился къ его печальному положенію съ какимъ-то непонятнымъ весельемъ. Какъ бы то ни было, подъ вечеръ, совершенно преображенный, онъ покорно послѣдовалъ за молодыми людьми на станцію желѣзной дороги. Здѣсь у него взяли деньги, отсчитали сколько было нужно, остальное (не очень много) — отдали ему вмѣстѣ съ билетомъ, который продѣли за ленту шляпы. Передъ самымъ отходомъ поѣзда, долговязый принесъ еще двѣ бутылки сидра, большой бѣлый хлѣбъ и нѣсколько фруктовъ. Все это было уложено въ корзинѣ. Это до глубины души тронуло Матвѣя, который крѣпко обнялъ своего благодѣтеля.

— Ты мнѣ все равно, какъ родной, — сказалъ Матвѣй.— Никогда тебя не забуду... — Долговязый похлопалъ его по плечу, и вся компанія, весело кивая и смѣясь, проводила взглядами поѣздъ, который понесъ Матвѣя по туннелямъ, по улицамъ, по насыпямъ, и кое-гдѣ, кажется, по крышамъ, все время звоня мѣрно и печально. Нѣкоторое время въ окнахъ вагона еще мелькали дома проклятаго города, потомъ засинѣла у самой насыпи вода, потомъ потянулись зеленыя горы, съ дачами среди деревьевъ, кудрявые острова на большой рѣкѣ, синее небо, облака... потомъ большая луна, какъ вчера на взморьѣ — всплыла и повисла въ голубоватой мглѣ надъ рѣчною гладью...

Корзина съ провизіей склонилась въ рукахъ ослабѣвшаго

человѣка, сидѣвшаго въ углу вагона, и груши изъ нея посыпались на полъ. Ближайшій сосѣдъ поднялъ ихъ, тихо взялъ корзину изъ рукъ спящаго и поставилъ ее рядомъ съ нимъ. Потомъ вошелъ кондукторъ, не будя Матвѣя, вынулъ билетъ изъ-за ленты его шляпы и на мѣсто билета положилъ туда же бѣлую картонную марку съ номеромъ. Огромный человѣкъ крѣпко спалъ, сидя, и на лицѣ его бродила печальная судорога, а порой губы сводило, точно отъ испуга...

А поѣздъ летѣлъ, и звонъ, мѣрный, печальный, оглашалъ то спящія ущелья, то долины, то улицы небольшихъ городовъ, то станціи, гдѣ рельсы скрещивались, какъ паутина, гдѣ, шумя, какъ вѣтеръ въ непогоду, пролетали такіе же поѣзда по всѣмъ направленіямъ, съ такимъ же звономъ ровнымъ и печальнымъ.

XXVII.

Впослѣдствіи Матвѣю случилось ѣздить тою же дорогой, но впослѣдствіи все въ Америкѣ казалось ему уже другимъ, чѣмъ въ эти печальные дни, когда поѣздъ мчалъ его отъ Нью-Іорка, а куда—неизвѣстно. Онъ проспалъ чудные берега Гудзона и проснулся на время лишь въ Сиракузахъ, гдѣ въ окнахъ засвѣтилось что-то снаружи зловѣщимъ, краснымъ свѣтомъ. Это были громадные литейные заводы. Расплавленный чугунъ огненнымъ озеромъ лежалъ на землѣ, кругомъ стояли черныя зданія, черные люди бродили, какъ нечистые духи, черный дымъ уходилъ въ темное мглистое небо, и колокола паровозовъ все звонили среди ночи, однообразно и тревожно... Затѣмъ Бэффало, весь тоже во мглѣ и дыму. Потомъ, уже на зарѣ,—въ вагонѣ застучали отодвигаемыя окна; повѣяло утренней свѣжестью, американцы высунулись въ окна, глядя куда-то съ видимымъ любопытствомъ.

— Найàгара, Найàгара-фоллъ, — сказалъ кондукторъ, торопливо проходя вдоль поѣзда, и тронулъ лозищанина за рукавъ, съ удивленіемъ глядя на человѣка, который одинъ сидитъ въ своемъ углу и не смотритъ Ніагару.

Матвѣй поднялся и заглянулъ въ окно. Было еще темно, поѣздъ какъ-то робко вползалъ на мостъ, висѣвшій надъ клубящейся далеко внизу быстрой рѣкой. Мостъ вздрагивалъ и напрягался подъ тяжестью, какъ туго натянутая струна, а другой такой же мостъ, кинутый съ берега на берегъ, на страшной высотѣ, казался тонкой полоской кружева, сквозившей во мглѣ. Внизу шумѣло пѣнистое теченіе рѣки, на скалахъ дремали зданія городка, а подъ ними изъ камней струилась и падала книзу вода тонкими бѣлыми лентами. Далѣе

нѣна рѣки сливалась съ бѣловатымъ туманомъ, который клубился и волновался точно въ гигантскомъ котлѣ, закрывая зрѣлище самаго водопада. Только глухой шумъ, неустанный, ровный и какой-то безнадежный, рвался оттуда, наполняя трепетомъ и дрожаніемъ сырой воздухъ мглистой ночи. Будто въ туманѣ ворочалось и клокотало что-то огромное и глухо стонало, жалуясь, что нѣтъ ему покоя отъ вѣка до вѣка...

Поѣздъ продолжалъ боязливо ползти надъ бездной, мостъ все напрягался и вздрагивалъ, туманъ клубился, какъ дымъ огромнаго пожара, и, подымаясь къ небу, сливался тамъ съ грядой дальнихъ облаковъ. Потомъ вагонъ пошелъ спокойнѣе, подъ колесами зазвучала твердая земля, поѣздъ сошелъ съ моста и потянулся, прибавляя ходъ, вдоль берега. Тогда стало вдругъ свѣтлѣе, изъ-за облака, которое стояло надъ всѣмъ пространствомъ огромнаго водопада, приглушая его грохотъ, — выглянула луна, и водопадъ оставался сзади, а надъ водопадомъ все стояла мглистая туча, соединявшая небо и землю... Казалось, какое-то летучее чудовище припало въ этомъ мѣстѣ къ рѣкѣ и впилось въ нее среди ночи, и ворчитъ, и роется, и клокочетъ...

Детройтъ остался у Матвѣя въ памяти только тѣмъ, что желѣзная дорога какъ будто вся цѣликомъ отдѣлилась отъ земли и вмѣстѣ съ рельсами и поѣздомъ поплыла по водѣ. Это было уже слѣдующей ночью, и на другомъ берегу рѣки, на огромномъ разстояніи разлегся городъ и тихо пламенѣлъ и сверкалъ синими, бѣлыми, желтыми огнями. Потомъ поѣздъ пронесся утромъ мимо Чикаго. На правой сторонѣ чуть не въ самые рельсы ударяла синяя волна Мичигана—огромнаго, какъ море, и пароходъ, шедшій прямо къ берегу, выплывалъ изъ-за воднаго горизонта, большой и странный, точно онъ взбирался на водяную гору... Еще нѣсколько часовъ вдоль берега, потомъ Мильвоки—и дорога отклонилась къ западу...

Города становились меньше и проще, пошли лѣса и рѣчки, потянулись поля и плантаціи кукурузы... И по мѣрѣ того, какъ мѣстность измѣнялась, какъ въ окна врывался вольный вѣтеръ полей и лѣсовъ, — Матвѣй подходилъ къ окнамъ все чаще, все внимательнѣе присматривался къ этой странѣ, развертывавшей передъ нимъ торопливо и мимолетно, мирныя картины знакомой лозищанину жизни.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, понемногу и незамѣтно, застывшая во враждѣ душа оскорбленнаго и загнаннаго человѣка начинала какъ будто таять. Въ одномъ мѣстѣ онъ чуть не до половины высунулся изъ окна, провожая взглядомъ быстро промелькнувшую пашню, на которой мужчины и женщины вязали снопы

пшеницы. Въ другомъ, опершись на сапы и кирки, смотрѣли на пробѣгающій поѣздъ крѣпкіе, загорѣлые люди, корчевавшіе пни поваленнаго лѣса. Матвѣю была знакома эта работа — и ему хотѣлось бы выскочить изъ вагона, взять въ руки топоръ или кирку и показать этимъ людямъ, что онъ, Матвѣй Лозинскій, можетъ сдѣлать съ самымъ здоровымъ пнищемъ.

Но поѣздъ все звонилъ и летѣлъ, смѣняя картину за картиной. Грустные дни чередовались съ еще болѣе грустными ночами. И по мѣрѣ того, какъ природа становилась доступнѣе, понятнѣе и проще, по мѣрѣ того, какъ душа лозищанина все болѣе оттаивала и смягчалась, раскрываясь на-встрѣчу спокойной красотѣ мирной и понятной ему жизни; по мѣрѣ того, какъ въ немъ, на мѣстѣ тупой вражды, вставало сначала любопытство, а потомъ удивленіе и тихое смиреніе, — по мѣрѣ всего этого и на-ряду со всѣмъ этимъ его тоска становилась все острѣе и глубже. Теперь онъ чувствовалъ, что и ему нашлось бы мѣсто въ этой жизни, если бы онъ не отвернулся сразу отъ этой страны, отъ ея людей, отъ ея города, если-бъ онъ оказалъ болѣе вниманія къ ея языку и обычаю, если бы онъ не осудилъ въ ней сразу, за одно, и дурное и хорошее... А теперь между нимъ и этой жизнью встало бродяжество и даже, можетъ быть,—преступленіе...

И люди, хотя часто походили съ виду на Падди, начинали всетаки представляться лозищанину въ другомъ свѣтѣ. Пока онъ ѣхалъ, переходя съ поѣзда на поѣздъ,—не разъ смѣнилась и публика, и кондукторская бригада. Но смѣнявшіеся пассажиры обращали вниманіе новыхъ на огромнаго человѣка, чувствовавшаго себя какъ будто неловко въ своей одеждѣ, робкаго, застѣнчиваго и безпомощнаго, какъ ребенокъ. Никто его не тревожилъ, никто не надоѣдалъ никакими разспросами, но каждый разъ, какъ приходилось мѣнять вагонъ или пересаживаться на другой поѣздъ, къ Матвѣю подходилъ или кондукторъ, или кто-нибудь изъ сосѣдей, бралъ его за руку и велъ за собою на новое мѣсто. Большой человѣкъ покорно слѣдовалъ въ такихъ случаяхъ за ними и глядѣлъ на провожавшаго застѣнчивыми, но благодарными глазами.

Кромѣ того, здѣсь, въ глубинѣ страны, люди не казались уже до такой степени похожими другъ на друга, какъ въ томъ огромномъ городѣ, гдѣ Матвѣй испыталъ столько горестныхъ приключеній. Въ поѣздъ то и дѣло садились рослые фермеры, загорѣлые, широкоплечіе, въ широкихъ сюртукахъ и съ бородами, которыя могли бы и на нихъ навлечь остроты

нью-іоркскихъ уличныхъ бездѣльниковъ. Порой суровый квакеръ въ застегнутомъ до шеи сюртукѣ, порой степной торговецъ скотомъ или охотникъ изъ Канады въ живописномъ кожаномъ костюмѣ, увѣшанномъ бахромой и кистями—выдѣлялись среди остальной публики, привлекая невольное вниманіе. А одинъ разъ у костра сидѣла, въ ожиданіи своего поѣзда, группа бронзовыхъ индѣйцевъ, возвращавшихся изъ Вашингтона, завернувшихся въ свои одѣяла и равнодушно курившихъ трубки подъ взглядами любопытной толпы, высыпавшей на это зрѣлище изъ поѣзда...

На одной станціи у небольшого города, зданія котораго виднѣлись надъ рѣкой, подъ лѣсомъ, въ вагонъ, гдѣ сидѣлъ Матвѣй, вошелъ новый пассажиръ. Это былъ старикъ съ худощавымъ лицомъ, сильно впавшими щеками, тонкими губами и острымъ проницательнымъ взглядомъ. Человѣкъ вида страннаго, пожалуй даже смѣшного, тѣмъ болѣе, что одѣтъ онъ былъ совсѣмъ оборванцемъ, а между тѣмъ держалъ себя увѣренно и даже гордо. Его одежда, когда-то, вѣроятно, черная,—теперь стала сѣрой отъ солнца, ѣдкой бѣлой пыли и многочисленныхъ ржавыхъ пятенъ. Его штаны были коротки, точно надѣты съ ребенка, и сапоги порыжѣли еще болѣе, чѣмъ у Матвѣя, у котораго они хранили всетаки слѣды щетокъ негра Сама на Бродвэѣ. Но на головѣ незнакомца былъ надѣтъ новенькій, лоснящійся цилиндръ, а во рту торчала большая сигара, наполнявшая вагонъ тонкимъ ароматомъ. Матвѣй удивлялся уже ранѣе, что здѣсь, повидимому, нѣтъ особыхъ вагоновъ для „простого народа“, а теперь подумалъ, что такого молодца въ такихъ штанахъ, да еще съ сигарой,—едва ли потерпятъ рядомъ съ собой остальные пассажиры, не смотря даже на его новый цилиндръ, какъ будто украденный. Но, къ его удивленію, старика почтительно провожали со станціи какой-то господинъ, очень щеголеватый, и кузнецъ, видимо только что отошедшій отъ горна. Оба они пожимали ему руки на платформѣ, а когда онъ вошелъ въ вагонъ, — ближайшій молодой человѣкъ, тоже одѣтый весьма старательно, привѣтливо посторонился. очищая мѣсто возлѣ себя... Старикъ кивнулъ головой, вынулъ сигару, сплюнулъ и протянулъ молодому человѣку руку въ щегольской перчаткѣ.

Между тѣмъ, поѣздъ опять мчался дальше. Теплый вечеръ спускался на поля, на лѣса, на равнины, закутывая все легкимъ сумракомъ, который становился все синѣе и гуще. Мѣрное позваниваніе локомотива оглашало лѣса, молчаливо лежавшіе по обѣ стороны дороги. И всякій разъ при этомъ гдѣ-нибудь на полянкѣ мелькалъ огонь. порой горѣлъ костеръ,

вокругъ котораго расположились дровосѣки, порой свѣтились окна домовъ... Въ одномъ мѣстѣ семья садилась за ужинъ на открытомъ воздухѣ. Въ отворенныхъ настежь дверяхъ стояла женщина съ ребенкомъ, и даже пламя свѣчей не колебалось въ тихомъ лѣсномъ затишьи.

Матвѣй глядѣлъ на все это съ смѣшаннымъ чувствомъ: чѣмъ-то родственнымъ вѣяло на него отъ этого простора, гдѣ какъ будто еще только закипала первая борьба человѣка съ природой, и ему становилось грустно: такъ же вотъ гдѣ-нибудь живутъ теперь Осипъ и Катерина, а онъ... что будетъ съ нимъ въ невѣдомомъ мѣстѣ послѣ всего, что онъ надѣлалъ?

Ему стало такъ горько, что онъ рѣшилъ лучше заснуть... И вскорѣ онъ дѣйствительно спалъ, сидя и закинувъ голову назадъ. А по лицу его, при свѣтѣ электрическаго фонаря, проходили тѣни грустныхъ сновъ, губы подергивались, и брови сдвигались, какъ будто отъ внутренней боли...

XXVIII.

Сонъ не всегда приходитъ къ намъ во время. Если бы на этотъ разъ Матвѣй не спалъ, то могъ бы услышать много любопытнаго, и его похожденія кончились бы благополучно и скоро.

Но онъ спалъ, когда поѣздъ остановился на довольно продолжительное время у небольшой станціи. Невдалекѣ отъ вокзала, среди вырубки виднѣлись зданія изъ свѣжесрубленнаго лѣса. На платформѣ царствовало необычайное оживленіе: выгружали земледѣльческія машины и камень, слышалась бѣготня и громкіе крики на странномъ горловомъ жаргонѣ. Пассажиры-американцы съ любопытствомъ выглядывали въ окна, находя, повидимому, что эти люди суетятся гораздо больше, чѣмъ бы слѣдовало при данныхъ обстоятельствахъ.

— Простите, сэръ, — спросилъ пассажиръ, ѣхавшій въ поѣздѣ изъ Мильвоки, — что это за народъ?

— Русскіе евреи, — отвѣтилъ спрошенный.— Они основали колонію около Дебльтоуна...

Въ это время у открытой боковой двери вагона остановились двѣ фигуры, и послышались звуки русской рѣчи.

— Слушай, Евгеній,—говорилъ одинъ высокимъ теноромъ съ легкимъ гортаннымъ акцентомъ. — Еще разъ: оставайся съ нами.

— Нѣтъ, не могу, — отвѣтилъ другой груднымъ баритономъ. — Тянетъ, понимаешь... Эти послѣднія извѣстія...

— Такая же иллюзія, какъ и прежде!.. И изъ-за этихъ фантазій ты отворачиваешься отъ настоящаго, хорошаго

живого дѣла: дать новую родину тысячамъ людей, произвести соціальный опытъ...

— Все это такъ и, при другихъ условіяхъ... Повторяю тебѣ: тянетъ. А что касается фантазій, то... во-первыхъ, Самуилъ, только въ этихъ фантазіяхъ и жизнь... будущаго! А во-вторыхъ, ты самъ со своимъ дѣломъ...

— All right (готово)! — крикнулъ кто-то на платформѣ.

— Please in the cars (прошу въ вагоны)!—раздались приглашенія кондукторовъ. Два пріятеля крѣпко обнялись, и одинъ изъ нихъ вскочилъ въ вагонъ уже на ходу.

Это былъ высокій молодой еще человѣкъ, съ неправильными, но выразительными чертами лица, въ запыленной одеждѣ и обуви, какъ будто ему пришлось въ этотъ день много ходить пѣшкомъ. Онъ положилъ небольшой узелокъ на полку, надъ головой Матвѣя, — и затѣмъ его взглядъ упалъ на лицо спящаго. Въ это время Матвѣй, быть можетъ, подъ вліяніемъ этого взгляда, раскрылъ глаза, сонные и печальные. Нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга. Но затѣмъ голова Матвѣя опять откинулась назадъ, и изъ его широкой груди вырвался глубокій вздохъ... Онъ опять спалъ.

Пришелецъ еще нѣсколько секундъ смотрѣлъ въ это лицо... Несмотря на то, что Матвѣй былъ теперь переодѣтъ и гладко выбритъ, что на немъ былъ американскій пиджакъ и шляпа,— было все-таки что-то въ этой фигурѣ, пробуждавшее воспоминанія о далекой родинѣ. Молодому человѣку вдругъ вспомнилась равнина, покрытая глубокимъ мягкимъ снѣгомъ, звонъ колокольчика, высокій боръ по сторонамъ дороги и люди съ такими же глазами, торопливо сворачивающіе свои сани передъ скачущей тройкой...

Можетъ быть, и Матвѣю вспомнилось что-нибудь въ этомъ родѣ. Губы его шевелились и бормотали что-то, и на лицѣ виднѣлось выраженіе покорной просьбы.

Всю эту короткую молчаливую сцену наблюдалъ сѣрый господинъ въ цилиндрѣ своими рысьими глазками, въ которыхъ свѣтилось странное выраженіе—какого-то насмѣшливаго доброжелательства.

— How do you do (здравствуйте), mister Nilof. — окликнулъ онъ, видя, что русскій его не замѣчаетъ. Тотъ вздрогнулъ и живо повернулся.

— А! Здравствуйте, судья Дикинсонъ, — отвѣтилъ онъ на чистомъ англійскомъ языкѣ, протягивая судьѣ руку. — Простите, я васъ не замѣтилъ.

— О, это ничего. Вы заинтересовались этимъ пассажиромъ?.. Меня онъ тоже интересуетъ... Онъ ѣдетъ, повидимому, издалека.

— Изъ Мильвоки, — сказалъ одинъ изъ пассажировъ.

— О, нѣтъ, — вмѣшался другой.—Я ѣду изъ Мильвоки и уже засталъ его въ поѣздѣ. Онъ, кажется, сѣлъ въ Чикаго, а можетъ быть, и въ Нью-Іоркѣ. Онъ не говоритъ ни слова по-англійски и безпомощенъ, какъ ребенокъ.

— Очевидно иностранецъ,—сказалъ судья Дикинсонъ, мѣряя спящаго Матвѣя испытующимъ, внимательнымъ взглядомъ. — Атлетическое сложеніе!.. А вы, мистеръ Ниловъ, кажется, были у вашихъ земляковъ? Какъ ихъ дѣла? Я видѣлъ: они выписали хорошія машины: лучшая марка въ Америкѣ.

— Да... теперь имъ еще трудно. Но они надѣются.

— Читали вы извлеченіе изъ отчетовъ эмиграціоннаго комитета?.. Цифра переселенцевъ изъ Россіи растетъ.

— Да,—кратко отвѣтилъ Ниловъ.

— А кстати: въ томъ же номерѣ „Дэбльтоунскаго Курьера“ есть продолженіе исторіи нью-іоркскаго дикаря. И знаете: оказывается, что онъ тоже русскій.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, онъ не дикарь,—сказалъ Ниловъ сухо.

— Гм... да... Извините, мистеръ Ниловъ... Я, конечно, не говорю о культурной части націи. Но... до извѣстной степени всетаки... человѣкъ, который кусается...

— Безъ сомнѣнія, онъ не кусается, сэръ. Не всѣ газетныя извѣстія вѣрны.

— Однако... его поступокъ съ полисмэномъ Гопкинсомъ?..

— Полисмэнъ Гопкинсъ, судя даже по газетамъ, первый ударилъ его по головѣ клобомъ... Считаете вы его дикаремъ?

Сѣрый джентльмэнъ засмѣялся и сказалъ:

— О! Но это немного другое дѣло... Полицейскіе этой страны снабжаются клобами для извѣстнаго употребленія... И разъ иностранецъ нарушаетъ порядокъ...

— Мнѣ очень жаль это слышать отъ судьи,—сказалъ Ниловъ холодно.

Сѣрый джентльмэнъ нѣсколько выпрямился, видимо задѣтый, и сказалъ:

— Судью Дикинсона еще никто не упрекалъ за опрометчивыя сужденія... въ его камерѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактами, какъ они изложены въ газетахъ... Я васъ обидѣлъ чѣмъ-нибудь, мистеръ Ниловъ?

— Вы меня не обидѣли. Но, если вы знаете полицейскихъ вашей страны, то я знаю людей моей родины. И я считаю оскорбительной нелѣпостью газетные толки о томъ, что они кусаются. Вполнѣ ли вы увѣрены, что ваши полицейскіе не злоупотребляютъ клобами безъ причины?

Сѣрый господинъ вынулъ изо рта сигару и нѣкоторое время смотрѣлъ на собесѣдника, какъ будто удивленный неожиданнымъ оборотомъ разговора.

— Гм... да, — сказалъ онъ. — Если взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія... По совѣсти, я въ этомъ далеко не увѣренъ... И поступи это дѣло ко мнѣ, я потребовалъ бы разъясненія... Повидимому, у васъ есть идея всего событія?

— Да, у меня есть идея событія... Я думаю, что мой землякъ попалъ на митингъ случайно... И случайно встрѣтился съ Гопкинсомъ.

— Ну, а зачѣмъ онъ наклонился и старался схватить его... гм... однимъ словомъ... какъ это изложено въ газетахъ?

— Правда состоитъ, вѣроятно, въ томъ, что онъ наклонился... Къ сожалѣнію, сэръ, на моей родинѣ люди дѣйствительно кланяются иногда слишкомъ низко...

— Вы думаете? Ха! Это кажется невѣроятнымъ. Намѣреніе укусить и именно за руку... Это по меньшей мѣрѣ требовало бы доказательствъ...

— А если на привѣтствіе послѣдовалъ хорошій ударъ по головѣ...

— Ха-ха! Это, конечно, затемняетъ разсудокъ и освобождаетъ страсти! Положительно, я считаю дѣло почти выясненнымъ. Вы были бы отличнымъ адвокатомъ. О, да! Вы могли бы стать лучшимъ адвокатомъ нашего города!.. И если вы всетаки предпочитаете работать на моей лѣсопилкѣ...

Онъ стряхнулъ пепелъ съ своей сигары и впился въ лицо Нилова своими живыми, острыми глазками. Затѣмъ, оглянувшись на другихъ пассажировъ и желая придать разговору больше интимности, онъ пересѣлъ на скамью рядомъ съ Ниловымъ, положилъ ему руку на колѣно и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Извините меня, мистеръ Ниловъ... Дикъ Дикинсонъ человѣкъ любопытный. Позволите вы мнѣ предложить вамъ нѣсколько вопросовъ, такъ сказать... личнаго свойства?

— Сдѣлайте одолженіе. Если они будутъ неудобны, я не отвѣчу.

— О, конечно, конечно!—засмѣялся Дикинсонъ. — Видите ли: вы третій русскій джентльмэнъ, котораго я встрѣчаю... Скажите—много американцевъ видѣли вы у себя на родинѣ?

— Встрѣчалъ, хотя... очень немного.

— И навѣрное они мѣняли свое среднее положеніе на лучшія условія у васъ?..

— Пожалуй...

— Скажите теперь... Можетъ быть, я ошибаюсь, но... Мнѣ

кажется... вы лично не поступили ли наоборотъ?.. И здѣсь вы уже нѣсколько разъ имѣли случай скинуть рабочую блузу и сдѣлать лучшую карьеру...

Ниловъ бросилъ взглядъ на невѣроятный костюмъ стараго джентльмэна и отвѣтилъ, улыбнувшись:

— Я вижу на васъ, судья Дикинсонъ, вашъ рабочій костюмъ!

— О, это немного другое дѣло, — отвѣтилъ Дикинсонъ.— Да, я *былъ* каменщикомъ. И я поклялся надѣвать доспѣхи каменщика во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ... Сегодня я былъ на открытіи банка въ N. Я былъ приглашенъ учредителями. А кто приглашаетъ Дика Дикинсона, тотъ приглашаетъ и его старую рабочую куртку. Имъ это было извѣстно.

— Я очень уважаю эту черту, сэръ, — сказалъ серьезно Ниловъ.—Но...

— Но, повторяю, это другое дѣло. Я надѣваю старое рабочее платье и лучшія перчатки изъ Нью-Іорка. Это напоминаетъ мнѣ, чѣмъ я былъ и чѣмъ сталъ, то есть чѣмъ именно я обязанъ моимъ старымъ доспѣхамъ. Это—мое прошлое и мое настоящее...

Онъ замолкъ, пожевалъ сигару своими тонкими ироническими губами и, пристально глядя на молодого человѣка, прибавилъ:

— Вы, кажется, идете обратнымъ путемъ и въ старости вамъ, пожалуй, захочется надѣть вашъ фракъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ, — отвѣтилъ Ниловъ.—Однако, кажется, поѣздъ останавливается. Это—лѣсопилка, и я здѣсь сойду. До свиданія, сэръ!

— До свиданія.—Я оставляю еще за собой свои вопросы...

Ниловъ, снимая свой узелъ, еще разъ пристально и какъ будто въ нерѣшимости посмотрѣлъ на Матвѣя, но, замѣтивъ острый взглядъ Дикинсона, взялъ узелъ и попрощался съ судьей. Въ эту самую минуту Матвѣй открылъ глаза, и они съ удивленіемъ остановились на Ниловѣ, стоявшемъ къ нему въ профиль. На лицѣ проснувшагося проступило какъ будто изумленіе. Но, пока онъ протиралъ глаза, поѣздъ, какъ всегда въ Америкѣ, рѣзко остановился, и Ниловъ вышелъ на платформу. Черезъ минуту поѣздъ несся дальше.

Дикинсонъ пересѣлъ на свое мѣсто, и американцы стали говорить объ ушедшемъ.

— Да,—сказалъ судья,—это третій русскій джентльмэнъ, котораго я встрѣчаю, и третій человѣкъ, котораго я не могу понять...

— Быть можетъ... изъ секты Лео Толстого,—предположилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Не знаю... Но онъ, видимо, получилъ прекрасное образованіе,—продолжалъ Дикинсонъ задумчиво.—И уже нѣсколько разъ, на моихъ глазахъ, пропускаетъ прекрасные шансы... Когда я исполнилъ свой первый небольшой подрядъ, мистеръ Дэгласъ, инженеръ, сказалъ мнѣ: „Я вами доволенъ, Дикъ Дикинсонъ. Скажите мнѣ, въ чемъ ваша амбиція“. Я усмѣхнулся и сказалъ: „Для перваго случая, я не прочь попасть въ президенты“. Мистеръ Дэгласъ засмѣялся тоже и отвѣтилъ: „Вѣрно, Дикъ! Не могу поручиться, что вы станете президентомъ, но вы построите цѣлый городъ и станете въ немъ головой“...

— И это оправдалось,—сказалъ почтительно самый юный изъ пассажировъ.

— Да,—продолжалъ Дикинсонъ. — Понять человѣка, значитъ узнать, чего онъ добивается. Когда я замѣтилъ этого русскаго джентльмэна, работавшаго на моей лѣсопилкѣ, я тоже спросилъ у него: what is your ambition? И знаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ? „Я надѣюсь, что приготовлю вамъ фанеры не хуже любого изъ вашихъ рабочихъ...“

— Да, все это странно,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

Между тѣмъ, Матвѣй, который опять задремалъ въ поѣздѣ послѣ ухода Нилова,—вздрогнулъ и забормоталъ во снѣ.

— Вотъ тоже человѣкъ, котораго трудно понять,—засмѣялся одинъ изъ американцевъ.

— Я не встрѣчалъ никого, кто могъ бы такъ много спать въ такомъ неудобномъ положеніи.

Судья Дикинсонъ внимательно посмотрѣлъ на Матвѣя и потомъ сказалъ:

— Я готовъ биться объ закладъ: на душѣ этого человѣка... неспокойно. Я не знаю, куда онъ ѣдетъ, но предпочелъ бы, чтобы онъ миновалъ нашъ городъ. О! у меня на этотъ счетъ вѣрный глазъ...

XXIX.

Звонъ раздавался чаще, поѣздъ замедлялъ ходъ, кондукторъ вошелъ въ вагонъ и отобралъ билеты у сѣраго старика и у его молодого сосѣда. Потомъ онъ подошелъ къ спавшему Матвѣю и, тронувъ его за рукавъ, сказалъ:

— Дэбльтоунъ, Дэбльтоунъ, сэръ...

Матвѣй проснулся, раскрылъ глаза, понялъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Дэбльтоунъ! Онъ слышалъ это слово каждый разъ, какъ новый кондукторъ бралъ билетъ изъ-за его шляпы, и каждый разъ это слово будило въ немъ непріятное ощу-

щеніе. Дэбльтоунъ, поѣздъ замедлилъ ходъ, берутъ билетъ, значитъ, конецъ пути, значитъ, придется выйти изъ вагона... А что же дальше, что его ждетъ въ этомъ Дэбльтоунѣ, куда ему взяли билетъ, потому что до этого мѣста хватило денегъ....

Въ окнахъ вагона замелькали снаружи огни, точно брилліантовыя булавки, воткнутыя въ темноту горъ и лѣсовъ. Потомъ эти огни сбѣжали далеко внизъ, отразились въ какомъ-то клочкѣ воды, потомъ совсѣмъ исчезли, и мимо окна, шипя и гудя, пробѣжала гранитная скала такъ близко, что на ней ясно отражался желтый свѣтъ изъ оконъ вагона... Затѣмъ подъ поѣздомъ загудѣлъ мостъ, опять появились далекіе огни надъ рѣкой, но теперь они взбирались все выше, подбѣгали все ближе, заглядывая въ вагонъ вплотную и быстро исчезая назади. На паровозѣ звонили безъ перерыва, потому что поѣздъ, едва замедлившій ходъ, мчался теперь по главной улицѣ города Дэбльтоуна...

— Видѣли ли вы, сэръ, какъ этотъ незнакомецъ вздрогнулъ?—спросилъ молодой человѣкъ, очевидно, заискивавшій у судьи Дикинсона.

— Я все видѣлъ,—отвѣтилъ старикъ.—Дикъ Дикинсонъ приметъ свои мѣры.

Черезъ минуту двери домовъ въ Дэбльтоунѣ раскрывались, и жители выходили навстрѣчу своихъ пріѣзжихъ. Вагонъ опустѣлъ. Молодой человѣкъ еще долго кланялся мистеру Дикинсону и напоминалъ о поклонѣ миссъ Люси. Потомъ онъ отправился въ городъ и посѣялъ тамъ нѣкоторое безпокойство и тревогу.

Городъ Дэбльтоунъ былъ молодой городъ молодого штата. Прошло не болѣе 8 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были распланированы его улицы у линіи новой желѣзной дороги, и съ тѣхъ поръ городокъ жилъ тихою жизнью американскаго захолустья. Совершенно понятно, что среди однотонной рабочей жизни гор. Дэбльтоунъ жадно поглотилъ извѣстіе, что съ послѣднимъ поѣздомъ прибылъ человѣкъ, который не сказалъ никому ни слова, который вздрагивалъ отъ прикосновенія, который, наконецъ, возбудилъ сильныя подозрѣнія въ судьѣ Дикинсонѣ, самомъ эксцентричномъ, но и самомъ уважаемомъ человѣкѣ Дэбльтоуна.

Сойдя съ поѣзда, судья Дикинсонъ тотчасъ же подозвалъ единственнаго дэбльтоунскаго полисмэна и, указавъ на фигуру Матвѣя, нерѣшительно стоявшаго на залитой электрическимъ свѣтомъ платформѣ, сказалъ:

— Посмотрите, Джонъ, куда отправится этотъ пріѣзжій.

Надо узнать намѣренія этого молодца. Боюсь, что намъ не придется узнать ничего особенно хорошаго.

Полисмэнъ Джонъ Келли отошелъ и скрылся подъ тѣнью какого-то сарая, гордясь тѣмъ, что, наконецъ, и ему выпало на долю исполнять нѣкоторое довольно тонкое порученіе...

Однако, Джону Келли скоро стало казаться, что у незнакомца не было никакихъ намѣреній. Онъ просто вышелъ на платформу, безъ всякаго багажа, только съ корзиной въ рукѣ, даже, повидимому, безъ всякаго плана дѣйствій и тупо смотрѣлъ, какъ удаляется поѣздъ. Раздался звонъ, зашипѣли колеса, поѣздъ пролетѣлъ по улицѣ, мелькнулъ въ полосѣ электрическаго свѣта около аптеки, а затѣмъ потонулъ въ темнотѣ, и только еще красный фонарикъ сзади нѣсколько времени посылалъ прощальный привѣтъ изъ глубины ночи...

Лозищанинъ вздохнулъ, оглянулся и сѣлъ на скамью, подъ заборомъ, около опустѣвшаго вокзала. Луна поднялась на середину неба, фигура полисмэна Джона Келли стала выступать изъ сократившейся тѣни, а незнакомецъ все сидѣлъ, ничѣмъ не обнаруживая своихъ намѣреній по отношенію къ засыпавшему городу Дэбльтоуну.

Тогда Джонъ Келли вышелъ изъ засады и, согласно уговору, постучался въ окно къ судьѣ Дикинсону.

Судья Дикинсонъ высунулъ голову съ выраженіемъ человѣка, который зналъ впередъ все то, что ему пришли теперь сообщить.

— Ну что, Джонъ? Куда направился этотъ молодецъ?

— Онъ никуда не отправился, сэръ. Онъ все сидитъ на томъ же мѣстѣ.

— Онъ все сидитъ... Хорошо. Обнаружилъ онъ чѣмъ-нибудь свои намѣренія?

— Я думаю, сэръ, что у него нѣтъ никакихъ намѣреній.

— У всякаго человѣка есть намѣренія, Джонъ, — сказалъ Дикинсонъ съ улыбкой сожалѣнія къ наивности дэбльтоунскаго стража.—Повѣрьте мнѣ, у всякаго человѣка непремѣнно есть какія-нибудь намѣренія. Если я, напримѣръ, иду въ булочную,—значитъ, я намѣренъ купить бѣлаго хлѣба, это ясно, Джонъ. Если я ложусь въ постель, — очевидно, я намѣренъ заснуть. Не такъ ли?

— Совершенно справедливо, сэръ.

— Ну, а если бы... (тутъ лицо стараго джентльмэна приняло лукавое выраженіе), если бы вы увидѣли, что я хожу въ полночь около желѣзнодорожнаго склада, осматривая замки и двери... Понимаете вы меня, Джонъ?

— Какъ нельзя лучше, сэръ... Однако... Если человѣкъ только сидитъ на скамьѣ и вздыхаетъ...

— Уэллъ! Это, конечно, не такъ опредѣленно. Онъ имѣетъ право, какъ и всякій другой, сидѣть на скамьѣ и вздыхать хоть до утра. Посмотрите только, не станетъ ли онъ дѣлать чего-нибудь похуже. Дэбльтоунъ полагается на вашу бдительность, сэръ! Не пойдетъ ли незнакомецъ къ рѣкѣ, нѣтъ ли у него сообщниковъ на баркахъ, не ждетъ ли онъ случая, чтобы ограбить желѣзнодорожный поѣздъ, какъ это было недавно около Мадисона... Постойте еще, Джонъ.

Джекъ Дикинсонъ прислушался: къ станціи подходилъ поѣздъ. Судья посмотрѣлъ на Джона своими острыми глазками и сказалъ:

— Джонъ!

— Слушаю, сэръ!

— Я сильно ошибаюсь, если вы найдете его на мѣстѣ. Онъ хотѣлъ обмануть вашу бдительность и достигъ этого. Онъ, вѣроятно, сдѣлалъ свое дѣло и теперь готовится сѣсть въ поѣздъ. Поспѣшите.

Окно Дикинсона захлопнулось, а Джонъ Келли бѣгомъ отправился на вокзалъ. Человѣкъ безъ намѣреній все сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, низко опустивъ голову. Джонъ Келли сталъ искать тѣни, подлиннѣе и погуще, чтобы пристроить къ ней свою долговязую фигуру. Такъ какъ это не удавалось, то Келли рѣшилъ, что ему необходимо присѣсть у стѣны склада. А затѣмъ, голова Джона Келли сама собой прислонилась къ стѣнѣ, и онъ сладко заснулъ. Судья Дикинсонъ подождалъ еще нѣкоторое время, но, видя, что полисмэнъ не возвращается, рѣшилъ, что человѣкъ безъ намѣреній оказался на мѣстѣ. Онъ хотѣлъ уже тушить свою лампу, когда ему доложили, что съ поѣзда явился къ нему человѣкъ по экстренному дѣлу.

Дѣйствительно, въ его комнату вошелъ торопливой походкой человѣкъ довольно неопредѣленнаго вида, въ которомъ, однако, опытный глазъ судьи различилъ нѣкоторыя специфическія черты детектива (сыщика).

— Вы здѣшній судья? — спросилъ незнакомецъ, поклонившись.

— Судья города Дэбльтоуна.—отвѣтилъ Дикинсонъ важно.

— Мнѣ необходимъ приказъ объ арестѣ, сэръ.

— А! Я такъ и думалъ... Человѣкъ высокаго роста, атлетическаго сложенія?.. Прибылъ съ предыдущимъ поѣздомъ?..

Сыщикъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на проницательнаго судью и сказалъ:

— Какъ? Вамъ уже извѣстно, что нью-іоркскій дикарь?..

Судья Дикинсонъ быстро взглянулъ на сыщика и сказалъ:

— Ваши полномочія?

Новоприбывшій потупился.

— Я такъ спѣшно отправился по слѣдамъ, что не успѣлъ запастись спеціальными приказами. Но исторія такъ извѣстна... Дикарь, убившій Гопкинса...

— По послѣднимъ телеграммамъ,—сказалъ холодно судья,—здоровье полисмэна Гопкинса находится въ отличномъ состояніи. Я спрашиваю ваши полномочія?

— Я уже сказалъ вамъ, сэръ... Дѣло очень важно, и при томъ—онъ иностранецъ.

— Иначе сказать,—вы часто облегчаете себѣ задачу съ иностранцами. Я не дамъ приказа.

— Но, сэръ... это опасный субъектъ.

— Полиція города Дэбльтоуна исполнитъ свой долгъ, сэръ, — сказалъ судья Дикинсонъ надменно. — Я не допущу, чтобы впослѣдствіи писали въ газетахъ, что въ городѣ Дэбльтоунѣ арестовали человѣка безъ достаточныхъ основаній.

Незнакомецъ вышелъ, пожавъ плечами, и отправился прежде всего на телаграфъ, а судья Дикинсонъ легъ спать, совершенно увѣренный, что теперь у полиціи города Дэбльтоуна есть хорошая помощь по надзору за человѣкомъ безъ намѣреній. Но прежде, чѣмъ лечь, онъ послалъ еще телеграмму, вызывавшую на завтра мистера Евгенія Нилова...

XXX.

На утро Джонъ Келли явился къ судьѣ.

— Ну, что скажете, Джонъ?—спросилъ у него Дикинсонъ.

— Все въ порядкѣ, сэръ. Только... Тамъ за нимъ слѣдитъ еще кто-то.

— Знаю. Человѣкъ небольшого роста, въ сѣромъ костюмѣ.

Джонъ Келли съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на всезнающаго судью и продолжалъ:

— Онъ все сидитъ, сэръ, опустивъ голову на руки. Когда поутру проходилъ желѣзнодорожный сторожъ, онъ только посмотрѣлъ на него. „Какъ больная собака“—сказалъ Вилліамсъ.

— И ничего больше?

— Около незнакомца собирается толпа... Вся площадка и сквэръ около вокзала заняты народомъ, сэръ.

— Что имъ нужно, Джонъ?

— Они, вѣроятно, тоже хотятъ узнать его намѣренія... И при томъ, разнесся слухъ, будто это дикарь, убившій полисмэна въ Нью-Іоркѣ...

Донесеніе Джона было совершенно справедливо. За ночь слухи о томъ, что съ поѣздомъ прибылъ странный незнакомецъ, намѣренія котораго возбудили подозрительность м-ра Дикинсона,—успѣли вырости, и на утро, когда оказалось, что у незнакомца нѣтъ никакихъ намѣреній и что онъ просидѣлъ всю ночь безъ движенія,—городъ Дэбльтоунъ пришелъ въ понятное волненіе. Около страннаго человѣка стали собираться кучки любопытныхъ, сначала мальчики и подростки, шедшіе въ школы, потомъ приказчики, потомъ дэбльтоунскія дамы, возвращавшіяся изъ лавокъ и съ базаровъ, — однимъ словомъ, весь Дэбльтоунъ, постепенно просыпавшійся и принимавшійся за свои обыденныя дѣла, перебывалъ на площадкѣ городского сквэра, у желѣзнодорожной станціи, стараясь, конечно, проникнуть въ намѣренія незнакомца...

Но это было очень трудно, такъ какъ незнакомецъ все сидѣлъ на мѣстѣ, вздыхалъ, глядѣлъ на проходящихъ и порой отвѣчалъ на вопросы непонятными словами. А между тѣмъ, у Матвѣя къ этому времени уже было намѣреніе. Разсмотрѣвъ внимательно свое положеніе, въ эту долгую ночь, пока городъ спалъ, а невдалекѣ сновали тѣни полицейскаго Келли и пріѣзжаго сыщика,—онъ пришелъ къ заключенію, что отъ судьбы не уйдешь, судьба же представлялась ему, человѣку безъ языка и безъ паспорта,—въ видѣ неизбѣжной тюрьмы... Онъ долго думалъ объ этомъ и рѣшилъ, что, раньше или позже, а безъ знакомства съ американской кутузкой дѣло обойтись не можетъ. Такъ пусть ужъ лучше раньше, чѣмъ позже. Онъ покажетъ знаками, что ничего не понимаетъ, а объ исторіи въ Нью-Іоркѣ здѣсь, конечно, никто не знаетъ... Поэтому онъ даже вздохнулъ съ облегченіемъ и съ радостной довѣрчивостью поднялся на-встрѣчу добродушному Джону Келли, который шелъ къ нему, расталкивая толпу.

Судья Дикинсонъ вышелъ въ свою камеру, когда шумъ и говоръ раздались у его дома, и въ камеру ввалилась толпа. Незнакомый великанъ кротко стоялъ посерединѣ, а Джонъ Келли сіялъ торжествомъ.

— Онъ обнаружилъ намѣреніе, г. судья,—сказалъ полисмэнъ, выступая впередъ.

— Хорошо, Джонъ. Я зналъ, что вы оправдаете довѣріе города... Какое же именно намѣреніе онъ обнаружилъ?

— Онъ хотѣлъ укусить меня за руку.

Мистеръ Дикинсонъ даже откинулся на своемъ креслѣ.

— Укусить за руку?.. Такъ это всетаки правда! Увѣрены ли вы въ этомъ, Джонъ Келли?

— У меня есть свидѣтели.

— Хорошо. Мы спросимъ свидѣтелей. Случай требуетъ внимательнаго разслѣдованія. Не пришелъ еще мистеръ Ниловъ?..

Нилова еще не было. Матвѣй глядѣлъ на все происходившее съ удивленіемъ и неудовольствіемъ. Онъ рѣшилъ идти на-встрѣчу неизбѣжности, но ему казалось, что и это дѣлается здѣсь какъ-то не по-людски. Онъ представлялъ себѣ это дѣло гораздо проще. У человѣка спрашиваютъ паспортъ, паспорта нѣтъ. Человѣка берутъ, и полицейскій, съ книгой подъ мышкой, ведетъ его куда слѣдуетъ. А тамъ ужъ, что будетъ, т. е. какъ рѣшитъ начальство.

Но здѣсь и это простое дѣло не умѣютъ сдѣлать какъ слѣдуетъ. Собралась зачѣмъ-то толпа, точно на звѣря, всѣ валятъ въ камеру и здѣсь сидитъ на первомъ мѣстѣ вчерашній оборванецъ, правда, теперь одѣтый совершенно прилично, хотя безъ всякихъ знаковъ начальственнаго знанія... Матвѣй сталъ озираться по сторонамъ съ признаками негодованія.

Между тѣмъ, судья Дикинсонъ приступилъ къ допросу.

— Прежде всего, установимъ національность и имя,—сказалъ онъ.—Your name (ваше имя?)

Матвѣй молчалъ.

— Your nation (ваша національность?) — И, не получая отвѣта, судья посмотрѣлъ на публику.—Нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь знающаго хоть нѣсколько словъ по-русски? Миссисъ Брайсъ! Кажется, вашъ отецъ былъ родомъ изъ Россіи?..

Изъ толпы вышла женщина лѣтъ сорока, небольшого роста, съ голубыми, какъ и у Матвѣя, хотя и значительно выцвѣтшими глазами. Она стала противъ Матвѣя и какъ будто начала припоминать что-то.

Въ камерѣ водворилось молчаніе. Женщина смотрѣла на лозищанина, Матвѣй впился глазами въ ея глаза, тусклые и свѣтлые, какъ ледъ, но въ которыхъ пробивалось что-то, какъ будто старое воспоминаніе. Это была дочь поляка эмигранта. Ея мать умерла рано, отецъ спился гдѣ-то въ Калифорніи, и ее воспитали американцы. Теперь какія-то смутныя воспоминанія шевелились въ ея головѣ. Она давно забыла свой языкъ, но въ ея памяти еще шевелились слова пѣсни, которой мать забавляла когда-то ее, малаго ребенка. Вдругъ глаза ея засвѣтились, и она приподняла надъ головой руку, щелкнула пальцами, повернулась и запѣла по-польски, какъ-то странно, точно говорящая машина:

Наша мат-ка... ку-ропат-ка...
Рада бить дѣт-ей...

Матвѣй вздрогнулъ, рванулся къ ней и заговорилъ быстро и возбужденно. Звуки славянскаго языка дали ему надежду на спасеніе, на то, что его, наконецъ, поймутъ, что ему найдется какой-нибудь выходъ...

Но глаза женщины уже потухли. Она помнила только слова пѣсни, но и въ ней не понимала ни слова. Потомъ поклонилась судьѣ, сказала что-то по-англійски и отошла...

Матвѣй кинулся за ней, крича что-то, почти въ изступленіи, но нѣмецъ и Келли загородили ему дорогу. Можетъ быть, они боялись, что онъ искусаетъ эту женщину, какъ хотѣлъ укусить полисмэна.

Тогда Матвѣй схватился за ручку скамейки и пошатнулся. Глаза его были широко открыты, какъ у человѣка, которому представилось страшное видѣніе. И дѣйствительно, — ему, голодному, истерзанному и потрясенному, первый разъ въ жизни привидѣлся сонъ на яву. Ему представилось совершенно ясно, что онъ еще на кораблѣ, стоитъ на самой кормѣ, что голова у него кружится, что онъ падаетъ въ воду. Это снилось ему не разъ во время путешествія, и онъ думалъ послѣ этого, что чувствуютъ эти бѣдняки, съ разбитыхъ кораблей, одни, безъ надежды, среди этого бездушнаго, безконечнаго и грознаго океана...

Теперь этотъ самый сонъ проносился передъ его широко открытыми глазами. Вмѣсто судьи Дикинсона, вмѣсто полицейскаго Келли, вмѣсто всѣхъ этихъ людей, вмѣсто камеры,— передъ нимъ ясно ходили волны, пѣнистыя, широкія, холодныя, безъ конца, безъ края... Онѣ ходятъ, грохочутъ, плещутъ, подымаются, топятъ... Онъ напрасно старается вынырнуть, крикнуть, позвать, схватиться, удержаться на поверхности... Что-то тянетъ его книзу. Въ ушахъ шумитъ, передъ глазами зеленая глубина, таинственная и страшная. Это гибель. И вдругъ къ нему склоняется человѣческое лицо, съ свѣтлыми застывшими глазами. Онъ оживаетъ, надѣется, онъ ждетъ помощи. Но глаза тусклы, лицо блѣдно. Это лицо мертвеца, который утонулъ уже раньше...

Вся эта картина мелькнула на одно мгновеніе, но такъ ясно, что его сердце сжалось ужасомъ. Онъ глубоко вздохнулъ и схватился за голову... „Господи Боже, Святая Дѣва, — бормоталъ онъ,—помогите несчастному человѣку. Кажется, что въ головѣ у меня неладно“...

Онъ протеръ глаза кулакомъ и опять сталъ искать надежду на лицахъ этихъ людей.

А въ это время полицейскій Джонъ объяснилъ судьѣ Дикинсону, при какихъ обстоятельствахъ обнаружились намѣ-

репія незнакомца. Онъ разсказалъ, что, когда онъ подошелъ къ нему, тотъ взялъ его руку вотъ такъ (Джонъ взялъ руку судьи), потомъ наклонился вотъ этакъ...

И полицейскій Джонъ, наклонившись къ рукѣ судьи, для большей живости оскалилъ свои бѣлые зубы, придавъ всему лицу выраженіе дикой свирѣпости.

Эта демонстрація произвела сильное впечатлѣніе на публику, но впечатлѣніе, произведенное ею на Матвѣя, было еще сильнѣе. Этотъ языкъ былъ и ему понятенъ. При видѣ маневра Келли, ему стало сразу ясно очень многое: и то, почему Келли такъ рѣзко отдернулъ свою руку, и даже, за что онъ, Матвѣй, получилъ ударъ въ Центральномъ паркѣ... И ему стало такъ обидно и горько, что онъ забылъ все.

— Неправда, — крикнулъ онъ, — не вѣрьте этому подлому человѣку...

И, возмущенный до глубины души клеветой, онъ кинулся къ столу, чтобы показать судьѣ, что именно онъ хотѣлъ сдѣлать съ рукой полисмэна Келли...

Судья Дикинсонъ вскочилъ со своего мѣста и наступилъ при этомъ на свою новую шляпу. Какой-то дюжій нѣмецъ, Келли и еще нѣсколько человѣкъ схватили Матвѣя сзади, чтобы онъ не искусалъ судью, выбраннаго народомъ Дэбльтоуна; въ камерѣ водворилось волненіе, небывалое въ лѣтописяхъ города. Ближайшіе къ дверямъ кинулись къ выходу, толпились, падали и кричали, а внутри происходило что-то непонятное и страшное...

Измученный, голодный, оскорбленный, доведенный до изступленія, — лозищанинъ раскидалъ всѣхъ вцѣпившихся въ него американцевъ, и только дюжій, какъ и онъ самъ, нѣмецъ еще держалъ его сзади за локти, упираясь ногами... А онъ рвался впередъ, съ глазами, налившимися кровью, и чувствуя, что онъ дѣйствительно начинаетъ сходить съ ума, что ему дѣйствительно хочется кинуться на этихъ людей, бить и, пожалуй, кусаться...

Неизвѣстно, что было бы дальше. Но въ это время въ камеру быстро вошелъ Ниловъ. Онъ протолкался къ Матвѣю, сталъ передъ нимъ и спросилъ съ участіемъ, по-русски:

— Эй, землякъ! Что это вы тутъ натворили?

При первыхъ звукахъ этого голоса, Матвѣй рванулся и, припавъ къ рукѣ новопришедшаго, сталъ цѣловать ее, рыдая, какъ ребенокъ...

Черезъ четверть часа камера мистера Дикинсона опять стала наполняться обывателями города Дэбльтоуна, узнавшими, что, по обстоятельствамъ дѣла, намѣреніе незнакомца разъ-

яснилось въ самомъ удовлетворительномъ смыслѣ. Въ лицѣ русскаго джентльмэна, работающаго на лѣсопилкѣ, онъ нашелъ земляка и адвоката, которому не стоило много труда опровергнуть обвиненіе. Судья Дикинсонъ получилъ вполнѣ удовлетворительные отвѣты на вопросы: „Your name?“, „Your nation?“ и на всѣ другіе, вытекавшіе изъ обстоятельствъ дѣла. Гордый полнымъ успѣхомъ, увѣнчавшимъ его разбирательство, — онъ великодушно забылъ даже о новой шляпѣ и, быстро покончивъ съ официальными отношеніями, протянулъ обвиняемому руку, выразивъ при этомъ увѣренность, что выборъ именно Дэбльтоуна изъ всѣхъ городовъ союза — дѣлаетъ величайшую честь его проницательности... Въ заключеніе онъ предложилъ Матвѣю партикулярный вопросъ:

— Гоу до ю лайкъ дисъ кэунтри, сэръ?

— Онъ хочетъ знать, какъ вамъ понравилась Америка?— перевелъ Ниловъ.

Матвѣй, который все еще дышалъ довольно тяжело, махнулъ рукой. — А! чтобъ ей провалиться, — сказалъ онъ искренно.

— Что сказалъ джентльмэнъ о нашей странѣ? — съ любопытствомъ переспросилъ судья Дикинсонъ, одновременно возбудивъ великое любопытство въ остальныхъ присутствующихъ.

— Онъ говоритъ, что ему нужно время, чтобы оцѣнить всѣ достоинства этой страны, сэръ...

— Вэри уэллъ! Отвѣтъ, совершенно достойный благоразумнаго джентльмэна!—сказалъ Дикинсонъ тономъ полнаго удовлетворенія.

XXXI.

На слѣдующій день газета города Дэбльтоуна вышла въ увеличенномъ форматѣ. На первой страницѣ ея красовался портретъ мистера Мэтью, новаго обитателя славнаго города, а въ текстѣ, снабженномъ достаточнымъ количествомъ весьма громкихъ заглавій, редакторъ ея обращался ко всей остальной Америкѣ вообще и къ городу Нью-Іорку въ особенности. „Отнынѣ,—писалъ онъ,—городъ Дэбльтоунъ можетъ гордиться тѣмъ обстоятельствомъ, что его судья, мистеръ Дикинсонъ, удачно разрѣшилъ вопросъ, надъ которымъ тщетно ломали головы лучшіе ученые этнографы Нью-Іорка. Знаменитый дикарь, виновникъ инцидента въ Central-park'ѣ, извѣстіе о которомъ обошло всю Америку въ столь искаженномъ видѣ, въ настоящее время является гостемъ нашего города. Послѣ весьма искуснаго разслѣдованія, произведеннаго чрезвычайно свѣдущимъ въ своемъ дѣлѣ судьей, м-ромъ Дикинсономъ,—

онъ оказался русскимъ, уроженцемъ Лозищанской губерніи (одной изъ лучшихъ и самыхъ просвѣщенныхъ въ этой великой и дружественной странѣ), христіаниномъ и,—добавимъ отъ себя,—очень кроткимъ человѣкомъ, весьма пріятнымъ въ обращеніи и совершенно лойяльнымъ. Онъ обнаружилъ истинно христіанскую радость, узнавъ о томъ, что здоровье полисмэна Гопкинса, считавшагося убитымъ, находится въ вожделѣнномъ состояніи, и что этотъ полисмэнъ уже приступилъ къ исполненію своихъ обычныхъ обязанностей. Тѣмъ лучше для полисмэна Гопкинса, но, смѣемъ прибавить, основываясь на мнѣніи лучшихъ юристовъ нашего города, что въ этомъ вопросѣ является заинтересованнымъ лицомъ единственно лишь самъ полисмэнъ Гопкинсъ, такъ какъ онъ самъ виновенъ въ постигшемъ его несчастіи. Да, повторяемъ, онъ самъ виновенъ, такъ какъ первый ударилъ клобомъ по головѣ мирнаго иностранца, обратившагося къ нему съ выраженіемъ любви и довѣрія. Если судьи города Нью-Іорка думаютъ иначе, если адвокатъ этого штата пожелаетъ доказывать противное, или самъ полисмэнъ Гопкинсъ вознамѣрится искать убытки, то они будутъ имѣть дѣло съ лучшими юристами Дэбльтоуна, выразившими готовность защищать обвиняемаго безвозмездно. Едва ли, однако, въ этомъ представится надобность послѣ того, какъ мы разоблачимъ на этихъ столбцахъ еще одну клевету, которой наши нью-іоркскіе собратія по перу, безъ достаточной провѣрки, очернили репутацію Мэтью Лозинскаго, нашего уважаемаго гостя и, надѣемся—будущаго согражданина. Дѣло въ томъ, *что онъ вовсе не кусается.* Движеніе, которое полисмэнъ Гопкинсъ истолковалъ въ этомъ позорномъ смыслѣ (что вовсе не дѣлаетъ чести проницательности нью-іоркской полиціи),—имѣетъ, наоборотъ, значеніе самаго горячаго привѣта и почтенія, которымъ въ Лозищанской губерніи обмѣниваются взаимно люди самаго лучшаго круга. Онъ просто наклонился, чтобы поцѣловать у Гопкинса руку. То же движеніе мы имѣли случай наблюдать съ его стороны по отношенію къ судьѣ Дикинсону, полисмэну Джону Келли, а также къ одному изъ его соотечественниковъ, занимающему нынѣ очень скромное положеніе на лѣсопилкѣ м-ра Дикинсона, но которому его таланты и образованіе, безъ сомнѣнія, откроютъ широкую дорогу въ этой странѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы и у насъ на это выраженіе высшей деликатности послѣдовалъ грубый отвѣтъ по головѣ клобомъ,—то полисмэнъ города Дэбльтоуна испыталъ бы горькую судьбу полисмэна города Нью-Іорка, такъ какъ русскій джентльмэнъ обладаетъ необыкновенной физической силой. Но Дэбльтоунъ,—

говоримъ это съ гордостью,—не только разрѣшилъ этнографическую загадку, оказавшуюся не по силамъ кичливому Нью-Іорку, — но еще подалъ сказанному городу примѣръ истинно-христіанскаго обращенія съ иностранцемъ, — обращенія, которое, надѣемся, изгладитъ въ его душѣ горестныя воспоминанія, порожденныя пребываніемъ въ Нью-Іоркѣ.

„Изъ судебной камеры мистеръ Ниловъ,—русскій джентльмэнъ, о которомъ сказано выше,—увелъ соотечественника въ свое жилище, находящееся въ небольшомъ рабочемъ поселкѣ, около лѣсопилки. Значительная часть населенія города Дэбльтоуна, состоявшая преимущественно изъ юныхъ джентльмэновъ и лэди, провожала ихъ до самаго дома одобрительными криками, и даже послѣ того, какъ дверь за ними закрылась, народъ не расходился, пока мистеръ Ниловъ не вышелъ вновь и не произнесъ небольшого спича на тему о будущемъ процвѣтаніи славнаго города... Онъ закончилъ просьбой дать отдыхъ его скромному соотечественнику, не привыкшему къ столь шумнымъ изъявленіямъ общественной симпатіи“.

Разумѣется, авторъ краснорѣчивой статьи не зналъ, что, когда граждане города Дэбльтоуна разошлись, Матвѣй вздохнулъ съ облегченіемъ и сказалъ:

— Что?.. совсѣмъ ушли?

— Да,—отвѣтилъ Ниловъ, принявшійся готовить кофе на керосинкѣ.

— А, чтобъ ихъ всѣхъ взяла холера!..—отъ души сказалъ Матвѣй и какъ-то весь опустился.

Ниловъ только улыбнулся и не сказалъ ничего: онъ понималъ, что столько пережитыхъ ощущеній могутъ свалить даже такого сильнаго человѣка. Поэтому онъ наскоро напоилъ его горячимъ кофе и уложилъ спать.

XXXII.

Матвѣй проспалъ цѣлыя сутки и даже нѣсколько больше. Когда онъ проснулся, солнце уходило изъ свѣтлой каморки, озаряя ее послѣдними лучами. Ниловъ, вернувшійся съ работы, снималъ съ себя синюю блузу, всю въ стружкахъ и опилкахъ. Стружки видны были даже въ его волосахъ.

Матвѣй нѣкоторое время не могъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ происходитъ. Поэтому, сначала онъ смотрѣлъ прищуренными глазами, какъ-то подозрительно слѣдя за движеніями молодого человѣка, боясь, что это сонъ, который сейчасъ смѣнится новой кутерьмой непріятнаго свойства.

Между тѣмъ, Ниловъ тихонько переодѣлся, смѣнивъ рабочій

костюмъ легкой фланелевой парой, и, сѣвъ къ столу, раскрылъ какую-то книгу.

Въ этомъ видѣ—онъ совсѣмъ не напоминалъ рабочаго, и въ памяти лозищанина ожилъ опять мимолетный образъ, который мелькнулъ уже разъ въ вагонѣ. Ему вспомнился барскій домъ около Лозищей, выглядывавшій изъ-за зелени сада. Между этимъ домомъ и поселкомъ шла давняя вражда и долгая тяжба изъ-за чиншевыхъ земель. Она началась при отцахъ, продолжалась при дѣтяхъ и склонялась то на ту, то на другую сторону. Дѣло грозило большими запутанностями и непріятностями, какъ вдругъ старый баринъ умеръ. Въ Лозищи явился его наслѣдникъ и, созвавъ сходъ,—предложилъ покончить споръ, уступивъ по всѣмъ пунктамъ. Нѣкоторое время лозищане еще шумѣли и упирались, не понимая причинъ этой уступчивости.

Но потомъ болѣе проницательные люди сообразили, что, вѣроятно, барчукъ прокутился, надѣлалъ долговъ и хочетъ поскорѣе спустить отцовское наслѣдіе, чему мѣшаетъ тяжба. Лозищане постарались оттянуть еще, что было можно, и дѣло было кончено. Послѣ этого барчукъ исчезъ куда-то, и о немъ больше не было слышно ничего опредѣленнаго. Остались только какіе-то смутные толки, довольно разнорѣчивые, но во всѣхъ версіяхъ—неблагопріятные для молодого человѣка.

И вотъ, теперь Матвѣю показалось, что передъ нимъ этотъ самый человѣкъ, только что снявшій рабочую блузу и сидящій за книгой. Онъ такъ удивился этому, что сталъ протирать глаза. Кровать подъ нимъ затрещала. Ниловъ повернулся.

— Что, землякъ, выспались?—спросилъ онъ привѣтливо.—Ну, теперь давайте пить кофе.

Лозинскій поднялся застѣнчиво и неловко, расправляя онѣмѣвшіе члены. Вчера онъ обрадовался этому человѣку, какъ избавителю, сегодня чувствовалъ себя какъ-то неловко въ его присутствіи. Къ тому же онъ увидѣлъ съ смущеніемъ, что въ комнатѣ не было другой кровати,—значитъ, хозяинъ уступилъ свою, а его ноги были босы,—значитъ, Ниловъ снялъ съ него соннаго сапоги. Правда, онъ не разувался во все время долгаго пути, и отъ этого ноги его горѣли... Но все-таки эти заботы причинили ему скорѣе неудовольствіе. Онъ былъ теперь увѣренъ, что это лозищанскій барчукъ и что толки были правдивы: онъ, значитъ, дѣйствительно спустилъ все отцовское наслѣдіе и теперь несетъ участь блуднаго сына на чужой сторонѣ. Но такъ какъ все-таки онъ оказалъ ему услугу и при томъ былъ баринъ, то Лозинскій рѣшилъ не подавать и виду, что узналъ его, но въ его поведеніи скво-

зило невольное почтеніе. Это вносило какое-то замѣшательство и неопредѣленность въ ихъ взаимныя отношенія. Ниловъ велъ себя просто, но сдержанно, Матвѣй конфузился и уходилъ въ себя.

На слѣдующій день, вернувшись съ лѣсопилки, Ниловъ сказалъ, что Матвѣй можетъ, если желаетъ, получить работу: носить лѣсъ съ барокъ. Матвѣй, конечно, согласился съ радостью, и вскорѣ недавняя знаменитость, человѣкъ, о которомъ говорили всѣ газеты Америки—скромно переносилъ лѣсъ съ барокъ на берегъ рѣчки. Его сила и увѣренность его обращенія съ тяжелыми дубовыми бревнами доставили ему повышеніе и, спустя недѣли двѣ, онъ работалъ уже рядомъ съ Ниловымъ, подавая лѣсъ на зубчатыя колеса, гдѣ Ниловъ рѣзалъ его на тонкія фанеры. Къ вечеру, оба засыпанные опилками, они возвращались домой.

Матвѣй нанялъ комнату рядомъ съ Ниловымъ, обѣдать они ходили вмѣстѣ, въ ресторанъ. Матвѣй не говорилъ ничего, но ему казалось, что обѣдать въ ресторанѣ—чистое безуміе, и онъ все подумывалъ о томъ, что онъ устроится со временемъ поскромнѣе. Когда пришелъ первый разсчетъ, онъ удивился, увидя, что за расходами у него осталось еще довольно денегъ. Онъ ихъ припряталъ, купивъ только смѣну бѣлья.

Еще черезъ недѣлю, Ниловъ сказалъ ему, что они отправятся вмѣстѣ въ Дэбльтоунъ, гдѣ онъ, Ниловъ, будетъ читать лекцію. Они пришли въ большой залъ, весь набитый народомъ, который встрѣтилъ ихъ криками и свистомъ (въ Америкѣ это—выраженіе одобренія). Затѣмъ все стихло, судья Дикинсонъ сказалъ нѣсколько словъ, указывая то на Матвѣя, то на Нилова, а затѣмъ послѣдній сталъ долго и свободно разсказывать что-то, по временамъ показывая мѣста на большой картѣ. Публика, состоявшая въ большинствѣ изъ рабочихъ людей, слушала съ напряженнымъ вниманіемъ и въ концѣ опять устроила имъ овацію...

Когда послѣ этого они пришли домой, Ниловъ вынулъ кучку денегъ и, раздѣливъ ее на двѣ половины, одну отдалъ Матвѣю.

— Это мы съ вами заработали сегодня,—сказалъ онъ.—Это плата за лекцію. Я говорилъ имъ о нашей родинѣ и о вашихъ похожденіяхъ. По справедливости, половина принадлежитъ вамъ.

Матвѣй пробовалъ было отказаться, но потомъ принялъ деньги. За это время его отношеніе къ Нилову сильно измѣнилось, и, хотя онъ не все понималъ, однако, совершенно отбросилъ мысль о блудномъ сынѣ. Получивъ деньги, онъ сконфуженно смотрѣлъ на Нилова... Ему хотѣлось бы выра-

зить какъ-нибудь свою благодарность и почтеніе... Губы его тянулись къ рукѣ Нилова, колѣни подгибались для земного поклона... Но въ лицѣ Нилова, а можетъ быть и въ тѣхъ недѣляхъ, которыя они уже провели вмѣстѣ, было что-то, удержавшее Матвѣя отъ этого изліянія. Поэтому онъ взялъ деньги и, положивъ ихъ около себя, сказалъ:

— А что... извините и не подумайте чего худого... Тутъ очень много денегъ?

— Не очень много, но достаточно, чтобы сдѣлать себѣ хорошую пару платья,—отвѣтилъ Ниловъ.—Вы ходите въ одномъ и на работу, и въ праздникъ.

— А!—сказалъ Матвѣй, махнувъ рукой.—Я простой человѣкъ, работникъ.

— Здѣсь всѣ простые люди и работники считаютъ себя не хуже другихъ и не хотятъ ничѣмъ отличаться по внѣшности. Я совѣтую вамъ обзавестись бѣльемъ и платьемъ.

Матвѣй потупился.

— Простите меня,—сказалъ онъ.—Я не то, чтобы тамъ... не слушался васъ или что... Но... скажите: можно здѣсь работой скопить на дорогу?

— Куда?

— Назадъ, на родину!.. — сказалъ Матвѣй страстно. — Видите ли, дома я продалъ и избу, и коня, и поле... А теперь готовъ работать, какъ волъ, чтобы вернуться—и стать хоть послѣднимъ работникомъ, тамъ, у себя на родной сторонѣ...

Ниловъ прошелся по комнатѣ, о чемъ-то думая, и потомъ, остановившись противъ Лозинскаго, сказалъ:

— Слушайте, Лозинскій. Заработать столько можно. Можно со временемъ и вернуться. Но... всякій человѣкъ долженъ знать, что онъ дѣлаетъ. Зачѣмъ вы ѣхали сюда?

— А!—отвѣтилъ Матвѣй, махнувъ рукой.—Мало ли что приходитъ человѣку въ голову.

— Постарайтесь вспомнить, что вамъ приходило въ голову.

Матвѣй наморщилъ лобъ и самъ удивился тому, какъ трудно идутъ изъ головы слова и мысли.

— А! Хотѣлось человѣку, конечно... клокъ вольной земли, чтобы было гдѣ разойтись плугомъ... Ну тамъ... пару воловъ, хорошаго коня... корову... крѣпкую телѣгу...

— А еще?

Матвѣй чувствовалъ, что за всѣми перечисленными предметами, въ душѣ остается еще что-то, какой-то неясный осадокъ... Мелькнуло лицо Анны...

— Ну, потомъ...—продолжалъ онъ съ усиліемъ,—человѣкъ уже въ возрастѣ. Своя хата, значитъ уже и своя жена.

— И еще что-нибудь?

— Еще... если бы можно было молиться по старому въ своей церкви...

Въ головѣ его мелькнули еще разговоры о свободѣ, но это было уже такъ неясно и неопредѣленно, что онъ не сказалъ объ этомъ ни слова.

Ниловъ подождалъ еще. Лицо его было серьезно и нѣсколько взволнованно.

— Все это вы можете найти здѣсь! — сказалъ онъ рѣшительно и рѣзко, — все, что вы искали. Зачѣмъ же вамъ уѣзжать?

И видя, что Матвѣй нѣсколько огорченъ его рѣзкимъ тономъ, онъ прибавилъ:

— Вы пережили самое трудное: первые шаги, на которыхъ многіе здѣсь гибнутъ. Теперь вы уже на дорогѣ. Поживите здѣсь, узнайте страну и людей... И если всетаки васъ потянетъ и послѣ этого... Потянетъ такъ, что никто не въ состояніи будетъ удержать... Ну, тогда...

Въ голосѣ Нилова звучало какое-то страстное возбужденіе. Матвѣй замѣтилъ это и сказалъ:

— А вы сами... извините... вѣдь вы хотите уѣхать.

Лицо Нилова опять слегка омрачилось.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—У меня свои причины...

— Значитъ... вы не нашли для себя то, чего искали?

Ниловъ распахнулъ окно и нѣкоторое время смотрѣлъ въ него, подставляя лицо ласковому вѣтру. Въ окно глядѣла тихая ночь, сіяли звѣзды, невдалекѣ мигали огни Дэбльтоуна, трубы заводовъ начинали куриться: на завтра разводили пары послѣ праздничнаго отдыха.

— Здѣсь есть то, чего я искалъ,—отвѣтилъ Ниловъ, повернувъ отъ окна взволнованное и покраснѣвшее лицо.—Но... слушайте, Лозинскій. Мы до сихъ поръ съ вами играли въ прятки... Вѣдь вы меня узнали?

— Я узналъ васъ,—смущенно сказалъ Матвѣй.

— И я васъ узналъ также. Не знаю, поймете ли вы меня, но... за то одно, что мы здѣсь встрѣтились, съ вами... и съ другими, какъ равные... какъ братья, а не какъ враги... За это одно я буду вѣчно благодаренъ этой странѣ...

Матвѣй слушалъ съ усиліемъ и напряженіемъ, не вполнѣ понимая, но испытывая странное волненіе...

— А если я всетаки ѣду обратно,—продолжалъ Ниловъ,—то... видите ли... Здѣсь есть многое, чего я искалъ, но... этого не увезешь съ собою... Я уже разъ уѣзжалъ и вернулся... Есть такая болѣзнь... Ну, все равно. Не знаю, пой-

мете ли вы меня теперь. Можетъ, когда-нибудь поймете. На родинѣ мнѣ хочется того, что есть здѣсь... Свободы, своей, понимаете? Не чужой... А здѣсь... Здѣсь мнѣ хочется родины...

Ниловъ смолкъ, и послѣ этого оба они долго еще смотрѣли въ окно на ночное небо, на тихую, ласковую ночь чужой стороны. Ниловъ думалъ о томъ, что скоро онъ покинетъ все это и оставитъ назади цѣлую полосу своей жизни. А Матвѣю почему-то вспомнилось море и его глубина, загадочная, таинственная, непонятная... Такъ же непонятно казалось ему теперь многое въ жизни, и такъ же манило еще смутную мысль... И вспоминая недавній разговоръ, онъ чувствовалъ, что не зналъ хорошо себя самого и что за всѣмъ, что онъ сказалъ Нилову,—за коровой и хатой, и полемъ, и даже за чертами Анны—чудится еще что-то, что манило его и манитъ, но что это такое—онъ рѣшительно не могъ бы ни сказать, ни опредѣлить въ собственной мысли... Но было это глубоко, какъ море, и заманчиво, какъ дали просыпающейся жизни...

XXXIII.

Наша правдивая исторія близится къ концу. Черезъ нѣкоторое время, когда Матвѣй нѣсколько узналъ языкъ, онъ перешелъ работать на ферму къ дюжему нѣмцу, который, самъ страшный силачъ, цѣнилъ и въ Матвѣѣ его силу. Здѣсь Матвѣй ознакомился съ машинами, и уже на слѣдующую весну Ниловъ, передъ своимъ отъѣздомъ, пристроилъ его въ еврейской колоніи инструкторомъ. Самъ Ниловъ уѣхалъ, обѣщавъ написать Матвѣю послѣ пріѣзда.

О жизни Матвѣя въ колоніи, а также исторію американской жизни Нилова мы, быть можетъ, разскажемъ въ другой разъ. А теперь намъ придется досказать немного.

Статья „Дэбльтоунскаго Курьера“ объ окончаніи похожденій „дикаря“ была перепечатана въ нѣсколькихъ газетахъ преимущественно провинціальныхъ городовъ, недовольныхъ „кичливостью“ нью-іоркцевъ, впавшихъ въ данномъ случаѣ въ такую грубую ошибку. Нью-іоркскія газеты обмолвились о ней лишь краткими и довольно сухими извлеченіями фактическаго свойства, такъ какъ въ это время на поверхности политической жизни страны появился одинъ изъ крупныхъ вопросовъ, поднявшихъ изъ глубины взволнованнаго общества всѣ принципы американской политики... нѣчто въ родѣ бури, точно вихремъ унесшей и портреты „дикаря“, и веселое личико миссъ Лиззи, устроившей родителямъ сюрпризъ, и многое множество другихъ знаменитостей, которыя, какъ мотыльки, летаютъ на солнышкѣ газетнаго дня,

пока ихъ не развѣетъ появленіе на горизонтѣ первой тучи.

О Матвѣѣ и его исторіи скоро забыли, и ни Дыма, ни Анна не узнали, что онъ очутился въ Дэбльтоунѣ и потомъ перешелъ въ колонію, что здѣсь онъ былъ приписанъ къ штату и подавалъ свой голосъ, послѣ мучительныхъ колебаній и сомнѣній (ему все вспоминалась исторія Дымы въ Нью-Іоркѣ). И понемногу даже лицо его измѣнялось, мѣнялся взглядъ, выраженіе лица, вся фигура. А въ душѣ всплывали новыя мысли, о людяхъ, о порядкахъ, о вѣрѣ, о жизни, о Богѣ, которому поклоняются, хотя и разно, по всему лицу земли, о многомъ, что никогда не приходило въ голову въ Лозищахъ. И нѣкоторыя изъ этихъ мыслей становились все яснѣе и ближе...

А Анна все жила въ томъ же домѣ подъ № 1235, только барыня становилась все менѣе довольна ею. Она два раза уже сама прибавляла ей плату, но „благодарности“ какъ-то не видѣла. Наоборотъ, у Анны все больше портился характеръ, являлась безпредметная раздражительность и недостатокъ почтительности.

— Что дѣлать... правду говорятъ, что это здѣсь въ воздухѣ,—говорилъ мужъ старой барыни, а изобрѣтатель, все сидѣвшій надъ чертежами, и къ которому старая барыня обращалась иногда съ жалобами, зная его вліяніе на Анну,—только пожималъ плечами.

— Я теперь далекъ отъ всего этого,—говорилъ онъ,—но когда-то... однимъ словомъ, я думаю, что ей просто хотѣлось бы... собственной своей жизни... Понимаете ли вы: собственной своей жизни...

— Скажите, пожалуйста,—отвѣчала барыня съ искреннимъ изумленіемъ.—Не обязана ли я ей доставлять, кромѣ десяти долларовъ, еще собственную жизнь...

— Ну, это теперь меня не касается,—отвѣчалъ старый господинъ.—Все это разрѣшитъ наука. Все: и ее, и васъ, и всѣхъ... Дѣло, видите ли, въ томъ, что...

Ученый поцернулся на стулѣ и сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Человѣкъ изобрѣтаетъ нужную ему машину... Это мы всѣ отлично знаемъ. А думали ли вы когда-нибудь о томъ, что и машина въ свою очередь изобрѣтаетъ... вѣрнѣе сказать, вырабатываетъ нужнаго ей человѣка... Вы удивлены?.. А между тѣмъ это можно доказать съ математической точностью. Стоитъ усвоить эту великую истину, и все рѣшено: вся задача сводится къ тому, чтобы изобрѣсти такую универсальную машину, которой нуженъ только свободный человѣкъ, понимаете?

Тогда и только тогда разрѣшатся всѣ эти мучительные вопросы... Въ этомъ будущемъ строѣ не будетъ уже ни господъ, ни прислуги, ни рабовладѣльцевъ съ ихъ смѣшными притязаніями, ни рабовъ съ ихъ завистью и враждой... Понимаете вы меня?..

Старый господинъ приподнялъ очки и простодушно-радостнымъ взглядомъ посмотрѣлъ въ лицо хозяйки. Но на этомъ лицѣ виднѣлось лишь негодованіе.

— Благодарю покорно!—сказала она.—Хорошъ вашъ будущій строй... безъ прислуги! Я лучше согласна остаться при старомъ...

А дѣло съ Анной шло все хуже и хуже...

Черезъ два года послѣ начала этого разсказа два человѣка сошли съ воздушнаго поѣзда на углу 4 avenue и пошли по одной изъ перпендикулярныхъ улицъ, разыскивая домъ № 1235. Одинъ изъ нихъ былъ высокій блондинъ съ бородой и голубыми глазами, другой—брюнетъ, небольшой, но очень юркій, съ бритымъ подбородкомъ и франтовски подвитыми усами. Послѣдній вбѣжалъ на лѣстницу и хотѣлъ позвонить, но высокій товарищъ остановилъ его.

Онъ взошелъ на площадку и оглянулся вдоль улицы. Все здѣсь было такое же, какъ и два года назадъ. Такъ же дома, точно близнецы, походили другъ на друга, такъ же солнце освѣщало на одной сторонѣ опущенныя занавѣски, такъ же лежала на другой тѣнь отъ домовъ...

Глаза его съ волненіемъ видѣли здѣсь слѣды прошлаго. Вотъ, за угломъ какъ будто мелькнула чья-то фигура. Вотъ она появляется изъ-за угла, ступая такъ тяжело, точно на ногахъ у нея пудовыя гири, и человѣкъ идетъ, съ тоской оглядывая незнакомые дома, какъ двѣ капли воды похожіе другъ на друга... „Все здѣсь такое же, — думалъ про себя Лозинскій,—только... нѣтъ уже того человѣка, который блуждалъ по этой улицѣ два года назадъ, а есть другой“...

Звонокъ затрещалъ, дверь открылась, изъ-за нея выглянуло лицо Анны, и дверь опять захлопнулась, заглушивъ испуганный крикъ дѣвушки, точно она увидѣла призракъ. Потомъ она опять выглянула въ щелку и сказала:

— Вы?.. Неужели это вы?

Старая барыня тоже съ большимъ удивленіемъ встрѣтила этого человѣка и съ трудомъ узнавала въ немъ простодушнаго лозищанина въ бѣлой свитѣ и грубыхъ сапогахъ, когда-то такъ почтительно поддерживавшаго ея взгляды на американскую жизнь и на основы общественности. Она внимательно присматривалась къ нему сквозь свои очки и искренно нахо-

дила, что онъ сталъ гораздо хуже. Правда, въ немъ не было вызывающей рѣзкости и задора молодого Джона, но не было также ласковой и застѣнчивой покорности прежняго Матвѣя, которая такъ пріятно ласкала глазъ старой барыни. Кромѣ того, она находила, что черный сюртукъ сидѣлъ на немъ, „какъ на коровѣ сѣдло“.

— Садитесь, пожалуйста,—сказала она съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи. Но она чувствовала съ нѣкоторой досадой, что ей всетаки неловко было бы оставить стоять этого человѣка.

Въ сущности, она была человѣкъ недурной и, когда Анна заявила ей объ отказѣ отъ службы,—она поняла, что теперь у Анны есть уважительная причина...

— Ну, вотъ—она нашла себѣ „свою собственную жизнь“,—сказала она съ оттѣнкомъ горечи ученому господину, когда Анна попрощалась съ ними. — Теперь посмотримъ, что вы скажете: пока еще явится вашъ будущій строй, а сейчасъ вотъ... некому даже убрать комнату.

— Гм... да...—задумчиво отвѣтилъ изобрѣтатель... — Надо признать, что въ этомъ есть доля непріятности. Конечно, со временемъ все это устроится несомнѣнно... Но... дѣйствительно, трудно будетъ придумать машину, которая бы дѣлала это такъ пріятно и ловко,—какъ эта милая дѣвушка...

Нѣсколько дней послѣ этого ученый чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и находилъ, что даже выкладки даются ему какъ-то труднѣе.

— Гм... да... я долженъ признаться,—говорилъ онъ старой барынѣ. — Мнѣ недостаетъ ея лица и ея добрыхъ синихъ глазъ... Конечно, со временемъ все замѣнятъ машины...

Но тутъ онъ оборвалъ фразу подъ упорнымъ ироническимъ взглядомъ старой барыни, которая процѣдила сквозь зубы:

— Даже синіе глаза? Ну, это-то ужъ едва ли...

Передъ отъѣздомъ изъ Нью-Іорка Матвѣй и Анна отправились на пристань—смотрѣть, какъ подходятъ корабли изъ Европы. И они видѣли, какъ, разсѣкая грудью волны залива, подошелъ морской гигантъ, и какъ его опять подвели къ пристани, и по мосткамъ шли десятки и сотни людей, неся сюда и свое горе, и свои надежды, и ожиданія...

Сколько изъ нихъ погибнетъ здѣсь въ этомъ страшномъ людскомъ океанѣ?..

Матвѣю становилось грустно. Онъ смотрѣлъ вдаль, гдѣ за синею дымкой легкаго тумана двигались на горизонтѣ океанскіе валы, а за ними мысль, какъ чайка, летѣла дальше на старую родину... Онъ чувствовалъ, что сердце его сжимается сильною, жгучею печалью...

И онъ понималъ, что это оттого, что въ немъ родилось что-то новое, а старое умерло или еще умираетъ. И ему до боли жаль было многаго въ этомъ умирающемъ старомъ; и невольно вспоминался разговоръ съ Ниловымъ и его вопросы. Матвѣй сознавалъ, что вотъ у него есть клокъ земли, есть домъ, и телки, и коровы... Скоро будетъ жена... Но онъ забылъ еще что-то, и теперь это что-то плачетъ и тоскуетъ въ его душѣ...

Уѣхать... туда... назадъ... гдѣ его родина, гдѣ теперь Ниловъ со своими вѣчными исканіями!.. Нѣтъ, этого не будетъ: все порвано, многое умерло и не оживетъ вновь, а въ Лозищахъ, въ его хатѣ живутъ чужіе. А тутъ у него будутъ дѣти, а дѣти дѣтей уже забудутъ даже родной языкъ, какъ та женщина въ Дэбльтоунѣ...

Онъ крѣпко вздохнулъ и посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на океанъ. Солнце сѣло. Туманная дымка сгущалась, закрывая безконечныя дали. Надъ протянутой рукой „Свободы“ вспыхнули огни...

Пароходъ опустѣлъ. Двѣ чайки снялись съ мачтъ и, качаясь въ воздухѣ, понеслись по вѣтру въ широкую туманную даль...

Какъ тѣ, которыя когда-то, такъ же отрываясь отъ мачтъ корабля, неслись туда... назадъ... къ Европѣ, унося съ собой изъ Новаго Свѣта тоску по старой родинѣ...

1895 г.

СКАЗАНІЕ

о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.

I.

Въ то время Римъ вознесся могуществомъ надъ всѣми народами, а его владычество простерлось отъ края и до края земли.

Въ Европѣ римляне побѣдили галловъ и крѣпкихъ тѣломъ германцевъ, и бриттовъ, огражденныхъ, кромѣ океана, еще стѣною, и горную Испанію, охваченную морями. А также Греція и народы, живущіе около Понта, и многіе другіе признали власть орла.

Въ Африкѣ отъ Столповъ Геркулеса и до Чермнаго моря, Карѳагенъ и безчисленные эѳіопы подчинились силѣ оружія и обязались поставлять запасы, которыми въ теченіе восьми мѣсяцевъ питался римскій народъ.

Въ Азіи пятьдесятъ городовъ поклонялись правителю Рима, глядя на ликторскіе пучки, окружавшіе консуловъ.

Египетъ и Аравія, наролы Индіи и мидяне, и парѳяне, и гордые киринеяне, ведущіе свой родъ отъ лакедемонянъ, и мармаридяне, и страшные сиртяне, и насамоны, и мавры, и нумидяне и многіе другіе народы, сложивъ оружіе, склонились подъ ярмо и трепетали... Трепетали уже не передъ мечомъ завоевателей, но передъ пучками ликторскихъ розогъ, которыя напоминали народамъ объ ихъ постыдномъ рабствѣ.

Стихло сопротивленіе захвату, руки борцовъ упали въ безсиліи смерти, смежились очи, обращавшіяся къ свободѣ, смолкли голоса, звучавшіе призывомъ къ защитѣ... Надъ затихшимъ въ ужасѣ міромъ взвился римскій орелъ, и владычество Рима легло надъ порабощенной землей...

И миръ на время наступилъ въ мірѣ. Но онъ несъ съ со-

бою не процвѣтаніе, а зло. Не маслина цвѣла на нивѣ жизни, а волчецъ и тёрнъ, потому что нива жизни поливалась не благодатнымъ дождемъ, а кровавымъ потомъ рабства, и надъ землею отъ края до края стоялъ стонъ угнетенныхъ...

И гордый Римъ питался плодами рабства, какъ орелъ-стервятникъ питается падалью; отъ этихъ плодовъ ядъ разливался въ народѣ, которымъ прежде всего отравились правители.

Первые кесари, встрѣчая отпоръ и сопротивленіе народовъ, еще не забывшихъ свободу, часто вспоминали о благоразуміи; мѣрами кротости привлекали они тѣхъ, чьи руки могли еще мечами защищать вольность; подъ цвѣтами человѣколюбія скрывали они цѣпи рабства, чтобы не вызывать въ гордыхъ сынахъ свободы—желанія смерти въ бою.

И потому, завоевавъ Іудею, они оставили народу отеческіе законы и вѣру въ Единаго, и собственное правленіе. А вторгаться воинамъ въ предѣлы храма запретили подъ страхомъ смерти.

Но вотъ, клики борьбы за свободу повсюду стихли, пало сопротивленіе насилію завоевателей, міръ склонился въ изнеможеніи, кой-гдѣ только въ безсиліи потрясая цѣпями. И такъ шли годы. Римляне привыкали повелѣвать, міръ привыкалъ повиноваться. Въ сердцѣ Рима росло высокомѣріе и гордость. Онъ думалъ: „кто посягнетъ нынѣ на мое владычество?“ И отвѣчалъ: „Никто“. А въ остальномъ мірѣ рабство укореняло привычки страха и низкаго преклоненія.

И Римъ въ безмолвіи общаго рабства рычалъ на вселенную, какъ хищный левъ ночью среди ливійской пустыни. А вселенная. какъ пустыня, со страхомъ внимала рычанію насильника, помня страданія отцовъ, но забывши ихъ доблесть.

И по мѣрѣ того, какъ въ народахъ смолкало святое чувство гнѣва,—въ Римѣ терялась мѣра благоразумія.

Послѣ кесарей Юлія и Августа воцарился свирѣпый Тиверій, а за нимъ Кай — безумецъ, мечтавшій о томъ, чтобы обезглавить вселенную въ лицѣ самого Рима. И, наконецъ, послѣ слабоумнаго Клавдія,—жесточайшій изъ людей Неронъ попиралъ законы Бога и природы съ высоты кесарскаго престола, на виду у вселенной. „На вершинѣ горы поставилъ онъ ложе разврата“, смѣялся надъ добродѣтелью и кровью невинныхъ напоилъ содрогавшуюся землю...

Въ Іудеѣ же не было давно ни кроткаго Петронія, ни даже Пилата, который нѣкогда вынесъ изъ священнаго го-

рода знамена съ изображеніемъ кесаря, чтобы не оскорбить народнаго чувства. Но Албинъ, правитель, человѣкъ алчный и жестокій, подобный разбойнику, свирѣпствовалъ надъ беззащитными, такъ что не было злодѣянія, которое бы онъ оставилъ не совершеннымъ. „Копіеносцевъ своихъ, назначенныхъ къ поддержанію порядка, употреблялъ къ разграбленію тихоживущихъ. Вольность слова была отнята, и возвысить голосъ къ осужденію или къ жалобѣ не смѣлъ никто, тогда какъ владычествовали многіе“ *). Никто уже не въ силахъ былъ оказать справедливую защиту, но къ грабежу и къ обидѣ имѣлъ возможность всякій, кто только обладалъ силой.

Такъ возростало страданіе смиренно покорявшихся игу...

Такъ возростало страданіе, но предѣла еще не достигло.

Вступившій на мѣсто Албина, Гессій Флоръ показалъ, что въ сравненіи съ нимъ и Албина можно было считать кроткимъ. Въ то время, какъ Албинъ свои злодѣйства совершалъ тайно и съ укрывательствомъ, Флоръ кичился ими, подражая Нерону. Въ дѣлахъ, требовавшихъ милосердія, онъ былъ безчеловѣченъ, дѣла же гнусности оставлялъ безъ наказанія и самъ являлся въ нихъ первымъ зачинщикомъ и покровителемъ.

Такъ росло дерево насилія на почвѣ слабости, и гордость на почвѣ смиренія. И не было народу надежды и исхода, такъ какъ источники правосудія были закрыты.

Случилось, что въ праздникъ опрѣсноковъ пріѣхалъ въ Іерусалимъ Кестій Галлъ, — правитель Сиріи, имѣвшій силу у римлянъ. Тогда огромная толпа іудеевъ, окруживъ вельможу, съ крикомъ и слезами жаловалась на притѣсненія Флора, прося правосудія и защиты.

И Кестій стоялъ на возвышеніи среди простиравшаго къ нему руки народа и думалъ.

Онъ былъ суровый воинъ и не боялся смерти, но гнѣва своихъ повелителей боялся. Его сердце не билось учащеннѣе въ сѣчѣ, но трепетало передъ взглядомъ немилости кесаря. Таковы сердца тѣхъ, кто служитъ насилію.

И Кестій думалъ: если окажу имъ защиту,—могу подвергнуться немилости Нерона, такъ какъ Флоръ силенъ при дворѣ, а Неронъ давно забылъ правду. Если же не заступлюсь,—мѣра терпѣнія народа исполнится, и онъ возстанетъ. Тогда произойдетъ кровопролитіе, и мнѣ придется вести противъ нихъ свои легіоны. Послѣднее лучше. Легіоны созданы на то, чтобы биться и побѣждать.

---

*) Іосифъ Флавій: „О войнѣ Іудейской“.

И пока онъ такъ думалъ, народъ простиралъ къ нему руки, а Флоръ стоялъ рядомъ и явно смѣялся народнымъ слезамъ и народной надеждѣ. Онъ зналъ, что не найдутъ правосудія.

Приказавъ народу замолчать, Кестій сказалъ имъ съ лицемѣріемъ, чтобы они успокоились, такъ какъ онъ знаетъ, что Флоръ и самъ уже намѣренъ оказать народу милость.

О правосудіи же не сказалъ ни слова и уѣхалъ, а Флоръ выѣхалъ съ нимъ, чтобы проводить его до Кесаріи, въ знакъ своего расположенія къ вельможѣ, сохранившему съ нимъ согласіе.

Затѣмъ, прославъ въ Іерусалимъ своихъ воиновъ, приказалъ имъ взять 17 талантовъ изъ сокровища храма, которое хранилось въ башнѣ, называемой Антонія.

Такова была милость насильника. Флоръ посягнулъ на святыню, стремясь къ ограбленію храма и всего народа.

Былъ среди римлянъ нѣкто именемъ Авлъ Катуллъ, начальникъ тысячи. Это былъ сѣдой воинъ, помнившій времена борьбы и поступки суровыхъ, но благоразумныхъ вождей... Проникнувъ намѣренія Флора, онъ возвысилъ голосъ передъ легіонами и сказалъ:

— Помнишь ли ты, Гессій Флоръ, зачѣмъ ты присланъ въ эту страну? За тѣмъ ли, чтобы утѣснять народъ и самому безмѣрно обогащаться, или, наоборотъ,—чтобы мудрымъ правленіемъ поддерживать единство имперіи? Когда же утѣсненный народъ возстанетъ, а за нимъ возстанутъ другіе, — какой отвѣтъ дашь передъ сенатомъ?

Но Флоръ, опьяненный властью и презрѣніемъ къ іудеямъ, смѣялся словамъ Авла Катулла и говорилъ:

— Я знаю іудеевъ. Этотъ ли презрѣнный народъ подымется противъ насъ, храбрыхъ римлянъ? Нѣтъ, римская держава отъ нихъ не поколеблется, а только мы, храбрые, получимъ легкую добычу. Іудеи трусливы и несогласны. Если даже возстанутъ, то, при легкой побѣдѣ, представится случай къ большей корысти, безъ страха передъ кесаремъ и сенатомъ. Если же будутъ все сносить съ обычнымъ смиреніемъ, то мы захватимъ сокровища храма и возвратимся на родину богачами, предоставивъ новымъ легіонамъ искать новой добычи. Корысть — жребій храбрыхъ, а жребій смиренныхъ — работа для другихъ... Ты, Катуллъ, малодушенъ, и потому недостоинъ командовать мужами, но долженъ стать въ ряды простыхъ воиновъ, а другіе поведутъ легіоны къ богатству.

Тогда среди римлянъ послышались громкіе крики. И хотя были воины, любившіе Катулла и думавшіе какъ онъ, но та-

кихъ было мало, и потому не смѣли противиться. Катуллъ снялъ знаки начальника и сталъ въ ряды простыхъ воиновъ.

А въ Іерусалимѣ среди народа тоже настало великое смятеніе. Будучи несогласны между собою, люди шумѣли и спорили. Одни говорили:

— Долго ли намъ терпѣть насилія и оскорбленія святыни? Развѣ не видно, куда влечетъ Флора корысть и злое сердце!.. Не остановится, пока не захватитъ святыню, а захвативъ — получитъ новое побужденіе къ дальнѣйшимъ насиліямъ. Ибо какъ легіоны стоятъ вокругъ знамени, такъ нашъ народъ — вокругъ святыни. И если знамя захватитъ непріятель, то легіонъ побѣждается и непріятель побиваетъ бѣгущихъ съ большею легкостью. Такъ и Флоръ скажетъ себѣ: если этотъ народъ не могъ отстоять свою святыню, то чему же послѣ этого воспротивится? Того ли желаемъ? Желаемъ ли, чтобы легіонеры, возвращаясь на родину, отягченные добычей, говорили своимъ товарищамъ: „Идите въ Іудею. Тамъ народъ съ малой душой, и воину не предстоитъ опасности въ сраженіи, а только однѣ пріятности: іудеи не защищаютъ своихъ, но отцы со смиреніемъ приводятъ дочерей несозрѣвшихъ къ ложу солдата“.

Такъ говоря, разжигали въ народѣ мятежныя чувства, и многіе говорили: „Лучше смертъ у порога Антоніи, на защиту святыни и чести. Флоръ хочетъ меча, будетъ имѣть мечъ. Мы не видимъ правосудія у кесаря, такъ пусть же Богъ, управляющій бранью, разсудитъ насъ съ Флоромъ“.

Таковы были многіе изъ народа, а также и изъ ученыхъ многіе мудрецы и между другими—Менахемъ, сынъ Іегуды Гамаліота, проливнаго кровь въ борьбѣ за свободу отечества.

Отецъ завѣщалъ сыну свою любовь и свою ненависть. Его любовь была любовь къ свободѣ, а его ненависть—вражда къ угнетенію. Менахемъ говорилъ, подобно своему отцу: „недостойно кланяться передъ алтарями римскихъ кесарей, потому что кесари—люди; преклоненіе же подобаетъ единому Богу, создавшему людей для свободы“.

Кромѣ того, мудрый Менахемъ, скорбя о безсиліи своего народа, углублялся въ книжное изученіе и познавалъ изъ книгъ завѣта и изъ книгъ иноземныхъ все, что происходитъ на свѣтѣ, и что есть зло и добро, и въ чемъ сила народовъ сильныхъ, и откуда идетъ слабость ослабѣвшихъ. Въ ученіи онъ былъ великъ и не походилъ на гордыхъ фарисеевъ, ни на смиренныхъ ессеевъ, ни на саддукеевъ, кормившихся отъ

храма. Но пытливымъ умомъ искалъ неустанно истину, обращая стремленія души своей впередъ, а не назадъ.

И слава Менахема разошлась среди народа, и даже иноземцы называли мудраго Гамаліота острымъ философомъ, потому что языкъ его былъ подобенъ мечу, поражавшему лживыя измышленія. Въ сердцѣ же Менахема любовь и ненависть горѣли, какъ яркое пламя.

Любовь была пламенемъ, а ненависть вѣтромъ. Ибо по мѣрѣ того, какъ ненавистный гнетъ усиливался, Менахемъ отдавалъ свое сердце народу,—сердце, горѣвшее любовью.

Если же сравнимъ ненависть съ пламенемъ, то любовь была бы вѣтромъ, потому что отъ любви къ угнетеннымъ разгоралась ненависть къ угнетателямъ.

И теперь Менахемъ могучимъ голосомъ призывалъ къ оружію іерусалимлянъ и галилеянъ, и гадаритянъ, и быстрыхъ въ нападеніи идумеевъ. „Встаньте, говорилъ онъ, и тогда часъ Божій пробьетъ надъ Флоромъ“,

---

Но другіе въ Іерусалимѣ были противнаго мнѣнія.

„Такъ какъ,—говорили они,—Флоръ ищетъ войны, то мы, наоборотъ, должны сохранять кротость и терпѣніе, чтобы не потерять и того, что еще у насъ осталось“.

Таковы были священники и вельможи, и всѣ, кормившіеся отъ храма, и богатые, боявшіеся потерять богатство; они ходили межъ народа, припадая къ ногамъ даже простыхъ людей и смиренно обнимая ихъ колѣна, чтобы склонить къ поступкамъ кроткимъ и къ терпѣнію.

И имъ удалось склонить народъ на сторону смиренія.

Между тѣмъ, Флоръ приближался съ отрядомъ, возвращаясь изъ Кесаріи. Народъ іерусалимскій, выйдя изъ города, встрѣтилъ его на дорогѣ съ привѣтомъ и принесъ легіону доброжелательныя поздравленія. Но Флоръ осердился.

— Презрѣнные!—сказалъ онъ съ гнѣвомъ.—Знаю, что въ сердцѣ своемъ каждый изъ васъ меня ненавидитъ, на устахъ же вашихъ привѣтъ лицемѣрія... Съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтили бы вы насъ, если бы были мужами чести и правды. Смотри, Авлъ, на этихъ людей, которыхъ ты боишься.

И онъ приказалъ своимъ воинамъ броситься на іудеевъ. Тогда случилось, что смиренные люди, пришедшіе поздравить римлянъ, бѣжали къ городу, подобно испуганному стаду, римляне же настигали ихъ, какъ волки. И такъ спустилась надъ городомъ ночь среди криковъ, смятенія, убійства, хохота и стоновъ...

На утро же Флоръ приказалъ воинамъ разграбить торговую площадь, называемую Верхней, и воины грабили, а встрѣчавшихся побивали безъ милосердія. Въ городѣ сдѣлалось великое бѣгство по улицамъ и убійство людей, и насиліе женъ, и истязаніе невинныхъ. Всѣхъ же съ женами и дѣтьми избито въ тотъ день шесть тысячъ триста іудеевъ.

Тогда собралось на Верхней площади великое множество смущеннаго народа, такъ что некуда было упасть яблоку. Мятежные люди, собравшись вокругъ Гамаліота, разжигали въ народѣ огонь негодованія и мести за невинно-погубленныхъ. Вся же толпа съ великими воплями оплакивала убитыхъ.

Флоръ, собравъ воиновъ, заперся въ своемъ дворцѣ, выжидая, что станутъ дѣлать. Римляне говорили теперь вмѣстѣ съ Авломъ: „Ожесточили мы этотъ народъ свыше мѣры!.. И вотъ, надъ головами нашими, какъ туча, виситъ праведная месть“. А Флоръ молчалъ.

Но знатнѣйшіе граждане и первосвященники опять бросились въ среду народа и опять, унижая себя передъ простыми людьми, умоляли обратиться къ смиренію. „Флоръ, говорили они, уснулъ теперь, какъ тигръ, пресытившійся кровью. Не будите же тигра въ его берлогѣ, дабы не возбуждать свирѣпаго звѣря къ новымъ напастямъ“.

И опять народъ послушался и, утишивъ плачъ, сталъ расходиться. Напрасно мятежный Гамаліотъ возвышалъ голосъ, призывая къ оружію. Онъ былъ подобенъ льву пустыни, у котораго ускользнула добыча. Напрасно скрежещетъ зубами и когтями роетъ землю.

Начальники же и первосвященники, придя къ дому Флора и будучи къ нему допущены, сказали свирѣпому римлянину: „Вотъ, мы опять усмирили народъ. Неужели ты забудешь наше смиреніе“?

А Флоръ со смѣхомъ повернулся къ сотникамъ и начальникамъ тысячъ и сказалъ: „Вотъ видите!“ Іудеямъ же отвѣтилъ ласково, замышляя вновь злѣйшее коварство:

— Вижу, что вы смиренны, но не знаю еще, до какой степени. Чтобы убѣдить насъ всѣхъ,—выйдите опять съ народомъ на дорогу и привѣтствуйте возвращающіеся изъ Сиріи легіоны.

Самъ же заранѣе послалъ тѣмъ воинамъ свои наставленія.

Священники и начальники смутились. Они знали, что теперь предстоитъ самое трудное. Поэтому, войдя въ храмъ, облачились во все украшеніе, въ которомъ совершается служба, а также взяли священные сосуды и, захвативъ съ собой пѣв-

овъ и гусляровъ со всѣми ихъ орудіями, пошли по ули-
амъ, привлекая народъ зрѣлищемъ великолѣпія.

Когда народъ собрался, стали вновь склоняться передъ
имъ, прося еще разъ смириться и не доводить римлянъ до
ого, чтобы они всѣ эти сосуды разграбили. Первосвящен-
ики рыдали, склоняя головы, посыпанныя пепломъ, съ разо-
анными одеждами и обнаженной грудью. „Сохраните намъ
ги сосуды!— молили они. — Не предавайте отечества своимъ
епокорствомъ въ руки тѣхъ, которые стремятся къ конеч-
ому разграбленію. Если еще разъ окажете покорность и
новь встрѣтите воиновъ съ кроткимъ привѣтомъ, тогда у
лора не останется никакого предлога для нападенія, вы же
пасете отечество, и сами ничего уже болѣе не претерпите!“

Такъ говорили они. А Гамаліота не было въ Верхнемъ
ородѣ; отойдя къ могилѣ первосвященника Іоанна, что за
ородскою стѣной,—Менахемъ готовился уйти въ Галилею съ
ениками и приверженцами изъ галилеянъ и идумеевъ. Но
режде онъ предложилъ священникамъ: „Идите, но позвольте
намъ идти за вами. Если васъ не тронутъ, нашъ мечъ
станется въ ножнахъ. А если опять кинутся на беззащит-
ыхъ, то встрѣтятъ собственную гибель“. Священники же
звергли его предложеніе и сказали: „мы побѣдимъ покорностью“.

Тогда Гамаліотъ тронулся въ путь со своимъ отрядомъ,
акъ уходитъ левъ между собаками: римляне сторонились,
огда, сверкая копьями, идумеи шли за своимъ вождемъ, а
олодые галилеяне смотрѣли на римскихъ воиновъ безстраш-
ыми глазами. И когда они проходили мимо римскихъ шат-
овъ, старый Авлъ Катуллъ крикнулъ:

— Привѣтъ смѣлымъ! Уваженіе сыну Іегуды!..

А священники и старѣйшины вывели народъ на кесарій-
кую дорогу и всѣ съ тихою робостью и въ порядкѣ пошли
а-встрѣчу сирійскимъ легіонамъ.

Среди пыли и топота ногъ подошли къ нимъ суровые рим-
кіе воины и стали въ молчаніи; и на привѣтъ свой іудеи
е слышали отвѣта. Когда же изъ ихъ среды раздался го-
осъ, просившій у воиновъ снисхожденія къ народу, чтобы
е поступали подобно Флору,— тогда римляне вновь кинулись
а іудеевъ, съ мечами и копьями, и вновь беззащитные побѣжали.

И опять кровь обагрила дорогу: римляне настигали бѣгу-
ихъ оружіемъ и давили конями. Въ воротахъ же отъ тѣсни-
шейся толпы причинилась іудеямъ окончательная гибель,
акъ что не осталось изъ вышедшихъ ни одного человѣка,
ораго могли бы узнать ближайшіе сродники.

Воины же, разгоряченные запахомъ крови и стонами людей, бросились черезъ Везефу и, пронеся съ собой смерть по улицамъ города, устремились къ Антоніи, мечтая среди смятенія достигнуть и захватить сокровище храма. И Флоръ, выйдя изъ дворца, весело отдался сѣчѣ, говоря своимъ воинамъ: „Напрасно вы боялись этого народа. Вотъ теперь мы, двѣ горсти храбрыхъ людей, гонимъ тысячи и можемъ захватить сокровище безъ большого труда".

Такъ еще разъ заплатили римляне іудеямъ за ихъ смиреніе. Но захватить сокровище не успѣли, такъ какъ люди Гамаліота услышали стоны согражданъ, кинулись на-встрѣчу римлянамъ и задержали ихъ въ улицахъ, ведущихъ къ Антоніи и храму. Потомъ, подрубивъ переходы, ведущіе отъ храма къ Антоніи, заградили римлянамъ путь въ башню и утишили такимъ образомъ сребролюбіе Флора. Ободрившіеся же іудеи, ставъ на высотѣ переходовъ, кидали въ римлянъ камнями сверху. Легіоны устрашились и отступили. Іудеи же, какъ толпа охотниковъ на бѣгущаго звѣря, ринулись на отступавшихъ, и многіе изъ грабителей пали на улицахъ, звеня щитами и окровавленное оружіе валяя въ пыли.

И Флоръ, мрачно сдвинувъ брови, отступалъ вмѣстѣ съ другими, защищая свою жизнь противъ разъярившихся іудеевъ и стыдясь Авла и его сторонниковъ.

И такъ спустилась ночь, но и ночью на улицахъ и надъ храмомъ, и по всѣмъ площадямъ и переходамъ стоялъ гулъ голосовъ, а полная луна освѣщала движеніе возставшихъ. Гнѣвъ народа переполнилъ чашу терпѣнія.

Римляне развели костры у дворца Флора, и воины стояли въ мрачномъ молчаніи на площади. Они увидѣли, встрѣтивъ отпоръ, что поступили неблагоразумно и жестоко. Они смотрѣли на небо и видѣли предзнаменованіе: луна, склонясь къ землѣ, краснѣла, какъ будто погружаясь въ кровавыя волны; и стѣны храма отсвѣчивали багрянымъ свѣтомъ, какъ будто кровь убитыхъ разлилась по землѣ и по небу и вмѣстѣ съ воплями возставшаго народа сгущалась тяжелымъ облакомъ, которое простиралось надъ холмами Іерусалима.

И вспомнили легіоны слова благоразумнаго Авла, а его приверженцы возвысили голосъ:

— Старый тысяченачальникъ былъ правъ,—говорили они,— Флоръ привелъ насъ къ позору.

И, собравшись вокругъ Авла, послали его къ Гессію сказать отъ имени войскъ:

— Въ настоящую минуту мы тебѣ еще повинуемся, но

знай, жестокій человѣкъ, что мы сами принесемъ на тебя жалобу сенату. Взгляни,—кровь наша и кровь іудеевъ, пролитая по твоей винѣ, взываетъ къ небу.

Это были слова немногихъ благоразумныхъ, которые теперь получили значеніе, а дерзкіе насильники, стоявшіе прежде за Флора,—молчали. Потому большинство склонилось на сторону благоразумныхъ.

А багряный свѣтъ все болѣе и болѣе заливалъ небо и землю.

Когда луна скрылась, надъ землей простерся мракъ и вторая стража ночи смѣнила первую, — Флоръ угрюмо вышелъ изъ дворца съ потупленными отъ стыда глазами и повелъ въ молчаніи легіоны изъ города.

На утро въ священномъ городѣ Іудеи не было римлянъ.

II.

Надъ городомъ Гамалой садилось солнце...

Тихій вечеръ спускался надъ всей іудейской землей, осѣняя эту землю благодатью покоя...

Вечернія тѣни кое-гдѣ уже трепетали въ долинахъ, но ночь не зажигала еще своихъ блестящихъ лампадъ. И еще не было видно огненнаго меча, который вотъ уже нѣсколько ночей всплывалъ въ синемъ эфирѣ и горѣлъ въ небѣ, заставляя сердца людей биться тревожнымъ ожиданіемъ.

Грозная звѣзда, какъ пламенный мечъ ангела, каждую ночь тихо плыла въ безпредѣльныхъ пространствахъ, и люди чувствовали, что такъ же неуклонно идутъ въ міръ великія событія и великое горе...

Но теперь, въ этотъ часъ тихаго заката,—міръ, казалось, забылъ о звѣздѣ, вѣстницѣ горя, и отдавался безпечно спокойствію отдыха. Горы синѣли, алѣлъ закатъ золотыми багрянцами, тихо таяли въ вышинѣ бѣлыя тучки, роскошныя пальмы поникли головами въ истомѣ, и дальняя пыль клубилась на дорогѣ, играя переливами послѣднихъ лучей...

Ничто не говорило людямъ о грядущихъ бѣдствіяхъ...

И только тамъ, въ вышинѣ, надъ звѣздами сонмы ангеловъ, предстоявшихъ престолу Іеговы, закрывали глаза крыльями и восклицали неслышными для смертнаго уха голосами:

— Горе вамъ, о Іерусалимъ и Гадара, и несчастная самоубійственная Іотапата!.. *).

*) Во время завоеванія Іудеи, взойдя на стѣны осажденнаго города Іотапаты, римляне нашли всѣхъ ея жителей мертвыми. Имъ удалось разыскать лишь одну старуху, которая разсказала, что осажденные, наканунѣ послѣдняго штурма, перебили прежде женъ и дѣтей, а затѣмъ и сами погибли добровольно, предпочитая смерть рабству.

Но смертные не слышали этихъ воплей, и завѣса близкихъ временъ не поднималась передъ ихъ взорами. Внизу, на землѣ, обвѣянной сумракомъ заката, — существовало лишь настоящее. Богъ судилъ смертнымъ, — не видя грядущаго, самимъ искать въ потьмахъ пути своей жизни, пытливо изслѣдуя, гдѣ зло и гдѣ благо...

И слѣпой родъ ликовалъ. Отступили легіоны Флора, и Кестій потерпѣлъ неудачу. Казалось, невзгоды миновали, и дочери Галилеи сплетали вѣнки и пѣли пѣсни. А въ Іерусалимѣ даже фарисеи возвѣщали вѣсти свободы.

Но Гамаліотъ не участвовалъ въ ликованіи. Онъ зналъ, что война еще впереди, что римскій орелъ собирается расправить когти, и потому, удалясь изъ Іерусалима, ходилъ по странѣ, созывая ополченіе. И теперь, утомясь призывами къ оружію, пришелъ въ свой домъ, чтобы отдохнуть.

И, смотря на багрянецъ заката и на синее небо, онъ плакалъ, потому что ясное небо говорило ему о вѣчномъ законѣ мира, а его сердце жаждало мира на землѣ, отвращаясь отъ крови и брани. И казалось, оно смягчается отъ ласковаго дыханія кроткой зари, и въ душу Гамаліота спускается тихое спокойствіе.

Вокругъ него, на ступеняхъ дома, возлежали его ученики и приверженцы въ одеждахъ отдохновенія. И всѣ молчали, потому что молчалъ учитель, надъ которымъ пролетѣлъ тихій ангелъ забвенія... Онъ забылъ о римлянахъ и о погибшихъ братьяхъ, и объ отцѣ, сложившемъ голову на войнѣ за свободу, и о невинно пролитой крови, и о томъ, что его ждутъ убійства и опасности, и вражда и, можетъ быть, заблужденія, и гибель...

И, вздохнувъ полною грудью, Гамаліотъ сказалъ:

— Люди должны быть братьями, а божій міръ хорошъ...

Но дальняя пыль, клубясь на дорогѣ, катилась все ближе, и, прикрывъ глаза рукою, Гамаліотъ увидѣлъ толпу людей, которые шли къ его дому.

Тутъ были вѣстники изъ Іерусалима, пришедшіе съ извѣстіями къ Менахему, и галилейскіе поселяне, и идумеи, и ессеи въ бѣлыхъ одеждахъ. Идя по дорогѣ, они спорили между собою, смущая гуломъ нестройныхъ голосовъ тихую нѣгу вечера.

И такъ подошли къ дому Менахема, иные звеня запыленными доспѣхами и всѣ не переставая спорить. Когда же подошли близко, то стали, и Менахемъ спросилъ, въ чемъ у нихъ споръ.

Впередъ выступили вѣстники и сказали:

— Мы идемъ съ вѣстями изъ Іерусалима и прежде всего выслушай насъ.

Менахемъ сказалъ: „говорите“, и они разсказали Гамаліоту:

— Послѣ того, какъ ты и многіе другіе удалились изъ Іерусалима, чтобы призвать на помощь страну, — въ Іерусалимъ возвратился царь Агриппа, бывшій въ отсутствіи. Увидѣвъ, что народъ готовится къ сверженію ига, онъ огорчился, думая о своей власти... Ибо если примкнетъ къ народу, то римляне, въ случаѣ побѣды, свергнутъ его съ престола. Тоже и іудеи,—если пристанетъ къ римлянамъ. Царь Агриппа имѣетъ престолъ и потому готовъ примириться съ рабствомъ. Собравъ народъ, онъ обратился къ нему съ увѣщаніемъ. Народъ стоялъ внизу на улицахъ, а царь стоялъ на высотѣ переходовъ. Сестру же свою Веронику, любимую народомъ за кротость, поставилъ противъ себя на кровлѣ Асмонеева дома, приказавъ ей на виду у всѣхъ проливать слезы. Такъ хотѣлъ силой своего изощреннаго краснорѣчія смутить мысли народа, а женскими слезами — залить пламя народнаго гнѣва. Въ рѣчи своей Нерона называлъ „кроткимъ правителемъ“, а римлянъ — „великодушными побѣдителями“ и говорилъ: „ничто такъ не смягчаетъ боль отъ ударовъ, какъ кротость и терпѣніе обиженныхъ“... И смутилъ многихъ. Теперь въ разныхъ концахъ страны повторяютъ слова Агриппы, и въ единодушно-возставшемъ народѣ посѣянъ раздоръ. И вотъ эти, съ нами пришедшіе, тоже держатся разныхъ мыслей и спорятъ...

Когда вѣстники кончили разсказъ, тогда выступили впередъ Матаѳія и Захарія, купцы, и сказали Менахему:

— Агриппа правъ, а ты и твои сѣете зло: твой отецъ погибъ на войнѣ и погубилъ нашихъ отцовъ, неповинныхъ въ мятежѣ, и ты хочешь мятежомъ погубить насъ, мирно торгующихъ. Ты не дорожишь своею жизнью, потому что у тебя нѣтъ богатства, а мы дорожимъ. Будь же справедливъ, мудрый Менахемъ, сынъ погибшаго Іегуды.

Менахемъ холодно отвѣтилъ купцамъ:

— Мой отецъ погибъ, и ваши отцы тоже погибли... Мой отецъ погибъ съ оружіемъ, а вашихъ отцовъ убили разъяренные побѣдители; но воистину говорю вамъ: не мой отецъ погубилъ вашихъ отцовъ, а наоборотъ — они погубили доблестнаго Іегуду.

И купцы спросили: какъ это? Менахемъ отвѣтилъ:

— Іегуда исполнялъ свой долгъ, сопротивляясь насилію

завоевателей. Такъ дѣлали доблестнѣйшіе мужи у всѣхъ народовъ: парѳянъ и нумидійцевъ, и мавровъ. И если бы всѣ исполняли этотъ долгъ, то Римъ не дерзалъ бы выйти за свои предѣлы, и на землѣ былъ бы миръ, и земля не стонала бы подъ игомъ. И мой отецъ былъ бы живъ. Но ваши отцы такъ же, какъ малодушные изъ другихъ народовъ, оставили своихъ защитниковъ безъ помощи, и они погибли, а намъ, сынамъ тѣхъ людей, достался позоръ рабства. Вотъ что отвѣчу я вамъ, торговцы... Идите!..

Тогда подошли къ нему ессеи въ бѣлахъ одеждахъ и сказали:

— Ты сѣешь зло, мудрый Менахемъ, ученіемъ, которое въ гордости своей стремится проникнуть во все, что было, что есть и что будетъ. Не довольно ли человѣку знать законъ Моисея и еще — какъ пахать землю?.. Ты сѣешь зло также ученіемъ, которое зоветъ на борьбу!.. И горе тебѣ, Менахемъ, сынъ Іегуды! Когда осаждаютъ городъ и городъ сопротивляется, то осаждающіе предлагаютъ жизнь кроткимъ, а мятежныхъ предаютъ смерти. Мы проповѣдуемъ народу кротость, чтобы онъ могъ избѣгнуть гибели... А мятежные умираютъ смертію... И поэтому мы—живые люди, а вы обречены на смерть... Чье же ученіе лучше?..

И они сказали ему притчу, которую Менахемъ слушалъ со вниманіемъ, и другую, и третью, въ которыхъ говорилось, что борьба — зло.

— Воду,—говорили они,— не сушатъ водой, но огнемъ, и огонь не гасятъ пламенемъ, но водой. Такъ и силу не побѣждаютъ силой, которая есть зло...

И ученики Менахема бенъ-Іегуды смутились.

Но самъ Менахемъ не смутился и отвѣтилъ:

— Правду сказали вы, кроткіе ессеи: когда городъ сопротивляется, то осаждающіе направляютъ оружіе на тѣхъ, кто его защищаетъ; тѣмъ же, кто склоненъ сдаться, обѣщаютъ жизнь, чтобы склонить большее число къ сдачѣ...

Да, это правда! Но когда на городъ нападаютъ грабители, и никто не смѣетъ встать на защиту, что тогда дѣлаютъ насильники?.. Не избиваютъ ли они всѣхъ безъ различія, не видя никакой разницы, ни причины для милости?.. Вспомните Флора: не убивали ли его воины и тѣхъ, кто выходилъ навстрѣчу легіоновъ съ кроткимъ привѣтомъ? А нынѣ Кестій, воюя съ нами, привлекаетъ васъ обѣщаніемъ безопасности и покровительства! Не видны пути Господни смертному оку: быть можетъ, мы, защитники свободы, погибнемъ, а вы оста-

нетесь съ дѣтьми и съ дѣтьми дѣтей. Тогда, кроткіе ессеи, не вспомните ли вы съ благодарностью о насъ, мятежныхъ, привлекшихъ на себя весь гнѣвъ насильниковъ и своею гибелью купившихъ вамъ миръ и спокойствіе?.. Будьте же благодарны гибнущимъ вы, кроткіе и сохраняющіе жизнь: ибо ваша кротость получаетъ цѣну лишь посредствомъ нашей строптивости, а ваше спокойствіе подобно цвѣтамъ, расцвѣтающимъ на поляхъ, удобренныхъ нашею кровью...

— И еще отвѣчу вамъ на ваши доводы:

Вы прибѣгаете къ уподобленіямъ и притчамъ. Это мѣхи, въ которые можно влить вино худое и хорошее; но по мѣхамъ нельзя узнать, какое вино худо и какое хорошо; вино узнается въ употребленіи.

Такъ и истина познается и доказывается не уподобленіемъ, но опытомъ, который есть проба истины...

Сила руки не зло и не добро, а сила: зло же или добро въ ея примѣненіи. Сила руки—зло, когда она подымается для грабежа и обиды слабѣйшаго; когда же она поднята для труда и защиты ближняго — она добро.

И если вы думаете, что ангелъ, раскрывающій смыслъ уподобленій, служитъ только вашей истинѣ, то въ этомъ вы ошибаетесь. Огонь не тушатъ огнемъ, а воду не заливаютъ водой. Это правда. Но камень дробятъ камнемъ, сталь отражаютъ сталью, а силу — силой... И еще: насиліе римлянъ — огонь, а смиреніе ваше — дерево. Не остановится, пока не поглотитъ всего. Флоръ избивалъ даже самыхъ кроткихъ, а теперь Кестій обѣщаетъ пощаду даже сражавшимся. Это потому, что вмѣсто вашего дерева—римляне встрѣтили наше желѣзо... Насиліе питается покорностью, какъ огонь соломой. А гнѣвная честь родитъ въ насильникѣ воспоминаніе о пользѣ кротости. Таковы мои уподобленія...

И ангелъ притчей не вамъ однимъ раскрываетъ ихъ тайну. Я тоже бесѣдовалъ съ нимъ, и послушайте, что онъ разсказалъ мнѣ.

И рабби Менахемъ разсказалъ ученикамъ своимъ и пришедшимъ къ нему ессеямъ слѣдующую притчу:

Однажды Богъ сжалился надъ землею, сплошь покрытою зломъ и бѣдствіями. И сказалъ: „Я пошлю людямъ ангела, котораго еще не видѣла земля“... И Онъ позвалъ къ Себѣ невиннаго ангела, которому имя „Невѣдѣніе зла“.

Во взорѣ небожителя была такая глубокая ясность, такая тихая радость и кротость невинности, что всякій разъ, когда

взоръ Бога, слишкомъ долго обращенный на грѣшную землю, омрачался, — Онъ смотрѣлъ въ лицо своего любимца, въ его синіе, сіяющіе глаза, и самъ прояснялся... Ангелъ предсталъ передъ Богомъ въ своей бѣлоснѣжной одеждѣ и поднялъ на Него свои взоры, въ которыхъ искрилось юное невѣдѣніе...

И Богъ сказалъ своему ангелу: „Лети вотъ туда, на землю, пусть люди увидятъ твою ясность и устыдятся мрачнаго позора. Устыдятся и бросятъ. Твое невѣдѣніе такъ сильно, что и они забудутъ о порокѣ“.

Ангелъ улыбнулся и тихо понесся къ землѣ.

Многіе его видѣли, и кому случалось взглянуть въ его чистые глаза, тотъ просвѣтлялся... И несчастный забывалъ свое горе, а злой забывалъ свою злобу, и кругомъ ангела злоба смолкала, а онъ летѣлъ дальше, и по прежнему глаза его были ясны, потому что онъ не вѣдалъ зла.

Однажды онъ летѣлъ надъ землей и увидѣлъ въ лѣсу человѣка. Человѣкъ шелъ по тропѣ, прислушиваясь къ лѣсному шуму, и озирался, потому что за нимъ гнались люди.

Но ангелъ не зналъ, зачѣмъ люди гонятся за человѣкомъ, и хотѣлъ спуститься къ несчастному и предстать передъ нимъ въ чащѣ, сіяя своей чистотой и кроткой невинностью.

Но въ это время тотъ человѣкъ подошелъ къ жилищу другого человѣка, который сидѣлъ на порогѣ, и, упавъ въ изнеможеніи передъ домомъ, бѣглецъ сказалъ:

„Я не могу идти дальше, я утомленъ, и за мною погоня, и меня убьютъ. Дай мнѣ пріютъ и защиту подъ твоимъ кровомъ“.

И человѣкъ отвѣтилъ: „Я знаю, кто тебя гонитъ. Ихъ отцы и дѣды всегда гнали невинныхъ, а мои отцы и дѣды давали пріютъ слабымъ и угнетеннымъ!.. И я дамъ тебѣ пріютъ. Войди въ мой домъ и усни... Но прежде, дай, я разобью твои цѣпи, какъ дѣлали мои отцы и дѣды и завѣщали мнѣ“.

И онъ сломалъ цѣпи и сильной рукой бросилъ ихъ далеко, сказавъ: „да не осквернится домъ отцовъ моихъ и домъ моихъ дѣтей цѣпями рабства!“

И гонимый человѣкъ вошелъ въ домъ и уснулъ, а ангелъ все слышалъ и видѣлъ и ничего не понялъ, потому что имя его было Невѣдѣніе.

Онъ склонился надъ истомленнымъ, и улыбка заиграла на устахъ спящаго, и душа его стала ясна, а сонъ крѣпокъ.

И потомъ ангелъ подошелъ къ хозяину, сидѣвшему на порогѣ, но хозяинъ не увидѣлъ ангела Невѣдѣнія, потому что взоры его были устремлены въ лѣсъ. Онъ сторожилъ сонъ своего гостя.

Тогда ангелъ полетѣлъ дальше.

И невдалекѣ встрѣтилъ людей, усталыхъ, измученныхъ и разъяренныхъ. Потъ и злоба застилали ихъ глаза, и они не видѣли, что передъ ними ангелъ, а только спрашивали,—не видѣлъ ли онъ человѣка въ цѣпяхъ.

И ангелъ протянулъ съ ясной улыбкой руку къ дому, гдѣ видѣлъ человѣка въ цѣпяхъ, и сказалъ:—„идите за мной,—онъ тамъ“.

И самъ пошелъ впереди и привелъ ихъ къ дому, гдѣ бѣглецъ спалъ съ улыбкой на лицѣ, потому что душа бѣглеца была ясна.

И только хозяинъ заслышалъ шаги людей и увидѣлъ идущихъ. Онъ быстро поднялся и вошелъ въ домъ.

И, разбудивъ спавшаго, сказалъ ему: „Братъ, ты отдохнулъ. Уходи изъ моего дома и спѣши уйти подальше, потому что сюда приближается погоня“...

Человѣкъ испугался и сказалъ:

„Они убьютъ меня въ лѣсу. Я слишкомъ долго спалъ у тебя и потому не успѣю уйти... Горе мнѣ, я погибъ“.

Но хозяинъ отвѣтилъ:

„Уходи скорѣе, а я займу ихъ здѣсь. Отцы и дѣды завѣщали мнѣ хранить сонъ гостя, и еще никто не страдалъ отъ того, что спалъ въ моемъ домѣ“.

Бѣглецъ повѣрилъ и пошелъ въ лѣсъ, а хозяинъ взялъ оружіе и сталъ на порогѣ.

И люди погони, подойдя, увидѣли хозяина и сказали:

„Въ твоемъ домѣ есть человѣкъ, котораго мы ищемъ убить. Отдай намъ его“.

Но хозяинъ отвѣчалъ:

„Ваши отцы и дѣды всегда гнали невинныхъ, а мои отцы завѣщали мнѣ хранить сонъ гостя“.

Тогда люди обнажили мечи, а ангелъ стоялъ и не понималъ ничего, потому что имя его было Невѣдѣніе.

И сталь скрестилась со сталью и громко звенѣла и визжала, оспаривая жизнь человѣка, который защищалъ жизнь другого...

И долго сталь сверкала, скрежетала и звенѣла, пока, наконецъ, съ коротким шипѣніемъ змѣи, не впилась въ грудь защитника. И онъ упалъ на порогъ своего дома, обагренный кровью...

Эта кровь брызнула изъ раны и попала на бѣлоснѣжную одежду ангела и осталась на ней алымъ пятномъ. А слухъ ангела былъ пораженъ предсмертнымъ стономъ человѣка, котораго онъ погубилъ по невѣдѣнію...

Гонители же кинулись въ домъ и никого не нашли. И, выйдя оттуда, сказали хозяину:

„Вотъ ты скрылъ отъ насъ истину и самъ умираешь“.

А хозяинъ отвѣтилъ:

„Я скрылъ отъ васъ истину, но моя правда ясна передъ Богомъ, потому что я умираю, защитивъ слабаго, какъ дѣлали мои отцы и дѣды. И свою кровь я завѣщаю моимъ дѣтямъ и дѣтямъ вашимъ“.

И съ этими словами онъ умеръ, а ангелъ, слышавшій всѣ слова, не понялъ ихъ смысла, потому что его имя было Невѣдѣніе...

Но лишь только взглядъ ангела упалъ на алую кровь, — ея отблескъ отразился въ его глазахъ, и они потеряли свою прежнюю ясность... Онъ поднялъ ихъ на людей съ выраженіемъ жалобы и испуга, а затѣмъ, въ ужасѣ смерти, поднялся къ престолу Бога и сталъ передъ Нимъ. И Богъ взглянулъ въ его глаза и на его одежду...

Ангелъ стоялъ передъ Нимъ, и въ глазахъ его не было ясности, а было смущеніе, и боль, и стыдъ, потому что онъ былъ обагренъ кровью. И глаза ангела были мутны, потому что въ нихъ не было уже чистаго невѣдѣнія прежнихъ временъ, но они не засіяли еще скорбнымъ познаніемъ.

И Богъ омрачился, а ангелъ сказалъ съ упрекомъ:

„О, Адонаи, Адонаи!.. Вотъ куда Ты послалъ своего любимца... вотъ что люди сдѣлали со мною... на моемъ сердцѣ теперь камень...“

И Богъ, глядя на ангела, заплакалъ:

„О, люди, люди! Родъ жестоковыйный и неисправимый, — что вы сдѣлали съ моимъ любимцемъ! Исполнилась мѣра долготерпѣнія Моего, и Я пролью на васъ гибель...“

И, обратившись къ ангелу, спросилъ:

„Какъ это случилось съ тобою и гдѣ потерялъ ты свою прежнюю ясность?“

Тогда ангелъ разсказалъ Адонаю все, что съ нимъ было:

„Въ лѣсу я видѣлъ человѣка въ цѣпяхъ и другого, сидѣвшаго на порогѣ хижины. Они говорили что-то о гоненіяхъ и о защитѣ, но я ничего не понялъ. Потомъ утомленный человѣкъ вошелъ въ хижину, а я полетѣлъ дальше... Я хотѣлъ предстать предъ ними, но они меня не видѣли, потому что были заняты другимъ...“

„Имъ не нужна была твоя ясность,—сказалъ Богъ.—Ранѣе ты долженъ бы предстать передъ гонителями, а передъ гонимымъ послѣ“.

„Я не зналъ,—сказалъ на это ангелъ.—И дальше я встрѣ-

тилъ другихъ людей, которыхъ глаза застилали потъ и вражда. Они спрашивали, не глядя на меня, — гдѣ человѣкъ въ цѣпяхъ. Я улыбнулся имъ и указалъ хижину...“

Богъ поникъ головой и сказалъ:

„Горе, великое горе!.. Ты сдѣлалъ не то, что было нужно“.

А ангелъ разсказалъ до конца и воскликнулъ:

„Ты самъ послалъ меня на землю, Ты виновенъ въ томъ, что случилось, а не я!.. Сними же тяжесть, которая давитъ мнѣ сердце, сними съ моей одежды эти отвратительныя алыя пятна!.. Сдѣлай, Предвѣчный, чтобы *я не зналъ*, какъ прежде, чтобы въ душѣ моей опять воцарилась ясность святого невѣдѣнія...“

И ангелъ, рыдая, склонился передъ престоломъ Бога.

Но Богъ отвѣтилъ:

„Не знаешь самъ, о чемъ просишь. Я не сдѣлаю этого, но сдѣлаю другое: вмѣстѣ *Невѣдѣнія* я дамъ тебѣ *Скорбное пониманіе*“.

И Богъ разсказалъ ангелу, какая кровь обагрила его одежду, и сказалъ ему:

„Я заповѣдаю тебѣ носить эту кровь, какъ святыню. Это чистая кровь, пролитая на защиту слабаго. И зная это,—ты будешь скорбѣть, а невѣдѣніе никогда къ тебѣ не возвратится...

„Даже и Я не могу изгладить на скрижаляхъ временъ то, что разъ было въ прошедшемъ. И неужели ты хочешь, чтобы назади осталось все то, что было, а въ твоемъ сердцѣ царила бы ясная радость?.. Того ли желаешь, о томъ ли просишь?..“

И, пока Богъ говорилъ, въ глазахъ ангела исчезла смущенная боль, и засвѣтилось въ нихъ скорбное знаніе, и онъ ужаснулся, и упалъ передъ престоломъ Божіимъ и воскликнулъ:

„Нѣтъ, Всемогущій!.. Не хочу ясности невѣдѣнія!.. Оставь мнѣ навсегда мою скорбь“.

И Богъ поднялъ ангела и сказалъ:

„Ты попрежнему будешь моимъ любимцемъ, и моя любовь станетъ къ тебѣ еще больше... Но отнынѣ имя тебѣ будетъ уже не *Невѣдѣніе*... Твое имя *Великая скорбь*...“

И ангелъ поднялся и поднялъ глаза на Бога; и Богъ опять съ любовью смотрѣлъ въ эти глаза и видѣлъ въ нихъ... скорбь.

И ангелъ сказалъ: „Теперь, Господи, отпусти меня опять на землю... Я снесу священную кровь праведника дѣтямъ его и дѣтямъ убійцъ... И пусть, когда они выростутъ, ясность замѣнится въ ихъ глазахъ скорбью познанія...

„И тогда первые будутъ готовы встать на защиту слабыхъ, по обычаю своего рода, и будутъ исполнять завѣщаніе отцовъ до тѣхъ поръ, пока дѣти гонителей поймутъ всю скорбь, истекающую изъ завѣщанія насильниковъ“.

И преклонясь передъ престоломъ Бога, ангелъ поднялся, и, взмахнувъ крылами, понесся къ землѣ, а Богъ съ любовью слѣдилъ за тихимъ полетомъ Скорби . . . . . .

. . . . . .

Пока Гамаліотъ говорилъ притчу, вечеръ одѣлъ землю своею синею ризой.

И земля утонула въ сумракѣ, а въ небѣ зажглись огни Господни, и опять пламенный мечъ засіялъ въ вышинѣ, обращаясь къ сторонѣ Іудеи.

И сердца всѣхъ смирились и стихли, а въ души вступила благоговѣйная робость передъ знаменіемъ воли Господней. И всѣ молчали, прислушиваясь къ тишинѣ ночи. Людямъ казалось, что они слышатъ грозный бѣгъ звѣзды въ безконечныхъ пространствахъ,—звѣзды, знаменующей неотвратимыя событія.

А Гамаліотъ всталъ на ступеняхъ своего дома, поднялъ руки къ синевѣ неба и, весь озаренный отблескомъ небесныхъ огней, возсылалъ мольбы къ Всевышнему:

— О, Адонаи, Адонаи!..

Ты посылаешь на землю знаменія, но не открываешь ихъ смысла. Въ этой землѣ, на которую обращено лезвіе меча Твоего гнѣва, — нынѣ есть угнетатели и угнетенные. Первымъ ли или вторымъ грозишь Ты этимъ знаменіемъ?..

Да будетъ воля Твоя, Всевышній, но вотъ къ Тебѣ моя горячая молитва. Прими ее Ты, возсѣдающій въ горнихъ и мудрымъ окомъ видящій безконечныя времена. Въ Тебѣ исполненіе надеждъ, въ Тебѣ разрѣшеніе невѣдомыхъ, въ Тебѣ примиреніе...

И если Ты, въ безконечной мудрости, судилъ въ наше время гибель правому дѣлу и еще разъ дашь торжествовать насилію,—

И если намъ, защитникамъ, суждено погибнуть, а угнетатели воздвигнутъ алтари торжества и нечестія на мѣстѣ Твоихъ алтарей, —

Да будетъ!..

Но исполни же просьбу обреченныхъ, исполни нашу просьбу, Всевышній!

Пусть никогда не забудемъ мы, доколѣ живы, завѣта борьбы за правду.

Пусть никогда не скажемъ: лучше спасемся сами, оставивъ безъ защиты слабѣйшихъ.

Пусть ни одинъ нашъ ударъ не будетъ направленъ противъ неповиннаго въ насиліи.

Пусть никогда не посягнемъ на святость чужихъ алтарей, помня поруганіе своихъ.

Пусть мысли наши сохраняютъ ясность, дабы направлять стопы наши по пути правды, а удары рукъ — на защиту, а не на утѣсненіе.

И когда будутъ смежаться наши очи въ виду смерти, — не отыми у насъ, Адонаи, вѣру въ торжество праваго дѣла на землѣ.

Чтобы мы знали, что законъ правды непреложенъ, какъ непреложенъ законъ природы: вотъ нынѣ грозное знаменіе пламенѣетъ въ синевѣ неба, но оно пробѣжитъ и исчезнетъ. А кроткая луна, которая нынѣ мало замѣтна, — будетъ восходить надъ землей въ свое время отъ вѣка и до вѣка.

Когда же пробьетъ часъ Твоей воли и мы погибнемъ, пусть Ангелъ Скорби осѣнитъ своимъ крыломъ наши могилы и повѣдаетъ о насъ нашимъ дѣтямъ и дѣтямъ враговъ нашихъ, чтобы и наша смерть служила правому дѣлу.

И я вѣрю, о, Адонаи, что на землѣ наступитъ Твое царство!..

Исчезнетъ насиліе, народы сойдутся на праздникъ братства, и никогда уже не потечетъ кровь человѣка отъ руки человѣка.

Тогда Ангелъ Скорби, радостно взмахнувъ своими крылами, поднимется къ небу, а на землѣ будетъ радость и миръ.

Пусть тогда люди вспоминаютъ о насъ, несчастныхъ, въ жестокое время проливщихъ свою кровь для дѣла защиты, а не для утѣсненія. Аминь!..

1886 г.

ТѢНИ.

(Фантазія).

I.

Это было мѣсяцъ и два дня спустя послѣ того, какъ, при громкихъ крикахъ аѳинскаго народа, судьи постановили смертный приговоръ философу Сократу за то, что онъ разрушалъ вѣру въ боговъ. Онъ былъ для Аѳинъ то же, что оводъ для коня. Оводъ жалитъ коня, чтобъ онъ не заснулъ и бодро шелъ своею дорогой. Философъ говорилъ аѳинскому народу: „Я твой оводъ, я больно жалю твою совѣсть, чтобы ты не заснулъ. Не спи, не спи, бодрствуй, ищи правду, аѳинскій народъ!“

И народъ, въ припадкѣ жестокой досады, пожелалъ избавиться отъ своего овода. „Быть можетъ, доносчики Мелитъ и Анитъ оба не правы, — говорили граждане, расходясь съ площади послѣ приговора. — Но что же это, наконецъ, такое, и куда онъ идетъ? Онъ плодитъ недоумѣнія, онъ разрушаетъ мнѣнія, твердо установленныя вѣками, онъ говоритъ о новыхъ добродѣтеляхъ, которыя надо познавать и разыскивать, онъ говоритъ о божествѣ, которое намъ еще невѣдомо. Дерзкій, онъ считаетъ себя умнѣе боговъ!.. Нѣтъ, спокойнѣе намъ вернуться къ старымъ, хорошо знакомымъ божествамъ. Пусть они не всегда справедливы, пусть распаляются порой неправеднымъ гнѣвомъ, а другой разъ и нечестивою похотью даже къ женамъ смертныхъ. Но не съ ними ли жили наши предки въ спокойствіи души, не съ ихъ ли помощью совершали славные подвиги? А теперь образы олимпійцевъ померкли, и старая добродѣтель расшатана. Что же будетъ дальше, и не должно ли однимъ ударомъ положить конецъ нечестивой мудрости?“

Такъ говорили другъ другу аѳинскіе граждане, расходясь съ площади подъ покровомъ синяго вечера. Они рѣшили убить безпокойнаго овода, въ надеждѣ, что послѣ этого лица боговъ опять просвѣтлѣютъ. Правда, въ умахъ гражданъ порой вставалъ кроткій образъ чудака-философа; порой они вспоминали, какъ мужественно дѣлилъ онъ съ ними при Потидеѣ труды и опасности; какъ онъ одинъ защищалъ ихъ самихъ отъ позора несправедливой казни военачальниковъ послѣ аргинузской побѣды; какъ одинъ онъ противъ тирановъ, убившихъ полторы тысячи гражданъ, осмѣлился возвысить голосъ, спрашивая на площадяхъ о пастыряхъ и овцахъ: „Не тотъ ли пастырь,—говорилъ онъ,—можетъ назваться добрымъ, который пріумножаетъ и бережетъ свое стадо? Или, напротивъ, добрые пастыри призваны уменьшать количество овецъ и разгонять ихъ, а добрые правители—дѣлать то же съ гражданами? Изслѣдуемъ, аѳиняне, этотъ вопросъ!“ И отъ вопроса одинокаго, безоружнаго философа лица тирановъ блѣднѣли, а глаза юношей загорались огнемъ негодованія и честнаго гнѣва...

Когда аѳиняне, расходясь съ площади послѣ приговора, вспоминали все это, тогда ихъ сердца сжимало смутное сомнѣніе: „ужъ не совершили ли мы надъ сыномъ Софрониска жестокую неправду?“ Но тогда добрые аѳиняне смотрѣли въ гавань и на море. При свѣтѣ угасавшей зари на синемъ понтѣ еще мелькали вдали пурпуровые паруса острогрудаго корабля делосскихъ празднествъ. Корабль ушелъ изъ гавани въ этотъ день и вернется лишь черезъ мѣсяцъ, а до тѣхъ поръ въ Аѳинахъ не можетъ пролиться кровь ни виновнаго, ни невиннаго. Въ мѣсяцѣ же много дней, а часовъ еще больше. Кто помѣшаетъ сыну Софрониска, если ужъ онъ осужденъ невинно, убѣжать изъ тюрьмы, а многочисленные друзья навѣрное даже помогутъ? Развѣ такъ трудно богатому Платону, Эсхину и другимъ подкупить тюремную стражу? Тогда безпокойный оводъ улетитъ изъ Аѳинъ къ ѳессалійскимъ варварамъ или въ Пелопоннесъ, или еще дальше, въ Египетъ... Аѳины не услышатъ болѣе его назойливыхъ рѣчей, а на совѣсти добрыхъ гражданъ не будетъ этой смерти. И все, такимъ образомъ, обойдется ко всеобщему благополучію...

Такъ многіе разсуждали про себя въ этотъ вечеръ, восхваляя мудрость демоса и геліастовъ, а втайнѣ питая надежду, что безпокойный философъ уберется изъ Аѳинъ, убѣжитъ отъ цикуты къ варварамъ, освобождая согражданъ въ одно время и отъ себя, и отъ угрызеній совѣсти за невинную смерть.

Тридцать два раза съ тѣхъ поръ солнце выходило изъ-за

океана и опять погружалось въ него, а до того дня, когда аѳиняне рѣшили воздвигнуть Сократу памятникъ, — осталось тридцатью двумя днями меньше. Корабль изъ Делоса вернулся и, точно стыдясь за родной городъ, стоялъ въ гавани съ печально упавшими парусами. На небѣ не было луны, море колыхалось подъ тяжелымъ туманомъ, и огни на холмахъ мерцали сквозь мглу, точно прижмуренныя очи людей, одержимыхъ стыдомъ.

Упрямый Сократъ не пожалѣлъ совѣсти добрыхъ аѳинянъ. „Простимся! Вы идите къ своимъ очагамъ, а я пойду умирать, — сказалъ онъ судьямъ послѣ приговора. — Не знаю, друзья, кто изъ насъ выбираетъ себѣ лучшій жребій“. Когда срокъ возвращенія корабля сталъ приближаться, многіе изъ согражданъ почувствовали безпокойство. Неужели же этотъ упрямецъ въ самомъ дѣлѣ умретъ? И они принялись стыдить Эсхина, Федона и другихъ учениковъ и друзей Сократа, подстрекая ихъ усердіе. „Неужто,—говорили они съ ѣдкой укоризной,—вы допустите, чтобъ вашъ учитель умеръ? Или вамъ жаль нѣсколько минъ на подкупъ сторожей?“ Напрасно Критонъ упрашивалъ Сократа согласиться на побѣгъ и горько жаловался, что общая молва упрекаетъ ихъ въ недостаткѣ дружбѣ и въ скупости, — упрямый философъ не пожелалъ сдѣлать удовольствіе ни своимъ ученикамъ, ни доброму аѳинскому народу. „Изслѣдуемъ этотъ вопросъ,—говорилъ онъ.— Если окажется, что мнѣ надо бѣжать,—я убѣгу; а если нужно умереть, то умру. Припомнимъ: не говорили ли мы раньше, что не смерть должна страшить разумнаго человѣка, а неправда? Справедливо ли соблюдать нами же установленные законы, пока они намъ лично пріятны, а непріятные нарушать? Кажется, память мнѣ не измѣнила: вѣдь мы дѣйствительно что-то говорили объ этихъ предметахъ?“

— Да, говорили,—отвѣтилъ ученикъ.

— И, кажется, всѣ были въ этомъ вопросѣ согласны?

— Да.

— Но, можетъ быть, правда есть правда для другихъ, а не для насъ?

— Нѣтъ, правда одинакова для всѣхъ, и для насъ тоже.

— Но, можетъ быть, когда намъ, а не другимъ приходится умирать, то и правда превращается въ неправду?

— Нѣтъ, Сократъ, правда остается правдой при всѣхъ обстоятельствахъ.

Когда, такимъ образомъ, ученикъ послѣдовательно согласился со всѣми посылками Сократа, философъ, улыбаясь, перешелъ къ умозаключенію:

— Но если такъ, другъ мой, то не слѣдуетъ ли, пожалуй, мнѣ умереть? Или ужъ моя голова такъ ослабѣла, что я не въ состояніи сдѣлать вѣрнаго заключенія?.. Тогда поправь меня, добрый другъ, и укажи правильный путь моей заблудившейся мысли.

Ученикъ закрылъ лицо плащомъ и отвернулся.

— Да,—сказалъ онъ,—я вижу теперь, что ты непремѣнно умрешь...

И въ этотъ темный вечеръ, когда море металось и глухо шумѣло подъ туманомъ, а измѣнчивый вѣтеръ шевелилъ паруса кораблей съ тихимъ и грустнымъ недоумѣніемъ; когда на улицахъ Аѳинъ граждане, встрѣчаясь, спрашивали другъ друга: онъ умеръ?—и голоса ихъ звучали робкою надеждой, что это неправда; когда первое дыханіе проснувшейся совѣсти, какъ первый предвѣстникъ бури, уже шевельнуло сердце аѳинскаго народа и даже, казалось, лица домашнихъ боговъ устыдились и потемнѣли, — въ этотъ вечеръ, съ закатомъ солнца, упрямецъ выпилъ чашу смерти...

Вѣтеръ крѣпчалъ, сильнѣе закутывая городъ пеленой морскихъ тумановъ, и начиналъ съ яростью трепать паруса, запоздавшіе въ гавань. И Эринніи заводили свои мрачныя пѣсни въ сердцахъ гражданъ, возбуждая въ нихъ грозу, отъ которой впослѣдствіи погибли обвинители Сократа... Но въ тотъ часъ эти первые порывы раскаянія метались еще смутно и неясно. Граждане еще болѣе сердились на Сократа, зачѣмъ онъ не доставилъ имъ облегченія своимъ побѣгомъ въ Ѳессалію; злились на учениковъ его, которые ходили въ послѣдніе дни печальные, мрачные, какъ живые упреки; злились на судей, у которыхъ не было ни благоразумія, ни мужества, чтобы воспротивиться слѣпой ярости возбужденнаго народа: злились на самыхъ боговъ. „Вамъ, боги, принесли мы эту жертву,—говорили многіе,—радуйтесь, ненасытные!“

„Не знаю, кто изъ насъ беретъ лучшій жребій!“—вспоминались слова Сократа, послѣднія слова его къ судьямъ и къ народу, собранному на площади. Теперь онъ лежалъ въ своей тюрьмѣ, подъ плащомъ, спокойный и неподвижный, а надъ городомъ нависли печаль, недоумѣніе, стыдъ... Онъ опять сталъ мучителемъ города, самъ уже недоступный мученію... Оводъ былъ убитъ, но мертвый онъ жалилъ свой народъ еще больнѣе... Не спи, не спи эту ночь, аѳинскій народъ! Не спи,—ты совершилъ жестокую, неизгладимую неправду!

II.

Въ эти печальные дни, изъ учениковъ Сократа, воинъ Ксенофонтъ находился въ далекомъ походѣ съ десятью тысячами,

пробивая себѣ среди опасностей путь къ милой родинѣ. Эсхинъ, Критонъ, Критовулъ, Федонъ и Аполлодоръ были заняты приготовленіемъ скромныхъ похоронъ, а у Платона горѣла вечерняя лампа, и лучшій изъ учениковъ философа записывалъ на пергаментѣ его дѣла, слова и поученія, которыми завершилась жизнь мудреца. Ибо, какъ говоритъ великій поэтъ,

Листьямъ въ дубравѣ подобны сыны человѣковъ:
Вѣтеръ одни по землѣ разстилаетъ, другіе—дубрава,
Вновь расцвѣтая, рождаетъ, и съ новой весной возрастаютъ...
Такъ человѣки: одни нарождаются, тѣ погибаютъ.

Однако, мысль не гибнетъ и истина, достигнутая великимъ умомъ, какъ факелъ въ темнотѣ, освѣщаетъ пути слѣдующихъ поколѣній.

Былъ и еще ученикъ Сократа. Пылкій Ктезиппъ еще недавно считался самымъ веселымъ и самымъ безпечнымъ изъ аѳинскихъ юношей; онъ боготворилъ только красоту и преклонялся передъ Клиніасомъ, какъ совершеннѣйшимъ ея воплощеніемъ. Но съ нѣкоторыхъ поръ и именно съ того времени, какъ познакомился съ Сократомъ, онъ потерялъ и веселье, и безпечность, а въ толпѣ Клиніасовыхъ друзей его замѣнили другіе, и онъ смотрѣлъ на это равнодушно. Стройность мысли и гармонія духа, которыя онъ встрѣтилъ у Сократа, казались ему теперь во сто кратъ болѣе привлекательными, чѣмъ стройность стана и гармонія въ чертахъ Клиніаса. Всѣми силами своей пылкой души онъ привязался къ тому, кто нарушилъ дѣвственное спокойствіе его собственной души, раскрывшейся на-встрѣчу первымъ сомнѣніямъ, какъ почки молодого дуба раскрываются на-встрѣчу свѣжему весеннему вѣтру.

Теперь, въ эти горькія минуты, онъ нигдѣ не могъ найти успокоенія,—ни у домашняго очага, ни на улицахъ притихшаго города, ни въ обществѣ единомышленныхъ друзей. Боги очага, домашніе и народные боги стали ему противны: „Я не знаю,—говорилъ онъ,—лучшіе ли вы изъ тѣхъ, кому безчисленныя поколѣнія народовъ сжигаютъ благовонія и приносятъ жертвы. Но знаю, что въ угоду вамъ слѣпая толпа погасила яркій свѣтильникъ истины и принесла въ жертву лучшаго изъ смертныхъ!“

Улицы и площади, казалось Ктезиппу, еще оглашаются криками неправеднаго суда. Здѣсь нѣкогда Сократъ одинъ воспротивился безчеловѣчному приговору судей и слѣпой ярости черни, требовавшей смерти аргинузскимъ вождямъ *).

*) Въ битвѣ при Аргинузахъ аѳиняне одержали блестящую побѣду. Послѣ битвы поднялась буря и, щадя живыхъ, вожди недостаточно поза-

Теперь не нашлось никого, кто бы сумѣлъ защитить его съ такою же силой. Въ этомъ Ктезиппъ винилъ и себя, и товарищей, и вотъ отчего ему хотѣлось въ этотъ вечеръ избавиться отъ присутствія всѣхъ людей и даже, если возможно, отъ себя самого.

Онъ пошелъ къ морю. Но здѣсь его тоска стала еще тяжелѣе. Казалось, подъ покровами изъ тумана, опечаленныя дочери Нерея метались и бились о берегъ, оплакивая лучшаго изъ аѳинянъ и самый городъ, ослѣпленный безумiемъ. Волны летѣли одна за другой, волны плескались о каменныя скалы съ непрерывнымъ жалобнымъ рокотомъ, который раздавался въ ушахъ Ктезиппа, какъ траурное, намогильное пѣніе.

Тогда онъ отвернулся и пошелъ отъ берега все прямо, не глядя передъ собой и не заботясь даже о дорогѣ. Мрачная скорбь затемнила его сознаніе и нависла надъ нимъ, какъ темная туча. Онъ забылъ о времени, о пространствѣ, о собственномъ существованіи и весь полонъ былъ одною гнетущею мыслью о Сократѣ... „Вчера онъ *былъ*, вчера еще раздавались его кроткія рѣчи. Какъ можетъ быть, что его *нѣтъ* сегодня? О ночь, о вы, великаны-горы, окутанные туманными нимбами, ты, рокочущее море, обладающее собственнымъ движеніемъ, вы, неспокойные вѣтры, несущіе на крыльяхъ дыханіе необъятнаго міра, ты, звѣздный сводъ, покрытый летучими облаками, ты, тихо сверкающая зарница, раздвигающая ихъ молчаливыя гряды,—возьмите меня къ себѣ, откройте мнѣ тайну этой смерти, если вы ее знаете! А если не знаете, дайте моему невѣдѣнію ваше безстрастіе. Возьмите у меня эти мучительные вопросы,—я не въ силахъ болѣе носить ихъ въ груди безъ отвѣта и безъ надежды на отвѣтъ... А кто же отвѣтитъ, если уста Сократа смежило вѣчное молчаніе, а на его взоры налегла вѣчная тьма?“

Такъ говорилъ Ктезиппъ, обращаясь къ морю, къ горамъ и мракамъ ночи, которая, между тѣмъ, какъ всегда, совершала надъ спящимъ міромъ свой незримый, неудержимый полетъ. Прошло много часовъ, прежде чѣмъ Ктезиппъ взду-

---

ботились о мертвыхъ, которые остались безъ погребенія. Тогда противъ счастливыхъ вождей поднялись въ Аѳинахъ страсти суевѣрной толпы. Родственники убитыхъ явились на собраніе въ траурныхъ платьяхъ, обвиняя вождей въ томъ, что теперь умершіе останутся вѣчными скитальцами: здѣсь выступило древнее вѣрованіе, гласившее, что душа не покидаетъ тѣла и вмѣстѣ съ нимъ сходитъ въ нѣдра земли. Сократъ одинъ воспротивился приговору, основанному на угожденіи грубому суевѣрію.

малъ оглянуться, куда привели его шаги, не управляемые сознаніемъ. Когда же онъ оглянулся, то темный ужасъ охватилъ его душу.

III.

Казалось, невѣдомыя божества вѣчной ночи услышали дерзкую молитву. Ктезиппъ глядѣлъ и не узнавалъ мѣста, гдѣ онъ находился. Огни города давно угасли въ темнотѣ, рокотъ моря смолкъ въ отдаленіи, и теперь самое воспоминаніе о немъ стихало въ оробѣвшей душѣ. Ни одинъ звукъ: ни осторожный крикъ ночной птицы, ни свистъ ея крыла, ни шорохъ листьевъ, ни журчаніе никогда не засыпающихъ горныхъ ручьевъ,—ничто не нарушало глубокаго молчанія... И только синіе блуждающіе огни тихо снимались и переносились съ мѣста на мѣсто по утесамъ, да молчаливыя зарницы вспыхивали и угасали въ туманахъ надъ вершинами, усиливая мракъ своими короткими вспышками и мертвымъ свѣтомъ открывая мертвыя очертанія пустыни, по которой черныя разсѣлины вились, какъ змѣи, и скалы громоздились въ дикомъ, хаотическомъ безпорядкѣ.

Казалось, всѣ веселые боги, живущіе въ зеленыхъ дубравахъ, въ звенящихъ ручьяхъ и въ горныхъ лощинахъ, навсегда бѣжали изъ этой пустыни; только одинъ великій таинственный Панъ притаился гдѣ-то близко въ хаосѣ природы и зорко, насмѣшливымъ взглядомъ слѣдитъ за нимъ, ничтожнымъ муравьемъ, еще такъ недавно дерзко взывавшимъ къ тайнѣ міра и смерти. И слѣпой, не разсуждающій ужасъ уже разливался въ душѣ Ктезиппа, какъ море заливаетъ во время шумнаго прилива прибрежныя скалы.

Былъ ли это сонъ, была ли это дѣйствительность, было ли это откровеніе невѣдомаго божества, но только Ктезиппъ чувствовалъ, что еще одна минута, — и грань жизни будетъ перейдена, и душа его растворится въ этомъ океанѣ безпредѣльнаго, безформеннаго ужаса, какъ дождевая капля въ волнѣ сѣдого океана въ темную и бурную ночь. Но въ эту минуту онъ услышалъ вдругъ голоса, показавшіеся ему знакомыми, и глаза его различили при свѣтѣ зарницы человѣческія формы.

IV.

Человѣкъ сидѣлъ на одномъ изъ каменныхъ выступовъ въ позѣ глубокаго отчаянія и съ плащомъ, накинутымъ на низко опущенную голову. Другой тихими шагами приближался къ нему, поднимаясь съ осторожностью и изслѣдуя

каждую пядь дороги. Сидѣвшій открылъ лицо и воскликнулъ:

— Тебя ли я видѣлъ сейчасъ, добрый Сократъ? Ты ли идешь мимо меня въ этомъ безрадостномъ мѣстѣ, гдѣ я сижу уже много часовъ, не зная смѣны дня и ночи, напрасно дожидаясь разсвѣта?

— Да, это я, другъ! А въ тебѣ не узнаю ли я Елпидія, умершаго за три дня передо мной?

— Да, я—Елпидій, богатѣйшій изъ аѳинскихъ кожевниковъ, а нынѣ несчастнѣйшій изъ всѣхъ рабовъ. Теперь только понимаю я справедливость словъ, сказанныхъ поэтомъ: лучше быть послѣднимъ рабомъ на землѣ, чѣмъ властителемъ во мракѣ аида.

— Другъ! Но если такъ тяжело тебѣ въ этомъ мѣстѣ, почему не идешь ты въ другое?

— О, Сократъ! я удивляюсь тебѣ: какъ можешь ты идти въ этомъ безрадостномъ мракѣ? Я же... въ глубокой тоскѣ сижу здѣсь и оплакиваю радости слишкомъ скоро промелькнувшей жизни.

— Другъ Елпидій, я, какъ и ты, очутился въ этой тьмѣ, когда въ глазахъ моихъ угасъ свѣтъ земной жизни. Но внутренній голосъ сказалъ мнѣ: „Сократъ, иди въ новый путь, не теряя времени“,—и я пошелъ.

— Но куда же пошелъ ты, сынъ Софрониска? — Здѣсь нѣтъ ни дороги, ни герма, ни колеи, ни даже луча свѣта. Только хаосъ камней, мрака и тумановъ.

— Это правда. Но, другъ Елпидій, убѣдившись въ этой печальной истинѣ, не спросишь ли ты себя: что наиболѣе угнетаетъ твою душу?

— Безъ сомнѣнія, эта ужасная тьма.

— Итакъ, надо искать свѣта. Должно быть, великій законъ состоитъ въ томъ, чтобы смертные сами искали во мракѣ пути къ источнику свѣта. Не думаешь ли ты, что это лучше, чѣмъ сидѣть на мѣстѣ? Я думаю именно такъ и потому иду. Прощай!

— О, нѣтъ, добрый Сократъ, не покидай меня. Ты довольно твердо ступаешь по этому адскому бездорожью. Дай мнѣ полу твоего плаща...

— Если ты полагаешь, что и тебѣ это будетъ лучше, иди за мной, другъ Елпидій.

И двѣ тѣни пошли дальше, а душа Ктезиппа, исторгнутая сномъ изъ тлѣнной оболочки, понеслась имъ вслѣдъ, жадно внимая звукамъ ясной Сократовой рѣчи...

— Ты здѣсь, добрый Сократъ,—послышался опять голосъ

аѳинянина Елпидія.— Что же ты смолкъ? Разговоръ сокращаетъ путь, и клянусь Геракломъ, никогда не случалось мнѣ идти такою ужасною дорогой.

— Спрашивай, другъ Елпидій. Вопросъ любознательнаго человѣка вызываетъ отвѣты и родитъ собесѣдованіе.

Елпидій помолчалъ и потомъ спросилъ, собравшись съ мыслями:

— Вотъ что. Разскажи мнѣ, мой бѣдный Сократъ, хорошо ли, по крайней мѣрѣ, тебя похоронили?

— Признаюсь тебѣ, другъ Елпидій, я не могу удовлетворить твое любопытство.

— Понимаю тебя, бѣдный Сократъ,—тебѣ нечѣмъ похвастать. Вотъ я—другое дѣло! Ахъ, какъ меня хоронили, какъ превосходно хоронили меня, мой бѣдный товарищъ! Я и теперь съ великимъ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ лучшихъ минутахъ... послѣ моей смерти! Прежде всего, меня обмыли и умаслили дорогими благовоніями. Потомъ вѣрная моя Ларисса надѣла на меня лучшія ткани. Искуснѣйшія плакальщицы въ городѣ рвали на себѣ волосы, такъ какъ имъ обѣщали очень хорошую плату. Въ семейную усыпальницу со мной поставили одну амфору, одну кратеру съ превосходно украшенными бронзовыми ручками, одинъ фіалъ, затѣмъ...

— Постой, другъ Елпидій. Я увѣренъ, что вѣрная Ларисса размѣняла свою любовь на нѣсколько минъ... Однако...

— Ровно десять минъ и четыре драхмы, не считая напитковъ, которые выпиты гостями. Рѣдкій, я думаю, даже изъ богатѣйшихъ кожевниковъ можетъ похвалиться передъ душами предковъ такимъ вниманіемъ со стороны живущихъ.

— Другъ Елпидій, не думаешь ли ты, что это золото принесло бы больше пользы оставшимся въ Аѳинахъ бѣднякамъ, чѣмъ тебѣ въ настоящую минуту?

— Это ты говоришь, признайся, изъ зависти,—возразилъ Елпидій съ горечью.—Мнѣ жаль тебя, несчастный Сократъ, хотя, между нами сказать, ты дѣйствительно заслужилъ свою участь... Не разъ въ кругу своей семьи я самъ говаривалъ, что давно бы пора прекратить разсѣиваемое тобою нечестіе, ибо...

— Постой, другъ. Кажется, ты имѣлъ въ виду какое-то заключеніе, и я боюсь, что ты свернулъ съ прямого пути. Скажи, добрый человѣкъ, куда клонится твоя нетвердая мысль?

— Я хотѣлъ сказать, что, по своей добротѣ, я все-таки тебя жалѣю. Мѣсяцъ назадъ я и самъ не мало кричалъ въ

собраніи, но, по-истинѣ, никто изъ насъ, кричавшихъ, не желалъ для тебя такой крупной непріятности. Теперь тѣмъ болѣе, повѣрь, мнѣ жаль тебя, несчастный философъ!..

— Благодарю тебя. Однако, товарищъ, скажи: въ глазахъ твоихъ свѣтло?

— О, нѣтъ, передо мной такая тьма, что я спрашиваю себя: не это ли туманныя области Орка?

— Значитъ, для тебя путь этотъ такъ же теменъ, какъ и для меня.

— Это вѣрно.

— Если не ошибаюсь, ты даже держишься за полу моего плаща?

— И это правда.

— Но тогда мы оба въ одинаковомъ положеніи... Ты видишь, предки не спѣшатъ насладиться разсказомъ о твоемъ похоронномъ торжествѣ, а боги, за которыхъ ты на меня такъ сердился, думаютъ о тебѣ такъ же мало, какъ и обо мнѣ. Гдѣ же разница между нами, мой добрый товарищъ?

— Но, Сократъ, неужели боги помрачили твой разсудокъ настолько, что тебѣ не ясна эта разница?

— Другъ, если тебѣ твое положеніе яснѣе, тогда дай мнѣ руку и веди меня, ибо, клянусь собакой *), ты предоставляешь именно мнѣ идти впередъ въ этой тьмѣ...

— Оставь шутки, Сократъ! Оставь твои шутки и не равняй себя (потому что, вѣдь, ты безбожникъ) съ человѣкомъ, умершимъ на своей собственной постели...

— А, кажется, я начинаю понимать тебя... Скажи мнѣ, однако, Елпидій: надѣешься ли ты, что будешь пользоваться твоею постелью еще когда-либо?

— Увы! не думаю.

— И было такое время, когда ты не спалъ на ней?

— Было... до того самаго дня, когда я купилъ ее у Агезилая за половинную цѣну. Вотъ видишь ли... Этотъ Агезилай, хоть и порядочный мошенникъ...

— Оставимъ Агезилая. Быть можетъ, онъ торгуетъ ее теперь у твоей вдовы за четверть цѣны. Не правъ ли я, однако, когда говорю, что эта постель находилась лишь во временномъ твоемъ владѣніи?

— Согласенъ.

— Но, вѣдь, и та постель, на которой я умеръ, тоже находилась въ моемъ временномъ владѣніи. Ее далъ мнѣ на время добрый Протисъ, тюремный сторожъ.

---

*) Обычная клятва Сократа.

— А! если бъ я зналъ, къ чему ты склоняешь рѣчь, я не сталъ бы отвѣчать на твои коварные вопросы. Ну, слыхано ли, о Гераклъ, подобное нечестіе: онъ равняетъ себя со мною! Но, вѣдь, я могъ бы уничтожить тебя, если на то пошло, двумя словами...

— Произноси ихъ, Елпидій, произноси безъ страха. Едва ли можно уничтожить меня словами больше, чѣмъ это сдѣлала цикута...

— Ну, вотъ! Это-то я и хотѣлъ сказать. Несчастный, ты умеръ по приговору суда, отъ цикуты!

— Другъ! Я это зналъ съ самаго дня смерти и даже значительно ранѣе. А ты, о счастливый Елпидій, скажи мнѣ, отчего ты умеръ?

— О, я совсѣмъ другое дѣло! У меня, видишь ли, сдѣлалась водянка въ животѣ. Былъ позванъ дорогой врачъ изъ Коринѳа, который взялся вылѣчить меня за двѣ мины и половину получилъ въ задатокъ... Боюсь, что, по неопытности въ этихъ дѣлахъ, Ларисса, пожалуй, отдастъ ему и другую половину...

— Судя по тому, что я вижу, врачъ изъ Коринѳа не сдержалъ своего обѣщанія?

— Это правда.

— И ты умеръ именно отъ водянки?

— Ахъ, Сократъ, повѣришь ли: она принималась душить меня три раза, пока не залила, наконецъ, огонь моей жизни!..

— Скажи же мнѣ: смерть отъ водянки доставила тебѣ большое наслажденіе?

— О, злой Сократъ, не смѣйся надо мной! Говорю же тебѣ: она принималась душить меня три раза... Я кричалъ, какъ быкъ подъ ножомъ мясника, и молилъ Парку поскорѣе перерѣзать нить, связывающую меня съ жизнью...

— Это меня не удивляетъ. Но тогда, добрый Елпидій, откуда ты заключаешь, что водянка сдѣлала свое дѣло лучше, чѣмъ цикута, которая покончила со мной въ одинъ разъ?

— Вижу, что опять попался въ твою западню, лукавый нечестивецъ! Не стану больше гнѣвить боговъ, разговаривая съ тобою, нарушителемъ священныхъ обычаевъ.

И оба замолчали, и было тихо. Но, спустя немного, Елпидій заговорилъ первый:

— Что же ты смолкъ, добрый Сократъ?

— Другъ, не ты ли самъ настойчиво просилъ объ этомъ?

— Я не гордъ и умѣю относиться снисходительно къ людямъ хуже меня. Оставимъ ссору!

— Я не ссорился съ тобою, другъ Елпидій, и, повѣрь, не

хотѣлъ сказать тебѣ ничего непріятнаго. Я привыкъ только познавать вещи посредствомъ сравненія. Мнѣ неясно мое положеніе. Свое ты считаешь лучшимъ, и я былъ бы радъ узнать—почему. Въ свою очередь и тебѣ, быть можетъ, не лишне было бы узнать истину, какова бы она ни была.

— Ну-ну, оставимъ это!.. Скажи, ты не боишься?

— Не думаю, чтобы чувство, которое я теперь испытываю, слѣдовало назвать страхомъ.

— А я чувствую именно страхъ, хотя, сказать по правдѣ, у меня меньше поводовъ къ ссорѣ съ богами, чѣмъ у тебя. Не кажется ли тебѣ, однако, что, оставляя насъ здѣсь, на волю хаоса и собственныхъ усилій, боги обманули наши ожиданія?

— Это зависитъ отъ того, каковы были ожиданія... Чего же ты ждалъ отъ боговъ, другъ Елпидій?

— Чего ждалъ, чего ждалъ!.. Странные вопросы предлагаешь ты, Сократъ!.. Если человѣкъ приноситъ въ теченіе своей жизни жертвы, умираетъ въ благочестіи, своею смертію, если его хоронятъ со всѣми обрядами, то можно бы, кажется, послать кого-нибудь ему на-встрѣчу... Если ужъ Гермесъ занятъ чѣмъ-нибудь болѣе важнымъ, — то хоть какого-нибудь изъ незначительныхъ боговъ, для указанія пути... Правда, совѣсть указываетъ мнѣ на одно обстоятельство... Видишь ли: много разъ обѣщалъ я Гермесу тельцовъ, прося удачи въ торговлѣ кожами, и...

— Удачи тебѣ не было?

— Удача была, добрый Сократъ, но...

— Понимаю,—не оказалось теленка.

— Ахъ, Сократъ, ну, могло ли не быть какого-нибудь теленка у богатаго кожевника?

— Теперь я понимаю: была и удача, и теленокъ, но ты оставлялъ ихъ себѣ, Герму же не досталось ничего.

— Ты умный человѣкъ, я это говорилъ много разъ... Увы, свои обѣты я исполнялъ не болѣе трехъ разъ изъ десяти, и съ другими богами поступалъ не лучше, чѣмъ съ Гермесомъ. Если и съ тобой, какъ я думаю, случалось что-либо подобное, то не въ этомъ ли причина, что мы теперь оставлены оба?.. Правда, я приказалъ Ларисѣ принести послѣ моей смерти цѣлую гекатомбу...

— Но, вѣдь, это уже Ларисса, другъ Елпидій, а обѣщаніе дано тобою.

— Это правда, это правда... Ну, а ты, добрый Сократъ? Неужели ты, безбожникъ, поступалъ въ отношеніи боговъ лучше меня, богобоязненнаго кожевника?

— Другъ! не знаю, лучше ли я поступалъ, или хуже. Прежде я приносилъ жертвы, не давая обѣтовъ, а въ послѣдніе годы я не давалъ ни тельцовъ, ни обѣщаній...

— Какъ, несчастный, ни одного теленка?

— Да, другъ, если бы Герму пришлось питаться одними моими приношеніями, боюсь, онъ бы сильно отощалъ...

— Понимаю! Ты не занимался торговлей скотомъ и приносилъ ему отъ предметовъ другого промысла. Можетъ быть, мину, другую изъ платы твоихъ учениковъ?

— Другъ, ты знаешь, что я не бралъ платы съ учениковъ, а промысла едва хватало на собственное прокормленіе. Если бы боги разсчитывали на остатки отъ моей суровой трапезы, они сильно обманулись бы въ разсчетахъ.

— О, нечестивецъ! Передъ тобой и я могу похвалиться святостью. Посмотрите, боги, на этого человѣка! Правда, я иногда обманывалъ васъ, но порой, всетаки, дѣлился съ вами излишками удачной торговли. Даетъ много дающій что-нибудь въ сравненіи съ нечестивцемъ, который не даетъ ничего! Знаешь—что: ступай себѣ одинъ. Боюсь, какъ бы общество подобнаго тебѣ безбожника не повредило мнѣ во мнѣніи боговъ.

— Какъ хочешь, добрый Елпидій. Клянусь собакой, никто не долженъ насильно навязывать свое общество другимъ. Отпусти полу моего плаща и прощай. Я пойду одинъ.

И Сократъ пошелъ впередъ, все такъ же твердо, хотя и изслѣдуя на каждомъ шагу почву. Но Елпидій тотчасъ же закричалъ ему вслѣдъ:

— Погоди, погоди, мой добрый согражданинъ, и не оставляй аѳинянина одного въ такомъ ужасномъ мѣстѣ! Я только пошутилъ, прими мои слова въ шутку и перестань торопиться. Я удивляюсь, какъ можешь ты видѣть что-нибудь въ такой кромѣшной тьмѣ.

— Другъ, я пріучилъ свои глаза.

— Это хорошо. Однако, я не могу похвалить тебя за то что ты не приносилъ жертвы богамъ. Нѣтъ, не могу, бѣдный Сократъ, не могу! Навѣрное, почтенный Софронискъ не тому училъ тебя смолоду, и ты самъ, я видѣлъ это, прежде участвовалъ въ моленіяхъ.

— Да. Но я привыкъ изслѣдовать разныя основанія и принимать только тѣ, которыя, послѣ изслѣдованія, оказывались разумными... Итакъ, пришелъ день, въ который я сказалъ себѣ: Сократъ, вотъ ты поклоняешься олимпійцамъ. За что же именно ты имъ поклоняешься?

Елпидій засмѣялся.

— Вотъ это такъ! Право, вы, философы, не находите порой отвѣтовъ на самые простые вопросы. А вотъ я, простой кожевникъ, никогда въ жизни не занимавшійся софистикой... и, однако, я знаю, почему слѣдуетъ почитать олимпійцевъ.

— Скажи же, другъ, поскорѣе, пусть и я узнаю отъ тебя— почему?

— Почему? Ха, ха, ха! Но, вѣдь, это такъ просто, мудрый Сократъ.

— Чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Но только не скрывай отъ меня твоего знанія. Итакъ, почему слѣдуетъ чтить боговъ?

— Почему?.. Да, вѣдь, всѣ дѣлаютъ это...

— Другъ! ты знаешь хорошо, что не всѣ. Не вѣрнѣе ли сказать: многіе?

— Ну, пусть многіе...

— Но скажи мнѣ, не большее ли количество людей дѣлаютъ зло, чѣмъ добро?

— Думаю, что это правда: зло встрѣчается чаще.

— Итакъ, надлежитъ дѣлать зло, а не добро, слѣдуя за большинствомъ?

— Что ты говоришь?

— Не я, ты самъ говоришь это, я же думаю, что множество преклоняющихся передъ олимпійцами не есть еще основаніе, и намъ нужно поискать другого, болѣе разумнаго. Быть можетъ, ты находишь ихъ заслуживающими уваженія?

— Это вотъ вѣрно.

— Хорошо. Но тогда новый вопросъ: за что же именно ты уважаешь ихъ?

— За ихъ величіе, это ясно.

— Пожалуй... И я, можетъ быть, скоро соглашусь съ тобой. Мнѣ остается только узнать отъ тебя, въ чемъ состоитъ величіе... Ты затрудняешься? Поищемъ же отвѣта вмѣстѣ. Гомеръ говоритъ, что буйный Арей, ниспровергнутый камнемъ Паллады-Аѳины, покрылъ своимъ тѣломъ семь десятинъ.

— Вотъ видишь, какое огромное пространство!

— Итакъ, въ этомъ величіе?.. Но, другъ, вотъ опять недоумѣніе. Не помнишь ли атлета Діофанта? Онъ выдѣлялся цѣлою головой изъ толпы, а Периклъ былъ не выше тебя. Кого, однако, мы называемъ великимъ, Перикла или Діофанта?

— Я вижу, что величіе, дѣйствительно, не въ громадности.

— Да, величіе—не громадность, это правда. Я радъ, что мы кое въ чемъ уже съ тобой согласились. Быть можетъ, оно въ добродѣтели?

— Конечно!

— Я опять думаю то же. Теперь скажи, кто же передъ

кѣмъ долженъ преклониться: меньшій ли передъ бо́льшимъ, или, наоборотъ, болѣе великій въ добродѣтели долженъ преклониться передъ порочнымъ?

— Отвѣтъ ясенъ.

— Думаю. Теперь пойдемъ дальше: скажи мнѣ по совѣсти, убивалъ ли ты стрѣлами чужихъ дѣтей?

— Конечно, никогда! Неужели ты думаешь обо мнѣ такъ дурно? Я не разбойникъ.

— И не соблазнялъ, надѣюсь, чужихъ женъ?

— Я былъ честный кожевникъ и хорошій семьянинъ!.. Не забывай этого, Сократъ, прошу тебя!

— Значитъ, ты не обращался въ скота и своею похотливостью не давалъ вѣрной Ларисѣ поводовъ мстить соблазненнымъ тобою женщинамъ и ни въ чемъ неповиннымъ дѣтямъ?

— Право, ты меня сердишь, Сократъ.

— Но, быть можетъ, ты отнялъ наслѣдство у родного отца и заключилъ его въ темницу?

— Никогда!.. Но къ чему эти обидные вопросы?

— Погоди, другъ. Можетъ быть, мы какъ-нибудь и придемъ вмѣстѣ къ какому-либо заключенію... Скажи, считалъ ли бы ты великимъ человѣка, который сдѣлалъ все, что я сейчасъ перечислилъ?

— Ну, нѣтъ, нѣтъ! Я назвалъ бы такого человѣка негодяемъ и обвинилъ бы его публично передъ судьями на площади.

— Ну, Елпидій, почему же ты не обвинялъ на площади Зевса и олимпійцевъ? Кронидъ воевалъ съ роднымъ отцомъ и распалялся скотскою похотью къ смертнымъ, а Гера мстила невиннымъ дѣвамъ, потерпѣвшимъ насиліе отъ ея супруга... Не они ли вдвоемъ обратили несчастную дочь Инаха въ жалкую корову? Не Аполлонъ ли убилъ стрѣлами всѣхъ дѣтей Ніобеи, а Калленій не воровалъ ли быковъ?.. Итакъ, Елпидій, если правда, что менѣе добродѣтельный долженъ оказывать почтеніе большему въ добродѣтели, то, вѣдь, не ты олимпійцамъ, а они тебѣ должны воздвигать алтари.

— Не богохульствуй, нечестивый Сократъ, перестань! Тебѣ ли судить боговъ?

— Другъ, ихъ осудило нѣчто высшее. Изслѣдуемъ вопросъ: какой признакъ божества?.. Ты, кажется, сказалъ: величіе, состоящее въ добродѣтели. Не это ли же самое — единственная божественная искра въ человѣкѣ? Но если ничтожною человѣческою добродѣтелью мы измѣрили величіе боговъ, и мѣрило оказалось больше измѣряемаго, то отсюда слѣдуетъ, что само божественное начало осудило олимпійцевъ. Но тогда..

— Что тогда?

— Тогда, добрый Елпидій, они — не боги, а обманчивые призраки. Не такъ ли?

— Вотъ къ чему приводитъ разговоръ съ вами, босоногіе философы! Я вижу теперь, что о тебѣ говорили правду: ты и видомъ, и всѣмъ другимъ походишь на рыбу торпиль, которая своимъ взглядомъ околдовываетъ человѣка. Такъ же околдовалъ ты меня лишь затѣмъ, чтобы породить въ душѣ моей, твердой въ вѣрѣ, недоумѣніе и колебаніе. Вотъ уже въ моемъ умѣ пошатнулось уваженіе къ Зевесу... Ну, нѣтъ, говори же теперь одинъ,—я не стану отвѣчать!

— Не сердись, Елпидій, я не желаю тебѣ зла. Если же ты усталъ слѣдить за правильностью умозаключеній, то позволь разсказать тебѣ притчу объ одномъ милетскомъ юношѣ. Умъ отдыхаетъ на притчахъ, а между тѣмъ, и отдыхъ бываетъ не безплоденъ.

— Говори, если твой разсказъ не очень длиненъ и имѣетъ въ виду хорошее нравоученіе.

— Онъ имѣетъ въ виду истину, другъ Елпидій, и я постараюсь его сократить:

„Видишь ли. Когда-то, въ древнія времена, Милетъ подвергся нападенію варваровъ. Въ числѣ юношей, уведенныхъ въ плѣнъ, былъ одинъ отрокъ, сынъ мудрѣйшаго и лучшаго изъ всѣхъ гражданъ страны. Дорогой ребенокъ впалъ въ сильную болѣзнь и былъ брошенъ въ безпамятствѣ, какъ негодная добыча.

„Глубокою ночью пришелъ онъ опять въ себя. Высоко надъ нимъ мигали звѣзды, кругомъ разстилалась пустыня, а вдали раздавались хищные крики звѣрей. Онъ былъ одинъ...

„Онъ былъ совершенно одинъ и, кромѣ того, боги отняли у него память всѣхъ событій его предыдущей жизни. Тщетно онъ напрягалъ свой умъ, — въ немъ было такъ же темно и пусто, какъ въ этой непривѣтливой пустынѣ. И только гдѣ-то, за далью туманныхъ и неясныхъ образовъ, стояла мечта объ оставленной родинѣ. Въ этой свѣтлой странѣ чудился ему образъ лучшаго изъ всѣхъ людей, и тогда въ сердцѣ звучало слово: „Отецъ!“... Не находишь ли ты, что судьба этого юноши напоминаетъ судьбу всего человѣчества?“

— Какъ это?

— Не такъ же ли мы просыпаемся къ жизни на этой землѣ со смутнымъ воспоминаніемъ о другой родинѣ?.. И не мелькаетъ ли у насъ въ душѣ великій образъ Невѣдомаго?..

— Продолжай, Сократъ. Я слушаю.

— Ободренный юноша поднялся на ноги и пошелъ нетвер-

дыми шагами, избѣгая опасностей. Послѣ долгаго пути, когда, казалось, послѣднія силы готовы были измѣнить ему, онъ увидѣлъ въ туманной дали огонь, который освѣщалъ тьму и разгонялъ холодъ. Въ усталую душу вступила тогда кроткая надежда. Воспоминанія объ отчемъ кровѣ ожили, и юноша пошелъ на огонь, съ крикомъ: „это ты, это ты, отецъ мой!“

— Это и былъ домъ отца?

— Нѣтъ, это была стоянка дикихъ кочевниковъ... Много лѣтъ послѣ того онъ велъ жалкую жизнь плѣннаго раба, мечтая о далекой родинѣ, объ отдыхѣ на родной груди отца. Порой нетвердая рука его пыталась вызвать неясный образъ изъ мертвой глины, дерева или камня. Бывали даже минуты, когда, усталый, онъ обнималъ собственное произведеніе, поклонялся ему и орошалъ его слезами. Однако, камень оставался холоднымъ камнемъ, и, выростая, юноша разбивалъ свои издѣлія, которыя казались ему уже жалкимъ оскорбленіемъ его завѣтной мечты.

„Наконецъ, судьба привела скитальца къ доброму варвару, который спросилъ его о причинѣ его всегдашней грусти. Когда юноша довѣрилъ ему тоску и надежды своей души, варваръ, человѣкъ мудрый, сказалъ:

„— Міръ былъ бы лучше, если бы въ немъ была такая страна и тотъ, о которомъ ты говоришь. Но по какому же признаку узнаешь ты отца своего?

„— Въ моей странѣ, — отвѣтилъ юноша,—чтили мудрость и добродѣтель, а отца моего всѣ признавали учителемъ.

„— Хорошо,—отвѣтилъ варваръ.—Надо думать, что и въ тебѣ есть зерно его ученія. Итакъ, возьми же посохъ и иди рано въ путь. Ищи совершенной мудрости и правды, и, если найдешь ихъ, сложи свой посохъ,—это будетъ твоя родина и твой отецъ...

„И юноша рано на зарѣ пустился въ дорогу...“

— Онъ нашелъ, кого искалъ?

— Онъ ищетъ его до сихъ поръ. Онъ узналъ много странъ, много городовъ, много людей. Онъ изучилъ земные пути, переплылъ бурныя моря, изслѣдовалъ тропы свѣтилъ, указующихъ пути въ безбрежныхъ пустыняхъ. И всякій разъ, когда въ трудномъ пути, въ темнотѣ ночи, глазамъ его являлся привѣтный огонь, сердце его билось сильнѣе, и въ душѣ вставала надежда. „Это пріютъ въ домѣ отца моего!“ Когда же радушный хозяинъ предлагалъ истомленному страннику привѣтъ, благословеніе и отдыхъ у своего очага, то растроганный юноша припадалъ къ его ногамъ и говорилъ: „Благодарю тебя, отецъ мой! Не узнаешь ли ты своего пропавшаго сына?“

„И многіе готовы были усыновить его, потому что въ тѣ времена похищенія дѣтей были часты... Но послѣ первыхъ восторговъ юноша начиналъ замѣчать въ воображаемомъ отцѣ слѣды несовершенства, а иногда и пороковъ. Тогда онъ начиналъ изслѣдовать и искушать, приставая къ нему со своими вопросами о правдѣ и неправдѣ... И его скоро прогоняли изъ-подъ гостепріимнаго крова на трудъ и холодъ новаго пути. Не одинъ разъ говорилъ онъ себѣ: „Останусь у этого послѣдняго очага, сохраню эту послѣднюю вѣру. Пусть будутъ они мнѣ вмѣсто отеческаго крова...“

— Знаешь что: это, пожалуй, было бы всего благоразумнѣе, Сократъ.

— Порой онъ думалъ, какъ и ты. Но привычка къ изслѣдованію и смутная мечта о родномъ отцѣ не давали ему покоя. И опять отряхалъ онъ прахъ отъ своихъ ногъ, и опять бралъ страннический посохъ, и не всегда бурная ночь заставала его подъ кровлей... Не находишь ли ты, что судьба юноши опять напоминаетъ судьбу человѣческаго рода?

— Почему?

— Не такъ же ли родъ людской замѣняетъ дѣтскую вѣру испытаніемъ и сомнѣніемъ? Не такъ же ли творитъ онъ самъ образъ Невѣдомаго изъ дерева, камня, изъ обряда и преданія, изъ вдохновенной пѣсни поэта и изъ догадокъ мудреца?.. И потомъ находитъ этотъ образъ несовершеннымъ и разбиваетъ его, чтобы опять удалиться въ пустыню сомнѣній... И все для того, чтобы искать лучшей вѣры, все выше и выше... И не суждено ли роду земному искать, все возвышаясь безконечно, потому что и Невѣдомый есть безконечность!..

— О, лукавый мудрецъ, о, рыба торпиль! Я понимаю теперь, къ чему ведетъ твоя притча!.. Ну, такъ я скажу тебѣ прямо: пусть только мелькнетъ свѣтъ въ этой тьмѣ и ты увидишь, стану ли я искушать хозяина ненужными вопросами и сомнѣніями?

— Другъ, свѣтъ уже мелькаетъ,—отвѣтилъ Сократъ.

V.

Казалось, слова философа должны были оправдаться. Гдѣ-то высоко, за дымною пеленой, скользнулъ далекій лучъ и исчезъ въ горныхъ предѣлахъ. За нимъ другой, третій... Казалось, тамъ, за предѣлами тьмы, рѣютъ какіе-то свѣтлые геніи, свершается великая тайна, чье-то чудится живое дыханіе, готовится какое-то великое торжество.

Но это было далеко. А надъ землей тѣни сгущались, клубились дымныя тучи, свиваясь и развиваясь, перегоняя другъ друга безъ конца и перерыва...

Синій огонь упалъ съ отдаленной вершины въ глубокую пропасть, и тучи поднялись выше, покрывая небо до самаго зенита.

А лучи уходили все дальше и дальше, какъ будто имъ не было дѣла до этой мрачной и затѣненной равнины.

Сократъ стоялъ, слѣдя за ними грустнымъ взглядомъ. Елпидій со страхомъ смотрѣлъ на вершину.

— Посмотри, Сократъ, что видишь ты тамъ на горѣ?

— Другъ, — отвѣтилъ философъ, — изслѣдуемъ положеніе. Такъ какъ земная жизнь должна имѣть предѣлы, то думаю, что предѣлъ этотъ на рубежѣ двухъ началъ: въ борьбѣ свѣта и тьмы вѣнецъ нашихъ усилій. А такъ какъ у насъ не отнята способность мышленія, то думаю, что божеству, давшему жизнь нашей мысли, угодно, чтобы мы изслѣдовали самые предѣлы нашихъ стремленій. Итакъ, Елпидій, приготовимся достойнымъ образомъ встрѣтить зарю позади этихъ тучъ...

— О, добрый товарищъ! Если такова заря, то я предпочелъ бы, чтобы вѣчно длилась прежняя безотрадная, долгая, но спокойная ночь... Не находишь ли ты, что время проходило у насъ сносно въ поучительной бесѣдѣ? А теперь душа содрогается передъ надвигающеюся грозой. Нѣтъ, что ни говори, а тамъ, впереди, не простыя тѣни безжизненной ночи... Вотъ еще одна Зевсова стрѣла метнулась въ бездонную пропасть...

Ктезиппъ посмотрѣлъ на вершину, и ужасъ сковалъ его душу. Великіе, мрачные образы олимпійцевъ тѣснились, вѣнчая гору, загораживая дорогу. Послѣдній лучъ скользнулъ еще разъ поверхъ туманныхъ нимбовъ и умеръ, какъ слабое воспоминаніе. И ночь съ надвигающеюся грозой воцарилась безраздѣльно, а темные образы заняли все небо... Въ серединѣ, съ головой, увѣнчанною нимбомъ, увидѣлъ Ктезиппъ могучаго Кронида. Кругомъ толпились гнѣвныя фигуры старшихъ боговъ, смятенныя и въ мрачномъ движеніи. Какъ стаи птицъ, летящія въ вечернюю даль, какъ пыль, взметаемая ураганомъ, какъ осенніе листья, гонимые бореемъ, рѣяли длинною тучей безчисленныя меньшія божества народной вѣры, заполняя пространство...

Когда же тучи двинулись съ вершины и мрачный ужасъ ринулся передъ ними, обвѣивая землю, Ктезиппъ упалъ ницъ: онъ признавался впослѣдствіи, что въ эту страшную минуту онъ забылъ всѣ выводы и всѣ заключенія, такъ какъ душа его умалилась, и надъ ней властно пронесся страхъ...

Онъ только слушалъ.

Два голоса звучали тамъ, гдѣ молчала передъ бурей вся

оцѣпенѣвшая природа. Одинъ — могучій и грозный голосъ божества, другой — былъ слабый голосъ человѣка, приносимый вѣтромъ со склона горы, гдѣ Ктезиппъ оставилъ Сократа.

— Ты ли, — говорилъ голосъ изъ тучи, — дерзкій Сократъ, надменный разумомъ, боровшійся съ богами земли и неба? Не было безсмертныхъ веселѣе и свѣтлѣе насъ, олимпійцевъ, — теперь давно уже проводимъ мы свои дни въ сумеркахъ отъ невѣрія и сомнѣній, воцарившихся на землѣ... Однако, никогда еще эти туманы не сгущались такъ сильно, какъ съ тѣхъ поръ, когда среди любезныхъ нѣкогда Аѳинъ послышалось ненавистное слово твое, сынъ Софрониска. Почему не слѣдовалъ ты завѣтамъ отца твоего? Добрый Софронискъ позволялъ себѣ, особенно въ молодые годы, небольшія кощунства, но все же не одинъ разъ запахъ его жертвъ радовалъ наше обоняніе...

— Остановись, Кронидъ, — сказалъ Сократъ, — и разрѣши мое недоумѣніе: итакъ, малодушное лицемѣріе предпочитаешь ты исканію истины?

Вслѣдъ за этимъ вопросомъ скалы дрогнули отъ громового удара. Первое дыханіе грозы промчалось и стихло въ дальнихъ ущельяхъ, но склоны горы все еще дрожали, потому что все еще дрожалъ отъ гнѣва возсѣдавшій на ея вершинѣ... А въ пугливой тишинѣ сгустившейся ночи слышались только дальніе стоны. Казалось, это въ самомъ сердцѣ земли стонали отъ удара Кронида скованные титаны...

— Гдѣ ты теперь, дерзкій вопрошатель? — раздался насмѣшливый голосъ олимпійца.

— Я здѣсь, Кронидъ, здѣсь, на томъ же самомъ мѣстѣ, и только твой отвѣтъ подвинетъ меня дальше. Я жду.

Громъ заворчалъ въ тучѣ, какъ дикій звѣрь, удивленный безстрашіемъ ливійца-укротителя, когда онъ, безоружный, подходитъ къ нему съ яснымъ взглядомъ. И черезъ нѣсколько мгновеній голосъ прошумѣлъ вновь надъ равниной:

— О, сынъ Софрониска! Не довольно ли тебѣ, что на землѣ ты расплодилъ столько сомнѣній, что даже здѣсь, на Олимпѣ, они окружили насъ темными облаками! По-истинѣ, иные дни, когда ты бесѣдовалъ на площадяхъ, въ академіяхъ или въ публичныхъ раздѣвальняхъ, — намъ казалось, что ты разрушилъ уже на землѣ всѣ алтари, и что это пыль отъ развалинъ несется къ намъ въ горнія... Тебѣ мало: ты и здѣсь, передъ лицомъ моимъ, не признаешь власти безсмертныхъ...

— Зевсъ, ты сердишься. Скажи, кто далъ мнѣ то геніальное, что тревожило всю жизнь мою душу, побуждая меня неустанно стремиться къ истинѣ?

Въ тучѣ царствовало таинственное безмолвіе.

— Не ты ли? Ты молчишь. Итакъ, я изслѣдую дѣло. Или это божественное начало дано тобою, или другимъ. Если оно дано тобою, то тебѣ же я несу его въ даръ, какъ созрѣвшій плодъ моей жизни, какъ пламя отъ зароненной тобою искры. Смотри, Кронидъ, я сохранилъ твой даръ; въ лучшемъ углу моего сердца я взростилъ твое сѣмя. Вотъ онъ, огонь моей души, который горѣлъ въ горькую минуту, когда я собственной рукой обрѣзывалъ нить моей жизни. Отчего же ты не примешь его, зачѣмъ ты сердишься, какъ плохой наставникъ, которому старость мѣшаетъ разглядѣть, что отрокъ-ученикъ чертитъ на послушномъ воскѣ его собственныя повелѣнія?.. Кто же ты, повелѣвающій мнѣ погасить священный огонь, освѣщавшій мою жизнь съ тѣхъ поръ, какъ въ нее проникъ первый лучъ святой мысли? Солнце не говоритъ звѣздамъ: угасните, чтобы мнѣ взойти. Оно всходитъ, и слабое сіяніе звѣзды утопаетъ въ свѣтѣ безконечно сильнѣйшемъ. День не говоритъ факелу: погасни, — ты мнѣ мѣшаешь. Онъ разгорается, и факелъ дымитъ, но не свѣтитъ. Божество, къ которому я иду, — не ты, боящійся сомнѣній. Онъ, какъ день, онъ, какъ солнце, свѣтитъ самъ, не угашая ничьего свѣта. Тотъ, который скажетъ мнѣ: странникъ, дай мнѣ твой факелъ, онъ не нуженъ тебѣ больше, потому что я — источникъ всякаго свѣта... Тотъ, кто скажетъ: сложи на моемъ алтарѣ слабый даръ твоихъ сомнѣній, потому что во мнѣ разрѣшеніе... Вотъ мой Богъ, котораго я ищу! Если это ты, то прими мои вопросы. Никто не убиваетъ своего дѣтища, а мои сомнѣнія — порожденіе вѣчнаго духа, которому имя — истина!

Темныя тучи разорвались отъ края и до края небесными огнями, и въ крикахъ неистовой бури опять раздался могучій голосъ:

— Къ чему вели твои сомнѣнія, надменный мудрецъ, отринувшій смиреніе, лучшее украшеніе земныхъ добродѣтелей? Ты оставилъ пріютный кровъ простодушной вѣры, чтобы вступить въ пустыню сомнѣній. Ты видѣлъ его, — этотъ мертвый просторъ, оставленный живыми богами. Тебѣ ли одолѣть его, ничтожному червю, ползающему въ прахѣ своего жалкаго отрицанія? Тебѣ ли оживить міръ, тебѣ ли постигнуть невѣдомое божество, которому ты не умѣешь молиться? Ничтожный мусорщикъ, запачканный пылью разрушенныхъ алтарей, — ты ли тотъ зодчій, которому суждено воздвигать новые храмы? На что же надѣешься ты, отринувшій старыхъ боговъ и не знающій новаго? Вѣчная ночь

неисходныхъ сомнѣній, мертвая пустыня, лишенная живого духа,—таковъ вашъ міръ, жалкіе черви, истачивающіе живую вѣру, прибѣжище простыхъ сердецъ, вселенную обратившіе въ мертвый хаосъ... Что же?.. Гдѣ ты теперь, ничтожный и дерзкій мудрецъ?

Буря одна властно гремѣла на просторѣ... Потомъ стихли громы, вѣтеръ смежилъ свои крылья и только потоки дождя лились во мглѣ, точно обильныя, неудержимыя слезы, готовыя поглотить землю, покрыть ее потокомъ неутолимой скорби... И Ктезиппу казалось, что они поглотили учителя, что навсегда уже смолкъ безстрашный голосъ, привыкшій къ неустаннымъ вопросамъ. Но черезъ минуту онъ раздался снова на томъ же мѣстѣ:

— Слова твои, Кронидъ, попадаютъ лучше твоихъ громовъ. Ты бросилъ въ смущенную душу то, что давно уже и не разъ звучало въ моемъ сердцѣ, и каждый разъ оно изнемогало подъ бременемъ невыносимой скорби. Да, я оставилъ пріютный кровъ, гдѣ царила простодушная вѣра; да, я видѣлъ ее, пустыню, лишенную живыхъ боговъ, окутанную ночью непроглядныхъ сомнѣній. Но я безстрашно вступилъ въ нее, потому что мнѣ свѣтилъ мой геній, божественное начало всякой жизни. Изслѣдуемъ вопросъ: не во имя ли Того, кто даетъ жизнь, курятся ѳиміамы на твоихъ алтаряхъ? Ты—похититель чужого: не тебѣ, а Ему поклоняется простодушная вѣра, но не Его ли также ищетъ неусыпающее сомнѣніе? Да, я не зодчій, я не создатель новаго храма, не мнѣ было суждено на старомъ мѣстѣ поднять отъ земли къ небу величавое зданіе грядущей вѣры. Я — мусорщикъ, запачканный пылью разрушенія. Но, Кронидъ, совѣсть говоритъ мнѣ, что и работа мусорщика нужна для будущаго храма. Когда на расчищенномъ мѣстѣ стройно и величаво воздвигнется чудное зданіе и въ немъ воцарится живое божество новой вѣры, я, скромный мусорщикъ, приду къ нему и скажу: вотъ я, безъ устали ползавшій въ прахѣ отрицанія. Окруженному туманомъ и пылью, мнѣ некогда было поднять глаза отъ земли, въ моемъ умѣ лишь слабо рисовалась мечта будущаго созиданія... Отринешь ли Ты меня, праведный, истинный и великій?..

Въ тучѣ царило удивленное молчаніе, а Сократъ возвысилъ свой голосъ и продолжалъ:

— Солнечный лучъ падаетъ на грязную лужу, и легкій паръ, оставивъ на землѣ грязныя части, тяжелыя и бренныя, тянется къ свѣтлому Геліосу и таетъ, растворяясь въ эфирѣ. Ты тронулъ своимъ лучомъ мою грязную душу, и она устре-

милась къ Тебѣ, Невѣдомый, чье имя — Тайна... Я искалъ Тебя, потому что Ты въ истинѣ, я стремился къ Тебѣ, потому что Ты въ справедливости, я любилъ Тебя, потому что Ты въ любви, для Тебя я умеръ, потому что Ты—источникъ жизни... Неужели Ты отринешь меня, Невѣдомый? Мои тяжкія сомнѣнія, мои жгучія исканія, мою трудную жизнь, мою вольную смерть—прими ихъ, какъ безкровную жертву, какъ одну молитву, какъ вздохъ о Тебѣ, какъ летучую струйку бреннаго пара принимаетъ безграничный океанъ чистаго эфира. Прими ихъ Ты, котораго я не знаю имени, не дай туманнымъ призракамъ умершей вѣры заградить мой путь къ Твоему вѣчному свѣту... Уступите же съ дороги, туманныя тѣни, заграждающія свѣтъ зари! Я говорю вамъ, боги моего народа: вы неправедны, олимпійцы, а гдѣ нѣтъ правды, тамъ и истина—только призракъ. Къ такому заключенію пришелъ я, Сократъ, привыкшій изслѣдовать разныя основанія.

„Итакъ, разступись же, мертвый туманъ, я иду своею дорогой, къ Тому, Кого искалъ всю мою жизнь...

„Я иду“ . . . . . .

Громъ загремѣлъ, но короткій, отрывистый, какъ будто эгидъ выпалъ изъ ослабѣвшей руки громовержца. Голоса бури, колеблясь, ринулись по уступамъ горъ, прошумѣли въ тѣснинахъ и, удаляясь, замирали въ ущельяхъ. И на ихъ мѣстѣ слышались иные, невѣдомые, чудные звуки.

Когда Ктезиппъ открылъ изумленные глаза, передъ нимъ встало невиданное зрѣлище. Ночь уходила, тучи разсѣялись. Тѣни боговъ быстро неслись по лазури, точно золотой узоръ на краяхъ чьей-то ризы. Другія мелькали по дальнимъ уступамъ и ущельямъ, и Елпидій, маленькая фигура котораго виднѣлась надъ расщелиной, простиралъ къ нимъ руки, какъ бы умоляя исчезающихъ о рѣшеніи судьбы.

А вершина горы уже вся выпла изъ таинственныхъ облаковъ и сіяла, какъ факелъ, надъ сизою мглой долинъ. И хотя не было на ней ни громовержца Кронида, ни другихъ олимпійцевъ, только горная вершина, свѣтъ солнца и высокое небо, но Ктезиппъ ясно чувствовалъ, что вся природа до послѣдней былинки проникнута біеніемъ единой таинственной жизни. Чье-то дыханіе слышалось въ ласкающемъ вѣяніи воздуха, чей-то голосъ звучалъ чудною гармоніей, чьи-то чуялись невидимые шаги въ торжественномъ шествіи сіяющаго дня. И еще человѣкъ стоялъ на освѣщенной вершинѣ и простиралъ руки въ молчаливомъ восторгѣ и могучемъ стремленіи.

Мгновеніе—и все исчезло, и сіяніе обыкновеннаго дня по-

казалось проснувшейся душѣ Ктезиппа жалкими сумерками въ сравненіи съ улетѣвшимъ ощущеніемъ природы, проникнутой вѣяніемъ единой, невѣдомой жизни.

. . . . . .

Въ глубокомъ молчаніи выслушали ученики погибшаго философа странный разсказъ Ктезиппа. Платонъ первый прервалъ молчаніе.

— Изслѣдуемъ,—сказалъ онъ,—сонъ и его значеніе.

— Изслѣдуемъ,—отвѣтили остальные.

1889—90.

МГНОВЕНІЕ.

Очеркъ.

I.

— Будетъ буря, товарищъ.

— Да, капралъ, будетъ сильная буря. Я хорошо знаю этотъ восточный вѣтеръ. Ночь на морѣ будетъ очень безпокойная.

— Святой Іосифъ пусть хранитъ нашихъ моряковъ. Рыбаки успѣли всѣ убраться...

— Однако, посмотрите: вонъ тамъ, кажется, я видѣлъ парусъ.

— Нѣтъ, это мелькнуло крыло птицы. Отъ вѣтра можешь скрыться за зубцами стѣны... Прощай. Смѣна черезъ два часа...

Капралъ ушелъ, часовой остался на стѣнкѣ небольшого форта, со всѣхъ сторонъ окруженнаго колыхающимися валами.

Дѣйствительно, близилась буря. Солнце садилось, вѣтеръ все крѣпчалъ, закатъ разгорался пурпуромъ, и, по мѣрѣ того какъ пламя разливалось по небу,—синева моря становилась все глубже и холоднѣе. Кое-гдѣ темную поверхность его уже прорѣзали бѣлые гребни валовъ, и тогда казалось, что это таинственная глубь океана пытается выглянуть наружу, зловѣщая и блѣдная отъ долго сдержаннаго гнѣва.

На небѣ тоже водворялась торопливая тревога. Облака вытянувшись длинными полосами, летѣли отъ востока къ западу и тамъ загорались одно за другимъ, какъ будто ураганъ кидалъ ихъ въ жерло огромной раскаленной печи.

Дыханіе близкой грозы уже вѣяло надъ океаномъ.

Надъ темной зыбью, точно крыло испуганной птицы, мелькалъ парусъ: запоздалый рыбакъ, убѣгая передъ бурей, видимо, не надѣялся уже достигнуть отдаленнаго берега и направилъ свою лодку къ форту.

Дальній берегъ давно утонулъ въ туманѣ, брызгахъ и сумеркахъ приближавшагося вечера. Море ревѣло глубоко и протяжно, и валъ за валомъ катился вдаль къ озаренному еще горизонту. Парусъ мелькалъ, то исчезая, то появляясь. Лодка лавировала, трудно побѣждая волны и медленно приближаясь къ острову. Часовому, который глядѣлъ на нее со стѣны форта, казалось, что сумерки и море съ грозной сознательностью торопятся покрыть это единственное суденышко мглою, гибелью, плескомъ своихъ пустынныхъ валовъ.

Въ стѣнкѣ форта вспыхнулъ огонекъ, другой, третій. Лодки уже не было видно, но рыбакъ могъ видѣть огни—нѣсколько трепетныхъ искръ надъ безпредѣльнымъ, взволнованнымъ океаномъ.

II.

— Стой! Кто идетъ?

Часовой со стѣны окликаетъ лодку и беретъ ее на прицѣлъ.

Но море страшнѣе этой угрозы. Рыбаку нельзя оставить руль, потому что волны мгновенно бросятъ лодку на камни... Къ тому же старыя испанскія ружья не очень мѣтки. Лодка осторожно, словно плавающая птица, выжидаетъ прибоя, поворачивается на самомъ гребнѣ волны и вдругъ опускаетъ парусъ... Прибоемъ ее кинуло впередъ, и киль скользнулъ по щебню въ маленькой бухтѣ.

— Кто идетъ? — опять громко кричитъ часовой, съ участіемъ слѣдившій за опасными эволюціями лодки.

— Братъ!—отвѣчаетъ рыбакъ,—отворите ворота ради святого Іосифа. Видишь, какая буря!

— Погоди, сейчасъ придетъ капралъ.

На стѣнѣ задвигались тѣни, потомъ открылась тяжелая дверь, мелькнулъ фонарь, послышались разговоры. Испанцы приняли рыбака. За стѣной, въ солдатской казармѣ, онъ найдетъ пріютъ и тепло на всю ночь. Хорошо будетъ вспоминать на покоѣ о сердитомъ грохотѣ океана и о грозной темнотѣ надъ бездной, гдѣ еще такъ недавно качалась его лодка.

Дверь захлопнулась, какъ будто фортъ заперся отъ моря, по которому, таинственно поблескивая вспышками фосфорической пѣны, набѣгалъ уже первый шквалъ широкою, во все море, грядою.

А въ окнѣ угловой башни неувѣренно свѣтилъ огонекъ, и лодка, введенная въ бухту, мѣрно качалась и тихо взвизгивала подъ ударами отраженной и разбитой, но все еще крѣпкой волны.

III.

Въ угловой башнѣ была келья испанской военной тюрьмы. На одно мгновеніе красный огонекъ, свѣтившій изъ ея окна, затмился, и за рѣшеткой силуэтомъ обрисовалась фигура человѣка. Кто-то посмотрѣлъ оттуда на темное море и отошелъ. Огонекъ опять заколебался красными отраженіями на верхушкахъ валовъ.

Это былъ Хуанъ-Марія-Хозе-Мигуэль-Діацъ, инсургентъ и флибустьеръ. Въ прошлое возстаніе испанцы взяли его въ плѣнъ и приговорили къ смерти, но затѣмъ, по прихоти чьего-то милосердія, онъ былъ помилованъ. Ему подарили жизнь, т.-е. привезли на этотъ островъ и посадили въ башню. Здѣсь съ него сняли оковы. Онѣ были не нужны: стѣны были изъ камня, въ окнѣ—толстая желѣзная рѣшетка, за окномъ—море. Его жизнь состояла въ томъ, что онъ могъ смотрѣть въ окно на далекій берегъ... И вспоминать... И, можетъ быть, еще—надѣяться.

Первое время, въ свѣтлые дни, когда солнце сверкало на верхушкахъ синихъ волнъ и выдвигало далекій берегъ, онъ подолгу смотрѣлъ туда, вглядываясь въ очертанія родныхъ горъ, въ выступавшія неясными извилинами ущелья, въ чуть замѣтныя пятнышки далекихъ деревень... Угадывалъ бухты, дороги, горныя тропинки, по которымъ, казалось ему, бродятъ легкія тѣни и среди нихъ одна, когда-то близкая ему... Онъ ждалъ, что въ горахъ опять засверкаютъ огоньки выстрѣловъ съ клубками дыма, что по волнамъ оттуда, съ дальняго берега, понесутся паруса съ роднымъ флагомъ возмущенья и свободы. Онъ готовился къ этому и терпѣливо, осторожно, настойчиво долбилъ камень около ржавой рѣшетки.

Но годы шли. На берегу все было спокойно, въ ущельяхъ лежала синяя мгла, отъ берега отдѣлялся лишь небольшой испанскій сторожевой катеръ, да мирныя рыбачьи суда сновали по морю, какъ морскія чайки за добычей...

Понемногу все прошлое становилось для него, какъ сонъ. Какъ во снѣ, дремалъ въ золотистомъ туманѣ усмирившійся берегъ, и во снѣ же бродили по немъ призрачныя тѣни давно прошедшаго... А когда отъ берега отдѣлялся дымокъ и, разрѣзая волны, бѣжалъ военный катеръ,—онъ зналъ: это везутъ на островъ новую смѣну тюремщиковъ и стражи...

И еще годы прошли въ этой летаргіи. Хуанъ-Марія-Мигуэль-Хозе-Діацъ успокоился и сталъ забывать даже свои сны. Даже на дальній берегъ онъ смотрѣлъ уже съ тупымъ равнодушіемъ и давно уже пересталъ долбить рѣшетку... Къ чему?..

Только когда поднимался восточный вѣтеръ, особенно сильный въ этихъ мѣстахъ, и волны начинали шевелить камнями на откосѣ маленькаго острова,—въ глубинѣ его души, какъ эти камни на днѣ моря, начинала глухо шевелиться тоска, неясная и тупая. Отъ затянутаго мглою берега, казалось ему, опять отдѣляются какія-то тѣни и несутся надъ морскими валами, и кричатъ о чемъ-то громко, торопливо, жалобно, тревожно... Онъ зналъ, что это кричитъ только море, но не могъ не прислушиваться невольно къ этимъ крикамъ... И въ глубинѣ его души поднималось тяжелое, темное волненіе.

Въ его каморкѣ отъ угла къ углу, по діагонали, была обозначена въ каменномъ полу углубленная дорожка. Это онъ вытоптalъ босыми ногами камень, бѣгая въ бурныя ночи по своей клѣткѣ. Порой въ такія ночи онъ опять царапалъ стѣну около рѣшетки. Но въ первое же утро, когда море, успокоившись, ласково лизало каменные уступы острова, онъ также успокаивался и забывалъ минуты изступленія...

Онъ зналъ, что его держитъ здѣсь не рѣшетка... Его держало это коварное, то сердитое, то ласковое море, и еще... сонное спокойствіе отдаленнаго берега, лѣниво и тупо дремавшаго въ своихъ туманахъ...

IV.

Такъ прошли еще годы, которые казались уже днями. Время сна не существуетъ для сознанья, а его жизнь уже вся была сномъ, тупымъ, тяжелымъ и безслѣднымъ.

Однако, съ нѣкоторыхъ поръ въ этомъ снѣ опять начинали мелькать странныя видѣнія. Въ очень свѣтлые дни на берегу поднимался дымъ костровъ или пожаровъ. Въ фортѣ происходило необычайное движеніе: испанцы принялись чинить старыя стѣны; изъяны, образовавшіеся въ годы безмятежной тишины, торопливо задѣлывались; чаще прежняго мелькали между берегомъ и островомъ паровые баркасы съ военнымъ испанскимъ флагомъ. Раза два, точно грузныя спины морскихъ чудовищъ, тяжело проползли мониторы съ башенками надъ самой водой. Діацъ смотрѣлъ на нихъ тусклымъ взглядомъ, въ которомъ порой пробивалось удивленіе. Одинъ разъ ему показалось даже, что въ ущельи и по уступамъ знакомой горы, въ этотъ день ярко освѣщенной солнцемъ, встаютъ бѣлые дымки отъ выстрѣловъ, маленькіе, какъ булавочныя головки, выплываютъ внезапно и ярко на темнозеленомъ фонѣ и тихо таютъ въ свѣтломъ воздухѣ. Одинъ разъ длинная черная полоса монитора продвинулась къ дальнему берегу, и нѣсколько короткихъ оборванныхъ ударовъ толкну-

лось съ моря въ его окно. Онъ схватился руками за рѣшетку и крѣпко затрясъ ее. Она звякнула и задрожала. Щебенка и мусоръ посыпались изъ гнѣздъ, гдѣ желѣзныя полосы были вдѣланы въ стѣны...

Но прошло еще нѣсколько дней... Берегъ опять затихъ и задремалъ; море было пусто, волны тихо, задумчиво накатывались одна на другую и, какъ будто отъ нечего дѣлать, хлопали въ каменный берегъ... И онъ подумалъ, что это опять былъ только сонъ...

Но въ этотъ день съ утра море начинало опять раздражать его. Нѣсколько валовъ уже перекатилось черезъ волнолом, отдѣляющій бухту, и слѣва было слышно, какъ камни лѣзутъ со дна на откосы берега... Къ вечеру въ четыреугольникѣ окна то и дѣло мелькали сверкающія брызги пѣны. Прибой заводилъ свою глубокую пѣсню, берегъ отвѣчалъ глубокими стонами и гуломъ.

Діацъ только повелъ плечами и рѣшилъ лечь пораньше. Пусть море говоритъ, что хочетъ; пусть какъ хочетъ выбирается изъ безпорядочной груды валовъ и эта запоздалая лодка, которую онъ замѣтилъ въ окно. Рабья лодка съ рабскаго берега... Ему нѣтъ дѣла ни до нея, ни до голосовъ моря.

Онъ легъ на свой матрацъ.

Когда сторожъ испанецъ въ обычный часъ принесъ фонарь и вставилъ его изъ корридора въ отверстіе надъ запертой дверью, то свѣтъ его озарилъ лежащую фигуру и блѣдное лицо съ закрытыми глазами. Казалось, Діацъ спалъ спокойно: только по временамъ брови его сжимались и по лицу проходило выраженіе тупого страданья, какъ будто въ глубинѣ усыпленнаго сознанія шевелилось что-то глухо и тяжко, какъ эти прибрежные камни въ морской глубинѣ...

Но вдругъ онъ сразу проснулся, точно кто назвалъ его по имени. Это шквалъ, перелетѣвъ цѣликомъ черезъ волнолом, ударилъ въ самую стѣну. За окномъ неслись въ темнотѣ бѣлые клочья фосфорической пѣны, и, даже когда грохотъ стихъ, камера была полна шипѣньемъ и свистомъ. Отголоски проникли за запертую дверь и понеслись по корридорамъ. Казалось, что-то сознательно грозное пролетѣло надъ островом и затихаетъ, и замираетъ вдали...

Діацъ сразу сталъ на ноги. Ему казалось, что онъ спалъ лишь нѣсколько секундъ, и онъ взглянулъ въ окно, ожидая еще увидѣть вдали бѣлый парусокъ лодки. Но въ окнѣ было черно, море бѣсновалось въ полной тьмѣ, и были слышны смѣшанные крики убѣгавшаго шквала.

Хотя такія бури бывали не часто, но все же онъ хорош

зналъ и этотъ грохотъ, и свистъ, и шипѣнье, и подземное дрожанье каменнаго берега. Но теперь, когда этотъ разнузданный гулъ сталъ убывать, подъ нимъ послышался еще какой-то новый звукъ, что-то тихое, ласковое и незнакомое...

Онъ кинулся къ окну и, опять ухватившись руками за рѣшетку, заглянулъ въ темноту. Море было безформенно и дико. Дальній берегъ весь былъ поглощенъ тяжелою мглою. Только на нѣсколько мгновеній между нимъ и тучей продвинулся красный, затуманенный мѣсяцъ. Далекіе, неувѣренные отблески безпорядочно заколебались на гребняхъ бѣшеныхъ валовъ и погасли... Остался только шумъ, могучій, дико-сознательный, суетливый и радостно зовущій...

Хозе-Марія-Мигуэль-Діацъ почувствовалъ, что все внутри его дрожитъ и волнуется, какъ море. Душа просыпается отъ долгаго сна, проясняется сознаніе, оживаютъ давно угасшія желанія... И вдругъ, онъ вспомнилъ ясно то, что видѣлъ на берегу нѣсколько дней назадъ... Вѣдь это былъ не сонъ! Какъ могъ онъ считать это сномъ? Это было движеніе, это были выстрѣлы... Это было возстаніе!..

Налетѣлъ еще шквалъ, опять пронеслись сверкающія брызги, и опять изъ-подъ шипѣнья и плеска послышался прежній звукъ, незнакомый и ласковый. Діацъ кинулся къ рѣшеткѣ и, въ порывѣ страннаго одушевленія, сильно затрясъ ее. Посыпались опять известь и щебенка, разъѣденныя солеными брызгами, упало нѣсколько камней, и рѣшетка свободно вынулась изъ амбразуры.

А подъ окномъ, въ бухтѣ, качалась и визжала лодка...

V.

На стѣнѣ въ это время смѣнился караулъ.

— Святой Іосифъ... Святая Марія! — пробормоталъ новый часовой и, покрывъ голову капюшономъ, скрылся за выступъ стѣны. По морю, во всю ширину, вставая и падая, поблескивая въ темнотѣ гребнями пѣны, летѣлъ новый шквалъ. Вѣтеръ, казалось, сходилъ съ ума, островъ впередъ уже вздрагивалъ и стоналъ. Со дна, какъ блѣдные призраки, лѣзли на откосы огромные камни, цѣлыми годами лежавшіе въ глубинѣ.

Шквалъ налетѣлъ какъ разъ въ ту минуту, когда Діацъ выскочилъ изъ окна. Его сразу залило водой, оглушило и сшибло съ ногъ... Нѣсколько секундъ онъ лежалъ безъ сознанія, съ однимъ ужасомъ въ душѣ, озябшій и несчастный, а надъ нимъ съ воемъ неслось что-то огромное, дикое, враждебное...

Когда грохотъ нѣсколько стихъ, онъ открылъ глаза. Но

небу неслись темныя тучи, безъ просвѣтовъ, безъ очертаній. Скорѣе чувствовалось, чѣмъ видѣлось движеніе этихъ громадъ, которыя все также неудержимо неслись на западъ. А вдалекѣ опять вставало что-то, невидимое, но грозное, и гудѣло угрюмо, зловѣще, непрерывно.

Только каменныя стѣны форта оставались неподвижными и спокойными среди общаго движенія. Въ темнотѣ можно было различить жерла пушекъ, выступившія изъ амбразуръ... Изъ дальней казармы въ промежутокъ сравнительнаго затишья донеслись звуки вечерней молитвы, барабанъ пробилъ послѣднюю зорю... Тамъ, за стѣнами, казалось, замкнулось спокойствіе. Огонекъ въ его башнѣ свѣтился ровнымъ, не мигающимъ свѣтомъ.

Діацъ поднялся и, точно прибитая собака, пошелъ къ этому огоньку... Нѣтъ, море обманчиво и ужасно. Онъ войдетъ въ свою тихую келью, наложитъ рѣшетку, ляжетъ въ своемъ углу на свой матрацъ и заснетъ тяжелымъ, но безопаснымъ сномъ неволи.

Надо будетъ только тщательно задѣлать рѣшетку, чтобы не замѣтилъ патруль... Могутъ еще подумать, что онъ хотѣлъ убѣжать въ эту бурную ночь... Нѣтъ, онъ не хочетъ бѣжать... На морѣ гибель...

Онъ схватился руками за карнизъ, поднялся къ окну и остановился...

Въ камерѣ было пусто и сравнительно тихо. Ровный желтоватый свѣтъ фонаря падалъ на стѣны, на вытоптанный полъ, на матрацъ, лежавшій въ углу... Надъ изголовьемъ, вырѣзанная глубоко въ камнѣ, виднѣлась надпись:

„Хуанъ-Марія-Хозе-Мигуэль-Діацъ, инсургентъ. Да здравствуетъ свобода!“

И всюду по стѣнамъ, крупныя и мелкія, глубокія и едва намѣченныя, мелькали тѣ же надписи:

„Хуанъ-Мигуэль-Діацъ... Мигуэль-Діацъ“... И—цифры...

Сначала онъ отмѣчалъ время днями, недѣлями, потомъ мѣсяцами... „Матерь Божія, уже два года“... „Три года... Господи, сохрани мой разумъ... Діацъ... Діацъ“...

Десятый годъ отмѣченъ просто цифрой, безъ восклицаній... Далѣе счетъ прекращался... Только имя продолжало мелькать, вырѣзанное слабѣющей и лѣнивой рукой... И на все это безстрастно и ровно падалъ желтоватый свѣтъ фонаря...

И вдругъ Діацу представилось, что на его постели лежитъ человѣкъ и спитъ тяжелымъ сномъ. Грудь подымается тихо, съ тупымъ спокойствіемъ... Это онъ? Тотъ Діацъ, который вошелъ сюда полнымъ силъ и любви къ жизни и свободѣ?..

Новый шквалъ съ воемъ и грохотомъ налсталъ на островъ... Діацъ отпустилъ руки и опять спрыгнулъ на берегъ. Шквалъ пронесся и сталъ затихать... Ровный огонекъ опять свѣтилъ изъ окна въ темноту.

VI.

Часовой на стѣнѣ, повернувшись спиной къ вѣтру и охвативъ руками ружье, чтобъ его не вырвало ураганомъ, читалъ про себя молитвы, прислушиваясь къ адскому грохоту моря и неистовому свисту вѣтра. Небо еще потемнѣло; казалось, весь міръ поглотила уже эта безформенная тьма, охватившая одинаково и тучи, и воздухъ, и море. Лишь по временамъ среди шума, грохота, плеска съ пугающей внезапностью обозначались бѣлые гребни, и волна кидалась на островъ, далеко отбрасывая брызги черезъ низкія стѣны.

Прочитавъ всѣ, какія зналъ, молитвы, часовой повернулся къ морю и замеръ въ удивленіи. Вдоль бухты, среди сравнительнаго затишья, чуть замѣтная въ темнотѣ, двигалась лодка, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ, уже не защищенное отъ вѣтра, море кипѣло и металось во мракѣ. Внезапно бѣлый парусъ взвился и надулся вѣтромъ. Лодка качнулась, поднялась и исчезла...

Въ это мгновеніе Діацъ взглянулъ назадъ, и ему показалось, что темный островокъ колыхнулся и упалъ въ бездну, вмѣстѣ съ ровнымъ огонькомъ, который до этого мгновенія слѣдилъ за нимъ своимъ мертвымъ свѣтомъ. Впереди были только хаосъ и буря. Кипучій восторгъ переполнилъ его застывшую душу. Онъ крѣпче сжалъ руль, натянулъ парусъ и громко крикнулъ... Это былъ крикъ неудержимой радости, безграничнаго восторга, пробудившейся и сознавшей себя жизни... Сзади раздался заглушенный ружейный выстрѣлъ, потомъ гулъ пушечнаго выстрѣла понесся вдаль, разорванный и разметанный ураганомъ. Сбоку набѣгалъ шквалъ, подхватывая лодку... Она поднималась, поднималась... казалось, цѣлую вѣчность... Хозе-Марія-Мигуэль-Діацъ съ сжатыми бровями, твердымъ взглядомъ глядѣлъ только впередъ, и тотъ же восторгъ переполнялъ его грудь... Онъ зналъ, что онъ свободенъ, что никто въ цѣломъ мірѣ теперь не сравняется съ нимъ, потому что всѣ хотятъ жизни... А онъ... Онъ хочетъ только свободы.

Лодка встала на самой вершинѣ вала, дрогнула, колыхнулась и начала опускаться... Со стѣны ее видѣли въ послѣдній разъ... Но еще долго маленькій фортъ посылалъ съ промежутками выстрѣлъ за выстрѣломъ бушующему морю..

VII.

А на утро солнце опять взошло въ ясной синевѣ. Послѣдніе клочки тучъ безпорядочно неслись еще по небу; море стихало, колыхаясь и, какъ будто, стыдясь своего ночного разгула... Синія, тяжелыя волны все тише бились о камни, сверкая на солнцѣ яркими, веселыми брызгами.

Дальній берегъ, освѣженный и омытый грозой, рисовался въ прозрачномъ воздухѣ. Всюду смѣялась жизнь, проснувшаяся послѣ бурной ночи.

Небольшой пароходъ крейсировалъ вдоль берега, разстилая по волнамъ длинный хвостъ бураго дыма. Кучка испанцевъ слѣдила за нимъ со стѣны форта.

— Навѣрное, погибъ, — сказалъ одинъ...—Это было чистое безуміе... Какъ вы думаете, донъ-Фернандо?

Молодой офицеръ повернулъ къ говорившему задумчивое лицо.

— Да, вѣроятно, погибъ,—сказалъ онъ. — А можетъ быть, смотритъ на свою тюрьму съ этихъ горъ. Во всякомъ случаѣ, море дало ему нѣсколько мгновеній свободы. А кто знаетъ, не стоитъ ли одинъ мигъ настоящей жизни цѣлыхъ годовъ прозябанья!..

— Однако, что это тамъ?—Посмотрите...—И офицеръ указалъ на южную оконечность гористаго берега. На одномъ изъ крайнихъ мысовъ, занятыхъ лагеремъ инсургентовъ, въ синѣющей полосѣ замелькали кучками бѣлыя вспышки дыма. Звука не было слышно, только суетливые дымки появлялись и гасли, странно оживляя пустынныя ущелья. Съ моря въ отвѣтъ отрывисто грянулъ пушечный выстрѣлъ, и, когда дымъ весь легъ на сверкающія искрами волны,—все опять стихло. И берегъ, и море молчали...

Офицеры переглянулись... Что значило это непонятное оживленіе на позиціяхъ возставшихъ туземцевъ?.. Отвѣтъ ли это на вопросъ объ участи бѣглеца?.. Или просто случайная перестрѣлка внезапной тревоги?..

Отвѣта не было...

Сверкающія волны загадочно смѣялись, набѣгая на берегъ и звонко разбиваясь о камни...

„НЕОБХОДИМОСТЬ“.

(Восточная сказка).

I.

Однажды, когда три добрыхъ старца—Улайя, Дарну и Пурана—сидѣли у порога общаго жилища, къ нимъ подошелъ юный Кассапа, сынъ раджи Личави, и сѣлъ на заваленкѣ, не говоря ни одного слова. Щеки этого юноши были блѣдны, глаза потеряли блескъ молодости, и въ нихъ сквозило уныніе.

Старцы переглянулись между собою, и добрый Улайя сказалъ:

— Послушай, Кассапа, открой намъ, тремъ старцамъ, желающимъ тебѣ добра, что угнетаетъ съ нѣкоторыхъ поръ твою душу. Судьба съ колыбели окружила тебя своими дарами, а ты смотришь такъ же уныло, какъ послѣдній изъ рабовъ твоего отца, бѣдный Джевака, который еще вчера испыталъ на себѣ тяжесть руки вашего домоправителя...

— Бѣдный Джевака показывалъ намъ рубцы на своей спинѣ,—сказалъ суровый Дарну, а благодушный Пурана прибавилъ:

— И мы еще хотѣли обратить твое вниманіе, добрый Кассапа...

Но юноша не далъ ему договорить. Онъ вскочилъ со своего мѣста и сказалъ съ нетерпѣніемъ, какого прежде въ немъ не замѣчали:

— Замолчите, благодушные старцы, съ вашими лукавыми упреками! Вы полагаете, очевидно, что я обязанъ отвѣтить вамъ за каждый рубецъ на спинѣ раба Джеваки, нанесенный домоправителемъ. А я сильно сомнѣваюсь, обязанъ ли я отвѣчать даже за свои собственные поступки.

Старцы опять переглянулись, и Улайя сказалъ:

— Продолжай, сынъ мой, если тебѣ угодно.

— Угодно?—перебилъ юноша съ горькимъ смѣхомъ.—Въ

томъ-то и дѣло, что я не знаю, угодно ли мнѣ что-нибудь или нѣтъ. И мнѣ ли угодно то, что я хочу, или это хочетъ кто-то другой за меня.

Онъ замолчалъ. Было совсѣмъ тихо, только вѣтеръ шевельнулъ верхушку дерева, и одинъ листокъ упалъ къ ногамъ Пураны. Пока Кассапа слѣдилъ за нимъ унылымъ взоромъ, отъ разогрѣтой солнцемъ скалы оторвался камень и скатился внизъ, къ берегу ручья, гдѣ въ это время отдыхала большая ящерица... Каждый день въ этотъ часъ она выползала сюда и, приподнявшись на переднія лапы, закрывъ вѣками выпуклые глаза,—казалось, слушала мудрую бесѣду старцевъ. Можно было подумать, что въ зеленомъ тѣлѣ была заключена душа какого-нибудь мудраго брамина. На этотъ разъ камень освободилъ эту душу изъ ея зеленой оболочки для новыхъ превращеній...

Горькая усмѣшка прошла по лицу Кассапы.

— Ну вотъ, благодушные старцы, — сказалъ онъ,—спросите у этого листка, угодно ли было ему сорваться съ вѣтки, или у камня—по своей ли волѣ онъ отдѣлился отъ скалы, или у ящерицы—угодно ли ей было очутиться подъ камнемъ? Время назрѣло, листокъ упалъ, ящерица не услышитъ больше вашихъ бесѣдъ. Вотъ все, что мы знаемъ, и иначе быть не могло. Или вы скажете, что это должно и могло быть иначе, чѣмъ было?

— Не могло,—отвѣтили старцы.—Что было, то должно было быть въ общей связи событій.

— Вы сказали. Ну вотъ, и рубцы на спинѣ Джеваки должны были быть въ общей связи событій, и каждый изъ нихъ начертанъ отъ вѣка въ книгѣ необходимости. А вы хотите, чтобы я—такой же камень, такая же ящерица, такой же листокъ на общемъ стволѣ жизни, такая же вотъ ничтожная струйка въ этомъ ручьѣ, увлекаемомъ невѣдомою силою отъ истока къ устью... Вы хотите, чтобы я боролся съ силой потока, который несетъ и меня самого...

Онъ толкнулъ ногою окровавленный камень, который упалъ въ воду, и опять опустился на заваленку, рядомъ съ добрыми старцами. И глаза Кассапы опять стали тусклы и печальны.

Старецъ Дарну молчалъ, старецъ Пурана покачалъ головою; только веселый Улайя засмѣялся и сказалъ:

— Въ книгѣ необходимости, очевидно, начертано также, чтобы я разсказалъ тебѣ, Кассапа, что случилось нѣкогда съ двумя старцами Дарну и Пураной, которыхъ ты видишь передъ собою... И въ той же книгѣ начертано, чтобы ты выслушалъ эту исторію.

И онъ разсказалъ о своихъ товарищахъ слѣдующую странную исторію, которую тѣ слушали съ улыбкой, ничего не подтверждая и не отрицая.

II.

Въ странѣ,—говорилъ онъ,—гдѣ цвѣтетъ лотосъ и священная рѣка катитъ свои воды,—не было браминовъ, болѣе мудрыхъ, чѣмъ Дарну и Пурана. Никто не изучилъ шастры лучше, и никто не погружался глубже въ древнюю мудрость ведъ. Но, когда оба достигли предѣловъ жизненнаго лѣта, и вьюга близкой зимы коснулась ихъ волосъ своими снѣжинками,—оба все еще были недовольны собою. Годы уходили, могила становилась все ближе, а истина, казалось, уходила все дальше...

Тогда оба, зная, что отдалить могилу невозможно, рѣшили приблизить къ себѣ истину. Дарну первый надѣлъ одежды странника, привѣсилъ къ поясу тыкву съ водой, взялъ въ руки посохъ и отправился въ путь. Послѣ двухъ лѣтъ трудныхъ скитаній онъ пришелъ къ подножію высокой горы и на одномъ изъ ея уступовъ, на высотѣ, гдѣ свободно ночуютъ облака, увидѣлъ развалины храма. Невдалекѣ отъ дороги, на лугу, пастухи сторожили стада, и Дарну обратился къ нимъ съ вопросомъ: что это былъ за храмъ, какіе люди и какому богу приносили здѣсь жертвы?

Но пастухи только глядѣли на гору и на спрашивавшаго Дарну, не зная, что отвѣтить страннику. Наконецъ, они сказали:

— Мы, жители долинъ, не знаемъ, что отвѣтить тебѣ. Но у насъ есть старый пастухъ Анируджа, который издавна пасъ свои стада на этихъ возвышенностяхъ. Можетъ быть, онъ знаетъ.

И они позвали этого старика.

— Я тоже не могу сказать тебѣ,—сказалъ онъ,—какіе именно люди, и въ какое время, и какому богу приносили тамъ свои жертвы. Но мой отецъ слышалъ отъ моего дѣда и передавалъ мнѣ, будто прадѣдъ мой разсказывалъ, что по склонамъ этихъ горъ жило когда-то племя мудрецовъ, которые всѣ погибли съ тѣхъ поръ, какъ воздвигли этотъ храмъ. А звали этого бога—„Необходимость“...

— Необходимость?—съ живостью воскликнулъ Дарну.—А не знаешь ли ты, добрый отецъ, какой видъ имѣло это божество и не живетъ ли оно еще въ этомъ храмѣ?

— Мы люди простые,—отвѣтилъ опять старикъ,—и намъ трудно отвѣтить на твои мудрые вопросы. Въ молодости,—а

это было очень давно,—я пасъ стада на этихъ склонахъ. Въ то время тамъ стоялъ еще идолъ изъ чернаго блестящаго камня. Изрѣдка, когда по близости меня застигала гроза,— а грозы очень страшны въ этихъ ущельяхъ,—я загонялъ свое стадо подъ защиту стараго храма. Случалось нерѣдко, что туда же, дрожащая и испуганная, вбѣгала Ангапали, пастушка сосѣдняго горнаго склона. Я согрѣвалъ ее въ своихъ объятіяхъ, а старый богъ глядѣлъ на насъ, странно улыбаясь. Но онъ никогда не дѣлалъ намъ никакого зла, можетъ быть, потому, что Ангапали убирала его всякій разъ цвѣтами. Говорятъ, однако...

И пастухъ остановился, глядя съ сомнѣніемъ на Дарну и какъ будто стыдясь продолжать разсказъ при немъ.

— Что же говорятъ? Доскажи, добрый человѣкъ, до конца,— попросилъ мудрецъ.

— Говорятъ, будто не всѣ поклонники стараго бога погибли... Иные изъ нихъ разбрелись по свѣту... И вотъ иногда, правда, рѣдко, они приходятъ сюда, спрашиваютъ, какъ и ты, дорогу къ храму и идутъ туда вопрошать стараго бога. Такихъ онъ обращаетъ въ камень. Въ храмѣ старикамъ случалось видѣть какіе-то столбы или изваянія, имѣвшіе подобіе сидящаго человѣка, обильно повитыя повиликой и другими вьющимися растеніями. На нѣкоторыхъ птицы вили свои гнѣзда. Потомъ они постепенно превращались въ прахъ.

Дарну глубоко задумался надъ разсказомъ. Не теперь ли, думалось ему, я близокъ къ цѣли? Ибо извѣстно, что „кто, подобно слѣпому, не видитъ, подобно глухому, не слышитъ, подобно древу, безчувственъ и недвижимъ, о томъ знай, что онъ достигъ покоя и познанія“.

И онъ обратился къ пастуху:

— Другъ мой, укажи мнѣ дорогу къ храму.

Пастухъ исполнилъ его просьбу, и, когда Дарну сталъ бодро подниматься по заросшей тропѣ,—онъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ мудрецу и сказалъ, наконецъ, обращаясь къ своимъ молодымъ товарищамъ:

— Назовите меня не старѣйшимъ изъ пастуховъ, а самымъ юнымъ изъ сосущихъ еще барановъ, если старый богъ не получитъ скоро новой жертвы. Надѣньте на меня ярмо, какъ на быка, или навьючьте меня, какъ осла, разными тяжестями, если въ старомъ храмѣ не прибавится новаго каменнаго болвана!..

Пастухи съ почтеніемъ выслушали старца и разбрелись по пастбищамъ. И онять въ долинѣ мирно паслись стада, пахарь ходилъ за своимъ плугомъ, свѣтило солнце, спускались

ночи, и люди предавались своимъ заботамъ, не думая больше о мудромъ Дарну. Но черезъ малое время,—нѣсколько дней или больше,—новый странникъ стоялъ у подножія горы и опять спрашивалъ о храмѣ. Когда же и онъ, воспользовавшись указаніемъ пастуха, сталъ весело подыматься на гору, то старикъ покачалъ головой и сказалъ:

— Вотъ и другой.

Это былъ Пурана, который шелъ по слѣдамъ мудраго Дарну, думая про себя:

— Пусть не скажутъ, что Дарну нашелъ истину, которой не могъ отыскать Пурана.

III.

Дарну поднялся на гору,

Путь былъ труденъ. Видно было, что нога человѣка рѣдко ступала по заросшимъ тропамъ, но Дарну бодро преодолѣвалъ всѣ препятствія и, наконецъ, подошелъ къ полуразвалившимся воротамъ, надъ которыми виднѣлась древняя надпись: „Я Необходимость, владычица всѣхъ движеній“... На стѣнахъ не было другихъ изваяній или украшеній, кромѣ обломковъ какихъ-то цифръ и таинственныхъ вычисленій...

Дарну вошелъ въ святилище. Отъ старыхъ стѣнъ вѣяло покоемъ разрушенія и смерти. Но и самое разрушеніе, казалось, уже застыло, оставивъ въ покоѣ самые изломы стѣнъ, насчитывавшихъ многія столѣтія. Въ одной стѣнѣ была обширная ниша; нѣсколько ступеней вели къ алтарю, на которомъ стоялъ идолъ изъ чернаго блестящаго камня и странно улыбался, глядя на картину запустѣнія. А внизу пробивался ручей, наполнившій чуткую тишину шопотомъ своихъ струекъ; нѣсколько пальмъ питали свои корни его влагой и тянулись къ синему небу, свободно глядѣвшему черезъ разрушенную крышу...

Дарну невольно поддался странному очарованію этого мѣста и рѣшилъ вопросить таинственное божество, вѣяніемъ котораго, казалось, былъ еще полонъ разрушенный храмъ. Зачерпнувъ воды изъ холоднаго ручья и поднявъ нѣсколько плодовъ, которые обильно роняла съ своей вершины старая смоковница, мудрецъ началъ свои приготовленія по всѣмъ правиламъ, начертаннымъ въ книгахъ созерцанія. Прежде всего онъ сѣлъ противъ идола, поджавши ноги, и долго глядѣлъ на него, стараясь запечатлѣть въ умѣ его образъ. Потомъ, обнаживъ свой животъ, устремилъ взоры на то мѣсто, гдѣ нѣкогда его, еще не рожденнаго, пуповина связывала съ утробой матери. Ибо извѣстно, что между бытіемъ и небытіемъ

вмѣщается все познаваемое, и отсюда должны возникать откровенія созерцаній...

Въ такомъ положеніи засталъ его закатъ перваго дня и восходъ второго. Потомъ знойный полдень еще нѣсколько разъ смѣнялся прохладой вечера, и тѣни ночи уступали свое мѣсто солнечному свѣту,—а Дарну все сидѣлъ въ томъ же положеніи, лишь изрѣдка протягивая тыкву за водой или безсознательно поднимая плодъ. Глаза мудреца потускли и остолбенѣли, члены отекли. Сначала онъ чувствовалъ неудобства неподвижности и боль. Потомъ эти ощущенія ушли куда-то въ глубину безсознательнаго, а передъ застывшимъ взоромъ мудреца иной міръ, міръ созерцанія сталъ развертывать свои странные видѣнія и образы. Они уже не имѣли никакого отношенія къ тому, что испытывалъ созерцающій мудрецъ. Они были безкорыстны, безотносительны, довлѣли только себѣ, и, значитъ, въ нихъ готовилась открыться истина...

Трудно сказать, сколько времени прошло такимъ образомъ. Вода въ тыквѣ уже высохла, пальма тихо шевелила листвой, рдѣющіе плоды срывались и падали у самыхъ ногъ мудреца, но онъ оставлялъ ихъ лежать на землѣ. Онъ уже почти освободился отъ жажды и голода. Его уже не грѣло полуденное солнце и не охлаждала свѣжесть ночи. Наконецъ, онъ пересталъ отличать дневной свѣтъ отъ ночного мрака.

Тогда передъ внутреннимъ взоромъ Дарну явилось давно ожидаемое откровеніе. Изъ его живота сталъ расти зеленый стволъ бамбука и завершился узломъ, какъ обыкновенный тростникъ. Изъ узла выросло слѣдующее колѣно и такъ, поднимаясь кверху, стволъ выросталъ до пятидесятаго колѣна, что соотвѣтствовало числу лѣтъ мудреца. На самой верхушкѣ, вмѣсто листа и соцвѣтія, возсѣло нѣчто, имѣвшее образъ идола, стоявшаго въ храмѣ. И это нѣчто смотрѣло на Дарну съ злою насмѣшкой.

— Бѣдный Дарну, — сказало оно, наконецъ. — Зачѣмъ, съ такимъ трудомъ, пришелъ ты сюда? Что тебѣ нужно, бѣдный Дарну?

— Я ищу истину,—отвѣтилъ мудрецъ.

— Такъ смотри на меня, я то — что ты искалъ. Но я вижу, что взору твоему я непріятно и противно.

— Ты непонятно,—сказалъ опять Дарну.

— Слушай, Дарну. Ты видишь пятьдесятъ колѣнъ тростника.

— Пятьдесятъ колѣнъ тростника—мои годы,—сказалъ мудрецъ.

— А я возсѣдаю на ихъ вершинѣ, потому что я „Необходимость“, владычица всякихъ движеній. Всѣ творенія, всѣ

дыханія, все существующее, все живущее—немощно, безсильно, безвластно; подъ вліяніемъ необходимости достигаетъ оно цѣли своего бытія, которое есть смерть. Это я управляла всѣми 50 колѣнами твоей жизни отъ колыбели до настоящаго мгновенія. Ты не сдѣлалъ ничего во всю твою жизнь: ни одного добраго и ни одного злого дѣла... Ты не подалъ ни одной ленты нищему въ порывѣ сожалѣнія, не нанесъ ни одного удара въ злобѣ своего сердца... ты не выростилъ ни одной розы въ монастырскомъ саду и не срубилъ ни одного дерева въ рощѣ... ты не вскормилъ ни одного животнаго и не убилъ ни одного комара, сосущаго твою кровь... Ты не сдѣлалъ ни одного движенія во всю твою жизнь, которое не было бы впередъ разсчитано мною... Потому что я—Необходимость... Ты гордился своими поступками или погружался въ глубокое раскаяніе о своемъ грѣхѣ. Твое сердце трепетало отъ любви или отъ злобы, а я—я смѣялась надъ тобою, потому что я—Необходимость, и все было предписано мною. Когда ты выходилъ на площадь, чтобы учить такихъ же глупцовъ, что они должны дѣлать и чего избѣгать,—я смѣялась и говорила себѣ: вотъ сейчасъ мудрецъ Дарну провозгласитъ свою мудрость наивнымъ глупцамъ и подѣлится своею святостію съ грѣшниками. И это не потому, что Дарну мудръ и святъ, а потому что я, „Необходимость“, подобна потоку, а Дарну подобенъ листу, который увлекается потокомъ. Бѣдный Дарну, ты думалъ, что тебя привело сюда исканіе истины... А между тѣмъ, на этихъ стѣнахъ среди моихъ вычисленій записанъ день и часъ, когда ты долженъ былъ переступить этотъ порогъ. Потому что я—Необходимость... Бѣдный мудрецъ!

— Ты мнѣ противна,—сказалъ мудрецъ съ отвращеніемъ.

— Знаю. Потому что ты считалъ себя свободнымъ, а я—Необходимость, владычица твоихъ движеній.

Тогда Дарну разсердился, схватилъ всѣ 50 колѣнъ тростника, изломалъ ихъ и отбросилъ далеко отъ себя.—Такъ,—сказалъ онъ,—поступаю я со всѣми 50 колѣнами своей жизни, потому что всѣ 50 лѣтъ я былъ лишь игралищемъ Необходимости. Теперь я освобождаюсь, потому что я узналъ ее, и хочу скинуть ея ярмо.

Но Необходимость, невидимая во мракѣ, окружавшемъ тусклые взоры мудреца, засмѣялась и сказала опять:

— Нѣтъ, бѣдный Дарну, ты всетаки мой, потому что я—Необходимость.

Тогда Дарну съ трудомъ открылъ глаза и сразу почувствовалъ, что ноги у него отекли и болятъ. Онъ хотѣлъ подняться, но тотчасъ же опять опустился. Потому что теперь смыслъ

всѣхъ надписей въ храмѣ сталъ для него ясенъ, и стали ясны всѣ вычисленія. И какъ только онъ захотѣлъ расправить свои члены, онъ увидѣлъ, что его желаніе уже записано на стѣнѣ.

И ему послышался, какъ бы изъ другого міра, голосъ Необходимости:

— Ну, что же, подымись, бѣдный Дарну, вѣдь у тебя отекли члены. Ты видишь: 999998 изъ тьмы твоихъ братьевъ дѣлаютъ это. Это—*необходимо*.

Дарну съ досадой остался въ прежнемъ положеніи, которое теперь причиняло ему еще болѣе страданія. Но онъ сказалъ себѣ: я буду тѣмъ однимъ изъ тьмы, который не подчинится необходимости, потому что я—свободенъ.

Между тѣмъ солнце поднялось на средину неба и, заглянувъ въ отверстіе кровли, стало сильно жарить его плохо защищенное тѣло. Дарну протянулъ руку къ своей тыквѣ.

Но тотчасъ же онъ увидѣлъ, что и это записано на стѣнѣ въ числѣ 999998, а Необходимость опять сказала:

— Бѣдный мудрецъ, тебѣ *необходимо* напиться.

И Дарну оставилъ тыкву на мѣстѣ, сказавъ:

— Не стану пить, потому что я свободенъ.

Кто-то опять засмѣялся въ отдаленномъ углу храма, а въ это время одинъ изъ плодовъ на смоковницѣ отяжелѣлъ и упалъ у самой руки мудреца. И тотчасъ же на стѣнѣ измѣнилась одна цифра... Дарну понялъ, что это — новое покушеніе Необходимости на его внутреннюю свободу.

— Не стану ѣсть,—сказалъ онъ,—потому что я свободенъ.

И опять кто-то засмѣялся въ глубинѣ храма, а въ журчаніи ручья ему послышалось:

— Бѣдный Дарну!

Мудрецъ окончательно разсердился. Онъ оставался недвижимъ, не глядя на плоды, отъ времени до времени срывавшіеся съ вѣтокъ, не слушая соблазнительнаго журчанія воды, и все только твердилъ про себя одно слово: я свободенъ, свободенъ, свободенъ! И чтобы плодъ какъ-нибудь, вопреки его свободѣ, не попалъ ему въ ротъ, онъ сжалъ его и крѣпко стиснулъ зубы.

Такъ онъ сидѣлъ долго, освободившись отъ голода и жажды и стараясь распространить на всѣ четыре страны свѣта увѣренность въ своей внутренней свободѣ. Онъ исхудалъ, онъ высохъ, онъ одеревенѣлъ, онъ потерялъ мѣру времени и пространства, онъ не различалъ дня и ночи и все твердилъ про себя, что онъ свободенъ. По истеченіи нѣкотораго времени птицы, свыкшіяся съ его неподвижностью, прилетали и сади-

лись на него, а потомъ пара дикихъ горлицъ устроили себѣ гнѣздо на головѣ свободнаго мудреца и беззаботно вывели дѣтей въ складкахъ его тюрбана.

— „О, глупыя птицы!—думалъ мудрый Дарну, когда сначала воркованіе супруговъ, а потомъ писк птенцовъ достигали до его сознанія...—Все это онѣ дѣлаютъ потому, что не свободны и подчиняются законамъ необходимости". И даже, когда плечи его стали покрываться налетомъ птичьяго помета,—онъ опять говорилъ себѣ:

— Глупыя! И *это* тоже онѣ дѣлаютъ потому, что не свободны.

Себя же онъ почиталъ свободнымъ въ высочайшей степени и даже близкимъ къ богамъ.

Снизу, изъ почвы, потянулись тонкіе стебельки ползучихъ растеній и стали обвивать его неподвижные члены...

IV.

Разъ только мудрый Дарну былъ отчасти выведенъ изъ полной безсознательности и даже ощутилъ гдѣ-то въ отдаленномъ уголкѣ души чувство легкаго изумленія.

Это было вызвано появленіемъ мудреца Пураны.

Мудрецъ Пурана, точь въ точь какъ и Дарну, подошелъ къ храму, прочиталъ надпись надъ входомъ и, войдя внутрь, сталъ разсматривать начертанія на стѣнахъ. Мудрецъ Пурана мало походилъ на своего суроваго товарища. Онъ былъ благодушенъ и круглолицъ. Средина его туловища представляла округленности, пріятныя для взгляда, глаза свѣтились, а губы улыбались. Въ своей мудрости онъ никогда не былъ строптивъ, какъ Дарну, и искалъ скорѣе блаженнаго покоя, чѣмъ свободы.

Обойдя храмъ, онъ подошелъ къ нишѣ, поклонился божеству и, увидѣвъ ручей и смоковницу, сказалъ:

— Вотъ божество съ пріятной улыбкой, а вотъ ручей сладкой воды и смоковница. Что еще нужно человѣку для пріятнаго созерцанія? А вотъ и Дарну. Онъ уже блаженъ до такой степени, что птицы вьютъ на немъ свои гнѣзда...

Видъ мудраго товарища былъ не особенно радостенъ, но Пурана, съ благоговѣніемъ поглядѣвъ на него, сказалъ себѣ:

— Безъ сомнѣнія, онъ блаженъ; но онъ всегда прибѣгалъ къ слишкомъ суровымъ способамъ созерцанія. Я же воздержусь отъ высшихъ степеней блаженства и надѣюсь разсказать землякамъ то, что увижу на ступеняхъ низшихъ.

И затѣмъ, обильно насладившись питьемъ и самыми сочными плодами, онъ усѣлся поудобнѣе, невдалекѣ отъ Дарну,

и тоже приступилъ къ пріемамъ созерцанія, согласно правиламъ: то есть обнаживъ животъ и устремивъ взглядъ на то же мѣсто, какъ и первый мудрецъ.

Такъ проходило время, медленнѣе чѣмъ у Дарну, потому что благодушный Пурана нерѣдко прерывалъ созерцаніе, чтобы освѣжиться водой и сочными плодами. Но, наконецъ, изъ чрева второго мудреца тоже поднялся стволъ бамбука и тоже завершился 50 колѣнами, соотвѣтствовавшими годамъ его жизни. На вершинѣ опять возсѣла „Необходимость“, но ему, въ туманѣ полубытія, казалось, что она пріятно улыбается, и онъ отвѣчалъ ей не менѣе пріятными улыбками.

— Кто ты, о, пріятное божество?—спросилъ онъ.

— Я—Необходимость, управлявшая всѣми 50 колѣнами твоей жизни... Все, что ты дѣлалъ, дѣлалъ не ты, а я, ибо ты не болѣе, какъ листокъ, уносимый потокомъ, а я владычица всѣхъ движеній.

— Будь же благословенна, — сказалъ Пурана, — я вижу, что не даромъ пришелъ къ тебѣ. Продолжай и на будущее время исполнять свое дѣло за себя и за меня, а я въ пріятномъ созерцаніи буду наблюдать за тобою.

И онъ погрузился въ дремоту, съ блаженною улыбкою на устахъ. Такъ продолжалъ онъ свое пріятное созерцаніе, отъ времени до времени протягивая тыкву къ водѣ или подымая плодъ, упадавшій къ ногамъ. Но каждый разъ онъ дѣлалъ это съ меньшимъ удовольствіемъ, такъ какъ созерцательная дремота одолѣвала его все сильнѣе, а ближайшіе плоды были уже съѣдены, и чтобы достать ихъ съ дерева, нужно было дѣлать усилія.

Наконецъ, однажды, онъ сказалъ себѣ:

— Я суетный человѣкъ, слишкомъ удалившійся отъ истины, и потому предаюсь суетнымъ заботамъ. Не оттого ли доброе божество не торопится со своими откровеніями? Вотъ передо мною на деревѣ зрѣлый плодъ, а мой желудокъ пустъ... Но развѣ законъ необходимости не гласитъ: гдѣ есть голодный желудокъ и гдѣ есть плодъ,—послѣдній необходимо влечется къ желудку... Итакъ, о, добрая необходимость, я отдаюсь твоей власти... Не въ этомъ ли высшее блаженство?

И вотъ, онъ погрузился уже въ полное созерцаніе, какъ и Дарну, и сталъ ждать, пока необходимость осуществитъ себя сама. А чтобы нѣсколько облегчить ей задачу, онъ раскрылъ свой ротъ по направленію къ смоковницѣ...

Онъ ждалъ день, другой и третій... Постепенно улыбка застывала на его лицѣ, тѣло исхудало, исчезла пріятная округлость стана, жиръ подъ его кожей истощился и изъ-подъ нея

выступили сухожилія. Когда, наконецъ, время плода приспѣло и онъ упалъ, ударивъ Пурану по носу,—то мудрецъ уже не слышалъ паденія и не ощутилъ удара... Другая пара горлицъ свила гнѣздо въ складкахъ его тюрбана, въ гнѣздѣ скоро защебетали птенцы, и плечи Пураны обильно покрылись птичьимъ пометомъ. Когда же буйная поросль перекинулась также на него, то вскорѣ нельзя уже было отличить Пурану отъ его товарища строптиваго мудреца, боровшагося съ Необходимостію, отъ мудреца благодушнаго, который ей всецѣло покорился.

И въ храмѣ водворилась полная тишина, среди которой блестящій идолъ смотрѣлъ на обоихъ мудрецовъ со своей загадочной и странной улыбкой.

Срывались и падали плоды съ деревьевъ, журчалъ ручей, бѣлыя облака проносились по синему небу, заглядывая во внутренность храма, а мудрецы все сидѣли безъ признаковъ жизни—одинъ въ блаженствѣ отрицанія, другой въ блаженствѣ подчиненія Необходимости...

V.

Вѣчная ночь уже распростерла надъ обоими свои черныя крылья, и никто изъ живущихъ никогда не узналъ бы, какая истина являлась двумъ мудрецамъ на вершинѣ 50 колѣнъ тростника... Но прежде, чѣмъ угасъ послѣдній лучъ, свѣтившійся въ сумеркахъ сознанія мудраго Дарну,—ему все-таки опять послышался прежній голосъ: Необходимость смѣялась въ наступающемъ мракѣ, и этотъ хохотъ, молчаливый и беззвучный, пронизалъ Дарну предчувствіемъ смерти...

— Бѣдный Дарну,—говорило неумолимое божество,—жалкій мудрецъ! Ты думалъ уйти отъ меня, ты надѣялся скинуть мое ярмо и, превратившись въ неподвижный чурбанъ, купить этимъ сознаніе внутренней свободы...

— Да, я свободенъ,—мысленно отвѣтилъ упрямый мудрецъ. Я одинъ изъ тьмы твоихъ слугъ не исполняю завѣтовъ необходимости...

— Смотри же сюда, бѣдный Дарну...

И внезапно передъ внутреннимъ взоромъ его открылся опять смыслъ всѣхъ надписей и всѣхъ вычисленій на стѣнахъ храма. Цифры тихо измѣнялись, росли или убывали сами собою, и одна изъ нихъ особенно привлекла его взоры. Это была цифра 999998... И пока онъ смотрѣлъ на нее, внезапно еще двѣ единицы пали на стѣну, и длинный итогъ сталъ тихо превращаться. Дарну внутренно содрогнулся, а Необходимость опять засмѣялась.

— Понялъ ли ты, бѣдный мудрецъ? На сто тысячъ слѣпыхъ моихъ слугъ всегда приходятся одинъ упрямецъ, какъ ты, и одинъ лѣнивецъ. какъ Пурана... И вы пришли сюда оба... Привѣтъ вамъ, мудрецы, завершающіе мои вычисленія...

Тогда изъ потускнѣвшихъ глазъ мудреца выкатились двѣ слезинки, тихо покатились по изсохшимъ щекамъ и упали на землю, какъ два зрѣлыхъ плода съ древа его долголѣтней мудрости.

А за стѣнами храма все шло по старому. Свѣтило солнце, вѣяли вѣтры, люди въ долинѣ предавались заботамъ, въ небѣ набирались тучи... Проходя надъ горами, онѣ отяжелѣли и обезсилили. Въ горахъ разразилась гроза...

И опять, какъ это бывало въ старыя времена — глупый пастухъ сосѣдняго склона пригналъ свое стадо, а съ другой стороны пригнала свое стадо юная и глупая пастушка. Они встрѣтились у ручья и ниши, изъ которой на нихъ глядѣло божество съ странной улыбкой, и пока шумѣла гроза, они обнимались и ворковали совершенно такъ, какъ это дѣлали 999999 паръ въ такомъ же положеніи. И если бы мудрый Дарну могъ ихъ видѣть и слышать, онъ навѣрное сказалъ бы въ высокомѣріи своей мудрости:

— Глупые,—они дѣлаютъ это не для себя, а въ угоду Необходимости.

Между тѣмъ, гроза прошла, солнечный свѣтъ опять заигралъ въ зелени, еще покрытой блестящими каплями дождя, и освѣтилъ потемнѣвшую было внутренность храма.

— Посмотри, — сказала пастушка, — вотъ два новыхъ изваянія, которыхъ здѣсь прежде не было.

— Молчи,—отвѣтилъ пастухъ.—Старики говорятъ, что это поклонники древняго божества. Впрочемъ, они не могутъ сдѣлать вреда... Останься съ ними, а я пойду отыщу твоихъ пропавшихъ овецъ.

И онъ ушелъ, а она осталась съ идоломъ и двумя мудрецами. А такъ какъ ей было немного страшно и, кромѣ того, она была еще полна молодой любви и восторга, то она не могла оставаться на мѣстѣ, а ходила по храму и громко пѣла пѣсни любви и радости. Когда же гроза совсѣмъ прошла и края темной тучи скрылись за дальними вершинами горной цѣпи, она нарвала еще влажныхъ цвѣтовъ и убрала ими идола. А чтобы скрыть его непріятную улыбку, она воткнула ему въ ротъ плодъ горнаго орѣха съ вѣткой и листьями.

Послѣ этого она взглянула на него и громко засмѣялась.

Но и этого ей было мало. Она захотѣла убрать цвѣтами также и старцевъ. Но такъ какъ на добромъ Пуранѣ было

еще гнѣздо съ птенцами, то она обратила вниманіе на суроваго Дарну, гнѣздо котораго уже опустѣло. Она сняла пустое гнѣздо, очистила тюрбанъ, волосы и плечи старца отъ птичьяго помета, потомъ обмыла его лицо ключевой водой. Она думала, что этимъ она платитъ богамъ за ихъ покровительство ея счастью. А такъ какъ и этого ей показалось мало, то, все еще переполненная своей радостью, она наклонилась, и вдругъ блаженный Дарну, стоявшій на самомъ порогѣ Нирваны, ощутилъ на своихъ сухихъ губахъ крѣпкій поцѣлуй глупой женщины...

Вскорѣ послѣ этого вернулся пастухъ съ найденной овечкой, и оба ушли, распѣвая веселую пѣсню.

VI.

Между тѣмъ, искра, едва не угасшая въ сознаніи мудраго Дарну, — затлѣлась опять и стала разгораться все сильнѣе. Прежде всего въ немъ, какъ въ домѣ, гдѣ всѣ спятъ, проснулась мысль и стала безпокойно метаться въ темнотѣ. Мудрый Дарну думалъ цѣлый часъ и надумалъ одну только фразу:

— Они подчинялись Необходимости...

Еще черезъ часъ:

— Но, въ концѣ концовъ, и я тоже ей подчинился...

Третій часъ принесъ новую посылку:

— Срывая плодъ—я исполнялъ законъ необходимости.

Четвертый:

— Но и отказываясь—я исполняю ея разсчеты.

Пятый:

— Они, глупые, живутъ и любятъ, а мы съ мудрымъ Пураной умираемъ.

Шестой:

— Въ этомъ есть, можетъ быть, необходимость, но очень мало смысла.

Послѣ этого, проснувшаяся мысль окончательно поднялась и стала будить другія спавшія способности:

— Если мы съ Пураной умремъ, — сказалъ себѣ мудрецъ Дарну,—это будетъ неизбѣжно, но глупо. Если мнѣ удастся спасти себя и товарища, — это будетъ тоже необходимо, но умно. Итакъ, будемъ спасаться. Для этого нужна воля и усиліе.

Онъ отыскалъ въ себѣ маленькую искорку воли, которая еще не угасла. Онъ заставилъ ее поднять свои отяжелѣвшія вѣки.

Дневной свѣтъ ворвался въ его сознаніе, какъ врывается онъ въ помѣщеніе по открытіи ставень. И прежде всего ему представилась безжизненная фигура товарища, съ застывшимъ

лицомъ и съ предсмертной слезой на щекѣ. Тогда въ сердцѣ Дарну шевельнулась такая жалость къ злополучному спутнику его мудрости, что воля забѣгала въ немъ еще шибче. Она кинулась въ его руки, и онѣ стали двигаться, потомъ уже руки помогли ногамъ... На все это понадобилось времени гораздо больше, чѣмъ ушло его на размышленія. Однако, уже слѣдующее утро застало тыкву Дарну, полную свѣжей воды, у самыхъ устъ Пураны, а кусокъ сочнаго плода попалъ наконецъ въ раскрытый ротъ благодушнаго мудреца.

Тогда челюсти Пураны пришли сами собой въ движеніе, и онъ подумалъ: „О, благодѣтельная Необходимость. Я вижу, ты уже начинаешь исполнять свое обѣщаніе“. Но затѣмъ, убѣдясь, что около него хлопочетъ не божество, а его товарищъ Дарну, онъ нѣсколько обидѣлся и сказалъ:

— Восемь горныхъ хребтовъ и семь морей, солнце и святыхъ боговъ, тебя, меня, вселенную—всѣхъ движетъ Необходимость... Зачѣмъ ты разбудилъ меня, Дарну? Я стоялъ уже на порогѣ блаженнаго покоя.

— Но ты былъ подобенъ мертвецу, другъ Пурана.

— Кто, подобно слѣпому не видитъ, подобно глухому не слышитъ, подобно древу безчувственъ и недвижимъ,—о томъ знай, что онъ достигъ покоя... Дай мнѣ еще напиться, другъ Дарну...

— Ней, Пурана. Я вижу еще слезу на твоей щекѣ. Не блаженство ли покоя выжало ее изъ твоихъ глазъ?

Послѣ этого мудрые старцы еще три недѣли пріучали свои уста къ питью и пищѣ, а члены къ движенію, и въ теченіе трехъ недѣль спали въ храмѣ, согрѣваясь взаимно теплотой своихъ тѣлъ, пока къ нимъ вернулись силы.

Вначалѣ четвертой недѣли они стояли у порога разрушеннаго храма. Внизу, у ихъ ногъ, зеленѣли склоны горъ, сбѣгавшіе уступами въ долину... Далеко, въ долинѣ виднѣлись изгибы рѣки, бѣлѣли домики деревень и городовъ, гдѣ люди жили обычной жизнію, предаваясь заботамъ, страстямъ, любви, гнѣву и ненависти, гдѣ радость смѣняется горемъ, и горе залечивается новой радостію, и гдѣ среди гремящаго потока жизни люди подымаютъ глаза къ небу, отыскивая тамъ путеводныя звѣзды... Мудрецы стояли и глядѣли на картину жизни съ порога стараго храма.

— Куда намъ идти, другъ Дарну?—спросилъ ослѣпленный Пурана. — Нѣтъ ли указаній на стѣнахъ храма?

— Оставь въ покоѣ и храмъ, и его божество, — отвѣтилъ Дарну. — Пойдемъ ли мы направо, это будетъ согласно съ Необходимостію. Пойдемъ ли мы налѣво, это тоже съ нею

согласно. Развѣ ты не понялъ, другъ Пурана, что это божество признаетъ своими законами все то, что рѣшитъ нашъ выборъ. Необходимость — не хозяинъ, а только бездушный счетчикъ нашихъ движеній. Счетчикъ отмѣчаетъ лишь то, что было. А то, что еще должно быть—будетъ только черезъ нашу волю...

— Значитъ...

— Значитъ, — предоставимъ Необходимости заботиться о своихъ разсчетахъ, какъ она знаетъ. А сами выберемъ путь, который ведетъ насъ туда, гдѣ живутъ наши братья.

И оба мудреца веселыми ногами стали спускаться съ горныхъ высей въ долину, туда, гдѣ жизнь людей протекаетъ среди заботъ, любви и горя, гдѣ раздается смѣхъ и льются слезы...

...И гдѣ вашъ домоправитель, о, Кассана, покрываетъ рубцами спину раба Джеваки, — прибавилъ мудрый Дарну съ улыбкой укоризны.

Вотъ что разсказалъ веселый старецъ Улайя юному сыну раджи Личави, впавшему въ бездѣйствіе уныпія... Дарну и Пурана улыбались, не отрицая и не подтверждая, а Кассана выслушалъ разсказъ и удалился въ раздумін по направленію къ дому отца своего, могучаго раджи Личави.

1898 г.

ВЪ БОРЬБѢ СЪ ДЬЯВОЛОМЪ.

(Эскизъ изъ дорожнаго альбома).

I.

Это было въ 1904 году, въ Гельсингфорсѣ. Мы, двое русскихъ путешественниковъ бродили по аллеямъ „Хёгхольме“, красиваго островка, представляющаго по праздникамъ мѣсто развлеченія и отдыха рабочаго населенія финляндской столицы.

Дѣло было какъ-разъ въ воскресенье, и на островѣ, по холмамъ, на травѣ, на каменистомъ берегу, въ который ласково плескались волны залива,—всюду мелькали фигуры горожанъ. Кое-гдѣ курился дымокъ,—это рабочая семья готовитъ ужинъ; кое-гдѣ отъ дерева къ дереву протянулся гамакъ,—это ребенокъ мелкаго торговца тихо спитъ, качаясь въ воздухѣ; кое-гдѣ слышны смѣхъ и игры,—это бюргерская молодежь, не угомонившаяся за день, сдержанно, чисто по фински, веселится подъ благосклонными взглядами старшихъ. А къ морю склонялось уже солнце, и за проливомъ острые и прямые силуэты городскихъ зданій погружались въ лиловый сумракъ. Все дышало миромъ и тихой, солидной отрадой протестантскаго воскресенья...

Въ глубинѣ Хёгхольме, когда мы проходили темнѣющей аллеей, изъ группы женщинъ, пріютившейся въ сторонѣ, въ тѣнистомъ углу, отдѣлилась вдругъ молодая дѣвушка и пошла прямо на насъ. На ней было темное платье и широкополая шляпа страннаго и некрасиваго покроя. Поверхъ широкихъ полей виднѣлась лента, на которой мы едва могли разглядѣть какую-то надпись. Концы ленты были подвязаны подъ подбородкомъ. Изъ этой неизящной рамки, съ улыбкой какой-то спокойной застѣнчивости, глядѣло на насъ миловидное молодое лицо. Внезапная атака насъ нѣсколько озадачила, тѣмъ

болѣе, что остальныя женщины пытливо слѣдили и за нею, и за нами.

Дѣвушка рѣшительно стала на нашей дорогѣ и протянула листокъ, нѣчто въ родѣ газеты, на которой мы разглядѣли какіе-то рисунки.

— Tio ore...—сказала она ласково.

Мы поняли, что нужно отдать мелкую монету, и разстались, обмѣнявшись дружелюбными улыбками. Дѣвушка присоединилась къ подругамъ, которыя ждали съ непонятнымъ для насъ интересомъ, какъ будто продажа этого копѣечнаго газетнаго номера представляла какую-то особую важность или сопряжена была съ какой-то опасностью...

На листкѣ, который остался у насъ въ рукахъ, стояло заглавіе крупными буквами:

Krigs ropet...

По шведски ни одинъ изъ насъ не зналъ, но общее впечатлѣніе отъ листка не обѣщало ничего особенно интереснаго. На первой страницѣ была изображена группа изъ нѣсколькихъ мужчинъ въ военной формѣ и молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ, какъ наша незнакомка. Въ разныхъ мѣстахъ среди текста мелькала фигура дьявола, довольно мизернаго и отвратительнаго вида, а на послѣдней страницѣ виднѣлась аляповатая каррикатура.

Только послѣ внимательнаго обозрѣнія всего этого,—мы сообразили, въ чемъ дѣло. Еще недавно въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что въ Финляндіи появились отряды изъ „Арміи спасенія“ знаменитаго генерала Буса и, пользуясь терпимостью финляндскихъ законовъ, объявили непримиримую войну дьяволу на почвѣ великаго княжества. Намъ стала понятна и внезапная аттака, и застѣнчивый видъ миловиднаго солдата арміи. Нападеніе на насъ въ пустынной аллеѣ имѣло очевидною цѣлью за „tio ore“ подать намъ руку спасенія среди соблазновъ этого міра... Армія была еще не обстрѣляна, дѣйствовала неувѣренно и робко. Мы посмѣялись и пошли дальше; намъ казалось, что на Хёгхольме, среди этого мѣщански тихаго и почти пуританскаго праздника дьяволу и безъ того слишкомъ мало простора...

Когда солнце сѣло, въ городѣ замелькали огни, Хёгхольме опустѣлъ и затихъ. Маленькій пароходикъ, съ низкими бортами, бойко разрѣзавшій волны залива, доставилъ насъ въ городъ, въ которомъ тамъ и сямъ виднѣлись возвращавшіяся съ острововъ семьи рабочаго люда, мѣщанъ и мелкихъ торговцевъ. Казалось, воскресенье уходитъ изъ финляндской столицы немного усталое, приличное и скучноватое. На одной

изъ улицъ мы догнали мальчика лѣтъ одиннадцати, который везъ передъ собой колясочку. Въ колясклѣ спала глубокимъ сномъ дѣвочка лѣтъ двухъ. Мальчикъ, склонивъ голову на спинку коляски, тоже задремалъ. Сначала онъ еще тихо подвигалъ коляску, но затѣмъ она остановилась... И возница, и дѣвочка спали. Услышавъ наши шаги, мальчикъ проснулся, на лицѣ его мелькнула сконфуженная улыбка и онъ повезъ коляску быстрѣе. Скоро она скрылась въ воротахъ небольшого дома.

— Протестантское воскресенье кончено!—сказалъ я.

II.

Черезъ часъ, мой товарищъ вошелъ ко мнѣ въ комнату и сказалъ:

— Посмотрите, что дѣлается на бульварѣ... Воскресенье-то оказывается не кончено...

Когда мы вышли изъ сумрачнаго отеля „Кемпъ“ на бульваръ Рунеберга, — то сразу же попали въ развалъ самой шумной и разнузданной праздничной сутолоки. Трудно было повѣрить, что это тотъ же городъ, который такъ пуритански чинно проводилъ свой праздникъ. Высоко въ чистомъ небѣ стояла ясная луна, лучи которой смѣшивались съ лучами электрическихъ фонарей и газовыхъ рожковъ бульвара. И въ этомъ свѣтѣ, смѣшанномъ и странномъ, металась бѣснующаяся толпа. Тутъ были женщины и дѣвушки съ смѣлыми взглядами и беззастѣнчивыми манерами. Среди шляпокъ самаго разнообразнаго фасона мелькали студенческія шапочки набекрень, котелки и фуражки приказчиковъ и рабочихъ,—и все это мчалось изъ конца въ конецъ широкаго бульвара, какъ будто торопясь заполнить шумомъ, смѣхомъ и беззастѣнчивыми выходками нарочно для этого отведенные часы уходящаго вечера... А на все это суровая, красивая и важная—глядѣла статуя знаменитаго финскаго поэта Рунеберга, обреченнаго, какъ и нашъ Пушкинъ на Тверскомъ бульварѣ, глядѣть съ своего пьедестала на мутный потокъ людского грѣха и ночного разгула.

И вдругъ по сторонамъ бульвара я увидѣлъ некрасивые капоры и темныя платья. Какъ и недавно, въ аллеѣ Хёгхольме нѣсколько женщинъ и дѣвушекъ держались отдѣльной группой, отъ которой, точно по командѣ, отрывались вдругъ отдѣльныя фигуры и кидались на бульваръ, съ своими листками въ рукахъ. Онѣ старались прорѣзать густую толпу бѣснующихся и раздать въ ней листки газеты.

Мнѣ невольно вспомнилась при этомъ картина нашего

волжскаго ледохода: серединой рѣки валитъ, шумя, сталкиваясь, расшибаясь — масса льда, а въ это время съ берега то и дѣло врѣзываются въ ея края утлыя лодочки такъ называемыхъ волжскихъ „мартышекъ“. И глядишь, удачно лавируя среди опасныхъ льдинъ,—лодочка возвращается къ берегу съ добычей: доска, старая корзина, деревянный ящикъ, ведро или обломокъ разбитой лодки, спасенные изъ разрушительнаго потока... Я сталъ смотрѣть, много ли добычи отнимутъ у бульварнаго ледохода мои скромныя незнакомки.

Здѣсь очевидно имъ приходилось гораздо труднѣе, чѣмъ на Хёгхольме. Толпа неслась мимо со смѣхомъ, остротами, вольною шуткой, циничными словами и жестами... Въ одномъ мѣстѣ свистками встрѣчали немолодую, некрасивую сальваціонистку, которая, сжавъ брови, съ выраженіемъ невольнаго гнѣва — совала листки въ руки проходящихъ, какъ будто снабжая ихъ не „спасеньемъ“, а ядомъ... Въ другомъ—рабочіе и студенты окружили молодую дѣвушку, и ея темный капоръ съ надписью замелькалъ и завертѣлся въ этой разнузданной толпѣ. Мнѣ показалось, что эта дѣвушка напоминаетъ нашу утреннюю незнакомку. Она вырвалась изъ живого водоворота, вся красная, застѣнчивая, съ страдающимъ лицомъ. Борьба съ дьяволомъ давалась ей нелегко. Я взялъ у нея листокъ и сунулъ „tio ore“. Она взглянула на меня благодарнымъ взглядомъ. Все таки къ своему отряду она возвращается изъ опасной вылазки съ нѣкоторой добычей...

Листокъ былъ тотъ же „Krigs ropet“: тѣ же господа въ военной формѣ, тотъ же мизерный бѣсенокъ и та же карикатура...

Я сохранилъ его на память. Заглавіе „Krigs ropet“ значитъ „Боевой кличъ“. Съ этимъ кличемъ на всѣхъ языкахъ тѣхъ странъ, гдѣ армія генерала Буса водрузила свое знамя,—она обращается къ дьяволу, вызывая его на бой и стараясь взять въ плѣнъ какъ можно больше его слугъ... Нужно признаться, что отъ этой „прессы спасенія“ вѣетъ изрядною пошлостью. О ней вы можете составить нѣкоторое понятіе развѣ по нашимъ уличнымъ листкамъ тѣхъ годовъ, когда о чудесахъ Іоанна Кронштадтскаго повѣствовали репортеры, до того времени изощрявшіе свои перья на описаніи скандаловъ въ „Аркадіяхъ“ и „Ливадіяхъ“. Или, если бы вы представили себѣ еще, что наше „Развлеченіе“ пожелало бы приклеивать мораль съ религіознымъ оттѣнкомъ ко всѣмъ сценамъ изъ купеческаго быта, или давало бы религіозные тексты къ картинкамъ своихъ карикатуристовъ.

Можетъ быть эти сравненія придется смягчить еще на одну

степень, но во всякомъ случаѣ они даютъ нѣкоторое понятіе о литературномъ тонѣ этой мелкой „спасательной“ прессы... Армейскіе отрядные литераторы, по назначенію главнокомандующаго генерала Буса (бывшаго методистскаго проповѣдника),—пускаютъ въ дьявола періодически извѣстное количество литературныхъ стрѣлъ. Дьяволъ аттакуется въ его собственныхъ владѣніяхъ; поэтому армейскій писатель беретъ у улицы ея языкъ, ея литературные пріемы... Столько-то строкъ религіознаго одушевленія къ слѣдующему нумеру! Столько-то строкъ проповѣдей, гимновъ, сарказмовъ по адресу дьявола... Каждый крупный отрядъ имѣетъ свою писательскую команду, а таланты—увы!—не раздаются по назначенію генераловъ... Легко представить себѣ, что религіозное одушевленіе сальваціонистовъ выражается, за рѣдкими исключеніями, очень плохими стихами, сарказмъ отмѣченъ плоскостью уличной прессы, и на всей этой литературѣ лежитъ отпечатокъ, оскорбляющій сколько-нибудь развитое чувство...

Между тѣмъ, дьяволу, при всѣхъ его недостаткахъ, нельзя, кажется, отказать въ нѣкоторой талантливости натуры, критическомъ чутьѣ и остроуміи... Мнѣ казалось, поэтому, что въ самомъ шумѣ разноголосой и грѣшной толпы, заглушающей робкія приглашенія служительницъ арміи, я слышу ироническій хохотъ, а въ раздражающемъ смѣшеніи луннаго свѣта и электрическихъ фонарей мелькала умная мефистофельская улыбка...

Пока я предавался этимъ размышленіямъ, — физіономія бульвара вновь начала измѣняться. Дьяволъ видимо дрогнулъ... Толпа быстро рѣдѣла, точно по чьей-то командѣ... Молодые люди и дѣвушки, парами, группами, въ одиночку уходили съ бульвара... Нѣкоторые бѣжали такъ быстро, точно за ними гнались преслѣдователи, и черезъ нѣсколько минутъ бульваръ опустѣлъ...

Оказалось, что магистратскіе часы отбивали двѣнадцать... Съ послѣднимъ ударомъ на бульварѣ только памятникъ Руneберга кидалъ отъ себя большую, черную тѣнь, да къ нему торжественно и важно подходила внушительная фигура городского стражника. Дойдя до памятника, онъ остановился и посмотрѣлъ въ обѣ стороны...

Бульваръ былъ пустъ... Дьяволъ отступилъ въ полномъ безпорядкѣ, но увы!—эта побѣда была одержана не арміей спасенья, а представителемъ городского магистрата, который величественно и спокойно оглядывалъ поле своей побѣды...

III.

Черезъ нѣкоторое время мы были уже въ Лондонѣ.

Было опять воскресенье, и опять протестантскую столицу точно вымело... На улицахъ стояла удивительная тишина; лавки, магазины, конторы стоятъ запертые съ утра. Заперты кабачки, трактиры, рестораны, и мы, незнакомые еще съ пуританскими нравами лондонскаго воскресенья, долго бродили голодные по праздничнымъ улицамъ, пока, на наше счастье, въ какомъ-то узенькомъ переулкѣ старый еврей изъ Галиціи не открылъ своей съѣстной лавочки, выставивъ при этомъ изъ дверей свою голову въ бѣломъ колпакѣ. Мы ринулись къ нему, за нами еще два или три проголодавшихся прохожихъ...

Черезъ полчаса всѣ мы опять вышли, еврей заперъ дверь, и опять на насъ глядѣла строгая, замкнутая, пуританско-праздничная улица.

Въ серединѣ дня даже омнибусы и вагоны трамвая работали тише. Они исполнили свою роль: развезли лондонскую публику въ предмѣстья, по веселымъ коттеджамъ, окруженнымъ зеленью, и до вечера для нихъ тоже наступалъ нѣкоторый отдыхъ въ опустѣвшей столицѣ.

Подъ вечеръ мы съ товарищемъ возвращались съ загородной поѣздки и, выйдя изъ вокзала, пошли по длинной и прямой Oxford-street, дѣлясь впечатлѣніями дня...

Вечеръ спускался ясный, свѣжій, истинно праздничный и торжественный. Услужливый ли вѣтеръ подхватилъ и унесъ эту мутную пелену дыма и испареній, всегда висящихъ надъ Лондономъ, или она сама разрѣдилась въ воскресный день, когда даже фабричнымъ трубамъ дается отдыхъ,—какъ бы то ни было, только вечерній воздухъ былъ прозраченъ, половина неба чистая, а на другой отчетливо рисовалось большое облако, у краевъ котораго тихо плыла ущербленная луна, точно лодка, пробирающаяся вдоль темнаго берега. Городъ начиналъ просыпаться, изъ церкви выходили кучки отмолившагося народа, изъ глубины улицъ несся возрождавшійся рокотъ экипажей, омнибусовъ, фіакровъ... Казалось, городъ глубоко вздыхаетъ послѣ отдыха и съ этимъ вздохомъ втягиваетъ въ себя обратно эти милліоны человѣческихъ микробовъ, слетающихся къ нему отовсюду на борьбу, на заботу, на грѣхъ, на злобу, довлѣющую новому дню...

Будни суетливо и шумно торопились на смѣну тихо отходящему празднику. Но и здѣсь, какъ въ Гельсингфорсѣ, между ними еще лежалъ цѣлый вечеръ, тотъ послѣпраздничный вечеръ, когда воскресенье какъ бы умываетъ руки, а

трудовой день еще не вступаетъ въ свои права... вечеръ развлеченій, соблазновъ и грѣха...

Въ одномъ мѣстѣ, на углу Oxford-street и какого-то маленькаго переулка, мы увидѣли небольшую кучку людей, какъ бы ставшихъ крошечнымъ отрядомъ на-встрѣчу этому все возрастающему движенію. Надъ ихъ головами, точно знамя, возвышался матовый фонарь, на стеклѣ котораго я прочиталъ черными буквами суровый вопросъ:

Гдѣ

хотите вы нынѣ потерять

вашу вѣчность?

Фонарь этотъ держалъ въ рукахъ невысокій, коренастый парень въ очкахъ. Къ своему дѣлу онъ, повидимому, относился чрезвычайно серьезно, и, пока мы подходили, онъ повернулъ фонарь. На другомъ освѣщенномъ стеклѣ такъ же рѣзко и угрожающе выступило другое воззваніе:

Остановитесь!

Только еще сегодня

день спасенія вашего!

Слово salvation (спасеніе) сразу напомнило мнѣ встрѣчу въ Гельсингфорсѣ, и я, крайне заинтересованный, направился на этотъ маякъ, выкинутый надъ бурнымъ теченіемъ человѣческаго моря. Оказалось дѣйствительно, что это небольшой отрядецъ сальваціонистскихъ партизановъ, остановившись на бойкой улицѣ, поднялъ свое боевое знамя, чтобы немного подраться съ дьяволомъ на исходѣ воскреснаго дня и, быть можетъ, отнять у него нѣсколько жертвъ. Мы безъ труда пробрались въ передній рядъ и очутились прямо противъ знаменосца въ очкахъ, поворачивавшаго свой фонарь съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждая изъ четырехъ надписей могла произвести на проходящихъ свое спасительное дѣйствіе. Онъ обстрѣливалъ улицу, точно изъ пулемета.

Рядомъ съ нимъ, въ серединѣ небольшого, свободнаго четыреугольника жестикулировалъ и волновался долговязый джентльмэнъ въ котелкѣ и черной парѣ. Онъ метался въ небольшомъ свободномъ пространствѣ, часто и съ разнообразной интонаціей произносилъ имя devil (дьяволъ). Лицо его при этомъ было мрачно, глаза горѣли фанатической враждой...

IV.

Devil, devil!.. Вотъ, думалось, гдѣ увижу я настоящую борьбу съ этимъ господиномъ: въ Лондонѣ, главной штабъ-квартирѣ знаменитаго генерала Буса, организатора „арміи спасенія“ (Salvation army)...

Есть въ общественной жизни явленія, самая пошлость которыхъ идетъ имъ на пользу, обезпечивая въ извѣстной мѣрѣ широкое распространеніе. Спасеніе — и казарменное устройство, религіозное одушевленіе, награждаемое производствомъ въ военные чины, духовная проповѣдь—и военныя нашивки, „день спасенія“ — и маршировка повзводно на-встрѣчу его зарѣ, бубны, литавры, пискливые рожки, назойливо-крикливая реклама, привлеченные на служеніе душевному перерожденію заблудшихъ!.. Трудно придумать болѣе пошлыя сопоставленія, а между тѣмъ организація спасенія ген. Буса прогремѣла по всему міру, отголоски сраженій, даваемыхъ арміей дьяволу, пронеслись изъ конца въ конецъ старой Европы и перебросились за океанъ; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отчеты генерала Буса рисовали картину такого быстраго роста его организаціи, чуждой и даже враждебной всему англійскому строю, что, пожалуй, могло показаться, будто старый конституціонализмъ подмывается въ корнѣ этимъ фантастическимъ и темнымъ энтузіазмомъ, наростающимъ снизу.

Оставивъ въ сторонѣ парламентскіе нравы и выборные пріемы, привычные англійскому укладу жизни, Вильямъ Бусъ, бывшій портной, „самовольно наименовалъ себя непринадлежащимъ ему званіемъ генерала“ и сталъ вербовать армію. Онъ сформировалъ взводы, роты, батальоны, полки и двинулъ ихъ противъ дьявола, сначала въ Англіи, а потомъ и въ другихъ странахъ. Война эта сопровождалась шумомъ, грохотомъ барабановъ, пискомъ горновъ и свистѣлокъ, — вообще всякаго рода нарушеніемъ общественной тишины и порядка... Врагъ былъ невидимъ, но все общество объявлялось его слугами, и за свои грѣхи вынуждено было слушать очень пронзительную музыку, не менѣе плохія проповѣди, истерическія кривлянія „новообращенныхъ“.

Дьяволъ принялъ вызовъ и, казалось, вступаетъ въ реальную борьбу. Всюду, гдѣ появлялись „сальваціонисты“, въ толпѣ просыпалась непонятная вражда и раздраженіе. На солдатъ и офицеровъ, вооруженныхъ только раздирательной музыкой и молитвенникомъ, на беззащитныхъ женщинъ и дѣвушекъ сыпались оскорбленія, грязь, камни... Дьяволъ съ своей стороны организовалъ армію... Называлась она skeleton-army, впереди ея отрядовъ несли скелетъ, и всюду, гдѣ выступали сальваціонисты, тотчасъ же мобилизовались отряды скелета. Сначала они одушевлялись только присущимъ англійской націи юморомъ, и ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы на-встрѣчу истерическимъ кривляньямъ двинуть смѣхъ. Но постепенно страсти разгорались, и между сальваціонистами

и арміей скелета разыгрывались настоящія сраженія. Тогда въ англійскомъ обществѣ, привыкшемъ къ частымъ группировкамъ, возникла и еще одна организація... Для противудѣйствія грубымъ нападеніямъ скелета молодые люди разныхъ общественныхъ положеній создали рыцарскій спортъ особаго рода, состоявшій въ защитѣ (боксомъ) сальваціонистскихъ женщинъ отъ грубой толпы... Они не примыкали къ арміи „генерала“ и, кажется, мало думали какъ о дьяволѣ, такъ и о спасеніи по плану Буса. Они просто находили, что гораздо веселѣе защищать женщинъ и дѣвушекъ, чѣмъ нападать на нихъ...

Уже одинъ уличный безпорядокъ, вызываемый всѣми этими столкновеніями, подалъ бы въ другомъ мѣстѣ десятки поводовъ для воспрещенія этой странной формы человѣческаго спасенія. Были, конечно, стремленія въ этомъ родѣ и въ Англіи, но старая англосаксонская традиція осталась непоколебимой. Англичане расчленили вопросъ и поставили его въ такой формѣ: всякій англичанинъ имѣетъ право держаться какихъ угодно взглядовъ на спасеніе души... Онъ имѣетъ также право проповѣдывать эти свои взгляды... Если генералъ Бусъ желаетъ спасаться и спасать другихъ подъ звуки плохой музыки,—это его право...

Армія скелета держится другихъ взглядовъ на этотъ предметъ и демонстрируетъ ихъ. Это тоже ея право, но она не должна посягать на чужую свободу. Безпорядки проистекаютъ отъ того, что армія скелета часто силой препятствуетъ проповѣди Буса.

Общество и законодательство остается нейтральнымъ... Полиція обязана поддерживать право...

Такъ шли годы... Генералъ Бусъ давалъ дьяволу сраженія, выигрывалъ и проигрывалъ битвы. „Пятая рота второго полка занимаетъ позицію въ такомъ-то городѣ“, — печатаетъ генералъ въ своемъ „Боевомъ кличѣ“ („War cry“). „Послѣ отчаяннаго боя пятая рота отбила у дьявола городокъ N. Столько-то плѣнныхъ“... О битвахъ сальваціонистовъ пишутъ уже во Франціи, Германіи, Швейцаріи, о нихъ слышно въ Америкѣ, Австраліи... Ими полны газеты; извѣстные романисты изслѣдуютъ новое явленіе (Додэ — „Евангелистка“, Рони—„Nell Horn“ и др.).

Плѣнные берутся не только на улицахъ и не только среди падшихъ подонковъ общества... Странная экзальтація проникаетъ въ семьи зажиточныхъ классовъ. Молодыя дѣвушки покидаютъ свою среду и идутъ за сальваціонистскимъ знаменемъ, какъ несчастная героиня Додэ...

Законъ продолжаетъ оставаться нейтральнымъ, предоставляя борьбу проповѣдникамъ и печати...

Однако, пока волна катится все далѣе, въ центрѣ интересъ къ битвамъ слабѣетъ. Въ борьбу вступаетъ новая сила, самая опасная: равнодушіе и скука... Знамя скелета не привлекаетъ дьявольскихъ бойцовъ, проповѣди проходятъ спокойнѣе и скучнѣе, позиціи часто занимаются почти безъ боя, но и безъ энтузіазма... Рядомъ съ этимъ возникаетъ новый вопросъ: что дѣлать съ плѣнными? Дьяволъ изгнанъ изъ ихъ душъ... Но что же далѣе? Армія все растетъ, борьба не поглощаетъ всѣхъ ея силъ... Что дѣлать празднымъ солдатамъ? Если оставить ихъ въ прежней обстановкѣ, — хитрый devil овладѣетъ ими опять...

И вотъ, пока волна докатывается до Финляндіи, гдѣ мы видѣли ея слабые всплески,—генералъ Бусъ въ Англіи сворачиваетъ на новую дорогу... Онъ направляетъ свою армію на изслѣдованіе трущобъ, изучаетъ наростаніе пролетаріата, пишетъ замѣчательную книгу и принимается за попытку *созданія учрежденій*...

V.

Вернемся на Oxford-street.

Ораторъ кончилъ. Джентльмэны и дамы, стоявшіе четыреугольникомъ вокругъ знамени, раскрыли свои книги и запѣли псаломъ. Въ это время кто-то изъ моихъ сосѣдей любезно подалъ мнѣ свой молитвенникъ и указалъ страницу. Я взялъ, чтобы не оскорбить любезнаго джентльмэна, но это исключительное вниманіе привело меня въ нѣкоторое замѣшательство. Во-первыхъ, я былъ совершенно неспособенъ воспользоваться этой любезностью, такъ какъ не зналъ англійскаго языка, а во-вторыхъ...

Во-вторыхъ, оглянувшись кругомъ, я увидѣлъ, что тѣ, кого я считалъ публикой, начинающей толпиться около знамени спасенія,—вовсе не публика. Сами того не зная, мы неосторожно проникли въ первый рядъ военнаго отряда и въ нѣкоторомъ родѣ сами себя отдали въ плѣнъ... Что же касается до настоящей публики, то она, какъ ни въ чемъ не бывало, валила мимо, не давая себѣ труда даже остановиться и торопливо исчезая въ жерлѣ оживавшаго города, гдѣ, безъ сомнѣнія, среди электрическаго свѣта и все возраставшаго рокотанія улицъ devil уже раскинулъ на нее свои сѣти... Кромѣ солдатъ отряда и насъ, двухъ иностранцевъ, здѣсь были еще только два-три загадочныхъ молодыхъ человѣка, при видѣ которыхъ являлось невольное желаніе ощупать свои карманы.

Но и они глядѣли съ видомъ скучающаго пренебреженія, какъ люди, слишкомъ уважающіе свои профессію, чтобы оставаться долѣе въ такомъ ничтожномъ собраніи.

По окончаніи псалма на середину вышелъ новый ораторъ. Онъ бережно снимаетъ съ головы безукоризненный цилиндръ, заботливо передаетъ его одной изъ дѣвицъ и начинаетъ въ свою очередь осыпать дьявола всевозможными оскорбленіями... При этомъ оказалось, что все это говорится спеціально для назиданія меня и моего спутника... Мы обязаны отречься отъ дьявола именно сегодня, въ воскресенье, такого-то числа, потому что завтра, въ понедѣльникъ, будетъ уже поздно. На случай, если бы мы, въ своей безпечности, сомнѣвались въ самомъ существованіи дьявола, нашего злѣйшаго врага,— ораторъ сообщилъ намъ тономъ, располагающимъ къ довѣрію, что онъ съ своей стороны нисколько въ этомъ не сомнѣвается. Онъ вѣритъ въ него... Даже болѣе: онъ знаетъ объ его существованіи совершенно такъ же, какъ мы знаемъ о существованіи волка или медвѣдя...

Пока онъ говорилъ, — на насъ окомъ ораторскаго вожделѣнія смотрѣлъ еще одинъ господинъ, небольшой, съ круглымъ брюшкомъ и бѣгающими остренькими глазками. Мнѣ вспомнился мельниковскій Борисъ („Въ лѣсахъ“), и почему-то я заподозрилъ къ немъ тайнаго союзника devil'я. Но когда господинъ, вѣрящій въ дьявола, какъ въ волка или медвѣдя, закончилъ свою рѣчь,—на сцену не выступилъ, а можно сказать—ворвался новый ораторъ. Это былъ человѣкъ высокій, худощавый, съ сильнымъ груднымъ голосомъ. Онъ сразу заметался въ тѣсномъ пространствѣ, какъ въ клѣткѣ, кидался впередъ, отступалъ и чуть не сшибъ съ ногъ молодого джентльмэна въ очкахъ, державшаго фонарь... Всѣ его пріемы напоминали фехтовальщика или боксера, и самое содержаніе рѣчи имѣло характеръ военно-тактическій... Его громкій голосъ и бурное выступленіе заинтересовало публику, и наша небольшая кучка на перекресткѣ стала расти...

Онъ говорилъ о томъ, что могущество дьявола велико, и много славныхъ борцовъ сдались и отступили передъ нимъ... Но что касается до него, оратора, то онъ клянется, что никогда, никогда не отступитъ передъ врагомъ человѣческаго рода.

Съ бурнымъ паѳосомъ онъ привелъ военно-историческую иллюстрацію. Нѣкогда Наполеонъ, „кровавый завоеватель міра“, взялъ въ плѣнъ англійскаго барабанщика и, плѣнному, велѣлъ ударить отбой, чтобы обмануть ложнымъ сигналомъ аттаковавшій англійскій отрядъ. Но это былъ англійскій барабанщикъ. О, да, это былъ храбрый, достойный англій-

скій барабанщикъ, и онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, тиранъ, ты можешь убить меня, но я не ударю отбой". И онъ отскочилъ отъ тирана (скачекъ, чуть не опрокинувшій парня съ фонаремъ) и, вмѣсто отбоя, далъ сигналъ наступленія... „Мы наступаемъ,—прибавилъ ораторъ, — какъ этотъ барабанщикъ: мы не ударимъ отбоя,—пусть это дѣлаютъ другіе, можетъ быть, даже болѣе сильные... Мы же все будемъ здѣсь трубить наступленіе, призывая на путь побѣды и спасенія"...

Рѣчь произвела нѣкоторое впечатлѣніе. Даже изъ сторонней публики послышалось нѣсколько восклицаній, одобрившихъ мужественное поведеніе англійскаго барабанщика... Настроеніе отряда поднялось... Знаменосецъ быстро завертѣлъ фонаремъ и повернулъ къ публикѣ той стороной, на которой стояла надпись:

Уэльбекъ-стритъ, № 76,
въ 8½ часовъ вечера
Приходите!

А небольшой хоръ сальваціонистскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ запѣлъ призывный гимнъ...

Увы! Призывъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Задержавшая на минуту громкимъ голосомъ и бурными движеніями оратора, толпа двинулась опять своимъ путемъ, туда, гдѣ надъ улицами и домами огромнаго Лондона небо разгоралось заревомъ и гдѣ уже ждали театры, мьюзикъ-холлы и тому подобныя адскія приманки.

Когда отзвучали послѣднія ноты гимна, около фонарика, свѣтлымъ маякомъ возвышавшагося надъ толпой, остались только солдаты отряда и мы. Знаменосецъ все такъ же дѣловито опустилъ фонарь и задулъ въ немъ свѣчу. Ораторъ надѣлъ шляпу, большая часть отряда пошла переулкомъ по направленію къ Уэльбекъ-стриту... Улица гремѣла все сильнѣе, толпа валила все гуще, мчались, звеня, вагонъ за вагономъ, рокотали солидные „бэсы", и публика, равнодушно глядѣвшая съ ихъ верхушекъ, даже не подозрѣвала, что здѣсь, на перекресткѣ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ ей пытались подать руку спасенья...

— Спасены ли вы, братъ мой?—услышалъ я ласковый голосъ. Это ораторъ, вѣрящій въ дьявола, какъ въ медвѣдя, тронулъ меня за руку и освѣдомлялся о результатахъ проповѣди. Три или четыре человѣка, въ томъ числѣ и тотъ, который повѣствовалъ объ англійскомъ барабанщикѣ, пытливо ждали отвѣта... Насмѣшливый бѣсенокъ вдругъ шевельнулся во мнѣ... И я отвѣтилъ фразой, которую произносилъ на англійскомъ языкѣ всего свободнѣе:

— Ай донтъ спикъ энглишъ, сэръ... (я не говорю по-англійски, сударь)...

Лицо почтеннаго джентльмэна стало печально. Отрядъ такъ разсчитывалъ на добычу, которую собирался привести на Уэльбекъ-стритъ.

— Но... въ такомъ случаѣ, быть можетъ, вы спасены, сэръ?—обращается онъ къ моему товарищу.

— Не знаю,—отвѣчаетъ тотъ, не вполнѣ понявъ все значеніе вопроса.—Не знаю, но... надѣюсь...

Въ глазахъ спрашивающаго мелькаетъ огонекъ, а ораторъ съ боксерской жестикуляціей придвигается ближе и спрашиваетъ:

— И это случилось, быть можетъ, именно сегодня... вечеромъ?..

Столь категорическій вопросъ ставитъ моего спутника въ нѣкоторое затрудненіе.

— Не могу сказать точно. А впрочемъ, сэръ, я другой религіи...

— О, это не дѣлаетъ разницы. Христосъ одинъ... Вы съ этимъ согласны?..

— О, это абсолютно не дѣлаетъ разницы,—вмѣшался другой,—и, если вы чувствуете, что ваша душа...

Наши собесѣдники сдвигаются плотнѣе... Перспектива закончить вечеръ на Уэльбекъ-стритъ намъ вовсе не улыбается. Поэтому мой товарищъ сразу мѣняетъ тонъ и въ свою очередь предлагаетъ вопросы: съ кѣмъ мы имѣемъ честь говорить? Являются ли наши собесѣдники членами арміи спасенія? Какова организація ихъ отряда?..

— Да, они продолжаютъ дѣло генерала Буса, хотя теперь и не считаютъ себя подъ его командой... Ихъ отрядъ партизанскій. Его главная квартира Gospel service, Welbeck-street, № 76... Въ этомъ помѣщеніи сегодня вечеромъ состоится собраніе, на которомъ можно услышать много поучительнаго... И...

Говорившій посмотрѣлъ на насъ ласковымъ, почти просительнымъ взглядомъ.

— И, если вы пожелаете, джентльмэны...

Мы не пожелали и простились... Мрачный ораторъ желчно повернулся и видимо въ дурномъ расположеніи духа зашагалъ по переулку. Его добродушный товарищъ еще нѣкоторое время стоялъ на перекресткѣ, съ сожалѣніемъ слѣдя за двумя безпечными людьми, которые стремятся сегодня же потерять свою вѣчность.

VI.

Вечеръ совсѣмъ уже спустился на англійскую столицу. Туча сгустилась и потемнѣла, но луна все еще плыла вдоль ея краевъ, выглядывая изъ-за нея золотистымъ обрѣзкомъ гдѣ-то далеко, надъ моремъ городскихъ крышъ. Лазурь еще не исчезла, но Лондонъ уже начиналъ мутить ее своимъ дымнымъ дыханіемъ, такъ какъ на фабрикахъ разводили пары... У Чарингъ-Кросса, на Трафальгаръ-скверѣ, на Пиккадилли множество дѣвицъ съ „безпокойною лаской во взглядѣ“ проходили мимо насъ, заговаривая на различныхъ діалектахъ... Въ раскрытыя двери кабачковъ входили и выходили толпы народа...

И мнѣ опять, какъ въ Гельсингфорсѣ, чудилось, что гдѣ-то тамъ, въ вышинѣ, подлецъ-devil держится за бока и хохочетъ надъ бѣдною горстью своихъ побѣдителей, вѣрящихъ въ него, „какъ въ волка или медвѣдя“...

— А мнѣ кажется, что онъ скорѣе плачетъ вмѣстѣ съ ними,—замѣтилъ въ тотъ же вечеръ одинъ изъ лондонскихъ знакомыхъ, съ которымъ я подѣлился впечатлѣніями этого дня.—Подумайте только: еще такъ недавно devil былъ героемъ дня. Ему давали сраженія, съ нимъ спорили, воевали, противъ него и за него организовались цѣлыя арміи... А съ тѣхъ поръ, какъ даже генералъ Бусъ призналъ силу общественныхъ организацій, — о дьяволѣ забываютъ, какъ и о шумныхъ выступленіяхъ сальваціонистовъ... Вообще въ этомъ поединкѣ не взяла верхъ ни одна, ни другая сторона. Выиграло третье лицо.

— А именно?..

— Общество, которое пріобрѣло въ концѣ концовъ широкую и полезную филантропическую организацію...

Черезъ нѣкоторое время пароходъ „Aurania“ трансъ-атлантическаго общества „Кюнардъ“ везъ насъ въ Америку. Среди международной компаніи пассажировъ, ѣхавшихъ на Чикагскую выставку, обращали на себя вниманіе двое молодыхъ супруговъ и мальчикъ съ бонной. Мальчикъ скоро сталъ общимъ любимцемъ пароходной публики, но отецъ и мать держались въ сторонѣ, не сводя никакихъ знакомствъ. Онъ былъ высокій брюнетъ съ серьезнымъ и умнымъ лицомъ. Она красивая женщина того особаго склада, какой бываетъ у преданныхъ своему дѣлу католическихъ монахинь или протестантскихъ сестеръ милосердія. Цѣлые дни они просиживали на палубѣ и о чемъ-то говорили дружески-серьезно и спокойно.

Въ спискѣ пассажировъ я прочиталъ: „M-r Alfred (кажется,

такъ) Booth and family"... И когда пароходъ подтягивался къ Нью-Іоркской пристани,—я увидѣлъ эту серьезную чету въ сальваціонистской формѣ. На ней былъ безобразный капоръ съ надписью на лентѣ „Salvation army", на немъ — „офицерская фуражка". Бонна и даже мальчикъ тоже были въ формѣ. Когда они показались на палубѣ, — съ пристани послышались дикіе крики восторга. Значительная группа сальваціонистовъ-„солдатъ" встрѣчала своего молодого командира... А я смотрѣлъ на интеллигентныя лица мистера Буса и его жены и думалъ невольно:

— Неужели они, — этотъ умный интеллигентный англичанинъ и эта спокойная молодая женщина съ такимъ тонкимъ выраженіемъ лица, могли искренно участвовать въ вульгарныхъ кривляньяхъ арміи стараго генерала Буса?..

Потомъ, проѣзжая по воздушной желѣзной дорогѣ въ Нью-Іоркѣ, я увидѣлъ во второмъ этажѣ одного дома большую вывѣску:

9-й Нью-Іоркскій корпусъ
Цитадель
Арміи Спасенія.

Но о шумныхъ сраженіяхъ съ дьяволомъ уже не было слышно. Дѣло генерала Буса вступало въ новый фазисъ, борьба съ дьяволомъ принимала новую тактику. И опять у меня мелькнула мысль:

— Неужели старый умный генералъ, вызывая дьявола на единоборство, игралъ грубую комедію, собирая людей и средства для этого интереснаго соціальнаго опыта на американской почвѣ?..

1896 г.

ФАБРИКА СМЕРТИ.

(Эскизъ).

I.

Я открылъ какъ-то окно въ своей комнатѣ, въ Чикаго, на Rhodes avenue. Комната быстро наполнилась особеннымъ, тяжеловатымъ и чрезвычайно непріятнымъ запахомъ.

— Заприте окно,—вѣтеръ отъ Stock-yard'а,—сказалъ мнѣ Викторъ Павловичъ, одинъ изъ моихъ гостей-соотечественниковъ.

— Это что такое?—спросилъ я.

— Какъ?... Неужели вы еще не видѣли Стокъ-ярда? Напрасно: Шульмановскій городокъ, гдѣ пьютъ кровь изъ людей, и Stock-yard, гдѣ убиваютъ фабричнымъ способомъ животныхъ,—двѣ great attractions Чикаго даже и не въ выставочное время. Развѣ вы не знаете, что на свиной тушѣ основано все величіе Чикаго?

Викторъ Павловичъ былъ человѣкъ желчный и не могъ рѣшить въ теченіе долгихъ странствованій,—гдѣ хуже: у насъ, или въ Америкѣ, или еще гдѣ-нибудь на бѣломъ свѣтѣ... Мы рѣшили въ этотъ день вмѣсто выставки отправиться маленькой компаніей къ Stock-yard'у.

Ѣхать пришлось долго, и я началъ было сомнѣваться, возможно ли вправду вліяніе столь отдаленнаго учрежденія на атмосферу моей комнаты на Rhodes avenue. Но вотъ вагонъ, повертывая изъ улицы въ улицу, несетъ насъ чѣмъ-то въ родѣ предмѣстья: дома ниже, шире площади, много дыма, больше грязи на неровныхъ мостовыхъ, кое-гдѣ деревянные троттуары, стоптанные и съ провалившимися досками. Еще далѣе нашъ вагонъ бѣжитъ, неизвѣстно уже какъ выбирая свою дорогу, по цѣлой сѣти рельсовъ, искрестившихъ широкія площади и улицы, точно паутина.

Мы останавливаемся... Поперекъ нашего пути идетъ поѣздъ,

весь нагруженный скотомъ. Головы, головы, головы... Быки солидно смотрятъ на суетливую картину грязнаго города, смѣнившую для нихъ просторъ родныхъ прерій. Въ другомъ мѣстѣ глупо толкутся овцы... Свиньи нервно возятся и обнаруживаютъ безпокойство... Вагоны, вагоны, еще вагоны, безъ конца... Начинаетъ накрапывать дождикъ, съ утра уже разводящій на улицахъ тонкую, липкую грязь.

Послѣдній вагонъ прошелъ, обвѣявъ насъ полосой остраго скотскаго запаха. Мы трогаемся далѣе... Дождикъ сильнѣе, грязь гуще, небо застилаетъ какимъ-то особеннымъ дымомъ, тяжелымъ и вязкимъ. Вагонъ то и дѣло подпрыгиваетъ на стыкахъ. Три степныхъ пастуха, въ кожаныхъ одеждахъ, покачиваясь на высокихъ сѣдлахъ, тихонько ѣдутъ подъ дождемъ и ведутъ о чемъ-то спокойную бесѣду. Они, вѣроятно, сдали уже свои партіи. Теперь, можетъ быть, считаютъ барыши и съ удовольствіемъ думаютъ о чистомъ воздухѣ и просторѣ прерій, гдѣ на зеленой травѣ пятнами бродятъ стада...

Чувствуется близость бойни. Сырой воздухъ пропитанъ угнетающимъ запахомъ, тѣмъ самымъ, отъ котораго пришлось закрывать окна за нѣсколько верстъ отсюда.

— Stock-yard!—выкрикиваетъ кондукторъ...

Передъ нами цѣлый городокъ сумрачно-мургихъ зданій съ широкими дворами, обвѣянныхъ клубами пара и дыма... Грязно, сурово и уныло. Stock-yard неряшливъ, серьезенъ и нѣсколько циниченъ. Онъ грязенъ, некрасивъ, онъ нехорошо пахнетъ, и порой гости Чикаго, съѣхавшіеся со всего міра на его выставку, вынуждены затыкать носы... Что дѣлать! Городу приходится выносить эти непріятныя черты въ характерѣ Stock-yard'a: вѣдь городъ сдѣлалъ блестящую карьеру, онъ можетъ принимать у себя блестящее общество, главнымъ образомъ, благодаря своему некрасивому дѣдушкѣ, Стокъ-ярду... А дѣдушка не торопится скидать для гостей грязный халатъ...

Мы пробираемся по плохимъ мосткамъ между паутиною рельсовъ; на широкомъ дворѣ—грязныя загородки, ограждающія еще болѣе грязные загоны, затоптанные пригоняемой скотиной... Множество лошадей коу-бойсовъ, съ оригинальными сѣдлами, стоятъ у этихъ загородокъ. Это—все пастухи, быть можетъ, еще сегодня пригнавшіе табуны или пріѣхавшіе съ ними въ поѣздахъ. Скотъ — частію въ загородкахъ, частію же въ огромныхъ зданіяхъ, мимо которыхъ мы проходимъ. Я заглядываю въ запотѣлое, грязное окно: коровы тупо и равнодушно пережевываютъ жвачку; въ другомъ мѣстѣ

овцы сбились въ кучу, какъ будто надъ ними носится ощущеніе смерти. Ихъ уже не кормятъ, потому что дѣло идетъ здѣсь быстро, и пока cow-boy получаетъ разсчетъ и садится на коня, чтобы двинуться въ обратный путь,—его стадо уже выходитъ съ другого конца Stock-yard'a въ видѣ тушъ, полстей и консервовъ... Скотская смерть густо нависла всюду, ею насыщена атмосфера, и я положительно увѣренъ, что видѣлъ смертельную тоску въ глазахъ этихъ сотенъ и тысячъ живыхъ существъ, сбитыхъ въ кучу и ожидающихъ своего часа.

Stock-yard охотно принимаетъ любопытныхъ посѣтителей. Мы входимъ въ дверь office'a, становимся на площадку щегольского лифта, и въ нѣсколько секундъ мы уже на верху, въ конторѣ. Не успѣли мы даже объяснить нашего желанія, какъ на-встрѣчу намъ вышелъ изящно одѣтый джентльмэнъ и привычными движеніями автомата роздалъ всѣмъ прибывшимъ по карточкѣ. На моей карточкѣ было напечатано:

Арморъ, Свифтъ и К°, годъ 1892.

Число убитаго рогатаго скота . . .	1.189.498
„ убитыхъ свиней	1.134.692
„ „ овецъ.	1.013.527

И т. д. Общая цифра—девяносто милліоновъ головъ.

Затѣмъ Свифтъ и К° считаютъ нелишнимъ сообщить для свѣдѣнія посѣтителей, что по плану города Чикаго ихъ зданія занимаютъ 40 акровъ земли. Поверхность всѣхъ половъ въ этихъ зданіяхъ 60 акровъ, крыши 29 акровъ...

И это лишь одна изъ компаній Стокъ-ярда, который весь состоитъ изъ такихъ же учрежденій...

Джентльмэнъ попросилъ насъ присѣсть, а самъ ушелъ въ контору, гдѣ множество молодыхъ людей и дѣвушекъ считали что-то и щелкали клавишами ремингтоновскихъ машинъ... Вѣроятно, онъ внесъ насъ въ свою статистику посѣтителей. Весь воздухъ конторы былъ заполненъ этимъ щелканіемъ и жужжаніемъ... 90 милліоновъ головъ, — думалось невольно,— каждый изъ этихъ звуковъ отмѣчаетъ одну смерть изъ числа этихъ 90 милліоновъ... Характерная бухгалтерія Стокъ-ярда!

II.

Черезъ минуту мальчикъ въ ливреѣ Свифта и К° явился за нами. Онъ только что отпустилъ такую же партію посѣтителей и теперь привычнымъ жестомъ пригласилъ насъ за собой... Рядомъ со мной въ пріемной сидѣла дама, державшая за руку дѣвочку лѣтъ пяти. Она тоже взяла карточку съ извѣщеніемъ о томъ, сколько Свифтъ и К° убили головъ въ 1892 году, но я думалъ сначала, что это недораз-

умѣніе: дама, вѣроятно, пришла навѣстить кого-нибудь въ конторѣ. Однако, оказалось черезъ минуту, что мы стоимъ рядомъ съ этой дамой и съ этой дѣвочкой на галлереѣ-помостѣ, висящемъ надъ обширною бойней.

Свѣтъ проникаетъ сюда съ двухъ сторонъ. Разсѣянные лучи бродятъ и скользятъ въ воздухѣ, точно на картинахъ фламандскихъ мастеровъ, изображающихъ мирныя сцены большого скотнаго двора. Только здѣсь совсѣмъ не идиллія... Внизу подъ нами вдоль всего зданія тянутся ряды стойлъ. Ихъ много. Въ эту минуту всѣ они открыты, и въ нихъ, точно по командѣ, неохотно, но съ тупою покорностью входятъ рядами огромные красавцы быки съ крутыми рогами. Стойла задвигаются загородками, и стукъ этихъ загородокъ сливается въ одинъ продолжительный трескъ, проносящійся изъ конца въ конецъ огромнаго помѣщенія... Потомъ короткая тишина... На узенькомъ помостѣ, вдоль стойлъ, надъ каждымъ быкомъ стоитъ по человѣку... Когда стойла задвинуты, ряды желѣзныхъ молотовъ на длинныхъ рукояткахъ разомъ поднимаются въ воздухѣ... И вдругъ стукъ грузныхъ тупыхъ ударовъ проносится по всему зданію, сливаясь въ частую, короткую, глухую дробь...

Дѣло рѣдко кончается съ одного удара... Я вижу, что ближайшій отъ меня быкъ упалъ на колѣни, полежалъ, потомъ поднялся и сталъ мотать рогатой головой, какъ будто отгоняя какое-то назойливое насѣкомое. А молотъ уже опять поднимается надъ его головой...

Быкъ не видитъ... Мы сверху видимъ и ждемъ...

Дама стоитъ въ двухъ шагахъ отъ меня, красиво облокотившись на перила, а ближе пятилѣтняя дѣвочка просовываетъ личико въ промежутки перилъ и съ безсознательной дѣтски недоумѣлой жадностью приглядывается къ непонятному еще зрѣлищу смерти.

— Такъ и надо, — говоритъ Викторъ Павловичъ. — Янки народъ послѣдовательный. Они не отворачиваются отъ того, что дѣлаютъ...

III.

Первый актъ конченъ. Юный джентльмэнъ въ ливреѣ приглашаетъ насъ далѣе... Каждой партіи посѣтителей показывается вся операція надъ партіей введенныхъ при нихъ животныхъ. Дама съ дѣвочкой и нѣсколько мужчинъ пошли за провожатымъ, но мы всѣ, кучка русскихъ, какъ будто по уговору, свернули къ выходу, откуда спускались рабочіе. Это — задній ходъ Стокъ-ярда. Грязная площадка, грязный лифтъ,

самъ похожій на стойла. Блоки скрипятъ, полъ качается и задѣваетъ за стѣнки, все сооруженіе кряхтитъ, стучитъ и встряхивается при остановкѣ. Это далеко не похоже на щегольской лифтъ, которымъ любезные гг. Свифтъ и К° вводятъ своихъ посѣтителей съ параднаго хода. Но... мы сами отступили отъ программы...

Мы опять на дворѣ, подъ мелкимъ дождемъ, среди грязныхъ зданій... Мутный дождь разводитъ какое-то мѣсиво на грязной землѣ, и грязные люди въ тяжелыхъ сапогахъ выпускаютъ грязный дымъ изъ трубокъ въ грязный, насыщенный жирными испареніями воздухъ.

Очутившись на панели, мы съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга: какъ это случилось, что мы вдругъ очутились здѣсь, точно насъ выкинула посторонняя сила, тогда какъ мы не осмотрѣли еще и десятой доли того, что намъ готовы показать Арморъ, Свифтъ и К°.

— Россійское слабодушіе, — сказалъ желчный Викторъ Павловичъ.—Кушать бычка можно, а смотрѣть, какъ его убиваютъ, мы не согласны... Природный аристократизмъ и лицемѣріе чувства... Но мнѣ такъ вотъ, какъ эта американка, — привела ребенка и показала... вотъ, милая, что для тебя готовятъ эти добрые дяди... Это умнѣе и честнѣе. Нѣтъ, господа, пойдемъ ужъ далѣе...

IV.

Мы были рядомъ съ входомъ въ другое зданіе... Къ нему по рельсамъ подкатился вагонъ, и огромное стадо свиней, подгоняемыхъ палками, высыпало на широкій помостъ, который велъ кверху. Это очень остроумно: живая свинья должна доставить себя наверхъ, а уже оттуда ее съ комфортомъ спустятъ внизъ черезъ разныя отдѣленія. Мы посмотрѣли на этотъ потокъ живыхъ существъ, идущихъ въ жерло смерти, и еще разъ вошли внутрь зданія по скользкому коридору, на скользкую лѣстницу.

Мы въ коридорѣ второго этажа. Мимо насъ быстро прокатываются тачки съ потрохами, десятки, сотни, безъ остановки. Приходится сторониться, но посторониться некуда: стѣны облиплн, съ потолковъ каплетъ что-то, стоящее на полу клейкой грязью. Здѣсь еще грязнѣе, чѣмъ на бойнѣ быковъ. Можетъ быть, можно было бы при такихъ оборотахъ сдѣлать все это чище и приличнѣе... Но гг. Арморъ и Свифтъ не думаютъ придавать болѣе привлекательный видъ своему доходному дѣлу.

Еще лѣстница. Атмосфера еще тяжелѣе, люди полуобнажен-

ные. Мнѣ кажется, что я прямо осязаю этотъ воздухъ, плотный отъ густыхъ осадковъ крови и жира. Въ немъ ходитъ теплый паръ, что-то глухо шумитъ, откуда-то несется заглушенный стѣнами визгъ... Окрикъ сзади... Мы сторонимся: это съ конца корридора въ клубахъ тумана несутся свиныя туши, подвязанныя за ноги къ рельсамъ подъ потолкомъ; онѣ скользятъ мимо насъ, уже ободранныя отъ шерсти... не болѣе 5 минутъ назадъ все это еще жило, барахталось и страдало. На-встрѣчу имъ открываются съ грохотомъ и визгомъ желѣзныя дверки... Клубы горячаго пара вырываются изъ печей, и туши одна за другой опускаются туда по рельсамъ... Пока онѣ спустятся въ слѣдующій этажъ, горячій паръ обожжетъ на нихъ остатки шерсти... На потолокъ, на стѣны садятся жирные осадки, и среди тяжелой мглы, какъ привидѣнія, несутся по корридору новые ряды бѣлыхъ тушъ...

Еще поворотъ, еще подъемъ. Что-то клокочетъ. Тѣсно, суета, визгъ сильнѣе... Люди почти совсѣмъ голые, съ скользкими, непріятно бѣлыми тѣлами; одинъ изъ нихъ указываетъ почти вертикальную лѣсенку, всю облипшую грязью. Мы всходимъ по ней и оказываемся въ главномъ отдѣленіи. Дальше идти уже некуда: тѣ самыя свиньи, которыхъ мы видѣли у входа, теперь поднялись къ своему послѣднему этапу. Толкаясь, упираясь, визжа, онѣ всходятъ на верхнюю площадку. Ихъ подгоняютъ ударами дубинъ, и меня поражаетъ необыкновенная жестокость этихъ ударовъ. Какъ будто въ самомъ положеніи „обреченныхъ“ есть что-то, пробуждающее по отношенію къ нимъ инстинкты жестокости въ душахъ людей... Животныя мечутся, жмутся другъ къ дружкѣ и визгливо, пронзительно жалуются... Напрасно. Въ самой свалкѣ, наверху подъема стоятъ два человѣка, очень ловко накидывающіе петли на правую заднюю ногу животнаго. Минута... веревка натягивается, животное опрокидывается, виснетъ въ воздухѣ, нервно визжитъ, а блокъ, къ которому привязана его нога, начинаетъ тихо скатываться внизъ вправо и влѣво, по наклоннымъ рельсамъ, проведеннымъ подъ потолкомъ корридоровъ. Наклонъ очень незначителенъ... Механизмъ передвиженія разсчитанъ на эти судорожныя вздрагиванья...

А вотъ и главные герои Стокъ-ярда...

Невдалекѣ отъ подъема, почти голый, весь скользкій, бѣлотѣлый и равнодушный, стоитъ человѣкъ съ узкимъ ножомъ въ рукѣ. Когда животное прокатывается мимо него, онъ дѣлаетъ привычное движеніе сверху внизъ. Визгъ, предсмертное хрипѣніе, волна алой крови изъ разрѣза... А блокъ катится по рельсу далѣе, и къ полуголому человѣку неотвратимо по-

двигается другое животное... Вся работа этого человѣка состоитъ лишь въ одномъ этомъ движеніи ножа сверху внизъ. Отъ пяти до десяти секундъ—на одну жизнь, шесть жизней въ минуту, 36 въ часъ, 360 въ десять часовъ, а на бойняхъ работаютъ по 12 и 13-ти часовъ... Рабочіе на бойняхъ—самые неразвитые и тупые изъ всѣхъ рабочихъ: они еще не участвуютъ въ союзахъ и не умѣютъ отстаивать свои интересы. Около 500 убійствъ въ день, 15.000 въ мѣсяцъ, и въ этомъ вся жизнь полуголаго человѣка съ ножомъ...

Я съ нѣкоторымъ ужасомъ смотрѣлъ на этого мастера смерти... А онъ, полыснувъ по горлу очередную жертву, нашелъ еще время въ промежуткѣ толкнуть меня локтемъ и быстро подставить руку. Я торопливо вынулъ монету и сунулъ ему. И тутъ же подумалъ: за что?.. Мнѣ представилось невольно, что если бы по ошибкѣ моя нога запуталась въ петлю, и я подкатился бы къ нему по рельсу,—едва ли онъ остановилъ бы изъ-зъ этого привычное движеніе привычной руки.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого мѣста веревка блока внезапно ослабляется, животное, еще бьющееся въ судорогѣ, попадаетъ въ резервуаръ съ грязно-кровавымъ кипяткомъ... Не проходитъ и полминуты, какъ оно уже ошпарено, ободрано на вертящемся желѣзномъ зубчатомъ барабанѣ, опять поднято на блокъ и тихо катится по корридору внизъ, къ паровой печи... Визгъ, клокотанье, шипѣніе, стукъ... И обнаженные люди среди скользкихъ стѣнъ, на залитомъ кровью полу, въ липкомъ воздухѣ продолжаютъ работу смерти...

Когда мы сошли внизъ, къ выходу, то на тачкахъ мимо насъ катились шары бѣлаго жира, груды совершенно готовыхъ окороковъ... и коробки, коробки, коробки... Арморъ и Свифтъ работаютъ отчетливо и быстро. Очень вѣроятно, что это, въ закупоренныхъ и запаянныхъ жестяныхъ коробкахъ, уходили тѣ самыя животныя, которыя вошли сюда одновременно съ нами.

V.

На этотъ разъ съ насъ было довольно: мы видѣли главное, и мнѣ казалось, что я знаю остальное: быкъ умираетъ спокойно и тупо, но величаво, — и только въ глазахъ видна тоска глубокая и сознательная.—Овца валится безропотно и глупо, свинья нервничаетъ, мечется и проклинаетъ судьбу... А фабрика работаетъ безъ остановки, и цѣлые поѣзда кидаютъ сюда все новыя и новыя тысячи жертвъ...

Мы торопливо выбрались изъ Стокъ-ярда, торопливо миновали загоны и хлѣвы, прошли мимо коновязей, съ осѣдлан-

ными лошадьми cow-boys'овъ... Умныя животныя стояли задумчиво и смирно. Понимаютъ ли они, въ какомъ сосѣдствѣ находятся, содрогается ли сердце животнаго отъ сочувственнаго ужаса... Навѣрное понимаютъ... Кучка пастуховъ вышла изъ какой-то конторы и сѣли въ сѣдла. Лошади внезапно оживились и какъ-то особенно нервно побѣжали прочь, вздрагивая и отряхаясь...

Stock-yard остался назади, застилаясь пеленой своей мглы, пара и дыма; вагонъ опять громыхалъ на стыкахъ, то и дѣло останавливаясь, чтобы пропустить поѣзда, изъ которыхъ опять тупо глядѣли овцы, быки, коровы.

Уже далеко на длинной улицѣ, все еще пронизываемой то и дѣло вѣяніемъ Stock-yard'а, насъ обогналъ щегольской возокъ-ящикъ, на которомъ, по красному полю бѣлыми буквами стояла надпись Armor, Swift и К°, а затѣмъ слѣдовало длинное перечисленіе предметовъ производства. Я посмотрѣлъ на этотъ красивый фургончикъ съ непріятнымъ чувствомъ... Съ такимъ невольнымъ содроганіемъ мы встрѣчаемъ въ толпѣ иное приличное, но почему-то зловѣщее лицо... Фургончикъ ожидалъ вмѣстѣ съ нами, пока пройдетъ новый поѣздъ, — и мнѣ казалось, что это сосѣдство наноситъ мнѣ какое-то личное оскорбленіе. Я вздохнулъ съ облегченіемъ, когда послѣдній поѣздъ прошелъ, и щегольская телѣжка съ бѣлыми буквами по красному полю быстро умчалась, утопая въ туманѣ.

— О чемъ это вы задумались?—спросилъ у меня Сергѣй Павловичъ...

— Фабрика смерти!—сказалъ я, формулируя свои впечатлѣнія отъ Стокъ-ярда.

— Да, фабрика... И всѣ итоги подведены! Общая цифра— 90 милліоновъ въ годъ. Замѣтили вы этихъ молодцовъ? Замѣчательные психологи!

— Кто это?

— А эти рабочіе-бойцы... Здѣсь уже нигдѣ не даютъ на чай, даже ресторанной прислугѣ. Обидятся... А эти молодцы собираютъ дань со всѣхъ приходящихъ. Знаетъ, каналья, что ему стоитъ толкнуть тебя локтемъ, и рука невольно лѣзетъ въ карманъ за деньгами. Вотъ вы... За что вы ему дали 10 центовъ?

— Чортъ его знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, за что я ему далъ 10 центовъ?

— Да, просто, вы его *боялись* и питали къ нему отвращеніе. Это какъ разъ то чувство, которое можно питать къ сообщнику давно забытаго преступленія... Вы живете спо-

койною жизнью уважаемаго джентльмэна. И вдругъ онъ является и увѣренно протягиваетъ вамъ руку: пожалуйте нѣчто старому товарищу, сэръ... Вѣдь это я оказываю вамъ маленькія услуги...

— Вы вегетаріанецъ?—спросилъ я.

— Такой же, какъ и вы! Впрочемъ, въ данную минуту... Пожалуй — да. Арморъ и Свифтъ хоть на время дѣлаютъ людей вегетаріанцами...

— А потомъ?..

— Я взялся быть вашимъ гидомъ только по Стокъ-ярду... Вотъ мы и вышли... А дальше... Спросите лучше у Егорова. Онъ все это знаетъ...

Егоровъ сидѣлъ на скамьѣ вагона, задумавшись, и не слышалъ нашего разговора; но теперь онъ вдругъ отряхнулся и сказалъ:

— Я вспоминалъ, какъ у насъ въ деревнѣ били свинью... Это было цѣлое событіе. Батюшка съ матушкой долго совѣщались, потомъ рѣшили, что, по хозяйственнымъ соображеніямъ, пора убить „любимаго“ борова. Мы всѣ его загоняли съ помощью деревенскихъ ребятъ, и это было очень весело. Боровъ визжалъ и долго бѣгалъ отъ насъ по двору и огороду... Потомъ его растянули на зеленой травѣ, надъ рѣчкой. Остального мы, ребята, не видѣли...

— Необыкновенно поэтично,—сказалъ Викторъ Павловичъ.

— Всетаки лучше, чѣмъ то, что мы видѣли сейчасъ.

Егоровъ былъ романтикъ, ненавидѣлъ городскую жизнь и фабрики... Мечталъ о работѣ на фермѣ, а пока перебивался въ какой-то конторѣ.

— Разумѣется, — насмѣшливо сказалъ Викторъ Павловичъ.—Вотъ индѣйцы привязываютъ плѣнника къ дереву, рѣзвая молодежь упражняется на немъ въ мѣткости ударовъ томагаука, а юныя дѣвы поощряютъ наиболѣе удачные удары... Это длится цѣлый день... и такъ это хорошо описано у Майнъ-Рида, что порой не прочь и самъ испытать эту поэзію... Однако, по зрѣломъ размышленіи я лично предпочелъ бы погибнуть отъ цивилизованнаго шасно, а еще пріятнѣе отъ пушечнаго ядра... Арморъ и Свифтъ кончаютъ сразу... и это лучше... Думаю, что всякая благоразумная свинья раздѣляетъ мое мнѣніе.

Викторъ Павловичъ впадалъ въ обычный сплинъ, становился непріятенъ и циниченъ...

— И всетаки это ужасно, — сказалъ задумчиво Егоровъ...

— Да, какъ всякая послѣдовательность. Нѣтъ ни цвѣточковъ, ни лужайки, ни рѣчки,—все просто, откровенно и всему

подведены итоги... Однако, мы пріѣхали... Поблагодарите меня за доставленное удовольствіе. А впрочемъ не взыщите...

VI.

На слѣдующій день, выставка развлекла и разсѣяла мои воспоминанія о Stock-yard'ѣ. Однако, когда, въ обычный часъ, я пришелъ въ ресторанъ, и миловидная Лиззи, ирландка, взявшая меня, чужестранца, подъ свое покровительство, принесла мнѣ обычную порцію ростбифа, — я увидѣлъ, что рѣшительно не въ состояніи къ нему прикоснуться.

— Вы здоровы, сэръ? — спросила Лиззи, вглядываясь въ мое лицо, на которомъ, вѣроятно, слишкомъ явственно выступило мое ощущеніе.

— Я здоровъ, Лиззи, но я желалъ бы лучше получить кукурузы, картофеля и апельсинъ.

Это продолжалось что-то около недѣли...

1896 г.

„ДРАКА ВЪ ДОМѢ“.

(Очерки изъ заграничной поѣздки).

I.

...Я проснулся оттого, что глухіе удары машины, слышные всю ночь, вмѣстѣ съ продолжительнымъ и глухимъ плескомъ волнъ, внезапно стихли. Коротко прогремѣла якорная цѣпь. Пароходъ остановился.

Я быстро одѣлся и вышелъ на палубу.

Палуба, снасти, стулья, сваленные въ кучи и обвязанные веревками,—все было мокро. Густая мгла лежала кругомъ, туманъ носился клочками подъ навѣсомъ и льнулъ къ стѣнкамъ парохода. Подъ нимъ скорѣе угадывалось, чѣмъ виднѣлось колыхавшееся море...

Потомъ густой мелкій дождь сталъ поливать туманъ, море и нашу „Уранію“.

Мы стояли въ бухтѣ, похожей на озеро, потому что со всѣхъ сторонъ ее обступили туманныя очертанія берега. Порой, въ какой-нибудь просвѣтъ ползучей мглы виднѣлись зданія города, въ другой стороны рисовалась крѣпостца, съ циклопически-простыми, грузными очертаніями: каменная стѣна по склону горы и надъ нею короткая, широкая башня.

Я понялъ, что ночью мы пересѣкли Ирландское море и теперь стоимъ у береговъ Ирландіи, въ виду Кингстона.

Кингстонъ — небольшой городокъ на восточномъ берегу острова, верстахъ въ десяти отъ Дублина. Такимъ образомъ эти укрѣпленія назначены, очевидно, для защиты ирландской столицы съ моря.

Въ туманѣ зарисовалось грязноватое пятно. Оно исчезло, вынырнуло опять, опять потонуло въ молочной мглѣ, и потомъ уже близко, на верхушкѣ блѣдной волны закачалось

что-то въ родѣ огромнаго фантастическаго насѣкомаго, брошеннаго въ море вѣтромъ и подымающаго изъ воды длинныя, прямыя крылья. Это была лодка. Волна подкинула ее кверху такъ сильно, что, казалось, вотъ-вотъ она вскочитъ на нижнюю палубу „Ураніи“, если бы пароходъ въ свою очередь не уклонился, и затѣмъ она опустилась внизъ до самаго киля. Тогда съ „Ураніи“ ей кинули канатъ.

Въ лодкѣ сидѣли двое мужчинъ въ клеенчатыхъ одеждахъ и двѣ женщины, промокшія до послѣдней нитки. Это оказались ирландцы, пріѣхавшіе поторговать на проходящемъ пароходѣ яблоками, рыбой и мелкимъ краснымъ товаромъ.

Когда я спустился на нижнюю палубу, тамъ происходила оживленная жанровая сцена. Переселенцы, матросы съ „Ураніи“, повара въ бѣлыхъ колпакахъ, кухонные молодцы въ клеенчатыхъ передникахъ и деревянныхъ башмакахъ, окружили ирландцевъ, изощряя надъ ними свое остроуміе. Насколько я могъ понять содержаніе этой словесной перестрѣлки, это было нѣчто въ родѣ того острословія, которымъ у насъ встрѣчаютъ вятича или пошехонца. Ирландцы были въ меньшинствѣ и потому скоро перестали отстрѣливаться. Какой-то американецъ, съ типичнымъ угловатымъ лицомъ и бородкой, напоминающей лопатку, разъяснялъ смыслъ остротъ старому негру, черному, какъ хорошо вычищенный сапогъ. Тотъ откидывался назадъ, билъ себя въ грудь и заливался хохотомъ, который невольно передавался зрителямъ...

Странная мысль зародилась вдругъ въ моей головѣ, когда я наблюдалъ эту мирную картину. А вѣдь, въ сущности, думалось мнѣ, эти ирландцы и эти англичане — представители двухъ враждующихъ націй, притѣснители и притѣсненные, завоеватели и мятежники. Этотъ островъ, на которомъ стоитъ каменная башня, добивается широкой автономіи, отдѣльнаго правительства для рѣшенія своихъ внутреннихъ вопросовъ, а въ числѣ этихъ вопросовъ есть также вопросъ о возвращеніи фермеру ирландской земли, захваченной по праву завоеванія англичаниномъ - землевладѣльцемъ... Это ли не мятежныя стремленія, это ли не открытое возмущеніе по нашимъ континентальнымъ понятіямъ!..

Но наша „Уранія“ безпечно стоитъ въ виду этой башни, надъ которой мирно болтается промокшій флагъ, и никто не ждетъ, что оттуда сверкнетъ огонь и грянетъ выстрѣлъ. Обмѣнъ англійскихъ и ирландскихъ остротъ остается единственнымъ проявленіемъ борьбы двухъ націй на борту судна, только что явившагося изъ Англіи... А въ Англіи кипитъ борьба за самоуправленіе этого острова.

Куда же схлынули страсти этой борьбы, наполняющей весь міръ своими отголосками?.. Этотъ вопросъ, возникшій невольно въ ирландской бухтѣ, въ виду туманнаго ирландскаго берега, навелъ меня на размышленія, сущность которыхъ я и попытаюсь изложить въ слѣдующей главѣ...

II.

Вернемся за нѣсколько дней назадъ.

Передо мной теперь не бухта и не укрѣпленія Кингстона, а крыши, трубы и улицы Лондона. Я стою у открытаго окна, очень высоко въ верхнемъ этажѣ отеля. Снизу доносится уличный шумъ. Вверху—туманное небо, съ задумчиво ползущими по немъ облачками, клубящимися, подобно огромной пеленѣ дыма. Впрочемъ, тутъ и дѣйствительно не мало дыма, въ этихъ парахъ, переполняющихъ лондонское небо. Порой пытается пробиться лучъ солнца; тогда облака принимаютъ видъ мутно-опаловыхъ стеколъ, и опаловые оттѣнки играютъ на сплошной массѣ крышъ, перерѣзанныхъ въ разныхъ направленіяхъ прямыми линіями avenue и street'овъ. Вотъ лучъ коснулся небольшой готической колоколенки... Она засвѣтилась, точно рука утопающаго, въ послѣдній разъ поднявшаяся къ небу надъ поверхностью застывшаго каменнаго моря.

Таковъ былъ видъ, которымъ я любовался изъ окна отеля на Трафальгарскомъ скверѣ, въ первый день по пріѣздѣ въ Лондонъ.

— Сэръ! Мы видимъ иногда солнце въ Лондонѣ,—сказалъ когда-то Диккенсъ обывателю американскаго Питсбурга, который полагалъ, что Питсбургъ долженъ ему напомнить родной Лондонъ.

Мнѣ казалось, однако, что и житель Лондона видитъ солнце не особенно часто. Я пробылъ въ Лондонѣ 9 дней. Никто изъ мѣстныхъ жителей не жаловался на особенное ненастье,—и, однако, во все это время только два раза надъ столицей „веселой Англіи“ игралъ не то, чтобы солнечный свѣтъ, а какіе-то проблески, точно солнце смотрѣло на Лондонъ сквозь дымчатыя стекла. И эти проблески такъ странно измѣняли физіономію англійской столицы. Лондонъ начиналъ хмуро улыбаться, по улицамъ пробѣгали опаловые просвѣты, игравшіе то въ окнѣ омнибуса, то на лаковой шляпѣ кэбмэна, то на крышѣ фургона, смоченнаго еще недавнимъ дождемъ,—а ряды оконъ вдоль улицъ вспыхивали тусклыми отблесками. Въ эти минуты замѣчаешь невольно, какъ оживаетъ необыкновенная красота этихъ угрюмыхъ зданій, обыкновенно задернутыхъ пеленой тумана и дыма. Вотъ сѣрая Трафальгар-

ская колонна съ гигантскими львами, широко, спокойно и чутко лежащими у подножія, будто на стражѣ англійской славы. Вотъ граціозная колоннада Св. Мартина, церкви, около которой такъ часто бродила фантазія великаго англійскаго романиста. Вся она какого-то неопредѣленно мурагаго цвѣта, подернута сѣроватыми осадками—и сизый туманъ залегаетъ подъ ея портиками, льнетъ къ стѣнамъ. Но въ минуты этихъ рѣдкихъ просвѣтовъ она просвѣтляется, что-то новое мелькаетъ въ ней передъ заинтересованнымъ взглядомъ. Присмотритесь: вѣдь это все бѣлый мраморъ, покрытый затвердѣвшими осадками дыма. Если бы въ одинъ прекрасный день кто-нибудь обмылъ весь Лондонъ мокрыми тряпками и хоть на недѣлю остановилъ заводскія трубы,—мы увидѣли бы тогда одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ мірѣ. Но теперь эта красота хмурится, страдая отъ вѣчнаго сплина за полузакрытыми ставнями своего неба...

Окно, изъ котораго я производилъ эти наблюденія, обладало особенными свойствами. По какой-то акустической случайности всѣ звуки Трафальгарскаго сквера и Чарингъ-Кросса, этихъ узловъ огромной лондонской жизни, подхваченные воздушнымъ теченіемъ между сомкнутыхъ стѣнъ,—бились и звенѣли за стеклами. Когда я приподнялъ раму, мнѣ показалось, что цѣлое наводненіе звуковъ, пестрыхъ и смѣшанныхъ точно въ звуковомъ калейдоскопѣ, кинулось сразу мимо моихъ ушей.

Это былъ своеобразный голосъ лондонской улицы. Деревянная мостовая и тяжелый общественный экипажъ даютъ ей основную ноту,—глубокую, глухую, слегка хриплую. Тутъ нѣтъ ничего похожаго на стрекотаніе нашей мостовой подъ колесами безчисленныхъ ванекъ. Извозчикъ — это душа нашего уличнаго движенія. Четыре колеса, человѣкъ и лошадь—для одного сѣдока. Это уже начинаютъ считать излишествомъ въ западныхъ столицахъ... Въ то время, какъ наша улица дребезжитъ стукомъ извозчичьяго экипажа,—по улицѣ Лондона съ глухимъ рокотомъ катятся огромные ковчеги, запряженные огромными буцефалами, снятыми точно въ увеличенномъ видѣ съ классическихъ скульптурныхъ группъ... Еще Диккенсъ, въ лондонскихъ очеркахъ, отмѣчалъ исчезновеніе наемныхъ каретъ и начинавшееся господство кэба. Теперь уже и поджарый кэбъ, съ узкими боками, высокимъ сидѣньемъ кучера и одной лошадью—становится роскошью, и кэбмэны имѣютъ здѣсь много досуга для чтенія своихъ газетъ. Для этого, сказать кстати, самое устройство кэба, съ сидѣніемъ назади,—приспособлено какъ нельзя лучше: газета разстилается пря-

на кожаной крышкѣ. Неподвижныя вереницы извозчиковъ, погруженныхъ въ чтеніе, составляютъ, пожалуй, одну изъ особенностей лондонскихъ улицъ. Уличное движеніе замѣтно демократизируется: членъ парламента ѣдетъ въ омнибусѣ рядомъ съ рабочимъ, и нарядная дама поднимается на имперіалъ по узкой лѣсенкѣ неудобнаго „бэса“, какъ его ласкательно именуетъ лондонскій жаргонъ... Омнибусы, фургоны, вагоны конножелѣзныхъ и электрическихъ дорогъ — солидно катятся вдоль улицъ, и кэбъ лишь изрѣдка мелькаетъ между этими громадами, точно лодочка между барками въ узкомъ каналѣ...

Я прислушивался... На общемъ фонѣ нетрудно было различить сотни индивидуальныхъ звуковъ: и колокольчикъ конножелѣзнаго вагона, направляющагося изъ Пиккадилли, и шарканіе пѣшеходовъ по асфальту, и крикъ разносчика, и даже тихій голосокъ дѣвочки, уличной продавщицы цвѣтовъ.

Я хотѣлъ уже закрыть окно, какъ вдругъ... Послышались странные крики, сначала въ отдаленіи, потомъ ближе. Черезъ минуту что-то сдѣлалось съ уличнымъ шумомъ, какъ будто онъ сразу сошелъ съ ума... Точно рѣка, ровно и солидно текущая въ шлюзахъ, вдругъ прорвала плотину... Изъ боковыхъ улицъ, звуки вливались къ Трафальгару и Чарингъ-Кроссу, и вскорѣ внизу все кипѣло рѣзкими криками, хлеставшими воздухъ. Движеніе на троттуарахъ дрогнуло, смѣшалось, какъ въ растревоженномъ муравейникѣ. Я высунулся изъ окна, стараясь опредѣлить причину необычайнаго явленія... Бунтъ?.. Пожаръ?.. Наводненіе или землетрясеніе?..

Ничего этого не было... Только въ движеніи толпы происходило необычайное замѣшательство... Пѣшеходы собирались кучками и мнѣ было видно сверху, что среди нихъ мелькаютъ бѣлые листы... Много бѣлыхъ листовъ... Люди выхватывали ихъ изъ какой-то свалки и уходили, торопливо читая на ходу... И въ то же время я различилъ надъ шумомъ улицы изступленные пронзительные крики, повторявшіе одну фразу:

— Фри файтъ, фри файтъ, фри файтъ энъ де гэусъ...

Free fight,—въ переводѣ это означаетъ драку. Но при томъ драку не простую, а „свободную“, такую, какая можетъ происходить на площади, на улицѣ, въ кабакѣ, вообще драку предосудительную и разнузданную... Но house—значитъ домъ... Изъ этого слѣдовало, что драка, о которой такъ крикливо заявлялъ въ этотъ день голосъ солидной лондонской улицы, происходила въ какомъ-то домѣ...

А домомъ англичане называютъ также и парламентъ.

Я одѣлся и вышелъ изъ номера... „Free fight in the

house“—съ улицы проникло уже въ нашъ фешенебельный отель. Молодой человѣкъ, на обязанности котораго лежало управленіе нашимъ лифтомъ, едва успѣлъ повернуть рычагъ и, пока мы тихо катились внизъ,—жадно прильнулъ къ газетѣ. „Free fight“ стояло жирнымъ шрифтомъ въ разныхъ мѣстахъ газетной страницы... „Драка въ Домѣ“ занимала швейцаровъ и офиціантовъ, объ ней говорили джентльмэны во фракахъ и декольтированныя лэди, спускавшіяся къ табльдоту,—а улица вся кипѣла рѣзкими, звонкими, прямо неистовыми криками...

Первый же, встрѣченный мною газетчикъ, парень лѣтъ 17, съ выпученными глазами и горломъ точно у пѣтуха, собирающагося крикнуть, — едва позволилъ себя остановить на бѣгу, сунулъ мнѣ огромный листъ, взялъ, не глядя, монету,— и тотчасъ же, закинувъ голову на бокъ и необычайнымъ образомъ раздувши горло, огласилъ воздухъ отчаяннымъ крикомъ:

— Фри файтъ, фри файтъ!.. Фри файтъ энъ де гэусъ...

И стремглавъ побѣжалъ далѣе...

Публика жадно кидалась на газетчиковъ, рвала листы изъ рукъ, дѣловые джентльмэны читали о дракѣ на ходу, на троттуарахъ, на имперіалахъ бэсовъ, въ вагонахъ трамваевъ. Извозчики безъ сѣдоковъ гонялись за разносчиками, подъѣзжая къ троттуарамъ и протягивая руки съ высокихъ козелъ... И даже корректныя лэди читали листы на ходу, рискуя столкнуться съ встрѣчными...

Черезъ нѣкоторое время хлынула новая волна разносчиковъ. Нѣсколько запоздавшая газета несла публикѣ новыя подробности...

— Фри файтъ! Фри файтъ... У полковника Саундерсона большая шишка на лбу...

Когда, захвативъ на свою долю двѣ газеты, я направился къ своему отелю, — у его подъѣзда остановилась небольшая изящная каретка. Въ ней сидѣлъ очень старый худощавый джентльмэнъ, безъ шляпы. Другой — высокій молодой человѣкъ, торопливо вышелъ изъ каретки первымъ и почтительно помогъ старому джентльмэну подняться по лѣстницѣ подъѣзда...

— Это мистеръ Гладстонъ,—вдругъ пронеслось въ публикѣ...

Дѣйствительно, это былъ „великій старецъ“, пріѣзжающій сюда изъ парламента въ обѣденное время и для роздыха. Онъ былъ серьезенъ и торопливо прошелъ въ дверь отеля, избѣгая очевидно попытокъ интервьюэровъ, которымъ, конечно, было бы любопытно узнать:

— Что думаетъ мистеръ Гладстонъ о свободной дракѣ?

Впрочемъ улица уже отвѣчала на этотъ вопросъ пронзительными криками:

— Фри файтъ!.. Мнѣніе мистера Гладстона о свободной дракѣ... Мистеръ Гладстонъ горько сожалѣетъ о свободной дракѣ... Драка, драка, джентльмэны, свободная драка въ Домѣ!.. Полковникъ Саундерсонъ показываетъ репортеру свою шишку на лбу...

III.

Мнѣ удалось побывать въ „Домѣ“ нѣсколько дней спустя. Зданіе парламента стоитъ на берегу Темзы, у Лондонскаго моста, прямо противъ знаменитаго Вестминстерскаго аббатства. Оно очень внушительно, солидно, выдержано въ тончайшемъ готическомъ стилѣ, покрыто кружевомъ стрѣльчатыхъ орнаментовъ, которые не лишаютъ его нѣкоторой архаической суровости.

Рядомъ, подъ сѣнью „новаго парламента“, у его входа, вы видите какъ бы его прототипъ. Это старый парламентъ, который по сравненію съ своимъ молодымъ сосѣдомъ представляется чѣмъ-то въ родѣ готическаго сарая. Здѣсь кипѣла когда-то вѣковая борьба коммонеровъ съ короной. Сюда безпечный и несчастный Карлъ Стюартъ, вскорѣ послѣ ремонстраціи, которую онъ высокомѣрно нарушилъ, пришелъ въ ботфортахъ со шпорами и съ хлыстомъ въ рукѣ, чтобы арестовать Пима, Гемпдена и Гольденниса... И здѣсь поднялась еще первая грозная народная буря. Черезъ нѣсколько дней старое зданіе, окруженное цѣлымъ лѣсомъ алебардъ и пикъ лондонской милиціи, вновь увидѣло въ своихъ стѣнахъ опальныхъ депутатовъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ — оно слышало смертный приговоръ, о которомъ наши предки говорили съ такой наивною силой негодованія: „аглицкіе люди поступили не гораздо: короля своего Карлуса убили до смерти“...

Я плохо знаю исторію парламентскихъ зданій и не могу поэтому сказать точно, — дѣйствительно ли этотъ сарай представлялъ все старое зданіе, или это только часть его. Во всякомъ случаѣ, его присутствіе здѣсь, — повидимому, безцѣльное, — очень характерно. Весь составленный изъ традицій — парламентъ бережно сохранилъ и эту свою каменную традицію. Новое зданіе, огромное и роскошное, все, до послѣдней мелочи, выдержано въ той же формѣ, въ томъ же цвѣтѣ и стилѣ... Та же готика, та же красивая суровость...

И та же старая символика во внутреннихъ распорядкахъ. Палата называется „нижнею“, и настоящіе законодатели страны въ торжественныхъ случаяхъ отправляются въ помѣщеніе благородныхъ лордовъ, гдѣ, скромно стоя за рѣшеткой, смиренно выслушиваютъ то, что имъ вѣщаютъ король и

лорды... И даже надъ часовой башенкой до сихъ поръ находится карцеръ, готовый принять любого изъ законодателей, какъ провинившагося школьника. Однако, весь этотъ ритуалъ представляетъ такую же почтенную, пустую форму, какъ описанное выше старое зданіе, по которому въ тотъ день, когда я его видѣлъ,—бродилъ одинъ лишь скучающій полисмэнъ въ своей суконной каскѣ. И никто въ цивилизованномъ мірѣ не будетъ особенно удивленъ, когда, вернувшись изъ-за рѣшетки высшей палаты, скромные коммонеры вотируютъ въ своей „нижней комнатѣ“, чтобы изъ верхней убрали за ненадобностью почтенную историческую меблировку...

За первой же дверью на насъ пахнуло той чуткой тишиной, въ которой воображенію невольно чудятся отголоски какихъ-то важныхъ и торжественныхъ совѣщаній, гдѣ-то за стѣной. И опять „традиціи“ обступаютъ васъ со всѣхъ сторонъ въ этой тишинѣ.

Корридоръ, уставленный бѣлыми, какъ привидѣнія, мраморными статуями великихъ государственныхъ дѣятелей Англіи... Рядъ Питтовъ и Борковъ завершается мефистофелевской, во весь ростъ, фигурой Дизраэли. Я невольно подумалъ о томъ особенномъ ощущеніи, которое долженъ испытывать Гладстонъ, такъ много лѣтъ видѣвшій эту фигуру, съ той же кривой улыбкой, въ той же позѣ, въ качествѣ своего противника на противуположной скамьѣ палаты. Когда Гладстонъ былъ у власти,—Диззи нападалъ на него со скамей „вѣрноподданной оппозиціи“. Когда шансы политической игры измѣнялись,—Гладстонъ переходилъ налѣво, и Диззи такъ же иронически отражалъ его нападенія съ министерской скамьи. И вотъ теперь язвительный Диззи на пьедесталѣ ждетъ того дня, когда его противникъ станетъ у противоположной стѣны, такой же бѣлый, такой же недвижимый и холодный... Есть что-то, пронизывающее холодомъ, хотя и исполненнымъ высокаго „респекта“, въ этомъ мраморномъ безсмертіи, которое глядитъ на живого еще человѣка уже такъ близко.

Входная дверь тихо открылась и такъ же тихо захлопнулась за нами. И тотчасъ же къ намъ подошелъ дежурный полисмэнъ, тихо ступая на мягкихъ подошвахъ. Онъ спросилъ почти шопотомъ, что намъ угодно въ „Домѣ“?

Нашъ провожатый назвалъ фамиліи двухъ ирландскихъ депутатовъ.

— Мистеръ N. находится здѣсь,—сказалъ полисмэнъ вѣжливо и отошелъ съ поклономъ на свое мѣсто.

Законодатели въ парламентѣ у себя „дома“, и „улица“ не имѣетъ сюда доступа по закону. Это старая привилегія, и

она „числится“ за англійскимъ парламентомъ до сихъ поръ. Извѣстна эта черта англійскаго законодательства,—что его законы рѣдко умираютъ насильственною смертью. Трудно повѣрить, напримѣръ, что въ свободной Англіи до сихъ не отмѣнено никакимъ формальнымъ актомъ крѣпостное состояніе. А между тѣмъ это такъ. Англія не знаетъ также законовъ о такъ называемой „свободѣ печати“, въ континентальномъ значеніи этого слова. До сихъ поръ, въ той грудѣ парламентскихъ актовъ, которую представляетъ англійскій кодексъ, нетрудно отыскать и старую парламентскую привилегію о томъ, что засѣданія палаты не гласны и не публичны. Акты остаются во всей своей буквальной неприкосновенности, ихъ нетрудно разыскать въ подлинникахъ, но они уже умерли. И если бы кто-нибудь изъ нынѣшнихъ членовъ парламента предложилъ удалить стенографовъ съ ихъ галлереи,—то это произвело бы такое же впечатлѣніе, какъ если бы мраморный Биконсфильдъ вошелъ въ залъ, занялъ мѣсто на скамьѣ вѣрноподданной оппозиціи ея величества, рядомъ съ мистеромъ Чемберленомъ, и попросилъ бы слова по ирландскому биллю.

Не могу сказать навѣрное, какое именно наказаніе грозитъ по этимъ окаменѣвшимъ законамъ любому журналисту, ежедневно нарушающему „тайну парламентскихъ засѣданій“. Въ Англіи нѣтъ спеціальныхъ „литературныхъ“ преступленій и наказаній. Человѣкъ, напечатавшій клеветническую брошюру, или ее прочитавшій другому, или пославшій ее по почтѣ, подлежитъ наказанію наравнѣ съ тѣмъ, кто написалъ обидное слово пальцемъ на чьихъ-нибудь воротахъ. Онъ судится, какъ клеветникъ, диффаматоръ и оскорбитель, все равно на словахъ или въ печати. Въ старину ложный доносчикъ Титъ-Отсъ былъ привязанъ къ телѣжкѣ, съ обнаженной спиной, и его усердно бичевали, возя по городу; тому же наказанію подвергались дерзкіе памфлетисты: ихъ возили „отъ Ольдъ-гета до Нью-гета и отъ Нью-гета до Тиборна“, и каждый желающій могъ бить ихъ по обнаженной спинѣ. Даніэль Дефо, знаменитый авторъ всемірно извѣстнаго Робинзона, за политическіе памфлеты три раза выставлялся у позорнаго столба, съ головой и руками, ущемленными въ отверстія широкой доски... То же въ свое время грозило каждому, кто бы осмѣлился нарушить тайну парламентскихъ засѣданій... „Домъ“ пользовался неприкосновенностью, какъ частная квартира законодателей. И даже больше.

Старая парламентская привилегія рычала на журналистовъ, какъ адскій церберъ. Въ царствованіе Георга III нѣкто Уилксъ занялся разсмотрѣніемъ въ печати того, что про-

исходило въ „Домѣ“. Въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ, а также въ своей газетѣ „North Britan“ онъ первый сталъ публиковать отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ, сопровождая ихъ ядовитыми критическими замѣчаніями. Законъ парламентской неприкосновенности вступилъ въ борьбу на жизнь и на смерть съ дерзкимъ журналистомъ. Вначалѣ, казалось, борьба была на сторонѣ стараго закона. Юное дѣтище политической прессы закрылось на 45 номерѣ, и редакторъ вынужденъ былъ бѣжать во Францію. Но общество было на сторонѣ журналиста: въ день отъѣзда Уильска на окнахъ Лондона виднѣлась всюду цифра 45, и народъ не позволилъ сжигать газету, кидая вмѣсто нея въ огонь ботфорты, символически представлявшіе фигуру министра Бьюта. Потомъ журналиста выбрали въ парламентъ, и противъ парламентской привилегіи всталъ законъ о неприкосновенности депутата. Уилксъ вернулся, чтобы засѣдать въ той же палатѣ. Потомъ его избрали альдермэномъ Сити. Газеты къ этому времени стали печатать отчеты десятками, и старому закону пришлось сразу гоняться за цѣлой стаей его нарушителей.

Однажды, онъ пожелалъ отправить въ тюрьму нѣсколько десятковъ журналистовъ. Но тутъ онъ наткнулся на неожиданное и тоже законное препятствіе: другой законъ требовалъ для заключенія подписи альдермэна на приказѣ объ арестѣ. Иначе тюремщикъ не въ правѣ былъ принять новыхъ жильцовъ. Уилксъ отказалъ въ подписи. Парламентъ арестовалъ нѣсколько типографщиковъ, лордъ-мэръ (городской голова) освободилъ ихъ изъ заключенія. Попробовали посадить самого лорда-мэра, но его освободилъ судъ общихъ тяжебъ. Общество дѣлало заключеннымъ овацiи, а отчеты продолжали являться, какъ ни въ чемъ не бывало. Вѣроятно, были у стараго закона еще какіе-нибудь способы. Но онъ впалъ уже въ предсмертную тоску. Осаждаемый на всякомъ шагу тучей мелкихъ законовъ, которые были живѣе и подвижнѣе его и которые кусали его со всѣхъ сторонъ, какъ стая собакъ, вцѣпившаяся въ краснаго звѣря,—парламентскій законъ понялъ, что онъ въ сущности уже умеръ... Противъ него были уже прецеденты... Онъ изнемогъ, и ему осталось только смиренно стать на полку въ парламентскомъ архивѣ... Никто даже не позаботился написать ему свидѣтельство о смерти.

Съ этихъ поръ джентльмэны прессы засѣдаютъ въ качествѣ четвертаго сословія,—впрочемъ все таки за спиной у спикера, который, такимъ образомъ, какъ бы не замѣчаетъ этого правонарушенія.

Противозаконно проникая въ „Домъ“, въ качествѣ посторон-

нихъ, мы навѣрное тоже нарушали какой-нибудь неотмѣненный старинный актъ... Впрочемъ, называя фамилію достопочтеннаго ирландскаго депутата, котораго я, напримѣръ, до того времени не видѣлъ въ глаза, мы приносили жертву „традиціи“—домашнему пенату парламента, и становились до извѣстной степени уже не посторонними.

Въ слѣдующемъ за корридоромъ кругломъ залѣ, съ высокимъ, куполообразнымъ потолкомъ, намъ пришлось еще разъ повторить эту фамилію и затѣмъ ожидать, въ числѣ другихъ „постороннихъ“, пока парламентскіе служителя сообщатъ достопочтеннымъ депутатамъ, что „знакомые“ желаютъ ихъ видѣть.

Въ кругломъ залѣ было немало посѣтителей. Приходили и уходили служащіе, пристава, депутаты, журналисты, парламентскіе чиновники. Одинъ разъ появился мистеръ Мелоръ, предсѣдатель парламентской комиссіи. Онъ вышелъ тихой походкой изъ парламентской залы, повидимому, ради какой-нибудь своей личной надобности... Намъ, русскимъ, казалось нѣсколько страннымъ то обстоятельство, что мистеръ Мелоръ сохраняетъ вполнѣ серьезный видъ въ длинной архаической мантіи, изрядно потертой, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ, плотно облегающихъ короткія ноги, въ башмакахъ съ пряжками и въ бѣломъ парикѣ со смѣшною косицей. Изъподъ косицы и парика безцеремонно выглядывали собственные волосы достопочтеннаго джентльмена, обстриженные и гораздо болѣе темнаго цвѣта. Небольшой ростъ, походка съ развальцемъ, совершенно партикулярный видъ человѣка, идущаго въ столь величественномъ костюмѣ по своему личному дѣлу, — придавали нѣчто своеобразное всей этой фигурѣ...

Мнѣ показалось, что я узнаю мистера Мелора. Повидимому именно ему выпало на долю предсѣдательствовать въ день „свободной драки“. Юмористическіе листки отлично съумѣли воспользоваться аттрибутами его званія. Изъ парика они сдѣлали чепчикъ, мантію задрапировали шалью. Изъ фигуры почтеннаго джентльмэна вышла такимъ образомъ сонливая старая лэди, дремлющая въ креслѣ, между тѣмъ, какъ порученные ея надзору внучата расшибаютъ другъ другу лбы и носы...

Наконецъ, дверь зала открылась. Мелькнула внутренность святилища; и по корридору къ намъ вышелъ ирландскій депутатъ, котораго мы ждали. Это былъ очень привѣтливый господинъ, пріятный на видъ и любезный. Мы были ему представлены, обмѣнялись наскоро рукопожатіями, и послѣ

этого одинъ изъ парламентскихъ служителей провелъ насъ за рѣшетку. Крутыя и узкія лѣсницы, узкіе корридоры и довольно запутанные переходы. Наверху—конторка, у конторки—толстая книга, у книги—господинъ, весь въ черномъ, безмолвный, какъ статуя. Не проронивъ ни одного слова, онъ внесъ наши имена и имя нашего знакомаго депутата. За этимъ еще одинъ корридоръ со стеклянною стѣной, въ которую черезъ головы публики виднѣлись уже внизу головы депутатовъ,—и мы вступаемъ въ залъ засѣданій.

Несмотря на то, что мы ежедневно читаемъ газетные отчеты и нерѣдко видимъ иллюстраціи разныхъ парламентскихъ эпизодовъ, — впечатлѣніе было всетаки совершенно неожиданно. Я ждалъ увидѣть что-то въ родѣ обширнаго форума. Между тѣмъ первое впечатлѣніе было впечатлѣніе тѣсноты и полумрака. Продолговатый четыреугольникъ... Готическіе орнаменты деревянныхъ стѣнъ и окна съ цвѣтными разрисованными стеклами скрадываютъ и безъ того необильное освѣщеніе. Оно еще уменьшается темными тонами полированнаго дерева и черной кожи, которою обиты скамьи... Повидимому, строитель больше заботился о традиціи, чѣмъ о томъ, чтобы дать доступъ свѣту и полноту резонанса.

Публика помѣщается на антресоляхъ, со скамьями, понижающимися къ концу. По боковымъ стѣнамъ — хоры, а на противоположной сторонѣ — опять антресоли поменьше для стенографовъ и журналистовъ. За скамьями прессы, за рѣшеткой мелькаютъ, точно въ туманѣ, фигуры нарядныхъ дамъ, которыя совершенно отдѣлены, такимъ образомъ, отъ остальной публики. Онѣ здѣсь напоминаютъ заключенныхъ, тщательно скрывающихъ (кажется, даже за стеклами) свое противузаконное присутствіе.

Зато коммонеры въ шляпахъ имѣютъ видъ очень непринужденный. Видно, что они дѣйствительно чувствуютъ себя „дома“. Зато публика держится въ необычайномъ респектѣ, точно на торжественной мессѣ. Когда я занялъ свое мѣсто, указанное мнѣ безмолвнымъ жестомъ распорядителя,—на хорахъ съ лѣвой стороны поднялся одиноко сидѣвшій джентльмэнъ, весь въ черномъ. Шелковые чулки и башмаки съ пряжками показывали его оффиціальное званіе. Онъ кинулъ суровый взглядъ въ мою сторону и, подойдя неслышно къ первой скамьѣ, величественно поднялъ кверху указательный палецъ лѣвой руки, съ видомъ угрозы. Въ публикѣ произошло тихое движеніе, и я подумалъ уже, что это я, бѣдный чужеземецъ, по невѣдѣнію успѣлъ нарушить какую-нибудь изъ парламентскихъ привилегій. Въ моемъ умѣ быстро и инстинктивно

промелькнули всѣ „прецеденты“... Но въ это время мой ближайшій сосѣдъ толкнулъ локтемъ своего ближайшаго сосѣда, какъ это сдѣлалъ бы ученикъ, предостерегающій во время урока неосторожнаго товарища. Оказалось, что одинъ изъ „сторонникъ посѣтителей“, находившій, вѣроятно, недостаточно интересными пренія о 126 статьѣ бюджета,—тихонько читалъ газету, спрятавъ ее за спинкой скамьи. Когда онъ тревожно поднялъ глаза, черный джентльмэнъ поднялъ палецъ еще выше, и его брови сдвинулись еще грознѣе. Газета, о присутствіи которой строгій блюститель догадался, очевидно, по опущеннымъ взорамъ виновнаго, быстро исчезла... Строгій приставъ опять занялъ свой наблюдательный постъ...

Помѣщеніе для депутатовъ, внизу, довольно тѣсно. Правда, на черныхъ скамьяхъ оставалось не мало пустыхъ мѣстъ, но зато въ дни особенно интересныхъ засѣданій депутатамъ, говорятъ, приходится брать мѣста чуть не съ бою. Между скамьями правой и лѣвой стоитъ длинный столъ, покрытый сукномъ, заваленный фоліантами и бумагами. Переходы между столомъ и скамьями узки. Депутаты говорятъ, поднимаясь на своихъ мѣстахъ. За столомъ сидитъ вернувшійся въ залъ мистеръ Мелоръ.

Пренія въ этотъ день были дѣловиты, сухи и скучны. Читался бюджетъ, „вѣрноподданная оппозиція“ оспаривала каждую цифру. Вотъ мистеръ Гладстонъ. Одѣтый въ сѣрое, довольно дряхлый на видъ, но подвижной и дѣятельный,—онъ то и дѣло переходитъ съ одного мѣста на другое и шепчется съ депутатами. Раза два онъ переходилъ на скамьи оппозиціи. Противники почтительно сторонились, давая мѣсто. Чаще всѣхъ говорилъ Чемберленъ, ясно, отчетливо, нѣсколько рѣзко и съ юмористическими отступленіями. Вождь уніонистовъ, повидимому, составилъ уже себѣ прочную репутацію юмориста, и публика предрасположена къ смѣху. Вскорѣ послѣ того, какъ мы вошли въ залъ, сумерки сгустились, и остатки свѣта замѣтно уходили въ цвѣтныя стекла готическихъ оконъ. Чемберленъ среди дѣловой рѣчи, испещренной цифрами и детальными нападками на разсчеты правительства, вдругъ рѣзко остановился, поднялъ глаза кверху и сказалъ негромкимъ, но рѣзкимъ и отчетливымъ голосомъ:

— Однако, кажется, за нашу строптивость насъ хотятъ держать въ темнотѣ.

На депутатскихъ скамьяхъ раздался смѣхъ, который покатился по залѣ и замеръ на заднихъ скамьяхъ публики. Это намъ, очевидно, дозволялось.—Въ эту минуту съ потолка полился мягкій электрическій свѣтъ, смягченный матовыми

стеклами. Оказалось, что даже строгій черный джентльмэнъ на хорахъ благоволилъ присоединиться къ общей веселости.

Этотъ свѣтъ придалъ палатѣ болѣе привлекательный видъ. Однако, все оставалось по прежнему респектабельно, величаво и нѣсколько сурово. Мистеръ Мелоръ, въ парикѣ и мантіи, важно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, какъ олицетворенная традиція... И такъ трудно было представить, что еще нѣсколько дней назадъ въ этомъ респектабельномъ „Домѣ“, гдѣ все полно такими почтенными традиціями, депутаты дрались „свободно“, какъ простые уличные буяны.

IV.

Какъ это могло случиться?

Прежде всего, — въ тотъ роковой день, кромѣ депутатовъ и мистера Мелора, кромѣ публики и журналистовъ — въ палатѣ присутствовалъ еще ирландскій вопросъ. А ирландскій вопросъ—это существо безпокойное, раздраженное и раздражающее. Это длинная исторія притѣсненій и борьбы, сопротивленія и обоюдныхъ жестокостей. Это кровавое пятно на исторіи англійской славы, по признанію лучшихъ изъ англичанъ. Это „больное мѣсто у самаго сердца англійской націи“,— по выраженію Маколея. Это длинная цѣпь историческихъ несправедливостей и историческихъ неизбѣжностей, перепутавшихся взаимно въ настоящій гордіевъ узелъ, который не разъ уже пытались разсѣчь, и каждый разъ при этомъ напрасно лилась кровь, а узелъ запутывался еще больше.

Въ XII столѣтіи при Генрихѣ II кельтская Ирландія завоевана англо-саксами. Въ сѣверной части острова завоеватели отдѣлили одинъ округъ „палями“, остальное считалось „дикой Ирландіей“. Она управлялась полудикими кельтскими вождями, долго боровшимися противъ иноземцевъ. Въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы (1603) Ирландія присоединена къ составу Великобританіи, — и послѣдніе О'Доннелли и О'Нейлли, защищавшіе еще свою независимость, цѣловали руки Іакова въ Уайтъ-голлѣ. Но вражда не стихла. Напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ Англія стала протестантской, а Ирландія осталась католической, къ національному антагонизму кельта и сакса присоединяется ненависть протестанта и паписта. Англичане ввели въ Ирландіи своихъ епископовъ, которые, ничего не дѣлая для народа, пользовались, однако, доходами, отнятыми у ирландской церкви, — и своихъ судей, которые находили, что правосудіе не годится для кельта и кельтъ не годится для правосудія. Понятно, что религіозный энтузіазмъ и энтузіазмъ національный слились нераздѣльно

въ сердцахъ побѣжденнаго племени. Англичанинъ для ирландца сталъ ненавистнымъ угнетателемъ, ирландецъ—мятежникомъ и измѣнникомъ для англичанина. „Въ продолженіи всего XVII вѣка, говоритъ Маколей, свобода Ирландіи и рабство Англіи значили одно и то же, и обратно. Всѣ имена, мѣста, дни, соединенные у англичанъ съ воспоминаніемъ объ освобожденіи, благоденствіи, національномъ достоинствѣ,—были для ирландцевъ соединены съ порабощеніемъ, разореніемъ и униженіемъ“... Въ XVII ст. ирландцы два раза поднимались и два раза были жестоко наказаны. Первое возмущеніе было подавлено Кромвелемъ. Его политика, твердая и жестокая,—характеризовалась однимъ словомъ: истребленіе. Съ чувствомъ ветхозавѣтнаго іудея по отношенію къ язычникамъ,—суровый диктаторъ далъ полную волю изувѣрски мрачному энтузіазму своихъ солдатъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ избилъ десятки тысячъ ирландцевъ, оставилъ города безъ жителей, высылалъ многія тысячи за океанъ, въ Вестъ-Индію, а земли оставлялъ солдатамъ и переселенцамъ. Рѣку Шаннонъ онъ сдѣлалъ для ирландцевъ своего рода Стиксомъ: всякій ирландецъ, переходившій съ западнаго берега этой рѣки на восточный — казнился смертію...

Это было жестоко и мрачно, какъ самъ Кромвель, но послѣдовательно. Если бы допустить, что въ XVII столѣтіи въ Европѣ возможно было поголовное истребленіе цѣлаго народа, которое удавалось за много вѣковъ до Рождества Христова, въ Азіи, то политика Кромвеля навсегда разрѣшила бы ирландскій вопросъ. Но это оказалось утопіей, и дальнѣйшая политика Англіи была не столь послѣдовательна, хотя, быть можетъ, не менѣе ужасна. Объ истребленіи не было рѣчи, но ирландцы сведены на степень паріевъ и илотовъ! Въ нѣсколько пріемовъ, послѣ Кромвеля, нѣсколькими парламентскими актами земля отнималась у ирландцевъ и отдавалась англичанамъ. Суды дѣйствовали въ пользу господствующей расы, и ирландцамъ оставались только нелегальныя средства сопротивленія. Угнетеніе и мятежъ взаимно порождали другъ друга и съ деревенскимъ тираномъ боролся деревенскій бандитъ. Ирландскіе мстители отвѣчали бѣшеными жестокостями разбойниковъ на легальныя жестокости англійскаго режима.

Такъ проходили вѣка, и положеніе запутывалось все болѣе. Земли, первоначально захваченныя завоеваніемъ или конфискаціей, переходили изъ рукъ въ десятыя руки на основаніи покупки и продажи. Бывали періоды, когда реакціонные правители Англіи задабривали ирландцевъ. Тогда ирландцы, въ свою очередь, давали волю чувству мести и пытались въ свою

очередь актами и конфискаціями вернуть захваченное. Отъ этого положеніе запутывалось еще сильнѣе, и подтверждалась еще разъ несомнѣнная истина, что національныя страсти—плохое лекарство противъ историческихъ болѣзней.

XVIII столѣтіе знало опять немало возстаній и ирландское дѣло имѣло свои жертвы. Благородный и образованный Фицжеральдъ, опиравшійся на революціонное броженіе въ Европѣ,—заплатилъ за это своей кровью. Робертъ Эмметъ, чисто идеальная фигура заговорщика-энтузіаста, окруженная обаяніемъ таланта, молодости, красоты, необыкновеннаго дара владѣть сердцами,—разсчитывалъ на Наполеона. Изгнанный и заточенный на островъ Св. Елены, Бонапартъ высказывалъ впослѣдствіи горькія сожалѣнія, что онъ въ то время оставилъ Ирландію на произволъ судьбы. Если бы французы высадились на островѣ Зеленаго Эрина, когда звѣзда Наполеона была въ полномъ блескѣ, — кто знаетъ, какова была бы теперь физіономія Европы. Но этого не случилось. Эмметъ въ отчаяніи сдѣлалъ попытку собственными силами взять дублинскій замокъ, былъ отбитъ, раненъ, взятъ и казненъ. Но его обаятельная фигура,—мятежника въ глазахъ однихъ, національнаго героя для другихъ,—осталась въ памяти народа и въ пѣсняхъ Томаса Мура. По его слѣдамъ шли новые мятежники на новыя жертвы.

Въ началѣ нашего столѣтія уничтоженъ жалкій ирландскій парламентъ. Зато возникла ирландская католическая лига, предвѣстница будущаго могущества земельной лиги. Въ 1843 году произошло возстаніе О'Коннеля, котораго осудили. Правительство подтасовало судъ присяжныхъ, что вызвало протестъ въ самой Англіи. Нужно замѣтить, что въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія характеръ отношеній англійскаго и ирландскаго народа значительно измѣняется. Съ одной стороны свобода въ Англіи упрочилась и окрѣпла. Съ другой—передовые люди ирландскаго движенія опираются уже на свободныя идеи вѣка. Прежде, не говоря о періодѣ завоеванія, Ирландія была всегдашней опорой реакціи и угрозой „пріобрѣтеннымъ правамъ“. Не надо забывать, что Іаковы и Марія кровавая всегда призывали къ себѣ ирландскіе полки, вносившіе ужасъ въ самое сердце Англіи. Исторія сохранила память о знаменитой „ирландской ночи“, когда весь Лондонъ былъ освѣщенъ кострами, мужчины готовились къ защитѣ, а женщины и дѣти рыдали въ домахъ до зари. Паника была вызвана извѣстіемъ, будто ирландскіе полки, отпущенные на родину, вернулись съ дороги и идутъ на Лондонъ...

Теперь, съ духомъ новѣйшаго времени, Ирландія не становится уже поперекъ англійской свободы, и въ лучшихъ умахъ свободной націи, расположенной къ великодушію и терпимости, начинается реакція въ пользу Ирландіи.

Въ 1851 году, Вильямъ Гладстонъ, тогда еще молодой человѣкъ, тори по формальной принадлежности къ партіи, но уже либералъ по внутреннимъ склонностямъ,—оставшись не у дѣлъ, поѣхалъ для отдохновенія въ Неаполь. Англійскаго консерватора глубоко поразило положеніе вещей въ этой странѣ жестокаго и тупого произвола. Вмѣсто отдыха, онъ посвятилъ свои каникулы на посѣщеніе тюремъ, гдѣ томились „политическіе“ заключенные,—на англійскій взглядъ лойальные противники правительства. Англійскаго консерватора глубоко поразило, между прочимъ, то обстоятельство, что изъ 140 депутатовъ, законно явившихся въ Неаполь для участія въ парламентской сессіи,—76 (т.-е. абсолютное большинство) подверглось либо заточенію, либо изгнанію въ административномъ порядкѣ, безъ всякаго суда. Этимъ простымъ способомъ неаполитанское правительство того времени обезпечивало себѣ большинство голосовъ!

Въ знаменитыхъ „письмахъ къ лорду Эбердину“ Гладстонъ, сдержанно и съ величайшимъ достоинствомъ, выставилъ весь позоръ этого режима. Письма имѣли огромное вліяніе и нанесли неаполитанскому правительству страшный нравственный ударъ въ глазахъ всего политическаго и цивилизованнаго міра. Но неаполитанская реакціонная пресса, не находившая оправданій по существу, тотчасъ же отвѣтила:

— Посмотрите лучше на ваши собственныя отношенія къ Ирландіи!

Гладстонъ, по собственному признанію, до того времени мало занимался Ирландіей. Но эти напоминанія, въ связи съ движеніями О'Коннеля, О'Брайана, Майкеля Дэвитта, а впослѣдствіи феніевъ и Парнелля—разумѣется, будили англійскую совѣсть. „Посмотрите на свою Ирландію“... Это говорили не одни неаполитанцы, но и французы, и турки, когда Гладстонъ поднималъ голосъ въ пользу болгаръ, и американцы, демонстративно чествовавшіе Парнелля въ засѣданіи вашингтонской палаты. О страданіяхъ Ирландіи заговорили даже въ нашихъ земскихъ собраніяхъ. Я помню, какъ въ собраніе одного уѣзднаго земства (кажется, миргородскаго) явился вначалѣ 90-хъ годовъ какой-то старый ирландецъ, давно проживающій въ Россіи и ставшій уже здѣсь дѣдомъ многочисленныхъ внуковъ. Со слезами на глазахъ и „голосомъ, проникавшимъ прямо въ души уѣздныхъ гласныхъ“, онъ

излагалъ страданія своей родины и просилъ заступничества уѣзднаго собранія. Собраніе, сколько помнится, постановило довести о страданіяхъ Ирландіи подъ англійскимъ владычествомъ до свѣдѣнія высшаго правительства. Весь эпизодъ былъ очень драматично изложенъ въ нашихъ газетахъ.

Англія ничего не отвѣтила миргородскому земству, тѣмъ болѣе, что всѣ эти язвительныя рѣчи она много разъ слышала у себя дома, въ стѣнахъ собственнаго парламента и при томъ не отъ враговъ, а отъ самыхъ выдающихся англичанъ.

Въ концѣ XVIII вѣка лордъ Гренвилль, суровый рутинеръ и непреклонный реакціонеръ, называлъ измѣнниками англичанъ, которые поднимали голоса противъ угнетенія Ирландіи. Но англичане не боялись „страшныхъ словъ“, а съ тѣхъ поръ, какъ за политику Гренвилля Англія заплатила разорительной войной и потерей американскихъ колоній,—страшныя слова имѣютъ тамъ еще меньшую цѣну. Языкъ передовыхъ людей становится все болѣе и болѣе гуманнымъ и терпимымъ по отношенію къ Ирландіи, даже въ случаяхъ, когда угнетеніе доводило до прямыхъ возстаній. Въ немъ слышатся ноты справедливости и великодушія. Такъ, 23 іюля 1803 года Эмметъ, разсчитывая на высадку французовъ, прибилъ прокламаціи на улицахъ Дублина и кинулся на Дублинскій замокъ. Возстаніе было подавлено. Эмметъ арестованъ. Молодой мятежникъ послѣ блестящей защитительной рѣчи, полной одушевленія, которую и теперь въ Ирландіи знаютъ наизусть, былъ казненъ. Вотъ какъ писалъ корреспондентъ „Times'a“, безусловно осуждавшій самую попытку вооруженнаго возстанія, объ этомъ событіи и о поведеніи самого Эммета, его доносчиковъ и судей:

„Я долженъ признать, что онъ былъ великъ при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ. Въ день процесса, въ ту минуту, когда разверзалась готовая принять его могила—самыя стѣны суда потрясались отъ энергіи и блеска его краснорѣчія. И я видѣлъ, какъ змѣя, вскормленная на груди его отца (лордъ Плункетъ)—трепетала подъ его взглядами, а извергъ, который осудилъ его на смерть (лордъ Норбюри, ведшій засѣданіе пристрастно и грубо)—блѣднѣлъ и дрожалъ на своемъ креслѣ“ *).

Когда среди націи, которая вѣками притѣсняла другую націю, раздаются такіе голоса, — это значитъ, что ея совѣсть проснулась. И дѣйствительно, она говоритъ все яснѣе и громче.

---

*) Madden. United Irishmen. Цит. изъ Брандеса. Англійская литература XIX столѣтія.

Съ тѣхъ поръ, какъ уничтоженъ ирландскій парламентъ, ирландскіе депутаты защищали дѣло своей родины въ „Домѣ“. Избирательная реформа коснулась также и Ирландіи,—она усилила число и составъ ирландскаго представительства.

И не одинъ разъ депутаты-англичане присоединялись къ протестамъ ирландцевъ. Вотъ что говорилъ въ палатѣ Маколей по поводу суда надъ О'Коннелемъ:

„Свидѣтельства и законъ позволяли вамъ разсчитывать на обвиненіе и приговоръ. Вамъ только этого и было нужно. Между тѣмъ, сэръ, вѣроятность обвиненія составляетъ только часть того, на что долженъ обратить вниманіе государственный человѣкъ. Прежде, чѣмъ привести самаго способнаго, самаго могущественнаго, самаго популярнаго изъ вашихъ противниковъ къ рѣшеткѣ, какъ преступника, на основаніи того, что онъ противодѣйствовалъ вамъ, слѣдовало подумать, будетъ ли голосъ вашего отечества, другихъ странъ и потомства на сторонѣ рѣшенія, котораго вы добивались отъ трибуналовъ. Не будетъ ли общее мнѣніе человѣчества таково, что, хотя и правые по формальному закону,—вы были нравственно не правы. Человѣкъ, котораго вы пожелали наказать—не обыкновенный человѣкъ. Правду сказать, я очень затрудняюсь говорить о немъ. Онъ въ такомъ положеніи, которое не позволяетъ благороднымъ врагамъ, не позволило и членамъ палаты,—за однимъ постыднымъ исключеніемъ,—нападать на него съ ожесточеніемъ. Я постараюсь, господа, говоря о немъ, не забывать почтенія, должнаго знаменитости и несчастію. Я убѣжденъ, что цѣль его не только вредна, но и недостижима; нѣкоторыя его средства я никакъ не могу оправдать... Но вы не можете не согласиться, что съ нимъ поступили несправедливо“. Къ этому протесту Маколея въ Нижней палатѣ присоединился лордъ Денгемъ въ Верхней. Приговоръ надъ О'Коннелемъ былъ кассированъ, и ирландскій агитаторъ освобожденъ.

„Дѣло вѣковъ поправлять не легко“. Борьба продолжалась, хотя формы ея мѣнялись. Послѣ того, какъ политическая струя ирландскаго движенія слилась съ теченіемъ аграрнымъ, движеніе приняло характеръ настоящаго открытаго возстанія острова противъ метрополіи. Въ концѣ 70-хъ годовъ старый феній и бывшій каторжникъ Майкель Дэвиттъ подалъ руку Парнеллю и слова послѣдняго: „покажемъ лендъ-лордамъ, что ирландцы не выпустятъ земли изъ своихъ рукъ“—раздались по всему острову призывомъ къ сопротивленію. Земельная лига пріобрѣла необыкновенное могущество. Она постановляла бойкотъ, она взимала плату съ арендаторовъ и предписывала условія лордамъ, она распоряжалась сопротивленіемъ при

выселеніяхъ, стараясь удержать выселяемыхъ арендаторовъ, защищавшихъ свои жилища противъ „законнаго насилія“, въ предѣлахъ „законнаго сопротивленія“. „Дѣти мои,—говорили лигіонеры, стоя около домовъ, осажденныхъ солдатами;— не прибѣгайте къ ружьямъ, потому что это будетъ открытое возстаніе, и законъ васъ строго накажетъ. Не употребляйте ножей, ни рычаговъ, ни вилъ, потому что и эти орудія воспрещены парламентскими актами. Если уже вы не хотите отдать вашихъ жилищъ безъ всякаго сопротивленія, то парламентскіе акты ничего не говорятъ о кипяткѣ“...

Впрочемъ, гораздо чаще лига сдерживала страсти, вводя борьбу въ условныя формы сопротивленія и не позволяя ей перейти въ острое открытое возстаніе. Она дѣлала его длительнымъ, но менѣе острымъ.

Этотъ образъ дѣйствій, разумѣется, не могъ не раздражать англичанъ, и, когда послѣ этого ирландскіе депутаты возвращались въ парламентъ, ихъ встрѣчали здѣсь бурныя сцены. Однако, и тутъ лучшіе изъ англичанъ понимали, что это та самая тактика, которою и ихъ предки нерѣдко добивались „пріобрѣтенныхъ правъ“. Противъ огромной законной несправедливости ирландцы выдвигали противодѣйствіе своего народа, прикрывая его, гдѣ было можно, броней мелкихъ законовъ. Это называлось парламентской тактикой, „планомъ кампаніи“. Обходъ закона въ Англіи всегда былъ могучимъ средствомъ для испытанія его жизненности. Какъ нѣкогда Уильксъ въ борьбѣ съ отжившей парламентской привилегіей, такъ теперь лига въ борьбѣ съ вѣковымъ притѣсненіемъ и его результатами — пробовала затравить и обезсилить своего противника, доказать ему, что онъ уже одряхлѣлъ и умеръ.

И цифры аграрныхъ преступленій ясно показывали, что вліяніе лиги всетаки сдерживало страсти, а не раздувало ихъ въ стихійное пламя. Депутаты ирландскихъ округовъ являлись какъ предводители возставшей страны передъ англійскими законодателями. Но они же, въ глазахъ неумѣренныхъ и страстныхъ ирландцевъ, казались нерѣдко ненавистными тормозами народной мести.

Какъ бы то ни было, движеніе шло въ этомъ направленіи. Жестокость притѣснителей слабѣла, сила организованной Ирландіи росла. На помощь ей шла вдобавокъ сила извнѣ. Ирландцы въ Америкѣ пріобрѣли вліяніе и могущество. Они составили даже грандіозный планъ соединенія Ирландіи съ Америкой. Америка, опираясь на Ирландію, соединенную съ нею узами свободной автономіи,—ступаетъ такимъ образомъ на европейскую почву.

Наконецъ, англійскій либерализмъ рѣшительно вступилъ въ союзъ съ ирландцами на почвѣ гомруля. Гладстонъ сдѣлалъ его вопросомъ своей жизни и сталъ проводить его шагъ за шагомъ, осторожно, разсчетливо и неуклонно. Самая характерная черта его политическаго облика состоитъ въ томъ, что, ставя убѣжденіе впереди, какъ движущее начало, — въ практикѣ онъ тщательно и чрезвычайно умѣло нащупывалъ почву среди парламентскихъ силъ и ставилъ вопросы въ то время, когда матеріалы для ихъ практическаго разрѣшенія уже накопились. Великій старикъ хочетъ, повидимому, закончить на склонѣ жизни еще одно великое дѣло ранѣе, чѣмъ стать въ видѣ мраморной колонны противъ своего всегдашняго противника Дизраэли...

Уже съ 80-хъ годовъ, когда Гладстонъ былъ у власти, англійское правительство вступило на извѣстныхъ условіяхъ въ союзъ съ партіей Парнелля. Кевендишъ и Боркъ были посланы въ Ирландію, охваченную пламенемъ взаимной ненависти, съ вѣстью примиренья...

Въ самый день пріѣзда эти вѣстники мира были убиты феніанскими террористами въ дублинскомъ Фениксъ-паркѣ.

Прибавьте къ этому, что въ самой Ирландіи Ульстеръ, который въ старину былъ огражденъ „палями“, населенъ потомками англичанъ-протестантовъ, что этотъ округъ рѣшительно противится реформѣ, и вы поймете, — съ какой исторіей и въ какой волнующей обстановкѣ ирландскій вопросъ вступилъ въ стѣны „Дома“ въ роковой день 14 іюня...

V.

Послѣднія парламентскія стычки были уже очень горячи и раздражительны. Правительство Гладстона располагало незначительнымъ большинствомъ. Оппозиція, состоявшая изъ тори и либераловъ-уніонистовъ группы Чемберлена, старалась оттянуть еще въ эту сессію рѣшеніе билля объ ирландской автономіи и можетъ быть вызвать паденіе министерства. Для этого она боролась „обструкціей“.

Обструкція—орудіе не новое. Есть старый юмористическій анекдотъ объ одномъ джентльмэнѣ, который, желая во что бы то ни стало затормозить рѣшеніе по какому-то частному вопросу, — попросилъ слова утромъ, говорилъ весь день и затѣмъ, къ вечеру, выпилъ стаканъ воды, перевелъ духъ и началъ опять:

— Теперь, джентльмэны, я покончилъ съ вступленіемъ и начинаю разсмотрѣніе самой сущности вопроса.

Разумѣется, для этого нужно имѣть огромное самообладаніе,

неисчерпаемый запасъ словъ, необыкновенныя легкія—и еще призвать на помощь значительную долю беззастѣнчивости. Въ ирландскомъ вопросѣ, сколько извѣстно, первый прибѣгъ къ этому оружію мистеръ Биггаръ,—напоминавшій анекдотическаго оратора и по комплексіи, и по силѣ органа, и по крѣпости нервовъ. Это былъ провинціальный джентльмэнъ, пресвитеріанинъ и шотландецъ, примкнувшій, однако, къ крайней ирландской партіи и очень мало заботившійся объ утонченности пріемовъ. Въ первый разъ онъ далъ образецъ своего искусства въ 1874 году, а впослѣдствіи значительно въ немъ усовершенствовался. Ирландцы не разъ и съ большимъ успѣхомъ пользовались его талантомъ.

Въ свое время господа, нынѣ составляющіе вѣрноподданную консервативную оппозицію, много кричали противъ безчестности этого пріема, но теперь, когда рѣчь зашла объ ирландской автономіи и возвращеніи ирландской земли ирландскому фермеру—они сами взялись за это оружіе. Мистеръ Чемберленъ, бывшій либералъ, оказался очень искуснымъ въ обструкціи. Правда, общественное мнѣніе почти всегда противъ обструкціи. Но оно также и противъ „гильотины“.

Гильотиной называется ограниченіе свободы парламентскаго слова извѣстнымъ срокомъ. Палата, т.-е. большинство, противъ котораго направлена обструкція, назначаетъ для чтенія и обсужденія каждой части законопроекта извѣстные сроки, и какъ только стрѣлка часовъ подходитъ къ данному часу,— ораторъ прерывается на половинѣ фразы, и депутаты приходятъ въ lobby для голосованія. Министерскія скамьи и скамьи оппозиціи пустѣютъ. Правая идетъ въ свой проходъ, гдѣ особый механическій счетчикъ записываетъ каждаго прошедшаго. Лѣвая дѣлаетъ то же.

Эта гильотина, даже со всѣми ограниченіями, какія были приняты для обезпеченія свободной критики билля, является въ глазахъ англичанъ мѣрой еще менѣе популярной, чѣмъ самая обструкція. Теперь гильотиной пользовались либералы, и это давало обильную тему язвительному Чемберлену для самыхъ ядовитыхъ выходокъ...

Англія истинная страна всевозможныхъ контрастовъ. Англичанинъ необыкновенно гордится своими учрежденіями, и „Домъ“ — это истинная святыня націи. И, однако, ни одно учрежденіе во всемъ мірѣ не доставляетъ человѣческому остроумію столько матеріала для сатиры, каррикатуры и насмѣшки, какъ эта святыня англійскаго народа.

Во все время моего пребыванія въ Лондонѣ, ранѣе и послѣ драки, — юмористическіе листки были полны каррикатурами

Гладстона, Чемберлена, Асквита, Бальфура, Секстона и другихъ участниковъ парламентской войны. Одинъ торійскій листокъ изображалъ перваго министра королевы въ видѣ уличнаго чистильщика сапогъ. Старый Гладстонъ смиренно вакситъ штиблеты Секстона,—который гордо стоитъ въ ирландской коронѣ и горностаевой мантіи. На другой каррикатурѣ изображена „гильотина“ въ лицахъ... Поѣздъ подземной дороги готовъ отойти отъ станціи. Вагоны полны семейными джентльмэнами и лэди, лица которыхъ напоминаютъ черты депутатовъ оппозиціи. Ихъ приняли на поѣздъ, но дѣти, съ надписями на штанишкахъ и курточкахъ: „поправки къ ирландскому биллю“, остались на платформѣ. Мѣстъ болѣе нѣтъ, дѣти плачутъ, родители протягиваютъ руки въ отчаяніи, но вокзальная стрѣлка подошла къ назначенному часу... Жестокій кондукторъ съ лицомъ Гладстона даетъ сигналъ къ отъѣзду...

Въ самой палатѣ атмосфера накалялась, тонъ полемики подымался... Англійское краснорѣчіе и ораторская манера въ высшей степени просты. Парламентскіе ораторы говорятъ обыкновеннымъ тономъ простыхъ собесѣдниковъ, безъ искусственныхъ повышеній и пониженій голоса, безъ подчеркиваній и безъ паузъ, разсчитанныхъ на знаки одобренія. Рѣчь англичанина одушевленна, отчетлива, и когда въ патетическомъ мѣстѣ его голосъ поднимается и крѣпнетъ, то вы, сами того не замѣчая,—уже охвачены тѣмъ же чувствомъ, которое наростало въ васъ вмѣстѣ съ внутреннимъ одушевленіемъ оратора.

Иронія—одно изъ орудій, которымъ англо-саксонская раса владѣетъ въ совершенствѣ. Сарказмъ, тонкій и тѣмъ болѣе глубокій, чѣмъ почтительнѣе наружная форма парламентскихъ выраженій, замѣняетъ здѣсь бурный паѳосъ француза и пламенную страстность ирландца. Гладстонъ не имѣетъ специфической репутаціи парламентскаго юмориста,—она принадлежитъ по праву его противнику Чемберлену, — но и онъ умѣетъ порой наносить очень мѣткіе юмористическіе удары, тѣмъ болѣе чувствительные, что они неожиданны и рѣдки. Газеты вспоминали эпизодъ изъ ораторской карьеры Гладстона. Въ 1867 году Дизраэли, въ то время глава кабинета, явился въ палату прямо съ королевскаго обѣда. Повидимому, вина ея величества были довольно крѣпки. Въ петлицѣ Дизраэли виднѣлась бутоньерка, руки были заложены за жилетъ, и, когда онъ отвѣчалъ вождю оппозиціи—рѣчь его была болѣе развязна, чѣмъ это принято въ Домѣ. Депутаты удивленно переглядывались, догадываясь, что Диззи выпилъ

лишнее. Гладстонъ, серьезный и застегнутый на всѣ пуговицы, началъ свое возраженіе въ особенно сдержанномъ тонѣ.

— Палата пойметъ,—сказалъ онъ,—что скромная оппозиція не имѣетъ возможности вдохновляться изъ тѣхъ же источниковъ, изъ какихъ, повидимому, почерпнулъ свое вдохновеніе глава правительства. Вотъ почему я вижу себя вынужденнымъ обратиться къ сущности его заявленій, не касаясь ихъ совершенно необычной формы.

Диззи потонулъ въ морѣ неудержимаго хохота палаты, публики и журналистовъ.

Теперь всѣ газеты повторяли послѣднее словечко Гладстона по адресу Чемберлена.

— Достопочтенный депутатъ,—говорилъ Гладстонъ,—заставляетъ меня вспомнить одинъ обычай римской церкви. Если предстояло канонизировать новаго святого, то папа назначалъ судилище. Кандидатъ въ святые становился подсудимымъ. Ему давался защитникъ-апологетъ, выставлявшій его добродѣтели. Но и дьяволъ имѣлъ тоже своего адвоката, его цѣлью было—выставлять добродѣтели кандидата въ видѣ тяжкихъ пороковъ. Мой достопочтенный собратъ исполняетъ теперь эту неблагодарную роль по отношенію къ ирландскому биллю.

Словечко было очень зло,—но парламентски вполнѣ прилично. Газеты тотчасъ же подхватили сравненіе, и въ ресторанѣ Чарингъ-Кросса, гдѣ мы обыкновенно обѣдали, долгое время не сходилъ со стола листокъ съ изображеніемъ святого судилища. Англійскій билль, въ видѣ спеленутаго младенца съ сіяніемъ вокругъ головы—поднимаетъ заплаканные глаза къ небу, а дьяволъ, мохнатый и отвратительный, съ хвостомъ и рогами,—шепчетъ на ухо растерянному Чемберлену свои послѣдніе аргументы.

Да, нужно привыкнуть къ уколамъ сарказма и насмѣшки, чтобы быть выдающимся государственнымъ человѣкомъ „старой веселой Англіи“, и Чемберленъ повидимому сильно почувствовалъ ударъ. Острота была изъ тѣхъ, которыя „прилипаютъ“. Она удивительно шла къ рѣзкому, злому тону Чемберлена, ко всей его манерѣ...

Мистеръ Чемберленъ фактическій вождь оппозиціи. Онъ, какъ извѣстно, либералъ, бывшій союзникъ Гладстона. Разойдясь съ большинствомъ партіи по ирландскому вопросу, онъ образовалъ фракцію „уніонистовъ“, которая, среди относительнаго равновѣсія партій, пріобрѣла огромное значеніе.

Если бы недавніе либералы теперь присоединились къ

Гладстону, ирландскій билль прошелъ бы въ одну недѣлю. Но Чемберленъ и его группа, наоборотъ, стали центромъ анти-ирландскаго движенія.

Вотъ почему въ вопросѣ объ ирландской автономіи имя Чемберлена слышалось также часто, какъ имя Гладстона. Личныя его свойства вполнѣ соотвѣтствуютъ роли, которую Гладстонъ охарактеризовалъ такъ мѣтко. Devil's advocate— въ высокой степени обладаетъ ораторскимъ талантомъ, онъ остеръ, находчивъ и золъ. У Чемберлена,—говорятъ англичане,—скверный языкъ, и дѣйствительно это одинъ изъ тѣхъ языковъ, которыхъ главная способность язвить, раздражать и будить страсти. Въ то время, какъ Гладстонъ говоритъ сдержанно и спокойно, Чемберленъ, еще только поднимаясь съ мѣста, уже предрасполагаетъ слушателей къ ядовитымъ нападкамъ и остроумнымъ личнымъ уколамъ.

А между тѣмъ, воздухъ Дома и безъ того былъ пресыщенъ электричествомъ. Тори чувствовали, что, несмотря на обструкцію, билль будетъ принятъ въ комиссіи. Либералы предвидѣли новое сопротивленіе въ палатѣ пэровъ. Между тѣмъ страна выражала нетерпѣніе: ирландскій билль лежалъ бревномъ поперекъ ея дороги. Но особенно драматично было положеніе ирландцевъ: они останавливали страсти своего народа, они смяли движеніе феніевъ, они отклоняли планы своихъ американскихъ соотечественниковъ въ ожиданіи мирнаго парламентскаго рѣшенія, которое теперь становилось неполнымъ и проблематичнымъ.

Пренія становились все страстнѣе. Со скамей лѣвой то и дѣло слышались выходки, въ которыхъ звучала національная ненависть. Кто-то назвалъ ирландцевъ „толпой жадныхъ нищихъ“. Молодой Секстонъ крикнулъ со своего мѣста, что это грубая наглость. Предсѣдатель, находившій, что огульное обвиненіе терпимѣе личной выходки, обращенной непосредственно къ депутату—назвалъ Секстона по имени.

„Назвать по имени“ депутата — значитъ пригласить его выйдти изъ залы. Ирландцы вскочили со своихъ мѣстъ, и можетъ быть уже въ ту минуту „свободная драка“ готова была разразиться въ парламентской залѣ. Но Гладстонъ попросилъ Секстона исполнить требованіе.

Газеты прибавляютъ, что „великій старикъ“ былъ грустенъ. Можетъ быть онъ вспоминалъ въ эту минуту, какъ въ 1881 году его знаменитый и несчастный противникъ, Парнелль, при такихъ же обстоятельствахъ выходилъ изъ этой же залы, по его собственному требованію. Теперь сбывалось предсказаніе мертваго вождя ирландцевъ: Гладстонъ, прежде чѣмъ послѣ-

довать за нимъ, боролся за то же дѣло и говорилъ въ англійской палатѣ, какъ могъ бы говорить ирландецъ...

День 14 іюля былъ послѣднимъ днемъ обсужденія билля въ парламентской комиссіи, рѣшавшимъ его участь въ нижней палатѣ. Всѣ еще не поданные голоса были уже на счету, большинство въ пользу билля, хотя и незначительное,—было обезпечено. Правда, это еще не было бы окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. Оставалась палата пэровъ... Но всетаки палата депутатовъ высказалась бы въ пользу ирландскаго самоуправленія, и уже это было бы огромнымъ прецедентомъ въ исторіи англо-ирландскихъ отношеній.

Стрѣлка парламентскихъ часовъ тихо подвигалась къ концу преній. До голосованія оставалось только четверть часа.

Въ эту минуту Чемберленъ еще разъ поднялся съ своего мѣста. Оппозиція его устами собиралась сказать свое „послѣднее слово“. Въ залѣ водворилась чуткая, напряженная электрическая тишина.

— Еще четверть часа, — сказалъ вождь уніонистовъ, — и ножъ гильотины упадетъ на пренія. Я намѣренъ воспользоваться остающимся временемъ, чтобъ дать маленькій урокъ моимъ коллегамъ, сидящимъ на противуположной сторонѣ.

И ораторъ далъ полную волю своему „скверному языку“. Рѣчь его была полна яда и желчи... На правахъ бывшаго либерала, Чемберленъ говорилъ о традиціяхъ парламентской свободы и тиранніи виговъ. Онъ упрекалъ ихъ въ измѣнѣ свободѣ преній... Постепенно, все повышая эту ноту, онъ позволилъ себѣ сравнить джентльмэновъ министерской стороны съ стадомъ барановъ... По указкѣ вожаковъ, они видятъ черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ...

Это уже переходило за предѣлы парламентскихъ приличій, но предсѣдатель не остановилъ его, какъ будто загипнотизированный стремительной силой его ядовитаго краснорѣчія. И вотъ, среди общаго напряженія Чемберленъ повернулся въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Гладстонъ. Залъ замеръ, ожидая, что Чемберленъ намѣренъ сосчитаться съ великимъ противникомъ лицомъ къ лицу.

— Со временъ Ирода,—началъ онъ и протянулъ руку по направленію къ Гладстону...

Фраза осталась недоконченной. „Злой языкъ Чемберлена“ произвелъ небывалое дѣйствіе... Пылкіе ирландцы повскакали со своихъ мѣстъ, съ криками „Іуда, Іуда!“ Тори и уніонисты отвѣчали такими же изступленными криками. Какой-то депутатъ, стоявшій въ передней торійской скамьѣ, грозилъ кулаками и ревѣлъ съ выраженіемъ бѣшенства.

А въ это время часовая стрѣлка тихо и неуклонно подвигалась впередъ. „Ножъ гильотины упалъ на пренія“ среди волненія и шума. По порядку,—теперь депутатамъ слѣдовало проходить въ lobby и направляться къ счетнымъ аппаратамъ для голосованія...

Но никакого порядка уже не было въ залѣ.

Либералы дольше другихъ сохраняли хладнокровіе. Одинъ изъ нихъ, м-ръ Логанъ, подошелъ къ торійскому джентльмэну на передней скамьѣ, со словами увѣщанія. Оказалось, что онъ стоитъ въ lobby, и ему закричали, что онъ „внѣ порядка“.

„Хорошо, въ такомъ случаѣ я сяду съ вами, и вы меня выслушаете“,—отвѣтилъ Логанъ спокойно, и сѣлъ на скамью оппозиціи.

Это дѣлается, но Логанъ не разсчиталъ настроенія. Миротворца схватили сзади за шиворотъ и швырнули обратно въ проходъ.

Это было началомъ свалки. Страстные ирландцы кинулись со своихъ мѣстъ. Среди скамей происходило движеніе, характеръ котораго разобрать было очень трудно. Одни спѣшили въ переходы для голосованія, другіе стремились выручать Логана.

Въ эту злополучную минуту, полковникъ Саундерсонъ, одна изъ юмористическихъ фигуръ оппозиціи,—почувствовалъ внезапно, что кто-то сзади нахлобучилъ его шляпу. Полковникъ Саундерсонъ не особенно извѣстенъ какъ ораторъ. Но, какъ человѣкъ военный, склонный къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, онъ тотчасъ же повернулся назадъ и, ничего не разбирая, встрѣтилъ боксомъ ближайшихъ сосѣдей, которые оказались ирландцами. Говорятъ, что при этомъ въ „Домѣ“ была пролита кровь, чего не было даже во времена Кромвелля.

Послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ минутъ почтенное собраніе представляло безпорядочно двигавшуюся массу черныхъ сюртуковъ, сбитыхъ шляпъ, сжатыхъ кулаковъ и растерянныхъ портфелей. Предсѣдатель въ парикѣ глядѣлъ на все это въ безсильномъ отчаяніи и наконецъ предпочелъ удалиться... Журналисты, забывшіе о телѣжкахъ и Тоуэрѣ, и публика, трепещущая подъ взглядомъ строгаго джентльмэна въ шелковыхъ чулкахъ, тоже повскакали съ мѣстъ и, наклоняясь черезъ барьеры, громко шикали хозяевамъ „Дома“ и кричали: „Стыдно! Стыдно!..“

Ничто не ново подъ луною. Почти каждый годъ въ нашей погодѣ совершается что-нибудь, чего „не запомнятъ старики“, и это доказываетъ только, что у стариковъ очень короткая память. Бывали бури и въ англійскомъ парламентѣ. Еще въ 1881 году, въ министерство Гладстона, пристава выводили

Парнелля и Дилона съ нѣсколькими десятками ирландскихъ джентльмэновъ, оказывавшихъ сопротивленіе. Правда, сопротивленіе это было большей частью символическое, но не всегда. Однажды парламентъ видѣлъ при этомъ эффектное единоборство двухъ сѣдовласыхъ старцевъ: пристава Госсета и ирландскаго націоналиста пастора Нельсона. Если не ошибаюсь, также мистеръ Бредло, не желавшій принимать присягу, прибѣгалъ однажды къ защитѣ зонтика... Еще раньше одинъ шотландскій джентльмэнъ, авторъ билля о старыхъ корабляхъ, для успѣха своего дѣла счелъ нужнымъ назвать негодяями достопочтенныхъ членовъ какъ министерской партіи, такъ и оппозиціи, безъ различія...

Но что уже дѣйствительно не имѣло прецедентовъ, это—общая свалка депутатовъ и громкое шиканіе журналистовъ и публики...

VI.

Кажется, что это „стороннее вмѣшательство“ первое образумило дравшихся законодателей. Пригласили удалившагося спикера, приступили къ разбору дѣла и прежде всего—къ установленію фактовъ, которые должны быть занесены въ анналы парламента. Гладстонъ, печально смотрѣвшій на свалку со своего мѣста, и другіе почтенные депутаты изъ обѣихъ партій дали показанія о началѣ и ходѣ битвы...

Замѣчательная черта англійскихъ нравовъ: разногласій не было. Среди несмолкшаго еще волненія, тотчасъ послѣ свалки,—депутаты устанавливали факты вполнѣ добросовѣстно, безъ искаженія фактической истины. Случай выходилъ изъ узкихъ рамокъ партійной борьбы... И даже полковникъ Саундерсонъ, подавшій сигналъ къ общей свалкѣ и вынесшій изъ нея большую шишку,—вынужденъ былъ признаться, что онъ нѣсколько поторопился. „Боксъ не соотвѣтствовалъ положенію дѣла“, такъ какъ ирландскій депутатъ, шедшій сзади, только споткнулся, и вотъ почему шляпа мистера Саундерсона опустилась на его лицо... Между тѣмъ лицо ирландскаго джентльмэна носило серьезные слѣды „торопливости“ храбраго полковника.

Когда все успокоилось и депутаты заняли мѣста, Гладстонъ, серьезный, сѣдой и дряхлый, началъ свою рѣчь словами:

— Я, конечно, слишкомъ ничтожная величина въ свободной дракѣ...

Это вызвало общій смѣхъ, прогнавшій послѣдніе остатки грозы. Это была рѣшительная побѣда стараго коммонера: злой языкъ Чемберлена зажегъ дурныя страсти. Слушая его

сарказмы, законодатели почувствовали, что у нихъ чешутся руки... Острота Гладстона разрѣшила общее напряженіе...

А на слѣдующее утро весь Лондонъ, всѣ avenues и street'ы, всѣ площади и переулки звенѣли и гудѣли крикомъ, заглушавшимъ всѣ другіе звуки огромнаго города:

— Фри файтъ, фри файтъ! Въ Домѣ произошла свободная драка.

И этотъ крикъ телеграммы разносили милліонными отголосками по всей странѣ.

VII.

Одинъ изъ репортеровъ посѣтилъ между прочимъ и мистера Саундерсона на слѣдующее утро послѣ драки. Онъ засталъ его за утреннимъ кофе, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ, прикрывавшемъ злополучную шишку. Полковникъ встрѣтилъ довольно развязно скромнаго джентльмэна прессы.

— А, понимаю,—сказалъ онъ.—Вы пришли, чтобы я разсказалъ вамъ о нашей битвѣ подъ Трафальгаромъ?!

Скромный газетчикъ, приготовившій свою записную книжку, забылъ, что онъ явился сюда лишь затѣмъ, чтобы попросить у полковника матеріалъ для своей сегодняшней статьи. Въ немъ проснулся англичанинъ, который депутатовъ избираетъ для того, чтобы они издавали законы. „Домъ“ выстроенъ англійскимъ народомъ не для „драки“. Скромный газетный репортеръ сурово выпрямился и холодно отвѣтилъ полковнику:

— Нѣтъ, сэръ, къ сожалѣнію, не подъ Трафальгаромъ... не подъ Трафальгаромъ, сэръ, а въ „Домѣ“.

Газета на слѣдующій день сообщила читателямъ объ игривомъ вопросѣ полковника и о репликѣ своего репортера.

Я не знаю, что отвѣтилъ полковникъ на строгое замѣчаніе. Мнѣ казалось, однако, что и онъ, и другіе депутаты, нѣсколько „вышедшіе изъ порядка“ при обсужденіи ирландскаго вопроса,—могли бы отвѣтить и представителю прессы, и представителямъ общества, кричавшимъ сверху: „стыдно, стыдно!“

— Вы забываете, господа, что если мы немного подрались въ вашемъ „Домѣ“,—за то вы до сихъ поръ избавлены отъ необходимости драться на берегахъ Ирландіи. Вы утѣсняли ирландцевъ вѣками, вы отнимали у нихъ землю, ваши вожди оставляли ихъ города безъ жителей, запрещали ирландцу переправляться на другой берегъ его родной рѣки... Вы убивали лучшихъ сыновъ Ирландіи, желавшихъ освобожденія родины, какъ мятежниковъ... Теперь вы отдали въ наши руки всю страсть и всѣ ненависти, вѣками накоплявшіяся въ этомъ вопросѣ,—и удивляетесь, что зарядъ, наконецъ, взорвался...

Но вы забываете, что если бы мы не взялись расхлебать заваренную вами кашу, которая оказалась слишкомъ горяча, то, быть можетъ, вы или ирландцы имѣли бы свой Трафальгаръ у Кингстона или у береговъ Америки... Молите Бога, чтобы судьба приняла наши шишки и кровь, пролитую въ „Домѣ“, какъ умилостивительную жертву. Потому что такіе вопросы судьба до сихъ поръ рѣшала у всѣхъ народовъ желѣзомъ и кровью...

По крайней мѣрѣ такія мысли пришли въ голову намъ, двумъ русскимъ путешественникамъ, на борту „Ураніи“, въ дождливое утро, въ виду туманныхъ береговъ Ирландіи и укрѣпленій Кингстона... У бортовъ корабля качалась ирландская лодка, на нижней палубѣ происходила война остроумія, а на кингстонской башнѣ вѣтеръ тихо шевелилъ промокшій англійскій флагъ, рядомъ съ которымъ, быть можетъ, автономная Ирландія скоро повѣситъ свой собственный.

1894.

РУССКАЯ ДУЭЛЬ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ.

I.

Передо мной лежитъ очень интересная книга: „La science du point d'honneur"—commentaire raisonné sur l'offense, le duel (etc.), par A. Croarbon (avocat). Это цѣлый научный трактатъ, своего рода кодексъ обычнаго права по такъ называемымъ „вопросамъ чести".

Господинъ Кроарбонъ, адвокатъ, разсматриваетъ „оскорбленіе, дуэль, ея обычаи, отношеніе къ ней законодательства разныхъ европейскихъ странъ, отвѣтственность дуэлянтовъ и свидѣтелей передъ закономъ уголовнымъ, гражданскимъ и передъ церковью", и, наконецъ, въ послѣдней части приводитъ множество конкретныхъ случаевъ дуэлей, подававшихъ поводъ къ тѣмъ или другимъ вопросамъ, возникавшимъ на почвѣ дуэльной „чести" и ея обычнаго права.

Г. Кроарбонъ, адвокатъ, не новаторъ въ литературѣ этого рода. Франція, сохранившая обычай дуэли болѣе неприкосновеннымъ, чѣмъ какая бы то ни было изъ европейскихъ странъ, имѣетъ по этому предмету, кромѣ „преданій", также и „писаніе". Еще въ 1836 г. графъ де-Шатовилляръ издалъ свой „Опытъ о дуэляхъ" (Chateauvillard, Essai sur le duel), который сдѣлалъ его главнымъ законодателемъ въ вопросахъ чести, при чемъ даже другія страны заимствовали отъ него свои правила по этому предмету.

Повидимому, говоритъ г. Кроарбонъ, право своими средствами добиваться удовлетворенія (минуя общество и его законы) кажется основаннымъ на принципахъ, діаметрально противуположныхъ тѣмъ, которые лежатъ въ основѣ гражданскаго и уголовнаго законодательства. Между ними существуетъ, повидимому, даже прямой антагонизмъ, не допускающій никакихъ другихъ отношеній, кромѣ взаимнаго отрицанія Однажды, во время знаменитаго процесса о дуэли, предсѣ-

датель суда воскликнулъ нетерпѣливо, при упоминаніи одной изъ сторонъ о кодексѣ Шатовилляра: „Вотъ книга, которая никогда не станетъ на полкѣ моей библіотеки и которую я вовсе не намѣренъ читать“. И, однако, съ торжествомъ продолжаетъ г. Кроарбонъ, тотъ же предсѣдатель оказался вынужденнымъ въ то же засѣданіе пуститься въ подробные разспросы экспертовъ, съ цѣлью выяснить, въ какой мѣрѣ поступки, которые ставились въ вину подсудимому, соотвѣтствовали или расходились съ тѣми самыми правилами, которыя Шатовилляръ ставилъ вполнѣ опредѣленно въ своемъ кодексѣ. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ судъ считается не съ одними формальными доказательствами и аргументами, вопросы обычнаго права не могутъ быть вполнѣ безразличными. Жизнь всегда оказываетъ извѣстное давленіе на то или иное примѣненіе писаннаго закона, а жизнь Запада до сихъ поръ еще сохранила дуэль, со всѣми тонкостями point d'honneur'а и подчасъ со всѣми его очевидными нелѣпостями.

Въ пятой части своего любопытнаго труда авторъ разсматриваетъ дуэль въ разныхъ странахъ. Оказывается, во-первыхъ, что повсюду есть свои точныя правила, признаваемыя обычаемъ и болѣе или менѣе раціонально примѣняемыя къ „дѣламъ чести“, независимо отъ взглядовъ законодательства данной страны. Оказывается, во-вторыхъ, что при этомъ во многихъ случаяхъ основаніемъ служитъ кодексъ Шатовилляра, однако, съ тѣми или другими, порой значительными модификаціями. Такъ напр. въ Италіи кодексъ Шатовилляра вообще принятъ, но все же авторъ считаетъ нужнымъ предупредить своихъ соотечественниковъ, на случай ссоры въ Италіи, что тамъ при выборѣ оружія иногда принимается во вниманіе не то, кто является обиженнымъ или обидчикомъ, какъ слѣдуетъ по Шатовилляру, а — кто послалъ *картель* (вызовъ) и кто его получилъ. Можетъ случиться поэтому, что обиженный французъ, всегда предпочитающій возстановлять свою честь при помощи пистолета или шпаги и имѣющій право разсчитывать на выборъ оружія по кодексу Шатовилляра, — окажется вынужденнымъ принять состязаніе на сабляхъ, такъ какъ сабли—любимое „оружіе чести“ въ Италіи.

Въ Германіи и Австріи Шатовилляръ господствуетъ почти нераздѣльно, и его „Опытъ“ существуетъ въ многочисленныхъ переводахъ.

Въ Англіи дуэль почти пала. Оскорбленный англичанинъ легко обращается къ суду, который въ этихъ случаяхъ не скупится на денежныя пени. Такъ, одинъ редакторъ, неосмотрительно написавшій нѣсколько оскорбительныхъ строкъ по

адресу женщины, былъ приговоренъ къ 10 тысячамъ фунтовъ стерлинговъ штрафа. Во многихъ другихъ случаяхъ суды Англіи оцѣниваютъ оскорбленіе не менѣе солидно, и это, по мнѣнію Кроарбона, почти совершенно убило дуэль въ Англіи. Интересно, что самъ авторъ относится къ этой формѣ борьбы съ дуэлью очень сочувственно. „Бить по кошельку,— говоритъ онъ,—значитъ попадать очень мѣтко“,—нужно только, чтобы удары имѣли характеръ дѣйствительныхъ ударовъ, а не символическихъ, ничтожныхъ штрафовъ.

Пылкіе испанцы создали собственный кодексъ, вѣроятно, очень своеобразный; но о немъ авторъ распространяется мало. Бельгійцы по нравамъ очень близки къ французамъ и потому дерутся по французскимъ правиламъ, хотя, вообще, дерутся немного. И т. д., и т. д.

Обойдя такимъ образомъ всю Европу (за исключеніемъ Турціи), не забывъ даже Андорской республики, авторъ переходитъ къ Россіи. Администрація императорской публичной библіотеки,—пишетъ онъ на стр. 404,—на вопросъ по этому предмету извѣстила, что это учрежденіе располагаетъ лишь тремя произведеніями, имѣющими отношеніе къ интересующему насъ вопросу: 1) *Г. Л. Е. „Дуэли“*. Петербургъ 1837. 2) *Дуэль и кассаціонный департаментъ сената*, А. Лохвицкаго (извлеченіе изъ статей въ „Отеч. Записк.“ 1858 г.) и 3) Сѣверскаго *„Особенная часть русскаго уголовнаго права“*. Но этотъ списокъ, который въ настоящее время пришлось бы нѣсколько дополнить, не даетъ ни одного сочиненія собственно по вопросу о „правилахъ дуэли“ и о такъ называемомъ кодексѣ чести. Указанныя книги разсматриваютъ вопросъ лишь чисто юридически. Г. Кроарбонъ этому нисколько не удивляется. „Такъ какъ, — говоритъ онъ, — дуэль строго запрещена еще Петромъ Великимъ и не терпѣлась его преемниками, то понятно, что и книги по этому предмету не дозволялись цензурой. Это не значитъ, однако, что дуэль въ Россіи не въ употребленіи. Она практикуется рѣже, но чаще кончается смертью“.

Какія же, однако, правила употребляются въ этихъ случаяхъ?—спрашиваетъ авторъ далѣе и признается, что не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ сколько-нибудь опредѣленно. „Добрѣйшій и много оплакиваемый“ prince Dolgoroukoff, бывшій генералъ-губернаторъ города Москвы, съ которымъ авторъ имѣлъ высокую честь нерѣдко упражняться въ стрѣльбѣ въ Виши—сообщилъ ему немало интересныхъ деталей изъ анекдотической исторіи вопроса, но и онъ не могъ высказаться хоть сколько-нибудь точно по вопросу объ обыч-

номъ „кодексѣ чести“ въ Россіи. Поэтому г. Кроарбону приходилось прибѣгнуть къ гаданіямъ и болѣе или менѣе туманнымъ наведеніямъ. Онъ желаетъ думать, что если уже въ Германіи, столь враждебной его отечеству, кодексъ Шатовилляра называютъ „международнымъ руководителемъ въ дѣлѣ чести“,—то навѣрное и дружественная Россія не чужда этому признанію французскаго авторитета, хотя бы съ болѣе или менѣе значительными отступленіями.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ справедливо это тонкое соображеніе. Несомнѣнно, однако, во-первыхъ, что у насъ дуэли до послѣдняго времени были сравнительно рѣдки, но за то давали большой процентъ случаевъ смертнаго исхода. Очень можетъ быть также, что тутъ сказывалось въ извѣстной мѣрѣ и вліяніе законодательства: дуэль, при всякомъ исходѣ, сопряжена была съ большими неудобствами, и русскій человѣкъ рѣшался на нее лишь въ случаяхъ, когда, — правильно или нѣтъ, — не видѣлъ никакого другого выхода. Но и вообще дуэль не особенно сильна въ нашихъ нравахъ. Кодексъ Шатовилляра и другихъ знатоковъ point d'honneur'a на Западѣ сводилъ въ одной книгѣ строго выработанныя, опредѣленныя, органически развивавшіяся правила, теряющіяся въ глубинѣ рыцарскихъ временъ. Въ теченіе столѣтій скрещивались клинки, ставились барьеры, раздавались выстрѣлы, дуэль укоренялась, какъ настоящее бытовое явленіе. У насъ она всегда была слаба, какъ организованное, признанное орудіе возстановленія чести, и Петру Великому не было особенно трудно бороться съ нею: конечно, она прививалась и у насъ, вмѣстѣ съ голштинскими косицами, вмѣстѣ съ французской causerie, вмѣстѣ съ другими западными заимствованіями, вплоть до демонизма; но всегда она оставалась въ предѣлахъ ограниченныхъ кружковъ, не проникая глубже. Можно сказать безъ преувеличенія, что до послѣдняго времени даже въ войскѣ она была скорѣе обычаемъ гвардіи, чуждымъ простому армейскому быту, и трудно лучше охарактеризировать отношенія этой среды, чѣмъ это сдѣлалъ Пушкинъ устами почтенной командирши Василисы Егоровны *), разсказывавшей Гриневу о Швабринѣ, переведенномъ въ Бѣлогорскую крѣпость именно за дуэль. По ея словамъ, онъ переведенъ за смертоубійство: „Богъ знаетъ, какъ грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собой шпаги, да и ну другъ друга пырять... Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ!“

*) Въ „Капитанской дочкѣ“.

Начало XIX-го столѣтія омрачилось двумя трагедіями, поразившими всю интеллигентную Россію скорбію и негодованіемъ. Я, разумѣется, говорю о смерти величайшихъ изъ нашихъ поэтовъ, Пушкина и Лермонтова, такъ много еще обѣщавшихъ родной литературѣ. Эти двѣ дуэли кинули трагическую тѣнь на всю дальнѣйшую исторію нашей молодой литературы, и всякій разъ, когда русскій человѣкъ думаетъ и говоритъ о дуэли, въ его памяти невольно и неотразимо встаютъ эти двѣ скорбныя тѣни. И вотъ почему въ мыслящихъ слояхъ общества дуэль у насъ всегда болѣе или менѣе рѣшительно осуждалась. Мы не можемъ забыть, что если неустановившійся, пылкій и эксцентричный Лермонтовъ самъ въ значительной степени накликалъ на себя роковую развязку, то Пушкинъ несомнѣнно палъ жертвой безчестной и гнусной интриги, сотканной изъ легкомыслія, зависти и преклоненія передъ свѣтскими предразсудками. И мы помнимъ, что и геній, и честь были на одной сторонѣ,—и эта именно сторона погибла. На другой же только

„Пустое сердце билось ровно,
Въ рукѣ не дрогнулъ пистолетъ“.

И пустое сердце вышло побѣдителемъ. Кто же послѣ этого повѣритъ въ разумность такого „суда чести“?

Я пройду мимо десятковъ болѣе или менѣе талантливыхъ изображеній дуэли въ нашей литературѣ. Предоставляю другимъ эту работу, — въ задачу настоящей статьи она не входитъ. Было бы, однако, чрезвычайно любопытно изобразить эту галлерею; тогда читатель увидѣлъ бы, безъ сомнѣнія, что иронія или сознательно рѣзкое осужденіе всегда сопровождаютъ талантливое и правдивое изображеніе дуэли въ нашей средѣ, гдѣ она—явленіе чуждое, привитое извнѣ и отзывающееся глубокою и даже глубоко-сознаваемою фальшью. Вспомните проникнутую пророческой грустью сцену передъ дуэлью Онѣгина съ Ленскимъ.

...Въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинилъ себя во многомъ...

И далѣе:

...Евгеній...
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій
Не пылкимъ юношей-бойцомъ,
А *мужемъ съ честью* и умомъ.

Но Онѣгинъ привыкъ отдаваться пассивно игрѣ „предразсужденій“. Къ тому же

...въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ,
Онъ золъ, онъ сплетникъ, онъ рѣчистъ...
Конечно, быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ...
И вотъ—общественное мнѣнье!..

Писаревъ, раціоналистъ по преимуществу, упрощавшій всѣ самые сложные вопросы общественной и личной психологіи до голаго силлогизма, строго осудилъ Пушкина за всю эту сцену дуэли, считая его, такъ сказать, поэтическимъ сообщникомъ Онѣгина. По его мнѣнію, Пушкинъ долженъ былъ употребить всю силу своего таланта на то, „чтобы подмѣтить и разработать въ этой чертѣ Онѣгина всѣ ея смѣшныя стороны, онъ долженъ былъ осмѣять, опошлить и втоптать въ грязь безъ малѣйшаго состраданія ту *низкую трусость*, которая заставляетъ неглупаго человѣка играть роль вреднаго идіота для того, чтобы не подвергнуться робкимъ и косвеннымъ насмѣшкамъ настоящихъ идіотовъ, достойныхъ полнаго презрѣнія“. Логически разбирая всю эту сѣть ненужныхъ мелкихъ условностей, мѣшающихъ Онѣгину быть „мужемъ чести и ума“, приводящихъ отъ пустой шутки къ смерти „любимаго юноши“ и друга, — Писаревъ совершенно правъ. Ошибка его здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, чисто психологическая. Не одинъ разумъ двигаетъ поступками даже умныхъ людей, и „глупость“ обычая владѣетъ не одними глупцами. Противъ нея, по мѣткому выраженію Гёте, даже боги безсильны. Да, къ сожалѣнію, не одни „настоящіе и полные идіоты“ отдавали въ свое время дань вредному предразсудку. Отдавалъ ему дань и Пушкинъ. Однако, сила и искренность его таланта таковы, что дуэль Онѣгина и Ленскаго навсегда останется однимъ изъ самыхъ яркихъ поэтическихъ аргументовъ противъ „вреднаго и безсмысленнаго“ кодекса условій свѣтской чести.

Лермонтовъ, менѣе установившійся, угловатый, до извѣстной степени лишенный непосредственности, въ своей погонѣ за демонизмомъ и въ искусствѣ, и въ жизни, пожалуй, въ большей степени заслуживаетъ упрекъ въ „идеализаціи дуэли“. Самъ онъ слишкомъ часто являлся „пылкимъ мальчикомъ-бойцомъ“, игравшимъ изъ простой удали, не лишенной оттѣнка тщеславія, и своей, и чужой жизнью. И, однако, дуэль Печорина съ Грушницкимъ, очень эффектная, какъ одна изъ складокъ мрачной мантіи, въ которую задрапированъ демонъ-

Печоринъ,—сама по себѣ, въ конкретныхъ своихъ чертахъ, опять является лишь злою сатирой на вредный обычай, жертвой котораго суждено было пасть и самому поэту. Для насъ эта картина навсегда подчеркнута сугубой горечью и скорбью, такъ какъ многія ея черты оказались тоже пророческими. Самъ авторъ, какъ „фаталистъ“, играя опасностью,—подобно Печорину, раздражалъ бѣднаго Грушницкаго-Мартынова злыми и сознательно разсчитанными уколами. Только въ жизни пуля Грушницкаго оказалась болѣе удачливой, и „окровавленный трупъ, виднѣвшійся между скалъ“, былъ трупъ Печорина-Лермонтова. И вся трагедія осталась опять горько, почти позорно-безсмысленной и нелѣпой.

Минуя другія иллюстраціи, я упомяну еще тургеневскаго „Бреттера“. Здѣсь уже русскій писатель новаго періода рисуетъ не только мастерскую картину дуэли, но выборомъ дѣйствующихъ лицъ и освѣщеніемъ всего эпизода даетъ и нравственный судъ явленію. Казалось бы, тургеневскимъ „Бреттеромъ“ русская художественная литература подводитъ итоги взглядамъ на дуэль, установившимся, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи читающаго и мыслящаго общества. И дѣйствительно, въ серединѣ столѣтія дуэли у насъ какъ-то стихаютъ, мы слышимъ о нихъ все меньше и меньше, и самые типы, въ родѣ стараго дуэлиста у Пушкина или тургенерскаго бреттера, этихъ спеціалистовъ-экспертовъ, всегда готовыхъ стать къ барьеру или поставить подъ пулю другого, стали исчезать и въ дѣйствительности, и изъ литературы *). И только уже въ самое послѣднее время дуэль опять заставляетъ обращать на себя вниманіе; на страницахъ газетъ то и дѣло мелькаютъ порой трагическіе, но по большей части смѣшные и пошлые случаи, въ которыхъ „обычай“ является какъ бы внезапно ожившимъ на порогѣ XX вѣка. Въ настоящей статьѣ мы пытаемся свести вмѣстѣ разбросанныя газетныя извѣстія о дуэляхъ послѣднихъ годовъ и проанализировать эти проявленія внезапно какъ бы обострившейся „россійской чести“.

II.

Осенью 1892 года въ газетахъ появились извѣстія о проектѣ „законодательнаго упорядоченія дуэлей въ офицерской средѣ“. „Предполагается,—писали по этому поводу въ „Новомъ Времени“,—что всякому поединку между офицерами *должно предшествовать разсмотрѣніе судомъ общества офицеровъ*, а гдѣ такового не имѣется, — командиромъ отдѣльной части —

*) Статья была написана до появленія „Поединка“ А. И. Куприна.

поводовъ къ дуэли. Подробное обсужденіе послѣднихъ съ точки зрѣнія военной чести должно привести къ признанію поединка необходимымъ или не вызываемымъ необходимостію... Признаніе необходимости поединка должно вести къ безнаказанности такой дуэли". Однако, „введеніе въ матеріально-уголовное законодательство этого принципа представляется крайне затруднительнымъ, такъ какъ вопросъ о степени необходимости поединка не поддается точному опредѣленію въ законѣ. Въ виду этого предполагается установить, что всѣ дѣла о дуэляхъ, происходящихъ въ военной средѣ, представляются до судебнаго разсмотрѣнія военному министру, который испрашиваетъ высочайшее соизволеніе о прекращеніи тѣхъ изъ дѣлъ этого рода, которымъ не будетъ признано возможнымъ дать дальнѣйшее направленіе въ судебномъ порядкѣ. *Дѣйствіе приведеннаго правила предполагается распространить и на дѣла о дуэляхъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ военно-служащими принимали участіе лица гражданскаго вѣдомства*" *).

Приводя это извѣстіе, газета сопровождаетъ его очень характерными комментаріями. Предполагаемая мѣра вызываетъ ея сочувствіе. „Идея о дуэляхъ,—говорится въ редакціонной статьѣ по этому поводу,—свидѣтельствуетъ о существованіи въ обществѣ строгихъ понятій о чести и ея неприкосновенности". Правда, авторъ тутъ же соглашается, что „быть можетъ, дуэль и является, сама по себѣ, *уродливымъ способомъ возстановленія чести*, но,—продолжаетъ онъ, — способъ этотъ признается въ современномъ обществѣ, и *рѣдко когда сочувствіе общества бываетъ на сторонѣ того, кто избѣгаетъ поединка*".

Разсужденіе замѣчательно характерное для даннаго вопроса. „Быть можетъ, дуэль и является уродливымъ способомъ возстановленія чести". Если такъ, то не ясно ли, что печать, какъ орудіе общественной мысли, можетъ только бороться съ ней всѣми ей доступными средствами! „Но способъ этотъ признается въ современномъ обществѣ",—тѣмъ, конечно, благороднѣе задача печати: борьба именно и нужна съ тѣми уродливыми явленіями жизни, которыя еще сильны и живучи. Пресса обязана идти впереди среднихъ взглядовъ своей страны, и, если даже законодательству приходится порой считаться съ матеріальными факторами, отклоняющими его отъ принципіально правильной линіи, то лучшая изъ задачъ печати—никогда не терять изъ виду высшей разумности и

*) „Нов. Время". Цит. изъ „Волыни", 1 сент. 1894 г., № 154.

правды и указывать ее среди запутанныхъ изгибовъ такъ называемаго хода вещей. Но мы переживаемъ въ этомъ отношеніи странное время. Теперь въ большой модѣ показное презрѣніе къ мнѣнію большинства, и ничѣмъ, кажется, не злоупотребляли въ такой степени, какъ извѣстнымъ афоризмомъ: „гдѣ большинство, тамъ навѣрное глупость"—афоризмомъ, который такъ называемая консервативная пресса иногда очень неосторожно любитъ обращать противъ всего, въ чемъ есть задатки „представительства". Между тѣмъ, давно уже мы не преклонялись такъ легко предъ „шопотомъ и хохотней глупцовъ" именно въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ вопросахъ принципа, гдѣ это всего менѣе умѣстно.

Разумѣется, правильная постановка вопроса — какъ разъ обратная: рѣшеніе большинства, напримѣръ, земскаго собранія, если оно организовано разумно и касается той сферы вопросовъ, которая по существу доступна его компетенціи, имѣетъ всѣ шансы быть возможно раціональнымъ, потому что, въ концѣ концовъ, это есть лишь подсчетъ представленныхъ въ данномъ собраніи болѣе или менѣе опредѣленныхъ интересовъ. Но трудно представить себѣ собраніе, которое могло бы своимъ большинствомъ внушить мнѣ ту или другую отвлеченную истину или моральный принципъ и воспретило бы мнѣ бороться словомъ и убѣжденіемъ противъ того, что я считаю „уродливымъ" и вреднымъ.

Однако, приведенное выше разсужденіе, заключающее отъ *уродливости* явленія, во-первыхъ, и отъ его *живучести*, во-вторыхъ, не къ необходимости борьбы съ уродливымъ мнѣніемъ большинства, а къ преклоненію передъ нимъ и признанію его законности,—очень характерно для нашего времени вообще. Въ вопросѣ о дуэляхъ оно сказалось, пожалуй, особенно сильно. Русскій человѣкъ въ концѣ вѣка разсуждаетъ въ этомъ вопросѣ приблизительно такъ, какъ разсуждалъ герой пушкинской поэмы въ началѣ столѣтія: конечно, гораздо лучше оказать себя

...Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ юношей-бойцомъ,
А мужемъ съ честью и умомъ.

Но „способъ этотъ признается въ современномъ обществѣ". Иначе сказать: „Но шопотъ, хохотня глупцовъ—и вотъ общественное мнѣнье!.."

И русскій человѣкъ безъ всякой непосредственности, съ сознаніемъ фальшивости своего положенія, порой съ горькимъ стыдомъ—всетаки идетъ къ барьеру, пожимая плечами, озираясь и все время мучительно чувствуя ненужность всего

того, что онъ дѣлаетъ. И увы!—вмѣсто „дѣла чести“ по большей части у него выходитъ какая-то запутанная пошлость, которая въ концѣ концовъ только еще болѣе унижаетъ его и въ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ постороннихъ людей.

Читатель, надѣюсь, согласится, что именно таковъ (а порой и гораздо хуже) основной тонъ излагаемыхъ ниже случаевъ дуэли, которую мы будемъ разсматривать на протяженіи этого бѣглаго очерка лишь съ ея бытовой стороны, не касаясь болѣе ея юридическихъ основаній.

III.

19 января 1895 г. между двумя офицерами въ Ташкентѣ произошла дуэль *по рѣшенію суда общества офицеровъ*, состоявшемуся недѣлей раньше. Тотъ же судъ, согласно новому закону, опредѣлилъ и условія: дистанція 25 шаговъ, обмѣнъ однимъ выстрѣломъ съ каждой стороны, въ теченіе 5 секундъ, между счетомъ: „разъ! два!“; выстрѣлившій послѣ счета „два“—считается простымъ убійцей. Присутствовали 4 секунданта и 2 врача. Противники оба дали промахъ, и такимъ образомъ,—пишетъ нѣсколько иронически корреспондентъ „Окраины“,—честь возстановлена, а обида смыта. Достойно вниманія, что между рѣшеніемъ суда и приведеніемъ его въ исполненіе прошла недѣля. „Что должны были перечувствовать оба противника въ это время,—и представить трудно; тѣмъ болѣе, что оба они люди семейные“,—говоритъ корреспондентъ. „*На этотъ разъ*, заключаетъ онъ, дѣло обошлось безъ *новыхъ* жертвъ понятію объ офицерской чести“. Эта фраза заставляетъ думать, что начало 1895 года застаетъ уже не первую дуэль, и вѣроятно прежнія обошлись не такъ благополучно *).

Около этого же времени въ Джаркентѣ (Семирѣч. области) два пріятеля офицера, жившіе вмѣстѣ, заспорили, возвращаясь подъ хмѣлькомъ домой. Уже въ квартирѣ, повидимому, безъ свидѣтелей пріятели продолжали ссору, и одинъ хватилъ другого подсвѣчникомъ. На утро, протрезвившись, оба только посмѣялись и совершенно примирились. Но тутъ вмѣшались товарищи, которые „вспомнили недавній циркуляръ“ **) и нашли, повидимому, что случай представляется удобнымъ для примѣненія новаго закона (?). Произошла дуэль, такъ сказать, „по обязанности службы“; всѣ ждали,—пишутъ въ „Степн. Краѣ“,—что дуэль кончится однимъ лишь гуломъ выстрѣловъ. Однако, когда дымъ разсѣялся, одинъ изъ бывшихъ друзей

*) „Нижегор. Лист.“, № 45, 1895.

**) Приказъ по военному вѣдомству отъ 20 мая 1894 г., за № 118.

Г. — оказался убитымъ наповалъ *). *„Пріятели сначала было упирались*, находя, что случай не носитъ характера оскорбленія чести, — прибавляетъ корреспондентъ, — и не знаю, въ силу какихъ соображеній Б., стрѣлявшій первымъ, убилъ противника“ **).

14 февраля того же года довольно благополучно окончилась дуэль въ Минскѣ. Корреспондентъ называетъ лишь инціалы участниковъ (Т-въ и М-нъ), не упоминая объ ихъ званіи. Оба противника промахнулись, о причинѣ ходитъ множество толковъ. „Приходится, къ сожалѣнію, констатировать, — прибавляетъ корреспондентъ офиціальнаго „Вѣстника торговли и промышленности“, — что дуэль за послѣднее время пріобрѣтаетъ права гражданства ***).

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, мартѣ, корреспондентъ „Свѣта“ случайно наткнулся на эпилогъ кровавой драмы. На вокзалѣ ст. Ново-Минскъ вниманіе публики было привлечено носилками, на которыхъ несли больного офицера, который страшно стоналъ. Носилки были поставлены въ товарный вагонъ, ихъ сопровождали въ поѣздѣ нѣсколько офицеровъ и врачъ. Корреспонденту удалось узнать, что офицеръ этотъ раненъ утромъ того же дня на дуэли; пуля попала въ животъ, положеніе больного считалось безнадежнымъ. На этотъ разъ причиной послужило недоразумѣніе среди офицеровъ: офицеръ Т. былъ принятъ въ семьѣ командира, а корнетъ Л. сказалъ какъ-то, что черезъ Т. командиръ узнаетъ все, что творится въ полку. Т. потребовалъ доказательствъ, и, когда аргументы Л. были признаны недостаточными,—Т. назвалъ своего обидчика мерзавцемъ. Послѣдовала дуэль, *при чемъ Л. заявилъ заранѣе, что онъ стрѣлять въ Т. не будетъ*... Раненый Л. черезъ три дня въ страшныхъ мученіяхъ умеръ въ госпиталѣ Краснаго креста въ Варшавѣ ****).

Въ маѣ того же года вопросу о дуэляхъ посвятилъ замѣтку „Тифлисскій Листокъ“. „Въ Тифлисѣ, по словамъ газеты, дуэль стала модной, и мѣстные обыватели то и дѣло вызываютъ другъ друга. Хорошо еще, что эти вызовы въ большинствѣ случаевъ (а въ меньшинствѣ?) кончаются ничѣмъ“. „Почему это мы вдругъ стали такъ щепетильны,—иронически замѣчаетъ авторъ,—сказать не могу, но думаю, что тутъ виновата мода“ °).

---

*) „Степн. Край“, „Волжск. Вѣстникъ“, 1895, № 55.
**) „Смол. Вѣстникъ“, № 46.
***) „Волжск. В—къ“, 1895, № 62.
****) „Свѣтъ“,—„Смол. Вѣстн.“ 1895. № 35.
°) „Тифл. Лист.“—„Нижегор. Лист.“ 1895, № 142.

Какая-то дуэль произошла около этого же времени въ Бобруйскѣ. Къ сожалѣнію, подробности ея отъ меня ускользнули, и я сужу о ней лишь по косвеннымъ результатамъ. Извѣстія о ней впервые появились на стр. „Минскаго Листка“, и вотъ ея редакторъ, г. Фотинскій, а также бобруйскій корреспондентъ Петроцкій были привлечены къ суду по знаменитой 1039 статьѣ (о диффамаціи). „Командиръ 158 пѣхотн. Кутаисскаго полка, какъ сообщаетъ „Вил. В-къ“, нашелъ, что корреспонденція объ этой дуэли заключаетъ невѣрныя свѣдѣнія и затрогиваетъ честь и доброе имя офицеровъ полка. Однако виленская судебная палата оправдала и редактора, и корреспондента“ *).

Въ концѣ іюня или началѣ іюля происходила дуэль между офицерами 28-й пѣхотной дивизіи въ Ковно, вслѣдствіе ссоры на балу. Дуэль окончилась благополучно.

Чрезвычайно оригинальные взгляды на требованія чести сказались въ одной исторіи, имѣвшей мѣсто въ февралѣ 1896 года въ гор. Задонскѣ. Въ мѣстный клубъ явился дѣлопроизводитель воинскаго начальника, капитанъ N., съ дамой, своей квартирной хозяйкой, вдовой бывшаго содержателя почты. Нѣкій задонскій дворянинъ, членъ клуба, вспомнивъ, что дама до своего замужества была горничной, счелъ свою честь задѣтой ея присутствіемъ въ клубѣ и распорядился вывести даму (!), у которой, впрочемъ, не разъ бывалъ при жизни мужа въ гостяхъ. Капитанъ N. совершенно справедливо счелъ необходимымъ заступиться за честь оскорбленной женщины и прибѣгъ къ традиціонному вызову. Такъ какъ это случай, въ которомъ замѣшано постороннее лицо невоеннаго званія, то пришлось затѣять переписку объ особомъ разрѣшеніи вызова. И вотъ городъ Задонскъ цѣлый мѣсяцъ разсуждаетъ объ этой исторіи. Господинъ, такъ своеобразно понимающій „достоинство клуба“, опомнился и готовъ дать болѣе мирное удовлетвореніе. Онъ согласенъ принести передъ оскорбленной дамой публичное же извиненіе, но... тутъ капитанъ N. обнаруживаетъ совершенно оригинальное понятіе о способахъ удовлетворенія. Онъ требуетъ не только извиненія передъ дамой, но еще чтобы задонскій дворянинъ согласился смиренно принять отъ него въ клубѣ пощечину... **). Какъ видите, иногда дуэль прикрываетъ понятія о чести совершенно безпримѣрныя, прямо невѣроятныя. Финалъ этой исторіи намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ.

---

*) „Биржев. Вѣд.“, № 160, 1895, 13 іюня.

**) „Сынъ Отечества“, „Нижегор. Листокъ“, № 87, 31 марта 1896.

„Послѣ изданія новаго закона о дуэляхъ въ офицерской средѣ,—писали въ 1896 г. въ „Омской Газетѣ“ изъ Владивостока, — и здѣсь были случаи примѣненія этого закона. Дуэли происходили какъ между морскими, такъ и между армейскими офицерами. Къ счастію, до сихъ поръ онѣ кончались выстрѣлами на воздухъ и примиреніемъ противниковъ. Но въ настоящее время по городу ходитъ слухъ о дуэли, состоявшейся между двумя сухопутными офицерами: поручикомъ П. и капитаномъ Р. Поручикъ П. раненъ въ животъ и въ руку“ *).

Разумѣется, „мода“ не ограничивается военной средой: дуэль имѣетъ примѣненіе и въ средѣ штатской. Такъ, въ „Кіевскомъ Словѣ“ сообщали о столкновеніи ялтинскаго гор. головы г-на Хвощинскаго съ г. Фирлеевичемъ, котораго г. Хвощинскій публично оскорбилъ словами и на предложеніе извиниться отвѣтилъ отказомъ. Спустя три недѣли г. Фирлеевичъ нанесъ обидчику оскорбленіе дѣйствіемъ. Состоялась дуэль въ Исарскомъ лѣсу, окончившаяся, впрочемъ, благополучно. Хвощинскій подалъ въ отставку **).

Не такъ давно,—писали въ „Варшавскомъ Дневникѣ“, въ октябрѣ 1896 года ***), — на ипподромѣ Мокотовскаго поля между графомъ Замойскимъ и землевладѣльцемъ Карломъ Выдрою происходила дуэль на пистолетахъ, окончившаяся благополучно. Такой же благополучный исходъ имѣла и дуэль въ станицѣ Каменской, Донецкаго округа, между врачомъ Поповымъ и военнымъ приставомъ Семеновымъ. Оба противника промахнулись ****).

Уже совсѣмъ недавно мы узнали изъ газетъ, что въ силу манифеста 14 мая въ Варшавѣ прекращено дѣло о дуэли, состоявшейся 13 мая въ деревнѣ Яблонной между графомъ І. Велепольскимъ и гр. С. Ржевускимъ. Поводомъ къ дуэли послужили личныя недоразумѣнія, разрѣшеніе коихъ было предоставлено суду чести, напрасно старавшемуся склонить стороны къ миру. Выстрѣлы послѣдовали одновременно, при чемъ гр. Ржевускій раненъ въ бедро правой ноги °).

IV.

Имѣетъ свою дуэльную хронику и наша литературная среда. Какъ извѣстно, въ другихъ странахъ (особенно во

*) „Самарская Газ.“, 1896, № 167 (4 авг.).
**) „Ник. Листокъ“, 1896, № 39.
***) Цит. изъ „Смоленск. Вѣстника“, 1896, № 241.
****) „Нижегор. Листокъ“, № 173, 1896.
°) „Новое Время“, 1896, 19 іюля, № 7234.

Франціи и Италіи) дуэль является очень обыкновеннымъ способомъ сведенія къ концу литературной, а иногда и политической полемики. Дерутся авторы пьесъ съ рецензентами, дерутся журналисты другъ съ другомъ, дерутся депутаты съ журналистами и депутаты разныхъ партій между собою. Можно сказать съ увѣренностью, что во Франціи нѣтъ выдающагося политическаго и литературнаго дѣятеля, у котораго не было бы нѣсколькихъ дуэлей. Кто не помнитъ еще и теперь дуэли Флоке съ ген. Буланже, когда штатская шпага депутата нанесла первый ударъ военной репутаціи блестящаго генерала. И еще недавно газеты сообщали въ отдѣлѣ курьезовъ остроумный отвѣтъ Пастера на вызовъ задорнаго Кассаньяка. Какъ вызванный и, значитъ, имѣющій право выбора оружія, Пастеръ предложилъ Кассаньяку американскую дуэль при посредствѣ двухъ кусковъ колбасы. Изъ нихъ одинъ былъ съ трихинами. Храбрый Кассаньякъ отказался.

У насъ дуэль въ литературной средѣ, къ счастію, большая рѣдкость. Заплативъ свою дань предразсудку „дуэльной чести“ двумя геніальными жизнями въ первой половинѣ столѣтія, — наша среда относится къ этому обычаю съ разумнымъ пренебреженіемъ. И замѣчательно, что тамъ, гдѣ мы, писатели, являемся уступчивыми въ этомъ отношеніи, у насъ особенно часто является матеріалъ для водевиля, а не для драмы. Я помню случай, еще въ концѣ 70-тыхъ годовъ, когда московскій журналистъ вызывалъ петербургскаго, г. Полетику, но для этого звалъ своего противника непремѣнно въ Москву. Послѣдній, не отказываясь отъ дуэли, отвѣтилъ, что не видитъ причины для поѣздки, но что онъ готовъ служить своему противнику въ Петербургѣ. Отвѣтъ, повидимому, довольно резонный, хотя еще резоннѣе было бы, конечно, съ перваго же шага отвѣтить смѣхомъ на грозный вызовъ. Но московскій журналистъ воспользовался отвѣтомъ г. Полетики для того, чтобы, сидя въ Москвѣ, обвинять г. Полетику въ трусости. Такимъ образомъ, „московское сидѣніе“ должно было символизировать высокое понятіе о чести, сидѣніе петербургское — обращалось въ символъ малодушія. Это, разумѣется, было уже совсѣмъ водевильно. Но тутъ въ душѣ г-на Полетики проснулся „бывшій военный“. Выведенный изъ терпѣнія джигитовкой своего противника на страницахъ московской газеты, онъ рѣшился выйти изъ „петербургскаго сидѣнія“ и написалъ, а затѣмъ напечаталъ въ своей петербургской газетѣ „Молвѣ“, что готовъ на среднюю мѣру: ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, а въ Бологомъ, на серединѣ пути между двумя

столицами. Это, повидимому, было опять очень резонно, но противникъ нашелъ, вѣроятно, что разстояніе между московской храбростью и петербургской трусостью сократилось слишкомъ сильно, и дальнѣйшаго теченія это дѣло не имѣло.

Тогда же въ Петербургѣ имѣла мѣсто трагическая дуэль Жохова съ Утинымъ. Несмотря на то, что оба ея участника — и убитый наповалъ Жоховъ, и недавно умершій Утинъ — уже сошли со сцены, мы всетаки не имѣемъ еще возможности говорить о подкладкѣ этой ужасной трагедіи, гдѣ смерть Жохова явилась случайной развязкой запутаннѣйшихъ отношеній (Утинъ стрѣлялъ, не цѣлясь)... Когда-нибудь еще живые участники этой исторіи, вѣроятно, разскажутъ намъ въ мемуарахъ ея подкладку, и это будетъ исторія, необыкновенно характерная для того времени и для тѣхъ теченій, которыя тогда подымались и бродили въ обществѣ. Здѣсь же мы упоминаемъ объ этомъ эпизодѣ наряду съ литературными дуэлями лишь потому, что вся исторія разыгрывалась въ литературно-адвокатской средѣ, и на судѣ по поводу дуэли прошелъ цѣлый рядъ извѣстныхъ журналистовъ и писателей... Во всякомъ случаѣ и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, выстрѣлъ, даже удачный, ничего не разъяснилъ и никого не очистилъ. За смертію Жохова послѣдовало самоубійство г-жи Гончаровой, покушеніе на Утина со стороны ея сестры и, наконецъ, самоубійство послѣдней. Говорили въ Петербургѣ, будто отецъ двухъ послѣднихъ жертвъ этой трагедіи поставилъ надъ ихъ могилой памятникъ съ надписью, гласившей, что онѣ явились жертвами „новыхъ вѣяній“ русской жизни. Мнѣ кажется, однако, что, пользуясь удачнымъ выраженіемъ г-на Михайловскаго по другому поводу, — было бы справедливѣе назвать ихъ жертвами „старыхъ вѣяній“ и, между прочимъ, стараго предразсудка, будто вопросы чести рѣшаются удачнымъ прицѣломъ.

Чистая случайность, — выстрѣлъ безъ прицѣла, — придала этой исторіи, въ ея собственно-дуэльной части, тотъ трагическій характеръ, который она приняла. Неизвѣстно, во что обратилась бы она, если бы Утинъ захотѣлъ прицѣлиться... въ воздухъ. Во всякомъ случаѣ, — это исключеніе отнюдь не нарушаетъ правила и только еще ярче подтверждаетъ непригодность этого простого средства для рѣшенія запутанныхъ вопросовъ.

Совсѣмъ уже недавно мы имѣли нѣсколько случаевъ, гдѣ слово дуэль упоминалось въ журнальной средѣ. Братья Половцевы, возстановлявшіе честь при помощи „жестовъ съ палкой“, утверждали, будто кто-то вызывалъ князя Мещерскаго,

и тотъ отказался. Князь Мещерскій, наоборотъ, утверждаетъ, что онъ не отказывался и признаетъ дуэль „между порядочными людьми“. Наконецъ, настоящій уже водевиль съ дуэлью разыгрался въ Саратовѣ между журналистомъ и обличеннымъ имъ адвокатомъ. Нѣкто г. Богуславскій когда-то (оказывается, еще въ 1891 году) побилъ женщину. Фельетонистъ „Саратовскаго Дневника“ г. Марковичъ сдѣлалъ въ газетѣ рѣзкую оцѣнку этого поступка, но при этомъ ошибся въ хронологіи: вмѣсто 1891 года перенесъ это событіе на 1895. Г. Богуславскій оскорбился и предпринялъ цѣлый рядъ дѣйствій, вызывающихъ положительное изумленіе полной своей нецѣлесообразностью. Прежде всего, онъ опровергаетъ неточность даты и даетъ какія-то объясненія въ частномъ совѣщаніи своихъ товарищей-адвокатовъ; сущность его объясненій и рѣшеніе его товарищей остаются неизвѣстными. Послѣ этого одинъ изъ товарищей г-на Богуславскаго, прис. повѣренный г. Вучетичъ, — „нервный, пылкій, съ черногорскою впечатлительною натурою“, какъ самъ онъ характеризовалъ себя на судѣ, подаетъ г-ну Богуславскому мысль о дуэли. И вотъ г. Богуславскій вызываетъ г-на Марковича. Г. Марковичъ отказывается. Это, конечно, очень хорошо, если бы г. Марковичъ отказался просто, такъ какъ, несомнѣнно, выстрѣлъ, хотя бы самый удачный, не опровергаетъ факта. Но г. Марковичъ не просто отрицаетъ дуэль, а сначала принимаетъ вызовъ, потомъ отказывается и апеллируетъ къ тончайшимъ соображеніямъ „дуэльнаго кодекса“. По его мнѣнію, г. Б-скій — человѣкъ опозоренный, и онъ, г. Марковичъ, не будетъ съ нимъ драться не потому, что это вообще безсмысленно, а потому, что г. Б-скій недостоинъ стать съ нимъ, г. Марковичемъ, къ барьеру.

Пусть такъ. Г. Марковичъ отказался. Г. Кроарбонъ приводитъ много случаевъ, когда одна изъ сторонъ въ подобномъ положеніи кидаетъ перчатку со словами: „примите, m-sieur, это мое дѣйствіе за пощечину“. Но у насъ такими тонкими символами довольствоваться не желаютъ. У насъ необходимо во имя чести свернуть кому-нибудь скулу не въ переносномъ, а въ самомъ прямомъ смыслѣ. И дѣйствительно, г. Богуславскій запасается содѣйствіемъ нѣкоего здоровеннаго верзилы и подъ его прикрытіемъ наноситъ г. Марковичу на улицѣ чувствительное оскорбленіе дѣйствіемъ.

Общее негодованіе, послужившее отвѣтомъ на эту безобразную расправу человѣка, побившаго женщину въ 1891 году и возстановляющаго свою честь побитіемъ журналиста въ 1895,—повидимому, могло доставить послѣднему полное удо-

влетвореніе. Къ сожалѣнію, „шопотъ, хохотня глупцовъ“ очевидно имѣютъ огромное значеніе и въ глазахъ журналистовъ. Теперь г. Марковичъ вызываетъ, въ свою очередь, г-на Богуславскаго. Для послѣдняго, разумѣется, наступаетъ моментъ нравственнаго торжества. Еще такъ недавно г. Марковичъ считалъ его недостойнымъ „стать у барьера“, такъ какъ онъ побилъ женщину. Теперь онъ прибавилъ къ этому побитіе журналиста и—сталъ совершенно достойнымъ высокой чести!

„Скучная и неумная исторія!“ — совершенно справедливо восклицалъ по этому поводу фельетонистъ „Нижегородскаго Листка“ *), у котораго я заимствую эти факты. Дѣйствительно, исторія неумная, лишенная всякой послѣдовательности и твердаго сознанія истиннаго достоинства.

Дальнѣйшее переходитъ уже прямо въ водевиль. Сначала, по словамъ того же автора, обѣ стороны пылаютъ жаждой крови. „Нервный, впечатлительный, съ черногорской натурой“ г. Вучетичъ требуетъ (для другихъ!) дуэли прямо черезъ платокъ. Условія установлены менѣе кровожадныя. Оставалось цѣлить и стрѣлять. Но тутъ уже г. Богуславскій самъ является помѣхой близкой развязкѣ. Въ послѣднія минуты, онъ ставитъ еще одно условіе: съ послѣднимъ звукомъ выстрѣла—должны стихнуть и всѣ отголоски его некрасивой исторіи. Г. Марковичъ обязывается не писать объ ней ни слова, обязывается склонить къ тому же своихъ товарищей по газетѣ, чуть не всю россійскую прессу. Совершенно понятно, что г. Марковичъ не могъ дать подобнаго обѣщанія, и противники опять расходятся, опять начинается скучная и неумная канитель. „Прошу не щадить моей жизни!“—пишетъ своему секунданту г. Богуславскій. Г. Марковичъ, „стоя у барьера“, зоветъ на смертный бой не только уже г. Богуславскаго, но и его секундантовъ (въ томъ числѣ пылкаго, съ черногорской натурой г. Вучетича?),—но водевильная струя оказывается явно болѣе сильной, чѣмъ струя трагическая,—и вотъ все дѣло, со всей воинственной компаніей, самымъ прозаическимъ образомъ плыветъ къ мировому такого-то участка гор. Саратова.

Въ этомъ своемъ фазисѣ оно сначала заинтересовало всю поволжскую прессу. Защищать прис. повѣреннаго Богуславскаго явился г. Плевако, и дѣло принимало характеръ борьбы „на почвѣ чести“ мѣстной адвокатуры съ мѣстною прессой. Къ чести саратовской адвокатуры, она поторопилась устранить этотъ элементъ въ курьезномъ дѣлѣ. Въ письмѣ на имя г. Плевако, напечатанномъ въ газетахъ, мѣстные присяжные

*) „Ниж. Листокъ“, № 106, 1896 года.

повѣренные просили его разсматривать вопросъ, какъ чисто личное столкновеніе, такъ какъ, очевидно, поступки г-на Б., побившаго женщину въ 1891 году и журналиста въ 1895— отнюдь не могли касаться его товарищей, никого, ни въ какомъ году не бившихъ. Подписавшіеся подъ письмомъ категорически заявляли, что они „во всякомъ случаѣ категорически отрицаютъ свою солидарность съ тою формой, которую обвиняемый избралъ для сведенія своихъ счетовъ съ лицомъ, которое теперь является его обвинителемъ".

Такимъ образомъ, всѣ эффекты понемногу облетали съ этого дѣла. Къ сожалѣнію, г. Марковичъ въ своемъ послѣднемъ словѣ зачѣмъ-то самъ заявлялъ о томъ, какъ, „стоя у барьера", онъ вызывалъ на бой секундантовъ. Очевидно, эта чисто юнкерская бутада журналиста ничего не добавила къ его „достоинству" въ этомъ дѣлѣ. Правдивость и мужество своего мнѣнія—лучшая форма мужества, которой общество въ правѣ требовать отъ представителя печати. Между тѣмъ, на пути отъ своей замѣтки до камеры мирового судьи саратовскій журналистъ, къ сожалѣнію, проявилъ только колебанія и непослѣдовательность, которыя отнюдь не способствуютъ поддержанію достоинства въ этомъ единственно-важномъ отношеніи.

Все это, наконецъ, приняло форму окончательнаго водевиля: судъ, выйдя для объявленія приговора, засталъ противниковъ помирившимися. Г. Плевако заявилъ суду, что его довѣритель г. Б.— „въ выраженіяхъ, которыя г. Марковичъ призналъ достаточными, сознался тотъ грѣхъ, который онъ въ 1891 г. позволилъ себѣ по отношенію къ г-жѣ Г-нъ и который былъ единственной причиной и поводомъ для г. Марковича въ 1895 г. такъ отнестись къ г-ну Богуславскому. Тогда и г. Марковичъ заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ прекращенія этого дѣла въ судѣ".

Г. Богуславскому, очевидно, слѣдовало начать съ того, чѣмъ онъ кончилъ. Увы! и г. Марковичу тоже слѣдовало кончить, какъ онъ начиналъ, т.-е. отказаться отъ дуэли мужественно и прямо, не прикрываясь никакими измышленіями изъ дуэльнаго кодекса. Къ счастію, у насъ есть примѣръ такого именно мужества въ той же области и изъ той же журнальной среды. Это примѣръ г-на Меньшикова, который подъ направленнымъ на него дуломъ револьвера съ достоинствомъ отвергъ всякую мысль о дуэли. Онъ проявилъ именно то мужество, котораго слѣдуетъ ожидать отъ всякаго убѣжденнаго человѣка: мужество физическое въ виду возможнаго выстрѣла и мужество своего мнѣнія. Къ сожалѣнію, далеко не вся пресса оцѣнила ту услугу, которую г-нъ Меньшиковъ оказалъ ея достоинству своимъ поведеніемъ въ этомъ случаѣ.

V.

Теперь намъ приходится остановиться еще на нѣсколькихъ фактахъ, которые особенно ярко рисуютъ любопытныя стороны разсматриваемаго явленія. Мы видѣли уже выше, что сами участники дуэли по большей части вовсе ея не желаютъ; въ одномъ случаѣ оскорбленный, по выраженію корреспондента, „долго упирался“ и пошелъ къ барьеру, какъ человѣкъ, неохотно исполняющій распоряженіе начальства. Въ другомъ два участника пассивно ждутъ рѣшенія въ теченіе недѣли, въ третьемъ одинъ изъ участниковъ впередъ заявляетъ, что стрѣлять не будетъ, и гибнетъ въ качествѣ простой мишени для чужого выстрѣла... Читатель, вѣроятно, согласится, что все это — довольно неожиданные результаты попытки „регулировать дуэли“.

Особенно яркій и поучительный примѣръ этого рода имѣлъ мѣсто въ концѣ 1895 года въ Оренбургѣ. „Въ среду, 13 декабря,—писали изъ этого города въ „Новое Время“,—здѣсь состоялась дуэль на пистолетахъ между сотникомъ оренбургскаго казачьяго войска г. И. и подпоручикомъ запаса арміи г. В. Дуэль вызвала большіе толки, въ особенности потому, что дравшіеся состояли въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Но вотъ, вечеромъ, еще 27 іюля 1894 года подпоручикъ В. пришелъ въ нетрезвомъ видѣ въ помѣщающійся на берегу рѣки Урала вокзалъ Бѣлова, гдѣ присоединился къ компаніи своихъ молодыхъ товарищей-офицеровъ. Уже поздно вечеромъ у подвыпившаго В. завязался крупный разговоръ съ кѣмъ-то изъ штатскихъ посѣтителей ресторана... Это, конечно, не понравилось хозяину, у котораго по этому поводу возникло съ подпоручикомъ В. довольно раздраженное объясненіе. Тогда подпоручикъ, взбѣшенный до послѣдней степени, отправился въ казармы, привелъ оттуда взводъ солдатъ и кинулся на содержателя ресторана *). Видя, что готово случиться страшное несчастіе, сотникъ И. кинулся въ свою очередь къ своему обезумѣвшему товарищу со словами: „Сережа, ради Бога, стой!“ Тогда В., повидимому, взбѣшенный до потери разсудка и уже не отдававшій себѣ полнаго отчета въ своихъ поступкахъ... ударилъ сотника И. „Всѣ точно замерли,—продолжаетъ корреспондентъ,—а черезъ нѣсколько секундъ В. разрыдался и *кинулся къ И. съ мольбой о прощеніи*. Вскорѣ послѣ этого онъ поступилъ въ лазаретъ, гдѣ доктора почти

*) Въ этомъ мѣстѣ цензура выкинула подробности эпизода съ приводомъ солдатъ, и я возстановляю его въ самомъ общемъ видѣ.

единогласно признали, что онъ въ послѣднее время былъ въ ненормальномъ состояніи".

Надо думать, что это было именно такъ; состоялся военный судъ,—и послѣдствія этой исторіи для г-на В. сказались лишь въ томъ, что онъ „добровольно подалъ въ отставку". Сколько намъ извѣстно, военные законы знаютъ мало преступленій, равныхъ вооруженному нападенію защитниковъ отечества на своихъ мирныхъ согражданъ, и, значитъ, мягкій приговоръ суда, очевидно, объясняется признаніемъ „невмѣняемости". А если такъ, то, очевидно, и ударъ, нанесенный товарищу,—нанесенъ въ такомъ же состояніи. Сотникъ И., защищая безоружнаго человѣка отъ вооруженнаго нападенія безумца, исполнялъ лишь долгъ присяги, совѣсти и чести, и, очевидно, его поступкомъ можетъ лишь гордиться среда, къ которой онъ принадлежитъ.

Но... тутъ опять выступаетъ одна изъ неожиданностей въ разсматриваемой нами области... „По городу и въ офицерской средѣ,—продолжаетъ корреспондентъ,—начали носиться слухи, будто для сотника И. (какъ обезчещеннаго ударомъ невмѣняемаго человѣка!) единственнымъ приличнымъ выходомъ является дуэль, въ противномъ случаѣ должно послѣдовать отчисленіе его по войску" *). Корреспондентъ другой газеты говоритъ прямо, что г. И. „было сказано ясно и категорично, что его нравственная обязанность—потребовать удовлетворенія" **). И вотъ, хотя многіе благоразумные люди не хотѣли и вѣрить въ возможность дуэли, такъ какъ В. извинился, такъ какъ, наконецъ, В. признанъ невмѣняемымъ, а поступки сумасшедшихъ и изступленныхъ не могутъ быть оскорбительными,—тѣмъ не менѣе исторія тянулась, В. и И. продолжали оставаться друзьями, а вопросъ *рѣшался за нихъ*. Черезъ 1/2 года, наконецъ, И., такъ сказать, по обязанности службы, вынужденъ былъ подать рапортъ и „просить позволенія" драться съ В. Дуэль состоялась за городомъ; со старинными пистолетами (лучшихъ не достали) противники стали въ 20 шагахъ. Когда разсѣялся дымъ выстрѣла, подпоручикъ В. лежалъ на снѣгу, съ ногой, пробитой выше колѣна. Сотникъ И. стрѣлялъ, не цѣлясь.

Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ весьма странными понятіями о чести, съ дуэлью по принужденію и приказу...

VI.

Все это невольно наводитъ на очень серьезныя размышленія. Чувство чести, заставляющее всякаго оберегать свое лич-

*) „Нов. Вр.",—цит. изъ „Нижегор. Листка", 1895, № 352.
**) „Сам. Газета", № 274.

ное достоинство, какъ онъ его понимаетъ, есть несомнѣнно чувство почтенное и совершенно необходимое въ личномъ и общественномъ обиходѣ. Нужно только, чтобы это было здоровое чувство.

Здоровый человѣкъ не сознаетъ въ каждую данную минуту, что онъ именно здоровъ, и не станетъ выставлять этого на видъ каждому встрѣчному и поперечному. Онъ просто здоровъ, и это отражается во всѣхъ его движеніяхъ, взглядахъ, поступкахъ, направленныхъ на обычныя житейскія дѣла, къ его здоровью никакого отношенія не имѣющія. Совершенно наоборотъ: если вы видите, что человѣкъ ко всѣмъ своимъ предпріятіямъ примѣшиваетъ вопросъ о своемъ здоровьи, то вы съ полнымъ основаніемъ тотчасъ же усомнитесь въ томъ самомъ, въ чемъ онъ старается васъ увѣрить. А если, при этомъ, онъ еще непрестанно станетъ принимать экстренныя мѣры, направленныя къ поддержанію здоровья, то ваше сомнѣніе перейдетъ въ полную увѣренность въ противномъ.

То же нужно сказать и о здоровой чести. Она, прежде всего, сдержанна. Она просто проникаетъ извѣстнымъ оттѣнкомъ всѣ дѣйствія и поступки даннаго человѣка, какъ особый душевный тонъ, котораго нѣтъ надобности выдѣлять въ каждую данную минуту изъ общаго душевнаго строя. Въ тѣхъ случаяхъ, когда этого потребуютъ серьезныя обстоятельства, она проявится сама собою и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чувство глубже, разумнѣе и сдержаннѣе.

Но такъ же, какъ есть субъекты, иллюстрирующіе свое здоровье предохранительными пластырями на самыхъ видныхъ мѣстахъ,—такъ есть и люди, носящіе свою честь, такъ сказать, обнаженною и у всѣхъ на виду. Они проносятъ ее черезъ толпу, какъ нѣкій драгоцѣнный ковчегъ, зорко и ежеминутно оглядываясь, не задѣлъ ли кто, хотя бы нечаянно, ихъ хрупкаго сокровища. Это люди, по большей части, чрезвычайно непріятные, а иногда и очень опасные. Если такой субъектъ входитъ въ собраніе, онъ прежде всего пронизываетъ васъ надменно-подозрительнымъ взглядомъ: не намѣрены ли вы посягнуть на его достоинство. Если вы отвѣтили взглядомъ невольнаго удивленія, человѣкъ съ больною честью уже вспыхнулъ. Если вы отвернулись равнодушно,—ему это покажется пренебреженіемъ, если вы продолжаете прерванный разговоръ съ сосѣдомъ,—онъ заподозритъ, что рѣчь идетъ о немъ. Если, наконецъ, придраться будетъ не къ чему,—то нестерпимый зудъ больной чести заставитъ его перейти въ наступленіе. Какъ нѣкогда рыцари ставили вензель своей возлюбленной среди другихъ и провозглашали, что никто другой

не любитъ столь превосходной красавицы и что возлюбленныя остальныхъ рыцарей, которыхъ онъ даже не знаетъ, не стоятъ и ея ногтя,—такъ человѣкъ съ больной честью сунетъ вамъ подъ носъ свой ковчежецъ и потребуетъ преклоненія: это значитъ, что его честь много превосходнѣе вашей. Если при этомъ носитель этого ковчега обладаетъ здоровыми кулаками, умѣетъ фехтовать и попадаетъ изъ пистолета въ туза,—то типъ бреттера совершенно готовъ. Гордый своими физическими аттрибутами, съ выпяченной и болѣзненно-гипертрофированной „честью“, онъ ходитъ по свѣту, готовый во всякое время къ нападенію и защитѣ, съ девизомъ Тита Титыча Брускова: кто меня можетъ оскорбить? Я самъ оскорблю всякаго!

Этими колоритными фигурами была прежде очень богата наша жизнь, еще не освобожденная отъ крѣпостного права. Это и понятно: рабство одной стороны роковымъ образомъ отражалось на другой: слишкомъ вогнутая на одной сторонѣ—россійская честь выпячивалась на оборотѣ медали. Во второй половинѣ столѣтія этотъ несносный и въ сущности презрѣнный типъ какъ-то стушевался. Въ послѣднее время онъ выступаетъ опять выпукло и ярко. Чѣмъ объяснить это странное обстоятельство? Значитъ ли это, что общій уровень русской личности опять понижается? Хочется думать, что нѣтъ. Очень можетъ быть, что бреттеровъ въ послѣднее время стало нѣсколько больше, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ теченій нашей жизни послѣдняго періода. Но, кромѣ того, и мы стали чутче къ такого рода явленіямъ. Такъ это или иначе,—результатъ одинъ: больная честь доставляетъ серьезное безпокойство и вызываетъ справедливое волненіе.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе неясности и непродуманности нашихъ собственныхъ взглядовъ, это раздраженіе остается тоже нездоровымъ и безплоднымъ, и порой наше общество, даже читающее, даже мыслящее, даже культурное, дѣйствительно уподобляется какому-то глухому лѣсу, въ которомъ разыгрываются самыя удивительныя происшествія.

Такую именно изумительную картину развертываетъ передъ нами дѣло, которое m-sieur Croarbon-avocat могъ бы озаглавить: affaire Schischkine-Pavlovsky, но передъ которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, стали бы въ тупикъ всѣ авторы всѣхъ кодексовъ чести, собранные воедино.

Начинается это дѣло еще съ 1894 года; а въ маѣ 1895 г. „корнетъ запаса арміи“ г-нъ Павловскій уже предложилъ его на судъ общественнаго мнѣнія, напечатавъ въ „Одесскомъ Листкѣ“ письмо подъ заглавіемъ: „Исторія одной несостоя-

вшейся дуэли". Въ этомъ письмѣ онъ сообщалъ, съ какой-то подозрительной осторожностью избѣгая подробностей, что въ маѣ 1894 года землевладѣлецъ Елисаветградскаго уѣзда А. К. Шишкинъ нанесъ ему грубое оскорбленіе, которое, по элементарнымъ правиламъ чести, остаться безнаказаннымъ не можетъ. Между тѣмъ, г. Шишкинъ отказывается дать ему удовлетвореніе и всѣми мѣрами избѣгаетъ дуэли. Правда, въ письмѣ упоминалось глухо, что самъ г. Павловскій, „защищаясь отъ (какой-то) остервенѣлой толпы, произвелъ выстрѣлъ", проглядывало еще что-то странное и непонятное,—тѣмъ не менѣе газета напечатала письмо, другія газеты его перепечатали... И вотъ имя г. Павловскаго всплываетъ на поверхность нѣкоторой всероссійской извѣстности, въ качествѣ рыцаря чести, апеллирующаго къ общественному мнѣнію.

Г. Шишкинъ отвѣтилъ на это письмо, и въ этомъ отвѣтѣ, нужно сказать, впослѣдствіи не только вполнѣ подтвержденномъ данными суда и слѣдствія, но еще значительно усиленномъ не въ пользу г. Павловскаго, передъ нами встала слѣдующая поистинѣ изумительная и сложная картина нравовъ, которую мы и изображаемъ здѣсь на основаніи совокупности оглашенныхъ обстоятельствъ.

24 апрѣля 1894 года, въ Елисаветградѣ, гг. Дмитріевъ, Стенбокъ-Ферморъ и другія лица, т. е. цѣлая компанія штатскихъ людей съ дамами, возвратясь изъ театра въ гостиницу „Маріани" (гдѣ они остановились, на время пріѣхавъ изъ деревни), намѣревались поужинать въ общей комнатѣ, пока имъ подадутъ лошадей. Въ этой компаніи находился и землевладѣлецъ А. К. Шишкинъ съ женой. Пришедшіе скромно заняли отдѣльный столикъ, не ожидая, разумѣется, никакихъ непріятностей.

На несчастіе, оказалось, что за другимъ столомъ сидѣла компанія офицеровъ, и въ томъ числѣ г. Павловскій (нынѣ, кажется, именно вслѣдствіе этого дѣла,—только „корнетъ запаса арміи"). Такимъ образомъ, судьба сводитъ въ одной залѣ двухъ героевъ будущей громкой драмы, г-на Шишкина и г-на Павловскаго. Необходимая ремарка,—сдѣланная судебнымъ репортеромъ „Одесскаго Листка" и свидѣтелями: г. Шишкинъ—молодой худощавый брюнетъ, держится скромно, выдающимися физическими достоинствами не обладаетъ, занимается сельскимъ хозяйствомъ, женатъ, имѣетъ трехъ дѣтей. Г. Павловскій—невысокій коренастый мужчина, съ признаками огромной мускульной силы. „Говоритъ онъ съ усиліемъ, какъ бы выдавливая изъ себя фразы и дѣлая большія паузы",—зато „ударомъ кулака сшибаетъ двери съ петель,

отлично фехтуетъ и стрѣляетъ безъ промаха". Въ Елисаветградѣ извѣстенъ многими похожденіями самаго опаснаго для мирныхъ обывателей свойства и вѣчно готовъ превознести честь свою и „честь своего мундира" насчетъ всякой другой чести любого изъ мирныхъ обывателей.

Въ данную минуту, кромѣ всего прочаго, г. Павловскій сильно пьянъ. И вотъ, едва мирная компанія штатскихъ людей *съ дамами* заняла свои мѣста, какъ изъ-за стола, занятаго офицерами, послышалась *грубая, непечатная брань*. Это ругался г. Павловскій, будущій апелляторъ къ общественному мнѣнію по вопросамъ чести.

Что оставалось дѣлать мирной компаніи? Разумѣется, господа встали изъ-за стола, подали руки дамамъ и ушли къ себѣ въ номеръ. По нѣкоторымъ „правиламъ чести", они могли себя считать глубоко оскорбленными и потребовать удовлетворенія у грубіяна. Есть даже и такія правила, согласно которымъ товарищи г-на Павловскаго, въ компаніи которыхъ онъ позволилъ себѣ такое поведеніе въ присутствіи дамъ, должны бы счесть себя оскорбленными прежде всего и всего больше. Наконецъ, такое поведеніе г-на Павловскаго, по нѣкоторымъ понятіямъ о чести, могло бы оскорбить все „общество гг. офицеровъ" даннаго полка. Но... мы не станемъ входить въ эти тонкости. По здравому смыслу слѣдовало поступить именно такъ, какъ поступила компанія: предоставить г-ну Павловскому свободное поле для его понятій о порядочности и чести.

Однако, и это оказывается нелегко. „Что, испугались?" — иронически провожаетъ г. Павловскій уходящихъ, но затѣмъ находитъ, что, въ сущности, его оскорбили. Ему слишкомъ рѣзко дали понять, что онъ не достоинъ находиться въ обществѣ порядочныхъ женщинъ. Очевидно, специфическія понятія о чести требуютъ, чтобы дамы смиренно выслушивали „тѣ спеціально русскія слова", которыя, по словамъ г-на Куперника (повѣренный со стороны Павловскаго), составляютъ у насъ такое обыкновенное явленіе и которыя „русскій человѣкъ такъ легко произноситъ въ пьяномъ видѣ". И вотъ г. Павловскій чувствуетъ себя оскорбленнымъ и немедленно открываетъ военныя дѣйствія, при чемъ его компанія считаетъ возможнымъ удалиться.

Мы понимаемъ этихъ молодыхъ людей. Правда, въ обыкновенныхъ условіяхъ они и обязаны были бы, и, пожалуй, могли бы сдержать своего расходившагося товарища, но г. Павловскій силачъ, но г. Павловскій „защищаетъ честь", но г. Павловскій вооруженъ револьверомъ; наконецъ, мы видѣли

въ дѣлѣ сотника И. и подпоручика В. — къ чему порой ведетъ такое заступничество: къ необходимости дуэли, а дуэль съ г. Павловскимъ, завѣдомымъ бреттеромъ, никому нравиться не можетъ. И вотъ товарищи г-на Павловскаго удаляются „съ поля чести“ по добру, по здорову.

Г. Шишкинъ не успѣлъ еще дойти со своими дамами до номера, какъ его въ корридорѣ догоняетъ г-нъ Вальчевскій и предупреждаетъ о томъ, что г. Павловскій—человѣкъ очень опасный, что онъ извѣстенъ съ этой стороны всему городу и что необходимо тотчасъ же запереть двери номера, такъ какъ онъ несомнѣнно атакуетъ компанію, не стѣсняясь присутствіемъ дамъ. Всего же лучше дамъ удалить поскорѣе.

Дамъ удаляютъ въ окно!

Между тѣмъ, Павловскому въ руки попался уже гр. Стенбокъ-Ферморъ, котораго онъ избиваетъ, вырываетъ клокъ бороды и, по нѣкоторымъ показаніямъ, наноситъ ударъ шашкой. Еще минута, и г. Павловскій начинаетъ громить запертую дверь.

Что оставалось дѣлать? Г. Шишкинъ призываетъ своихъ конюховъ и, когда г. Павловскій кидается на него съ револьверомъ,—велитъ связать его. Г. Павловскій производитъ выстрѣлъ, пуля пролетаетъ мимо, а затѣмъ наступаетъ свалка. Конюхи остаются побѣдителями. Разумѣется, г. Павловскій пускаетъ въ ходъ свои дюжіе кулаки, разумѣется также, и конюхи не соображаютъ своихъ движеній ни съ какими кодексами чести. Свалка выходитъ довольно безобразная. Является полиція, составляется протоколъ, дѣло поступаетъ къ слѣдователю.

Г-ну Павловскому грозитъ не шуточное дѣло. Онъ не въ состояніи отрицать всего, описаннаго выше, наоборотъ, самъ вынужденъ признать (письменно), что былъ сильно пьянъ, что совершалъ поступки, которыхъ слѣдуетъ стыдиться *); выстрѣлъ тоже установленъ. Но... тутъ начинаются обычныя старанія „замять дѣло“. Къ г-ну Шишкину и Стенбокъ-Фермору является опять тотъ же г. Вальчевскій, родственникъ г-на Павловскаго, и проситъ измѣнить показанія въ пользу раскаявшагося молодого человѣка, которому грозитъ судъ.

---

*) Показанія г-на Павловскаго, читанныя по требованію защиты г-на Шишкина, на судѣ: „Я былъ такъ пьянъ, въ такомъ отуманенномъ состояніи, что ничего почти не помню“. Далѣе: „Я не помню, чтобы они — Шишкинъ и Ферморъ — меня чѣмъ-либо оскорбили, что бы вызвало съ моей стороны покушеніе на убійство“. И еще: „Я самъ душевно страдаю за все происшедшее и сожалѣю о немъ“ (Листъ 18 прекращеннаго дѣла. „Одесскій Листокъ“, № 308).

Тотъ, въ свою очередь, даетъ *честное слово* не безпокоить болѣе ни г-на Шишкина, ни его пріятелей и впослѣдствіи неоднократно подтверждаетъ это *честное* (!) слово письменно. Гг. Шишкинъ, и гр. Стенбокъ-Ферморъ соглашаются и измѣняютъ свои показанія. Власти тоже соглашаются — и громкое, всему городу извѣстное дѣло замято!

Эта *ложь*, говорилъ впослѣдствіи защитникъ интересовъ Павловскаго, г-нъ Куперникъ,—является узломъ всего дальнѣйшаго. Это совершенно вѣрно. Эта ложь совершенно непростительна, эта ложь показываетъ, что для гг. Шишкина и Стенбокъ-Фермора, какъ для истинно-русскихъ людей, свое „спокойствіе“ дороже достоинства и безопасности своей лично, своихъ женъ или сестеръ, наконецъ, своихъ согражданъ, на которыхъ завтра же „прощенный молодой человѣкъ“ можетъ произвести такое же нападеніе. Эта ложь показываетъ, что мы слишкомъ мало возмущаемся самыми безобразными посягательствами на такія вещи, какъ наша честь и достоинство, что наше „благодушіе“ порой граничитъ съ истинной распущенностью и совершеннымъ малодушіемъ.

Какъ бы то ни было, — „дѣло замято“, и г. Павловскій тотчасъ же принимается за старое. Его зудящая честь опять не даетъ ему покоя. Г. Куперникъ, адвокатъ г-на Павловскаго, такъ комментируетъ тотъ своеобразный процессъ, который происходитъ въ душѣ оскорбленнаго корнета. Дѣло бы кончилось этимъ,—говоритъ адвокатъ,—если бы г. Шишкинъ лично подрался съ г-мъ Павловскимъ въ гостиницѣ Маріани (иначе сказать, далъ бы себя избить, какъ гр. Стенбокъ-Ферморъ, человѣку, съ трудомъ выдавливающему слова, но вышибающему кулакомъ дверь съ петель). Но, вспоминая впослѣдствіи эту исторію, г-нъ Павловскій не могъ переварить, что *его ударилъ не такой же дворянинъ* (это право замѣчательно!), а конюхи, которые его вязали и били *). „Такое состояніе“ кажется г-ну Купернику совершенно понятнымъ, и въ такомъ-то состояніи г-нъ Павловскій обращается за совѣтомъ къ товарищу, тоже корнету, Бѣлехову.

Послѣдній, въ качествѣ эксперта по этому тонкому вопросу, даетъ г-ну Павловскому компетентные совѣты. Да, честь г-на Павловскаго требуетъ вызова во что бы то ни стало. Но онъ далъ *честное слово* „не безпокоить“ болѣе г-на Шишкина!— О, это совершенные пустяки въ дѣлахъ чести! Вмѣсто г. Павловскаго, вызовъ сдѣлаетъ добрый товарищъ. И вотъ, передъ мирнымъ г-мъ Шишкинымъ, солгавшимъ, чтобы выгородить

*) „Одесскій Листокъ“, № 308.

г-на Павловскаго отъ отвѣтственности, а себѣ обезпечить спокойствіе, стоитъ новый воинъ: незнакомый ему корнетъ, обманнымъ образомъ попросившій свиданія, требуетъ дуэли съ нимъ лично! Тогда мирный г. Шишкинъ предпочитаетъ вернуть Павловскому его „честное слово“, которое онъ все равно нарушилъ самымъ казуистическимъ образомъ.

Съ этихъ поръ начинается настоящая травля. Г. Павловскій печатаетъ письмо въ одесскихъ газетахъ *) („Исторія несостоявшейся дуэли“), г. Шишкинъ ему отвѣчаетъ, разъясняя всю безобразную подкладку этого „дѣла чести“. Газеты перепечатываютъ и то, и другое письмо, и съ этихъ поръ травля принимаетъ характеръ нѣкоего всероссійскаго зрѣлища. „Узнавъ,—пишетъ г. Павловскій,—что онъ (Шишкинъ) находится въ Одессѣ,— я отправляюсь туда, но онъ уѣхалъ въ Москву. Я за нимъ въ Москву, — онъ наканунѣ выбылъ въ имѣніе... Десять мѣсяцевъ (!) я по пятамъ слѣдую за моимъ обидчикомъ (?!), но онъ ускользаетъ“.

Итакъ, цѣлыхъ десять мѣсяцевъ и на виду всей Россіи длится эта изумительная исторія. Теперь, перечитывая эти письма въ столичныхъ газетахъ, я съ трудомъ вѣрю своимъ глазамъ: никакихъ комментаріевъ, точно эхо повторяетъ два голоса въ дремучемъ лѣсу! Г-нъ Шишкинъ, измученный и уставшій, идетъ на всевозможныя уступки, готовъ принести даже извиненіе (въ томъ, что не далъ себя избить сильнѣйшему и вооруженному скандалисту!), но г. Павловскій неумолимъ; онъ соглашается „простить“ своего оскорбителя только подъ условіемъ, что тотъ дастъ 25 тысячъ рублей въ его распоряженіе или „подвергнется 25 ударамъ въ присутствіи корреспондентовъ“! На предложеніе третейскаго суда онъ согласенъ, но съ тѣмъ, что самъ назначитъ судей!

Г-ну Шишкину остается только вооружиться револьверомъ и разсчитывать на свою бдительность: всѣ общественныя собранія теперь для него—опасный лѣсъ, въ родѣ американскихъ льяносовъ, гдѣ изъ-за каждаго ствола ему грозитъ нападеніе. Въ Елисаветградѣ всѣ знаютъ, что Павловскій гоняется за Шишкинымъ, какъ охотникъ за дичью, и ждутъ, что будетъ.

Такъ проходитъ еще болѣе года. 2-го февраля Шишкинъ отправляется въ многолюдное „благородное собраніе“. За нимъ, по пятамъ слѣдуетъ Павловскій. Въ передней послѣдній натыкается на г. Воллета; на вопросъ, „здѣсь ли Шишкинъ“,—тотъ отвѣчаетъ, что здѣсь и, быть можетъ, самъ отправляется смотрѣть интересное представленіе. Г. Шишкинъ

*) См. „Одесскій Листокъ“, „Нов. Вр.“, 1895 г., № 6905, и др.

стоялъ въ залѣ, у колонны, въ полъ оборота и смотрѣлъ на танцующихъ. Павловскій подошелъ къ нему, такъ что его не было видно, и внезапно нанесъ своимъ могучимъ кулакомъ ударъ по лицу, отъ котораго Шишкинъ свалился. Послѣ этого самъ храбрецъ началъ поспѣшное отступленіе, закрываясь руками, споткнулся на стулъ и упалъ очень кстати, такъ какъ Шишкинъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ ему въ догонку два раза. Пуля миновала корнета Павловскаго и попала въ посторонняго человѣка, г-на Дунина-Жуховскаго, который оказался легко раненымъ, и слегка задѣла m-lle N. *).

7-го февраля 1896 года г. корнетъ Павловскій былъ судимъ по обвиненію въ нарушеніи общественной тишины и порядка. Мировой судья приговорилъ его къ 7-дневному аресту. Дѣло же г-на Шишкина (о выстрѣлѣ) разбиралось въ концѣ ноября истекшаго года въ Елисаветградѣ. „Уже съ утра 20 ноября, — писали въ „Одесскомъ Листкѣ“ (№ 307), — въ зданіе суда стала набираться многочисленная публика, привлеченная громкимъ процессомъ. Въ 9 часовъ двери открылись, и залъ суда наполнился публикой, „преимущественно элегантной“, допускавшейся по билетамъ внизъ и безъ билетовъ, въ ограниченномъ числѣ, на хоры; впрочемъ, и внизу было много сверхкомплектныхъ слушателей, протиснувшихся въ залъ подъ чьимъ-нибудь покровительствомъ“. Очевидно, дѣло вызывало глубокій интересъ въ мѣстномъ обществѣ. Г. Павловскій явился въ качествѣ потерпѣвшаго и гражданскаго истца! Мы видѣли, что онъ ранѣе требовалъ 25 тысячъ въ свое распоряженіе, но для благотворительныхъ учрежденій. Теперь онъ требуетъ ихъ уже прямо на свой профитъ, утверждая, что своимъ выстрѣломъ г. Шишкинъ на эту сумму „разстроилъ ему нервы“. Держитъ онъ себя по военному, часто апеллируетъ къ офицерскому суду чести и даже предъявляетъ письмо, апробующее, такъ сказать, его притязанія къ злополучному противнику.

Письмо это чрезвычайно любопытно и съ необыкновенной яркостью характеризуетъ понятія о чести, водворяющіяся порой даже въ военныхъ коллективахъ. „Г. Серпецъ, Плоцкой губ., декабря 26 дня 1894 года. М. Г. Николай Абрамовичъ! Получивъ Ваше письмо отъ 24 декабря сего года, съ приложеніемъ документовъ о Вашемъ дѣлѣ съ Шишкинымъ, я въ столь важномъ дѣлѣ не взялъ на себя безусловной иниціативы въ рѣшеніи и предложилъ гг. офицерамъ это дѣло

*) „Одесскій Листокъ“, „Сам. Вѣстн.“ № 32, 1896, „Биржев. Вѣд.“, № 43. Судебный отчетъ въ „Одесскомъ Листкѣ“ и „Од. Новостяхъ“.

на обсужденіе, которое и состоялось сегодня въ составѣ посредниковъ суда чести и пришло къ слѣдующему заключенію: *Вашъ вызовъ признали совершенно правильнымъ и на почвѣ чести законнымъ* (!!). Дать же Вамъ разрѣшеніе на дуэль мы не имѣемъ права: это право предоставлено вашему воинскому начальнику на основаніи приказа по военному вѣдомству 1894 г., № 118, § 5. Но, входя вполнѣ въ Ваше положеніе и понимая Ваше затрудненіе въ выборѣ секундантовъ, предоставляемъ Вамъ право на выборъ таковыхъ изъ нашей среды. Примите увѣреніе въ *истинномъ къ Вамъ уваженіи* (!) и преданности. Е. Корбутъ".

Какъ видно, ни уваженію, ни преданности гг. офицеровъ по отношенію къ человѣку, обнаруживающему такія черты поведенія даже въ присутствіи дамъ, — это поведеніе нимало не мѣшаетъ. Весь вопросъ сводится просто къ физическимъ пріемамъ возстановленія „чести"... А въ этомъ отношеніи, нужно сказать, „достоинства" г-на Павловскаго очень внушительны!

Газеты передаютъ небольшой инцидентъ во время самаго засѣданія. Когда г. Павловскій, разсказывая объ ударѣ, подвинулся, для большей наглядности, къ судебному приставу,— тотъ попятился въ испугѣ... Передъ судебными преніями г. Павловскій оставилъ залъ засѣданія.

Присяжные, послѣ минутнаго совѣщанія, вынесли оправдательный вердиктъ подсудимому, встрѣченный публикой съ громкимъ сочувствіемъ. Одесскія газеты тоже очень сочувственно цитируютъ рѣчь защитника подсудимаго Н. П. Карабчевскаго, покрытую въ судѣ громкими рукоплесканіями. „Право, господа, — сказалъ онъ между прочимъ, — чѣмъ-то невыразимо дикимъ вѣетъ отъ всей исторіи, къ которой такъ нелѣпо пристегнуты всѣ разговоры о чувствѣ чести, которое, однако, въ своемъ чистомъ видѣ всегда и прежде всего является лишь спутникомъ сознанія и въ себѣ, и въ другихъ истиннаго человѣческаго достоинства". Г. Карабчевскій ставилъ защиту на основаніи необходимой самообороны. „Но,— предвидитъ онъ возраженіе,—мнѣ скажутъ, законъ допускаетъ необходимую самооборону при условіи, когда нельзя ожидать защиты, когда человѣкъ застигнутъ въ уединенномъ мѣстѣ, напримѣръ, въ лѣсу. Но развѣ, спрашиваетъ г. Карабчевскій, здѣсь былъ не живой лѣсъ безучастныхъ и равнодушныхъ людей, для которыхъ интересы и опасенія ближняго совершенно чужды? Развѣ не около 2-хъ лѣтъ на глазахъ всего города г. Павловскій безнаказанно занимался выслѣживаніемъ и травлей скромнаго и душевно измученнаго Шишкина? Развѣ

послѣдній не обращался и къ „ближайшему“, и къ болѣе высокому начальству съ просьбами обуздать г-на Павловскаго, защитить его отъ посягательствъ? Развѣ не всему городу были вѣдомы безнаказанныя и буйныя выходки г-на Павловскаго? Развѣ терпимо въ сколько-нибудь культурной странѣ, чтобы нравственная распущенность своеобразнаго трактирнаго бреттера держала въ осадѣ цѣлый городъ, цѣлый елисаветградскій уѣздъ? Въ клубъ проникаетъ господинъ, не снабженный даже входнымъ билетомъ, онъ врывается почти насильно. Въ толпѣ всѣ знаютъ, что онъ пробирается съ явно-враждебными намѣреніями по отношенію къ Шишкину, и никому до этого нѣтъ дѣла, никто не отрезвляетъ, не останавливаетъ, не выпроваживаетъ его. Какого дремучаго лѣса еще нужно!“...

Это громкое дѣло, длившееся въ своихъ характерныхъ перипетіяхъ болѣе 2-хъ лѣтъ и, къ сожалѣнію, обратившее слишкомъ мало вниманія въ столичной прессѣ,—освобождаетъ насъ отъ подробныхъ комментаріевъ. Оно, какъ нельзя лучше, само подводитъ окончательные итоги всему, разсказанному въ настоящей, быть можетъ, слишкомъ бѣглой замѣткѣ. Да, вопросъ о „дуэляхъ и чести“ требуетъ, повидимому, самаго основательнаго пересмотра и регламентаціи. Но въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется въ послѣдніе годы,—эта внезапно обострившаяся чуткость „россійской чести“ даетъ по большей части самыя некрасивыя оказательства: никакая литературная сатира не скажетъ уже ничего болѣе краснорѣчиваго, чѣмъ этотъ, оглашенный безхитростными хроникерами, рядъ случаевъ, въ которыхъ, съ одной стороны, люди приводятся къ барьеру „мѣрами понужденія“, а съ другой, разыгрывается на свободѣ самое безшабашное бреттерство, не видящее въ чести ничего, кромѣ повода для обмѣна кулачныхъ ударовъ и выстрѣловъ.

1897 г.

Господа дуэлянты.

I.

Въ одномъ современномъ „дѣлѣ“, въ которомъ шла рѣчь о разныхъ „столкновеніяхъ людей“ вооруженныхъ съ людьми безоружными, пишущему эти строки пришлось натолкнуться на одно колоритное показаніе. „Онъ повалилъ меня на полъ,— повѣствовалъ одинъ злополучный обыватель о стражникѣ,— и сталъ кричать товарищу: давай сюда кинжалъ! Я ему покажу запорожскую храбрость!..“

Этотъ небольшой эпизодъ вспоминается мнѣ всякій разъ, когда я читаю въ газетахъ извѣстія о вызовахъ на дуэли, столь частыхъ въ послѣднее время. Много ли нужно, въ самомъ дѣлѣ, „запорожской храбрости“, чтобы ткнуть кинжаломъ безсильнаго и безоружнаго человѣка? И дѣйствительно ли запорожская храбрость состояла въ такого рода дѣйствіяхъ?

Вотъ, напримѣръ, г. Смирнскій вызываетъ на дуэль депутата Якубсона, за его рѣчь въ Госуд. Думѣ, и стремится во что бы то ни стало пострѣлить, проколоть или изрубить „въ честномъ бою“ этого скромнаго депутата первой Думы, завѣдомо не умѣющаго держать въ рукахъ ни сабли, ни пистолета. Депутатъ Якубсонъ взялъ назадъ свои слова, подавшія поводъ къ шумному выступленію поручика, и печатно разъяснилъ ихъ въ такомъ смыслѣ, что, казалось, не остается даже тѣни основаній для дуэли. Но поручикъ Смирнскій не принималъ никакихъ резоновъ и рвался въ бой. Газеты оповѣщали о тактическихъ ходахъ, коими г-нъ Смирнскій стремился во что бы то ни стало вывести миролюбиваго депутата на „поле чести“, а многіе зрители любовались этой джигитовкой: г. Смирнскій получалъ въ печати же коллективныя и индивидуальныя поощренія, выраженія адмираціи и привѣт-

ствія. На одно изъ нихъ (присланное въ формѣ поздравленія) онъ отвѣтилъ съ величавою скромностью, что поздравленія будутъ умѣстны, когда онъ доведетъ свое дѣло до конца. Иначе сказать, если бы вооруженному человѣку удалось, съ надлежащаго разрѣшенія, пострѣлить, проколоть или изрубить человѣка, не умѣющаго владѣть никакимъ оружіемъ, кромѣ слова,—то въ этомъ былъ бы достаточный поводъ для публичныхъ поздравленій и овацій! И человѣкъ, это сдѣлавшій, попалъ бы въ глазахъ нѣкоторыхъ соотечественниковъ въ герои.

Въ старину происходили дуэли, но не происходило такихъ публичныхъ вызововъ, потому что за нихъ по головкѣ тогда не гладили... Въ Николаевское время людей, одержимыхъ избыткомъ „запорожской храбрости“, посылали на Кавказъ, порой рядовыми, гдѣ они имѣли возможность помѣряться съ равными по храбрости противниками. Этотъ порядокъ, признаюсь, кажется мнѣ лучшимъ, чѣмъ теперешнее поощреніе дуэлей въ военной средѣ. Въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ считаетъ, что честь дороже ему жизни—своей и чужой. Но передъ рискомъ чужой или своей жизнью—что значитъ отвѣтственность передъ судомъ, что значитъ личное спокойствіе и карьера? И потому въ цѣпи нелогичностей, изъ коихъ по самой своей природѣ состоитъ такъ называемое „дуэльное право“,—было всетаки наименѣе нелогичнымъ то обстоятельство, что, на пути къ дуэльному барьеру, стоялъ еще барьеръ законной отвѣтственности и риска, хоть до извѣстной степени сдерживавшій безцѣльное бреттерство.

Дуэли всетаки бывали—порой, конечно, и безсмысленныя. Это былъ предразсудокъ общества, но и регулировался онъ самимъ же обществомъ. Теперь дуэль въ извѣстныхъ случаяхъ является чуть не служебной командировкой. И разъ „общество гг. офицеровъ“ признаетъ поводъ достаточнымъ, то дуэль часто является своего рода спортомъ: вызывающій не рискуетъ ничѣмъ. Служебное положеніе его не пошатнется, пожалуй, даже укрѣпится... А „скрестить шпагу“ или обмѣняться выстрѣлами съ штатскимъ человѣкомъ, завѣдомо не умѣющимъ стать въ дуэльную позу и взять на прицѣлъ,—рискъ болѣе, чѣмъ ничтожный.

Въ прежнее время гораздо легче удовлетворялись извиненіями или разъясненіями... За то въ прежнее время на вызовъ въ родѣ того, какой былъ посланъ „безъ надлежащаго разрѣшенія“ поручику Смирнскому третьимъ лицомъ, лучше Якубсона владѣющимъ оружіемъ,—обыкновенно отказами не отвѣчали...

Какъ всякое явленіе, выросшее на исторической бытовой почвѣ, дуэль не поддается пересадкѣ на почву оффиціальныхъ уставовъ и начальственныхъ распоряженій. Пересаженная такимъ образомъ,—она явно теряетъ свою нелогичную, нераціональную, но когда-то всетаки живую рыцарскую подкладку и вырождается въ турниръ, завѣдомо слишкомъ безопасный для одной и слишкомъ опасный для другой стороны.

Прежде, если случалось столкновеніе, „задѣвающее честь“,—обиженный обращался къ своимъ близкимъ друзьямъ приблизительно съ слѣдующимъ совершенно конфиденціальнымъ разговоромъ:

— Я понимаю, что моя просьба сопряжена съ личными для васъ неудобствами. Вамъ грозитъ отвѣтственность по суду, исключеніе со службы, заключеніе въ крѣпости, можетъ быть, ссылка на Кавказъ въ солдатской шинели. Но дѣло настолько серьезно, что я ставлю на карту собственную жизнь и жизнь другого...

„Друзья“ такъ же серьезно принимались за дѣло и, прежде всего, вмѣстѣ съ секундантами противника обсуждали вопросъ о степени неизбѣжности дуэли и возможностяхъ примиренія... Если примиреніе не удавалось,—переходили къ техническимъ вопросамъ, стараясь избѣгать огласки и вмѣшательства властей. Вызововъ съ благосклоннаго разрѣшенія начальства, при посредствѣ широкой гласности, люди того времени не знали, а если бы кто-нибудь сказалъ тогдашнимъ дуэлистамъ, что наступитъ время, когда „приличный вызовъ иль картель“ будетъ замѣненъ анонимными объявленіями въ „Новомъ Времени“, то, навѣрное, они заранѣе изломали бы въ куски свои дуэльныя рапиры *).

Теперь все это дѣлается иначе. Въ случаѣ личнаго вызова къ штатскому человѣку являются въ одинъ прекрасный день секунданты въ военныхъ мундирахъ и говорятъ (если не буквально, то по смыслу) приблизительно такъ:

— Милостивый государь. Такъ какъ начальство благосклонно разрѣшило нашему товарищу, отлично владѣющему оружіемъ, вызвать васъ на единоборство, то не угодно ли вамъ назначить часъ, когда вы пожалуете къ барьеру, чтобы испытать силу его руки и мѣткость глаза. Мы, конечно, знаемъ, что вы оружіемъ не владѣете вовсе и, кромѣ того, такъ какъ законъ о дуэляхъ къ вамъ не относится, то вы подвергаетесь

---

*) Неизвѣстный господинъ прислалъ депутату Зурабову анонимный вызовъ. Отвѣтъ предлагалъ послать по почтѣ „предъявителю кредитнаго билета за такимъ-то №“!

законной отвѣтственности. Но успокойтесь: вы почти навѣрное будете уничтожены нашимъ другомъ, и отвѣчать вамъ едва ли придется. Впрочемъ, сабли у васъ будутъ одинаковой длины...

И если штатскій человѣкъ отказывается отъ столь великодушнаго предложенія,—то въ газетахъ появляются извѣстія о храбрости одной стороны и малодушіи другой, а иной разъ открывается даже нѣчто въ родѣ охоты.

Съ открытіемъ второй Государственной Думы случаи такихъ вызововъ участились, и начальство сочло даже нужнымъ принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы не дать имъ обратиться въ массовое явленіе.

> „Какъ намъ сообщаютъ,—писали недавно въ газетахъ*), — начальникамъ дивизій предписано сдѣлать по ввѣреннымъ имъ войскамъ особыми приказами напоминаніе чинамъ офицерскаго состава, что вызовы на дуэль, совершенные лично заинтересованнымъ офицеромъ, по какому бы то ни было поводу, безъ предварительнаго обсужденія возможности поединка въ судѣ общества офицеровъ, будутъ признаваться дѣяніями незаконномѣрными, съ отвѣтственностью по общимъ уголовнымъ законамъ. Начальству частей войскъ предписано всѣми мѣрами не допускать нарушенія высочайше установленныхъ правилъ о поединкахъ среди военнослужащихъ, строго требуя отъ подчиненныхъ, чтобы всякій разъ, въ необходимомъ случаѣ, они входили съ соотвѣтствующими ходатайствами о разрѣшеніи поединка“.

Приказъ, по существу, благонамѣренный, направленный отчасти на обузданіе излишней боевой ревности гг. дуэлянтовъ. Въ газетахъ сообщаютъ о десяткахъ вызововъ, которые получили депутаты Церетели и Зурабовъ, и скоро, пожалуй, по поводу каждой рѣчи въ Думѣ такіе вызовы будутъ сыпаться дождемъ. Однако,—такъ какъ самая почва, на которой выросло это явленіе, нездорова, то даже и такіе приказы производятъ странное впечатлѣніе... „Входить всякій разъ съ ходатайствами о разрѣшеніи поединка“!.. Но какое же дѣйствительно живое чувство оскорбленной чести считается съ приказами и разрѣшеніями? Чувство чести—есть чувство по преимуществу индивидуальное, интимно-личное, съ волею начальства сообразоваться неспособное. Самое бо̀льшее, что оно допускаетъ, это рѣшеніе свободно избранныхъ посредниковъ, считающихся не съ военно-уголовными статьями, а съ исто-

*) „Товарищъ“, 27 апрѣля, № 252.

рически складывавшимся совершенно автономнымъ „кодексомъ чести“ и его традиціями. Такіе приказы указываютъ лучше всего, что дуэль, какъ историческое явленіе, совершенно выродилась. Теперь, согласно приказу за № такимъ-то, дуэлянты изъ военной среды могутъ или выступать чуть не колоннами по поводу каждаго инцидента и каждой рѣчи въ Таврическомъ дворцѣ, или... такъ же стройно отступать по командѣ начальства: „отбой!“ Но вѣдь это уже дуэльный парадъ, дуэльные маневры, а не дѣло личной чести.

Правда, кромѣ „разрѣшенія начальства“ требуется еще предварительное разсмотрѣніе со стороны общества гг. офицеровъ. Но что же представляетъ эта инстанція? Во-первыхъ, она совершенно корпоративна и отражаетъ специфическіе взгляды одной только военной среды. Въ прежнія времена вопросы о томъ, есть ли поводъ для дуэли, рѣшались посредниками, которые свободно избирались сторонами. Это было своего рода предварительное третейское разбирательство, обязанное, „по кодексу и по традиціи“, исчерпать всѣ способы примиренія. Теперь это замѣнено одностороннимъ рѣшеніемъ корпораціи, для другой стороны не имѣющимъ никакой нравственной обязательности.

Но и въ этихъ узкихъ предѣлахъ, — есть ли рѣшеніе общества офицеровъ нѣчто совершенно автономное? Очевидно нѣтъ. „Сегодня,—читали мы, напримѣръ, въ „Русск. Вѣдомост.“ *), — слушается дѣло 9 офицеровъ Нѣжинскаго полка по 111 ст. 22 книги свода военныхъ постановленій за напечатаніе въ „Русскомъ Словѣ“ письма поручику Смирнскому, вызвавшему на дуэль депутата первой Думы, Якубсона. Всѣ обвиняемые въ настоящее время уже отчислены отъ Нѣжинскаго полка и прикомандированы къ рязанскому уѣздному воинскому начальнику, при чемъ *содержаніе ихъ сокращено на половину*“.

Гг. офицеры Нѣжинскаго полка, т. е. все „общество офицеровъ“ этого полка высказали порицаніе г-ну Смирнскому, находя очевидно, что такія проявленія дуэльной ретивости только компрометируютъ военное да и всякое званіе. И не ясно ли, что это заявленіе требовало со стороны заявителей дѣйствительнаго мужества, которое трудно усмотрѣть въ вызовѣ съ разрѣшенія начальства безоружнаго человѣка.

Эти офицеры наказаны еще до суда. Теперь судъ уже состоялся, и офицеры Нѣжинскаго полка, не согласные съ поручикомъ Смирнскимъ во взглядахъ на честь и достоинство

*) 1 мая 1907.

арміи, начиная съ полковника и кончая врачемъ, — присуждены къ разнымъ степенямъ наказаній. Судъ, конечно, былъ не гласный, и мы не знаемъ, что говорили на этомъ судѣ офицеры, позволившіе себѣ имѣть свои собственные взгляды по вопросу о чести арміи и ея защитѣ. Что говорилъ прокуроръ, что говорила защита? Допускаемъ, конечно, что въ этомъ приговорѣ все формально согласовалось съ военной дисциплиной и съ „высочайше установленными правилами о поединкахъ“. Но тѣмъ знаменательнѣе этотъ приговоръ, въ которомъ взгляды на честь выравниваются въ ранжирѣ дисциплины. Формальная, съ точки зрѣнія уставовъ, правильность приговора не устранитъ, конечно, внутренняго противорѣчія. Поручикъ Смирнскій понимаетъ извѣстнымъ образомъ честь арміи и способы ея защиты. И онъ демонстрировалъ это свое пониманіе очень шумнымъ образомъ. Офицеры Нѣжинскаго полка достоинство арміи понимаютъ иначе и считаютъ, что выступленіе поручика Смирнскаго ихъ, какъ офицеровъ, только компрометтируетъ. Если согласиться съ азбучной истиной, что чувство чести есть дѣло личной автономіи, а не служебныхъ предписаній, то оба эти взгляда автономны одинаково. Въ прежнія времена это могло бы повести, быть можетъ, между обѣими сторонами къ нѣкоторымъ счетамъ, въ которые начальство если бы сочло возможнымъ вмѣшаться оффиціально, то развѣ съ точки зрѣнія закона, карающаго дуэли вообще. Теперь и это выходитъ по иному. Поручикъ Смирнскій выступаетъ въ „вопросѣ чести“ со своимъ личнымъ мнѣніемъ и — получаетъ одобреніе. Офицеры Нѣжинскаго полка позволяютъ себѣ то же съ нѣсколько иной точки зрѣнія — и... прежде всего переводятся на половинное содержаніе! Итакъ, на воззрѣніяхъ поручика Смирнскаго положенъ начальническій штемпель... За противуположные взгляды на честь и достоинство люди штрафуются. Еще шагъ по этому пути и интимнѣйшее чувство, дорогое каждому *свое личное* пониманіе чести превратится въ исполненіе простого начальственнаго предписанія отъ такого-то числа, за № такимъ-то...

II.

Дальше въ этомъ направленіи идти уже некуда, и мы перейдемъ отъ военныхъ дуэлей къ дуэлямъ чисто штатскимъ.

11 апрѣля въ газетѣ „Русь“ появилось слѣдующее любопытное письмо *):

*) Цит. изъ „Русск. Вѣд.“, 11 апрѣля 1907, № 88.

„Покорнѣйше прошу васъ не отказать помѣстить въ уважаемой газетѣ вашей слѣдующее: въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи Думы 30-го марта, депутатъ Наливкинъ бросилъ судебному вѣдомству тяжкое и незаслуженное оскорбленіе, обвиняя его въ продажности. 4-го апрѣля я предложилъ г. Наливкину заявить въ печати, что оскорблять русскій судъ онъ не имѣлъ ни нравственнаго права, ни основаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Наливкинъ былъ предупрежденъ о послѣдствіяхъ, которыя вызоветъ неисполненіе моего требованія. По истеченіи указаннаго въ моемъ письмѣ срока секунданты К. И. Савичъ и В. П. Крестьяновъ передали г. Наливкину мой вызовъ на дуэль. 9-го апрѣля письмомъ на имя К. И. Савича г. Наливкинъ отказался принять вызовъ, сообщивъ при этомъ, что считаетъ себя отвѣтственнымъ только передъ фракціей, къ которой принадлежитъ, и что, подобно товарищамъ своимъ, дуэли не признаетъ. Воздерживаясь отъ всякихъ комментаріевъ къ приведеннымъ фактамъ, предаю огласкѣ образъ дѣйствій г. Наливкина, дабы общество само могло оцѣнить его по достоинству“.

Подписано:

„Товарищъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда
И. Рубанъ“.

Слѣдуя любезному приглашенію автора письма, попробуемъ „оцѣнить по достоинству“ это эффектное событіе, въ кототомъ военные мундиры гг. вызывающихъ замѣнены мундирами министерства юстиціи. Прежде всего мы должны сказать, что съ принципіальной стороной отвѣта г. Наливкина мы совершенно несогласны. „Отвѣтственность только передъ фракціей“, о которой приходится слышать во второй или третій разъ,— едва ли замѣняетъ болѣе широкую и болѣе общую отвѣтственность передъ всей Думой, передъ общественнымъ мнѣніемъ, передъ здравымъ смысломъ, наконецъ, въ случаѣ надобности, передъ судомъ. „Крайніе правые“ въ Думѣ тоже вѣдь фракція, но едва ли одобреніе ею, напримѣръ, нѣкоторыхъ выходокъ г-на Шульгина или дебошей г-на Пуришкевича можетъ замѣнить сужденіе болѣе широкихъ и болѣе здравомыслящихъ общественныхъ категорій... И, во всякомъ случаѣ, оно не имѣетъ для третьихъ лицъ нравственной обязательности... Рѣшеніе фракціи въ вопросахъ, задѣвающихъ моральные интересы третьихъ лицъ,—это вѣдь то же самое, что рѣшеніе офицерскаго суда для невоенныхъ...

Однако, если не ограничиться предѣлами сужденія, отводи-

мыми намъ г-нъ Рубаномъ, то возникнетъ вопросъ, — каково значеніе и того „суда“, къ коему взываетъ самъ г-нъ Рубанъ, передъ лицомъ простого и элементарнаго здраваго смысла. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что призывъ г-на Рубана возымѣлъ послѣдствія, и г-нъ Наливкинъ, депутатъ, испыталъ на себѣ всю силу „запорожской храбрости“ г-на Рубана, товарища прокурора. Вотъ онъ лежитъ бездыханенъ на „полѣ чести“ или повергнутъ, въ бинтахъ и повязкахъ, на больничную койку. И третьи лица, не участвующія въ этомъ гибельномъ столкновеніи, обсуждаютъ вытекающія изъ него послѣдствія. Что они могутъ сказать по существу сего спора, т.-е. по вопросу о добродѣтеляхъ и порокахъ современной Ѳемиды?

— Однако,—скажетъ, вѣроятно, одинъ,—этотъ г. Рубанъ, даромъ что товарищъ прокурора,—а дерется, повидимому, не хуже самого поручика Смирнскаго. Посмотрите, какъ онъ обработалъ бѣднягу Наливкина. Что же касается до этого послѣдняго, то приходится признать, что въ фехтованіи онъ едва ли искуснѣе Якубсона.

— Да,—отвѣтитъ, пожалуй, другой.—Однако, вопросъ, изъза котораго произошло увѣчье,—ни въ какой зависимости отъ „запорожской храбрости“ не стоитъ. И для меня теперь, при семъ горестномъ зрѣлищѣ, онъ остается столь же мало разъясненнымъ, какъ если бы результатъ былъ обратный, т.-е. если бы г. Наливкинъ повергъ храбраго г-на Рубана на больничную койку. Нѣкоторые случаи продажности...

Ну и такъ далѣе...

Это разсужденіе—сама логика. Къ этому присоединяются еще слѣдующія соображенія. Профессія поручика Смирнскаго требуетъ искусства въ нанесеніи и отраженіи ударовъ. Значитъ, его побѣда надъ г. Якубсономъ, безполезная для достоинства арміи,—явила бы (правда, въ самой слабой степени) его профессіональное искусство и была бы лестна для того военнаго манежа, гдѣ онъ обучался фехтованію... Въ дѣлѣ г. Рубана нѣтъ и этого эфемернаго утѣшенія. Профессія товарища прокурора требуетъ болѣе логики и знанія законовъ, чѣмъ искусства въ стрѣльбѣ изъ пистолета и фехтованіи. Трудно представить, чтобы г. Рубанъ, даже въ самомъ простомъ дѣлѣ и даже въ крайней степени обвинительнаго вдохновенія, рѣшился предложить своему противнику, адвокату, оставить почву логической аргументаціи и вступить съ нимъ въ физическое единоборство въ судебной залѣ передъ зерцаломъ и передъ „составомъ суда“... „Божіи суды“ давно осуждены въ курсахъ уголовнаго права. Почему же, выступая

на защиту Ѳемиды вообще, т.-е. въ вопросѣ очень сложномъ, г. Рубанъ считаетъ этотъ способъ полемики убѣдительнымъ и умѣстнымъ? Неужели,—скажетъ въ недоумѣніи публика,—дѣло бѣдной кліентки г. Рубана въ этомъ случаѣ такъ уже плохо въ логическомъ отношеніи, что ей остается только положиться на силу мышцъ товарища прокурора такого-то окружнаго суда?..

Въ самые уже послѣдніе дни г. Гурко, бывшій товарищъ министра, вызвалъ на дуэль Ѳ. И. Родичева, депутата. Совершилось это опять таки при благосклонномъ участіи гласности. Г. Гурко обратился къ г. Родичеву и одновременно въ „Новое Время“ съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь,

Федоръ Измайловичъ.

„Вчера въ Государственной Думѣ вы позволили себѣ утверждать, что мною совершены такія дѣянія, которыя въ сильнѣйшей степени затрагиваютъ мою честь. Утвержденія ваши, какъ явно противорѣчащія тому, что установлено судебнымъ слѣдствіемъ по дѣлу, о которомъ вы говорили, и что вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, являются вполнѣ сознательной грязной клеветой.

„Если бы вы не принадлежали по рожденію къ русскому дворянству, то я бы ограничился привлеченіемъ васъ за этотъ гнусный поступокъ къ суду. Но, видя въ васъ русскаго дворянина, я ранѣе, чѣмъ прибѣгнуть къ этому средству, предлагаю вамъ отвѣтить за ваши слова тѣмъ единственнымъ (?!) способомъ, которымъ отвѣчаютъ въ подобныхъ случаяхъ порядочные люди, а именно, принявъ мой вызовъ (слѣдуетъ указаніе мѣста пребыванія уполномоченныхъ и времени, въ теченіе коего они будутъ ожидать уполномоченныхъ г. Родичева).

Владиміръ Гурко“.

12 мая 1907 г.

Отвѣтъ Ѳ. И. Родичева напечатанъ 14 мая въ оффиціальномъ органѣ партіи народной свободы. Онъ гласитъ:

„М. Г. Владиміръ Іосифовичъ!

„Вы прислали мнѣ вызовъ на дуэль, усмотрѣвъ въ моихъ словахъ, сказанныхъ въ Государственной Думѣ по поводу вашихъ дѣйствій въ роли товарища министра,—сознательную грязную клевету и гнусный поступокъ.

„Не касаясь въ настоящую минуту значенія словъ моихъ и не обсуждая допустимости и вашихъ выраженій, долженъ замѣтить вамъ, что вы состоите подъ судомъ за преступленіе, не только караемое закономъ, но и противное правиламъ чести. Пока надъ вами тяготѣетъ обвиненіе въ томъ, что вы

завѣдомо сообщали неправду о тѣхъ дѣйствіяхъ своихъ, за осужденіе коихъ вы призываете меня къ отвѣту, до тѣхъ поръ за вами не можетъ быть признано право требовать за такія сужденія удовлетворенія путемъ поединка.

„Поэтому, помимо другихъ соображеній, я отклоняю вашъ вызовъ.

Федоръ Родичевъ".

На мѣстѣ г. Гурко я началъ бы съ того, чѣмъ онъ намѣренъ кончить. Дворянинъ или не дворянинъ г. Родичевъ, это до характера дѣяній г. Гурко не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія. Дуэль вообще есть старая безсмыслица, дуэль до суда представлялась бы безсмыслицей сугубой даже съ точки зрѣнія гг. Шатовилляра и Кроарбона, серьезно обсудившихъ въ объемистыхъ трактатахъ la science du point d'honneur... Вѣдь судъ можетъ еще и расширить предѣлы разсмотрѣнія поступковъ г-на Гурко... И вотъ, г. Родичевъ могъ бы понести или нанести увѣчье, а судъ всетаки нашелъ бы тѣ самыя дѣянія, въ которыхъ Родичевъ обвинялъ бывшаго товарища министра.

Да, на мѣстѣ г. Гурко, я, вмѣсто воинственнаго вызова, написалъ бы г. Родичеву слѣдующее: „Милостивый государь. Въ засѣданіи Государственной Думы вы обвинили меня въ дѣяніяхъ противныхъ чести. Судъ, который меня ожидаетъ,— слишкомъ исключителенъ, его рѣшеніе, быть можетъ, недостаточно убѣдительно въ глазахъ общества, а я слишкомъ мало самъ шелъ ему на-встрѣчу. Тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, что онъ дастъ мнѣ возможность, при условіи полной гласности, снять съ себя хоть ту часть вины, которая касается не моихъ служебныхъ дѣйствій, а моей личной чести. Во всякомъ случаѣ, если это будетъ недостаточно,—я приглашу васъ къ обычному суду, разсматривающему дѣянія не однихъ бывшихъ министровъ, а и всѣхъ простыхъ смертныхъ. Тамъ вы будете въ состояніи представить тѣ дополнительныя обвиненія, которыя не вошли въ обвинительный актъ по моему дѣлу, но которыя широко распространились, благодаря моимъ „прискорбнымъ ошибкамъ", въ печати и обществѣ. А я получу возможность ихъ опровергнуть"...

Но г. Гурко настаиваетъ на своемъ, и „Новое Время" огласило новое письмо, въ коемъ г. Гурко еще разъ пытается доказать свое право еще до суда чуточку подраться съ дворяниномъ-депутатомъ...

Газеты говорятъ, будто секундантомъ г-на Гурко явится... баронъ Фредериксъ, пріятель и покровитель знаменитаго хлѣбнаго поставщика Лидваля... Вѣроятно—выдумка. А впрочемъ, почему бы барону Фредериксу не считать себя тоже „до суда" вполнѣ правомочнымъ арбитромъ въ „дѣлахъ чести"...

III.

Мнѣ пріятно закончить эту замѣтку слѣдующимъ извѣстіемъ:

„Общество офицеровъ 132-го пѣхотнаго Бендерскаго полка, въ собраніи 15 апрѣля 1907 г., разсмотрѣвъ заявленіе члена Государственной Думы г. Церетели, въ засѣданіи послѣдней 2 апрѣля 1907 года о незаконныхъ дѣйствіяхъ отряда, подъ начальствомъ подполковника Приходько въ селеніи Ланчхуты, выслушавъ объясненіе означеннаго штабъ-офицера, постановило: ходатайствовать отъ имени общества офицеровъ, черезъ командира полка, *о назначеніи строжайшаго разслѣдованія* о дѣйствіяхъ карательнаго отряда въ селеніи Ланчхуты, дабы дать возможность обществу офицеровъ привлечь члена Государственной Думы г. Церетели къ отвѣтственности за клевету“ *).

Членъ Думы Церетели, какъ извѣстно, развернулъ передъ Думой такую картину дѣйствій „карательнаго отряда подъ начальствомъ капитана Приходько“, и эту картину подтверждали съ такими подробностями многія газеты, что дѣйствительно, люди, носящіе военный мундиръ, не могли, при правильномъ взглядѣ на истинное достоинство своей корпораціи, не почувствовать себя глубоко оскорбленными...

„Строжайшее разслѣдованіе“, а затѣмъ обращеніе къ суду, на которомъ г. Церетели получилъ бы возможность представить съ своей стороны доказательства правильности своего сообщенія, или полковникъ Приходько ихъ опровергнуть,— это именно тотъ путь, которымъ всего лучше и полнѣе возстановляется всякая честь. Если г. Церетели правъ,—общество офицеровъ избавится отъ г-на Приходько. Если не правъ,—то судъ возстановитъ репутацію „этого штабъ-офицера“ лучше, чѣмъ всякая „запорожская храбрость“.

Разумѣется, въ интересахъ и общества офицеровъ Бендерскаго полка, и г-на Церетели полная гласность судебнаго разбирательства.

1907 г.

---

*) Цитируемъ изъ „Слова“, отъ 18 мая, № 151.

Русскій взглядъ на дуэли и польское „коло“.

I.

Не знаю, можно ли считать законченнымъ инцидентъ деп. Керенскаго съ польскимъ коломъ. Во всякомъ случаѣ онъ еще у всѣхъ свѣжъ въ памяти, и мнѣ нѣтъ надобности возстановлять его въ подробностяхъ. Г. Керенскій въ одномъ случаѣ назвалъ образъ дѣйствій думской польской фракціи „измѣной своему народу“. Группа коллективно обидѣлась и возложила на одного изъ своихъ членовъ, г. Рачковскаго, порученіе вызвать г. Керенскаго къ барьеру. Г. Керенскій вызовъ отклонилъ. Тогда польская группа торжественно объявила, что Керенскій, „видимо, предпочитаетъ не нести никакой (?) отвѣтственности за свои слова и поступки, исключая себя тѣмъ самымъ изъ категоріи людей, признающихъ такую отвѣтственность необходимымъ условіемъ уваженія къ своему достоинству“. Иначе сказать польское „коло“ отказывало своему противнику въ званіи „порядочнаго человѣка“...

На это, однако, нужно было бы обладать нѣсколько бо̀льшимъ нравственнымъ авторитетомъ. Г-ну Керенскому выразили полное сочувствіе не только члены его фракціи, но и вся думская оппозиція и, кажется, можно сказать, все передовое русское общество. Польское коло удостоилось выраженія симпатіи и рукоплесканій со стороны крайнихъ правыхъ и примыкающихъ къ нимъ элементовъ. Такимъ образомъ, у кола произошелъ явный и шумный разрывъ съ русской оппозиціей во всемъ ея составѣ. „Была безъ радости любовь, разлука будетъ безъ печали“,—съ тонкой ироніей формулировалъ положеніе одинъ изъ членовъ кола.

Я здѣсь не имѣю въ виду ни обсуждать политическія по-

слѣдствія инцидента, ни гадать о томъ, какія радости сулятъ „колу“ его новыя „симпатіи“. Но мнѣ хочется высказать нѣсколько мыслей о той глубокой разницѣ во взглядахъ на достоинство общественнаго поведенія, которая такъ рѣзко обозначилась въ данномъ эпизодѣ между большинствомъ польскихъ депутатовъ и представителями демократической Россіи.

Формула „кола“ явно неточна: г. Керенскій если и „отказался отъ отвѣтственности“, то только въ той дуэльной формѣ, которую сочло для себя удобной коло. Но онъ въ свою очередь предлагалъ судъ чести, считая, что при этой формѣ состязанія моральная отвѣтственность обѣихъ сторонъ могла бы выясниться лучше и осуществиться полнѣе. Коло отклонило эту форму. Такимъ образомъ, г. Керенскій и его группа могли бы тоже объявить своихъ противниковъ уклоняющимися отъ отвѣтственности за свои слова и дѣйствія...

Что собственно коло стремилось доказать посредствомъ своего рыцарскаго жеста?

Надо думать, что, уполномочивая г. Рачковскаго кинуть г. Керенскому вызовъ, — оно принимало въ соображеніе его „дуэлеспособность“, въ томъ числѣ и физическую. Мы охотно допускаемъ, что паладинъ „кола“ отлично владѣетъ всякаго рода оружіемъ — шпагой, рапирой, пистолетомъ. Готовы допустить далѣе, что членъ трудовой фракціи гораздо менѣе способенъ къ такого рода отвѣтственности armata manu. Если я ошибаюсь, — прошу у г. Керенскаго прощенія. Но, вѣроятно, я не ошибаюсь. Въ средѣ русской интеллигенціи изъ всѣхъ видовъ спорта наименѣе въ ходу тотъ, который развиваетъ рѣжущія и колющія движенія. И въ этомъ мы, представители русской интеллигенціи (не военной, разумѣется), не видимъ никакого умаленія своего достоинства. Мы готовы впередъ признать, что члены польскаго кола вообще, а г. Рачковскій въ особенности гораздо отчетливѣе и съ бо̀льшимъ блескомъ продѣлываютъ и moulinés, и выпады, и терціи, чѣмъ скромный представитель трудовой группы. И если бы этимъ способомъ можно было доказать, что тотъ или другой образъ дѣйствій въ Думѣ согласенъ съ интересами народа, то дѣло не одной трудовой фракціи и не въ одномъ этомъ случаѣ можно бы считать впередъ проиграннымъ... По крайней мѣрѣ впредь до успѣшнаго обученія русскихъ депутатовъ фехтованію.

Дѣло только въ томъ, что полемическая непригодность этой аргументаціи ясна до такой степени, что ее стыдно доказывать. Навѣрное, даже и члены кола не станутъ спорить, что въ этомъ случаѣ аргументы лежатъ въ одной плоскости, а

искомый выводъ въ другой. Польское коло могло бы самымъ очевиднымъ образомъ измѣнить своему народу, — чего я въ данномъ случаѣ отнюдь, конечно, не предрѣшаю, — и все же г. Рачковскій могъ бы проткнуть г. Керенскаго рапирой такъ же мастерски, какъ будто его группа никогда родинѣ не измѣняла...

Что же доказала бы фехтовальная ловкость г. Рачковскаго?

Вообще въ наше время и въ нашемъ отечествѣ,—за исключеніемъ очень ограниченныхъ круговъ,—аргументація жестами не пользуется никакимъ почетомъ. Мы, простые штатскіе русскіе люди, въ послѣдніе годы слишкомъ часто видимъ иллюстраціи „хорошаго владѣнія оружіемъ“ со стороны нѣкоторыхъ своихъ вооруженныхъ соотечественниковъ, чтобы собственно въ этомъ умѣніи видѣть признаки достоинства или правильныя понятія о чести. У насъ нѣтъ поэтому причинъ переоцѣнивать моральное значеніе этого искусства и въ томъ случаѣ, когда намъ хотятъ его иллюстрировать гг. члены „кола“...

II.

Можетъ-быть, намъ скажутъ, что есть въ этомъ дѣлѣ своего рода моральная сторона. Конечно, шпагой я не докажу прямо, что я не измѣнялъ родинѣ. Но я могу доказать, что я—человѣкъ мужественный, а мой противникъ—трусъ. Мужественный человѣкъ едва ли способенъ измѣнить отечеству. Трусъ, вѣроятно, способенъ на клевету.

Но и эта аргументація чрезвычайно убогая. Во-первыхъ,—всегда ли мужество въ вызовѣ и трусость въ отказѣ отъ дуэли? Въ старыя времена рыцари кидали другъ другу желѣзныя перчатки. И когда такая внушительная рукавица со звономъ и грохотомъ падала на полъ,—это производило внушительное впечатлѣніе. Въ этомъ уже слышался топотъ боевыхъ коней, тяжелый лязгъ оружія и чья-нибудь вѣрная смерть. Теперь дуэли такія же лайковыя, какъ и перчатки. Красивыя описанія единоборства à outrance у Вальтеръ-Скотта или Сенкевича — только археологія. Шаржъ Марка Твэна, описывавшаго уморительными чертами французскія парламентскія дуэли, гораздо правдивѣе рисуетъ современное положеніе этого дѣла. Мы, русскіе, вообще мало чувствуемъ эту бутафорскую „красоту“. Въ лучшихъ описаніяхъ нашихъ турнирныхъ единоборствъ пускаются въ ходъ кулаки („Купецъ Калашниковъ“ Лермонтова) или оглобля („Князь Серебряный“ А. К. Толстого). Но особенно ярко нашъ національный взглядъ на дуэли выраженъ въ словахъ

пушкинской капитанши Василисы Егоровны, которой дуэлянты представляются просто грѣховодниками: „Поѣхали, изволишь видѣть, за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собой шпаги, да и ну другъ друга пырять“... На ея взглядъ за это нужно просто сажать подъ замокъ, какъ провинившихся школьниковъ.

Такова ужъ наша національная черта. У насъ не было „рыцарства“ въ феодальномъ смыслѣ этого слова. У поляковъ оно было. Можетъ быть, это хорошо, можетъ быть, плохо. А можетъ есть въ этомъ и хорошее, и плохое. И если историческое отсутствіе рыцарства сказалось какими-нибудь минусами на нашемъ національномъ характерѣ, то есть и плюсы. Мы не любимъ въ серьезныхъ вопросахъ бутафоріи и эффектовъ. Наше отношеніе къ вопросамъ совѣсти и чести проще, прямѣе и демократичнѣе.

Былъ въ исторіи нашей журналистики такой случай. Г-нъ Жеденевъ, дворянинъ и чиновникъ, котораго печать обвиняла въ злоупотребленіяхъ властью, стоялъ въ грозной позѣ противъ редактора, требуя отказа отъ обвиненій или же дуэли. Въ качествѣ аргумента онъ навелъ на журналиста заряженный револьверъ. Журналистъ отвѣтилъ, что опровергать обвиненія нужно фактами и логическими доказательствами, а не стрѣльбой, и даже не измѣнилъ подъ дуломъ револьвера своей простой и совсѣмъ не эффектной позы за редакціоннымъ столомъ... „Рыцарь“ выстрѣлилъ и ранилъ журналиста. Могъ бы убить, но, конечно, этимъ не доказалъ бы своей правоты. А впослѣдствіи прозаическое разслѣдованіе доказало, что злоупотребленія властью несомнѣнно были... И хотя этотъ журналистъ былъ г. Меньшиковъ, и хотя между этимъ эпизодомъ въ редакціи „Недѣли“ и настоящей дѣятельностью г-на Меньшикова легла цѣлая пропасть, но все же это не мѣшаетъ намъ признать въ его отказѣ отъ дуэли больше достоинства и даже просто физическаго мужества, чѣмъ въ запальчивомъ „рыцарствѣ“ его противника.

Я не сомнѣваюсь, что такого мужества и теперь найдется достаточно въ средѣ русскихъ журналистовъ. И если мы дѣйствительно боимся чего-нибудь въ этихъ дуэльныхъ случаяхъ, то это боязнь совсѣмъ не физическая. Сказать правду, мы опасаемся только стать смѣшными въ глазахъ просвѣщенной части русскаго общества, мнѣніемъ которой привыкли дорожить. Мы просто боимся участвовать въ фарсѣ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ что-нибудь комичнѣе этихъ современныхъ дуэлей, какъ онѣ происходятъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Узнаютъ репортеры. Потомъ по-

лиція. Нанимаются автомобили и происходитъ довольно занимательная игра въ прятки. Дуэлянты пріѣзжаютъ на мѣсто, а тамъ ихъ ждутъ репортеры съ аппаратами и полицейскіе съ протоколами. Представленіе отсрочивается, гонка продолжается. Газеты сообщаютъ ея подробности почти такъ, какъ пишутся отчеты о бѣгахъ. И, наконецъ, при нѣкоторой ловкости шоффероvъ и изобрѣтательности распорядителей находится укромное мѣстечко, гдѣ можно безъ помѣхи выпалить въ воздухъ или промахнуться. Послѣ чего „смертельные враги“ эффектно протягиваютъ другъ другу руки, а секунданты радостно констатируютъ, что оба противника вели себя истинными рыцарями и теперь достоинство возстановлено. Какъ будто эта жалкая буффонада способна разрѣшить существо спора или внушить участникамъ взаимное уваженіе, котораго до нея не было!..

А если при этомъ изрѣдка прольется кровь, угаснетъ та или другая жизнь, то и это въ нашихъ глазахъ не мѣняетъ дѣла. Кровь двухъ нашихъ величайшихъ поэтовъ, пролитая на дуэльной аренѣ, еще болѣе укрѣпляетъ отвращеніе къ жалкому пережитку чуждыхъ намъ нравовъ.

III.

Наконецъ, о какомъ мужествѣ идетъ рѣчь? То мужество, ареной котораго является трибуна парламента, не имѣетъ ничего общаго съ мужествомъ гг. дуэлянтовъ! Думаю, что не одни мы видимъ истинное достоинство народнаго представителя въ ясности взгляда, опредѣляющаго не прицѣлъ пистолета, а интересы народа — въ смѣлости мнѣнія, въ прямотѣ рѣчи и поступковъ; противнику должно быть страшно его идейное оружіе; союзникъ можетъ положиться на его слово какъ на каменную гору. Наконецъ, каждый шагъ онъ долженъ дѣлать открыто, готовый дать отчетъ передъ избравшимъ его обществомъ и народомъ. Думаю, что по-польски слова „достоинство народнаго представителя“ имѣютъ совершенно то же значеніе, какъ и по-русски. Какой же видъ принимаетъ дуэльный инцидентъ „Керенскій — коло“ съ этой простой и ясной точки зрѣнія?

Вотъ факты.

На очереди вопросъ о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ. Разсматривается весь пропитанный оффиціальнымъ націонализмомъ проектъ, противъ котораго солидарно высказались ранѣе и польское коло, и русская оппозиція. Президіумъ назначаетъ къ концу сессіи два засѣданія для общихъ преній о проектѣ, и оппозиція готовится къ нападенію на основы проекта.

Я очень радъ, что характерное письмо виднаго члена кола г-на Дымши, напечатанное въ „Газетѣ Варшавской“, даетъ мнѣ возможность изложить ходъ событій въ этомъ засѣданіи его собственными словами *).

„Когда,—говоритъ этотъ депутатъ,—въ концѣ перваго засѣданія выяснилось, что лѣвыя партіи, потерпѣвъ неудачу въ вопросахъ о докладчикѣ и спѣшности, приступили къ обструкціи, я нашелъ необходимымъ прибѣгнуть къ средству, допустимому въ парламентской борьбѣ,—къ прекращенію преній“. Для осуществленія этого допустимаго пріема г. Дымша, „сдѣлавъ соотвѣтствующее предложеніе парламентской комиссіи своей фракціи и получивъ ея одобреніе“, обратился къ руководителямъ октябристовъ (т. е. принципіальныхъ противниковъ кола и оппозиціи) съ предложеніемъ о прекращеніи преній.

Предсѣдатель ставитъ этотъ вопросъ. Какъ же дѣйствуетъ при этомъ г. Дымша и его фракція? Коло *сохраняетъ видъ* союзниковъ русской оппозиціи. Оно вмѣстѣ съ нею отражаетъ атаку на свободу парламентскаго слова и голосуетъ *явно* противъ *тайнаго* предложенія своего члена, секретно за кулисами одобреннаго фракціей. Г. Дымша съ похвальной, но едва ли не вынужденной откровенностью разъясняетъ намъ теперь мотивы этого нѣсколько „запутаннаго“ поведенія. Онъ говоритъ: „Видя, что и безъ его голосовъ предложеніе будетъ принято, и не желая раздражать оппозицію, все польское коло голосовало противъ моего предложенія“... Иначе сказать, польское коло, спровоцировавъ тайными ходами атаку противниковъ, продолжаетъ занимать положеніе союзниковъ оппозиціи...

Ну, а если бы побѣда націоналистовъ заколебалась и стала сомнительной? Выводъ ясенъ: коло сбросило бы маску и ударило бы своимъ союзникамъ въ тылъ.

IV.

Этотъ образъ дѣйствій коло считаетъ согласнымъ съ достоинствомъ народныхъ представителей и даже съ достоинствомъ цѣлой парламентской фракціи...

Прошу прощенія за маленькую экскурсію въ область исторіи, но мнѣ невольно вспоминаются при этомъ нѣкоторые эпизоды изъ временъ рыцарской Польши, много разъ описанные и польскими, и русскими историками, и порой романистами. Были въ XVII столѣтіи двѣ воюющія стороны—поляки и украинцы. Не разъ они стояли другъ противъ друга враж-

*) Письмо напечатано въ переводѣ въ „Кіевской Мысли“ отъ 24 іюня.

дебными лагерями, и счастье склонялось то къ тѣмъ, то къ другимъ. И была третья сторона: извѣстный татарскій политикъ Туганъ-мирза Барановскій. Любимый тактическій пріемъ этого крымскаго рыцаря состоялъ въ томъ, чтобы, явно дружа съ одними, при случаѣ тайно пересылаться съ противниками. И случалось не разъ, что въ разгарѣ битвы его таборы неожиданно кидались на тѣхъ, чьи палатки довѣрчиво стояли рядомъ съ его шатрами.

И поляки, и украинцы испытывали почередно неудобства такого союза. Очень можетъ быть, что эта тактика была выгодна для татарскихъ улусовъ, которымъ доставляла значительный „ясырь“. Едва ли, однако, хоть одинъ польскій воинъ того времени призналъ бы лукаваго мирзу истиннымъ рыцаремъ, „соблюдающимъ уваженіе къ своему достоинству“ и способнымъ къ роли арбитра въ вопросахъ о достоинствѣ другихъ.

А между тѣмъ мы легко представляемъ себѣ, что если бы г. Керенскій того времени среди смятенія, вызваннаго неожиданной атакой, квалифицировалъ болѣе или менѣе рѣзко поведеніе почтеннаго мирзы, то послѣдній сумѣлъ бы „опровергнуть его аргументацію“, доказавъ свое искусство стрѣлять изъ лука или рубить саблей.

Въ тѣ времена эта аргументація могла бы, вѣроятно, произвести значительное впечатлѣніе. Она сохраняетъ, очевидно (по закону соціальнаго атавизма), свою силу надъ умами нѣкоторыхъ нашихъ современниковъ, въ томъ числѣ депутатовъ кола. Мы позволяемъ себѣ, однако, думать, что на польскомъ языкѣ логическая и даже нравственная несостоятельность такого арбитража въ вопросахъ общественнаго поведенія доказывается такъ же легко и убѣдительно, какъ и на русскомъ.

Мы позволили себѣ эту небольшую экскурсію въ область парламентской тактики лишь затѣмъ, чтобы указать еще разъ старую истину: дуэльныя бравады слишкомъ часто подмѣняютъ истинныя требованія достойнаго поведенія — бутафоріей отжившаго обычая, потерявшаго всякое значеніе и всякую живую силу...

1913 г.

ЧЕСТЬ МУНДИРА и НРАВЫ ВОЕННОЙ СРЕДЫ.

I.

Два убійства.

Намъ приходится отмѣтить два печальныхъ случая, жертвами которыхъ сдѣлались почти одновременно два провинціальныхъ писателя.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ, въ болгарскомъ поселкѣ Катаржинѣ (Херс. губ.) убитъ сотрудникъ одесскихъ газетъ г. Сосновскій. Онъ работалъ въ „Новоросс. Телеграфѣ“ и, какъ сообщаютъ газеты, въ рядѣ статей уличалъ мѣстныхъ переселенцевъ-болгаръ въ недостаткѣ русскаго патріотизма и въ сепаратистскихъ стремленіяхъ, выражавшихся, между прочимъ, въ томъ, что болгаре женятся только на болгаркахъ, избѣгая браковъ съ русскими и т. д. „Къ несчастію,—говоритъ одна изъ газетъ,—съ появленіемъ этихъ статей совпали нѣкоторыя репрессіи по отношенію къ жителямъ села, и они приписали это вліянію корреспонденцій Сосновскаго“. Повидимому, изъ своей родины катаржинскіе болгаре вынесли чисто турецкіе нравы, которые еще не успѣли исчезнуть на новомъ мѣстѣ. Корреспондентъ найденъ убитымъ въ своей квартирѣ. Впрочемъ, слѣдствіе откроетъ виновныхъ въ этомъ дикомъ звѣрствѣ, и во всякомъ случаѣ огульныя обвиненія по адресу катаржинскихъ жителей вообще пока преждевременны.

Къ сожалѣнію, никакимъ сомнѣніямъ и смягченіямъ не подлежитъ другое событіе такого же рода. Уже и теперь оно освѣщено многочисленными корреспонденціями столичныхъ и провинціальныхъ газетъ съ самой трагической полнотой и ясностію. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ Ташкентѣ проживалъ сотникъ 5-го оренбург. казачьяго полка Колокольцовъ, имѣвшій жену и 2 дѣтей. На квартирѣ у него, въ качествѣ постояльцевъ, жили сотникъ Мальхановъ

и дворянинъ Джорджикіа, грузинъ, бывшій чиновникъ, а въ данное время служащій въ частномъ обществѣ транспортированія кладей. Г. Джорджикіа, по отзывамъ знавшихъ его, былъ человѣкъ порядочный, скромный и уживчивый. Къ сожалѣнію, жильцамъ пришлось вскорѣ стать свидѣтелями такихъ проявленій „домашней жизни“ въ семьѣ сотника Колокольцова, которыя не могутъ оставить равнодушнымъ самаго черстваго человѣка. По словамъ обвинительнаго акта, составленнаго впослѣдствіи противъ Джорджикіа,—сотникъ Колокольцовъ... „пьянствовалъ, унижалъ жену, бранилъ ее площадной бранью, не стѣсняясь ни родныхъ, ни знакомыхъ, и билъ ее“ („*по большей части по головѣ*“—прибавляетъ оффиціальный документъ для точности). Джорджикіа старался удержать Колокольцова и имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе,—Колокольцовъ иногда его слушался, порой обнималъ, но возмутительныя безобразія продолжались. Послѣ встрѣчи новаго года сотникъ Колокольцовъ, вернувшись домой пьяный, сталъ опять истязать жену, сжегъ на террасѣ ея платье, стрѣлялъ въ комнатахъ изъ револьвера, „подносилъ спичку къ головѣ жены“ и жегъ волосы. Джорджикіа отнялъ у него револьверъ, которымъ, между прочимъ, истязатель (повидимому душевнобольной) грозилъ застрѣлиться. Нужно замѣтить при этомъ, что у Джорджикіа была невѣста, и о какихъ бы то ни было романическихъ отношеніяхъ между нимъ и г-жей Колокольцовой не могло быть и рѣчи. 2-го января эти безобразныя сцены продолжались, и несчастная жертва вынуждена была сначала скрыться въ комнату сотника Мальханова, а затѣмъ, съ двумя дѣтьми — въ гостиницу Александрова. Джорджикіа же кинулся къ товарищамъ и начальству Колокольцова, прося принять какія-нибудь мѣры... Командиръ, полковникъ Боярскій, послалъ къ Колокольцову адъютанта Сычева. Послѣдній сообщилъ Джорджикіа, что Колокольцовъ „далъ ему слово“ больше не безобразничать. Понятно, что слово изступленнаго и совершенно невмѣняемаго человѣка никакого значенія не имѣло. При встрѣчѣ съ Джорджикіа Колокольцовъ сообщилъ, что онъ сейчасъ ѣдетъ въ гостиницу Александрова, гдѣ (какъ онъ будто бы узналъ отъ своего начальства) скрывается его жена, и притащитъ ее за волосы. При этомъ онъ опять сталъ требовать отнятый револьверъ, который Джорджикіа спряталъ къ себѣ въ карманъ. Испуганный угрозами Колокольцова, Джорджикіа бросился въ гостиницу, чтобы препроводить поскорѣе несчастную женщину съ дѣтьми хотя бы въ полицію,—но было уже поздно: въ корридоръ уже входилъ Колокольцовъ. Тогда, не помня себя, со словами „Николай Павло-

вичъ, Николай Павловичъ“... онъ выхватилъ спрятанный въ карманѣ револьверъ и произвелъ въ Колокольцова 5 выстрѣловъ, причинившихъ, впрочемъ, лишь легкія раны (Колокольцовъ находился въ госпиталѣ съ 3-го по 7-е января).

Вслѣдствіе этого дворянинъ М. И. Джорджикіа былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что „3 января 1899 года, въ городѣ Ташкентѣ, въ номерахъ Александрова, въ запальчивости и раздраженіи, вызванномъ внезапнымъ появленіемъ сотника 5-го оренбургскаго казачьяго полка Ник. Павлова Колокольцова въ то время, когда онъ хотѣлъ спасти жену послѣдняго отъ его преслѣдованій, съ цѣлью лишить жизни Колокольцова, сдѣлалъ въ него почти въ упоръ 5 выстрѣловъ изъ револьвера, но, по независящимъ отъ Джорджикіа обстоятельствамъ, смерти не послѣдовало“ *)...

Защитникомъ Джорджикіа выступилъ въ судѣ частный повѣренный и редакторъ „Русскаго Туркестана“ Сморгунеръ. По долгу совѣсти, онъ сказалъ въ пользу обвиняемаго все, что былъ обязанъ сказать, въ томъ числѣ, конечно, указалъ на безуспѣшныя усилія Джорджикіа оградить женщину отъ дикихъ истязаній... Судъ, признавъ Джорджикіа виновнымъ, постановилъ, въ виду выяснившихся обстоятельствъ дѣла, ходатайствовать о полномъ помилованіи обвиненнаго. Сморгунеръ, въ качествѣ редактора мѣстнаго органа, началъ печатать сухой судебный отчетъ въ „Русскомъ Туркестанѣ“.

Между тѣмъ по городу распространился слухъ, будто въ своей защитительной рѣчи Сморгунеръ сказалъ: „гг. казаки днемъ бьютъ нагайками лошадей, а ночью своихъ женъ“. Теперь уже совершенно извѣстно, что фразы этой Сморгунеръ *не говорилъ*. Вся рѣчь его была вполнѣ корректна, и ни разу онъ не былъ остановленъ предсѣдателемъ. Тѣмъ не менѣе, командиръ пятаго оренбургскаго казачьяго полка, полковникъ Сташевскій, считая эти (не сказанныя) слова оскорбительными для чести полка, явился 2-го сентября въ квартиру Сморгунера и сталъ бить его нагайкой, говоря, что казаки умѣютъ бить не однихъ женъ. Сморгунеръ схватилъ стулъ, а г. Сташевскій выхватилъ револьверъ, который, къ счастью, далъ осѣчку.

Тогда, недовольный, очевидно, сомнительнымъ исходомъ столкновенія и раздраженный попыткой Сморгунера предать гласности его покушеніе **), полковникъ Сташевскій рѣшился

---

*) „Русскій Туркестанъ“, №№ 88 и 89, авг. 1899 года, обвинительн. актъ по дѣлу Джорджикіа.

**) „Костр. Листокъ“, № 109.

довести дѣло до конца. Это было нетрудно, такъ какъ Сморгунеръ, повидимому, человѣкъ мужественный, по прежнему являлся въ судъ и всюду, гдѣ этого требовало исполненіе его обязанностей. 4-го сентября, полковникъ Сташевскій пришелъ въ канцелярію суда, вооруженный револьверомъ, и здѣсь убилъ наповалъ безоружнаго адвоката-писателя.

Еще и до настоящаго времени вся русская печать, столичная и провинціальная, полна отголосками этой трагедіи. Мѣстный оффиціальный органъ („Туркестанскія Вѣдомости“) посвятилъ памяти Сморгунера теплую статью, кончающуюся словами: „Миръ праху твоему, честный ратоборецъ печатнаго слова“. Изъ другихъ (очень многочисленныхъ) отзывовъ мы приведемъ здѣсь письмо Джорджикіа, напечатанное первоначально въ „Астраханскомъ Листкѣ“ и обошедшее всѣ газеты.

„За что погибъ человѣкъ?—спрашиваетъ Джорджикіа...—Зачѣмъ убійца ворвался въ храмъ правосудія, гдѣ раздается голосъ Александра II, сразилъ безмезднаго защитника угнетенныхъ и чистою кровью его обрызгалъ храмъ правосудія, представители котораго, наравнѣ съ обществомъ, убиты горемъ? На этотъ вопросъ,—клянусь свѣжею могилою Сморгунера, я отвѣчу безъ всякой злобы одною правдой“.

„День 14-го мая,—продолжаетъ Джоржикіа,—былъ счастливѣйшимъ днемъ для русской Средней Азіи. Старое судопроизводство уступило мѣсто окружнымъ судамъ. Въ составъ судей были назначены новыя лица изъ центра Россіи, девизомъ которыхъ было и есть: „Защита правды и справедливости“. Съ какою желчью и нежеланіемъ старые помѣщики разставались со своими правами въ 1861 г., — съ такою злобою и ненавистью встрѣтили нѣкоторыя лица въ Средней Азіи судебную реформу. Вчерашніе всемогущіе миніатюрные Тамерланы—сегодня, благодаря судебной реформѣ, становились ничѣмъ... Въ этотъ именно моментъ неравной борьбы устарѣлыхъ традицій со свѣжею образованною силою, ратующей за правду и истину, было назначено къ слушанію и мое дѣло“.

Переходя затѣмъ къ самому важному моменту процесса,—Джорджикіа передаетъ содержаніе *своего* показанія передъ судомъ:

„Господа судьи,—сказалъ онъ,—можетъ быть, у васъ возникнетъ вопросъ — почему сотникъ Колокольцовъ во время пьянства придирался къ женѣ, а не къ другимъ лицамъ? на это отвѣчу: потому, что въ подчиненіи сотника Колокольцова находились два существа—жена и лошадь; когда онъ пьянъ, что бывало каждый день, то днемъ загонялъ и билъ плетью лошадь, а по ночамъ колотилъ жену; къ стороннему лицу

онъ не могъ придираться, ибо могъ получить взаимное оскорбленіе!“

„Этого выраженія Сморгунеръ не цитировалъ и вообще на эти слова никѣмъ не было обращено вниманія. Да, наконецъ, оно не могло относиться, помимо самого Колокольцова, къ его сослуживцамъ и къ цѣлому полку“.

Справедливо указавъ на то, что полковникъ Сташевскій имѣлъ полную возможность обратиться къ предсѣдателю суда или прокурору, которые не преминули бы разъяснить „недоразумѣніе“ и убѣдить его, что изъ устъ Сморгунера не исходили оскорбительныя слова ни по чьему адресу,—г-нъ Джорджикіа утверждаетъ, что убійцѣ и не нужно было выясненіе истины. „Просто онъ остался недоволенъ приговоромъ, вообразивъ виновникомъ его моего защитника, кровожадно расправился съ нимъ, кстати избравъ мѣстомъ мщенія канцелярію суда... Сморгунеръ убитъ за то, что онъ стоялъ за правду, за то, что около него сгруппировалась вся мѣстная интеллигенція, чуждая интригъ, низкопоклонничества и заискиваній“. Своею крошечной газетою, „Русскій Туркестанъ“, Сморгунеръ язвилъ окраинные порядки... *).

Хотѣлось бы думать что хоть этотъ яркій примѣръ послужитъ къ просвѣтленію извращенныхъ понятій о чести, жертвою которыхъ сдѣлался покойный. Застрѣлить опытной рукой человѣка въ черномъ сюртукѣ, не умѣющаго защищаться, застрѣлить съ вѣроятностью несоразмѣрно легкаго наказанія,— нѣтъ, въ этомъ не можетъ быть ни мужества, ни истиннаго достоинства, ни чести. А вотъ, стоять на своемъ посту, въ сознаніи гражданскаго долга, презирая гоненія и опасность, какъ устоялъ до конца Сморгунеръ, въ этомъ есть и честь, и мужество, и та истинная красота, которую одну только должно цѣнить, передъ которой одной должны преклоняться всѣ мы, безъ различія профессій и состояній.

Газеты сообщаютъ, что семья Сморгунера осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію.

1899.

---

*) Заимствуемъ изъ „Россіи“, 29 сентября, № 154.

II.

„Тѣнь Сморгунера".

(Къ дѣламъ ген. Ковалева и Е. Голицынскаго).

Читателямъ „Р. Бог." памятно еще, вѣроятно, громкое дѣло казачьяго полковника Сташевскаго, застрѣлившаго изъ револьвера беззащитнаго редактора газеты „Русскій Туркестанъ", Сморгунера. Въ свое время въ нашемъ журналѣ были напечатаны подробности этого возмутительнаго убійства. Полковникъ Сташевскій былъ судимъ и понесъ наказаніе. Не касаясь размѣровъ этой кары и вопроса объ ея соотвѣтствіи съ преступленіемъ военнаго, напавшаго съ оружіемъ въ рукахъ на мирнаго гражданина, — мы должны сказать, что, повидимому, уголокъ россійской имперіи за Каспіемъ особенно изобилуетъ „героями въ мирное время", для которыхъ личность и даже жизнь ихъ мирныхъ сограждан представляется чѣмъ-то совершенно ничтожнымъ и ни въ какой мѣрѣ не ограждаемымъ существующими законами. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляютъ думать новыя дѣла, громкіе оттолоски которыхъ вновь доносятся до насъ изъ-за Каспія...

Въ мартѣ настоящаго года всѣ газеты облетѣло извѣстіе о томъ, что „*одинъ* изъ врачей, въ *одномъ* изъ городовъ подвергся тяжкому насилію со стороны *одного* изъ лицъ, занимающихъ видное положеніе"... Извѣстіе было перепечатано во всѣхъ русскихъ, столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ, и общественное мнѣніе чутко насторожилось. „Мы ждемъ, что судъ прольетъ свѣтъ на это мрачное дѣло" — писали въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", и другіе органы печати выражали надежду, что уже прошли времена, когда насилія, совершаемыя „лицами, занимающими видное положеніе", проходили безнаказанно, и дѣла объ нихъ „заминались". Еще черезъ нѣкоторое время таинственность, окружавшая это происшествіе, постепенно разсѣялась, и имена участниковъ стали достояніемъ гласности, какъ и подробности факта. Главнымъ его героемъ оказался генералъ Ковалевъ, бывшій тогда начальникомъ Закаспійской казачьей бригады. У этого генерала явились какіе-то счеты съ старшимъ врачемъ Средне-Азіатской дороги, г. Забусовымъ. Что это были за счеты и въ чемъ они заключались, — совершенно неизвѣстно; дѣло, очевидно, партикулярное. Фактъ состоитъ въ томъ, что 14 марта настоящаго года генералъ Ковалевъ пригласилъ къ себѣ г-на Забусова, *какъ врача къ больному*, приказавъ предварительно

казенной прислугѣ (т. е. денщикамъ) нарѣзать розогъ и позвать четырехъ военныхъ писарей, т. е. нижнихъ чиновъ, состоящихъ на службѣ подъ его начальствомъ. Не подозрѣвая предательства, докторъ, позванный къ больному, явился въ квартиру генерала. Г. Ковалевъ предложилъ ему угощеніе, а затѣмъ, по данному знаку, вошли 7 казаковъ... Такимъ образомъ противъ одного врача, предательски вызваннаго для исполненія обязанностей его профессіи и, конечно, безоружнаго, въ квартирѣ позвавшаго его притворно-больного оказался цѣлый отрядъ казаковъ. По приказанію генерала Ковалева, принявшаго команду надъ отрядомъ, „казаки растянули доктора,—такъ лаконически говорится въ обвинительномъ актѣ,— и подвергли его жестокому истязанію розгами“...

Повидимому, генералъ, устроившій эту засаду, разсчитывалъ на то, что подвергшійся насилію г. Забусовъ изъ чувства стыда умолчитъ объ этомъ происшествіи... Тогда, конечно, въ „обществѣ“ начались бы перешептываніе и тѣ подлые, злорадные толки, которые всегда къ услугамъ торжествующаго насилія. Но г. Забусовъ обманулъ ожиданія генерала Ковалева. Онъ рѣшилъ, что невозможность защититься отъ нападенія одному противъ семи не составляетъ позора и что, наоборотъ, позоръ на сторонѣ устроившихъ засаду. И поэтому докторъ Забусовъ огласилъ фактъ и призвалъ генерала Ковалева на судъ оффиціальный и на судъ общественнаго мнѣнія.

Общественное мнѣніе высказалось вполнѣ опредѣленно. „Многоуважаемый товарищъ, Николай Петровичъ,—говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ адресовъ, посланныхъ пострадавшему:— Общество русскихъ врачей въ Петербургѣ, ознакомившись въ засѣданіи своемъ 13 мая съ исторіей возмутительнаго оскорбленія и предательскаго насилія, которому вы подверглись со стороны генерала Ковалева при исполненіи вами врачебнаго долга, преисполненное чувствомъ глубокаго негодованія, постановило выразить вамъ, почтенный товарищъ, свое искреннее и горячее сочувствіе“ *). Въ томъ же тонѣ глубокаго негодованія составлены были другіе адресы и статьи газетъ, единодушно откликнувшихся на дикій поступокъ закаспійскаго генерала.

Дѣло слушалось недавно въ особомъ присутствіи кавказскаго военно-окружнаго суда. „Ковалевъ, признавая себя виновнымъ въ превышеніи власти, отрицалъ желаніе подвергнуть Забусова физическому истязанію, оправдывался невмѣняемостью (!?) въ моментъ совершенія преступленія, о моти-

*) Подписали: предсѣдатель, академикъ Л. Поповъ, тов. предс. проф. И. Павловъ, секрет. прив.-доцентъ Ф. Чистовичъ.

вахъ коего умолчалъ, и отказался отъ вызова свидѣтелей“ *). Послѣ четырехчасоваго совѣщанія судъ, признавъ ген. Ковалева виновнымъ въ превышеніи власти и истязаніи, постановилъ (за примѣненіемъ манифеста) исключить его со службы безъ лишенія чиновъ. Какъ на интересную черту этого процесса, „Нов. Время“ указываетъ на оглашенныя въ судѣ „телеграммы генераловъ Куропаткина и Субботича, давшихъ подсудимому прекрасную аттестацію“, и особенно на телеграмму генерала Уссаковскаго (начальника Закаспійской области), который „проситъ принять участіе и облегчить судьбу подсудимаго“. Газета не безъ основанія видитъ въ этомъ послѣднемъ обращеніи „противозаконное давленіе на судъ“ **).

Мотивы преступленія остались совершенно невыясненными. Выяснить ихъ, если они хоть сколько-нибудь смягчали безобразный характеръ происшествія,—было въ интересахъ генерала Ковалева. Но онъ отъ этого воздержался, ссылаясь только на свою „невмѣняемость“, которая, однако, не помѣшала ему отдать храброму отряду всѣ распоряженія, точно передъ боемъ. Въ одномъ изъ первоначальныхъ газетныхъ извѣстій указывалось на „романическую подкладку“ происшествія. Генералъ Ковалевъ отомстилъ будто бы своему счастливому сопернику. Но никакихъ подтвержденій этого объясненія разбирательство дѣла не представило. Съ другой стороны, г. А. Ст—нъ, фельетонистъ „Новаго Времени“, счелъ возможнымъ огласить часть письма, полученнаго имъ отъ какого-то изъ своихъ корреспондентовъ „въ связи съ дѣломъ Ковалева“. „Имѣйте мужество, — пишетъ этотъ неизвѣстный,—отвѣтить печатно: 1) какъ бы вы поступили не на окраинѣ (повидимому, на окраинѣ корреспондентъ допускаетъ другіе законы поведенія), а въ центрѣ столицы, если бы на вашихъ глазахъ хулиганъ оскорбилъ вашу родную мать, дочь или жену? 2) какой бы вы заплатили гонораръ врачу, который повелъ бы лѣченіе вашей матери, жены или дочери „на зоологической подкладкѣ?“ ***).

Нужно сознаться, что г. Ст—ну пишутъ иной разъ странныя письма и, быть можетъ, еще болѣе странно печатать ихъ „въ связи съ дѣломъ Ковалева“, когда самъ г. Ст—нъ удостовѣряетъ тутъ же, что никакого отношенія къ дѣлу Ковалева вопросы корреспондента не имѣютъ, „потому что, сколько извѣстно, въ этомъ дѣлѣ не замѣшаны родственники“. Какъ бы то ни было, противъ одного бездоказательнаго намека не

*) „Русскія Вѣд.“, 11 ноября, № 314.
**) Замѣтку „Нов. Вр.“ цитируемъ по „Нижег. Листку“, № 313.
***) „Новое Вр.“, 14 ноября, № 10312.

въ пользу генерала Ковалева выдвигается другой, не менѣе бездоказательный, противъ потерпѣвшаго. И разумѣется, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній отдавать предпочтеніе второй инсинуаціи только потому, что ея объектъ является потерпѣвшимъ отъ трудно объяснимаго насилія. Если бы вопросы, оглашенные г-мъ А. Ст—мъ, были обращены ко мнѣ, я отвѣтилъ бы, что не знаю еще, какъ бы я поступилъ въ перечисленныхъ случаяхъ. Но знаю твердо, что, во-первыхъ, не заманивалъ бы врача въ ловушку, прикинувшись больнымъ, потому что роль *всякаго* врача, призываемаго къ больному, должна служить ему полной гарантіей; во-вторыхъ, не позорилъ бы полка, въ которомъ бы служилъ, приказаніемъ его солдатамъ играть роль безсмысленныхъ палачей надъ безоружнымъ человѣкомъ.

А именно это сдѣлалъ генералъ Ковалевъ. И, сдѣлавъ это, онъ оскорбилъ не г-на Забусова, которому причинилъ лишь физическую боль, и не „корпорацію“ русскихъ врачей, которая стоитъ выше мундирныхъ представленій о чести. Онъ оскорбилъ все русское общество, которое не можетъ безъ тревоги видѣть, какъ легко состоящіе на службѣ солдаты исполняютъ приказы даже „невмѣняемыхъ“ начальниковъ по отношенію къ безоружнымъ обывателямъ...

Въ тѣхъ же Закаспійскихъ странахъ пріобрѣлъ въ послѣдніе дни знаменитость и г. Е. В. Голицынскій. Г-нъ Е. В. Голицынскій не совсѣмъ военный, а только „почти военный человѣкъ“ (гражданскій чиновникъ военнаго вѣдомства). Онъ не Сташевскій и не генералъ Ковалевъ, а нѣчто въ родѣ маленькой каррикатуры на обоихъ. Его оружіе — не револьверъ, а перо, и не насиліе, а только прославленіе насилія и угроза... И намъ кажется, что зрѣлище, представляемое г-мъ Голицынскимъ, довольно поучительно и, пожалуй, можетъ имѣть до извѣстной степени „отрезвляющее вліяніе“...

Господинъ Голицынскій поэтъ, повидимому, довольно плохой. Онъ прислалъ свои стихотворенія въ редакцію газеты „Самаркандъ“, которая признала ихъ для печати негодными. Спустя короткое время послѣ этого приговора, въ редакцію поступило анонимное произведеніе, написанное тѣмъ же почеркомъ и тѣми же чернилами, въ которомъ содержался рядъ оскорбительныхъ выраженій, заканчивавшихся недвусмысленной угрозой: „Мы русскіе, — писалъ анонимный авторъ, — *умѣемъ вызывать тѣни Сморгунеровъ*, но умѣемъ и пронять ихъ сначала нагайками, а потомъ и чѣмъ-нибудь посильнѣе“. Въ дальнѣйшемъ этотъ храбрый „русскій человѣкъ“, считающій аттрибутами патріотизма „нагайку и что-нибудь еще посильнѣе“,—сѣтуетъ на подборъ перепечатокъ, „которыя раз-

страиваютъ ему нервы, какъ русскому человѣку и воину", такъ какъ „подбираются въ угоду армяно-жидовскимъ симпатіямъ продажными русскими людьми" *).

Редакція газеты представила это поэтическое упражненіе въ судъ, который, по сличеніи почерковъ письма и стихотвореній за подписью Е. В. Голицынскаго, пришелъ къ заключенію объ ихъ тождественности... При этомъ г. Голицынскій подалъ заявленіе, въ которомъ доказывалъ свою неподсудность мировому судьѣ, въ качествѣ „гражданскаго чина военнаго вѣдомства". Явившись въ камеру во время самого разбирательства и узнавъ, что судья призналъ отводъ неосновательнымъ, г. Голицынскій тотчасъ удалился со словами: „Пусть ихъ разбираетъ. Мнѣ все равно".

Послѣ рѣчей обвинителей (издателя Болотина и завѣдывающаго редакціей Морозова), выяснявшихъ тяжелое положеніе провинціальной печати, мировой судья призналъ Голицынскаго виновнымъ въ оскорбленіи и угрозѣ и приговорилъ къ 10 днямъ ареста. Въ угрозѣ убійствомъ воинственный поэтъ признанъ оправданнымъ.

Рѣшеніе намъ кажется совершенно правильнымъ. Угрозы человѣка, который посылаетъ ихъ, прикрывшись анонимомъ, конечно, только комичны. Но есть въ этомъ маленькомъ эпизодѣ и очень серьезныя стороны...

Это, во-первыхъ, самое содержаніе анонимнаго письма, съ его якобы патріотическими фіоритурами, которыя, въ другой формѣ, не разъ тяжело отзывались на провинціальной печати. Во-вторыхъ, это великолѣпное пренебреженіе „гражданскаго чина военнаго вѣдомства" къ суду, не облаченному въ военные мундиры. И въ-третьихъ, это тѣнь Сморгунера, которую съ такимъ кощунственнымъ легкомысліемъ вызываетъ этотъ „русскій человѣкъ и воинъ". Очевидно, поступокъ полковника Сташевскаго имѣетъ въ извѣстной средѣ своихъ идеологовъ... Но намъ, людямъ въ черныхъ сюртукахъ, которыхъ оружіе только мысль, слово, перо, — нѣтъ надобности напоминать о скорбной тѣни Сморгунера... Она укоризненно стоитъ и передъ нами, и передъ русскимъ обществомъ, и будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока будутъ гг. Сташевскіе, генералы Ковалевы, Е. В. Голицынскіе... Къ сожалѣнію, этотъ перечень можно бы продолжить еще многими именами, пріобрѣвшими печальную извѣстность на той же мало почетной аренѣ.

1904 г.

---

*) „Спб. Вѣд." 16 окт., № 284.

III.

Продолженіе дѣла ген. Ковалева и д-ра Забусова.

Тѣ изъ нашихъ читателей, которые обратили вниманіе на замѣтку объ этомъ дѣлѣ въ предыдущей книжкѣ „Русск. Богатства“, помнятъ, вѣроятно, и великолѣпный совѣтъ ген. Уссаковскаго, начальника Закаспійской области: знакомиться съ „положеніемъ края“ по газетамъ, издающимся въ этой благословенной области. Совѣтъ превосходный! Если бы слѣдовать ему съ надлежащею строгостью, то русская печать и русское общество даже не подозрѣвали бы о „случаѣ“ съ ген. Ковалевымъ и докторомъ Забусовымъ: обѣ газеты, издаваемыя въ подвѣдомственной ген. Уссаковскому области (надо думать, случайно и безъ всякихъ воздѣйствій?), даже не заикнулись о дикомъ поступкѣ ген. Ковалева и о происходившемъ въ Тифлисѣ судѣ надъ этимъ генераломъ!

Очень можетъ быть, что и самъ генералъ Ковалевъ, приступая къ своей знаменитой отнынѣ кампаніи противъ безоружнаго доктора, находился подъ вліяніемъ той же аберраціи: ему могло казаться, что и вся Россія есть безгласная пустыня, въ которой его команда, а за ней свистъ розогъ и вопли беззащитной жертвы прозвучатъ безъ всякаго отголоска. Если это такъ,—то, по крайней мѣрѣ, на сей разъ разсчетъ оказался ошибоченъ: имя генерала Ковалева пріобрѣло широкую извѣстность не только за предѣлами благодатной „подвѣдомственной ген. Уссаковскому области“, но и за предѣлами Россіи. Отнынѣ это имя навѣки внесено въ бытовую исторію нашего отечества.

А пока можно сказать безъ преувеличеній, что все русское образованное общество слѣдитъ за ковалевскимъ дѣломъ съ неостывающимъ интересомъ. Въ газ. „Русь“ появилась, между прочимъ, горячая статья С. Елпатьевскаго („Мы требуемъ суда“), резюмирующая общее настроеніе не однихъ врачей, но всѣхъ, кому дороги интересы человѣческаго достоинства и правосудія... Въ послѣдніе дни стало извѣстно, что судъ все-таки будетъ. По жалобѣ потерпѣвшаго и его повѣреннаго д-ру Забусову возстановленъ срокъ для подачи жалобы, и дѣло будетъ вновь разсмотрѣно въ главномъ военномъ судѣ. Когда это произойдетъ, мы, разумѣется, вернемся еще къ этому дѣлу, съ его прямо загадочной дикостью. А пока—всѣхъ ин-

тересуетъ вопросъ: какъ могло случиться, что потерпѣвшій не былъ вызванъ въ тифлисскій судъ ни какъ истецъ, ни какъ свидѣтель?

На это отчасти отвѣчаетъ главный прокуроръ военнаго суда ген.-лейт. Н. Н. Масловъ. Въ разговорѣ съ сотрудникомъ газ. „Русь“ онъ объяснилъ обстоятельство, вызвавшее такое волненіе во всемъ русскомъ обществѣ,—простой ошибкой мелкаго чиновника главнаго военнаго суда („и, какъ на грѣхъ, чиновника самаго аккуратнаго и добросовѣстнаго“), который, получивъ исковое прошеніе повѣреннаго д-ра Забусова,—завелъ объ немъ отдѣльное дѣлопроизводство (!!), вмѣсто того, чтобы ввести его въ производившееся уже дѣло. По поводу этой роковой „ошибки“ газеты вспомнили традиціоннаго стрѣлочника, единственнаго виновника всякихъ „крушеній“ (въ данномъ случаѣ настоящаго „крушенія правосудія“). Во всякомъ случаѣ, это объясненіе оставляетъ мѣсто для нѣкоторыхъ вопросовъ: какъ же могли не замѣтить судьи и военный прокуроръ, во время самаго производства, этого отсутствія потерпѣвшаго, который вѣдь является и важнѣйшимъ изъ свидѣтелей? Какъ они не замѣтили того обстоятельства, что въ дѣлѣ остались только г. Ковалевъ и его подчиненные, сами въ значительной степени виновные въ происшедшемъ?

Этотъ вопросъ сотрудникъ „Руси“ предложилъ тоже генералу Маслову.

— Видите ли,—отвѣтилъ послѣдній,—г. Забусовъ, разсказавъ подробно объ обстоятельствахъ дѣла, ничего не могъ выяснить о причинахъ и мотивахъ преступленія. Генералъ же Ковалевъ не только не отрицалъ факта своего преступленія, но и въ изложеніи подробностей его совершенно совпадалъ съ показаніемъ потерпѣвшаго. Слѣдовательно, вызовъ послѣдняго на судъ явился бы, какъ я понимаю мотивы мѣстной военно-судебной администраціи, только лишнимъ мученіемъ для него, заставляя его еще разъ переносить публично испытанныя терзанія, не принося никакой пользы процессу *)...

Ген. Масловъ оговорился въ началѣ своей бесѣды съ сотрудникомъ „Руси“, что онъ еще недостаточно освѣдомленъ относительно всѣхъ подробностей тифлисскаго суда, и намъ кажется, что въ его объясненіи „мотивовъ военно-судебной администраціи“ есть дѣйствительно мѣсто для значительныхъ недоумѣній. Во-первыхъ, далеко нельзя сказать, чтобы „признанія“ ген. Ковалева вполнѣ или хоть во всѣхъ существенныхъ чертахъ совпали съ показаніями потерпѣвшаго: послѣд-

*) „Русь“, 19 дек. 1904 г., № 348.

ній, напримѣръ, рѣшительно настаивалъ на жестокомъ истязаніи, что генералъ Ковалевъ и его подчиненные столь же рѣшительно отвергали. Судъ согласился съ показаніями виновныхъ. Но вѣдь еще вопросъ,—получился ли бы тотъ же результатъ, если бы на судѣ показывали не одни обвиняемые въ истязаніи, но и жертва истязанія, и сторонніе свидѣтели...

Напрасны также были опасенія суда—причинить вызовомъ д-ра Забусова излишнія мученія потерпѣвшему. Какъ извѣстно, явка въ качествѣ свидѣтеля изъ другого судебнаго округа необязательна, и докторъ Забусовъ могъ самъ уклониться отъ „излишняго мученія“, если бы нашелъ это нужнымъ. Теперь же является несомнѣннымъ, что докторъ Забусовъ въ своихъ столкновеніяхъ съ военной средой—пострадалъ сугубо: одинъ разъ отъ безпримѣрной расправы генерала Ковалева, въ другой отъ столь же безпримѣрной „деликатности“ военнаго суда...

Нужно ли прибавлять, что истинному, а не кастовому правосудію не нужно ни того, ни другого, а нужно „нелицепріятіе“, и что все русское общество съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждетъ разрѣшенія вопроса: возможно ли „возстановленіе силы закона“ въ сословно-военномъ судѣ хотя бы въ такихъ воистину вопіющихъ случаяхъ?

Янв. 1905 г.

IV.

Новая „Ковалевщина“ въ Костромѣ.

Понятное возбужденіе, вызванное въ русскомъ обществѣ „дѣломъ“ закаспійскаго генерала, далеко еще не улеглось, какъ уже несутся новыя извѣстія о подвигѣ того же характера, пожалуй, еще болѣе яркомъ. На этотъ разъ мѣстомъ дѣйствія являются уже не „чудные уголки“ подвѣдомственной генералу Уссаковскому окраинной области, а центръ Россіи, гор. Кострома. Вотъ что пишутъ по этому поводу въ мѣстной подцензурной газетѣ „Костромской Листокъ“ *):

„Жизнь нашего города въ послѣдніе дни преподноситъ неожиданные сюрпризы, которые и безъ того уже запуганнаго и загнаннаго обывателя въ конецъ ошеломляютъ и вызываютъ вполнѣ справедливыя нареканія и сѣтованія. „Сюрпризы“, прежде не выходившіе изъ стѣнъ ресторановъ и гостиницъ, завоевываютъ себѣ мѣсто въ общественныхъ собраніяхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, какъ, напр., театръ, почта и т. п. Мы сообщали уже о происшествіи въ „Московской гостиницѣ“. Вслѣдъ за этимъ мы получили письмо о подобномъ же случаѣ въ мѣстномъ почтовомъ отдѣленіи и, наконецъ, къ крайнему нашему сожалѣнію, должны отмѣтить возмутительный фактъ, имѣвшій мѣсто 5 декабря въ городскомъ театрѣ, глубоко взволновавшій все общество. Суть дѣла въ слѣдующемъ. Въ одномъ изъ антрактовъ въ городскомъ театрѣ по адресу прогуливавшейся съ юношей молодой дѣвушки однимъ изъ присутствовавшихъ была допущена какая-то пошлость. Вспыхнувшій отъ нанесеннаго дѣвушкѣ оскорбленія, юноша потребовалъ отъ оскорбителя извиненій, но, встрѣтивъ вмѣсто этого издѣвательство, глумленіе и попытку быть выдраннымъ за уши, далъ нахалу пощечину.

„Послѣ этого разыгралась безобразная сцена, когда чрезъ фойе и на лѣстницѣ театра бѣжалъ за юношей съ обнаженнымъ оружіемъ получившій пощечину; послѣднему, однако, не удалось догнать юношу, скрывшагося домой. Фактъ этотъ вызвалъ глубокое волненіе среди присутствующихъ въ театрѣ, при чемъ *нѣкоторые рѣшительно заявляли, что безъ оружія въ карманѣ теперь нельзя никуда показаться*“.

Такимъ образомъ, здѣсь рѣчь идетъ уже не о единичномъ насиліи: тутъ уже терроризированъ цѣлый городъ. Продолженіе

*) Заимствуемъ изъ „Южнаго Обозрѣнія“ отъ 15 дек.

этой изумительной исторіи, однако, еще поразительнѣе. Въ той же газетѣ напечатано извѣстіе о томъ, что, послѣ происшествія въ театрѣ, къ одному изъ представителей мѣстнаго общества, подъ предлогомъ дѣловыхъ объясненій, явились въ квартиру четыре офицера и нанесли ему грубое оскорбленіе. „Случай этотъ, — прибавляетъ газета,—стоящій въ связи съ цѣлымъ рядомъ прямыхъ безчинствъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время, какъ въ отношеніи беззащитныхъ стариковъ, такъ и дѣвушекъ изъ почтенныхъ семействъ, глубоко взволновалъ и возмутилъ мѣстное общество“. Другія газеты даютъ болѣе точныя указанія и комментаріи. Оказывается, что „четыре героя“, такъ храбро расправляющіеся со стариками, явились къ отцу того самаго юноши, который заступился за дѣвушку въ театрѣ, съ чудовищнымъ требованіемъ: „прислать сына въ офицерское собраніе для порки (!!) или— драться на дуэли“.

Итакъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ однимъ закаспійскимъ генераломъ, а съ цѣлой группой военныхъ, съ цѣлымъ „офицерскимъ собраніемъ“ (неужели это правда?). Если вскрыть взгляды, которые сказались въ этомъ почти невѣроятномъ инцидентѣ, то получится слѣдующій своеобразный кодексъ поведенія:

1) Всякій офицеръ имѣетъ невозбранное право отпускать по адресу любой дѣвушки разныя „пошлости“ и оскорбительныя замѣчанія, при чемъ никто изъ близкихъ не въ правѣ заступиться за оскорбленную.

2) Если же кто-нибудь за нее заступится, то г. костромской офицеръ имѣетъ право надрать ему уши, а заступникъ не въ правѣ прибѣгнуть къ самооборонѣ физическими средствами.

3) Если онъ всетаки прибѣгнетъ къ самооборонѣ, и отпускающій пошлости офицеръ потерпитъ при этомъ уронъ, то послѣдній долженъ обнажить оружіе и убить противника.

4) Если и это не удалось, то уже офицерское собраніе (!) беретъ дѣло въ свои руки, и его посланцы избиваютъ беззащитныхъ стариковъ родственниковъ...

Этотъ силлогизмъ кажется намъ до того поразительнымъ, что мы ждали опроверженія; мы ждали, что въ газетахъ появится разъясненіе въ томъ смыслѣ, что хоть офицерское собраніе тутъ ни при чемъ. Вѣдь единственно разумный и единственно достойный выходъ для людей, понимающихъ, что значитъ слово *честь*, — состоялъ лишь въ немедленномъ очищеніи своей среды отъ проявленій хулиганства. Все послѣдующее въ этомъ безобразномъ происшествіи явилось есте-

ственнымъ послѣдствіемъ непристойнаго поведенія офицера, оскорбившаго дѣвушку. Въ этомъ и только въ этомъ, на взглядъ всякаго не ослѣпленнаго человѣка, могло состоять истинное оскорбленіе „корпораціи“. Честь корпораціи не въ кулакѣ и не въ полосѣ желѣза. Эта честь въ томъ, чтобы никто не могъ обвинить члена корпораціи въ безчестномъ поведеніи, роняющемъ достоинство всякаго порядочнаго человѣка. Разъ это можно сказать о данномъ членѣ корпораціи,— она уже оскорблена именно своимъ товарищемъ. И неужели общество офицеровъ въ Костромѣ держится иного взгляда? Неужели оно полагаетъ, что позоръ непристойнаго поведенія искупается успѣшной дракой, а возстановленіе чести корпораціи достигается тѣмъ, что вся она выражаетъ солидарность съ виновникомъ пошлаго скандала и требуетъ у отца выдачи сына на позоръ и истязаніе въ своемъ „собраніи“.

Недавно въ „Руси“ было напечатано письмо генерала Кирѣева по поводу Ковалевскаго дѣла. „Онъ — не нашъ, — пишетъ ген. Кирѣевъ въ этомъ письмѣ, — разъ навсегда — не нашъ!“ *). Хотѣлось бы думать, что этотъ голосъ не останется одинокимъ, что и въ военной средѣ есть умы, не ослѣпленные столь чудовищно извращенными понятіями о сословной чести, и есть сердца, способныя биться негодованіемъ на подвиги Ковалевыхъ закаспійскихъ и Ковалевыхъ костромскихъ...

У насъ теперь много говорятъ, много пишутъ, много надѣются и много благодарятъ за обѣщаніе возстановленія „полной силы закона“, для всѣхъ доступнаго и для всѣхъ равнаго... Мы ждемъ съ величайшимъ интересомъ, въ какой формѣ и скоро ли почувствуютъ на себѣ эту „силу закона“ тѣ господа, которые полагаютъ, что оружіе дано имъ для того, чтобы безнаказанно оскорблять русскихъ дѣвушекъ и избивать въ „отечествѣ“ беззащитныхъ стариковъ. Вѣдь иначе — это уже полное разложеніе элементарныхъ гражданскихъ понятій, своего рода — „военная анархія“.

Янв. 1905 г.

---

*) „Русь“. Заимствуемъ изъ „Ниж. Листка“ отъ 21 дек. 1904 г.

V.

Еще о дѣлѣ генерала Ковалева.

Въ ноябрьской книжкѣ „Р. Б.“ мы говорили уже о дѣлѣ генерала Ковалева, заманившаго врача (подъ предлогомъ болѣзни) къ себѣ на квартиру и здѣсь подвергшаго его сѣченію при помощи семи казаковъ. Мы упоминали также о томъ, что начальство генерала Ковалева (генералъ Куропаткинъ и генералъ Уссаковскій) дали ему наилучшія рекомендаціи, а послѣдній присоединилъ къ этому ходатайство о смягченіи участи подсудимаго. „Новое Время“, въ замѣткахъ г-на Ст—на, а также и другіе органы печати увидѣли въ этомъ „противозаконное давленіе на судъ“. Г. А. Ст—нъ, кромѣ того, далъ легкую характеристику края, въ которомъ произошло событіе. Воспоминанія г-на А. Ст—на объ этомъ краѣ имѣютъ, по его словамъ, чисто кошмарный характеръ.

Теперь генералъ Уссаковскій прислалъ въ „Новое Время“ длинное письмо, въ которомъ возражаетъ по пунктамъ на замѣтки г-на А. Ст—на. Вторая часть этого письма касается „кошмарности“ впечатлѣній. Какъ начальникъ края, генералъ Уссаковскій считаетъ себя обязаннымъ заступиться за „природу и жизнь“ ввѣренной ему области и рекомендуетъ г-ну А. Ст—ну познакомиться съ содержаніемъ издающихся въ Асхабадѣ газетъ („Закаспійское Обозрѣніе“ и „Асхабадъ“).

Можно бы много возразить генералу Уссаковскому по поводу рекомендуемаго имъ метода ознакомленія съ „жизнью края“, такъ какъ извѣстно, что, по разнымъ причинамъ, съ нѣкоторыми сторонами мѣстной жизни гораздо удобнѣе иногда знакомиться по газетамъ, болѣе свободнымъ отъ „мѣстныхъ воздѣйствій“... Г. Ст—нъ могъ бы, въ благодарность за совѣтъ,—отплатить такимъ же совѣтомъ генералу Уссаковскому: почерпать свѣдѣнія о нѣкоторыхъ сторонахъ мѣстной жизни изъ газетъ, издающихся внѣ подвѣдомственной ему области. Во всякомъ случаѣ, однако, споръ рѣшается уже наличностью и условіями „дѣла генерала Ковалева“. Какъ для кого, а для людей, не имѣющихъ чести носить военный мундиръ,—достаточно и одного этого факта: одинъ изъ „высокопоставленныхъ“ военныхъ, имѣющій, по свидѣльству своего начальства, наилучшую репутацію, по неизвѣстнымъ побужденіямъ заманиваетъ врача въ свою квартиру и употребляетъ казаковъ своего полка въ качествѣ палачей надъ беззащитнымъ человѣкомъ...

Невольно при этомъ приходитъ въ голову: если такъ могутъ поступать наилучшіе, то чего же можно ожидать въ этомъ удивительномъ краѣ отъ среднихъ и худшихъ? Мы можемъ, конечно, согласиться съ генераломъ Уссаковскимъ, что въ природѣ Закаспійской области „есть и чудные уголки“... Но, по вопросу о томъ, что въ этихъ чудныхъ уголкахъ происходитъ,—мы склонны скорѣе принять мнѣніе г-на А. Ст—на, которому вспоминаются разные „кошмары“.

Генералъ Уссаковскій касается затѣмъ вопроса о „противозаконномъ давленіи на судъ“, котораго онъ въ своемъ поступкѣ рѣшительно не усматриваетъ. Мы недостаточно знакомы съ процедурой и обычаями суда военнаго, несомнѣнно отличающагося многими особенностями отъ обычнаго представленія о судѣ и гарантіяхъ „обѣихъ сторонъ“ въ процессѣ. Но мы съ трудомъ представляемъ себѣ судъ „гражданскій“, на которомъ предсѣдатель огласилъ бы, напримѣръ, „ходатайство“ какого-нибудь высокопоставленнаго лица о смягченіи участи подсудимаго чиновника...

„По какому праву,—спрашиваетъ далѣе генералъ Уссаковскій, — авторъ „замѣтокъ“ въ своей защитѣ независимости суда идетъ далѣе самого суда“. На этотъ вопросъ отвѣтить очень не трудно: по праву писателя и гражданина, по праву члена общества... А судъ, всякій судъ, есть явленіе общественное, и его зависимостью или независимостью въ правѣ интересоваться не только данный составъ самого суда, но и всѣ граждане государства. Въ самые даже тяжелые для печати періоды русской жизни за ней признавалось право обсуждать эти вопросы... Вѣдь если бы аргументація генерала Уссаковскаго была правильна, то, даже относительно дореформеннаго суда, даже русскому писателю Гоголю можно было предложить тотъ же вопросъ: съ какой стати онъ заботится о достоинствѣ суда больше, чѣмъ, напр., повѣтовый судья гор. Миргорода?.. Итакъ, и по этому вопросу не мы одни, но, полагаю, и всѣ русскіе писатели, даже тѣ, кто, подобно г-ну А. Ст—ну, „очень чтятъ военныхъ“,—не могутъ стать на точку зрѣнія ген. Уссаковскаго.

Къ сожалѣнію, мы должны пойти еще нѣсколько дальше этой общей постановки вопроса, такъ какъ то, что сообщаютъ газеты объ условіяхъ именно *даннаго* суда, вызываетъ самыя тревожныя недоумѣнія. Такъ въ газетѣ „Русь“ (отъ 25 ноября, № 345) одинъ асхабадецъ, „занимающій положеніе, которое вызываетъ на полное довѣріе“, сообщаетъ очень интересныя и серьезныя указанія условій и обстоятельствъ, при которыхъ прошелъ процессъ Ковалева, „бывшаго командира Закаспій-

ской казачьей бригады и замѣстителя начальника области". По словамъ этого асхабадца, опирающагося на приговоръ суда, помѣщенный въ оффиціальной газетѣ „Кавказъ" отъ 9 ноября, — разборъ этого дѣла представляетъ небывалыя особенности:

Во 1-хъ, дѣло слушалось въ Тифлисѣ, хотя преступленіе совершено въ Асхабадѣ, гдѣ находится и потерпѣвшій, и свидѣтели.

Во 2-хъ, не только *не были вызваны въ засѣданіе суда потерпѣвшій, свидѣтели и заявившій для участія въ дѣлѣ гражданскій искъ, но никого не сочли даже нужнымъ увѣдомить* о слушаніи дѣла въ Тифлисѣ, вмѣсто Асхабада.

и въ 3-хъ, не смотря на двукратную оффиціальную экспертизу (въ первый разъ слѣдственную), установившую наличность тяжкаго истязанія (до 52 ударовъ нагайками и палками по задней части тѣла, *животу и паховой области)*—наличность истязанія была судомъ отвергнута.

„Приговоръ, постановленный съ такими особыми условіями, являющійся приговоромъ вновь, особо ad hoc введеннаго келейнаго судилища, достоинъ стать достояніемъ общества", — замѣчаетъ г. асхабадецъ *).

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой замѣткѣ, до такой степени изумительны, что, вѣроятно, въ слѣдующей книжкѣ журнала намъ придется еще вернуться къ громкому дѣлу генерала Ковалева, чтобы сообщить (хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, такъ думать) оффиціальное разъясненіе тревожныхъ вопросовъ, поставленныхъ „заслуживающимъ довѣрія" асхабадцемъ въ распространенной русской газетѣ. А пока, полагаемъ, читатель согласится, что передъ мотивами, выдвигаемыми этимъ дѣломъ и его обстановкой, совершенно уже блѣднѣетъ вопросъ объ его „подкладкѣ"... Подкладка эта — есть вопросъ индивидуальной оцѣнки личностей и ихъ досудебныхъ отношеній. А гарантіи сторонъ на судѣ и огражденіе судомъ личнаго достоинства и неприкосновенности русскихъ гражданъ, носящихъ и не носящихъ мундиры,—есть насущный, близкій, неотложный интересъ всего русскаго общества.

P. S. Наша замѣтка была уже набрана, когда въ газетахъ появилось письмо потерпѣвшаго г-на Забусова. Приводимъ его цѣликомъ и думаемъ, что это долженъ сдѣлать каждый органъ печати, которому дороги правда, человѣческое достоинство и правосудіе.

Вотъ это письмо **):

*) „Русь", № 345.

**) См. „Новое Время", 8 дек. 1904, № 10336.

„До сихъ поръ я не могъ писать ничего, такъ какъ надѣялся, что судъ такъ или иначе выяснитъ обстоятельства и причины звѣрскаго насилія, произведеннаго надо мной генераломъ Ковалевымъ. Въ то же время я былъ такъ глубоко потрясенъ происшедшимъ, что всякое воспоминаніе о нелѣпой и безцѣльной гнусности приводило меня въ болѣзненное состояніе. Энергія пала, духъ сломленъ. Но теперь мнѣ хочется не только писать, но кричать на площадяхъ и улицахъ, чтобы найти себѣ хоть тѣнь защиты у общества. Какъ можно сдѣлать насиліе надъ личностью и остаться весьма мало наказаннымъ—показываетъ гнуснѣйшее въ лѣтописяхъ Россіи „дѣло генерала Ковалева“. Вотъ оно въ чемъ.

„Въ мартѣ 1904 года, въ городѣ Асхабадѣ, вечеромъ, по телефону, я былъ приглашенъ къ тяжело заболѣвшему Ковалеву; приглашеніе было весьма настойчивое и повторено дважды. Я тотчасъ же бросилъ свои дѣла и поѣхалъ черезъ 2—3 минуты, какъ только могъ найти извозчика. Ковалева я зналъ очень мало, не больше, чѣмъ обыкновенное шапочное знакомство, никогда его не лѣчилъ и тутъ естественно подумалъ, что съ нимъ случилось что-то экстренное, такъ какъ я по спеціальности хирургъ. Голосъ изъ телефона увѣрялъ меня, что генералъ очень боленъ.

„Пріѣхавъ быстро къ нему на квартиру, я тотчасъ спросилъ, что у него болитъ; онъ отвѣтилъ, что еще успѣется объ этомъ поговорить. Въ это время у него сидѣлъ какой-то неизвѣстный мнѣ молодой человѣкъ, какъ выяснилось потомъ, служащій въ службѣ сборовъ Средне-Азіатской желѣзной дороги, Самохненко. Ковалевъ приказалъ подать стулъ, предложилъ садиться, предлагалъ сигары и вино.

„Все время я сидѣлъ спиной къ сосѣдней комнатѣ и мелькомъ замѣтилъ тамъ нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ-казаковъ, которыхъ принялъ за пѣсенниковъ.

„Ковалевъ о своей болѣзни ничего не говорилъ, но настойчиво предложилъ вина. Я отказывался, говоря, что не пью.—„Отчего?“ — Потому что отъ вина у меня дѣлается сердцебіеніе,—отвѣтилъ я.—„Это не отъ вина, а отъ того, что *вы любите не того, кого слѣдуетъ*“. Удивленный этими словами, я попросилъ ихъ объясненія, котораго не получилъ.—„Ваше здоровье“,—говоритъ Ковалевъ, чокаясь со мной стаканомъ; такъ же поступилъ и его собесѣдникъ. Не успѣлъ я поставить стаканъ на столъ, какъ сзади былъ неожиданно схваченъ нѣсколькими людьми, грубо раздѣтъ и началось безпощадное *истязаніе*. Какъ ни былъ я потрясенъ, но все-таки и тутъ требовалъ объясненія; въ отвѣтъ же со стороны Ко-

валева раздавалось только неистовое: „Бей его, мерзавца“. Звѣрское истязаніе продолжалось и по животу: я тутъ уже понялъ, что меня хотятъ убить. Я былъ лишенъ малѣйшей возможности къ какой бы то ни было самозащитѣ и, какъ врачъ, понималъ ясно, къ чему могутъ повести удары по животу. Далѣе я былъ одѣтъ и выведенъ подъ руки на извозчика. Какого-либо протеста со стороны присутствующаго г. Самохненки не было.

„Въ эту же ночь все дѣло мною было обнародовано и даны оффиціальныя сообщенія. Это все произошло 14 марта. Глубоко потрясенный, я напрасно искалъ и ищу до этой минуты какого-либо объясненія всего происшедшаго. Но вотъ что изъ этого произошло. Насилію я подвергся 14 марта, дѣло разбиралось будто бы въ Тифлисѣ въ началѣ ноября. Такимъ образомъ, преступное дѣяніе Ковалева подпало подъ силу высочайшаго манифеста. Далѣе, ни я, какъ пострадавшій, ни мой повѣренный, юрисконсультъ Средне-Азіатской жел. дор. А. А. Хонинъ, не получали ни повѣстки, ни вообще какого-либо увѣдомленія отъ суда, и потому на судѣ были лишены возможности быть („пострадавшій не явился“, какъ сказано было въ судѣ). Что было вообще на судѣ—намъ неизвѣстно по тѣмъ же причинамъ. Ковалевъ, будто бы, не былъ признанъ виновнымъ въ истязаніи, но я, какъ врачъ, протестую противъ этого и настаиваю, что здѣсь именно было преднамѣренное истязаніе. Ковалевъ судился и былъ осужденъ, будто бы, только за превышеніе власти, но моя личность гражданина оставлена безъ вниманія. Но вѣдь я не военный, и мнѣ нѣтъ дѣла до дисциплинарныхъ отношеній Ковалева къ его подчиненнымъ. Съ ужасомъ прочиталъ я въ № 10333 „Новаго Времени“ письмо генерала Уссаковскаго, который смѣло возводитъ на мою честь самое тяжелое обвиненіе; тяжело оно главнымъ образомъ потому, что тайное. Генералъ Уссаковскій, прося не залѣзать въ его душу, настолько признаетъ душу у меня, что вотъ что говоритъ:

„Иной вопросъ, почему я считалъ себя обязаннымъ ходатайствовать за генерала Ковалева: это, конечно, дѣло моей совѣсти, и надѣюсь, авторъ „Замѣтокъ“ не станетъ забираться ко мнѣ въ душу, но могу указать одно: я знаю генерала Ковалева и, *что главное, знаю совершенно точно подкладку дѣла*, которую авторъ только угадываетъ и, конечно, неудачно. Бываетъ такъ въ жизни, что расправа звѣрская, а побужденія къ ней самыя благородныя; послѣднее, разумѣется, не можетъ оправдать расправы, но до нѣкоторой степени ее извиняетъ“.

„Итакъ, Ковалевъ, въ лицѣ своего защитника генерала Уссаковскаго, находитъ извиненіе: очевидно, что обвиняюсь я, врачъ Н. П. Забусовъ, въ совершеніи чего-то столь гнуснаго, столь постыднаго, что даже подлѣйшее насиліе изъ-за угла является мною лишь только заслуженнымъ, потому что *„побужденія къ нему самыя благородныя“*, и съ точки зрѣнія генерала Уссаковскаго можетъ быть извиняемо. Генералъ Уссаковскій отрицаетъ, что своимъ ходатайствомъ на судѣ за Ковалева онъ произвелъ давленіе на судъ; можетъ быть, это такъ, я не юристъ, но давленіе на общественное мнѣніе онъ своимъ письмомъ въ № 10333 отъ 5 декабря пытается сдѣлать, и давленіе опять-таки въ пользу Ковалева. Генералъ Уссаковскій ясно намекаетъ, что за мной имѣется величайшая гадость и что наказаніе я заслужилъ (благородныя побужденія). Я безсиленъ опровергнуть эту вопіющую неправду, если мнѣ не будетъ дана возможность давать объясненія въ гражданскомъ судѣ, если не будутъ допрошены нѣкоторыя личности, если не будетъ выяснена роль г. Самохненки во всемъ этомъ постыдномъ дѣлѣ и если обвиненіе въ какой-то сдѣланной гнусности, которое высказывается теперь тайно, не будетъ высказано публично. Всего этого я былъ лишенъ до сихъ поръ и по желанію кого-то превратился изъ потерпѣвшаго въ обвиняемаго во вкусѣ метаморфозъ Овидія. Я заявляю въ окончательной формѣ вотъ что. Съ Ковалевымъ я имѣлъ только самое мимолетное шапочное знакомство, не сталкивался съ нимъ ни на почвѣ служебныхъ, ни на почвѣ частныхъ отношеній даже самымъ малѣйшимъ образомъ; ни въ одной общечеловѣческой слабости никогда въ жизни не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшаго соприкосновенія, никогда о Ковалевѣ не говорилъ ни хорошаго, ни дурного, такъ какъ имъ совершенно не интересовался. Со всѣми знакомыми Ковалева былъ почти незнакомъ, исключая шапочнаго знакомства; Ковалева никогда не лѣчилъ, — словомъ, къ Ковалеву я имѣлъ вообще такое же отношеніе, какъ и къ каждому жителю Марса. Я такъ усталъ душевно отъ безпощадной травли, что у меня едва хватаетъ силы жить. За что же это? Во имя какого принципа?

„Неужели 63-лѣтній старецъ Ковалевъ продолжаетъ думать, что онъ сдѣлалъ хорошее и достойное дѣло, неужели его поддерживаютъ только потому, что этого требуетъ солидарность касты?

„Неужели мой голосъ останется голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, и никто не придетъ на помощь невинно погибающему нравственно человѣку?

„Я могу только сказать, что дѣятельность врачебная требуетъ отъ врача, чтобы онъ былъ и честнымъ человѣкомъ; какъ только этого нѣтъ, онъ не можетъ быть врачомъ, сама корпорація должна его изгнать изъ своей среды. Такъ и я долженъ быть отвергнуть врачебной корпораціей, какъ недостойный ея членъ, какъ позорящій ее. А это должно быть, если вѣрить генералу Уссаковскому.

„Итакъ, вотъ моя ставка на общественномъ судѣ; но что поставятъ въ отвѣтъ на это Ковалевъ и другіе? По адресу г. А. Ст—на скажу, что мнѣ удивительно, почему для него и для всѣхъ безпристрастныхъ людей особенно цѣнно *авторитетное* (?) свидѣтельство начальника области, что у подсудимаго были обстоятельства, извиняющія его поступокъ. Нѣтъ, г. А. Ст—нъ, не авторитетно это свидѣтельство, а въ особенности для всѣхъ безпристрастныхъ людей, потому что это *авторитетное* свидѣтельство есть *обвиненіе*, а для безпристрастія „audiatur et altera pars“, если ужъ меня ставятъ въ роль обвиняемаго. *Въ достаточной ли мѣрѣ* отражаютъ мѣстную жизнь газеты „Асхабадъ“ и „Закаспійское Обозрѣніе“, ясно изъ того, что *почему-то* (?!) ни въ одной изъ этихъ газетъ не появилось ни слова о насиліи надо мной. Можетъ быть, это и достаточно, но для кого?

„Старшій врачъ Ср.-Аз. ж. д. **Н. Забусовъ**“.

1904 г.

VI.

Трагедія Ковалева и взгляды военной среды.

I.

Въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ всѣ газеты облетѣла краткая телеграмма (отъ 16-го мая): „На станціи Гулькевичи Владикавказской жел. дороги въ гостиницѣ застрѣлился генералъ Ковалевъ, обвиняемый по дѣлу объ истязаніи доктора Забусова". Дополнительныя извѣстія сообщали, что генералъ Ковалевъ, желая уклониться отъ новаго судебнаго разбирательства, предстоявшаго въ іюлѣ или августѣ, — отправился въ Читу, откуда послалъ просьбу о зачисленіи его въ дѣйствующую армію. Генералъ Церпицкій выразилъ готовность принять его въ свой отрядъ; очень вѣроятно, что и другіе генералы такъ же охотно дали бы гонимому общественнымъ мнѣніемъ товарищу возможность почетно уклониться отъ суда, что, несомнѣнно, было бы новымъ оскорбленіемъ русскому обществу и самой идеѣ даже и военнаго правосудія. Нѣтъ также сомнѣнія, что еще годъ или два назадъ предпріятіе это могло блестяще осуществиться. Теперь изъ Петербурга послѣдовалъ отказъ, а Ковалевъ получилъ приказаніе вернуться. Но генералъ Ковалевъ—натура цѣльная: онъ „готовъ былъ предстать передъ судомъ равныхъ себѣ людей", т. е. передъ кастовымъ судомъ военныхъ, разъ уже сдѣлавшимъ въ его пользу ничѣмъ не объяснимыя правонарушенія. Общественное мнѣніе онъ презираетъ, въ своемъ „поступкѣ" не раскаивается. Но мысль, что даже въ кастовомъ судѣ на этотъ разъ будутъ предоставлены какія-то права людямъ въ сюртукахъ, а не въ военныхъ мундирахъ, какимъ-то гражданскимъ истцамъ и частнымъ обвинителямъ, — совершенно не укладывалась въ его головѣ. Онъ считалъ возможнымъ бить „не военныхъ" людей и сѣчь ихъ розгами,—но судиться съ ними, отвѣчать на ихъ вопросы, выслушивать ихъ мнѣнія о своемъ поступкѣ... Нѣтъ,—лучше смерть! И вотъ, на маленькой станціи вблизи Армавира посредствомъ короткаго револьвернаго выстрѣла онъ ликвидируетъ всѣ свои счеты и съ судомъ, и съ общественнымъ мнѣніемъ, и съ газетами, и съ частными обвинителями...

Но онъ не захотѣлъ уйти молча; передъ своей вольной смертью онъ излилъ свои чувства въ длинномъ, проникнутомъ

горечью письмѣ, которое появилось въ „Новомъ Времени“. Самая идея о „нелицепріятіи суда“, повидимому, совершенно чужда автору этого письма: свою печальную судьбу онъ приписываетъ чьей-то несправедливой оцѣнкѣ его личности, *сравнительно съ другими*. Онъ—„подачка, жертва, отданная властямъ и судамъ“. А между тѣмъ, — спрашиваетъ онъ съ горечью,—развѣ я „государственный преступникъ, анархистъ, неужели мой поступокъ расшаталъ государственные устои и тронъ? Неужели я хуже гласныхъ воровъ и мошенниковъ, спокойно живущихъ и занимающихъ высокіе посты? Неужели хуже тѣхъ жалкихъ трусовъ, тѣхъ бездарностей, которые, сохраняя свою шкуру, ради реляцій жертвуютъ десятками тысячъ или сдаютъ въ позорный плѣнъ истинныхъ, вѣрныхъ царскихъ слугъ; тѣхъ, кто позорно и униженно кладетъ ключи ввѣренной ему крѣпости въ ногамъ врага-язычника, а самъ даже съ гордымъ сознаніемъ свято исполненнаго долга спѣшитъ къ домашнему очагу, къ спокойствію и комфорту? Нѣтъ, это все—герои, увѣнчанные и увѣнчиваемые славой и побѣдными лаврами. Больно, обидно до слезъ!“

Стоитъ лишь немного вдуматься въ это письмо, и передъ вами встанетъ міровоззрѣніе цѣльнаго военнаго человѣка, пропитаннаго насквозь взглядами нашего россійскаго милитаризма послѣднихъ десятилѣтій. Посмотрите тотъ перечень преступленій, которыя генералъ Ковалевъ признаетъ заслуживающими наказанія,—и вы увидите, что это—преступленія исключительно профессіональныя: военный человѣкъ не долженъ быть ни политическимъ преступникомъ, ни анархистомъ; онъ не долженъ расшатывать тронъ, не долженъ расхищать предметы довольствія и снаряженія ввѣренныхъ ему командъ, не имѣетъ права сдавать крѣпости врагу и жертвовать десятками тысячъ жизней для реляціи. Если онъ не сдѣлалъ ничего подобнаго,—онъ правъ, что бы ни натворилъ по отношенію къ другимъ, не-военнымъ областямъ жизни... Самая мысль, что военный есть также гражданинъ даннаго общества, что для него обязательны законы его страны, что онъ долженъ уважать личность, имущество, честь своихъ соотечественниковъ, хотя бы и не носящихъ военнаго мундира, что гражданское общество въ правѣ требовать возстановленія нарушеннаго права,—всѣ эти соображенія рѣшительно чужды генералу Ковалеву. Ему, очевидно, не приходитъ даже въ голову, что янычарскія насилія военныхъ надъ народомъ могутъ по-своему „расшатывать тронъ“ и превосходить даже въ этомъ отношеніи иныя „государственныя преступленія“... Онъ просто указываетъ на военныхъ людей, совершившихъ,

по его мнѣнію, профессіональные грѣхи, и спрашиваетъ съ наивнымъ и горькимъ недоумѣніемъ: почему онъ „отданъ въ жертву властямъ и судамъ“, а они — увѣнчаны побѣдными лаврами?

II.

Правда, ослѣпленный горечью, генералъ Ковалевъ сильно преувеличилъ „побѣдные лавры“, якобы выпавшіе на чью-то долю. Лавровъ пока вообще очень мало въ этой безславной войнѣ, и принадлежатъ они по большей части погибшимъ. Что же касается до лицъ, на которыхъ, очевидно, намекаетъ предсмертное письмо генерала Ковалева,—то пока они пользуются слишкомъ щедро установленнымъ содержаніемъ, но безъ прибавки, въ видѣ славы или лавровъ. Военачальники, „жертвовавшіе десятками тысячъ жизней для реляцій“, завѣдомые воры, подъ шумокъ патріотическихъ возгласовъ торговавшіе „защитой отечества“,—тоже едва ли чувствуютъ себя теперь особенно спокойно, такъ какъ если русской жизни, дѣйствительно, предстоитъ очищеніе отъ заполонившей ее низости и корыстнаго предательства, то ихъ ждетъ такой общественный судъ, передъ которымъ должно поблѣднѣть самое „дѣло Ковалева“...

Есть, однако, одинъ аргументъ, который могъ бы привести генералъ Ковалевъ и на который было бы гораздо труднѣе отвѣтить тѣмъ, кому онъ адресуетъ свои предсмертные укоры. Вмѣсто того, чтобы указывать на лицъ, провинившихся противъ военнаго кодекса, онъ могъ бы поименовать десятки, даже сотни военныхъ, которые дѣлали *какъ разъ то же самое*, что сдѣлалъ онъ, такъ же дико ругались надъ честью, личной неприкосновенностью, достоинствомъ безоружныхъ русскихъ гражданъ. И онъ могъ бы сказать: развѣ я хуже ихъ? И почему же я умираю, а они остаются безнаказанными или отдѣлываются пустяками и продолжаютъ мирное теченіе своей карьеры?..

Вотъ на это было бы очень трудно отвѣтить правосудію нашей страны.

Дѣйствительно, то, что сдѣлалъ генер. Ковалевъ надъ Забусовымъ, далеко не представляется небывалымъ. У генер. Ковалева есть предшественники, сотоварищи, послѣдователи. Такъ, еще въ 1896 году газеты глухо сообщали объ исторіи офицеровъ Бѣлгородскаго полка, „дозволившихъ себѣ, вопреки существующихъ правилъ (sic!), взять команду нижнихъ чиновъ, которыхъ заставили чинить противузаконную расправу надъ нѣкоторыми обывателями мѣстечка Межибожа Подоль-

ской губ.“ *). Говорили тогда объ этой исторіи много; но газетамъ было запрещено сообщать возмутительныя подробности многочисленныхъ насилій, произведенныхъ нижними чинами по командѣ офицеровъ. Въ томъ же 1896 году въ тифлисскомъ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло ротмистра пограничной стражи Копыткина, который приказалъ подчиненнымъ ему солдатамъ *высѣчь* дворянина Сумбатова. 22-го марта 1899 года корпетъ В. (въ Варшавѣ), пригласивъ къ себѣ на квартиру надсмотрщика почтово-телеграфной конторы, приказалъ тремъ рядовымъ своего полка снять съ него пальто и тужурку, связать руки назадъ и *нанести ему 25 ударовъ хлыстомъ*, что и было исполнено **). Въ 1901 году заявилъ о себѣ корнетъ фонъ-Викъ (въ гор. Холмѣ). Онъ не платилъ денегъ портному Гапину и вдобавокъ заподозрѣлъ послѣдняго въ подачѣ на него судебнаго иска. По этимъ необыкновенно основательнымъ и возвышеннымъ причинамъ онъ счелъ свою военную честь оскорбленной и требующей реабилитаціи. Зазвавъ портного въ свою квартиру, онъ *высѣкъ его нагайкой* при помощи денщика и рядового Вакарчука ***).

Таковы „прецеденты“. Далѣе, въ то самое время, когда о дѣлѣ Ковалева писали въ газетахъ и говорили въ общественныхъ собраніяхъ, въ Костромѣ разыгрался возмутительный эпизодъ: офицеръ Васичъ сначала *оскорбилъ дѣвушку*, а потомъ гнался за ея юнымъ защитникомъ въ фойе и по лѣстницамъ театра съ обнаженной шашкой. Теперь газеты сообщаютъ, что „подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія“ (!) подпоручикъ Васичъ былъ удаленъ изъ Костромы и дѣло было передано его начальствомъ военно-окружному суду. Судъ призналъ поступокъ „несоотвѣтствующимъ офицерскому званію“ и приговорилъ Васича... къ трехмѣсячному аресту на гауптвахтѣ съ нѣкоторымъ ограниченіемъ въ правахъ и преимуществахъ по службѣ ****).

---

*) „Русск. Инвал.“, цит. изъ „Нов. Вр.“, 29-го авг. 1896 г.

**) „Сѣв. Курьеръ“, 21-го сент. 1900 г.

***) „Южн. Обозр.“, 24-го іюня 1901 г. — Въ первомъ изъ описанныхъ случаевъ нѣсколько офицеровъ Бѣлгородскаго полка были разжалованы въ рядовые, вѣроятно въ виду небывалыхъ размѣровъ скандала, о которомъ писали заграничныя газеты. Послѣдующая исторія уже не знаетъ столь суровыхъ приговоровъ. Въ случаяхъ Копыткина и корнета В. главному военному суду пришлось нѣсколько увеличить мѣру наказанія, назначенную военно-окружными судами съ поразительной снисходительностью. Такъ, корнетъ В. былъ первоначально приговоренъ къ 3 недѣлямъ гауптвахты, а корнетъ фонъ-Викъ, уже при благосклонномъ участіи самого главнаго военнаго суда, отдѣлался 3-мя мѣсяцами гауптвахты, вѣроятно потому, что потерпѣвшій—только портной!

****) „Русское Слово“, цит. изъ „Волыни“, 5-го іюня, № 100.

И это все! Если и это нужно считать данью „общественному мнѣнію“, то должно признаться, что военный судъ ограничилъ эту дань самыми минимальными размѣрами... Человѣкъ, совершившій поступокъ, „не соотвѣтствующій офицерскому званію“, возвращается къ этому званію послѣ краткаго отдохновенія на гауптвахтѣ.

Но наиболѣе интересной чертой этого дѣла являются нѣкоторыя предшествовавшія и сопровождавшія его обстоятельства: уже ранѣе одинъ офицеръ напалъ съ обнаженною шашкой на статистика. Безобразія и насилія происходили на улицахъ, на бульварахъ, въ общественныхъ мѣстахъ. Въ мѣстной подцензурной печати писали, что въ Костромѣ опасно выходить изъ дома безъ оружія. Казалось бы, все это должно обратить вниманіе и вызвать противодѣйствіе въ самой военной средѣ. Вмѣсто этого, мы узнали, что общество офицеровъ выступило на защиту Васича и потребовало у старика-отца, чтобы онъ выдалъ сына (защитника оскорбленной офицеромъ дѣвушки) *для сѣченія въ офицерскомъ собраніи*. Когда отецъ отказалъ въ этомъ чудовищномъ требованіи, то четыре офицера избили старика въ его собственной квартирѣ!

Это изумительное сообщеніе газетъ не было никѣмъ опровергнуто, а вѣдь это значитъ, что все общество офицеровъ въ Костромѣ заявило свое право на „ковалевщину“... И это обстоятельство, повидимому, даже не затронуто судомъ. Что же значитъ единичный поступокъ Ковалева передъ такимъ чудовищнымъ извращеніемъ понятій о законности, о достоинствѣ и чести, захватывающимъ уже цѣлое собраніе и принимающимъ характеръ бытового явленія среды...

Совсѣмъ также недавно и даже почти въ то самое время, когда генералъ Ковалевъ производилъ свою расправу надъ Забусовымъ, въ Александрополѣ произошла точно такая же, пожалуй еще болѣе дикая, еще болѣе преступная расправа, о которой сообщаетъ корреспондентъ „Руси“. Герой ея—корнетъ (всего только!)45-го драгунскаго полка Посажной; жертва—помѣщикъ Драмповъ. Въ началѣ прошлаго 1904 года *) въ крѣпостномъ александропольскомъ артиллерійскомъ складѣ была обнаружена кража патроновъ. Предполагая возможность вывоза послѣднихъ изъ Александрополя, начальство распорядилось разставить кругомъ города пикеты. Драмповъ съ знакомой дамой выѣхалъ кататься за городъ и при возвращеніи былъ подвергнутъ обыску (господа военные въ этомъ отношеніи не стѣсняются лишними формальностями). На ироническое замѣ-

*) Истязаніе Забусова произошло, какъ извѣстно, 14 марта того же года.

чаніе Дрампова, что цѣлесообразнѣе было бы обыскивать не въѣзжающихъ въ городъ, а выѣзжающихъ, пикетъ отвѣтилъ задержаніемъ. Впрочемъ, когда г. Драмповъ былъ „представленъ по начальству“, то личность его была удостовѣрена, и онъ былъ отпущенъ. Но въ тотъ же день къ Дрампову въ гостиницу „Италія“ явился корнетъ Посажной, который вызвалъ его и предложилъ ѣхать къ командиру полка „для допроса по дѣлу о кражѣ патроновъ“. Удивленный Драмповъ заявилъ, что ему по этому дѣлу ничего неизвѣстно, но, какъ русскій человѣкъ, привыкшій повиноваться всякому, хотя бы и самому наглому произволу,—поѣхалъ. Посажной вмѣсто командира повезъ Дрампова за городъ и здѣсь, совершенно какъ Ковалевъ, произвелъ надъ беззащитнымъ Драмповымъ возмутительнѣйшія истязанія. „Тутъ было,—пишетъ корреспондентъ „Руси“ *),—все, начиная съ раздѣванія (въ ту ночь морозъ доходилъ до 20°) и кончая примѣрною смертною казнью (!). По приказанію корнета солдаты привязали несчастнаго Дрампова къ дереву, при чемъ туго обвязали все тѣло и шею, и начали бить его плетьми. Потомъ, приказавъ солдатамъ взять ружья „на изготовку“, Посажной заявилъ, что если послѣ двукратной команды Драмповъ не укажетъ мѣста нахожденія спрятанныхъ патроновъ, то за третьей командой будетъ казненъ. Не получивъ (весьма естественно) желаемаго отвѣта, корнетъ развязалъ его, велѣлъ повалить на землю и бить; при этомъ пришелъ въ такое разъяренное состояніе, что началъ и самъ бить его ногами и шпорами. Закончивъ эту возмутительную процедуру, онъ приказалъ влить Дрампову въ ротъ водки и потащилъ свою жертву въ трактиръ, гдѣ продолжалъ свое глумленіе. Передъ тѣмъ, какъ отправить измученнаго Дрампова домой, онъ *взялъ съ него расписку, что никакого насилія надъ нимъ не производилось*“.

Съ этихъ поръ прошелъ годъ... Прошелъ тотъ самый годъ, въ теченіе котораго шло дѣло Ковалева, поглотившее, повидимому, все вниманіе военной юстиціи. Ковалевъ погибъ съ сознаніемъ, что его на этотъ разъ никто не защититъ отъ громкаго требованія правосудія, заявленнаго негодующимъ обществомъ... А о корнетѣ Посажномъ мы не слышимъ даже, чтобы онъ предсталъ предъ судомъ. По словамъ корреспондента, онъ „преблагополучно продолжаетъ службу въ полку“ и товарищи вѣроятно подаютъ ему руку, а начальство... Когда, послѣ долгой предварительной процедуры, дѣло стало приближаться къ судебной развязкѣ, то командиръ полка благо-

*) Цитирую изъ „Кіевскихъ Откликовъ“, 4-го мая 1905 г.

склонно разрѣшилъ свирѣпому корнету отпускъ, и дѣло опять затянулось. „Чѣмъ оно кончится, неизвѣстно, — заключаетъ корреспондентъ свое повѣствованіе, — какъ неизвѣстно и то, откуда вытекаетъ непонятная благосклонность командира".

Итакъ,—чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, генералъ Ковалевъ хуже корнета Посажного?.. Посажной, какъ и Ковалевъ, вызываетъ свою жертву обманомъ (который, вдобавокъ, у Посажного носитъ служебный характеръ: вызовъ къ командиру полка). Какъ и Ковалевъ, корнетъ Посажной употребляетъ для истязанія подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ, которые безсознательно играютъ роль палачей, только вдобавокъ корнетъ еще и лично становится палачомъ, принимая участіе въ самыхъ изысканныхъ мучительствахъ... Но въ то время, какъ Ковалевъ не предпринимаетъ ничего для скрытія своей расправы,— корнетъ Посажной прибѣгаетъ къ чисто приказной,—правда, очень наивной—уловкѣ, рисующей сразу и нравственный, и умственный уровень корнета по сравненію съ суровымъ изувѣрствомъ закаспійскаго генерала: онъ вымогаетъ у своей жертвы оправдательную расписку въ томъ, что его не истязали!..

И однако Ковалева успѣли судить, и, какъ бы то ни было, даже осудили, не смотря на заступничество генераловъ Куропаткина и Уссаковскаго. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія рѣшенъ пересмотръ заново всего процесса, Ковалевъ успѣваетъ уѣхать въ Читу и получаетъ приказъ вернуться, наконецъ онъ трагически кончаетъ всѣ эти счеты выстрѣломъ и смертью... А корнетъ Посажной „благополучно продолжаетъ службу въ полку"... Какой „несчастной случайностью" можетъ военная Ѳемида объяснить эту странность, и что̀ она можетъ отвѣтить на горькіе вопросы предсмертной апелляціи застрѣлившагося генерала?.. Отвѣчать передъ *закономъ*, поставленнымъ такъ высоко, что на его рѣшеніе не можетъ повліять никто, ниже генералиссимусы дѣйствующихъ армій,—это одно. Но генералу являться случайной жертвой якобы правосудія, которое *въ то же время* и *за болѣе тяжкій проступокъ* не въ состояніи настигнуть александропольскаго корнета,—это, вѣдь, дѣйствительно „горько, обидно до слезъ", потому что это—произволъ, усмотрѣніе, жертва общественному негодованію, уступка... Все, что̀ угодно, но только не правосудіе, которое равно для всѣхъ и должно считаться лишь съ закономъ.

III.

Со времени дѣла Сташевскаго, убившаго журналиста Сморгунера за исполненіе послѣднимъ своихъ гражданскихъ обязанностей (и отдѣлавшагося, сказать кстати, совершенными

пустяками) — я привыкъ обращать вниманіе на дѣла этого рода, далеко не полно оглашаемыя въ газетахъ, и теперь въ моемъ распоряженіи находится ужасающій мартирологъ, отмѣченный все тою же исключительностью военныхъ взглядовъ на значеніе профессіональной чести, тѣмъ же презрѣніемъ къ личности и жизни русскаго невоеннаго человѣка и такъ же обагренный кровью... Перечислить полностью весь этотъ длинный рядъ насилій въ небольшой замѣткѣ нѣтъ никакой возможности, и потому, чтобы не быть голословнымъ, я приведу лишь случаи, относящіеся къ двумъ мѣсяцамъ, располагая ихъ въ простой хронологической послѣдовательности.

Апрѣль. Изъ Красноярска пишутъ „Праву“: „На вокзалѣ, въ комнатахъ I и II класса, публика, являющаяся будто бы „интеллигентной“, держитъ себя непозволительно. Преимущественно это желѣзнодорожные саврасы, проѣзжіе и мѣстные *субъекты, бряцающіе оружіемъ*. Помимо шума, громкихъ окриковъ, насмѣшекъ, неприличныхъ выраженій *по адресу дамъ* и вообще лицъ, почему-либо не нравящихся этимъ оболтусамъ (я цитирую точно), послѣдніе злоупотребляютъ еще оружіемъ: вынимаютъ револьверы, дѣлаютъ видъ, что хотятъ стрѣлять, потрясаютъ саблями. На дняхъ такой еще юный пижонъ, упившись до бѣлыхъ слоновъ, вообразилъ, что находится на передовыхъ позиціяхъ въ Манчжуріи и пустился шашкой рубить цвѣты и посуду, находившіеся на общемъ столѣ“ *).

12 апрѣля въ 4 часа дня, въ Томскѣ, въ Кривомъ переулкѣ, два офицера публично избивали извозчика, а съ нимъ, кстати, и сѣдока. Послѣдній кричалъ: „есть ли тутъ студенты, заступитесь!“ На помощь избиваемымъ явилась публика, а къ офицерамъ присоединился третій товарищъ, который, во время составленія протокола, въ обращеніи избиваемаго къ студентамъ усматривалъ призывъ къ бунту... **).

22 апрѣля въ Твери былъ произведенъ ускоренный выпускъ юнкеровъ тверского юнкерскаго кавалерійскаго училища. По обычаю, окончившіе военное воспитаніе молодые люди отправились „вспрыснуть“ новые мундиры въ общественный садъ, въ ресторанъ, называемый „Кукушкой“. Начались эти „вспрыски“ съ того, что изъ верхняго зала этого публичнаго мѣста были изгнаны „штатскіе“... „Ты зачѣмъ, шпакъ? Убирайся по добру, по здорову!“—такъ обращались эти „воспитанные“ молодые люди къ совершенно имъ незнакомымъ лицамъ гражданскаго состоянія. Затѣмъ, съ отвоеваннаго та-

*) Цит. изъ „Нижегор. Листка“, 9 апрѣля 1905 г., № 94.
**) „Сибирскій Вѣстн.“ Цит. изъ „Нижегор. Листка“, № 115.

кимъ образомъ верхняго этажа посыпались вызовы, обращенные уже ко всей находившейся внизу публикѣ, при чемъ храбрая молодежь требовала „подать имъ на расправу хоть одного (!) студента“. Наконецъ, разгоряченные виномъ, юноши сошли въ садъ и очень скоро, „обнаживъ шашки, бросились на публику“, очевидно, вынеся изъ своего учебнаго заведенія огульное представленіе обо всемъ невоенномъ обществѣ и народѣ, какъ о врагахъ, подлежащихъ искорененію. „На меня (писалъ корреспонденту „Новостей“ одинъ изъ очевидцевъ, присяжный повѣренный Ч.) наскочили двое съ обнаженными шашками, но я отбился палкой. Слышалъ 4—5 револьверныхъ выстрѣловъ“. Одинъ изъ „почетныхъ жителей“ гор. Твери разсказывалъ тому же корреспонденту: „Около 11 час. вечера я встрѣтилъ близъ почты большую толпу народа, которая бѣжала отъ офицеровъ... Въ концѣ Милліонной улицы вскорѣ показалась толпа офицеровъ, и вся публика, скрываясь отъ нихъ, бросилась въ почтовую контору, откуда долго никто не рѣшался выходить“... Такимъ образомъ, военныя дѣйствія были перенесены на улицу. Между тѣмъ, „изъ сада двое были отправлены въ больницу (съ разсѣченными ранами). Получившіе менѣе значительныя раны разъѣхались по домамъ“. На другой день въ юнкерскомъ училищѣ выплачивали контрибуцію пострадавшимъ за испорченное платье, а инымъ и за раны (такъ, одинъ изъ писцовъ получилъ 62 рубля за разсѣченную руку и пальто). „Дѣлу данъ законный ходъ“ *). Но какое разбирательство (если оно и состоится, что, однако, сомнительно) покроетъ тотъ фактъ, что военная молодежь, только что сошедшая со школьной скамьи, первый пылъ своихъ „юныхъ увлеченій“ направляетъ, безъ всякаго даже разбора, на истребленіе своихъ безоружныхъ согражданъ? И такъ они начинаютъ свою карьеру!.. Каково же будетъ продолженіе?.. При правильномъ взглядѣ на дѣла этого рода, у этихъ юношей слѣдовало отнять оружіе немедленно и навсегда, такъ какъ они обнаружили сразу, что изъ своего учебнаго заведенія не вынесли самыхъ элементарныхъ понятій о томъ, что такое оружіе, для чего народъ снабжаетъ имъ свою армію, и въ какихъ случаяхъ обнаженіе сабли должно считаться однимъ изъ тягчайшихъ преступленій даже съ профессіональной точки зрѣнія...

24 апрѣля опять въ Томскѣ офицеръ Червяковскій, подозвавъ извозчика, сталъ грозить, что „разобьетъ ему морду“, если, подъѣзжая, онъ брызнетъ на него грязью. Испуганный

*) „Новости“. Цит. по „Кіевскимъ Откл.“, 9 мая, № 127.

извозчикъ предпочелъ вовсе не подавать лошадей такому грозному сѣдоку. Тогда Червяковскій кинулся въ пролетку, сталъ бить извозчика по головѣ и затѣмъ обнажилъ шашку. Къ счастью, извозчикъ успѣлъ соскочить съ пролетки. Возмущенная публика обезоружила буяна и потребовала составленія протокола въ участкѣ. Часа черезъ 2 или 3 тотъ же Червяковскій появился на Нечаевской улицѣ (у извозчичьей биржи) съ цѣлымъ взводомъ солдатъ. Извозчики въ паникѣ бросились въ разныя стороны, а Червяковскій, „давъ команду стрѣлять“ (которую солдаты, очевидно, не исполнили?), послалъ взводъ въ погоню за бѣглецами. Когда же на шумъ изъ сосѣдняго двора выбѣжали маленькіе гимназисты, то озвѣрѣвшій офицеръ приказалъ: „бей ихъ прикладами!“ Къ счастію, вскорѣ подоспѣли другіе военные, и Червяковскій, который взялъ изъ казармы солдатъ безъ разрѣшенія коменданта (и солдаты послѣдовали за безумцемъ!), былъ арестованъ. „Будетъ ли дѣлу данъ законный ходъ“ — корреспонденту неизвѣстно... *)

24-го же апрѣля въ другомъ концѣ Россіи, а именно въ г. Новороссійскѣ, казачій хорунжій Еглевскій произвелъ цѣлый погромъ, едва не кончившійся кровавымъ столкновеніемъ толпы съ войсками. Напившись пьянымъ, этотъ вояка вышелъ вооруженный на улицу, съ двумя казаками, и сталъ избивать людей, попадавшихся на-встрѣчу. Сначала онъ ни за что ни про что ударилъ школьнаго сторожа Шпаковскаго, потомъ „съѣздилъ по уху“ проходящаго армянина, затѣмъ далъ пощечину рабочему Медвѣдеву. Когда товарищи послѣдняго сдѣлали попытку заступиться, то Еглевскій скомандовалъ сопровождавшимъ его казакамъ: „шашки вонъ!“ И тѣ, какъ безсмысленныя машины, безъ проблеска сознанія, безъ признаковъ пониманія того, что такое служба, и что преступленіе—исполнили дикую команду, а самъ Еглевскій выхватилъ револьверъ и сталъ стрѣлять, при чемъ ранилъ въ плечо дѣвочку Татьяну Сухорукову. Послѣ этого его видѣли въ другихъ мѣстахъ, и всюду онъ производилъ буйства, и всюду, какъ автоматъ, за нимъ слѣдовалъ казакъ, безсмысленно, по приказу размахивавшій шашкой (другой, повидимому, скрылся). На шумъ и выстрѣлы сбѣжалась толпа, и дѣло стало принимать серьезный оборотъ. Тогда Еглевскій скрылся въ постояломъ дворѣ Шумахера, а толпа, все возроставшая и страшно возбужденная, запрудила всю улицу. Ждали, очевидно, нападенія на постоялый дворъ и самосуда:

---

*) „Сибирскій Вѣстн.“. Цит. изъ „Нижегор. Листка“, № 115.

была вызвана полиція, жандармы и, наконецъ, войска. Къ счастію, до кровавыхъ столкновеній дѣло не дошло. Приставу и жандармскому офицеру удалось проникнуть въ постоялый дворъ и увести Еглевскаго заднимъ ходомъ. При этомъ оказалось, однако, что, даже находясь въ осадѣ, хорунжій Еглевскій успѣлъ избить давшаго ему пріютъ Шумахера. Волненіе въ обществѣ и народѣ было такъ сильно, что для успокоенія города начальство сочло нужнымъ расклеить по улицамъ объявленіе: „По дѣлу о произведенныхъ хорунжимъ Еглевскимъ на Цемесской улицѣ выстрѣлахъ, исправляющій должность губернатора лично производитъ дознаніе“ *).

Вообще *24 апрѣля* (1905 г.) является какимъ-то роковымъ: въ тотъ же день, въ Петербургѣ штабсъ-капитанъ Сквиро (на этотъ разъ отставной), замѣтивъ на вокзалѣ Московско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги еврея Винника съ Георгіевскимъ крестомъ, подошелъ къ нему и спросилъ, за что онъ получилъ этотъ крестъ? Винникъ отвѣтилъ, что получилъ его за отличіе при взятіи крѣпости Таку. Тогда Сквиро внезапно схватилъ съ груди Винника крестъ и бросилъ его на платформу, а самъ скрылся столь поспѣшно, что возмущенная презрѣнной выходкой публика не успѣла задержать трусливаго наглеца. На глазахъ у Винника были слезы. Публика наперерывъ выражала ему сочувствіе **).

Въ самомъ концѣ *апрѣля* или въ началѣ *мая* компанія частныхъ лицъ, прохаживаясь въ Николаевѣ по Соборной улицѣ, вела оживленную бесѣду, при чемъ одинъ, жестикулируя, нечаянно задѣлъ одного изъ двухъ проходившихъ мимо офицеровъ. Задѣвшій, на замѣчаніе офицера, снялъ шляпу и извинился. Офицеръ (Яковлевъ) не удовлетворился даже вторичнымъ извиненіемъ и сталъ говорить грубости по адресу всей компаніи, а затѣмъ даже наступать съ хлыстомъ, грозя что-то „показать жидамъ“, которыхъ, впрочемъ, по словамъ корреспондента, въ собравшейся на шумъ толпѣ было очень мало. Яковлевъ толкнулъ г-на Р. такъ, что тотъ едва устоялъ на ногахъ, а его товарищъ Потаповъ ударилъ г-на Р. сзади по головѣ. Затѣмъ были опять пущены въ ходъ обнаженныя шашки, при чемъ г-нъ Р., схватившись за лезвіе, поранилъ себѣ руки. Офицеры приказывали городовому арестовать г-на Р., но толпа свидѣтелей происшествія настояла на препро-

---

*) „Русское Слово“ (цит. изъ „Южнаго Об.“ 29 апр.), „Черном. Побережье“ 29 апр., № 667, „Нижегор. Лист.“, № 115.

**) „Южн. Обозрѣніе“, 15 мая, № 2833.

вожденіи въ участокъ для составленія протокола и самихъ развоевавшихся офицеровъ *).

5 мая въ городѣ Екатеринославѣ на пароходѣ между пьянымъ офицеромъ Петровымъ и помѣщикомъ Грековымъ произошла ссора, по разсказамъ очевидцевъ, изъ-за того, что Петровъ приставалъ къ дамѣ, сидѣвшей вмѣстѣ съ Грековымъ. Послѣдній попросилъ офицера вести себя приличнѣе, а офицеръ, увидѣвъ въ этомъ напоминаніи оскорбленіе мундира, ударилъ Грекова и затѣмъ обнажилъ шашку. Тогда Грековъ выхватилъ револьверъ и... убилъ Петрова почти наповалъ. Суду предстоитъ рѣшить, въ какой степени это вызывалось необходимостью самообороны, но, при описанныхъ обстоятельствахъ, въ рѣшеніи суда сомнѣваться трудно **).

15 мая въ селѣ Лоцманской Каменкѣ (Екатериносл. губ.), офицеръ лейбъ-гвардіи гренадерскаго Екатеринославскаго полка, въ нетрезвомъ видѣ, ворвался въ неуказанное время въ пивную и потребовалъ пива. Когда хозяинъ, Драганъ, отвѣтилъ, что въ такой ранній часъ онъ по закону не въ правѣ отпустить пива, то офицеръ, обнаживъ шашку, приставилъ ее къ носу Драгана, а затѣмъ нанесъ ударъ по плечу. День былъ базарный, и къ мѣсту происшествія быстро собралась толпа, состоявшая преимущественно изъ крестьянъ. Одного изъ нихъ (Омельченко) храбрый воинъ укололъ шашкой въ плечо. Тогда, очевидно мало обращая вниманія на неприкосновенность мундира, въ который былъ облеченъ пьяный буянъ, крестьяне быстро его обезоружили, сдѣлавъ, такимъ образомъ, безопаснымъ ***).

24 мая, въ 2 часа пополудни, по главной улицѣ города Ченстохова („Аллеямъ"), служащей мѣстомъ гулянья, проѣзжалъ *верхомъ по пѣшеходной части улицы* офицеръ 42-го драгунскаго Митавскаго полка, Познякъ. На замѣчаніе одного изъ публики,—что эта часть „Аллеи" назначена только для пѣшеходовъ, — офицеръ отвѣтилъ ударомъ кулака въ лицо. Полицейскій *побоялся* составить протоколъ и сталъ энергично приглашать возмущенную публику расходиться ****).

IV.

Все изложенное представляетъ, безъ сомнѣнія, лишь слабое отраженіе того, что совершается въ дѣйствительности. Я взялъ

*) „Од. Новости". (Цит. изъ „Нижег. Листка", № 118, отъ 6 мая).
**) „Вѣстникъ Юга". Цит. изъ „Нижегор. Листка", № 124, 12 мая.
***) „Нижег. Листокъ", 23 мая 1905, № 135.
****) „С. Отеч.", 28 мая 1905, № 87.

лишь факты, оглашенные за два послѣднихъ мѣсяца *), но я, конечно, не исчерпалъ всего, что появилось за это время въ газетахъ, а газеты не печатали всего, что имѣло мѣсто въ жизни. При этомъ я нарочно устранилъ всѣ случаи, гдѣ гг. военные выступаютъ въ роли усмирителей всевозможныхъ замѣшательствъ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ явленіе усложняется наличностью страстей и увлеченій другого порядка. Легко понять, въ какой мѣрѣ злоупотребленіе оружіемъ въ этихъ случаяхъ превосходитъ обычные пріемы „мирнаго времени“. Я вѣроятно еще вернусь къ этому предмету, а пока въ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло съ обычными, будничными отношеніями военной среды къ обывателямъ. Военные люди являются здѣсь въ роли такихъ же обывателей, нанимающихъ извозчиковъ, проходящихъ по улицамъ, заходящихъ на почты, въ увеселительные сады или рестораны. И вотъ какъ легко всѣ эти мирныя дѣйствія заканчиваются обнаженіемъ оружія и ранами, а иногда и смертью...

Нигдѣ уже въ Европѣ (за исключеніемъ, можетъ быть, Турціи) нѣтъ такихъ нравовъ и такой ихъ безнаказанности. Когда происходитъ что-нибудь подобное въ парламентскихъ странахъ, то это подаетъ поводъ къ огромному общественному движенію. Два случая такой расправы съ гражданами изъ-за мундирной чести въ Германіи доставили много непріятныхъ минутъ министрамъ, которымъ пришлось оправдываться и выслушивать очень суровыя рѣчи Бебелей и Рихтеровъ. Если бы хоть что-нибудь подобное произошло въ Англіи,—это могло бы поколебать министерство, вызвало бы парламентское слѣдствіе и пересмотръ всего военнаго быта. У насъ десять оглашенныхъ случаевъ **) въ два только мѣсяца не обращаютъ особеннаго вниманія тѣхъ, на чьей обязанности лежало бы прекращеніе систематическихъ правонарушеній, и военное правосудіе довольно спокойно взираетъ на подвиги всѣхъ этихъ Васичей и Посажныхъ, Червяковскихъ, Еглевскихъ, Яковлевыхъ, Потаповыхъ и имъ подобныхъ, прилагая лишь старанія по возможности оттянуть судъ, ограничить предѣлы его разсмотрѣнія и смягчить приговоры ***).

---

*) Статья писалась въ началѣ іюня 1905 г. и назначалась для „Русск. Богатства“.

**) А сколько не оглашенныхъ! Вѣдь дѣло Посажного оглашено только черезъ годъ!

***) Въ 1896 году на зап.-сибирской ж. д. корнетъ Карповъ выстрѣломъ изъ револьвера въ спину убилъ наповалъ инженера Курмана, который шелъ къ начальнику желѣзнодорожной станціи заявить о скандальномъ поведеніи Карпова въ вагонѣ (Карповъ оскорблялъ пассажирокъ). Общество было страшно возмущено этимъ наглымъ убійствомъ, при которомъ

И никому, какъ будто, не приходитъ въ голову, что это все растущее на почвѣ безнаказанности явленіе деморализуетъ армію, понижаетъ ея нравственный уровень и принимаетъ, наконецъ, размѣры грознаго общественнаго явленія. Искать правосудія?.. Но вѣдь жалобы приходится адресовать прежде всего такимъ же военнымъ, которые сами „были молоды“ и съ доброй улыбкой снисходительныхъ дядюшекъ вспоминаютъ собственныя милыя продѣлки надъ безоружными „шпаками“, т. е. надъ людьми изъ русскаго общества и народа, который своимъ трудомъ содержитъ самую армію.

Вотъ наудачу классическій примѣръ, какъ иной разъ встрѣчаются эти законныя жалобы. Въ 1900 году г. Тулушевъ, житель города Кирсанова (Тамбовской губ.), проходя въ циркѣ къ своему мѣсту, нечаянно тронулъ палкой трость офицера Тихонова. Послѣдній осыпалъ его за это *грубыми оскорбленіями, при чемъ размахивалъ тростью надъ головой Тулушева.* Тулушевъ принесъ на это жалобу начальнику 5 кадра кавалерійскаго запаса, г-ну Туганову. Фактъ былъ на лицо, отрицать его было невозможно. И вотъ—оффиціальный отвѣтъ Туганова (№ 1642):

„По подробномъ разслѣдованіи дѣла по вашей жалобѣ на шт.-ротмистра ввѣреннаго мнѣ кадра, Тихонова, препровожденной мнѣ городскимъ судьей города Кирсанова при отношеніи отъ 12 августа сего 1900 года, за № 1083, выяснена *обоюдная обида:* со стороны вашей тѣмъ, что вы *толкнули своей палкой кончикъ трости* (sic) шт.-ротмистра Тихонова, а со стороны шт.-ротмистра Тихонова тѣмъ, что онъ при разговорѣ съ вами *махалъ палкой и употреблялъ бранныя слова,* — почему дѣло оставлено мною *безъ послѣдствій...*“ („Русскія Вѣд.“, 12 сентября 1900 года, № 254).

Признаюсь, я сильно затруднился бы отвѣтить на вопросъ генерала Ковалева: *хуже ли* его поступокъ съ Забусовымъ этого оффиціальнаго отвѣта, беззастѣнчиво приравнивающаго личность штатскаго русскаго гражданина къ... кончику трости военнаго!

И при такихъ-то условіяхъ, когда чуть не каждая недѣля приноситъ русскому обществу нѣсколько извѣстій объ оскорбленіяхъ, насиліяхъ, иной разъ убійствахъ беззащитныхъ гражданъ — каждый отдѣльный случай безпричиннаго оскор-

---

не было ни одного смягчающаго обстоятельства. Приговоръ *военнаго суда*, уже и самъ по себѣ мягкій (ссылка въ Иркутскую губ. на нѣсколько лѣтъ съ исключеніемъ со службы), замѣненъ заключеніемъ въ крѣпости, послѣ чего Карповъ „благополучно“ вернулся къ продолженію столь достойно начатой служебной карьеры...

бленія офицера вызываетъ цѣлую бурю. За нѣсколько лѣтъ мы знаемъ лишь четыре такихъ случая. Въ одномъ изъ нихъ полу-невмѣняемый субъектъ ударилъ молодого офицера (Кублицкаго-Піотуха). Тотъ *не убилъ его*, и потому самъ покончилъ съ собой, отдавъ молодую жизнь въ жертву Молоху „мундирной чести...“ И по этому поводу М. И. Драгомировъ, авторитетный писатель по вопросамъ военнаго быта, не нашелъ ничего другого сказать своимъ младшимъ товарищамъ, кромѣ изумительнаго совѣта, — чтобы „малѣйшее (sic!) посягательство на оскорбленіе дѣйствіемъ вызывало мгновенное возмездіе оружіемъ, рефлекторное“... Въ подтвержденіе этого положенія кастовой этики М. И. Драгомировъ привлекаетъ соображенія о „несоотвѣтствіи законовъ съ требованіями жизни“, и даже вспоминаетъ о скрижаляхъ завѣта, которыя разбилъ Моисей въ своемъ гнѣвѣ на израильскій народъ!.. Престарѣлый генералъ и авторитетный военный писатель представляетъ себѣ, очевидно, всѣхъ военныхъ Моисеями въ праведномъ гнѣвѣ, а насъ, обыкновенныхъ гражданъ, безусловными грѣшниками. Въ виду этого онъ рекомендуетъ своимъ коллегамъ разбивать походя и тѣ небольшія скрижальцы отечественныхъ законовъ, которыя еще ограждаютъ хоть отчасти права невоенныхъ гражданъ на неприкосновенность личности и на гарантіи суда. Совѣтъ М. И. Драгомирова есть совѣтъ презирать законы отечества, упраздняющіе дикій принципъ кастоваго самосуда, и ставитъ личный судъ въ своемъ дѣлѣ выше этихъ законовъ... М. И. Драгомировъ при этихъ подстрекательствахъ забываетъ только, что привычка къ нѣкоторымъ рефлекторнымъ движеніямъ, съ одной стороны, разслабляетъ задерживательные и даже мыслительные центры, а съ другой—порождаетъ часто такіе же нежелательные и несдержанные отвѣтные рефлексы...

V.

И это въ послѣднее время сказывается все замѣтнѣе. Такъ какъ мы ограничили свою замѣтку матеріаломъ за два мѣсяца, то не станемъ перечислять всѣ случаи, когда толпа избивала прибѣгавшихъ къ оружію офицеровъ, рвала на нихъ погоны, отнимала и изламывала сабли (таковы парадоксальныя послѣдствія излишняго огражденія неприкосновенности „мундира“). Но и въ приведенныхъ нами выше эпизодахъ этотъ мотивъ постоянно сопровождаетъ происходящія столкновенія... „Возмущенная публика“, „сбѣжавшійся на шумъ народъ“, „прибѣжавшая съ базара толпа мужиковъ“ — всюду принимаетъ сторону безоружныхъ гражданъ. Въ Костромѣ

печатно провозглашается необходимость запасаться оружіемъ въ виду систематическихъ насилій со стороны офицеровъ; въ Екатеринославѣ Грековъ убиваетъ наповалъ оскорбившаго женщину и обнажившаго саблю офицера Петрова; наконецъ, въ случаѣ съ Еглевскимъ настроеніе толпы принимаетъ такой угрожающій характеръ, что требуетъ экстренныхъ мѣръ, и противъ негодующаго народа выдвигаются войска. И это, конечно, потому, что за пьяными и изступленными Еглевскими и общество, и народъ чувствуютъ не случайныя выходки отдѣльныхъ буяновъ, а признаки настроенія военной среды, привычку многихъ ея представителей безнаказанно топтать чужое достоинство и чужую честь... Самое объявленіе губернатора, извѣщавшаго населеніе о томъ, что онъ производитъ дознаніе *лично*,—указываетъ очень краснорѣчиво на недовѣріе къ безпристрастію военнаго правосудія, на которое съ такой горечью указываетъ (съ противоположной точки зрѣнія) и предсмертная апелляція несчастнаго Ковалева...

Генералъ Ковалевъ, несомнѣнно, является жертвой своей среды и ея нравовъ. По многимъ прежде бывшимъ примѣрамъ, онъ тоже имѣлъ полное основаніе считать себя Моисеемъ, безнаказанно разбивающимъ скрижали. Эта увѣренность на сей разъ его обманула: обычные пріемы кастоваго суда встрѣтились съ возростающимъ не по днямъ, а по часамъ правосознаніемъ русскаго общества. И въ отвѣтъ на приговоръ первой инстанціи раздался такой громъ единодушнаго негодованія и протеста, что... генералъ Ковалевъ остался одинокимъ...

Въ своемъ предсмертномъ письмѣ онъ говоритъ, что не раскаивается въ своемъ поступкѣ. Но не всегда онъ говорилъ такимъ образомъ. Еще недавно, послѣ тифлисскаго разбирательства, онъ помѣстилъ въ „Новомъ Времени“ письмо, въ которомъ звучитъ явная попытка смягчить подавляющее общественное негодованіе. Тамъ онъ говорилъ, между прочимъ: „Оспаривать справедливость нравственной оцѣнки моего преступленія я не могу, потому что самъ себя осуждаю и навѣрное гораздо строже, чѣмъ кто бы то ни было“ *).

Но если такъ,—то и послѣдствія очевидны: за виной и при томъ виной тяжкой, должна слѣдовать отвѣтственность, условія которой заранѣе и безлично установлены законами. Только этого и добивалось и общество, и печать въ дѣлѣ ген. Ковалева.

Онъ не захотѣлъ или просто не имѣлъ мужества принять

*) „Нов. Время“. Цит. изъ „Южн. Обозр.“, 19 января 1905 г., № 2724.

эту отвѣтственность въ условіяхъ, гарантирующихъ также и потерпѣвшую сторону. Онъ предпочелъ этому смерть...

Это его дѣло... Ни обществу, ни печати не въ чемъ упрекнуть себя. Могила ген. Ковалева говоритъ не объ излишней суровости общественнаго суда, а лишь о томъ, что на смѣну русской безсудности идетъ возростающее гражданское самосознаніе . . . . . .

VI.

Моя статья была уже закончена, когда газеты принесли новое потрясающее извѣстіе. 18 іюня офицеръ проходившаго черезъ Курскъ эшелона артиллеристовъ на неповиновеніе и грубость солдата отвѣтилъ смертельнымъ ударомъ шашки. А возмущенная этимъ толпа напала на вагонъ, въ которомъ заперся отстрѣливавшійся офицеръ, вывела оттуда сопровождавшую послѣдняго семью и зажгла вагонъ. Офицеръ погибъ.

Таковы первоначальныя извѣстія объ этой потрясающей трагедіи. Каковы бы ни были дальнѣйшія подробности, онѣ не въ состояніи измѣнить ея глубокаго основного значенія. „Рефлексіи“, такъ беззаботно рекомендуемыя генераломъ Драгомировымъ,—двусторонни, обоюдоостры и опасны...

Наконецъ, для отдыха отъ мрачныхъ впечатлѣній, мнѣ пріятно привести извѣстіе другого порядка. Газеты сообщаютъ, что „отъ имени многихъ офицеровъ гвардейскихъ и артиллерійскихъ полковъ послано ходатайство о разрѣшеніи собранія офицеровъ для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся положенія офицеровъ въ обществѣ“. Въ ходатайствѣ указывается, что офицеры сознаютъ свою оторванность и отчужденность... „Мы чувствуемъ себя словно въ завоеванной странѣ,—говорится въ ходатайствѣ,—и такое положеніе становится невыносимымъ“ („Р. Вѣд.“, цит. изъ „Черном. Побер.“, 22 іюня 1905 г.).

Исходъ ясенъ. Онъ въ признаніи, что военные должны стать гражданами своей страны, что законъ долженъ быть одинъ для всѣхъ, что профессіональная нравственность не можетъ стоять въ противорѣчіи съ началами, которыя признаны всѣмъ обществомъ... Только тогда исчезнетъ и отчужденность, и оторванность, и ковалевскія трагедіи, и курскіе ужасы, и многое, многое другое.

1905 г.

VII.

Кто виноватъ?

(Нѣсколько словъ „Русскому Инвалиду“ *).

I.

— Обратили ли вы вниманіе на два номера „Русскаго Инвалида“, въ которыхъ военный офиціозъ говоритъ о статьяхъ „Русскаго Богатства“?

Этотъ вопросъ мнѣ предложилъ одинъ изъ нашихъ читателей, бывшій военный, продолжающій интересоваться военными дѣлами и военной литературой.

Мнѣ пришлось отвѣтить, что, къ сожалѣнію, на эти номера мы какъ-то вниманія не обратили. Столько теперь „полемизируютъ“, и часто полемизируютъ въ такомъ тонѣ, что далеко не за всѣмъ услѣдишь, и далеко не за всѣмъ стоитъ слѣдить. Къ сожалѣнію, и въ военной прессѣ, которой подобала бы, повидимому, особая сдержанность выраженій, нерѣдко встрѣтишь „статьи“, ничѣмъ не отличающіяся отъ расхожей черносотенной печати. Есть, напримѣръ, журналъ „Военный Міръ“; въ этомъ журналѣ въ мартѣ мѣсяцѣ была напечатана замѣтка „Ритуальное убійство“, которая по рѣшительности заключеній, по литературности и по общему тону могла бы украсить страницы „Двуглаваго Орла“, издаваемаго въ Кіевѣ извѣстнымъ „студентомъ“ Голубевымъ. „Возмущенные горожане едва не произвели рѣзни евреевъ. И только благодаря стараніямъ бургомистра эта *справедливая месть* (курсивъ мой) не была приведена въ исполненіе“ *). Это говорится по поводу одного изъ „историческихъ“ эпизодовъ съ ритуальными убійствами, и напечатано это не въ уличномъ черносотенномъ листкѣ, а въ „Военномъ Мірѣ“. Такимъ образомъ, для этого военнаго органа ничего не разбирающій погромъ не есть гру-

*) Въ „Русскомъ Богатствѣ“ (мартъ 1912) была помѣщена статья г-на Ѳ. Кр. о книгѣ военнаго педагога В. Н. Кульчицкаго. „Русскій Инвалидъ“ взялъ подъ свою защиту взгляды г-на Кульчицкаго и счелъ возможнымъ коснуться также „прискорбныхъ столкновеній“ между военными и штатскими, которыя въ послѣдніе годы повторяются все чаще и наконецъ (уже въ 1914 г.) стали обращать тревожное вниманіе даже въ военныхъ сферахъ. „Русскій Инвалидъ“ обвинялъ во всемъ этомъ печать. Настоящая статья служитъ отвѣтомъ офиціозу военнаго вѣдомства и подводитъ итоги явленію, служившему темой предыдущихъ статей по этому предмету. (Позднѣйшее примѣчаніе В. К).

**) „Военный Міръ“, 1912, № 3.

бое проявленіе дикаго самосуда; а убійство озвѣрѣлой толпой женщинъ, стариковъ, дѣтей является осуществленіемъ „справедливой мести“. Понятно, какими полемическими перлами украшаютъ такіе авторы свои статьи по адресу инакомыслящихъ, и какъ мало поучительнаго можно найти въ такихъ „выступленіяхъ“...

Нашъ собесѣдникъ находилъ, однако, что „Русскій Инвалидъ“—не „Военный Міръ“, и что со статьями его по нашему адресу и обвиненіями, которыя онъ противъ насъ выдвигаетъ, ознакомиться не мѣшаетъ.

Мы ознакомились, и отсюда — эта нѣсколько запоздалая замѣтка.

Рѣчь въ „Р. Инвалидѣ“ *) идетъ о статьяхъ нашихъ сотрудниковъ: г-на Мстиславскаго („Помпонная идеологія“ и „Безъ евреевъ“) и г-на Ѳ. Кр. („Армейская дидактика“). Статей г-на Мстиславскаго мы пока касаться не будемъ. Читателямъ извѣстно, что по этому поводу мнѣ, какъ оффиціальному редактору „Русскаго Богатства“, придется въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вести „полемику“ въ судебныхъ инстанціяхъ. Еще недавно въ русской печати всѣхъ направленій было принято въ такихъ случаяхъ пріостанавливать полемику до судебнаго разбирательства. Но... не по одному только этому вопросу литературнаго поведенія мы, вѣроятно, разошлись бы съ нашими оппонентами изъ „Русскаго Инвалида“. Да и вопросъ по нынѣшнимъ временамъ слишкомъ ужъ „тонкій“.

Есть кое-что и погрубѣе, въ чемъ, повидимому, договориться было бы легче. Касаясь „Помпонной идеологіи“, авторъ полемики говоритъ, между прочимъ, что г. Мстиславскій „понадергалъ особеннымъ остроумнымъ, но не серьезнымъ образомъ *подлинныя* **) цитаты изъ статей „Русск. Инвалида“, „Развѣдчика“, „Вѣстника русской конницы“, изъ коихъ „совершенно искусственно создаетъ картину ничтожества военной среды“. Мы были бы очень огорчены, если бы кто-нибудь доказалъ, что нашъ сотрудникъ неправильно распорядился съ цитатами. Къ счастью, никто еще не попытался этого доказывать (и нашъ оппонентъ признаетъ цитаты „подлинными“). Но насъ радуетъ, что, повидимому, у насъ съ авторомъ изъ „Русскаго Инвалида“ есть хоть одна общая отправная точка: очевидно, и военный органъ признаетъ, что съ цитатами надо обращаться добросовѣстно, и что „жонглированіе фразой“ есть вещь предосудительная...

*) См. №№ 72 и 73.
**) Курсивъ мой. В. К.

Очень жаль только, что оффиціозная газета не считаетъ это правило обязательнымъ на своей собственной территоріи. Вотъ, напримѣръ, какъ ея авторъ передаетъ своимъ читателямъ мысли противника: онъ (г. Ѳ. Кр., авторъ статьи „Армейская дидактика“ въ мартовской книжкѣ „Р. Богатства“) „становится въ позу, извергаетъ изъ себя фонтанъ фразъ на тему о зависимости русскаго обывателя отъ „опричника-армейца“ и т. д. Намъ кажется, что если, вмѣсто того, чтобы привести точно слова противника, говорятъ объ его позѣ и о фонтанѣ, то это и есть „жонглированіе фразой“, въ которой „Р. Инвалидъ“ обвиняетъ другихъ. Еще хуже, когда чужія якобы слова неправильно ставятся въ ковычки. Ковычки всегда подчеркиваютъ „дословность“ цитируемаго, и читатели „Инвалида“, вѣроятно, удивятся, когда узнаютъ, что во всей статьѣ г. Ѳ. Кр. слова „опричники-армейцы“ не встрѣчаются ни разу, и никакихъ „фразъ о зависимости обывателя“ вообще нѣтъ. Авторъ идетъ еще далѣе: онъ приписываетъ г-ну Ѳ. Кр. „возмутительную картину, на подобіе той, которая представилась глазамъ кн. Серебрянаго, увидѣвшаго опричниковъ съ песьими головами“ и т. д. Итакъ, нашъ военный полемистъ сначала незамѣтнымъ образомъ втискиваетъ свое собственное выраженіе въ чужія ковычки, а потомъ приписываетъ противнику картину, которой въ разбираемой статьѣ тоже нѣтъ. Есть даже какъ разъ обратное: „Я имѣю основаніе думать, говоритъ г-нъ Ѳ. Кр., что *далеко не вся армія* проникнута такими представленіями о порядочности и чести, какія рекомендуетъ г. Кульчицкій и нѣкоторые военные воспитатели“. И дальше онъ приводитъ мнѣнія другихъ военныхъ, что „армія есть только часть цѣлаго, плоть отъ плоти, кость отъ костей своей націи“ *)... и т. п.

Какъ видите, авторъ не только не изображаетъ всю данную среду опричиной съ песьими головами, но, наоборотъ, старается защитить ее отъ огульнаго обвиненія въ тѣхъ взглядахъ, на которые нападаетъ. Полагаю, мы въ правѣ поэтому вернуть „Русскому Инвалиду“ упрекъ въ жонглированіи фразами, съ непріятнымъ прибавленіемъ, что даже и самыя фразы, которыми „жонглируютъ“ на его страницахъ, *не подлинныя*.

Есть, увы!—и другія, не болѣе изящныя черты этой оффиціозно-военной полемики, на которыхъ мы не станемъ останавливаться подробно. Вотъ, напримѣръ, взятыя наудачу фразы: „Съ ловкостью, какой позавидовалъ бы и всякій другой (?!) еврей“... Удивительно „тонкій“ и убійственный на-

*) То же подчеркивается и въ статьяхъ г-на Мстиславскаго.

мекъ, что г. Мстиславскій—еврей. Не значитъ ли это, однако, слишкомъ развязно утверждать болѣе того, чѣмъ знаешь? Правда, вопросъ для насъ довольно безразличенъ: участіе евреевъ мы ни мало не считаемъ предосудительнымъ, хотя бы это были и не Гурлянды, оказывающіе такія цѣнныя услуги оффизіозной „Россіи“. Къ сожалѣнію, однако, „Русскій Инвалидъ“ позволяетъ себѣ говорить больше (и даже безконечно больше) того, что знаетъ, и не въ столь безобидной области. Онъ говоритъ и говоритъ дважды (по поводу статей г-на Мстиславскаго) о какихъ-то таинственныхъ „заказахъ“ („хорошо исполненный заказъ“, „по тому же, вѣроятно, заказу“). Намекъ ясенъ: рѣчь, очевидно, идетъ о „еврейскихъ заказахъ“, иначе говоря—о литературной подкупности. Писать по такимъ побужденіямъ есть величайшая гнусность. Кто, дѣйствительно, способенъ этимъ возмущаться, тотъ прежде всего обращается съ такими обвиненіями осторожно и не позволитъ себѣ кидать грязные намеки вскользь, мимоходомъ, безъ основаній и доказательствъ... Кто дѣлаетъ это съ такимъ легкимъ сердцемъ, тотъ, очевидно, не способенъ чувствовать всю силу такого обвиненія. Сдержанность, пропорціональная серьезности обвиненія, обязательна для всякаго, кто хочетъ оставаться джентльмэномъ въ печати. Легкость, съ которой перекидывается такими полемическими аргументами уличная пресса, — едва ли приличествуетъ тону оффиціоза, и при томъ еще военнаго... Таково наше гражданское мнѣніе по этому вопросу литературной этики. „Рус. Инвалидъ“, повидимому, думаетъ иначе...

II.

Все это (вплоть до *неподлинныхъ* ковычекъ) довольно, какъ видитъ читатель, неопрятно. И если, всетаки, мы рѣшаемся вернуться къ статьѣ „Русскаго Инвалида“, то лишь потому, что нападеніе военнаго оффиціоза ставитъ по существу нѣкоторые вопросы изъ такой области, въ которой „гражданская точка зрѣнія“ сильно расходится съ точкой зрѣнія военной (впрочемъ, только даннаго момента и при данныхъ условіяхъ).

Рѣчь идетъ о книжкѣ г-на В. М. Кульчицкаго.

В. М. Кульчицкій, — человѣкъ, очевидно, военный, книга называется „Совѣты молодому офицеру“. Въ предисловіи ея сказано, что цѣль ея изданія — избавить молодыхъ офицеровъ отъ промаховъ и ошибокъ, какъ въ частной жизни, такъ и на службѣ, что тутъ собраны старыя, но вѣчно новыя истины и т. д. Дальнѣйшую ея характеристику читатель можетъ возобновить въ памяти по статьѣ г-на Ѳ. Кр. „Армейская дидактика“ („Русское Богатство“, мартъ 1912 г.).

Книжка отчасти смѣшная. Съ этимъ какъ будто готовъ согласиться и защитникъ изъ „Русскаго Инвалида“. Онъ допускаетъ, что, „какъ всякіе совѣты, сводящіяся иногда къ нѣсколько смѣшнымъ „правиламъ хорошаго тона“, — брошюрка эта представила богатое поле для изощренія остроумія“... Допускаетъ даже, „что „Совѣты молодому офицеру“, дѣйствительно, заслужили, чтобы надъ ними посмѣялись“... Но затѣмъ авторъ спохватывается и заявляетъ, что это онъ допускаетъ лишь на секунду (*всякіе* совѣты этого рода нѣсколько смѣшны... *на секунду?*). Есть въ ней и сторона очень серьезная. „Наряду со смѣшными совѣтами въ родѣ указанія, что въ обществѣ не совсѣмъ прилично закладывать ногу на ногу, авторъ обличенія армейской дидактики выуживаетъ и „страшные“ совѣты, какъ поступать въ случаяхъ, когда офицеру приходится пускать въ ходъ оружіе. Необходимость оговорить и такой случай изъ жизни непредубѣжденному сознанію должна быть понятной. Стоитъ вспомнить гибель несчастнаго Піотухъ-Кублицкаго, заплатившаго жизнію именно за неумѣніе рѣшить этотъ вопросъ, въ результатѣ чего драма оскорбленнаго, но не отомщеннаго въ глазахъ современнаго общества (!) человѣка и самоубійство“. „*Сознанію автора* разбираемой статьи (говорится далѣе въ статьѣ „Русскаго Инвалида“) *такая простая логика вещей, повидимому, не подъ силу*“.

Никогда не слѣдуетъ выставлять своихъ противниковъ слишкомъ глупыми. Откуда авторъ взялъ, что г. Ѳ. Кр. возражаетъ противъ „необходимости говорить“ о тѣхъ случаяхъ, когда „офицеру приходится пускать въ ходъ оружіе“ не противъ нападающаго врага и даже не въ случаѣ открытаго возстанія,— а противъ безоружныхъ соотечественниковъ, въ личныхъ столкновеніяхъ, гдѣ офицеръ является и спорящей стороной, и судьей въ собственномъ дѣлѣ, и исполнителемъ смертной казни. Нѣтъ, говорить объ этомъ надо, и мы теперь не возвращались бы къ книжкѣ г. Кульчицкаго, если бы военный оффиціозъ *именно этого пункта не взялъ подъ свою „авторитетную“ защиту*...

Да, говорить нужно. Но — какъ и что говорить, въ этомъ именно заключается узелъ вопроса. Нашему сотруднику, г-ну Ѳ. Кр. показалось интереснымъ, что объ этомъ можно говорить печатно *такъ*, какъ говоритъ г. Кульчицкій, и что эта точка зрѣнія рекомендуется нѣкоторыми „педагогами“ военной молодежи чуть ли не какъ катехизисъ. А мнѣ теперь интересно, что оффиціозъ военнаго вѣдомства тоже пріобщается къ этимъ далеко не забавнымъ совѣтамъ „армейскаго дидакта“.

Да, на многое теперь точки зрѣнія оффиціально-военная и гражданская (порой тоже оффиціальная) радикально расходятся. Упоминая, напримѣръ, о драмѣ Піотуха-Кублицкаго, „Р. Инвалидъ“ совершенно напрасно упоминаетъ о взглядахъ „современнаго общества“. Случай этотъ еще памятенъ многимъ. Пьяный хулиганъ оскорбилъ офицера. Офицеръ *не убилъ его на мѣстѣ* и потомъ застрѣлился самъ именно оттого, что не убилъ. Такова эта драма Піотуха-Кублицкаго, по словамъ „Русскаго Инвалида“ — „оскорбленнаго, но не отомщеннаго *въ глазахъ современнаго общества*“ (курсивъ мой). Нѣтъ, что касается „современнаго общества“, то все оно, цѣликомъ, съ его культурой, съ его взглядами на законность и право, наконецъ съ его положительнымъ законодательствомъ — основано на отрицаніи самоуправной личной мести, особенно мести кровавой. Общество борется со всякимъ самоуправствомъ. Всѣ личные счеты между своими членами, служившіе въ сѣдыя времена предметомъ самосудовъ, оно взяло въ свои руки, отдавъ ихъ суду, дѣйствующему во имя верховной власти въ той или другой ея формѣ. Это аксіома, начертанная на первыхъ страницахъ всякой современно-общественной организаціи. Загляните въ нашъ „сводъ законовъ“, и вы найдете тамъ статьи, строго карающія тѣ же самые поступки, которые г. Кульчицкій съ такимъ легкимъ сердцемъ рекомендуетъ „молодымъ военнымъ“ среди правилъ хорошаго тона.

Я помню изъ временъ своего дѣтства офицера, который, въ царствованіе императора Николая I-го, былъ разжалованъ въ солдаты лишь за то, что, разгорячившись въ спорѣ съ обывателемъ, позволилъ себѣ до половины вынуть шашку изъ ноженъ. Вотъ какъ смотрѣла на эти дѣла военная юрисдикція суроваго Николаевскаго времени. Съ тѣхъ поръ въ военной средѣ произошли большія перемѣны во взглядахъ на этотъ вопросъ, но все остальное современное общество съ его гражданскимъ законодательствомъ только развивало дальше основную аксіому права. И если несчастный, повидимому глубоко-симпатичный юноша Піотухъ-Кублицкій погибъ трогательной жертвой, то эта жертва принесена не „взглядамъ современнаго общества“, а только взглядамъ современной военной среды, вѣрнѣе нѣкоторой ея части. Взгляды эти, чисто специфическіе, для насъ, остальныхъ членовъ общества, необязательны. Наоборотъ: и основныя начала всякаго общественнаго устройства, и даже прямыя статьи обязательныхъ для насъ законовъ предписываютъ намъ взглядъ прямо противуположный: кровавый самосудъ въ личномъ дѣлѣ есть дѣяніе, караемое и мнѣніемъ „современнаго общества“, и его законами...

Было бы интересно увидѣть юриста,— военнаго или штатскаго безразлично,— который взялся бы оспаривать это положеніе.

III.

Но... пусть. Мы знаемъ, что взгляды оффицально-военной этики давно отдѣлились въ этомъ вопросѣ отъ взглядовъ обще-гражданскихъ. И, конечно, не нашимъ слабымъ перьямъ остановить это раздѣленіе. Намъ кажется, однако, что и въ этомъ должны же быть извѣстные предѣлы, и что даже многіе изъ тѣхъ военныхъ, которые не раздѣляютъ нашей гражданской точки зрѣнія на вооруженный самосудъ, отвернутся, можетъ быть, даже съ негодованіемъ, отъ той постановки, какая придана вопросу нашимъ армейскимъ дидактомъ г-мъ Кульчицкимъ.

Бываютъ случаи, когда даже присяжные оправдываютъ прямое убійство. Это тогда, когда оно совершено подъ вліяніемъ аффекта: человѣкъ не могъ стерпѣть внезапнаго оскорбленія своей личной чести, или чести семейной... Онъ забываетъ все: святость человѣческой жизни и *собственную судьбу*.

Этотъ послѣдній моментъ (самозабвеніе, жертва своимъ будущимъ) облагораживалъ въ прежнія времена поединки. Они карались строго, иной разъ вплоть до разжалованія. Но люди не считались съ этими послѣдствіями изъ соображеній правильно или неправильно понятой чести. Человѣкъ рискуетъ жизнью,— естественно, что онъ не думаетъ объ испорченной карьерѣ. Въ порывѣ гнѣва онъ убиваетъ обидчика, но при этомъ онъ забываетъ и о своей разбитой жизни.

Честь мундира! Предполагалось, что это — мотивъ, всегда вызывающій въ военномъ аффектъ самозабвенія. При оскорбленіи личной чести онъ еще можетъ сдерживаться и регулировать свои поступки дуэльными правилами. Но при оскорбленіи мундира онъ испытываетъ такой внезапный приливъ бурнаго гнѣва, что забываетъ все: и отвѣтственность, и то, что передъ нимъ, вооруженнымъ, стоитъ человѣкъ безоружный, не могущій защищаться. А вѣдь такая побѣда всегда безславна...

Таковы были презумпціи. Теперь... Уже поединокъ по предписанію, по обязанности, съ разрѣшенія начальства сильно измѣняетъ психологическую картину дуэлей... Но все же тамъ остается (хотя и весьма незначительный) рискъ собственной жизнью. Въ случаѣ же убійства безоружнаго, убійства, *требуемаго* новѣйшимъ „кодексомъ военной чести“ и фактически почти безнаказаннаго, нѣтъ и этого мотива.

Тутъ уже всякая фикція неудержимаго аффекта исчезаетъ... Но вотъ является еще г. Кульчицкій и печатно доводитъ эту фикцію до такого крайняго логическаго и нравственнаго абсурда, что защита его оффиціальнымъ органомъ военнаго вѣдомства является прямо чѣмъ-то совершенно уже изумительнымъ и непонятнымъ.

Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, соотвѣтствующій „совѣтъ молодому офицеру“.

„Если, — говоритъ армейскій дидактъ, — обстоятельствами принужденъ прибѣгнуть къ силѣ оружія — полумѣръ не должно быть. *Бей наповалъ* (курсивъ мой) и непремѣнно съ одного раза. Даже за одно обнаженіе оружія отвѣтишь по суду. Бойся живого, а мертвый безвреденъ и на судѣ. Раненый и калѣка — ярмо. Онъ обвинитъ тебя на судѣ. Спасая себя отъ отвѣтственности (!), оклевещетъ, а ты, не доказавъ его лжи, хотя и правъ, погибъ или принужденъ содержать его всю жизнь (не убитаго тобою), вслѣдствіе рѣшенія экспертовъ и суда, какъ неспособнаго къ труду послѣ увѣчья“...

Можно ли болѣе опошлить предметъ, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ „дидактики“!.. Вмѣсто доводящаго до самозабвенія неудержимаго душевнаго порыва, заставляющаго забывать о святости чужой жизни, о нарушеніи законовъ божескихъ и человѣческихъ, вмѣсто „самоотверженной“ защиты чести мундира (допустимъ, что такъ),—однимъ словомъ, вмѣсто правильно или неправильно понимаемыхъ традицій стараго рыцарства, г. Кульчицкій вводитъ низменно-мѣщанскій, холодный, прозаическій разсчетъ. Разсчетъ сутяжническій и торгашескій. Бей своего штатскаго соотечественника непремѣнно на смерть. *Это тебѣ выгодно.* Выгодно юридически: ты устраняешь опаснаго свидѣтеля на судѣ... Убивъ безоружнаго, постарайся еще обезоружить и его память... И кромѣ того... есть тутъ еще и прямо денежный разсчетецъ: не придется тратиться на содержаніе изувѣченнаго тобой калѣки!..

Вотъ къ какимъ побужденіямъ сводитъ г. Кульчицкій вопросы рыцарства и чести! Вотъ какую мораль рекомендуютъ нѣкоторые педагоги военной молодежи, вступающей въ жизнь... И вотъ, наконецъ, что находитъ поддержку въ оффиціозномъ органѣ военнаго вѣдомства!..

Мнѣ хотѣлось бы думать, вмѣстѣ съ г-мъ Ѳ. Кр., что далеко не вся армія проникнута такими взглядами, и что во многихъ сердцахъ подъ военными мундирами шевельнется чувство возмущенія и брезгливости отъ этихъ меркантильно практическихъ разсчетовъ „армейскаго дидакта“.

Можетъ быть, даже въ нѣдрахъ самого „Русскаго Инва-

лида“ отыщутся люди, которые найдутъ, что защита такихъ „совѣтовъ“ на страницахъ военнаго органа должна быть названа по самой меньшей мѣрѣ прискорбнымъ недоразумѣніемъ?

Или это надежда слишкомъ смѣлая?

IV.

А пока „Инвалидъ“, не довольствуясь защитой, переходитъ въ нападеніе. И тотчасъ же опять маленькое „недоразумѣніе“. Авторъ увѣряетъ, будто нашъ сотрудникъ г-нъ Ѳ. Кр. „доказываетъ благосклонному читателю „Русскаго Богатства“, что *всѣ* (курсивъ мой) многочисленныя столкновенія офицера съ толпой—результатъ вычитанныхъ имъ дурныхъ совѣтовъ“...

Но вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, удивительно,—эта безпечная неряшливость, съ какой на страницахъ оффиціоза передаются чужія слова и мнѣнія. Никогда подобной глупости о *„всѣхъ* столкновеніяхъ“ нашъ сотрудникъ не говорилъ. Такъ позволяетъ себѣ нашъ оппонентъ передавать его фразу: *„Неизвѣстно*, читалъ ли поручикъ Кугатовъ *Совѣты молодому офицеру*“... Значитъ, во-первыхъ, рѣчь идетъ не о всѣхъ случаяхъ, а объ одномъ, и въ этомъ одномъ случаѣ... „неизвѣстно“... Передача, можно сказать, болѣе чѣмъ вольная, и даже не передача, а прямо передѣлка и извращеніе! И вслѣдъ за этимъ полемическимъ пріемомъ нашъ оппонентъ продолжаетъ съ той же безпечностью:

„Но если бы сознаніе автора (т. е. г-на Ѳ. Кр.) прояснилось хоть на минуту (sic!), онъ немедленно понялъ бы, что, наоборотъ, именно въ распространеніи статей, подобныхъ „Армейской дидактикѣ“ или „Помпонной идеологіи“, лежитъ огромный зарядъ отрицательной энергіи, которою авторы старательно заряжаютъ своихъ читателей. Неискреннимъ послѣ этого кажется удивленіе этихъ господъ, когда *внушенное ими* *) разрядится въ первомъ же уличномъ столкновеніи, гдѣ заранѣе всѣ шансы на мирный исходъ убиты ихъ же разсѣивающей пропагандой отрицательнаго отношенія къ арміи“.

Обвиненіе тяжеловѣсное, и еще въ недавніе годы такого (хотя бы и столь же неосновательнаго) утвержденія на страницахъ оффиціоза было бы достаточно, чтобы немедленно вызвать торопливую административную репрессію. Теперь мы, кажется, имѣемъ возможность со всей подобающей вѣжливостью спросить:

---

*) Курсивъ мой. В. К.

— Вы это утверждаете, господа? Хорошо. Готовы ли вы и доказать это?

Чтобы облегчить задачу, мы вамъ предлагаемъ слѣдующій пріемъ: мы процитируемъ наудачу оглашенные печатью случаи „прискорбныхъ столкновеній“, а вы будете любезны указать: въ чемъ именно тутъ усматривается вліяніе статей „Русскаго Богатства“?

Вотъ эпизоды, приводимые г-мъ Ѳ. Кр. Инцидентъ поручика Кугатова. Вы его помните: поручикъ Кугатовъ поселился нѣсколько неосторожно въ такомъ мѣстѣ, куда прежде городская молодежь ходила довольно безцеремонно. Его жена сидѣла на скамейкѣ. Молодой приказчикъ Поляковъ подошелъ къ ней съ грязнымъ предложеніемъ. Его арестовали.

Казалось бы—конецъ у мирового. Никакой чести мундира Поляковъ не оскорблялъ и даже не зналъ, къ кому подходитъ. И однако поручикъ Кугатовъ явился въ участокъ, приказалъ привести къ себѣ арестованнаго, изрубилъ его шашкой и изрѣшетилъ пулями на глазахъ у полицейскаго караула...

Случай достаточно „прискорбный“ даже съ чисто военной точки зрѣнія (стоитъ припомнить уставъ о караульной службѣ, не говоря о прочемъ). Но... мы спросимъ авторовъ „Русскаго Инвалида“, кто собственно здѣсь начитался статей „Русскаго Богатства“ до такой степени, что „всѣ шансы на мирный исходъ оказались заранѣе убитыми“?

Изрубленный Поляковъ?

Или изрубившій Кугатовъ?

Или городовые, почтительно созерцавшіе беззаконную расправу?..

Другой эпизодъ изъ той же области: въ Тифлисѣ идетъ вагонъ трамвая. Въ вагонѣ между другими пассажирами — почтенный штатскій старикъ, убѣленный сѣдинами, и два офицера. Офицеры курятъ. Штатскій напоминаетъ о правилѣ, воспрещающемъ курить въ трамваяхъ. Молодые люди зовутъ городового и... почтеннаго старца по ихъ (совершенно незаконному) приказу тащатъ въ участокъ „для выясненія личности“. Въ участкѣ оказывается, что неизвѣстный — членъ судебной палаты. Полиція получаетъ выговоръ, „молодые люди“ вынуждены *на сей разъ* извиниться.

Не думаетъ ли „Русскій Инвалидъ“, что этотъ финалъ послѣдовалъ благодаря тому, что въ Тифлисѣ не читаютъ „Русскаго Богатства“, а не потому, что неизвѣстный оказался „особой“?

Далѣе: вотъ факты, оглашенные въ послѣднее время газетной хроникой въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества.

Кіевъ. Ночью на 1 мая въ кафе-шантанъ „Аполло“ явились двѣ компаніи офицеровъ въ сопровожденіи дамъ. Тутъ была не одна зеленая военная молодежь. Газеты называютъ фамилію одного генерала, одного полковника генеральнаго штаба, и самъ герой столкновенія — подполковникъ (по другимъ извѣстіямъ полковникъ) по фамиліи Лиліе. Въ отдѣльный кабинетъ былъ вызванъ хоръ и піанистъ Штрейнбергъ. Кутили до утра. Въ 4 часа полковникъ Лиліе потребовалъ у піаниста, чтобы тотъ сыгралъ „Саратовскій маршъ“. Къ несчастію, піанистъ не умѣлъ играть Саратовскаго марша безъ нотъ. „Отвѣтъ этотъ, — эпически повѣствуетъ газетная хроника,—почему-то возмутилъ полковника Лиліе, и онъ, выхвативъ отточенную шашку, воткнулъ ее остріемъ въ голову піаниста, ниже праваго уха. Клинокъ вышелъ черезъ ротъ наружу, задѣвъ сонную артерію. Штрейнбергъ тутъ же скончался. Послѣ него осталась большая семья, безъ всякихъ средствъ существованія“ *).

Это—въ Кіевѣ, въ блестящемъ ресторанѣ. Теперь—глухой Аткарскъ, убогая пивная мѣщанина Сидорова. Въ ней—казачій офицеръ въ компаніи съ казакомъ. За прилавкомъ — жена Сидорова. Захмелѣвъ, казакъ и офицеръ потребовали, чтобы имъ привели женщинъ. Сидорова отказалась, пояснивъ, что она сводничествомъ не занимается. Офицеръ, при уплатѣ денегъ, безъ всякаго другого повода ударилъ ее по лицу. Поднялся крикъ. Прибѣжала невѣстка Сидоровой. Оба воина набросились на пришедшую и стали наносить ей побои кулаками и ногами. *Сбѣжалась толпа народу, но никто не рискнулъ заступиться за избиваемую.* Казаки спокойно ушли въ свои части, избитую увезли въ больницу **).

Оба случая—въ маѣ. А вотъ въ Срѣтенскѣ (Забайкальской области) 15 апрѣля,—случай еще болѣе яркій. „Одинъ изъ офицеровъ 16-го Восточнаго Сибирскаго стрѣлковаго полка съ компаніей отправился въ публичные дома. Обойдя четыре „заведенія“, компанія зашла въ пятое, гдѣ офицеръ... обнажилъ шашку и замахнулся на одного изъ служащихъ, но былъ во время обезоруженъ. Тогда офицеръ вызвалъ дежурную роту солдатъ и, отдавъ приказъ заряжать ружья, приступилъ къ осадѣ заведенія... Далѣе корреспондентъ описываетъ картину осады и взятія своеобразной крѣпости, которую мы повторять не станемъ. Корреспондентъ увѣряетъ (и до сихъ поръ это не опровергнуто), что „солдаты гонялись за

*) „Кіевская Мысль“, „Р. Слово“, „Рѣчь“ (8 мая), „Полт. Рѣчь“ и др.
**) „Рѣчь“, № 128, 12 мая 1912 г.

проституткамп, ловили ихъ и насиловали... съ разрѣшенія начальства... угрожая штыками“ *)...

Я не стану продолжать. „Русскій Инвалидъ“ повѣритъ мнѣ, что, подвигаясь вглубь недавняго прошлаго, я могу чуть не каждый мѣсяцъ отмѣтить двумя-тремя „хроническими“ замѣтками такого же рода изъ разныхъ мѣстъ: отъ столичныхъ улицъ, ресторановъ и площадей до дальнихъ городовъ и ливныхъ Сибири. Воздерживаюсь также отъ толкованій. Мы въ данномъ случаѣ не нападающая сторона, а только защищающаяся. Мы ждемъ, что „Русскій Инвалидъ“ укажетъ связь между статьями „Русскаго Богатства“ и участью несчастнаго Штрейнберга или избитой Сидоровой.

Нелѣпость обвиненія, съ которымъ выступилъ противъ насъ „Русскій Инвалидъ“, надѣюсь, очевидна.

Теперь мы позволимъ себѣ остановить вниманіе оффиціоза на одномъ очень громкомъ эпизодѣ недавняго времени. Дѣло происходитъ въ Уральскѣ. На полицмейстера Ливкина поступаетъ жалоба двухъ жителей, евреевъ,—полицмейстера Ливкина обвиняютъ во взяточничествѣ и вымогательствѣ. Положеніе, конечно, непріятное. Полицмейстеръ Ливкинъ служилъ до полиціи на военной службѣ. Вымогательство, несомнѣнно, маретъ мундиръ, но... служитъ ли мундиръ гарантіей, что вымогательствъ не было? Иначе: можно ли сказать, что обвиненіе человѣка, носившаго военный мундиръ, безпримѣрно и само по себѣ невѣроятно?

Конечно нѣтъ. Достаточно вспомнить многихъ интендантовъ, въ томъ числѣ изъ настоящихъ военныхъ. Почти параллельно съ „дѣломъ“ Ливкина шло нѣсколько дѣлъ, гдѣ военные обвинялись въ хищеніяхъ: командиръ 34-го казачьяго полка С. приговоренъ за растрату къ трехгодичному заключенію въ арестантскія отдѣленія съ лишеніемъ правъ **); командиръ миноносца капитанъ Гол — инъ растратилъ 3,155 рублей и приговоренъ военно-окружнымъ судомъ въ Севастополѣ къ исключенію со службы и заключенію въ крѣпости на 16 мѣсяцевъ. Тамъ же—поручикъ Ляшковъ; въ Вильно поручикъ Носовъ; въ Новочеркасскѣ ген.-маіоръ Тевяшевъ (присвоеніе казенныхъ денегъ и подлоги); шт.-кап. Янченко въ Харьковѣ, казначей Усть-Двинской крѣпостной артиллеріи г. Иванковичъ, — всѣ они доказали печальнымъ опытомъ, что военной средѣ свойственны тѣ же слабости, какъ и всякой другой. Не далѣе 7 марта нынѣшняго года особое присутствіе Спб. судебной палаты признало капитана Задарновскаго, помощника

*) „Рѣчь“, № 125, 4 мая 1912 г.
**) „Рѣчь“, 26 янв. 1912 г.

пристава, виновнымъ въ дѣяніяхъ, въ какихъ пытались жалобщики обвинить уральскаго Ливкина.

Предстояло слѣдствіе, судъ, можетъ быть, арестантскія роты. Былъ ли виновенъ капитанъ Ливкинъ въ томъ, въ чемъ его обвиняли? Теперь можно говорить лишь о вѣроятностяхъ. Мы полагаемъ, что, если бы онъ не былъ виновенъ, то принялъ бы всѣ мѣры, чтобы довести дѣло до суда, гдѣ постарался бы опровергнуть позорное обвиненіе. Онъ счелъ, однако, болѣе *выгоднымъ* поставить дѣло иначе. Онъ — военный. Значитъ—обвиненіе его задѣваетъ честь мундира. Онъ становится подъ защиту своего мундира, отправляется къ одному изъ жалобщиковъ и... убиваетъ его наповалъ. Потомъ ѣдетъ къ другому и тоже, „безъ полумѣръ“, кладетъ его на мѣстѣ... Такимъ образомъ, обвиненіе въ лихоимствѣ и вымогательствѣ онъ подмѣняетъ другимъ: убійствомъ въ запальчивости и раздраженіи, для... „защиты чести мундира“... Разсчетъ оказался, повидимому, правильнымъ, и теперь довольно трудно категорическое рѣшеніе вопроса: г-нъ ли Ливкинъ защищалъ честь мундира или фикція мундирной чести прикрыла вымогателя и лихоимца?

Чрезвычайно интересно, что когда одному свидѣтелю, *военному*, представитель гражданскаго иска задалъ вопросъ: какъ слѣдуетъ военному человѣку „реагировать“ на такія оффиціальныя, подаваемыя въ законномъ порядкѣ жалобы, то этотъ свидѣтель отвѣтилъ, повидимому, съ глубочайшимъ убѣжденіемъ:

— Реагировать надо оружіемъ...

Это—послѣдовательно: вымогательство — дѣяніе безчестное, позорящее и человѣка и, допустимъ, мундиръ. На оскорбленіе мундира надо „реагировать оружіемъ“. Вотъ два жалобщика и убиты...

Еще шагъ на пути этой послѣдовательности: показаніе свидѣтеля тоже можетъ быть оскорбительно: убить надо и свидѣтеля. Но больше всего, конечно, позоритъ приговоръ суда. Значитъ... При дальнѣйшемъ развитіи этихъ началъ гг. Ливкинымъ приходится убивать и судей?.. И все это будетъ считаться защитой военной чести? А не защитой преступленій?

Берегитесь, господа... Посмотрите, кто еще за гг. Ливкиными тянется къ этой очень „выгодной“ аргументаціи.

Въ Каменецъ-Подольскѣ въ мартѣ текущаго года разбирался процессъ полковника Мордвинова. Это—фигура почти фантастически уголовная, что-то въ родѣ Рокамболя въ военномъ мундирѣ. Онъ увлекъ молодую женщину и женился на

ней, предварительно потребовавъ, чтобы она сдѣлала завѣщаніе въ его пользу. Ослѣпленная любовью женщина исполнила это, но, когда у нея родилась дочь, а мужъ предсталъ въ настоящемъ его видѣ,—она стала подумывать о перемѣнѣ завѣщанія. Тогда полковникъ Мордвиновъ рѣшилъ убить ее, и шелъ къ этой цѣли до такой степени откровенно, что мѣстныя власти сочли необходимымъ приставить къ несчастной Мордвиновой особаго полицейскаго пристава для охраны. Но приставъ, по словамъ газетъ, „оказался трусомъ“: Мордвиновъ застрѣлилъ жену на его глазахъ, а онъ убѣжалъ при первомъ выстрѣлѣ.

Не торопитесь, господа. Не говорите, что я ставлю этого корыстнаго убійцу на счетъ всей русской арміи. Нѣтъ, наоборотъ: Мордвинова презирали и въ военной средѣ. За нѣкоторыя безчестныя продѣлки офицеры его полка не подавали ему руки. Начальникъ штаба 12-й дивизіи характеризовалъ его нахаломъ, лживымъ хвастуномъ и скандалистомъ. Но... было и другое къ нему отношеніе изъ той же военной среды. На судѣ сторону Мордвинова держалъ, между прочимъ, отставной полковникъ Марковъ, одесскій „союзникъ“, сподвижникъ знаменитаго ген. Каульбарса. Онъ разсказываетъ, что ген. Каульбарсъ считалъ Мордвинова истиннымъ патріотомъ, подарилъ ему карточку съ собственноручной надписью, а отрицательное къ нему отношеніе офицерства объяснялъ „революціоннымъ настроеніемъ“!!

Генералъ Каульбарсъ, конечно, — не армія, и я привожу эти свѣдѣнія, чтобы показать, какъ трудно охватить однимъ словомъ ея настроеніе. Интересенъ въ этомъ эпизодѣ не ген. Каульбарсъ, а то обстоятельство, что и полк. Мордвиновъ, послѣ совершенія убійства жены съ явно-корыстною цѣлью, счелъ возможнымъ, подобно Ливкину, потянуться подъ защиту „чести мундира“. На судѣ,—писали въ газетахъ,—онъ держится съ бахвальствомъ, кичится мундиромъ, говоритъ объ оскорбленіи чести... Землевладѣлецъ Павликовскій показалъ, что „всѣ свои скандалы Мордвиновъ объяснялъ защитой чести носимаго имъ мундира“. Надежда на этотъ аргументъ и при убійствѣ жены была въ немъ такъ сильна, что, по показанію полицейскаго стражника, уже арестованный, онъ обратился къ народу со словами: „Не поминайте лихомъ. Я скоро возвращусь и всѣхъ вознагражу“ *).

Мордвинову не удалось: каменецъ-подольскіе присяжные, разбиравшіе это дѣло, осудили его безъ всякихъ смягченій,

*) „Совр. Слово“ (4 марта). „Рѣчь“ (6 марта 1912 г.), № 64.

и его шумная карьера по заслугамъ закончится на каторгѣ. Но не страшно ли думать, что даже въ такомъ дѣлѣ, направляя револьверъ на беззащитную женщину, онъ могъ надѣяться, что его защититъ „честь мундира“?

Вы скажете: надежда безумная? Почему же? Силу этого аргумента онъ уже отчасти испыталъ на безнаказанности прежней своей „наглости и скандаловъ“, которые засвидѣтельствованы и начальникомъ штаба 12-й дивизіи, и землевладѣльцемъ Павликовскимъ. Это—во-первыхъ, а во-вторыхъ—полицмейстеру Ливкину удалось же замѣнить непріятное дѣло о вымогательствѣ (гражданскій судъ) гораздо болѣе „выгодной“ отвѣтственностью передъ судомъ кастовымъ за убійство двухъ человѣкъ во имя якобы чести мундира?..

Ливкинъ открыто стремился къ этому и достигъ. На судѣ жена его говорила прямо: мужъ объяснялъ ей убійство двухъ человѣкъ тѣмъ, что онъ *предпочитаетъ* лучше судиться за убійство, чѣмъ за вымогательство.

Чрезвычайно пріятное, въ высшей степени удобное право выбора самимъ преступникомъ предмета для судебнаго изслѣдованія!..

V.

Я хорошо понимаю, что всякому человѣку, носящему военный мундиръ, очень непріятно читать то и дѣло о такихъ „прискорбныхъ явленіяхъ“, порой съ комментаріями, хотя бы и самыми корректными, но уже не съ военной, а съ гражданской точки зрѣнія. Однако,—не можемъ же мы, „штатскіе“, рукоплескать, когда обязательное для насъ обращеніе къ суду замѣняется для господъ военныхъ неписаннымъ правомъ и даже „обязанностью“ стрѣлять или рубить насъ безъ всякаго суда, и когда гг. Кульчицкіе въ руководствахъ хорошаго военнаго тона совѣтуютъ бить насъ наповалъ, такъ какъ это гораздо „выгоднѣе“ съ разныхъ точекъ зрѣнія...

Ожидать этого было бы наивно. Но такъ же наивно объяснять возникающія отсюда чувства не самыми фактами, а ихъ оглашеніемъ въ печати, какъ это дѣлаютъ авторы „Русскаго Инвалида“. Неужели семья человѣка, убитаго при обстоятельствахъ, при какихъ убитъ городовой офицеромъ Вачнадзе, или семьи тѣхъ, кого переранили въ инцидентѣ братьевъ Коваленскихъ.., или ихъ родственники, знакомые, сосѣди, сторонніе свидѣтели, сбѣгающіеся на выстрѣлы и крики,—будь это въ столицѣ или въ отдаленномъ Аткарскѣ,—неужели всѣ они могутъ сочувствовать такой несомнѣнно беззаконной расправѣ, и русскаго обывателя приходится отучать отъ этого

сочувствія какими бы то ни было статьями газетъ и журналовъ...

Наконецъ, вѣдь эта все ростущая волна „прискорбныхъ столкновеній“ насчитываетъ уже не одну „земскую давность“... Началась она и все крѣпнетъ еще со временъ министра Ванновскаго; ея развитіе шло въ тѣ годы, когда подцензурная печать не имѣла возможности не только комментировать, но часто и оглашать такіе факты. И, однако, при этомъ безмолвіи то и дѣло вспыхивали столкновенія, обнажались шашки, гремѣли выстрѣлы, лилась кровь, и... собиралась толпа, которая не всегда вела себя такъ смирно, какъ въ Аткарскѣ... Порой на беззаконный самосудъ гг. офицеровъ она дѣйствительно отвѣчала своимъ столь же беззаконнымъ самосудомъ. Но собирали ее—тогда-то ужъ во всякомъ случаѣ—не статьи газетъ и журналовъ, а стоны, крики и выстрѣлы...

Конечно, причина этихъ явленій лежитъ глубоко, и объяснять ихъ *всѣ* „правилами“ г-на Кульчицкаго было бы такъ же наивно, какъ наивно винить въ этомъ гражданскую прессу. Для меня несомнѣнно, однако, что однимъ изъ условій, способствовавшихъ развитію зла—является русская безгласность, то обстоятельство, что военная среда слишкомъ ужъ долго оберегается отъ непрофессіональной критики, отъ очищающаго и укрѣпляющаго смѣха русской сатиры.

Такое огражденіе вредно для нравовъ оберегаемой среды, для ея самосознанія и для ея внутренней силы...

„Россія—такая чудная земля,—сказалъ когда-то Гоголь,—что если скажешь что-нибудь объ одномъ коллежскомъ асессорѣ, то всѣ коллежскіе асессора отъ Риги до Камчатки непремѣнно примутъ на свой счетъ. То же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ“. Когда геніальный сатирикъ еще въ сороковыхъ годахъ поставилъ своего „Ревизора“,—среди бюрократіи поднялось великое негодованіе и тревога. „Посягательство на основы общества“... И, однако, „Ревизоръ“ былъ поставленъ въ присутствіи императора Николая, несмотря на то, что этотъ государь чувствовалъ глубину и силу сатирическаго удара. Извѣстна его историческая фраза при выходѣ съ перваго представленія Гоголевской комедіи: „Досталось всѣмъ, а больше всѣхъ мнѣ“.

Еще въ тѣ времена (правда, съ колебаніями и возвратомъ репрессій) съ бюрократическаго міра снято волшебное „табу“. Чиновникъ сталъ доступенъ и критикѣ, и сатирѣ. Даже порой чиновникъ крупный, не только „коллежскій асессоръ“, но и „дѣйствительный статскій совѣтникъ“.

Среда военная до сихъ поръ остается неприкосновенной:

военный мундиръ не допускается на сцену, какъ священническая ряса. Это достигается соединенными усиліями драматической цензуры, администраціи съ ея чрезвычайными полномочіями и нерѣдко — прямыми выступленіями самихъ военныхъ. Доходитъ это порой до курьеза. Совсѣмъ недавно, въ гор. Гродно, на вечерѣ въ пользу Краснаго Креста, одинъ изъ артистовъ показывалъ, какъ танцуютъ: гимназистъ, студентъ, чиновникъ, старый штатскій генералъ... Всѣ смѣялись. Но вотъ, дошла очередь до стараго генерала военнаго званія. Можетъ ли старый военный танцовать нѣсколько смѣшно? Задѣваетъ это честь мундировъ тѣхъ полковъ, гдѣ онъ могъ служить въ своей молодости, когда, вѣроятно, танцовалъ гораздо лучше?.. Повидимому, нѣтъ. Но вотъ одинъ изъ присутствующихъ генераловъ въ негодованіи вскакиваетъ съ мѣста и командуетъ: „занавѣсъ!“, прибавляя разныя ходячія словечки о жидахъ и о прочемъ. Возмущенная публика (все читатели „Русскаго Богатства“?) покидаетъ залъ, вечеръ испорченъ, а на другой день корпусный командиръ выражаетъ генералу Ю—чу благодарность за то, что онъ „не далъ опорочить честь мундира“ *)! „Честь мундира“ требуетъ, значитъ, чтобы отставные генералы въ 80 лѣтъ танцовали съ рѣзвостью и граціей молодыхъ подпоручиковъ?

Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о легкомъ шаржѣ на любительскихъ подмосткахъ. Но и серьезной современной комедіи и драмѣ приходится съ чувствомъ зависти вспоминать о тѣхъ старыхъ временахъ, когда Александру Сергѣевичу Грибоѣдову было дозволено вывести на сцену своего браваго полковника, Сергѣя Сергѣевича Скалозуба. Можно ли отрицать, что это была злая сатира на нѣкоторыя стороны тогдашней армейской психологіи. „Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ, созвѣздіе маневровъ и мазурки!“

Невольно приходитъ къ голову: можно ли было бы въ наши дважды пореформенные дни вывести эту фигуру, служившую, какъ извѣстно, „въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ-пятомъ“. А если бы генію Грибоѣдова и удалось преодолѣть цензурныя рогатки,—то... не пришлось ли бы автору имѣть дѣло съ генераломъ Ю. или другими защитниками чести военнаго мундира? И еще,—какъ поступила бы съ нимъ военная молодежь, носящая мундиры 30-го егерскаго и 45-го полковъ?..

Наконецъ: какъ отнесся бы къ Грибоѣдову современный судъ, передъ которымъ то и дѣло приходится отвѣтствовать намъ, русскимъ писателямъ, дерзающимъ порой касаться

*) „Рѣчь“, 5 февраля 1912 г.

въ той или иной формѣ типовъ и нравовъ современной военной среды?

Но исторія литературы не говоритъ намъ ни о чемъ подобномъ по поводу Скалозуба. Тогдашняя армія не боялась сатиры. Военные рукоплескали въ партерѣ актеру, произносившему комическія реченія Скалозуба, а ранѣе сами списывали его характерные монологи... И это была александровская армія... Армія, недавно вернувшаяся изъ Парижа, покрытая всесвѣтною славой... Она не требовала неприкосновенности, она не боялась признать, что въ ея средѣ есть Скалозубы, что, какъ среда, она доступна человѣческимъ слабостямъ и смѣшному, хотя бы даже связанному съ военной профессіей. И это всего лучше защищало ее отъ отожествленія всей арміи съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Скалозубомъ...

Теперь современная намъ армія, имѣющая за собой рядъ тяжкихъ несчастій и пораженій, требующихъ глубочайшей вдумчивости и всесторонней критики,—остается все такъ же забронированной и неприкосновенной. И, къ сожалѣнію, тѣ элементы ея, которые особенно кидаются въ глаза, быть можетъ, закрывая своими шумными выступленіями и манифестаціями болѣе глубокія и серьезныя теченія, о которыхъ говоритъ и г. Ѳ. Кр., и г-нъ Мстиславскій,—успѣшно отстаиваютъ эту забронированность. И имъ не только удается проникать со своими притязаніями и взглядами на страницы смѣшныхъ „правилъ хорошаго тона“, но они находятъ защиту и на столбцахъ оффиціозовъ.

Это печально... И это зловѣще... Стоитъ въ самомъ дѣлѣ припомнить, что эта неприкосновенность нашей арміи длится много лѣтъ; начавшись задолго до нашихъ временъ, она сопровождала ее вплоть до мрачной трагедіи Ляо-Яна и Цусимы. И что же? прибавила ли она крѣпости стѣнамъ нашихъ фортовъ, непроницаемости бронѣ нашихъ судовъ, дальности полету нашихъ ядеръ, стойкости нашимъ батальонамъ, талантовъ и находчивости нашимъ полководцамъ?

И теперь печатные военные органы, которые должны бы призывать къ критикѣ и обновленію, вновь заводятъ ту же старую пѣсню, поддерживаютъ кастовыя привилегіи и предразсудки, защищаютъ нарушеніе законовъ и права, легкомысленно обвиняя гражданскую печать въ послѣдствіяхъ. Это, конечно, легче, чѣмъ бороться съ предразсудками и очищать нравы. Но не значитъ ли это бить въ сторону наименьшаго сопротивленія, отводя такимъ образомъ вниманіе отъ настоящихъ источниковъ зла...

1912.

МУЛТАНСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ.

I.

Къ отчету о мултанскомъ жертвоприношеніи.

(Письмо въ редакцію).

Два раза въ гор. Малмыжѣ и въ послѣднее время (1-го октября) въ гор. Елабугѣ, въ засѣданіяхъ отдѣленія сарапульскаго окружнаго суда выносится обвинительный приговоръ мултанскимъ вотякамъ, обвиняемымъ въ приношеніи языческимъ богамъ человѣческой жертвы. Если такимъ образомъ въ данномъ случаѣ истина является результатомъ судоговоренія, то мы должны признать слѣдующее. До настоящаго времени, т. е. до начала XX-го столѣтія христіанской эры, наше отечество одно только сохранило на европейскомъ континентѣ человѣческое жертвоприношеніе, соединенное съ каннибализмомъ (принятіе внутрь крови жертвы). Каждыя 40 лѣтъ, въ разныхъ мѣстахъ, въ шалашахъ, въ серединѣ или на задахъ вотскихъ селеній, ограниченнымъ числомъ лицъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру греко-россійскаго вѣроисповѣданія, убивается, послѣ продолжительныхъ мученій, человѣкъ, изъ котораго вынимаются сердце и легкія, отрѣзается голова, а трупъ, по возможности, съ полнымъ удостовѣреніемъ его личности и особенно вѣроисповѣданія, выносится на дорогу, гдѣ его могутъ замѣтить и предать землѣ непремѣнно по христіанскому обряду. Мы должны допустить все это, иначе мултанское убійство остается необъяснимымъ, загадочнымъ, а приговоръ—неправеднымъ осужденіемъ невинныхъ людей. Мы должны допустить это, хотя при этомъ допущеніи оказывается, что приблизительно черезъ каждыя 40 лѣтъ, и особенно послѣ какихъ-нибудь болѣзней, дороги вятскаго края должны быть усѣяны обезглавленными трупами жертвъ, съ опустошенной грудной полостью и страшными слѣдами каннибализма. Правда, изслѣдователи вотскаго быта не могутъ указать ничего подобнаго, а въ уголовной хроникѣ

подобную находку мы встрѣчаемъ еще первый разъ. Правда, представителю ученой экспертизы, допускавшему на судѣ возможность жертвоприношенія,—приходилось ссылаться не на факты, а на сказки и притомъ не вотскаго, а черемисскаго народа, который въ каннибализмѣ никѣмъ не обвинялся. Все это правда,—но мы обязуемся допустить все это, какъ фактъ, иначе придется признать, что судомъ два раза осуждены сошенно невинные!

Въ частности по отношенію къ этому дѣлу, намъ придется мириться съ еще болѣе трудными допущеніями. Село Мултанъ со всѣхъ сторонъ окружено русскими деревнями и является какъ бы островомъ среди чисто русскаго населенія. Дома села Мултана, въ свою очередь, окружаютъ сельскій храмъ, невдалекѣ отъ котораго расположена вотъ ужъ около 30 лѣтъ дѣйствующая церковно-приходская школа. И намъ приходится, однако, допустить, что въ полуторыхъ десяткахъ саженей отъ церкви и школы, въ ночь съ 4-го на 5-е мая 1892 года, въ шалашѣ вотяка Моисея Дмитріева висѣлъ подвѣшенный за ноги человѣкъ, котораго тыкали ножами, источая изъ него кровь (для принятія внутрь, какъ намекаетъ обвиненіе!). И въ этомъ принялъ якобы участіе солдатъ Тимоѳей Гавриловъ, три года служившій въ крѣпостной артиллеріи въ Динабургѣ *), и Вас. Кузнецовъ, церковный староста мултанскаго православнаго храма! И это было въ ту самую ночь, когда, опять въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ мѣста этого каннибальскаго жертвоприношенія, ночевалъ въ Мултанѣ становой приставъ Тимоѳеевъ. И затѣмъ трупъ, обернутый пологомъ, вывезенъ изъ села вслѣдъ за выѣхавшимъ приставомъ, въ 9 ч. утра, т. е. среди бѣлаго дня, въ маѣ мѣсяцѣ, т.-е. въ разгаръ полевыхъ работъ, провезенъ, опять-таки днемъ, среди работающаго народа, по землямъ русскихъ крестьянъ и положенъ на пѣшеходную тропу, безъ головы, но съ клокомъ волосъ въ грязи, съ посохомъ, съ крестомъ, съ удостовѣреніемъ личности. При этомъ его должны были, опять рискуя встрѣтить кого-нибудь среди бѣлаго дня, нести на рукахъ на разстояніи около полуверсты до мѣста, гдѣ его увидѣла спустя 1/2 часа послѣ этого проходившая мимо крестьянская дѣвочка!

Мы должны допустить все это, — иначе опять-таки придется признать, что два раза судомъ постановляется неправедный приговоръ, и что второй уже разъ осуждаются въ каторжныя работы невинные.

*) Тимоѳей Гавриловъ оправданъ въ Малмыжѣ, но всѣ обстоятельства его якобы участія въ дѣлѣ приводились всетаки въ елабужскомъ процессѣ.

Я сейчасъ только вернулся изъ Елабуги, гдѣ происходило судебное разбирательство. Послѣ суда я посѣтилъ Мултанъ, былъ на мрачной тропѣ, гдѣ нашли обезглавленный трупъ Матюнина, сдѣлалъ снимки тѣхъ мѣстъ, гдѣ совершилась таинственная и мрачная драма, входилъ въ шалашъ умершаго Моисея Дмитріева, гдѣ будто бы Матюнинъ висѣлъ на перекладинѣ и гдѣ изъ него источали кровь; я ходилъ по изрытому полу шалаша, гдѣ искали (напрасно) слѣдовъ его крови, и на полкѣ, въ углу шалаша отыскалъ запыленный образокъ Николая Святителя, который, если вѣрить обвиненію, глядѣлъ съ своего мѣста на каннибальскій обрядъ. Я еще весь охваченъ впечатлѣніемъ ужасной, таинственной, неразъяснимой драмы, я привезъ съ собой (раздѣляемое, надѣюсь, всѣми присутствовавшими на судѣ интеллигентными зрителями) тяжелое чувство, съ какимъ былъ выслушанъ обвинительный приговоръ,—и мнѣ хочется крикнуть: нѣтъ, этого не было! Нѣтъ, наше отечество свободно отъ каннибализма наканунѣ XX вѣка, нѣтъ, рядомъ съ христіанскими храмами не совершаются уже человѣческія жертвоприношенія!..

Но я понимаю, что истерическими криками тутъ не поможешь, поэтому предлагаю вниманію читателей прежде всего сухой матеріалъ для сужденія объ этомъ дѣлѣ. Какъ извѣстно, первый приговоръ по этому дѣлу кассированъ сенатомъ. Кассаціонная жалоба, поданная защитникомъ, основывалась на чрезвычайно вѣскихъ мотивахъ. Читая эту жалобу, изумляешься невѣроятно легкому отношенію, которое сарапульскія судебныя власти проявили къ этому дѣлу. На убійство съ цѣлью жертвоприношенія посмотрѣли, какъ на самое заурядное убійство. Трупъ дожидался вскрытія въ теченіе цѣлаго мѣсяца! Актъ вскрытія составленъ самымъ удивительнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, одна изъ важнѣйшихъ примѣтъ преступленія — пятна на тѣлѣ убитаго, которыя, по мнѣнію обвиненія, произошли отъ прижизненныхъ уколовъ ножами,—описаны такъ: „по соскабливаніи *кожицы* обнаружено, что пятна проникаютъ на 1 линію въ толщу кожи“. Число *ихъ опредѣляется отъ 3-хъ до 10-ти*. И этотъ актъ не возвращенъ руководившимъ слѣдствіемъ товарищемъ прокурора для дополненія, хотя бы только для счета колотыхъ ранъ, нанесенныхъ жертвѣ, можетъ быть съ цѣлью принятія внутрь ея крови! И на этихъ пятнахъ, на которыхъ уже послѣ смерти Матюнина наросла „верхняя кожица“, обвиненіе настаиваетъ до конца, какъ на доказательствахъ прижизненнаго мученія обезкровленной жертвы (несмотря на то, что самъ врачъ, производившій вскрытіе, горячо протесто-

валъ противъ такого объясненія). Становой приставъ самъ долженъ былъ признать на судѣ, что понятые-вотяки приносили ему вещественныя доказательства, въ видѣ щепокъ съ подозрительными пятнами, найденныя невдалекѣ отъ мѣста нахожденія трупа. Но онъ уничтожилъ эти вещественныя доказательства, признавъ ихъ неимѣющими значенія, и объ этомъ не упомянулъ въ протоколѣ!.. Подсудимые-вотяки, не знающіе тонкостей судопроизводства, были лишены возможности вызвать свидѣтелей. Къ защитнику они обратились лишь за 10 дней до суда, и защитѣ пришлось довольствоваться свидѣтелями, забракованными обвинительною властью. Между тѣмъ само обвиненіе загромоздило судебное слѣдствіе показаніями о слухахъ, неизвѣстно откуда исходящихъ. Это были даже не просто слухи, а слухи о слухахъ. Сенатъ привелъ это прямое нарушеніе закона, какъ мотивъ отмѣны перваго приговора. Но что же? Слухи о слухахъ остались въ обвинительномъ актѣ и на этомъ основаніи товарищъ прокурора воспроизвелъ въ своей рѣчи, напримѣръ, показаніе свидѣтеля Львовскаго, который слышалъ данное обстоятельство отъ неизвѣстнаго ему вотяка, имени, отчества и мѣста жительства котораго не помнитъ. Но и этотъ таинственный вотякъ разсказывалъ свидѣтелю не какъ очевидецъ, а тоже по слухамъ, которые донеслись невѣдомо какъ съ чужой для него Учурской и Уваткулинской стороны, гдѣ будто бы есть обычай человѣческихъ жертвоприношеній. И на этомъ-то свѣдѣніи основано между прочимъ объясненіе одного изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла, — появленіе обезглавленнаго трупа на дорогѣ.

Можно было ожидать, что послѣ первой кассаціи приговора сарапульскій окружный судъ пойметъ, что передъ нимъ дѣло, въ правильномъ исходѣ котораго заинтересовано не одно обвинительное или защитительное честолюбіе, но вся Россія! Что приговоръ по этому дѣлу будетъ приговоромъ не надъ обвиняемыми только вотяками, но и надъ школой с. Мултана, и надъ священникомъ, 40 лѣтъ уже проповѣдующимъ въ этомъ храмѣ (въ вызовѣ котораго защитѣ отказано), и надъ всей нашей культурной миссіей среди инородцевъ! Но сарапульскій судъ не такъ взглянулъ на дѣло. Вмѣсто того, чтобы дать защитѣ возможность сказать все, что она можетъ сказать, просьбу защиты о вызовѣ новыхъ свидѣтелей разсматриваетъ въ распорядительномъ засѣданіи тотъ же составъ, который участвовалъ въ приговорѣ, отмѣненномъ сенатомъ; заключеніе даетъ тотъ же тов. прокурора г. Раевскій, и въ вызовѣ свидѣтелей защитѣ отказано! И не только но-

выхъ свидѣтелей, но и оправданныхъ подсудимыхъ, которыхъ защита имѣетъ право вызвать по закону *). Изъ двухъ экспертовъ-этнографовъ, высказывавшихся по этому предмету въ печати, судъ вызываетъ проф. Смирнова и отказываетъ защитѣ въ вызовѣ г. Богаевскаго, который держится противуположныхъ мнѣній. Изъ двухъ священниковъ села Мултана вызванъ о. Ергинъ, живущій въ Мултанѣ 2 года, а не другой священникъ, который 40 лѣтъ провелъ среди своей паствы!

Впрочемъ я опять отвлекаюсь отъ прямой задачи этой замѣтки, которая должна служить вступленіемъ къ сухому отчету о мултанскомъ дѣлѣ, — отчету, для котораго „Русскія Вѣдомости“ съ нынѣшняго дня открываютъ свои страницы. Исторія этого отчета слѣдующая. По приглашенію моихъ товарищей, работающихъ въ провинціальной печати и хорошо знакомыхъ съ бытовой подкладкой этого дѣла, я пріѣхалъ въ Елабугу, намѣреваясь впослѣдствіи изложить въ печати свои впечатлѣнія. Здѣсь я засталъ еще двухъ корреспондентовъ: А. Н. Баранова и В. И. Суходоева. Вскорѣ же послѣ начала засѣданія мы пришли къ заключенію, что отрывочныхъ замѣтокъ недостаточно, что „впечатлѣнія“ играютъ лишь второстепенную роль, что лучшая услуга, какую пресса можетъ оказать въ этомъ дѣлѣ, это — дать по возможности полное и точное изображеніе хотя бы одной стадіи этого таинственнаго, запутаннаго и радикально испорченнаго предварительнымъ слѣдствіемъ дѣла. А такъ какъ стенографа не было, то мы рѣшили записывать втроемъ все, что происходитъ на судѣ, по возможности не пропуская ни одной фразы. Одному это было бы конечно не подъ силу,—втроемъ мы это исполнили. Неизбѣжные пропуски у каждаго дополнены по записямъ двухъ другихъ, и такимъ образомъ явился отчетъ, близкій къ стенографическому. Въ теченіе трехъ дней послѣ суда мы свѣряли фразу за фразой все судебное слѣдствіе — и теперь ручаемся за полную точность отчета...

Въ другомъ мѣстѣ въ болѣе полномъ видѣ я сообщу свои личныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ суда и съ мѣста таинственной драмы. Здѣсь же, внося свою посильную лепту для освѣщенія фактической стороны этого темнаго дѣла, мы, составители отчета, обращаемся за помощью ко всей русской прессѣ. Пусть юристы оцѣнятъ вѣроятность уликъ, пусть врачи и этнографы разберутъ изумительную экспертизу, по-

*) На этомъ обстоятельствѣ защита основываетъ новую кассаціонную жалобу.

служившую къ обвиненію вотяковъ въ каннибализмѣ. Наконецъ, мы не знаемъ, что нужно сдѣлать съ формально юридической точки зрѣнія,—но мы всѣми силами души взываемъ къ разслѣдованію этого дѣла отъ начала до конца! Еще недавно отдѣленіе казанской судебной палаты въ гор. Вяткѣ постановило обвинительный приговоръ, которымъ установлено, что полицейскіе служители слободской команды производили тяжкія истязанія надъ арестованнымъ татариномъ. Это происходило въ той же Вятской губерніи. Мѣстная пресса съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ слѣдитъ за борьбой, которую теперешнему вятскому губернатору г. Трепову приходится вести съ нравами, долгіе годы укоренявшимися въ средѣ вятской полиціи, имѣющей дѣло съ инородческимъ населеніемъ. Если не ошибаюсь, упомянутый судебный приговоръ есть лишь одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы. Между тѣмъ не только обвиняемые по этому дѣлу, но и одинъ изъ главныхъ свидѣтелей обвиненія, два раза повторяли на судѣ, что показанія у нихъ вынуждались самыми незаконными средствами. Объ этомъ даже предсѣдатель суда счелъ нужнымъ сказать въ своемъ заключеніи, отмѣчая, что главный свидѣтель обвиненія мотивировалъ этимъ свой отказъ отъ вынужденныхъ показаній. И замѣчательно, что подробности, приводимыя вотяками, довольно точно совпадаютъ съ пріемами, за которые осуждены слободскіе полицейскіе *). Итакъ, это ужъ не слухи, неизвѣстно откуда исходящіе, а серьезное обстоятельство, требующее самой тщательной провѣрки и бросающее особенный свѣтъ на матеріалъ, выдвинутый обвиненіемъ... Я знаю, что это подозрѣніе очень тяжело и очень серьезно. Но и обвиненіе, которое теперь пало на всѣхъ вотяковъ и на все русское общество, тоже очень тяжело и очень серьезно, и мы можемъ, мы обязаны смиренно принять его лишь послѣ того, какъ это будетъ всесторонне доказано.

Разслѣдованіе, разслѣдованіе! Пусть будутъ провѣрены всѣ матеріалы этого дѣла, всѣ способы, какими они собирались, пусть будутъ выслушаны до конца эти несчастные вотяки, которые фактически лишены были до сихъ поръ свободы защиты противъ самаго тяжелаго изъ обвиненій, какое только человѣкъ можетъ предъявить противъ своего ближняго, пусть будутъ провѣрены ихъ ссылки на то, что главные свидѣтели противъ нихъ купили своими показа-

*) Арестованный Дюняшевъ былъ подвѣшенъ на жерди и въ такомъ положеніи у него требовали сознанія. О подвѣшиваніи же говорили и вотяки-мултанцы. Отчетъ о дѣлѣ слободскихъ полицейскихъ былъ напечатанъ въ газетахъ. Мы заимствуемъ изъ „Нижегор. Листка“, № 272.

ніями безнаказанность въ уголовныхъ дѣяніяхъ, съ одной стороны, и вынуждались къ показаніямъ незаконными пріемами съ другой. Если бы послѣ всего этого оказалось, что они говорили неправду, что у нихъ нѣтъ свидѣтелей, способныхъ доказать ихъ правоту, что они только клевещутъ на свидѣтелей обвиненія и на полицію... тогда, но только тогда, новый приговоръ суда можно было бы считать окончательнымъ. Только тогда истину въ мрачномъ мултанскомъ дѣлѣ можно было бы счесть разыскапной въ вердиктѣ присяжныхъ. Только тогда обвиняемые понесли бы должную кару, и въ лѣтописи русскаго государства можно было бы занести тяжелую страницу. Только тогда можно будетъ признать, что на Европейскомъ континентѣ наше отечество донесло неприкосновеннымъ обычай каннибальскихъ жертвоприношеній до конца XIX вѣка, и что въ Россіи еще теперь у стѣнъ христіанскихъ храмовъ возможно принесеніе людей въ жертву языческимъ божествамъ.

Свѣта, какъ можно больше свѣта на это темное дѣло, иначе навсегда надъ нимъ нависнетъ страшное сомнѣніе въ томъ, гдѣ искать истинныхъ жертвъ человѣческаго жертвоприношенія! Матюнинъ ли это, погибшій таинственной и загадочной смертью, или это сами несчастные мултанцы являются жертвами слѣдственныхъ порядковъ, черты которыхъ такъ ясно проступаютъ въ этомъ выдающемся дѣлѣ...

Нижній Новгородъ.
11 октября 1895 года.

II.

Предисловіе къ отчету о мултанскомъ дѣлѣ.

Село Старый Мултанъ, населенное вотяками, расположено въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи. Въ Мултанѣ около 80 дворовъ, жители его уже около ста лѣтъ исповѣдуютъ православіе, около 50 лѣтъ село составляетъ центръ православнаго прихода, такъ какъ въ немъ построена (по иниціативѣ самихъ вотяковъ) церковь, и лѣтъ двадцать уже существуетъ церковно-приходская школа. Какъ видно изъ плана, приложеннаго въ концѣ этого отчета, на сѣверъ изъ Мултана расходятся три дороги: лѣвая — въ Кузнерку, средняя—въ Талавылъ и Аныкъ, правая, крайняя,—въ деревню Чулью. Всѣ эти поселенія — русскія.

20-го апрѣля 1892 года изъ завода Ныртовъ, Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи, крестьянинъ Кононъ Дмитріевъ Матюнинъ, занимавшійся сборомъ подаянія, ушелъ въ Малмыжскій уѣздъ, запасшись удостовѣреніемъ личности, а также свидѣтельствомъ о томъ, что онъ, Матюнинъ (хотя на видъ крѣпкій и здоровый) страдаетъ падучею болѣзнію. Черезъ двѣ недѣли, обходя окрестныя деревни, нищій 3-го мая появился въ сосѣдней съ Мултаномъ русской деревнѣ Кузнеркѣ, гдѣ ночевалъ у старика Тимоѳея Санникова („Отчетъ“, стр. 117). Послѣдній замѣтилъ на нищемъ старый азямъ съ синей заплатой, и нищій говорилъ ему, что онъ изъ завода Ныртовъ и страдаетъ падучей болѣзнію. На слѣдующій день нищаго изъ Ныртовъ, страдающаго падучею болѣзнію, видѣлъ псаломщикъ Богоспасаевъ въ ближней деревнѣ Капкахъ, а къ вечеру съ 4-го на 5-е мая къ сыну Тимоѳея Санникова, Николаю, опять привели на ночлегъ нищаго, который сказалъ, что прошлую ночь провелъ въ домѣ Тимоѳея Санникова, и указалъ самый домъ (см. стр. 118). Этотъ нищій былъ тоже здоровый на видъ, но, по его словамъ, страдалъ падучей болѣзнію, отъ которой лѣчился въ больницѣ села Ныртовъ. Ночь съ 4-го на 5-е мая онъ провелъ у Санникова, а на утро послѣ восхода солнца его видѣли въ дер.

Кузнеркѣ два свидѣтеля, крестьяне той же деревни Алексѣй Плотниковъ (см. стр. 121) и Алексѣй Пономаревъ (стр. 122). Первый изъ нихъ видѣлъ какого-то нищаго еще спящимъ на кутникѣ въ домѣ Санникова, второй встрѣтилъ его на утро идущимъ по улицѣ Кузнерки, когда взошло солнце.

Около полудня того же дня (5-го мая) пѣшеходной тропой, соединяющей деревню Аныкъ съ деревней Чульей, шла дѣвочка Марѳа Головизнина. Тропа эта непроѣзжая, пролегаетъ по топкому болоту, поросшему лѣсомъ, и для прохода на ней настланъ на разстояніи нѣсколько менѣе версты узкій бревенникъ, безъ котораго нога тонетъ въ болотѣ по колѣно и больше. Невдалекѣ отъ рѣчки Люги, на которой стоитъ небольшая мельница-толчея, дѣвочка увидѣла лежащаго поперекъ тропы человѣка. Хотя ей при этомъ пришлось обходить лежащаго, т. е. сойти съ бревенника въ топь, но, по ея словамъ, она не замѣтила, живъ ли этотъ человѣкъ или мертвъ, потому что онъ былъ *покрытъ азямомъ*.

Назадъ она пошла на слѣдующій день, 6-го мая, и на этотъ разъ увидѣла ясно, что у человѣка, лежащаго на тропѣ, нѣтъ головы, такъ какъ кто-то въ этотъ промежутокъ азямъ съ мертваго откинулъ (см. стр. 4, обвинит. актъ). Дѣвочка разсказала объ этомъ въ Чульѣ. Кто первый явился къ трупу— неизвѣстно, но только 7-го мая прибывшій урядникъ Соковиковъ констатируетъ, что кругомъ слѣды затоптаны совершенно. Урядникъ объясняетъ это тѣмъ, что сосѣдніе (русскіе) крестьяне искали голову. По словамъ урядника (см. стр. 50 и примѣчаніе) у трупа за плечами на лямкахъ холщевая котомка, за которой между лямками задѣланъ черный, крестьянскаго сукна азямъ съ большимъ откиднымъ воротникомъ. 9-го числа прибылъ приставъ Тимоѳеевъ. Въ своемъ донесеніи слѣдователю онъ отмѣтилъ, что при трупѣ найдено удостовѣреніе Ныртинскаго сельскаго старосты о личности убитаго — Конона Дмитріева Матюнина, а также свидѣтельство, что онъ страдаетъ падучей болѣзнью. Въ томъ же донесеніи приставъ писалъ, что имъ, приставомъ, замѣчена впереди трупа *на щепкахъ кровь*. Затѣмъ, въ показаніи, данномъ судебному слѣдователю, приставъ констатируетъ странное обстоятельство: по его словамъ, трупъ былъ одѣтъ въ *азямъ на рукавахъ* и за плечами *котомка* (см. стр. 41). О крови на щепкахъ здѣсь уже нѣтъ рѣчи, наоборотъ, когда при поискахъ понятые вотяки сами стали приносить окровавленныя щепки изъ разныхъ мѣстъ, указывавшія на кровяной слѣдъ по направленію къ Аныку, то приставъ счелъ возможнымъ уничтожить эти вещественныя доказательства, какъ ничего не

значащія, не занеся объ этомъ въ протоколъ (см. стр. 46 и 47). Замѣчательно, что на странныя манипуляціи съ азямомъ ни полиція, ни слѣдственныя власти не пожелали обратить вниманія, но еще замѣчательнѣе, что до вскрытія трупа (которое, несмотря на теплое время, произошло лишь черезъ мѣсяцъ, 4 іюня) никто также не замѣтилъ отсутствія у трупа грудныхъ внутренностей. Нужно обратить вниманіе, что приставъ счелъ нужнымъ раздѣть трупъ и положить его голымъ въ яму уже на мултанской землѣ. И даже при раздѣваніи, произведенномъ имъ собственноручно, онъ не увидѣлъ, что у трупа вырѣзано (подъ кожей спины) 5 грудныхъ позвонковъ и изъ грудной полости вынуты сердце и легкія! У слѣдователя свидѣтель объяснялъ это странное обстоятельство тѣмъ, что „внутрь отверстіе отрѣзанной головы представляло *массу запекшейся крови*, и самый обрѣзъ также обвѣтрѣлъ и началъ чернѣть“ (см. стр. 44, примѣчаніе). Но тутъ обращаетъ вниманіе слѣдующее обстоятельство: если бы внутренности были вынуты ранѣе, то ясно, что отверстіе, и безъ того широкое, должно было расшириться еще болѣе, и ужъ во всякомъ случаѣ *запекшейся крови въ немъ остаться не могло.*

Къ сожалѣнію, не смотря на всѣ эти указанія,—что кто-то прикасался къ трупу уже на тропѣ, что кто-то мѣнялъ уже здѣсь положеніе его одежи, что отсутствіе грудныхъ внутренностей не было замѣчено сразу ни полиціей, ни понятыми, что слѣды около трупа могли принадлежать не искавшимъ голову, а и самимъ убійцамъ, что щепки съ подозрительными пятнами вели не къ Мултану, а къ Аныку, что, наконецъ, одинъ изъ русскихъ (мельникъ Ѳома Щербаковъ) выказывалъ нѣкоторые признаки знанія этого дѣла и кричалъ, что „это дѣло русское“ (см. стр. 45 и 46), — слѣдствіе закрываетъ глаза на всѣ эти обстоятельства и, подъ непосредственнымъ руководствомъ товарища прокурора г-на Раевскаго, направляется въ сторону обвиненія мултанцевъ въ принесеніи нищаго въ жертву языческимъ богамъ. Въ первые дни вплоть до вскрытія, какъ мы видѣли, никто еще не зналъ, что у трупа отсутствуютъ грудныя внутренности, значитъ—одно отсутствіе головы уже наводитъ на мысль, что это жертва вотяковъ. Первые высказываютъ это кто-то изъ русскихъ; но вѣдь можетъ быть это только попытка направить слѣдствіе по ложному слѣду со стороны тѣхъ самыхъ „русскихъ“, о которыхъ кричалъ выпившій мельникъ! И, однако, съ этихъ поръ всѣ слѣдственныя дѣйствія принимаютъ характеръ не разслѣдованія дѣла, а лишь „отысканія доказательствъ“

виновности вотяковъ. Кто изъ русскихъ былъ около мѣста нахожденія трупа утромъ 5-го мая? Кто первый увидѣлъ его послѣ Маѳы Головизниной, кто откинулъ азямъ съ его головы, кто засунулъ азямъ за лямки, кто надѣлъ его опять въ рукава?.. Не могла ли наконецъ та же рука, которая производила эти манипуляціи, найти случай для вынутія внутренностей (черезъ шею!) въ длинный промежутокъ между первымъ осмотромъ трупа приставомъ Тимоѳеевымъ (не замѣтившимъ отсутствія грудныхъ внутренностей и видѣвшимъ въ отверстіи шеи запекшуюся кровь) и вскрытіемъ (черезъ мѣсяцъ!) того же трупа, обнаружившимъ огромныя поврежденія, сдѣланныя, однако, зачѣмъ-то *подъ кожей*, — все это вопросы, на которые слѣдствіе не даетъ ни малѣйшаго отвѣта, оставляя широкое поле для догадокъ.

Мы не станемъ излагать здѣсь слѣдствіе шагъ за шагомъ. Нельзя, однако, не обратить вниманія на одну его черту: не смотря на то, что оно велось съ первыхъ шаговъ *) подъ непосредственнымъ руководствомъ тов. прокурора г-на Раевскаго, который, какъ бывшій врачъ, безъ сомнѣнія хорошо понимаетъ значеніе своевременности вскрытія и быстроты въ анализахъ, напримѣръ, кровяныхъ пятенъ,—мы видимъ, что все слѣдственное производство отличается необыкновенной медленностью именно въ той его части, которая, при должномъ вниманіи, могла бы доставить самый точный и цѣнный матеріалъ для заключеній. Такъ, трупъ выжидаетъ вскрытія ровно мѣсяцъ (съ 4-го мая до 4-го іюня). Далѣе: у вотяка Моисея Дмитріева находятъ корыто со слѣдами крови. Такъ какъ такое корыто имѣется въ каждомъ вотскомъ домѣ для поварскихъ цѣлей, и слѣды крови на немъ, понятно, не рѣдкость, то очевидно особенно важна немедленная отправка его для анализа, который лишь одинъ можетъ установить — кровь ли это домашнихъ животныхъ или человѣка? И, однако, это важное доказательство выдерживается четыре мѣсяца до отсылки въ соотвѣтствующія учрежденія для анализа. То же видимъ мы относительно полога и одежи Кузьмы Самсонова, которые посылаются для анализа лишь тогда, когда кровяные шарики уже основательно распались, и анализъ не можетъ дать никакихъ результатовъ. Таково отношеніе ко всѣмъ вещественнымъ доказательствамъ въ дѣлѣ, которыя, понятно, и не даютъ никакихъ результатовъ. Произведя нѣкоторое впечатлѣніе при чтеніи обвинительнаго акта, они теряютъ вся-

*) Это ошибка. Слѣдствіемъ сначала руководилъ не г. Раевскій, и оно было направлено къ прекращенію.

кое значеніе тотчасъ же, какъ только къ нимъ приступить ближе. Такъ, напримѣръ, земляной полъ въ шалашѣ Моисея Дмитріева оказался сырымъ. Обвинительный актъ видитъ въ этомъ слѣды смытой крови. Но анализъ, даже спектральный, этихъ слѣдовъ не открываетъ, и самый актъ осмотра даетъ весьма удовлетворительное объясненіе сырости пола: въ крышѣ шалаша имѣлась дыра, въ которую за зиму навалилось снѣгу. Въ апрѣлѣ снѣгъ обратился (въ закрытомъ помѣщеніи) въ ледяную кору. Къ маю отъ нея осталась только сырость.

При столь невнимательномъ отношеніи къ точнымъ даннымъ, которыя могли бы дать очень существенныя доказательства, слѣдствіе является чрезвычайно внимательнымъ ко всевозможнымъ толкамъ и слухамъ, частію неизвѣстно откуда исходящимъ, частію же порожденнымъ самимъ дѣломъ и его 29-ти-мѣсячнымъ производствомъ. Нѣкоторыя улики, слишкомъ тонкія, въ родѣ, напримѣръ, выраженія лица, смущенія и т. д., доставлены слѣдствію спустя очень много времени послѣ происшествія. Такъ, напримѣръ, лишь черезъ 7 мѣсяцевъ послѣ событія Емельянъ Щербаковъ вспоминаетъ, что около этого дня онъ встрѣтилъ вотяка Моисея Дмитріева, который везъ что-то закрытое пологомъ и „измѣнился въ лицѣ“ при встрѣчѣ. Какія-то полупризнанія, невольныя и не точно формулируемыя, на судѣ, фразы, срывающіяся съ языка во время ссоры двухъ бабъ и передаемыя изъ устъ въ уста по деревнѣ, болтовня въ кабакѣ выпившаго причетника, повторяющаго мѣстные толки, порожденные громкимъ слѣдствіемъ, — все это занимаетъ слишкомъ видное мѣсто въ показаніяхъ свидѣтелей обвиненія. Свидѣтелей же защиты, по ея спеціальному вызову, въ оба засѣданія по мултанскому дѣлу—*не было вовсе*. Невѣжественные вотяки пропустили семидневный срокъ послѣ врученія обвинительнаго акта, и сарапульскій окружный судъ, воспользовавшись своимъ формальнымъ правомъ, отказалъ защитѣ во всѣхъ ея просьбахъ о вызовѣ свидѣтелей, хотя показанія многихъ изъ нихъ имѣли бы самое существенное значеніе и могли бы установить совершенно новыя обстоятельства.

Нельзя также не отмѣтить, что слѣдствіе не сдѣлало ничего, чтобы разсѣять противорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтелей о томъ, гдѣ убитый нищій провелъ ночь съ 4-е на 5-е мая. Одна группа свидѣтелей, кузнерскіе крестьяне, констатируютъ, что нищій ночевалъ на 5-е мая въ Кузнеркѣ. Признаки, которые они указываютъ, очень точны: это происхожденіе изъ Ныртовъ и падучая болѣзнь при здоровой наружности. Другая группа, показанія которой, однако, сбивчивы относительно вре-

мени, основывается лишь на сходствѣ одежды убитаго съ одеждой нищаго, котораго вечеромъ 4-го мая они будто бы видѣли въ Мултанѣ. Замѣчательно, однако, что и одинъ изъ кузнерцевъ, Тимоѳей Санниковъ, очень опредѣленно указываетъ тоже на полное сходство одежи убитаго нищаго съ одежей того нищаго, который ночевалъ у него въ роковую ночь. Сынъ его Николай въ этомъ отношеніи противорѣчитъ отцу. Противорѣчіе могло бы разъясниться показаніемъ Алексѣя Пономарева, который у слѣдователя сказалъ опредѣленно, что онъ тоже *замѣтилъ азямъ нищаго* (см. стр. 123, примѣчаніе). Такимъ образомъ, показаніе этого третьяго, совершенно не прикосновеннаго къ дѣлу свидѣтеля, русскаго, легко могло бы разрѣшить возникшее противорѣчіе. Въ высшей степени характерно для слѣдствія по мултанскому дѣлу, что этому послѣднему *свидѣтелю азямъ убитаго предъявленъ не былъ*, и противорѣчіе осталось неразъясненнымъ!

Оставляя пока въ сторонѣ остальныя черты слѣдствія, въ родѣ очень странной роли въ немъ пристава г. Шмелева, производившаго вторично, черезъ 15 мѣсяцевъ, новое слѣдствіе, съ обысками, арестами и передопросомъ уже спрошенныхъ слѣдователемъ свидѣтелей,—я предоставляю оцѣнку достовѣрности всего матеріала внимательнымъ читателямъ и спеціалистамъ. Въ такомъ видѣ, односторонность и неполнота котораго признана впослѣдствіи сенатомъ, дѣло поступило въ декабрѣ 1894 года на разсмотрѣніе суда присяжныхъ въ гор. Малмыжѣ. Отчетъ объ этомъ засѣданіи, помѣщенный въ газетѣ „Казанскій Телеграфъ“, рисуетъ очень типичную картину суда на восточной окраинѣ Европейской Россіи. Характерно при этомъ, что обвинитель г. Раевскій въ началѣ своей рѣчи обратился къ присяжнымъ со слѣдующими словами: „Извѣстно, господа, что евреи часто убиваютъ дѣтей, на крови которыхъ приготовляютъ пасхальные опрѣсноки“ („Казанскій Телеграфъ“, 24-го янв. 1895, № 595), а предсѣдатель г. Горицкій дважды устанавливалъ передъ присяжными невѣрныя данныя (тамъ же, а также изложено въ жалобѣ защитника); кромѣ того, какъ въ обвинительномъ актѣ, такъ и на судѣ были допущены „слухи, неизвѣстно откуда исходящіе“. На этомъ основаніи сенатъ (по жалобѣ защитника подсудимыхъ М. І. Дрягина) призналъ слѣдующее:

„По разсмотрѣніи протокола засѣданія суда по дѣлу, замѣчаній, сдѣланныхъ на этотъ протоколъ защитою, и постановленія суда на означенныя замѣчанія видно, что 630 ст. Уст. угол. судопроизводства была нарушена, во-1-хъ, тѣмъ, что защита была стѣснена при допросѣ свидѣтеля (Пивова-

рова), такъ какъ защитѣ было предложено допрашивать этого свидѣтеля не по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, а только по тѣмъ, для удостовѣренія которыхъ свидѣтель былъ вызванъ; во-2-хъ, тѣмъ, что защитникъ былъ лишенъ права предъявить присяжнымъ засѣдателямъ во время судебнаго слѣдствія тѣ указанія и разъясненія, какія онъ считалъ нужнымъ сдѣлать по поводу вещественныхъ доказательствъ, ибо защитнику было предложено сдѣлать это во время преній сторонъ, и, въ-3-хъ, тѣмъ, что просьба защитника о разъясненіи присяжнымъ вопроса, откуда взяты были пріобщенные къ дѣлу сѣдые волосы, осталась безъ удовлетворенія. Между тѣмъ, разъясненіе сего вопроса о значеніи волосъ было особенно важно въ виду того, что волосы были находимы при обыскахъ въ разное время и при томъ весьма отдаленное отъ дня смерти Матюнина. Нарушено требованіе 718 ст. Уст. угол. суд., и это не опровергается ни протоколомъ засѣданія суда, ни постановленіемъ его на замѣчанія защиты. Нарушеніе сего закона заключалось въ томъ, что многіе свидѣтели давали на судѣ показанія свои по слухамъ. Допущеніе этого нарушенія, признаваемаго правительствующимъ сенатомъ существеннымъ (рѣш. правит. сен. 1870 г. № 147; 1872 г. № 926 и мн. др.), подтверждается также и сущностью показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, записанныхъ въ обвинительный актъ. Независимо отъ этого не опровергается указаніе защитника на то, что не всегда предсѣдавшій въ судѣ руководилъ засѣданіемъ по дѣлу и что неоднократно товарищъ прокурора прерывалъ защитника при допросѣ свидѣтелей и при представленіи объясненій присяжнымъ засѣдателямъ (!). Между тѣмъ, настоящее дѣло требовало, чтобы со стороны предсѣдателя были приняты всѣ мѣры для возможнаго разъясненія дѣла и для правильнаго и спокойнаго разрѣшенія онаго, такъ какъ нельзя не признать, что *и въ обвинительномъ актѣ не было ясно и точно установлено самое существованіе между вотяками человѣческихъ жертвоприношеній* и не были указаны съ достаточною полнотою фактическія основанія для обвиненія каждаго изъ 11 подсудимыхъ въ тяжкомъ, влекущемъ за собою уголовное наказаніе, преступленіи. Въ виду вышеизложеннаго, не усматривая другихъ указанныхъ въ жалобѣ нарушеній, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ окружнаго суда по сему дѣлу и въ отношеніи обвиненныхъ лицъ отмѣнить, предписавъ суду указомъ разсмотрѣть дѣло вновь, въ другомъ составѣ присутствія, въ другомъ ближайшемъ отъ мѣста нахожденія подсудимыхъ и свидѣтелей городѣ, напримѣръ, Елабугѣ".

Къ сожалѣнію, и послѣ этихъ весьма внушительныхъ указаній сената дѣло, назначенное къ слушанію въ Елабугѣ, предстало на судъ присяжныхъ все въ томъ же односторонемъ видѣ: въ распорядительномъ засѣданіи, заслушавшемъ новыя просьбы защиты о вызовѣ свидѣтелей,—принялъ участіе прежній предсѣдатель г. Горицкій, и опять судъ отказалъ защитѣ въ вызовѣ всѣхъ указанныхъ ею свидѣтелей, огуломъ, не исключая даже такихъ, право на вызовъ которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Затѣмъ, вмѣсто указаннаго защитой эксперта Богаевскаго, высказывавшагося къ печати противъ существованія обычая человѣческихъ жертвоприношеній,—оказался вызваннымъ экспертъ г. Смирновъ, мнѣніе котораго было завѣдомо въ пользу обвиненія. Въ концѣ мы приводимъ мотивы вторичной кассаціи дѣла въ сенатѣ, а пока, приступая къ изложенію отчета, считаемъ нелишнимъ указать читателю, что онъ встрѣчаетъ въ немъ судебный матеріалъ, явная односторонность и пристрастность котораго дважды признана высоко компетентнымъ учрежденіемъ.

Съ своей стороны считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно самаго отчета. Онъ составленъ общими усиліями моими и двухъ моихъ товарищей, корреспондентовъ мѣстныхъ газетъ, А. Н. Баранова и В. И. Суходоева. Въ теченіе трехдневнаго засѣданія мы старались записать все происходившее слово въ слово, а затѣмъ, свѣривъ свои записи, мы свели ихъ въ одинъ отчетъ. Такимъ образомъ неизбѣжные пробѣлы одного покрывались записями у другихъ, и отчетъ, хотя далеко не стенографическій, вышелъ всетаки довольно точнымъ. Нѣкоторая шероховатость иныхъ рѣчей и показаній объясняется тѣмъ, что, поневолѣ пропуская все несущественное, служившее лишь для округленія періодовъ, мы не позволяли себѣ (особенно же въ судебномъ слѣдствіи и экспертизѣ) прибавлять что бы то ни было къ написанному въ черновыхъ. Мнѣ принадлежитъ окончательная редакція отчета по записямъ и всѣ примѣчанія.

По поводу экспертизы проф. Смирнова считаю нужнымъ прибавить, что его взгляды на данный вопросъ опровергались уже и ранѣе (въ „Журналѣ министерства народн. просвѣщенія“). Послѣ вторичнаго осужденія мултанцевъ экспертиза г-на Смирнова нашла должную оцѣнку въ статьѣ г. Богаевскаго („Русскія Вѣдомости“, 1895, № 308). Замѣчанія его (частію впрочемъ совпадающія съ мнѣніемъ г-на Смирнова по отношенію собственно къ данному случаю) сводятся между прочимъ къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ. нарушеннымъ, какъ это будетъ видно, въ данномъ дѣлѣ:

а) Приносить жертву въ родовомъ шалашѣ могутъ лишь спеціально на этотъ предметъ избранные жрецы (назначаются они шаманомъ, по указанію именно божества, обитающаго въ святилищѣ, для служенія въ коемъ совершается избраніе).

б) *Благоволеніе божества распространяется лишь на членовъ рода, принадлежащихъ къ данному шалашу.*

в) Историко-сравнительное изученіе вопроса можетъ привести къ установленію положенія, по которому присутствіе чужеродца оскорбляетъ божество, обитающее въ шалашѣ — святилищѣ своего рода.

Въ этомъ же смыслѣ, въ общемъ, высказывается почтенный изслѣдователь вотскаго быта, г. В. Магницкій (помѣстившій статью по этому вопросу въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“) и бывшій секретарь общества исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ С. К. Кузнецовъ. Послѣдній,—самъ уроженецъ Малмыжскаго уѣзда, наблюдавшій много жертвоприношеній, въ томъ числѣ и въ Мултанѣ,—прибавляетъ къ соображеніямъ двухъ предыдущихъ еще нѣкоторыя драгоцѣнныя черты: по его словамъ, существенная черта жертвеннаго ритуала требуетъ, чтобы *кости жертвы не были повреждены*, тогда какъ у Матюнина безъ видимой надобности перерубленъ позвонокъ и ребра отрублены у основаній. Все это сдѣлано для того, чтобы внутренности вынуть именно черезъ шею (и не оставить *наружныхъ* слѣдовъ этой операціи, прибавимъ отъ себя), чего вотяки не дѣлаютъ. Въ заключеніе своего реферата (въ томскомъ обществѣ естествоиспытателей), С. К. Кузнецовъ приходитъ къ заключенію, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ „грубою поддѣлкою подъ вотское жертвоприношеніе“, — предположеніе, для котораго остается очень много простора также и въ обстоятельствахъ дѣла („Сибир. Вѣстн.“, 1895, №№ 173, 175 и 176).

Послѣднія необходимыя примѣчанія: въ текстѣ я старался указать нѣкоторыя неточности обвинительнаго акта и вообще снабдить отчетъ примѣчаніями и сопоставленіями съ письменнымъ матеріаломъ слѣдственнаго производства, дважды оглашеннаго на судѣ. Но листы отчета были уже напечатаны, когда я наткнулся на одну очень важную фактическую ошибку, своевременно мною не отмѣченную. Въ обвинительномъ актѣ (см. стр. 22) сказано, будто арестантъ Головъ, со словъ умершаго вотяка Моисея Дмитріева, называлъ, какъ участниковъ убійства, подсудимыхъ *Василія Кондратьева* и Василія Кузнецова. Между тѣмъ, въ показаніи Голова (см. это показаніе на стр. 88 и слѣд.) это сказано о *Кузьмѣ Самсоновѣ* и Василіи Кузнецовѣ. Имя же Василія Кондратьева не

названо вовсе. Такимъ образомъ, въ обвинительномъ актѣ товарищъ прокурора замѣнилъ одно имя другимъ, а въ рѣчи прилагаетъ эту улику къ обоимъ подсудимымъ одинаково,— черта очень характерная для этого, дважды отмѣняемаго сенатомъ дѣла.

Наконецъ, считаю нужнымъ сдѣлать поясненіе относительно плановъ, приложенныхъ въ концѣ. Первый изъ нихъ представленъ защитникомъ, второй составленъ однимъ изъ свидѣтелей, Кронидомъ Вас. Львовскимъ. Онъ значительно подробнѣе, но, къ сожалѣнію, въ него вкрались довольно существенныя погрѣшности. Здѣсь опять удивляетъ то обстоятельство, что осмотръ мѣстности,—актъ очень важный,—произведенъ только зимой, 18-го января 1893 года. Такимъ образомъ, зимою же нанесена *лѣтняя* тропа (см. планъ № 2, между 5 и 4), которой въ дѣйствительности нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ залегаетъ топкое болото. Границы этого болота на планѣ № 2-й тоже показаны невѣрно: оно идетъ гораздо дальше, и дѣйствительная граница его показана мною пунктирною линіей. Уже перваго взгляда на эту тропу достаточно, чтобы видѣть, что она не ведетъ никуда и проложена какъ бы нарочно только къ мѣсту нахожденія трупа. Очевидно, эта *лѣтняя* тропа нанесена составителемъ плана среди глубокой зимы на вѣру, по чьему-то неправильному указанію.

1896.

III.

Мултанское жертвоприношеніе.

I.

1 октября 1895 года, въ 4 ч. 50 минутъ вечера въ залѣ суда въ Елабугѣ раздался звонокъ изъ комнаты присяжныхъ засѣдателей. Это значило, что совѣщаніе присяжныхъ кончилось. Черезъ минуту публика наполнила залъ, вышелъ судъ, и старшина присяжныхъ подалъ листъ предсѣдателю.

Предсѣдатель посмотрѣлъ приговоръ и вернулъ его. Старшина взялъ листъ въ руки и прочелъ семь вопросовъ, составленныхъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

„Виновенъ ли такой-то въ томъ, что въ ночь на 5 мая 1892 года въ селѣ Старомъ Мултанѣ, въ шалашѣ при домѣ крестьянина Моисея Дмитріева, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и по предварительному соглашенію съ другими лицами лишилъ жизни крестьянина завода Ныртовъ Мамадышскаго уѣзда, Казанской губ., Конона Дмитріева Матюнина, вырѣзавъ у него голову съ шеей и грудными внутренностями?“

На скамьѣ подсудимыхъ было семь человѣкъ, вотяковъ Стараго Мултана, и семь разъ старшина присяжныхъ на приведенный выше вопросъ отвѣтилъ съ замѣтнымъ волненіемъ:

— Да, виновенъ, но безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія.

Относительно троихъ къ этой формулѣ было прибавлено:

— И заслуживаетъ снисхожденія.

Нѣсколько секундъ въ залѣ царствовала гробовая тишина, точно сейчасъ сообщили собравшимся, что кто-то внезапно умеръ. Потомъ коронные судьи удалились для постановленія своего приговора. Семь обвиненныхъ вотяковъ остались за рѣшеткой, какъ будто еще не понимая вполнѣ того, что сейчасъ съ ними случилось.

Я сидѣлъ рядомъ съ подсудимыми. Мнѣ было тяжело смотрѣть на нихъ, и вмѣстѣ я не могъ смотрѣть въ другую сто-

рону. Прямо на меня глядѣлъ Василій Кузнецовъ, молодой еще человѣкъ, съ черными выразительными глазами, съ тонкими и довольно интеллигентными чертами лица, церковный староста мултанской церкви. Въ его лицѣ я прочиталъ выраженіе какъ будто вопроса и смертной тоски. Мнѣ кажется, такое выраженіе должно быть у человѣка, попавшаго подъ поѣздъ, еще живого, но чувствующаго себя уже мертвымъ. Вѣроятно, онъ замѣтилъ въ моихъ глазахъ выраженіе сочувствія, и его поблѣднѣвшія губы зашевелились...

— Кристосъ страдалъ...—прошепталъ онъ съ усиліемъ.

Казалось, эти два слова имѣли какую-то особенную силу для этихъ людей, придавленныхъ внезапно обрушившейся тяжестью.

— Кристосъ страдалъ, — зашамкалъ 80-лѣтній старикъ Акмаръ, съ слезящимися глазами, съ трясущейся жидкой бородой, сѣдой, сгорбленный и дряхлый.

— Кристосъ страдалъ, намъ страдать надо...—шопотомъ, почти автоматически повторяли остальные, какъ будто стараясь ухватиться за что-то, скрытое въ этой фразѣ, какъ будто чувствуя, что безъ нея—одно отчаяніе и гибель.

Но Кузнецовъ первый оторвался отъ нея и закрылъ лицо руками.

— Дѣти, дѣти! — вскрикнулъ онъ, и глухое рыданіе прорвалось внезапно изъ-за этихъ блѣдныхъ рукъ, закрывавшихъ еще болѣе блѣдное лицо...

Я не могъ болѣе вынести этого зрѣлища и быстро вышелъ изъ зала. Проходя, я видѣлъ троихъ или четверыхъ присяжныхъ, которые, держась за ручки скамьи, смотрѣли на обвиненныхъ. Потомъ мнѣ передавали, что двое изъ нихъ плакали.

Публика двигалась взадъ и впередъ какъ-то странно; почти никто не уходилъ совсѣмъ, и никто не могъ долго оставаться въ залѣ; входили и уходили, какъ въ домѣ, въ которомъ по серединѣ комнаты, окруженной желтыми огнями свѣчей, лежитъ мертвецъ, и кто-то бьется и рыдаетъ о немъ за дверью.

Я тоже не могъ уйти и не могъ оставаться, входилъ въ залъ и опять уходилъ. Обвиненные или тупо глядѣли впередъ, или громко плакали, опустивъ головы на руки; дамы изъ публики смотрѣли на нихъ широко открытыми глазами, внезапно отворачивались и быстро уходили. Въ настроеніи этой публики ясно чувствовалась весьма понятная жалость.

Но, кромѣ жалости, тутъ было еще тяжелое, гнетущее сомнѣніе.

Когда я, ожидая судебнаго приговора, въ третій разъ во-

шелъ въ залъ,—публика столпилась въ одномъ мѣстѣ поближе къ рѣшеткѣ. Въ углу этой рѣшетки, рядомъ съ караульнымъ, вытянувшимся у своего ружья и, какъ будто нарочно, принявшимъ видъ совершенно глухого, ничего не слышащаго и не видящаго человѣка, стоялъ дѣдъ Акмаръ. Его старческая рука опиралась на барьеръ, голова тряслась, и губы шамкали что-то. Онъ обращался къ публикѣ съ какой-то рѣчью.

— Православной!—говорилъ онъ—Бога ради, ради Криста... Кодѝ кабакъ, кодѝ кабакъ, сдѣлай милость.

— Тронулся старикъ,—сказалъ кто-то съ сожалѣніемъ.

— Коди кабàкъ, слушай! Можетъ, кто калякать будетъ. Кто ее убивалъ, можетъ, скажутъ. Криста ради... кабакъ кодѝ, слушай...

— Уведите ихъ въ корридоръ, — распорядился кто-то изъ судейскихъ.

Обвиняемыхъ вывели изъ зала...

II.

Описаннымъ выше приговоромъ во второй уже разъ вотяки села Мултана признаны виновными въ принесеніи языческимъ богамъ человѣческой жертвы. Во второй уже разъ судебнымъ приговоромъ устанавливается, что въ европейской Россіи, среди чисто-земледѣльческаго вотскаго населенія, живущаго бокъ-о-бокъ съ русскими одною и тою же жизнью, въ одинаковыхъ избахъ, на одинаковыхъ началахъ владѣющаго землей и исповѣдующаго ту же христіанскую религію, существуетъ до настоящаго времени живой, вполнѣ сохранившійся, дѣйствующій культъ каннибальскихъ жертвоприношеній! Если вы представите себѣ, на основаніи сказаннаго выше, что Мултанъ—глухая деревушка, окруженная лѣсными дебрями, затерянная и одинокая,—то вы сильно ошибетесь. Это большое село, окруженное давно распаханными старыми полями, отстоящее лишь въ пятидесяти верстахъ отъ большой пристани Вятскія Поляны, на рѣкѣ Вяткѣ, и въ полуторыхъ десяткахъ верстъ отъ большого пермско-казанскаго тракта. Въ Ст. Мултанѣ вотъ уже 50 лѣтъ существуетъ церковь, пятьдесятъ лѣтъ вотское село служитъ центромъ православнаго прихода; въ немъ живутъ постоянно два священника съ причтомъ, и тридцать лѣтъ дѣти вотяковъ Стараго Мултана учатся въ церковно-приходской школѣ... Одинъ изъ обвиненныхъ въ принесеніи человѣческой жертвы, Василій Кузнецовъ—мѣстный торговецъ, староста мултанской церкви...

Если вы подумаете, далѣе, что одинъ только Мултанъ обвиняется въ сохраненіи, по какой-то несчастной случай-

ности, ужаснаго переживанія ужаснаго обычая, то вы опять ошибетесь. Обвиненіе мултанцевъ было бы невозможно, и странное убійство оставалось бы совершенно необъяснимымъ, если бы слѣдствіе не постаралось собрать множество слуховъ, по большей части, неизвѣстно откуда исходящихъ,—слуховъ о томъ, что среди вотяковъ *вообще* сохранился обычай человѣческихъ жертвоприношеній. Эти слухи не касались непосредственно Мултана: они шли съ дальнихъ мѣстъ, со стороны „Учинской и Уваткулинской", изъ другихъ мѣстностей, изъ другихъ уѣздовъ. Изъ отчета объ этомъ дѣлѣ, напечатаннаго въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", видно, что обвиненіе ставилось не противъ данныхъ только семи лицъ. Они, по мнѣнію обвинителя, явились лишь исполнителями. На вотскомъ кенешѣ (мірскомъ сходѣ) ставится рѣшеніе: принести человѣческую жертву. Нищій убитъ въ родовомъ шалашѣ, но не для даннаго рода. Его кровь нужна, будто бы, для жертвы за всю деревню. Можетъ быть, даже не за одну деревню, а за многія деревни „вавожскаго края"... Этого мало. Ученый экспертъ, казанскій профессоръ Смирновъ, отстаивавшій существованіе ужаснаго культа среди современнаго вотскаго населенія, приводилъ общія „преданія", не относившіяся спеціально къ Мултану, слухи, исходившіе изъ другихъ уѣздовъ, даже сказки не вотскія, а родственнаго вотякамъ черемисскаго народа. Вы видите, что ужасное обвиненіе ширится, растетъ, что данный судебный приговоръ есть приговоръ надъ цѣлой народностью, состоящей изъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ людей, живущихъ въ вятскомъ краѣ, бокъ-о-бокъ съ русскимъ народомъ и, повторяю, тою же земледѣльческою жизнію... Постарайтесь представить себя, по возможности, ясно въ роли вотяка-крестьянина, сосѣда русской деревни, въ роли вотяка-учителя, наконецъ въ роли священника изъ вятскаго края,—и вы сразу *почувствуете* все ужасное значеніе этого приговора.

Предполагаю, что у читателя является возраженіе: не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать значеніе и силу нашей культуры въ темной средѣ деревенской Руси. И въ христіанской деревнѣ много тьмы и невѣжества: у насъ есть лѣшіе и вѣдьмы, въ наши глухія деревушки залетаютъ огненные змѣи, у насъ приколачиваютъ мертвыхъ колдуновъ осиновыми колами къ землѣ, у насъ убиваютъ вѣдьмъ... Въ Сибири еще недавно убили мимо идущую холеру, въ видѣ какого-то неизвѣстнаго странника. „Холера" умерла, какъ умираетъ обыкновенный человѣкъ, пришибенный ударомъ кола, а убійцы суждены и осуждены судомъ... „Что же мудренаго,—спра-

шиваетъ у меня одинъ корреспондентъ, — что вотяки, полуязычники, которые, вдобавокъ, несомнѣнно сохранили обычай кровной жертвы,—могли принести и человѣческую жертву? И что новаго открыло намъ въ этомъ отношеніи мултанское дѣло?“

Мнѣ кажется, что здѣсь есть крупное смѣшеніе понятій. Да, суевѣрія очень сильны,—и убійство вѣдьмы произошло еще лѣтъ 15—20 назадъ даже въ бельгійской деревнѣ. Что же? Вы не удивитесь поэтому, если бы въ бельгійской деревнѣ было доказано существованіе каннибальскаго культа? Въ наши деревни летаютъ огненные змѣи... Слыхали ли вы, однако, чтобы цѣлое общество, хотя бы подлиповцевъ, рѣшило на общественномъ сходѣ принести огненному змѣю торжественную каннибальскую жертву? У насъ приколачиваютъ колдуновъ осиновыми колами! Значитъ ли это, что наша культура равна культурѣ антропофаговъ и каннибаловъ?

Нѣтъ, не значитъ. Оставимъ формальную принадлежность къ той или другой религіи, оставимъ также и церковно-приходскую или иную школу. Я полагаю, что даже между полнымъ язычникомъ, живущимъ общею жизнію съ земледѣльческимъ христіанскимъ населеніемъ, и язычникомъ-каннибаломъ — разстояніе огромное. Язычникъ, ограничивающійся принесеніемъ въ жертву гуся, и язычникъ-каннибалъ, — это представители двухъ совершенно различныхъ антропологическихъ или, по крайней мѣрѣ, культурныхъ напластованій, отдѣленныхъ цѣлыми столѣтіями. Выражаясь символически, — между ними приблизительно такое же разстояніе, какъ между жертвоприношеніемъ Авраама (отмѣчающимъ воспрещеніе человѣческой жертвы въ ветхомъ завѣтѣ) и принесеніемъ двухъ голубей въ іерусалимскій храмъ іудеями первыхъ годовъ христіанской эры...

Далѣе, — я полагаю, что между язычникомъ, сохранившимъ гдѣ-нибудь въ глубинѣ лѣсовъ или въ пустынной тундрѣ всю чистоту своего языческаго культа, и язычникомъ-земледѣльцемъ, вкрапленнымъ въ теченіе столѣтій въ самую среду русскаго народа, опять должна быть значительная разница. Дѣло тутъ даже не въ культурной миссіи оффиціальныхъ миссіонеровъ, а въ простомъ вѣковомъ близкомъ общеніи на почвѣ общаго труда и общихъ интересовъ съ земледѣльческимъ и христіанскимъ народомъ. Я приведу ниже молитву, которая произносилась въ началѣ настоящаго столѣтія на огромномъ жертвоприношеніи черемисъ ихъ *картами* (жрецами), и вы увидите, какому богу она приносилась и какъ сама она далека уже отъ каннибальскихъ заклинаній. Наконецъ, между этимъ по-

слѣднимъ язычникомъ и инородцемъ-христіаниномъ, болѣе столѣтія уже обращеннымъ, — является еще одна, еще новая градація...

Какъ ни плоха была его школа, какъ ни слаба обращенная къ нему проповѣдь, — всетаки онѣ не могли не отдалить инородца еще на одну ступень отъ его первобытныхъ вѣрованій. Правда, онъ внесъ въ новую вѣру значительную долю суевѣрій; правда, въ его средѣ еще живутъ старые обряды, — но, принижая новую вѣру, онъ всетаки подымаетъ до нея старую, и то новое, что изъ этой смѣси возникло въ его душѣ, — уже есть именно новое; это смѣсь, неравная ни одной изъ своихъ составныхъ частей.

Это не настоящее христіанство, но это и не язычество въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало до обращенія. Обрядъ еще держится. Обрядъ и прививается ранѣе, и уходитъ позже выражаемыхъ имъ понятій. Но старые боги умираютъ въ темной душѣ, и понемногу изъ-за новыхъ формулъ проглядываетъ все больше и больше новое содержаніе. „Христосъ страдалъ, намъ страдать надо“ — одна эта формула въ устахъ обвиненныхъ въ каннибализмѣ способна потрясти слушателя глубокимъ сомнѣніемъ: неужели люди, знающіе *это*, прибѣгающіе къ *этому* въ минуту страшнаго удара, разбивающаго жизнь, — способны цѣлымъ обществомъ, спокойно, сознательно убить человѣка во имя Бога!

И, однако, кто-то убилъ нищаго и взялъ у него голову и сердце! Значитъ, во всякомъ случаѣ — это убійство суевѣрное?

Я не знаю. Но если и такъ, то въ немъ участвовали одинъ или двое. Бываютъ вспышки паники, страсти, когда въ толпѣ сразу просыпаются, оживаютъ инстинкты пещерныхъ предковъ, даже звѣрей. Тогда-то и убиваютъ проходящую мимо холеру. Здѣсь не то. Здѣсь необходимо допустить существованіе культа, при которомъ молитвенное настроеніе души въ цѣломъ сельскомъ обществѣ, нѣтъ, въ цѣломъ краѣ, — спокойно, сознательно, постоянно или по крайней мѣрѣ періодически направляется въ сторону человѣческихъ жертвоприношеній. Каннибализмъ здѣсь является постоянно дѣйствующимъ, живымъ культомъ, охватывающимъ еще въ наше время огромную площадь, живущимъ въ сотняхъ тысячъ умовъ, исповѣдующихъ по наружности христіанскую вѣру...

Нѣтъ, нельзя закрывать глаза на весь ужасъ этого явленія, если оно существуетъ, нельзя сравнивать его ни съ какими суевѣріями! Суевѣрія вы найдете еще во всѣхъ слояхъ общества; каннибализмъ отодвинулся отъ насъ на тысячелѣтія.

Такъ, по крайней мѣрѣ, мы думали до сихъ поръ. Теперь оказывается, что онъ живъ, что это — не частная вспышка случайнаго переживанія, а хроническое явленіе по всей площади, занимаемой вотскимъ племенемъ.

Но если это такъ, — то нужно понять размѣры и значеніе этого явленія. Нѣтъ, это не равносильно обычнымъ суевѣріямъ, къ которымъ мы уже приглядѣлись и привыкли. Это шире всѣхъ вопросовъ о силѣ или слабости оффиціальной миссіи. Повторяю: перенеситесь мыслію въ положеніе вотяка, сколько-нибудь сознательно относящагося къ этому обвиненію, — и вы почувствуете всю его тяжесть. Вы почувствуете также и то, что это обвиненіе противъ самаго культурнаго типа не однихъ вотяковъ, но и ихъ сосѣдей, неспособныхъ вѣковымъ общеніемъ облагородить сосѣда инородца, хотя бы до степени невозможности каннибализма въ культурной атмосферѣ, которой они дышатъ сообща!

Я полагаю, что мысль моя ясна: какъ существуютъ геологическія напластованія и формы, только этимъ напластованіямъ сродныя, такъ же есть напластованія культурныя, отдѣленныя другъ отъ друга столѣтіями и разными наслоеніями пережитаго прошлаго. Каннибализмъ есть форма, свойственная давно погребеннымъ, самымъ низкимъ слоямъ культуры, потонувшая на разстояніи столѣтій, и населеніе, въ которомъ она была жива, представляло собой низшую ступень въ развитіи человѣческаго типа... Существованіе языческихъ обрядовъ не можетъ еще служить доказательствомъ человѣческаго жертвоприношенія. Нужны доказательства болѣе прямыя.

Вотъ почему я полагаю, что мултанское дѣло есть дѣло „особой важности“, на которое слѣдуетъ обратить самое пристальное вниманіе. Не закрывать глаза, конечно, не отстранять непріятные выводы,—но присмотрѣться серьезно и строго, съ чѣмъ въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло. Недостаточно приговорить нѣсколько человѣкъ, — нужно узнать, что тутъ было, какому богу приносятся эти жертвы, какъ широкъ его культъ... Но прежде всего: — дѣйствительно ли этотъ культъ существуетъ... Нужно, чтобы разсѣялся этотъ густой туманъ, эта туча недоумѣній, нависшая надъ мрачною драмой, нужно, чтобы настоящее зло, если оно есть, не скрывалось ни за какими сомнѣніями...

III.

Въ настоящей статьѣ я, разумѣется, не разсчитываю исчерпать данный вопросъ. Читателямъ „Русскаго Богатства“ отчасти уже извѣстна и обстановка, и обстоятельства дѣла,

о которомъ дважды уже говорилось въ нашемъ журналѣ *). Они знаютъ также, что первый приговоръ кассированъ сенатомъ, который призналъ, что:

во 1-хъ, не доказано самое существованіе среди вотяковъ обычая человѣческихъ жертвоприношеній,

что, во 2-хъ, предварительнымъ слѣдствіемъ сдѣлано много упущеній, не исправленныхъ также и слѣдствіемъ судебнымъ,

и что, наконецъ, въ дѣлѣ была существенно нарушена равноправность сторонъ. Въ настоящее время защитникомъ мултанскихъ вотяковъ опять подана кассаціонная жалоба, и юридическая сторона дѣла будетъ еще разъ предметомъ компетентнаго обсужденія. Здѣсь, поэтому, я пока совершенно оставляю въ сторонѣ вопросъ, насколько убѣдительны доказательства виновности семи обвиненныхъ мултанцевъ. Я останавливаюсь только на общемъ вопросѣ: можно ли и теперь признать доказаннымъ самое существованіе человѣческаго жертвоприношенія среди вотскаго населенія, и главнымъ образомъ, какому богу могла быть принесена эта ужасная жертва.

Вотъ фактическая сторона этого дѣла:

Въ понедѣльникъ, послѣ Ѳоминой недѣли, т. е. 20 апрѣля 1892 года, нищій Кононъ Дмитріевъ Матюнинъ отправился изъ родного села (завода Ныртовъ, Мамадышскаго уѣзда, Казанской губ.) въ малмыжскую сторону за сборомъ подаянія. Это былъ человѣкъ нестарый, очень крѣпкій, здоровый на видъ, смирный и непьющій, но страдающій падучей болѣзнію и проявлявшій, по нѣкоторымъ указаніямъ, признаки ненормальности. Отъ завода Ныртовъ до стараго Мултана, если не ошибаюсь, болѣе 100 верстъ. Нищій шелъ, побираясь Христовымъ именемъ, заходя по сторонамъ и ночуя гдѣ доведется. 4 мая въ серединѣ дня онъ встрѣтилъ мултанскаго псаломщика Богоспасаева въ дер. Капкахъ, по пути къ Кузнеркѣ или Аныку, или, можетъ быть, къ Мултану. Они обмѣнялись жалобами на скупость народа. Псаломщикъ набралъ очень мало овса на сѣмена, а нищему не вѣрили, что онъ боленъ. Между тѣмъ, не смотря на здоровый видъ, — у него падучая, отъ которой онъ напрасно лѣчился въ Ныртахъ. Докторъ совѣтовалъ ѣхать въ Казань, „тамъ ему сколютъ черепъ и выпустятъ воду...“ Но нищій побоялся. Такъ поговоривъ, они разстались, и псаломщикъ болѣе его не видалъ.

Наканунѣ, въ ночь съ 3 на 4 мая нищій изъ Ныртовъ, страдающій падучею болѣзнію, въ азямѣ съ синей заплатой,

*) Обществ. хроника. Ноябрь 1894 г. и іюнь 1895 г.

ночевалъ въ деревнѣ Кузнеркѣ, у старика (русскаго) Тимоѳея Санникова. На слѣдующій вечеръ 4 мая къ сыну этого Санникова, Николаю, опять приводятъ на ночлегъ нищаго. Онъ тоже изъ Ныртовъ, тоже страдаетъ падучей болѣзнію, тоже здоровъ на видъ и вдобавокъ говоритъ, что ночевалъ у Тимоѳея Санникова прошлую ночь. Всѣ эти признаки точно соотвѣтствуютъ примѣтамъ Матюнина, но впослѣдствіи Николай Санниковъ вспоминаетъ, что на азямѣ этого нищаго какъ будто не было заплаты, изъ чего обвиненіе рѣшительно заключаетъ, что это былъ другой нищій, хотя тоже изъ Ныртовъ, тоже страдающій падучей и... тоже ночевавшій наканунѣ у Тимоѳея Санникова?

Въ то же время, т. е. 4 мая, псаломщикъ Богоспасаевъ, вернувшійся со своимъ скуднымъ сборомъ овса,—видитъ въ Мултанѣ еще другого нищаго съ корзиной и пьянаго. Этого же нищаго видятъ и другіе свидѣтели, въ томъ числѣ урядникъ. Онъ отличается отъ Матюнина, во-первыхъ, корзиной, во-вторыхъ, у него нѣтъ посоха, въ-третьихъ, онъ пьянъ (Матюнинъ, по увѣренію его вдовы, въ ротъ не бралъ водки). Вотяки говорятъ, что этотъ нищій былъ родомъ съ Ижевскаго завода и дѣйствительно ночевалъ въ Мултанѣ...

Съ приближеніемъ вечера рокового четвертаго мая — признаки этихъ двухъ личностей какъ-то перемѣшиваются взаимно. Три свидѣтеля видятъ какого-то нищаго идущимъ по улицѣ въ Мултанѣ и сидящимъ на бревнахъ. Онъ красенъ и пьянъ, что-то бормочетъ, а по одному показанію — закуриваетъ папиросу (Матюнинъ не курилъ). Все это черты ижевскаго нищаго съ корзиной. Но на немъ надѣтъ будто бы азямъ съ заплатой и рубаха съ прорѣхой, принадлежащіе нищему изъ Ныртовъ и найденные впослѣдствіи на убитомъ. Его передъ вечеромъ (около 4 мая) ведутъ по переулку, къ дому суточнаго, у котораго должны ночевать всѣ нищіе, застигнутые приближеніемъ ночи въ Мултанѣ...

Какъ видите, въ сумеркахъ рокового вечера — личность нищаго двоится: при одномъ изъ двойниковъ, ночующемъ въ Кузнеркѣ, остается вечеромъ 4 мая происхожденіе (изъ Ныртовъ), падучая болѣзнь и рыжая борода Матюнина; при другомъ, котораго видѣли на бревнахъ въ Мултанѣ,— азямъ съ заплатой и одежда того же Матюнина, съ прибавленіемъ впрочемъ пьянства...

Затѣмъ, нищій съ корзиной, родомъ изъ Ижевскаго завода и любящій выпить, продолжаетъ еще шататься по Мултану болѣе недѣли,—а нищаго изъ Ныртовъ тѣ, кто его видѣлъ, видѣли въ послѣдній разъ.

5 мая, часовъ въ 9 утра, крестьянская дѣвочка Марѳа Головизнина шла пѣшеходной тропой, пролегающей по лѣсу, между деревнями Чульей и Аникомъ. Я былъ на этой тропѣ послѣ описаннаго выше приговора надъ вотяками. Трудно представить себѣ мѣсто, болѣе угрюмое и мрачное. Кругомъ ржавая болотина, чахлый и унылый лѣсокъ. Узкая тропа, шириной менѣе человѣческаго роста, вьется по заросли и болоту. Съ половины ея настланъ короткій бревенникъ въ родѣ гати, между бревнами нога сразу уходитъ въ топь по колѣно; кой-гдѣ между ними проступаютъ лужи, черныя, какъ деготь, мѣстами ржавыя, какъ кровь. Нѣсколько досокъ, остатки валежника и козлы изъ жердей обозначаютъ мѣсто, гдѣ нашли трупъ Матюнина и гдѣ его караулили сосѣдніе крестьяне...

Онъ лежалъ поперекъ, т. е. занялъ всю тропу, по которой шла Головизнина. Я былъ на этой тропѣ, и мнѣ очень трудно представить, чтобы кто бы то ни было, идущій по ней и видящій на своей дорогѣ это ужасное препятствіе, могъ не замѣтить среди бѣлаго дня, что у лежащаго въ такомъ необычномъ мѣстѣ человѣка нѣтъ головы. Но дѣвочка этого „не замѣтила“, какъ она говоритъ, потому что человѣкъ былъ прикрытъ азямомъ. У нея развязался вдобавокъ лапоть. Она „подобулась, обошла трупъ по-за-ногамъ“ и пошла дальше. Пройдя мимо толчеи, постукивающей шагахъ въ 200 на такой же унылой полянкѣ, она пришла въ починокъ и сказала тамъ о лежащемъ на тропѣ человѣкѣ.

Назадъ она пошла опять одна той же тропой, на слѣдующій день, 6 мая. Человѣкъ лежалъ тамъ же, но азямъ, какъ говорится въ обвинительномъ актѣ, — былъ *кѣмъ-то* снятъ. Кто это подходилъ къ трупу въ эти сутки и кто снялъ азямъ, — осталось неизвѣстнымъ, но теперь дѣвочка разсказала въ деревнѣ Чульѣ о томъ, что у лежащаго на тропѣ человѣка нѣтъ головы. Пришли крестьяне двухъ деревень и совершенно затоптали слѣды, такъ что оказалось невозможнымъ опредѣлить, откуда подтащенъ трупъ. 7 мая прибылъ урядникъ, который нашелъ, что на убитомъ надѣта котомка, за лямки которой задѣланъ сложенный азямъ. Итакъ, безвѣстная рука, то прикрывавшая, то снимавшая азямъ — продолжала надъ мертвымъ свою работу, даже по прибытіи полиціи...

9-го прибылъ приставъ, который записываетъ новую перемѣну: уже послѣ урядника кто-то вынулъ азямъ изъ-за котомки, надѣлъ его на трупъ въ рукава и опять надѣлъ котомку за плечи. При этомъ и лапти оказались завязаны

плохо, какъ будто ихъ надѣвали уже на мертваго. Вотяковъ въ это время еще не было. Азямъ, который дѣвочка видѣла на трупѣ, а урядникъ—задѣланнымъ за лямки, опять надѣтъ въ рукава, очевидно, уже на мертваго и при томъ не вотяками. Къ сожалѣнію, цѣль этого многократнаго переодѣванія найденнаго на тропѣ безголоваго человѣка совершенно не интересуетъ ни пристава, ни слѣдственныя власти, которыя обращаютъ исключительное вниманіе на лапти. На основаніи однихъ этихъ данныхъ, да еще темныхъ слуховъ о вотякахъ вообще,—составляется предположеніе, что убитый принесенъ въ жертву вотскимъ богамъ. Впослѣдствіи, ровно черезъ мѣсяцъ оказалось при вскрытіи, что изъ грудной полости вынуты сердце и легкія, для чего у шеи и спины разрублены основанія реберъ. Но въ то время приставъ не замѣтилъ и не описалъ этихъ поврежденій, хотя, впрочемъ, самъ раздѣвалъ трупъ... Въ его протоколѣ есть даже слѣдующее странное мѣсто: „есть ли сердце и легкія, *замѣтить невозможно* изъ-за большого количества запекшейся крови“.

При трупѣ оказались: азямъ съ заплатой и синепестрядинная рубаха съ прорѣхой подъ мышкой, видѣнные нѣкоторыми свидѣтелями будто бы на нищемъ въ Мултанѣ; затѣмъ рыжая борода и свидѣтельство о томъ, что убитый родомъ изъ Ныртовъ, а также, что онъ страдаетъ падучей болѣзнію, — черты нищаго, ночевавшаго въ Кузнеркѣ. Такимъ образомъ двойственная личность убитаго остается такою же и послѣ смерти. Если это тотъ, что ночевалъ въ Кузнеркѣ, значитъ, выйдя утромъ послѣ восхода солнца 5 мая, онъ пошелъ куда-нибудь къ Аныку, свернулъ на лѣсную тропу и гдѣ-то здѣсь встрѣтилъ свою горькую участь. Свидѣтельства о личности и болѣзни даютъ основаніе для этого предположенія.

Но... признаки одежды (азямъ и прорѣха на рубахѣ) направляютъ розыски къ Мултану, и съ этихъ поръ дѣло принимаетъ свой окончательный характеръ: вотяки обвиняются въ человѣческомъ жертвоприношеніи.

Обвиненіе рисуетъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ.

Въ Мултанѣ сохранились еще слѣды родового быта и языческаго культа. Родовое дѣленіе сказалось разслоеніемъ Мултана на два рода: учурскій и будлуцкій. Къ первому принадлежитъ 14 семей, ко второму остальныя (56). У каждаго рода есть свой шалашъ, родъ амбара, съ полками вдоль стѣнъ безъ оконъ, въ которомъ родовичи совершаютъ „моленія“, хотя и передъ иконой, но по старому языческому обряду. Они здѣсь „молятъ“, то есть приносятъ въ жертву гусей и

утокъ. Разъ былъ принесенъ даже бычокъ. Для этого у каждаго рода при шалашѣ есть выборные, въ родѣ жрецовъ; тыръ-восяси, покчи-восяси и бодзимь-восяси, которые совершаютъ обряды.

Порой оба рода соединяются на полянѣ для обще-деревенской молитвы. Однажды молодой священникъ Ергинъ, назначенный въ Мултанъ, проѣзжая по дорогѣ, замѣтилъ дымокъ въ сторонѣ и, догадавшись въ чемъ дѣло, направился туда. Это было уже послѣ начала дѣла, когда вотяки уже были привлечены къ слѣдствію. Тѣмъ не менѣе, вотяки, повидимому, свободно продолжали обрядъ: они закололи бычка передъ двумя огнищами, на которыхъ въ котлахъ варили его мясо. Тутъ были также хлѣбы съ яичницей, сосуды съ кумышкой или пивомъ. Одинъ изъ стоявшихъ впереди трехъ вотяковъ произносилъ какія-то слова и наклонялъ голову, а за нимъ наклоняли головы и остальные. Въ числѣ присутствующихъ была мать обвиняемаго Кузнецова, которая молилась, *стоя на колѣняхъ*. На вопросъ, кому они молятся, вотяки отвѣтили, что они молятся „тому же Богу, а если въ лѣсу, то потому, что такъ дѣлали отцы и дѣды“...

Итакъ, существованіе кровной жертвы въ православномъ Мултанѣ нужно считать вполнѣ доказаннымъ. Оставляя пока вопросъ о томъ, кому приносились эти жертвы, — я дорисую со словъ обвиненія предполагаемую картину убійства. Домъ Василія Кондратьева, куда привели нищаго, вечеромъ 4 мая, находится невдалекѣ отъ шалаша Моисея Дмитріева, въ которомъ совершаются моленія учурскаго племени. Здѣсь, если обвиненіе вѣрно, Матюнинъ пьяный былъ подвѣшенъ, и изъ него добыты внутренности и кровь для общей жертвы въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть для общей жертвы всего вавожскаго края и можетъ быть „для принятія этой крови внутрь“.

IV.

Кому же могла быть принесена эта жертва, кому вообще приносились жертвы и въ шалашахъ, и на полянахъ села Стараго Мултана, невдалекѣ отъ его церкви и отъ церковно-приходской школы?

На это пытаются намъ отвѣтить, во-первыхъ, обвинительный актъ и, во 2-хъ, ученая экспертиза. Нужно сказать, однако, что обвинитель остался недоволенъ экспертизой, хотя профессоръ Смирновъ и ранѣе, въ печати, и на судѣ допускалъ возможность жертвоприношенія у современныхъ вотяковъ. „Экспертиза ничего не дала намъ, — сказалъ тов. про-

курора въ своей рѣчи.—Наоборотъ, наука много почерпнетъ изъ настоящаго дѣла".

Проф. Смирновъ держится иного мнѣнія, а другой представитель науки, г-нъ Богаевскій, написавшій обстоятельный анализъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", повторяетъ въ этомъ отношеніи то же мнѣніе. Считаю необходимымъ замѣтить,— пишетъ онъ, — что, „не смотря на вторичное осужденіе обвиняемыхъ, на страницы работъ по этнографіи Россіи не можетъ быть занесено утвержденіе факта существованія въ настоящее время у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній" *). Проф. Смирновъ также говорилъ мнѣ послѣ суда, что онъ не почерпнулъ изъ даннаго дѣла ни одной черты, которая бы утверждала его въ заранѣе уже сложившемся общемъ мнѣніи, противоположномъ мнѣнію г-на Богаевскаго.

Оба ученые утверждаютъ единогласно, что въ данномъ дѣлѣ они натыкаются только на рядъ противурѣчій. Если вотяки еще приносятъ даже человѣческія жертвы,—то это значитъ, конечно, что у нихъ сильны древнія языческія вѣрованія и понятія, которыхъ они не рѣшатся нарушить. Между тѣмъ, настоящее дѣло представляетъ именно рядъ такихъ нарушеній. Прежде всего обвиняемые принадлежатъ къ разнымъ родамъ. Между тѣмъ, по согласному показанію *всѣхъ экспертовъ* и проф. Богаевскаго, „въ родовомъ шалашѣ можетъ быть принесена жертва лишь божеству, въ немъ обитающему", и „чужеродцы не пользуются милостями божества, обитающаго въ родовомъ шалашѣ"; „даже самое присутствіе въ шалашѣ чужеродца оскорбляетъ божество, обитающее въ святилищѣ даннаго рода". Между тѣмъ, оскорбленіе божества, обитающаго въ родовомъ шалашѣ, является наиболѣе страшнымъ преступленіемъ для вотяка, уничтожаетъ всѣ благія послѣдствія жертвы и „даже лишаетъ человѣка счастія".

Далѣе, одинъ изъ подсудимыхъ, Кузьма Самсоновъ, мясникъ, обвиняется въ томъ, что онъ,—не жрецъ и не помощникъ жреца, — совершилъ самое убійство, будучи для этого *нанятъ за деньги*. Между тѣмъ, „приносить жертвы могутъ лишь спеціально на этотъ предметъ избранные жрецы".

Наконецъ, добываніе крови въ одномъ мѣстѣ для жертвы, приносимой въ другомъ,—*всѣ ученые* единогласно признаютъ невозможнымъ...

Всѣ эти черты пріобрѣтаютъ особенную важность въ виду того соображенія, что приверженность къ буквѣ, къ обряду— характеризуютъ главнымъ образомъ мало-культурнаго чело-

*) „Русск. Вѣд.", 7 ноября, № 308.

вѣка. „Вспомнимъ“, говоритъ проф. Богаевскій, что „опущеніе лишь одного слова въ молитвѣ, напр., въ древнемъ Египтѣ уничтожало значеніе всего священнодѣйствія; какъ часто присутствіе чужеродца оскорбляло божество, которому молились древніе римляне“. Между тѣмъ, здѣсь „отступленія отъ ритуала такъ велики, что противурѣчатъ всѣмъ основнымъ требованіямъ религіозныхъ представленій вотяковъ и сознанію ихъ обязанности передъ богами“.

Итакъ, наука останавливается въ полномъ недоумѣніи передъ обстоятельствами, которыми обвиненіе обставляетъ жертву въ данномъ случаѣ. Теперь посмотримъ, что даетъ намъ слѣдствіе и экспертиза по вопросу о томъ, какимъ же богамъ или какому богу приносились мултанцами жертвы.

Обвиненіе отвѣчаетъ категорично. У всѣхъ вотяковъ существуетъ „злой богъ Курбонъ“, который требуетъ себѣ въ жертву жеребенка, а по временамъ, лѣтъ черезъ 40—и человѣка. Никто, правда, не слыхалъ объ этомъ Курбонѣ въ Мултанѣ, но о немъ сообщилъ Михайло Савостьяновъ Кобылинъ. Онъ получилъ это свѣдѣніе отъ *неизвѣстнаго ему* кучугурскаго вотяка, который при томъ, по его словамъ,— „умомъ былъ не совсѣмъ“: дурачекъ и блаженненькій. Впрочемъ, предсѣдатель, на томъ основаніи, что Кобылинъ не могъ указать точнѣе источника этихъ слуховъ о Курбонѣ, воспретилъ ему (нѣсколько, правда, поздно) дальнѣйшую характеристику этого сердитаго бога. Нужно сказать, однако, что вслѣдъ за Кобылинымъ о томъ же богѣ разсказалъ присяжнымъ урядникъ Соковиковъ. Онъ сообщилъ еще, что, кромѣ злого Курбона, есть Аптасъ и Чупканъ, боги веселые и добродушные. Эти довольствуются гусемъ или уткой и большей жертвы не просятъ.

— Отъ кого вы это слышали?—спрашиваетъ предсѣдатель.

Оказывается, что урядникъ можетъ указать точно, откуда онъ это слышалъ. Ему разсказывалъ... тотъ же Кобылинъ!

Третій свидѣтель, знакомый съ Курбономъ—земскій начальникъ Кронидъ Васильевичъ Львовскій. Правда, въ отношеніи этого свидѣтельства мы встрѣчаемся съ нѣкоторой странностію. Въ его показаніи слѣдователю этотъ богъ называется не Курбономъ, а Киреметомъ и только, очевидно, по ошибкѣ (?), это имя переносится въ обвинительный актъ въ видѣ „Курбона“. Впрочемъ, и Львовскому предсѣдатель воспрещаетъ разсказъ объ этомъ или другомъ богѣ, такъ какъ онъ слышалъ о нихъ отъ „одного“ неизвѣстнаго стараго вотяка, и самъ называетъ все это лишь слухами, на которыхъ въ свою очередь „не счелъ бы возможнымъ основаться“.

Таковы всѣ свѣдѣнія о зломъ богѣ, которыя до очевидности ясно истекаютъ изъ одного лишь источника: этнографическихъ познаній Кобылина. Послѣ судебнаго слѣдствія и показаній Кобылина выясняется окончательно и безповоротно, что бога Курбона *совсѣмъ не существуютъ*, и самое слово означаетъ только „моленіе“ или жертву. Такимъ образомъ, грозный богъ исчезаетъ изъ дѣла, оставляя на своемъ мѣстѣ лишь неразрѣшенный вопросъ: кому же тогда могла быть принесена жертва?

V.

Обращаемся къ экспертизѣ.

Профессоръ Смирновъ, написавшій книгу о вотякахъ, далъ намъ въ этой книгѣ и въ своей рѣчи на судѣ изложеніе вотской миѳологіи. По его словамъ, вотская религія пережила фетишизмъ, затѣмъ перешла къ антропоморфическому анимизму, который оставилъ на ней очень ясные слѣды, и подверглась спиритуалистическому вліянію со стороны тюркскихъ племенъ. Вотякъ стремится оживить всѣ явленія природы: лѣсъ для него населенъ палесъ и нулесъ-муртами (наши лѣшіе), въ водѣ живетъ водяной (ву-муртъ), въ домѣ—домовой (бустурганъ), солнце, земля-мать, древесныя вѣтви, все это одушевляется, все это надѣляется человѣческими свойствами...

Но... если вотякъ приноситъ яйца и кумышку на могилу предка, — то вѣдь и мы сохранили радуницу и поминки съ водкой даже на Волковомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ. Если у вотяка есть сказочная кукри-баба,—то и у насъ есть ея родная сестра, баба-яга, которая, по свидѣтельству г-на Смирнова, съ нею тожественна даже и по виду... Какъ бы то ни было, самое существованіе всей этой низшей лѣсной, домовой и болотной братіи еще не доказательство возможности человѣческой жертвы, ибо тогда мы должны признать ее возможной и у насъ, въ любой русской деревнѣ.

Профессоръ Смирновъ много разъ отмѣчаетъ въ своей книгѣ, что современный вотякъ сталъ очень скупъ на жертвы: отдѣлываясь пустяками, гусемъ или уткой, онъ вдобавокъ самъ же съѣдаетъ ее почти всю. Да это, по отношенію ко всякой миѳологической мелкотѣ, пожалуй, и совершенно понятно. Въ приводимыхъ г. Смирновымъ сказкахъ одинъ вотякъ стрѣляетъ въ воршуда, другой сжигаетъ цѣлый выводокъ нулесъ-муртенятъ, пришедшихъ въ лѣсу на его огонекъ. Два вотяка попали въ избушку лѣшихъ, изъ нихъ двухъ нулесъ-муртовъ изжарили въ печи, третьяго убили. Застрѣливаютъ изъ ружья также и ву-мурта (водяного). Впрочемъ,

ву-мурты и вообще народъ довольно добродушный, а одинъ изъ нихъ (въ сказкѣ) даже открылъ въ одномъ городѣ торговлю рыбой.

Г. Смирновъ приводитъ сказки, изъ которыхъ видно, что нѣкоторые изъ этой братіи „охочи до человѣческой крови". Мало ли кто до чего охочъ! Очевидно, однако, что не этой мелкой нечисти, которою кишатъ также и наши лѣса,—станутъ приносить человѣческія жертвы!..

Но тогда кому же?

У вотяковъ есть еще Ин-маръ, могущественный Богъ, олицетворяющій небо. Г. Смирновъ производитъ его имя отъ Ин-Мурта, небеснаго человѣка, но самъ признаетъ, что понемногу это понятіе очищалось, и шелуха антропоморфизма отъ него отваливалась, а самое понятіе все больше и больше проникалось спиритуалистическимъ содержаніемъ. И вотъ, теперь другой экспертъ, г. Верещагинъ, перевелъ это названіе такъ: ин—небо, маръ—что. „Что на небѣ", „Тотъ, Кто на небѣ", „Господь". Г. Смирновъ признаетъ, что теперь дѣйствительно это слово выражаетъ понятіе духа, оживотворяющаго природу... Иначе: Ин-Маромъ вотякъ зоветъ того же, кого французъ называетъ *Dieu*, нѣмецъ *Gott*, а мы *Богомъ*.

Каковъ этотъ Ин-Маръ у вотяковъ-язычниковъ? Онъ великъ и духовенъ. Онъ могущественъ и свѣтелъ. Онъ, кромѣ того, враждебенъ богамъ анимизма; по крайней мѣрѣ на стр. 208 своей книги г. Смирновъ утверждаетъ, что—стоитъ помянуть Ин-Мара, и могущество воршудовъ и палесъ-муртовъ обращается сразу въ ничто. Кромѣ того, это Богъ общій, власть котораго распространяется на землю и небо, который простираетъ свое могущество надъ всѣмъ народомъ. Этому Богу только и можетъ быть приносима общенародная молитва.

Я позволю себѣ сдѣлать здѣсь выписку изъ „Столѣтія Вятской губерніи" — статьи А. А. Андріевскаго, на которую ссылался г. тов. прокурора въ своей обвинительной рѣчи. Но я вижу въ ней нѣсколько иныя черты, чѣмъ тѣ, которыми пользовался обвинитель. Г. Андріевскій разсказываетъ слѣдующій, чрезвычайно колоритный и характерный эпизодъ:

Въ 1828 году среди инородцевъ-черемисъ Вятской и сосѣднихъ губерній обнаружилось какое-то необычное и странное движеніе. Въ своемъ донесеніи объ этомъ уржумскій земскій исправникъ и другіе слѣдователи объясняли это снами, которые видѣли черемисины Иванъ Токметевъ и Семенъ Васильевъ.

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а котораго числа не знаю, — пока-

зывалъ исправнику Токметевъ,—ночью видѣлъ я во снѣ, что будто я, шедши со множествомъ черемисскаго народа по ровному мѣсту, вдругъ всѣ мы обрушились въ преужасную пропасть и, отъ того испужавшись, обѣщались, по избавленіи, принести Богу моленіе, отъ каковой мысли вдругъ стали подыматься въ гору, гдѣ увидѣли необыкновенный свѣтъ, плодородіе и въ наилучшемъ видѣ разныя деревья". Другой черемисъ видѣлъ, „что будто бы явился къ нему нѣкто, въ видѣ знатнаго человѣка, и совѣтовалъ всему черемисскому народу принести Господу Богу моленіе съ обыкновеннымъ, по обряду черемисскому, жертвоприношеніемъ".

Разумѣется, однихъ сновъ едва ли достаточно для объясненія того широкаго движенія, которое охватило инородцевъ и встревожило властей. Какъ бы то ни было, мы видимъ здѣсь, какъ происходитъ и кому приносится важная жертва: 3-го декабря сошлось въ Сернурской волости до 3-хъ тысячъ человѣкъ у ключа, появившагося недавно въ сухомъ мѣстѣ, что тоже сочтено было за особую милость Божію. На другой день здѣсь найдено было 134 огнища послѣ жертвоприношеній, на которыхъ варилось мясо животныхъ. Было произведено изслѣдованіе при депутатѣ отъ духовенства, которое показало, что „все богомолье совершено было спокойно, послѣ чего и разъѣхались себѣ, не показавъ и виду къ нарушенію общаго спокойствія или возмущенія, чего и впослѣдствіи не открылось..." И даже „молитвы ихъ, какія произносили при семъ случаѣ жрецы, — прибавляетъ исправникъ, — доказываютъ простоту нравовъ и сообразную съ вѣрноподданностію... заботливость о платежѣ податей".

Самая молитва звучала (въ переводѣ) такъ: „*Великій, древній Богъ!* Тебѣ народъ поусердствовалъ нынѣ моленіемъ, привелъ скота, принесъ хлѣба, свѣчъ, пива и меду, собравшись предъ симъ деревомъ: возлюби это и милостиво прими!

„Боже! дай помощь въ жизни народу, дай скота, послѣ сего дай хлѣба, послѣ хлѣба дай пчелъ, послѣ пчелъ просимъ денегъ на оплачиваніе подати (черта, такъ восхитившая исправника), послѣ денегъ просимъ лѣсной ловли, послѣ лѣсной ловли просимъ водяной ловли на выручку денегъ. Милостиво прими!

„Боже! дай въ вѣкѣ семъ хорошаго житья Бѣлому Царю и всѣмъ молящимся здѣсь людямъ, которые привели скота, принесли свѣчи, принесли хлѣба, поставили пиво и кто далъ денегъ. Милостиво прими, аминь!"

Этому „великому древнему Богу" молились одинаково новокрещенные и язычники. Г. Смирновъ приводитъ черемисскую

сказку, въ которой какой-то мелкій водяной хочетъ съѣсть дѣвочку,—и дѣлаетъ изъ этого выводъ, что родственные черемисскимъ боги вотскаго эпоса тоже требуютъ человѣческой жертвы. Но вѣдь и въ нашихъ сказкахъ есть баба-яга, которая „не прочь полакомиться человѣчиной“, а водяной въ сборникѣ Афонасьева хватаетъ проѣзжаго купца за бороду и требуетъ въ выкупъ того, чего купецъ дома не знаетъ (новорожденную дочь)—точь-въ-точь, какъ въ черемисской и вотской сказкѣ.

И мнѣ кажется, что я съ большимъ правомъ могу перенести въ вотскій эпосъ „Великаго древняго бога“, называемаго Ин-маромъ, Кваземъ, Кылдысиномъ и еще нѣсколькими именами. Г. Смирновъ всѣ эти имена производитъ отъ разныхъ стадій религіи—фетишизма, анимизма, антропоморфизма, спиритуализма. Пусть такъ. Но и Богъ ветхаго завѣта носилъ шесть именъ, и каждое имя означало также какую-нибудь стадію на пути отъ идолопоклонства къ великой отвлеченной духовной идеѣ. Въ правѣ ли мы сказать, основываясь на этомъ, что ессей, взывавшій къ Адонаи и уже предчувствовавшій христіанство, является напр. „типическимъ“ огнепоклонникомъ. „Ветхому деньми“ тоже приносились въ древнія времена кровныя жертвы. Но мы знаемъ, что между жертвоприношеніемъ Исаака и принесеніемъ двухъ голубей въ Іерусалимскій храмъ лежитъ цѣлая, огромная исторія...

Одна изъ двухъ черемисскихъ сказокъ, приводимыхъ г-мъ Смирновымъ въ доказательство возможности человѣческаго жертвоприношенія у вотяковъ, показалась намъ особенно интересной, и я очень сожалѣю, что почтенный профессоръ не досказалъ ее на судѣ до конца, ограничившись лишь поверхностнымъ изложеніемъ.

Это сказка о черемисской злой мачихѣ.

Злая мачиха прикидывается больной, злая мачиха зоветъ своего мужа. „Поди въ лѣсъ, къ колдуньѣ, она скажетъ тебѣ, что нужно сдѣлать, чтобы я стала здорова“. Мужъ отправляется въ лѣсъ. А злая мачиха въ это время *переодѣвается колдуньей*, бѣжитъ сама въ назначенное мѣсто и говоритъ отъ имени колдуньи, что для выздоровленія жены нужно убить ея пасынка (вѣроятно, въ жертву какому-нибудь злому божеству). Отецъ возвращается грустный и не рѣшается исполнить это требованіе. Тогда злая мачиха захворываетъ еще сильнѣе, опять посылаетъ мужа къ колдуньѣ, опять переодѣвается, опять бѣжитъ въ лѣсъ, и этимъ обманомъ наконецъ добивается своего!

Изъ этого,—опять заключаетъ г. Смирновъ,—мы видимъ,

что божества черемисскаго эпоса не прочь полакомиться человѣчиной. Правда, въ эпосѣ вотскомъ даже и такой сказки нѣтъ, но въ наукѣ существуетъ „сравнительный методъ“, который позволяетъ г. Смирнову пополнить черемисской сказкой недостающее ему доказательство. И это приводится въ подтвержденіе того, что сидѣвшіе передъ судомъ мултанцы *могли совершить* человѣческое жертвоприношеніе! Экспертъ забылъ, къ сожалѣнію, про „злую мачиху“ и нашихъ русскихъ народныхъ сказокъ, тетка которой тоже ѣстъ дѣтей. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ онъ упустилъ изъ виду, что эта сказка представляетъ прямое *отрицаніе* того, что хотѣлъ доказать профессоръ. Правда, бѣдный черемисъ повѣрилъ и убилъ сына. Но народъ, создавшій эту сказку,—уже явно не вѣритъ умилостивительной силѣ человѣческой жертвы. Развѣ тотъ, кто додумался до этой сказки, не говоритъ такъ ясно глупому человѣку: тебя обманули. Ты думаешь, что крови сына требуетъ божество, а между тѣмъ, тебѣ, глупому, говорила это злая и хитрая женщина!

Да, если эта сказка доказываетъ что-либо, то развѣ то, что даже въ сказкѣ умерла уже вѣра въ необходимость человѣческой жертвы! Умерла, какъ умерли тѣ періоды, черезъ которые послѣдовательно проходила языческая вѣра черемисъ и вотяковъ. „Большая часть этихъ явленій (вѣрованій, обрядовъ и созданій творчества) говоритъ о прошлыхъ, пережитыхъ эпохахъ духовнаго развитія; они держатся въ силу традиціи, не имѣя подчасъ корней въ сознаніи народа. Изслѣдователь долженъ ими пользоваться прежде всего, какъ матеріаломъ для *исторіи* духовнаго развитія народа“.

Кто это говоритъ? Это тоже говоритъ проф. Смирновъ,—и это не мѣшаетъ ему, однако, дѣлать скачокъ изъ періода черемисской сказки въ „духовную жизнь“ современнаго вотяка. На вопросъ защиты,—много ли перенимаютъ вотяки у сосѣдей,—г. Смирновъ отвѣтилъ, что вотяки народъ переимчивый. Это же подтверждается и въ книгѣ профессора: тюрки-магометане однимъ своимъ сосѣдствомъ и общеніемъ, даже безъ школъ, даже безъ храмовъ, даже безъ книгъ — ввели въ антропоморфическую религію вотяка духовное начало и дали ему, вмѣсто небеснаго человѣка Ин-Мурта — небеснаго духа Ин-Мара. Но дальше на вопросъ защиты, можно ли думать, что современный вотякъ остался тѣмъ же, какимъ былъ лѣтъ 200 назадъ, ученый экспертъ отвѣтилъ: „мы считаемъ, что современный вотякъ еще *типичнѣе*, чѣмъ во времена Палласа и Миллера“.

Мнѣ кажется, что это мнѣніе почтеннаго изслѣдователя

очень напоминаетъ отзывъ о портретѣ, который болѣе похожъ, чѣмъ самъ оригиналъ. Болѣе похожъ, — значитъ уже не похожъ, и я думаю, что „болѣе типичный“ вотякъ г. Смирнова есть лишь вотякъ его каѳедры и его книги. Но его можетъ быть и не было среди живыхъ вотяковъ изъ Мултана, судьба которыхъ рѣшалась въ той самой залѣ, гдѣ ученый профессоръ разсказывалъ черемисскія сказки...

Да, современные этнографы узнали болѣе, чѣмъ знали Палласъ и Миллеръ. Поэтому этнографическій образъ теперь полнѣе. Но г. Смирновъ забылъ, что рѣчь идетъ не объ этнографическомъ образѣ, собранномъ по кусочкамъ изъ Сосновскаго края, съ Вавожской и Уваткулинской стороны, изъ Бирскаго, Глазовскаго, Елабужскаго и Малмыжскаго уѣздовъ, — и дополненнаго историческими изслѣдованіями сѣдой старины. Этотъ вотякъ вѣритъ въ Ин-Мурта-человѣка, и въ фетишей, и въ мудоровъ, и въ воршудовъ, какъ и русскій объектъ историко-этнографическихъ изслѣдованій. Но возьмите любого живого вотяка въ отдѣльности, и онъ уже не знаетъ многаго, что знаетъ г. Смирновъ. Въ немъ уже многое умерло и многое народилось вновь. Что такое мудоръ-воршудъ?—спрашиваетъ, напримѣръ, этнографъ и получаетъ цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ отвѣтовъ. По словамъ одного, мудоръ есть родовое имя, „тогда какъ всѣмъ извѣстно, что это слово есть синонимъ воршуда“,—говоритъ г. Смирновъ въ своей книгѣ („Вотяки“, стр. 295). Далѣе оказывается, что воршудныя имена—это имена *давно забытыхъ* богинь. Еще дальше г-нъ Верещагинъ тоже смѣшиваетъ воршуда, какъ божество, съ воршуднымъ именемъ (стр. 304), еще дальше „воршудъ есть слово, означающее родъ и относящееся исключительно къ лицамъ женскаго пола“ (219). „Воршудъ — это идолъ, помѣщающійся въ переднемъ углу квалы“. „Воршудъ—богъ счастія семейной жизни“, воршудъ — коробка съ монетой или оловянной и свинцовой бляшкой, ложкой, хвостикомъ бѣлки, золой (213). Воршудъ (въ одной сказкѣ)—человѣкъ въ бѣлой одеждѣ, котораго вотякъ прогоняетъ выстрѣломъ изъ ружья (214). Воршудъ—христіанскій ангелъ-хранитель (240).

Наконецъ „для елабужскаго и сарапульскаго вотяка—воршудъ—синонимъ Ин-мара (стр. 210), т. е. названіе, обозначающее также и единаго Бога. Что касается Мудора—то и онъ тоже претерпѣлъ сильныя превращенія: „мудоръ—деревопокровитель и его части—вѣтви; на мудорѣ (вѣткахъ) стоитъ воршудъ (коробка), мудоръ—просто жертва передъ иконой, мудоръ—икона, образъ“ въ словарѣ Зеленова. Наконецъ, экспертъ г. Верещагинъ тоже самымъ рѣшительнымъ обра-

зомъ заявилъ на судѣ: „г. Смирновъ говоритъ: мудоръ—богъ. Но мудоръ не богъ, мудоръ—икона“.

Я понимаю, конечно, что г. Смирновъ въ правѣ расположить всѣ эти предметы въ логическую цѣпь и протягивать ее въ глубь минувшаго, къ давно забытымъ богамъ или богинямъ, дополняя своими изысканіями черты легендъ и сказокъ. Но неученый вотякъ просто читаетъ передъ иконой (мудоромъ) христіанскую молитву, или переноситъ свой кусочекъ сухой вѣтви или бѣличій хвостикъ изъ стараго дома въ новый, совершенно не задаваясь вопросомъ о томъ, что думали объ этомъ его „типичные“ предки, какъ мы не задаемся этими вопросами, прибивая подкову на порогѣ...

Я тоже получилъ свою долю свѣдѣній о воршудѣ. Это было въ Мултанѣ, куда я пріѣхалъ послѣ суда. Сынъ одного изъ оправданныхъ въ Малмыжѣ вотяковъ, грамотный и развитой сынъ расторопнаго отставного солдата—водилъ меня въ шалашъ, гдѣ якобы совершено было человѣческое жертвоприношеніе. Шалашъ этотъ произвелъ на меня своеобразное и очень сильное впечатлѣніе. Это просто большой амбаръ съ двускатною крышей. Крыша и теперь раскрыта, какъ и тогда, когда въ немъ производили обыски и (напрасно) искали слѣдовъ крови. Земляной полъ весь изрытъ, густая пыль лежитъ на полкахъ, расположенныхъ вдоль стѣнъ. На одной изъ полокъ стоялъ образъ (мудоръ) Николая Чудотворца. Хозяинъ этого шалаша давно умеръ напрасною жертвой „ритуальнаго дѣла“ въ тюрьмѣ и хозяйка тоже. Изъ ближайшаго дома со страхомъ смотрѣли на насъ испуганныя дѣтскія лица. Это семья одного изъ осужденныхъ, „одно малое племя“, т. е. малолѣтки,—какъ сказалъ мнѣ мой провожатый... Выйдя оттуда, я разговорился съ солдатомъ о миѳологіи.

— Есть у васъ мудоры?

— Есть мудоръ. Мудоръ—икона,—отвѣтилъ онъ.

— А воршудъ?

— Есть и воршудъ.

— Что же это такое?—спросилъ я, радуясь, что наконецъ на мѣсто Курбона и Чупкана я могу поймать въ Мултанѣ хоть одного живого языческаго бога.

— Воршудъ, видите что... Видѣли вы въ шалашѣ полки?

— Видѣлъ.

— Хлѣбы кладемъ мы на полки, молимся. Вотъ воршудъ.

Итакъ, вмѣсто бога Мудора — икона, вмѣсто Воршуда—обрядъ освященія хлѣбовъ. Что мой собесѣдникъ говорилъ правду, это косвенно доказываетъ ссылка г. Смирнова на указаніе г. Богаевскаго („Воршуду или Мудору запрещается

приносить кровавыя жертвы"—хлѣбъ не кровавая жертва). Наконецъ, если бы оказалось даже, что въ Мултанѣ есть „богъ воршудъ", то и тогда еще „сарапульскіе и елабужскіе вотяки слово Воршудъ иногда употребляютъ, какъ синонимъ „Ин-Мара", т. е. благого духовнаго Бога!

На судѣ защитникъ спросилъ у тыръ-восяся Михаила Титова:

— Ин-Маръ—кто такой?

Свидѣтель:—Вотъ!—(поднимаетъ глаза и крестится).

— Значитъ нашъ Богъ?

— Богъ, все равно... конечно, Богъ... Господь.

Затѣмъ, по требованію предсѣдателя, читаетъ молитву Ин-Мару: „Инь-Маръ-нянь-чесь, нылпи десьми уось" (записано, быть можетъ, не совсѣмъ точно). Въ переводѣ, по его словамъ, это значитъ: „Богъ хлѣбъ давалъ бы, здоровья давалъ бы".

Вотъ это, дѣйствительно, совпадаетъ съ черемисской молитвой: „Великій древній богъ" и т. д. Но это же совпадаетъ въ значительной степени и съ нашей молитвой: „иже еси на небесѣхъ, хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь".

На вопросъ предсѣдателя, обращенный къ священнику Ергину, очевидцу жертвоприношенія, — какіе это боги, кому они поклонялись на своемъ мольбищѣ,—о. Ергинъ отвѣтилъ:

— Они такъ говорили: — тому же Богу кланяемся, какъ и вы, а если въ лѣсу, такъ потому, что отцы и дѣды такъ поклонялись.

На судѣ этому не повѣрили... А между тѣмъ, этому слѣдовало повѣрить, и мы всѣ стояли въ эту минуту очень близко къ истинѣ въ вопросѣ о томъ, кому приносятъ вотяки кровавыя жертвы. Это истина грустная, но все же далеко не въ такой степени, какъ пытался доказать г. Смирновъ своими двумя черемисскими сказками. Да, обрядъ остался, но его содержаніе измѣнилось. Правда, наше понятіе о Богѣ оскорбляется тѣмъ, что эти люди приносятъ ему кровную жертву. Но самая жертва уже не такъ ужасна, какъ жертва какому-то несуществующему людоѣду Курбону. Мы видѣли, что черемисы приносили ее „Древнему богу", Михаило Титовъ рѣжетъ быка въ честь Ин-Мара, того самаго, въ честь котораго осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, а старуха, мать обвиняемаго Кузнецова—стоитъ при этомъ даже на колѣняхъ, какъ въ церкви... И можетъ быть старческими губами молитъ Ин-Мара, древняго бога, къ которому стремится изъ мрака временъ мысль всѣхъ народовъ, чтобы онъ отвелъ отъ ея сына тяжелое обвиненіе въ каннибальской жертвѣ забытымъ давно божествамъ...

Очень можетъ быть, что тутъ примѣшиваются еще какія-нибудь черты язычества, — но мы видимъ, однако, что между ничтожными нулесъ-муртенятами, которыхъ можно изжарить въ кострѣ, и между мудорами-воршудами, которые выродились у однихъ въ кусочки сухихъ древесныхъ вѣтвей, а у христіанъ обратились въ иконы или въ одно изъ наименованій „Того, что на небѣ“,—ни экспертиза, ни миѳологія Кобылина не сумѣли поставить того бога, которому могла быть принесена человѣческая жертва: воршуду и лѣшимъ—уже не стоитъ, а тотъ, кого зовутъ Ин-Маромъ, уже ея не приметъ...

Что это наше предположеніе вѣрно, — это доказываетъ и самъ г. Смирновъ: Ин-Маръ, Кылдысинъ и Квазь,—говоритъ онъ (стр. 240), — *слились съ христіанскимъ Богомъ Отцомъ, Сыномъ и Духомъ Святымъ;* воршуды—съ, ангелами-хранителями, а отдѣльные святые—съ духами явленій природы...

Слились, но старый обрядъ еще остался. „Въ селахъ Глазовскаго уѣзда,—пишетъ г. Смирновъ (на стр. 241),—распространены такъ называемые напольные молебны,—въ Панинскомъ приходѣ около Троицы, въ озимомъ полѣ передъ началомъ пашни. Молебенъ пригоняется обыкновенно къ воскресенію; наканунѣ, въ субботу совершается языческое моленіе. Въ полѣ устраивается скамейка *для иконы* и обставляется срубленными березками. Передъ иконой *служатъ молебенъ* и приносятъ *жертву.* Въ поле приводится жертвенный быкъ, купленный на общественныя деньги, и здѣсь его колютъ... Жрецъ беретъ въ руки березовую вѣтку и читаетъ вотскую молитву, а въ это время съ мясомъ жертвеннаго животнаго варится каша для всей деревни. По окончаніи языческаго моленія пріѣзжаетъ православный священникъ, служитъ молебенъ и освящаетъ жертвенныя яства; по окончаніи молебна священнику подносятъ на блюдѣ голову жертвеннаго животнаго, священникъ кропитъ ее водой и дѣлаетъ на ней крестъ. Голова и внутренности поступаютъ на угощеніе духовенства; остальное съѣдаютъ молящіеся; кожа идетъ на церковь“ *).

„При нѣкоторыхъ церквахъ Вятской губерніи, — продолжаетъ г. Смирновъ, — какъ намъ передавали, устраиваются спеціально жертвенники, напоминающіе своимъ расположеніемъ вотскія дзекъ-квалы; это палатки, въ которыхъ по краямъ разставлены скамьи, въ серединѣ—столы, уставляемые жертвоприношеніями, которыя, послѣ благословенія священника, тутъ же и поѣдаются съ возліяніемъ кумышки. Въ *Малмыжскомъ уѣздѣ* также весной въ озимомъ полѣ закалывается быкъ,

*) Смирновъ—Вотяки. Стр. 241.

надъ которымъ сначала читается вотская молитва, а затѣмъ христіанское благословеніе...“

Ну, такъ вотъ и Мултанъ находится въ Малмыжскомъ уѣздѣ. А ученый профессоръ, самъ написавшій все это, ищетъ мудоровъ и воршудовъ, которымъ мултанцы приносили свои жертвы. И такихъ даже, которымъ, на основаніи сказокъ, — приносятся будто бы жертвы человѣческія! Г. Смирновъ забылъ, что сказка можетъ представлять простую окаменѣлость совсѣмъ другой антропологической формаціи, нахожденіе которой не доказываетъ, что соотвѣтствующая ей форма живетъ и теперь!..

Богъ проститъ, вѣроятно, присяжнымъ, слушавшимъ въ первый разъ въ жизни слова ученаго профессора, утверждавшаго „съ положительностью“, на основаніи черемисскихъ сказокъ, возможность человѣческаго жертвоприношенія у современныхъ вотяковъ-христіанъ. А пока очевидно, что Курбонъ Кобылина и урядника Соковикова, отъ котораго отказался даже обвинитель на судѣ, не замѣненъ никакимъ другимъ божествомъ, требующимъ человѣческой жертвы. Мы вправѣ также совершенно отвергнуть сказочную теорію почтеннаго профессора и присоединиться къ мнѣнію г-на Богаевскаго и г. Верещагина, который категорически заявилъ на судѣ:

— Вотское божество человѣческой жертвы не требуетъ...

По крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока на мѣсто кобылинскаго Курбона, который означаетъ „моленіе“, на мѣсто мудоровъ и воршудовъ, которые обратились или въ иконы, или въ сухія вѣтки, на мѣсто нулесъ-муртовъ, которыхъ вотякъ самъ можетъ изжарить на кострѣ, на мѣсто сказочныхъ вумуртовъ, которые открыли на базарахъ скромную торговлю рыбой,—намъ не покажутъ какого-нибудь языческаго бога, достаточно злого для того, чтобы потребовать человѣческой жертвы, достаточно могущественнаго для того, чтобы ему ее дали! Бога, котораго бы признавалъ весь вотскій народъ, потому что обвиненіе мултанцевъ истекаетъ изъ признанія „обычая“ у всѣхъ вотяковъ, основывается на слухахъ, собираемыхъ не въ Мултанѣ, предполагаетъ не переживаніе только, а настоящій культъ, еще живой и общій всей вотской народности...

А между тѣмъ, общаго культа у вотской народности уже давно нѣтъ. „Типичный вотякъ“ профессорскихъ лекцій можетъ становиться еще „болѣе типичнымъ“ на страницахъ научныхъ изслѣдованій; онъ можетъ быть вспомнитъ даже тѣхъ „богатыхъ и славныхъ богинь“, которыя дали ему нѣ-

когда воршудныя имена. Но съ живымъ инородцемъ происходитъ какъ разъ обратное. Уже теперь есть мѣстности, въ которыхъ умерла не только старая вѣра, но и старый обрядъ. Есть другія, гдѣ быть можетъ живъ не только обрядъ, но и самая вѣра. Вся остальная масса вотскаго населенія располагается между этими крайними полосами, живая, измѣнчивая, пестрая. Старое въ ней угасаетъ, хотя быть можетъ не вполнѣ угасло, новое уже народилось, но еще не окрѣпло. Найти мѣсто Мултана въ этомъ потокѣ, на пути отъ язычества къ христіанству, отыскать то, что еще живо отъ старыхъ боговъ, или пріурочить старый обрядъ къ новой вѣрѣ—вотъ какова была задача ученой экспертизы... Къ сожалѣнію, она даже не попыталась ее исполнить...

Это осталось открытымъ вопросомъ въ дѣлѣ, переполненномъ сомнѣніями, на-ряду съ другими, тоже неразрѣшенными вопросами: гдѣ же ночевалъ дѣйствительно Матюнинъ, въ Мултанѣ или въ Кузнеркѣ? Кѣмъ у него отнята голова: мултанцами, или тѣми, кто съ неизвѣстною цѣлью надѣвалъ и снималъ съ него одежду уже въ то время, когда убитый лежалъ на тропѣ? И не могла ли та же рука, которая все это дѣлала неизвѣстно зачѣмъ, — вынуть также и внутренности изъ убитаго въ первые дни или даже въ длинный промежутокъ времени между нахожденіемъ трупа (когда никто еще не зналъ, что у него нѣтъ сердца и легкихъ)—и вскрытіемъ, которое сдѣлано черезъ мѣсяцъ?

Зачѣмъ это могло бы быть сдѣлано? — спроситъ, конечно, читатель.

Здѣсь я старался лишь показать, что въ дѣлѣ и нынѣ осталось недоказаннымъ самое существованіе у вотяковъ человѣческихъ жертвоприношеній. Въ другомъ мѣстѣ и на основаніи другихъ данныхъ, въ настоящей статьѣ не затронутыхъ, я буду доказывать, что это могло быть сдѣлано съ цѣлью симуляціи жертвоприношенія, которая и достигнута тѣмъ, что все дознаніе, слѣдствіе и самый судъ направлены по ложному слѣду...

А въ результатѣ — опасность страшной и уже окончательной судебной ошибки...

1895.

IV.

Мой отвѣтъ г-ну Крылову.

Прочитавъ возраженіе г. Крылова *), я останавливаюсь передъ нимъ въ полномъ недоумѣніи. Онъ утверждаетъ, что экспертиза, данная имъ на судѣ, „не имѣла того характера, какъ это представлено въ отчетѣ“, и что въ послѣднемъ пропущено *много существеннаго*. Посмотримъ.

„Въ самомъ началѣ мною сказано было, — утверждаетъ г. Крыловъ,—что (при обыкновенныхъ убійствахъ) трупы покрыты синяками, ранами, ребра переломлены, черепъ раздробленъ, лицо изуродовано до неузнаваемости. Ничего подобнаго въ убійствѣ Матюнина нѣтъ“. Если бы это дѣйствительно было сказано, то значило бы только, что составители отчета не отмѣтили одного лишняго курьеза въ рѣчи почтеннаго эксперта. Ибо, во 1-хъ, мы знаемъ множество обыкновеннѣйшихъ убійствъ, въ которыхъ отсутствуетъ совокупность этихъ признаковъ: и черепъ „не раздробленъ“, и ребра цѣлы, и лицо не „изуродовано до неузнаваемости“. А во 2-хъ, не странно ли было бы говорить о „нераздробленности“ черепа, который вовсе не найденъ въ данномъ случаѣ, и объ „узнаваемости“ лица, которое вовсе отсутствуетъ? Г. Крыловъ просто клевещетъ на себя, и составители отчета гораздо къ нему благосклоннѣе, отмѣчая его слова просто: „Въ практикѣ моей ничего подобнаго не встрѣчалось“ и далѣе: „при обыкновенныхъ убійствахъ ничего подобнаго не бываетъ, здѣсь картина необычна“ и пр.

„Далѣе,—продолжаетъ г-нъ Крыловъ возстановлять мнимые пропуски отчета,—въ нанесеніи поврежденій *видна постепенность;* поврежденія носятъ характеръ какъ бы операціи, *раздѣляющейся на двѣ половины:* первая половина состоитъ *изъ прижизненныхъ поврежденій*, вторая—изъ посмертныхъ“.

Обращаемся къ отчету и читаемъ: „данныя поврежденія я *раздѣляю на два рода:* прижизненныя...“ (слѣдуетъ перечисленіе прижизненныхъ (якобы) поврежденій... „есть во всемъ

*) См. „Рус. Вѣд.“, № 338. Г. Крыловъ, уѣздный врачъ Елабужскаго уѣзда, выступавшій въ качествѣ эксперта-медика, находитъ неправильной передачу его экспертизы въ редактированномъ мною судебномъ отчетѣ.

этомъ *какая-то постепенность...*“ „*когда онъ померъ*, то надъ нимъ начинается *другого рода* операція“... Читатель видитъ, что это почти буквально то же, что теперь пишетъ г. Крыловъ, только въ отчетѣ это болѣе разбросано и менѣе связано. Слѣдуетъ предположить одно изъ двухъ: или, что лица, записывавшія устную рѣчь г-на Крылова, нарочно давали себѣ трудъ удлинять, усложнять и разбрасывать ея изложеніе,—или же, что г-нъ Крыловъ говорилъ пространнѣе и безпорядочнѣе, чѣмъ теперь пытается возстановить сказанное по своему конспекту. Впрочемъ, даже и по этому письму г-на Крылова легко судить, какое изъ этихъ предположеній вѣроятнѣе.

„Посмертное нарушеніе цѣлости грудной клѣтки,—продолжаетъ „дополнять“ г. Крыловъ,—мною разъяснено подробно и указано на цѣль и необходимость (?!) такой операціи въ видахъ полученія внутренностей грудной полости въ цѣломъ видѣ“. Здѣсь оставляю опять въ сторонѣ странную *необходимость* производить операцію непремѣнно *со спины* и притомъ *подъ кожей* (тогда какъ всѣ мясники гораздо легче достигаютъ этого разрѣзомъ грудины), а затѣмъ укажу г. Крылову, что и это мнѣніе его въ отчетѣ приведено довольно точно, а именно: „можно предположить, что поврежденія эти сдѣланы для увеличенія пространства, *черезъ которое можно вынуть внутренности.* Послѣ этого отверстіе дѣлается болѣе обширнымъ, можно ребра раздвинуть, позвоночникъ отодвинуть назадъ... вся эта *операція сдѣлана для полученія внутренностей*“. Что же еще угодно г. Крылову? Что касается фразы „нельзя понять этой операціи“ — то она стоитъ въ отчетѣ какъ разъ на мѣстѣ, послѣ неразъясненнаго никѣмъ вопроса о томъ, какимъ образомъ перерубленъ позвонокъ почти горизонтально и какъ это могло быть сдѣлано безъ поврежденія кожи на спинѣ.

Что еще? 10 пятенъ на животѣ, въ которыхъ обвиненіе хотѣло видѣть слѣды прижизненныхъ уколовъ, а врачи гг. Минкевичъ и Аристовъ — слѣды старыхъ язвъ или экземы. Это же мнѣніе повторилъ раза три и г. Крыловъ. Правда, въ совершенно ненаучномъ обвинительномъ усердіи г. Крылову угодно было сдѣлать робкую попытку гипотезы: „можетъ быть затянулось“, но въ отчетѣ отмѣчено, что онъ тотчасъ же отъ нея отступился. Что же теперь болѣе опредѣленнаго и существеннаго прибавляетъ г. Крыловъ въ этомъ отношеніи? Или въ самомъ дѣлѣ онъ хочетъ намекнуть на возможность прижизненнаго обезкровленія черезъ „буроватыя пятна внизу живота, проникающія въ толщу кожи на 1—2 ли-

ніи", съ которыхъ вдобавокъ пришлось соскабливать кожицу, выросшую, значитъ, уже у трупа?

Отвѣтъ: „*можетъ быть одинъ фунтъ*" — который г. Крыловъ совершенно отрицаетъ, — поставленъ въ отчетѣ послѣ двухъ вопросовъ предсѣдателя, и дѣло объясняется просто: г. Крыловъ отвѣчалъ на 1-й вопросъ, не разслышавши второго.

Оставляя болѣе мелкія замѣчанія г. Крылова (въ родѣ того, что онъ *не видѣлъ*, какъ скотину „колютъ въ ленъ", а только *слышалъ* объ этомъ, будучи на бойнѣ), я остановлюсь еще на одномъ такомъ замѣчаніи, чтобы показать, до какой степени „возраженіе" подтверждаетъ точность оспариваемаго отчета. „Образованіе кровяной окраски на стѣнкахъ,—говоритъ г. Крыловъ,—я объяснялъ тѣмъ, что вода могла испариться, а *гемоглобинъ* крови осѣдалъ на стѣнкахъ корыта". Изъ этого „возраженія" я вижу только, что г. Крыловъ очень дорожитъ терминомъ „гемоглобинъ", и хотя продолжаю не понимать, почему этотъ гемоглобинъ изъ жидкаго уровня могъ оставить слѣды только на 2-хъ стѣнкахъ корыта, но для удовлетворенія моего оппонента могу указать въ отчетѣ (см. № 300, столбецъ 7-й, строки 48—50 сверху) буквально слѣдующее: „красящее вещество крови (гемоглобинъ) осталось на стѣнкахъ, это возможно... Кровяные шарики имѣютъ большій удѣльный вѣсъ. Остальное испарилось, а они остались". Видите, даже и „гемоглобинъ" упомянутъ!

Самое существенное замѣчаніе свое г. Крыловъ относитъ въ выноску. Ссылаясь на авторитетъ г. Ціона, онъ утверждаетъ, что и „у высшихъ животныхъ сердце, даже вырѣзанное, способно нѣкоторое время сокращаться съ тою же правильностію" и что „самый перерывъ связи его съ центральной нервной системой здѣсь не имѣетъ значенія". Совершенно недоумѣваю, зачѣмъ приводится это интер сное наблюденіе, ибо оно нисколько не рѣшаетъ вопроса, поставленнаго въ моемъ примѣчаніи къ отчету: можно ли потерю крови, происшедшую *послѣ отнятія головы* или перерѣзанія шейныхъ артерій, считать тѣмъ полнымъ *прижизненнымъ* обезкровленіемъ самыхъ тканей, котораго такъ настойчиво добивалось обвиненіе, которое такъ рѣшительно отрицалъ г. Минкевичъ и которое столь усердно старался предоставить обвиненію г. Крыловъ, не останавливавшійся при этомъ передъ явнымъ абсурдомъ.

Впрочемъ, какъ видитъ читатель, я имѣю полное основаніе поблагодарить въ заключеніе г. Крылова за его столь любезное для насъ „опроверженіе" нашего отчета.

1895.

V.

Приносятся ли вотяками человѣческія жертвы?

(Письмо въ редакцію „Нов. Времени“).

М. г. Въ иллюстрированномъ приложеніи къ № 7146 „Новаго Времени“ помѣщена замѣтка г. Дьяконова, пытающагося отвѣтить положительно на поставленный выше вопросъ. Она не даетъ ничего новаго: что вотяки приносятъ еще до сихъ поръ въ жертву животныхъ—этотъ печальный фактъ общеизвѣстенъ и только повторенъ многократно и въ печатныхъ отчетахъ по мултанскому дѣлу, и въ многочисленныхъ корреспонденціяхъ. Вопросъ состоитъ лишь въ томъ, можно ли сказать, что „отъ бычка недалеко и до человѣка“, какъ говорилъ обвинитель въ Малмыжѣ и какъ, повидимому, думаетъ г. Дьяконовъ. Я полагаю, что для такого заключенія нужны какія-нибудь данныя, болѣе точныя и достовѣрныя, чѣмъ „слухи, неизвѣстно откуда исходящіе“ (ибо слухи есть также о вѣдьмахъ, русалкахъ и присухѣ), и установленныя болѣе безпристрастно, чѣмъ данныя суда, дважды отмѣняемаго сенатомъ. Жертвоприношеніе Исаака символически отмѣчаетъ собою конецъ человѣческой жертвы въ Ветхомъ Завѣтѣ,—но еще при рожденіи Христа приносили въ храмѣ двухъ голубей или козленка для кровной жертвы. А между этими двумя фактами легли тысячелѣтія, въ теченіе которыхъ кровная жертва существовала безъ жертвы человѣческой. Между тѣмъ память о послѣдней, какъ видите, сохранилась въ видѣ символа, который мы заучиваемъ въ школахъ.

Странно поэтому читать „ученыя соображенія“ г. Дьяконова, глубокомысленно приводящаго примѣръ, какъ „няня вполнѣ просвѣщенныхъ супруговъ забавляетъ ихъ юное дѣтище напѣваніемъ: ладо-ладошки, гдѣ были? У бабушки. Что ѣли? Кашку... А кто изъ самыхъ образованныхъ людей,—продолжаетъ г. Дьяконовъ,—не ѣдалъ оладьевъ—этихъ вкусныхъ штучекъ, но вѣдь и пѣсня няни, и оладьи пѣвались и

говорились въ глубокую старину въ честь языческаго бога Ладо". Изъ этого явствуетъ, что и у вотяка должны быть переживанія. Конечно! И они указаны съ несомнѣнностью въ видѣ кровной жертвы. Нужно доказать только, что есть переживанія и жертвы человѣческой, а ужъ этого-то никакими оладьями доказать невозможно.

Если бы г. Дьяконовъ ограничился помѣщеніемъ рисунковъ вотскаго мольбища и легендъ объ его происхожденіи, то его можно бы только поблагодарить, хотя онъ и не далъ бы ничего новаго для рѣшенія вопроса. Если бы онъ прибавилъ къ рисункамъ только „ученую" справку объ оладьяхъ,—тогда можно бы, пожалуй, улыбнуться и пройти мимо. Но г. Дьяконовъ этимъ всѣмъ не ограничился: онъ пытается подкрѣпить мнѣніе о виновности мултанцевъ справками изъ печатнаго отчета,—и вотъ это-то заставило меня взяться за перо, чтобы показать, какія „сплетни" распространяютъ по этому поводу люди, дерзающіе порой съ невѣжественнымъ легкомысліемъ проникать съ ними въ прессу.

„Утверждать, что Матюнинъ убитъ не вотяками, а кѣмъ-то другимъ,—пишетъ г. Дьяконовъ,—конечно, можно, и это воленъ дѣлать всякій. Но кѣмъ же?.. Гдѣ голова убитаго? Гдѣ его внутренніе органы, вынутые черезъ шейный отрѣзъ? Ради какой цѣли на груди трупа оказался рядъ симметрическихъ уколовъ? Наконецъ, почему трупъ оказался обезкровленнымъ, чистенькимъ такимъ, вымытымъ, одѣтымъ и обутымъ во все новое?" Редакція, напечатавшая статью г. Дьяконова, позволяющаго себѣ обвинять меня въ искаженіяхъ отчета и въ сознательной лжи,—вѣроятно, удивится, когда я скажу, что ничего подобнаго въ моемъ отчетѣ нѣтъ, и что г. Дьяконовъ выдумалъ все, мною приведенное въ цитатѣ. Никакихъ симметрическихъ уколовъ на груди трупа не было. Было „до десяти буроватыхъ пятенъ на животѣ", вовсе не симметричныхъ, которыя всѣ врачи (и вскрывавшій, и эксперты) признали не слѣдами уколовъ. Да и мудрено было бы признать уколами пятна, съ которыхъ врачу пришлось соскабливать „верхнюю кожицу" (см. протоколъ вскрытія въ отчетѣ), такъ какъ всѣмъ извѣстно, что на трупахъ уколы заживать не могутъ. Откуда г. Дьяконовъ взялъ свой „симметрическій рядъ уколовъ"—я объяснять не берусь. Такой же выдумкой является и другое утвержденіе г. Дьяконова, будто трупъ оказался чистенькимъ, вымытымъ, обутымъ и одѣтымъ во все новое. Если бы г. Дьяконовъ потрудился хотя бы одинъ разъ заглянуть въ отчетъ о дѣлѣ, хотя бы только въ одинъ обвинительный актъ, онъ убѣдился бы, что ни о чемъ подобномъ не было и рѣчи. Со-

вершенно наоборотъ: трупъ былъ одѣтъ во все старое и сильно поношенное: въ старую синепестрядинную рубаху и штаны и въ старый азямъ съ заплатой. Рубаху Матюнина свидѣтельница Шушакова узнала на судѣ по прорѣхѣ, азямъ узнали по синей заплатѣ, въ общемъ же всѣ свидѣтели только и признавали убитаго по одеждѣ, которую видѣли на немъ раньше! Что касается обезкровленія, то отъ него отказался на судѣ самъ врачъ, производившій вскрытіе, а экспертъ, г. Крыловъ, допускавшій его, вынужденъ былъ признать, что это „прижизненное“ обезкровленіе могло произойти лишь послѣ отнятія головы „однимъ ровнымъ, гладкимъ, круговымъ обрѣзомъ“.

Надѣюсь, послѣ всего сказаннаго я могъ бы оставить совершенно безъ отвѣта обвиненія въ искаженіи отчета, исходящія отъ человѣка, который позволяетъ себѣ такое обращеніе съ „печатнымъ матеріаломъ“. Только важность вопроса, связаннаго съ судьбою живыхъ людей, заставляетъ меня говорить на эту тему. „Одинъ изъ моихъ знакомыхъ,—пишетъ г. Дьяконовъ, — бывшій въ судѣ, въ качествѣ присяжнаго, хотя и не участвовавшаго въ дѣлѣ, говорилъ мнѣ, что процессъ изложенъ съ большими неточностями. По этому изложенію рѣшительно невозможно сдѣлать правильнаго заключенія ни о показаніяхъ врачей - экспертовъ, ни объ образцовой рѣчи прокурора, которая совершенно изуродована. Затѣмъ, послѣ произнесенія приговора, словъ „коди кабакъ, кристосъ“ и т. п. ни одинъ вотякъ не говорилъ, хотя лицо, передавшее мнѣ это, сидѣло очень близко къ скамейкамъ подсудимыхъ“.

На этомъ основаніи г. Дьяконовъ считаетъ возможнымъ обвинить меня въ „прибавленіяхъ для красоты слога“. Я работаю въ печати уже болѣе 10 лѣтъ и еще ни разу никто не позволялъ себѣ заподозрѣвать мою литературную честность. Рѣдко я видѣлъ также, чтобы это дѣлалось съ такимъ поразительнымъ легкомысліемъ, какъ это сдѣлано въ данномъ случаѣ. Я не знаю, конечно, насколько грамотенъ присяжный, передававшій г. Дьяконову свои впечатлѣнія. Но онъ-то, самъ г. Дьяконовъ, берущійся за перо для печати, обязанъ былъ хотя бы прочитать то, за что кидаетъ обвиненія. А если бы онъ прочиталъ все это, то увидѣлъ бы, что фразы „коди кабакъ и пр.“ нѣтъ въ отчетѣ; она помѣщена въ моей статьѣ въ „Русскомъ Богатствѣ“, и притомъ не тотчасъ „послѣ произнесенія приговора“, а въ длинномъ промежуткѣ между вердиктомъ присяжныхъ и приговоромъ суда. Въ моей статьѣ сказано, между прочимъ, что въ это время большая часть публики уже удалилась, присяжные, истомленные трехднев-

нымъ процесомъ, ушли еще ранѣе, — и такимъ образомъ то обстоятельство, что знакомый г. Дьяконова не слышалъ эту фразу, еще никоимъ образомъ не доказываетъ, что ея не могли слышать другіе...

Надѣюсь, на этомъ я могу покончить съ г. Дьяконовымъ. „Среди обитателей вятскаго края,—пишетъ онъ, между прочимъ, — существуетъ прочное убѣжденіе въ несомнѣнности факта (человѣческихъ жертвоприношеній). На чемъ же оно основано? Неужели только на сплетняхъ и неосновательныхъ слухахъ?“ Да, именно на сплетняхъ и неосновательныхъ слухахъ, лучшій образчикъ которыхъ и даетъ статья г. Дьяконова. Если человѣкъ, пишущій для печати, на основаніи печатнаго матеріала, такъ легкомысленно вноситъ въ статью несуществующіе факты и совершенно выдуманныя улики, то чего же мы должны ждать отъ устной молвы, смутной, невѣжественной и неопредѣленной. И не ясно ли, что первая задача суда была оградить присяжныхъ отъ этихъ слуховъ, первая задача печати—внести въ эту тучу слуховъ освѣщеніе, точность и критику.

Разъ уже зашла рѣчь объ искаженіяхъ, — я попрошу еще позволенія сказать нѣсколько словъ по поводу „образцовой рѣчи“ и не менѣе образцовой работы г. обвинителя по мултанскому дѣлу, сказавшейся въ обвинительномъ актѣ. И то, что я скажу, не будетъ голословнымъ, подобно обвиненіямъ г. Дьяконова.

Въ отчетѣ рѣчь г. Раевскаго мною передана въ сокращеніи, о чемъ сдѣлана и оговорка. Возстановляя ее для отдѣльнаго изданія въ цѣломъ видѣ, я наткнулся въ своей записи на одно мѣсто, которое повергло меня въ большое смущеніе. Перечисляя улики, относящіяся до каждаго изъ подсудимыхъ, г. обвинитель сослался на очень важное показаніе каторжника Гѣлова, которому умершій вотякъ Моисей Дмитріевъ сознавался будто бы въ томъ, что убили нищаго вотяки, и назвалъ при этомъ участниковъ. Это показаніе, вообще довольно сомнительное, служитъ уликой противъ трехъ подсудимыхъ: Дмитрія Степанова, Кузьмы Семенова и Василія Кузнецова. Г. обвинитель въ своей рѣчи къ этимъ именамъ прибавилъ четвертое—Василья Кондратьева, относительно котораго остальныя улики были совершенно ничтожны. Хотя я и не могу поспорить съ г. Раевскимъ въ знаніи мултанскаго дѣла, однако все же знаю его настолько, чтобы припомнить, что въ показаніи Гѣлова имя Василія Кондратьева упомянуто не было. Поэтому, дойдя до этого мѣста обвинительной рѣчи, я усомнился въ правильности своей записи,—до такой степени

казался мнѣ невѣроятнымъ фактъ подобнаго обращенія со слѣдственнымъ матеріаломъ. А такъ какъ я зналъ, что будетъ очень много охотниковъ оспаривать правильность нашего отчета, то уже занесъ карандашъ, чтобы сдѣлать оговорку и покаяться въ этой непонятной для меня ошибкѣ въ черновыхъ записяхъ моихъ и моихъ товарищей. Къ счастію, мнѣ пришла въ голову мысль предварительно заглянуть въ обвинительный актъ. Представьте же себѣ мое изумленіе, когда и здѣсь я прочиталъ слѣдующее: „относительно участниковъ, Моисей Дмитріевъ называлъ только себя и Дмитрія Степанова, затѣмъ, тогда въ тюремный замокъ были заключены Василій Кондратьевъ (!) и Василій Кузьминъ Кузнецовъ, высказался, что первый изъ нихъ участвовалъ въ убійствѣ, а второй стоялъ на караулѣ“. Между тѣмъ, въ показаніи Гòлова говорилось о „Кузьмѣ Самсоновѣ и Васильѣ Кузнецовѣ“. Такимъ образомъ, г. обвинитель совершенно произвольно замѣнилъ имя Кузьмы Самсонова, относительно котораго были всетаки и другія улики, именемъ Василія Кондратьева, противъ котораго улики гораздо слабѣе... Кажется, комментаріи къ этому факту излишни. Слѣдуетъ развѣ прибавить, что это не единственная „ошибка“ обвиненія по мултанскому дѣлу. Въ томъ же показаніи Гòлова есть мѣсто, гдѣ говорится: „Моисей не сказалъ мнѣ, въ чей шалашъ“ (завели нищаго), и это мѣсто въ обвинительномъ актѣ цитируется такъ: „Моисей передавалъ, что убійство совершено въ собственномъ шалашѣ“. или еще: „по изслѣдованію, въ корытѣ оказались волосы, сходные съ волосами людей“. Это якобы цитата отзыва, который въ подлинникѣ однако заканчивается такъ: „...но отличаются отъ нихъ большимъ развитіемъ клѣточныхъ элементовъ кожицы. Такіе волосы встрѣчаются у домашнихъ животныхъ“.

Если сказать, что это еще далеко не всѣ „ошибки“ обвиненія по отношенію къ письменному матеріалу слѣдствія, хотя, конечно, все остальное меркнетъ передъ эпизодомъ съ злополучнымъ Василіемъ Кондратьевымъ, то станетъ совершенно понятно, что рѣчь, основанная на такихъ пріемахъ, можетъ произвести минутное, даже очень сильное впечатлѣніе, если сказать это все бойко и съ одушевленіемъ. Но то же самое, на холодномъ печатномъ листѣ, да еще снабженное комментаріями, неминуемо производитъ совершенно обратное впечатлѣніе. Таково уже основное свойство прессы, и въ этомъ, смѣю думать, ея лучшая сторона въ подобныхъ случаяхъ.

Я кончилъ это письмо, когда съ почты мнѣ принесли ну-

меръ „Вятскаго Края“, въ которомъ, „изъ источника, заслуживающаго довѣрія“, сообщается, будто мултанское дѣло будетъ слушаться въ будущемъ февралѣ мѣсяцѣ, но не въ Казани, а въ г. Мамадышѣ, во время сессіи казанскаго окружнаго суда. Трудно повѣрить этому извѣстію, такъ какъ это значило бы, что всѣ усилія вывести процессъ изъ сферы вліянія „мѣстныхъ толковъ и слуховъ“ и привлечь къ сужденію о немъ людей интеллигентныхъ,—что было бы возможно въ Казани,—остаются тщетными. А мы видѣли (хотя бы и на замѣткѣ г. Дьяконова), какъ эти „толки и сплетни“ вліяютъ на сужденія о дѣлѣ, заставляя даже людей, пишущихъ для прессы, читать въ печатномъ матеріалѣ совсѣмъ не то, что въ немъ написано.

Будемъ надѣяться, что хоть на этотъ разъ дѣло предстанетъ на судѣ въ томъ видѣ, какой единственно достоинъ просвѣщеннаго суда въ концѣ XIX вѣка. Что хоть на этотъ разъ не останется въ немъ ни тѣни тѣхъ порядковъ, которые заставили сенатъ два раза отмѣнять рѣшеніе присяжныхъ. Вспомнимъ, что опасность этого дѣла двусторонняя, что кромѣ тьмы язычества, есть и тьма другихъ предразсудковъ, что „слухами, неизвѣстно откуда исходящими“ полны инквизиціонныя хроники среднихъ вѣковъ, когда тоже жгли язычниковъ и иновѣрцевъ за колдовство и чары, когда въ атмосферѣ темныхъ предразсудковъ бродили мрачные призраки... Развѣ тогда не было стариковъ Иванцовыхъ (96 лѣтъ!), видѣвшихъ своими глазами, какъ вѣдьмы летаютъ въ ступахъ на Брокенъ! Да, были и тогда очевидцы невѣроятнаго, какъ и теперь:

Это видѣли два стража,
Баба, шедшая на рынокъ,
Да причетникъ каѳедральный,
Возвращавшійся съ поминокъ.

СПБ., 20 января 1896 г.

VI.

Рѣшеніе сената по мултанскому дѣлу.

Читателямъ „Русскаго Богатства“ извѣстна сущность мултанскаго дѣла, получившаго громкую огласку. Нѣсколько вотяковъ Малмыжскаго уѣзда обвинялись въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ божествамъ; активное участіе въ самомъ убійствѣ приписывалось десяти подсудимымъ; въ пассивномъ участіи, укрывательствѣ и содѣйствіи обвинялось населеніе цѣлой мѣстности, въ интересахъ которой и для удовлетворенія общаго культа, существующаго будто бы у всей вотской народности, принесена самая жертва.

Дознаніе и предварительное слѣдствіе тянулось 29 мѣсяцевъ. Зимой 1894 года десять вотяковъ были преданы суду сарапульскаго округа въ гор. Малмыжѣ, при чемъ трое оправданы, а семи вынесенъ обвинительный приговоръ, отмѣненный сенатомъ по жалобѣ защиты. Мотивомъ кассаціи послужили существенныя нарушенія судопроизводства и признанная неравноправность сторонъ, допущенная судомъ. Первый отчетъ по этому дѣлу, напечатанный, къ сожалѣнію, въ малораспространенномъ „Казанскомъ Телеграфѣ“,—нарисовалъ поразительную картину произвола и нарушенія самыхъ элементарныхъ началъ правильнаго судебнаго процесса. Не смотря, однако, на эту поправку, внесенную сенатомъ, признавшимъ чрезвычайную неполноту и односторонность слѣдственнаго матеріала, — что обязывало судъ возстановить по возможности нарушенныя права защиты,—дѣло поступило для вторичнаго разбирательства (въ Елабугѣ) въ томъ же, совершенно не исправленномъ и не возстановленномъ видѣ. Чрезвычайно характерна для прочно-установившихся судебныхъ пріемовъ въ этой отдаленной мѣстности та крайняя беззаботность, съ которой члены сарапульскаго суда отнеслись къ напоминанію объ элементарныхъ началахъ юридической справедливости, исходившему отъ высшей судебной инстанціи. Очевидно, сарапульскій окружный судъ посмотрѣлъ на кассацію лишь какъ на случайность, какъ на одну проигранную

ставку въ обвинительной игрѣ, которую можно начать сначала при тѣхъ же условіяхъ. Распорядительное засѣданіе, подготовлявшее матеріалъ для новаго суда надъ вотяками,— происходило при участіи прежняго предсѣдателя г. Горицкаго, и опять всѣ просьбы защиты о вызовѣ свидѣтелей со стороны вотяковъ были отвергнуты огуломъ, по соображеніямъ частію слишкомъ формальнымъ, частію даже, какъ это признано сенатомъ,—совершенно незаконнымъ. 29 сентября 1895 года въ гор. Елабугѣ семь вотяковъ опять предстали передъ судомъ присяжныхъ, и опять противъ нихъ выступили два полицейскихъ пристава, три урядника, старшина, нѣсколько старостъ и сотскихъ, вообще 37 свидѣтелей, въ числѣ которыхъ не было опять *ни одного*, вызваннаго по спеціальному требованію защиты. Словомъ, судъ въ Елабугѣ лишь въ нѣсколько смягченномъ видѣ повторилъ судъ въ Малмыжѣ, при чемъ вниманію 12 присяжныхъ былъ предложенъ все тотъ же односторонне обвинительный матеріалъ, все тѣ же слухи, неизвѣстно откуда исходящіе, все тѣ же вотяки, невѣжественные и беззащитные. Виноваты ли присяжные, что на основаніи односторонняго матеріала вынесли приговоръ, который опять не можетъ быть признанъ окончательнымъ?

Защитникомъ была подана новая кассаціонная жалоба: 22-го декабря истекшаго года жалоба эта разсмотрѣна кассаціоннымъ департаментомъ сената, и вскорѣ же телеграммы разнесли вѣсть о новой отмѣнѣ приговора по мултанскому дѣлу. Уже вторичная отмѣна сенатомъ судебнаго вердикта представляетъ явленіе очень рѣдкое въ нашей практикѣ. Но въ данномъ случаѣ то, что стало извѣстно изъ газетъ о мотивахъ кассаціи, вскрываетъ попутно такую яркую бытовую картину, которая и сама по себѣ добавляетъ непослѣднюю черту въ этомъ вообще необыкновенно характерномъ дѣлѣ. Невольно рождается вопросъ: что же это, наконецъ, за атмосфера въ этихъ инородческихъ отдаленныхъ окраинахъ, что это за ужасная атмосфера, въ которой даже представители суда доходятъ до такихъ удивительныхъ пріемовъ, до такихъ совершенно неожиданныхъ взглядовъ на самыя основы суда и состязательнаго процесса?

Привожу изъ газетъ („Русскія Вѣдомости“) содержаніе этого новаго сенатскаго Quos-ego по адресу сарапульскаго окружнаго суда. Заключеніе по жалобѣ защиты давалъ А. Ѳ. Кони, который охарактеризовалъ настоящее дѣло одной существенной и главной его чертой: „судебнымъ разслѣдованіемъ устанавливается здѣсь не одна лишь виновновность тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ лицъ, фигурирующихъ въ качествѣ

подсудимыхъ, а констатируется извѣстное *бытовое явленіе*, произносится судъ надъ *цѣлой народностью или цѣлымъ общественнымъ слоемъ* и создается *прецедентъ*, могущій имѣть на будущее время значеніе судебнаго закрѣпленія виновности той или иной группы населенія. Результатомъ дѣятельности суда въ такихъ случаяхъ является не только res judicata, но историческое свидѣтельство за или противъ той или иной морально-бытовой оцѣнки даннаго уровня культуры—въ цѣлой народности или въ отдѣльныхъ ея классахъ; вотъ почему предѣлы изслѣдованія должны здѣсь раздвинуться, раздаться возможно шире, чтобы приблизиться по всесторонности, полнотѣ и безпристрастію къ изслѣдованію научному. Основанія приговора, изъ котораго вытекаетъ, что теперь, на порогѣ XX столѣтія, существуютъ человѣческія жертвоприношенія среди народа, который болѣе трехъ вѣковъ живетъ въ предѣлахъ и подъ цивилизующимъ воздѣйствіемъ христіанскаго государства, должны быть подвергнуты гораздо болѣе строгому испытанію, чѣмъ тѣ мотивы и данныя, по которымъ выносится обвиненіе въ заурядномъ убійствѣ. Между тѣмъ, въ теченіе производства судъ не однажды погрѣшилъ противъ указанной основной особенности дѣла, не смотря на то, что эта особенность была рельефно подчеркнута въ назиданіе суду въ первомъ опредѣленіи сената по дѣлу, коимъ былъ кассированъ первый обвинительный приговоръ“.

Эти совершенно ясныя слова уважаемаго судебнаго дѣятеля не могутъ, конечно, подать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ. Судъ обязанъ *во всѣхъ случаяхъ*, важныхъ и неважныхъ одинаково, дать сторонамъ всѣ средства для выясненія дѣла, и требованіе безпристрастія, разумѣется, нимало не ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что суду подлежитъ рѣшеніе одинокой судьбы никому неизвѣстнаго человѣка. Бываютъ, однако, случаи, которые въ практикѣ всѣхъ судовъ признаются *особа-важными*, когда кромѣ пассивнаго безпристрастія къ усиліямъ сторонъ, судъ долженъ сдѣлать и съ своей стороны все возможное для выясненія не одного лишь вопроса о виновности или невиновности данныхъ лицъ, но также и о бытовой подкладкѣ даннаго дѣла, имѣющей порой очень глубокое государственное и общественное значеніе. Таково именно мултанское дѣло, и если бы простая истина, высказанная А. Ѳ. Кони, не была игнорирована сарапульскимъ судомъ съ самаго начала, то и это дѣло было бы признано дѣломъ „особой важности“ и тогда, безъ сомнѣнія, научно-этнографическіе вопросы, возникшіе по этому поводу, рѣшались бы не при помощи однихъ лишь Кобылиныхъ, урядниковъ Соко-

виковыхъ и „неизвѣстныхъ нищихъ“, разсказывающихъ сказки на ночлегахъ,—не говоря уже о томъ, что трупъ Матюнина не лежалъ бы до вскрытія въ теченіе мѣсяца (въ майскіе-іюньскіе дни), и слѣдователь не выжидалъ бы по 4 мѣсяца прежде, чѣмъ послать то или другое „кровяное пятно“ для химическаго изслѣдованія.

Между тѣмъ, по словамъ А. Ѳ. Кони, — „главный грѣхъ производства по настоящему дѣлу состоитъ въ забвеніи судомъ его основной черты—его широкаго бытового значенія—и въ разнообразныхъ помѣхахъ, которыя ставились поэтому его всестороннему изслѣдованію и освѣщенію. Судъ даже въ тѣхъ случахъ, когда онъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ дискреціонной власти, не можетъ избрать девизомъ своей дѣятельности: sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas, и отношенія его къ сторонамъ и ихъ ходатайствамъ не могутъ опредѣляться произволомъ или капризомъ.

„Ходатайство о вызовѣ новыхъ свидѣтелей можетъ быть отклонено судомъ—это его право, но подобный отказъ долженъ быть мотивированъ обстоятельнымъ разборомъ относимости къ дѣлу и важности обстоятельствъ, для подтвержденія коихъ сторона ссылается на свидѣтелей, а не однимъ лишь формальнымъ очистительнымъ заявленіемъ о томъ, что судъ считаетъ умѣстнымъ эти обстоятельства игнорировать. Но такъ именно поступилъ въ данномъ случаѣ судъ въ отвѣтъ на просьбу подсудимыхъ о вызовѣ на ихъ счетъ новыхъ свидѣтелей, заявленную одновременно съ просьбой о вызовѣ новыхъ экспертовъ. Или—далѣе—судъ отказываетъ въ вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей тѣхъ изъ подсудимыхъ, кои были оправданы первымъ приговоромъ, приводя въ объясненіе то, что обязательный вызовъ такихъ свидѣтелей не установленъ никакимъ „основнымъ закономъ“. Если основные законы Россійской имперіи и могутъ имѣть отношеніе къ разрѣшенію указаннаго частнаго процессуальнаго вопроса, то умѣстнѣе всего окажется тотъ основной законъ, который запрещаетъ судамъ „обманчивое непостоянство и самопроизвольныя толкованія“. Ибо, если не въ основныхъ законахъ, то въ уставѣ уголовнаго судопроизводства ясно опредѣлено понятіе свидѣтеля по дѣлу: это—лицо, которое призывается показать передъ судомъ все, что оно видѣло, слышало и знаетъ по дѣлу. Если лица, привлеченныя къ дѣлу, два года продержанныя въ предварительномъ заключеніи, преданныя суду и посаженныя на скамью подсудимыхъ, должны a priori считаться ничего не видѣвшими, не слышавшими и не вѣдающими относительно событія, въ которомъ они играли главную роль, то послѣ

этого свидѣтелей, въ легальномъ смыслѣ этого термина, не существуетъ вовсе. Или судъ отклоняетъ ходатайство защитника объ отсрочкѣ засѣданія въ виду вызова обвинительной властью новыхъ свидѣтелей и предъявленія новыхъ уликъ,— ссылаясь на соотвѣтствующее право прокуратуры, не подлежащее, будто бы, никакой повѣркѣ суда, а также на то, что защита имѣла возможность повторить свое ходатайство въ тотъ моментъ производства, когда новые свидѣтели и новыя улики вступили въ его теченіе и заняли въ немъ опредѣленное мѣсто. Но судъ ошибается: защита не исполнила бы своего долга, если-бъ упустила заявить просьбу объ отсрочкѣ засѣданія при первомъ появленіи въ дѣлѣ новыхъ и неожиданныхъ для нея фактовъ и лицъ, а предлагаемое ей судомъ повтореніе ходатайства—въ тотъ моментъ, когда оно оказывалось запоздалымъ и неподлежащимъ удовлетворенію,—равносильно приглашенію къ совершенію акта ничтожнаго и незаконнаго. Или, наконецъ, судъ удерживаетъ защитника отъ допроса свидѣтеля, станового пристава Шмелева, о его оригинальныхъ дѣйствіяхъ по производству вторичнаго полицейскаго дознанія, находя, что свидѣтель не обязанъ отвѣчать на вопросы, могущіе привести къ уличенію его въ преступленіяхъ по должности. Но дѣятельность пристава Шмелева по производству дознанія есть дѣятельность должностная, публичная, и квалификація ея въ качествѣ преступной или непреступной принадлежитъ не самому должностному лицу, а его начальству. Поэтому судъ не вправѣ былъ устранить вопросы о грубыхъ, жестокихъ или самоуправныхъ дѣйствіяхъ, доставившихъ канву для всего послѣдующаго производства, на томъ только основаніи, что разоблаченіе этой грубости, жестокости или самоуправства можетъ открыть и составъ какого-нибудь уголовнаго дѣянія“.

Признавъ правильность соображеній, приведенныхъ оберъ-прокуроромъ, кассаціонный департаментъ постановилъ вторичный приговоръ по мултанскому дѣлу отмѣнить и кромѣ того *членамъ суда, принимавшимъ участіе въ двухъ распорядительныхъ засѣданіяхъ по этому дѣлу—сдѣлать замѣчаніе.*

Таковъ этотъ новый эпизодъ мултанскаго процесса. Картина, однако, будетъ неполна, если мы не приведемъ еще одной замѣчательной черточки, совершенно неожиданно украсившей собою это характерное дѣло. Изъ той же рѣчи г. оберъ-прокурора мы узнаемъ, что „кассаціонная жалоба защитника прибыла въ сенатъ въ сопровожденіи цѣлаго ряда „объясненій“, присланныхъ какъ судомъ въ полномъ составѣ, такъ и отдѣльными членами. Между прочимъ, одинъ изъ товарищей

предсѣдателя вятскаго окружнаго суда въ отдѣльномъ объясненіи излагаетъ свой взглядъ на дѣло, вынесенный имъ изъ разбирательства по существу,—взглядъ, безусловно неблагопріятный для подсудимыхъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлится съ сенатомъ драгоцѣнными свѣдѣніями о томъ, что кассаціонное обжалованіе есть затѣя не обвиненныхъ, людей темныхъ, готовыхъ дескать покориться своей участи, а ихъ защитника и нѣсколькихъ „газетныхъ корреспондентовъ“, и не менѣе драгоцѣнной догадкой, что если названный защитникъ и корреспонденты добьются кассаціонной отмѣны приговора, то они впослѣдствіи добьются и оправданія подсудимыхъ, вырвутъ оправдательный приговоръ и у присяжныхъ засѣдателей. Оберъ-прокуроръ счелъ своей обязанностью отмѣтить и осудить это стремленіе насильно вовлечь сенатъ въ „существо дѣла“, т. е. въ тину провинціальной сплетни, какъ не соотвѣтствующее „ни достоинству писавшаго, ни высотѣ того мѣста, куда онъ обращался“.

Ироническій эпитетъ, употребленный А. Ѳ. Кони по отношенію къ этой новой неожиданности, мнѣ лично кажется примѣнимымъ въ самомъ прямомъ, самомъ серьезномъ смыслѣ. Развѣ не „драгоцѣнна“ въ самомъ дѣлѣ эта удивительная, вполнѣ непосредственная довѣрчивость, съ которой „предсѣдательствовавшій“ въ судебномъ засѣданіи обращается въ высшую инстанцію, дѣлясь съ ней, такъ сказать, на ушко, — не только своими личными выводами, но и провинціальными сплетнями? Развѣ не драгоцѣнна эта похвала смиреннымъ людямъ, которые, вслѣдствіе темноты, подчинились бы своей участи и пошли бы на каторгу, не безпокоя ни сарапульскихъ судей, ни сенатъ своими, какъ оказывается, совершенно основательными жалобами? Развѣ не столь же драгоцѣнна простодушная откровенность, съ которой усилія защиты, основанныя на такихъ вопіющихъ нарушеніяхъ — приравниваются къ интригѣ? Что еще писалъ господинъ предсѣдательствовавшій членъ суда въ своемъ „отзывѣ“, мы не знаемъ,—но сказаннаго достаточно. Вѣдь это пишетъ не урядникъ Соковиковъ, не приставъ Шмелевъ и даже не товарищъ прокурора г. Раевскій, руководившій этимъ „блестящимъ“ дознаніемъ и слѣдствіемъ, — это пишетъ опытный юристъ, давно „работающій на судебномъ поприщѣ“. Да, эта черта драгоцѣнна, и именно тѣмъ, что дорисовываетъ картину этого яркаго, полнаго неожиданностями дѣла. Если такъ говорятъ члены суда, обращаясь въ высшую инстанцію, если даже въ этомъ случаѣ „опытные юристы“, привыкшіе къ порядкамъ данной окраины, доходятъ до такого забвенія основныхъ началъ своей дѣятельности, — то

какъ они разсуждаютъ, разговариваютъ, дѣйствуютъ у себя, „дома“, имѣя дѣло дѣйствительно лишь съ „темными людьми“, не знающими, гдѣ искать защиты, не имѣющими опоры ни въ „интригахъ защитника“, ни въ гласности? Наконецъ, чего же послѣ этого ждать отъ остальныхъ, начиная съ товарища прокурора г. Раевскаго (бывшаго врача, начавшаго лишь сравнительно недавно юридическую карьеру подъ просвѣщеннымъ руководствомъ гг. сарапульскихъ судей), до приставовъ и урядниковъ... Мудрено ли, что даже „Вятскія Губернскія Вѣдомости“ не обинуясь признаютъ, что „къ раскрытію (мултанскаго) преступленія полиція употребляла всевозможныя мѣры, — не пренебрегла даже деревенскимъ знахарствомъ, въ которомъ замѣченъ какой-то медвѣжій культъ“ (см. „Вятскія Губ. Вѣд.“, № 91, 1895 года). „Весь уѣздъ, — пишетъ корреспондентъ изъ Малмыжа, ссылаясь на эту выдержку изъ оффиціальнаго органа, — знаетъ о дѣяніяхъ г-на Шмелева, только одинъ г. Раевскій составляетъ странное исключеніе, хотя, по словамъ самого пристава, онъ въ то время былъ въ Мултанѣ съ нимъ“ („Нижегор. Листокъ“, № 351, 1895).

Вотъ на какіе факты закрываютъ глаза судебные дѣятели, которымъ за то угодно дѣлиться съ сенатомъ провинціальными сплетнями о защитѣ и корреспондентахъ. Всякому, кто слѣдитъ за провинціальными извѣстіями въ газетахъ, не могло не кинуться въ глаза обиліе за послѣднее время сообщеній объ истязаніяхъ при предварительномъ дознаніи. Дѣло Адамова среди латышей Псковской губерніи приводило въ ужасъ необыкновеннымъ драматизмомъ, почти сказочнымъ злодѣйствомъ истязателей. Но въ газетахъ Волжско-Камскаго края мы встрѣчаемся съ другимъ ужасомъ изъ этой же области. Нельзя сказать, чтобы чины слободской полиціи, практиковавшіе подвѣшиваніе и пытку, или яранскій урядникъ Луповъ, превратившій заподозрѣннаго въ кражѣ Прохорова изъ здороваго человѣка — „въ совершеннаго калѣку съ костылями“ („Вятскій Край“, № 121) — во многомъ уступали псковскому Адамову. Есть, однако, дѣла не столь вопіющаго драматизма, отъ которыхъ поистинѣ волосъ становится дыбомъ.

Таково, напр., дѣло, изложенное въ корреспонденціи изъ Елабуги *). По содержанію оно необыкновенно просто. Крестьянинъ Чернышевъ изъ дер. Яковлева, Елабужскаго уѣзда, отправился въ гости въ дер. Новую Мурзиху, къ крестьянину Фуженкову, на мельницу, арендуемую Денисовымъ. Дѣло было на святкахъ, въ праздникъ. Выпили и пошли съ ряженными

*) „Нижегородскій Листокъ“, 1895, № 342.

по деревнѣ, гдѣ зашли въ домъ къ мельнику Денисову. Отсюда компанія направилась дальше, а выпившій Чернышевъ отъ нея отсталъ и домой уже не являлся. Нѣсколько крестьянъ видѣли передъ вечеромъ человѣка, шедшаго безъ шапки и въ разстегнутомъ полушубкѣ по направленію къ дер. Яковлевой. А такъ какъ къ ночи поднялась мятель, то рѣшили, что Чернышевъ вѣроятно замерзъ пьяный въ полѣ, и его занесло снѣгомъ.

Но елабужская полиція не могла успокоиться на этой гипотезѣ. Это совершенно понятно, какъ и то, что „хорошій полицейскій“ почти всегда найдетъ виновнаго въ Вятской губерніи. Поэтому елабужскій исправникъ Таширевъ отправился на мѣсто дѣйствія, арестовалъ мельника Денисова, засыпку Фуженкова, да еще сосѣда ихъ Борисова и привезъ всѣхъ въ Елабугу. Здѣсь, въ закрытомъ помѣщеніи, ихъ подвергли соотвѣтственнымъ „убѣжденіямъ“, давшимъ блестящіе результаты, — всѣ трое сознались. Денисовъ признался въ томъ, что это онъ убилъ Чернышева, случайно принявъ его за вора. Фуженковъ же и Борисовъ подробнѣйшимъ образомъ описали, какъ они запрягли лошадь, увезли трупъ на рѣку Вятку, оставили лошадь на берегу, такъ какъ ледъ былъ тонокъ, несли трупъ на рукахъ до полыньи, потомъ положили его на закраину, потомъ столкнули въ воду длинною жердью. Вотъ видите, съ какими подробностями раскрыто это преступленіе „путемъ убѣжденія“ преступниковъ въ закрытомъ помѣщеніи при елабужской полиціи! Правда, у слѣдователя всѣ трое отказались отъ этихъ признаній, утверждая, что сознаніе вынуждено у нихъ побоями и истязаніями, при чемъ будто бы у Борисова во время очной ставки былъ „полонъ ротъ крови“. Но, говоря словами обвинителя вотяковъ г. Раевскаго, „какой же полицейскій позволитъ себѣ что-либо подобное, какой же судебный дѣятель рѣшится скрыть такія дѣйствія?“ „Преступникамъ“ не повѣрили, составили обвинительный актъ и предали суду. Очень вѣроятно, что всѣ трое, „какъ люди темные, подчинились бы обвинительному приговору“, который, въ виду сознанія, былъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ, если бы на этотъ разъ не вмѣшалась своего рода „интрига“ со стороны весенняго солнца. Прошло 97 дней, наступила весна, снѣгъ началъ таять и подъ нимъ, въ полѣ, у дороги нашли трупъ Чернышева, безъ признаковъ насильственной смерти, просто-на-просто занесеннымъ снѣгомъ и замерзшимъ...

Читатель можетъ быть полагаетъ, что послѣ этого прокуроръ отказался отъ обвиненія, а о дѣйствіяхъ полиціи начато дознаніе. Нѣтъ, товарищъ прокурора поддерживалъ обвиненіе,

а полицейскіе повторяли съ чрезвычайной точностью всѣ показанія, клонившіяся къ доказательству того, что Чернышевъ не только замерзъ, но и убитъ, не только найденъ въ полѣ, но и утопленъ въ рѣкѣ, Нашлись даже и сторонніе свидѣтели, которымъ „убійцы“ каялись („грѣхъ нашъ“). Но, разумѣется, добиться обвиненія при этихъ условіяхъ было трудно— всѣ трое сознавшихся оправданы.

А дальше? Дальше, разумѣется, ничего. Сарапульскій судъ нашелъ, что тутъ нѣтъ обстоятельствъ, способныхъ привлечь его особенное вниманіе на тѣ способы убѣжденія, которыми у мнимыхъ убійцъ исторгнуты такія удивительныя подробности несовершеннаго преступленія!.. И если мы говоримъ теперь объ этомъ дѣлѣ, если о немъ писали столичныя газеты, если оно обращаетъ еще чье-либо вниманіе, то это уже интрига невѣдомаго корреспондента, огласившаго въ скромной провинціальной газетѣ удивительныя подробности этого дѣла...

Я лично, какъ человѣкъ тоже причастный къ перу и къ провинціальной публицистикѣ, — прочиталъ съ особеннымъ удовлетвореніемъ то мѣсто, гдѣ г. сарапульскій судья счелъ нужнымъ сказать свое слово о дѣятельности корреспондентовъ. Полагаю, то же почувствуетъ и каждый работникъ печатнаго слова въ провинціи... Правда, членъ сарапульскаго суда квалифицируетъ дѣятельность корреспондентовъ довольно сурово. Но... мы желали бы, чтобы во всѣхъ случаяхъ нападокъ на прессу. было такъ же ясно, какъ въ данномъ случаѣ, на чьей сторонѣ правда: на сторонѣ ли скромныхъ работниковъ печати, оглашающихъ эти удивительные порядки елабужскихъ, мултанскихъ и иныхъ дознаній — или же на сторонѣ ихъ строгихъ цѣнителей и судей, пытающихся самый сенатъ вовлечь въ тину провинціальной сплетни.

1896.

VII.

Библіографическая замѣтка.

I. **Дѣло мултанскихъ вотяковъ**, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣч. жертвы языческимъ богамъ. (Составлено А. Н. Барановымъ, В. Г. Короленко и В. И. Суходоевымъ, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Г. Короленко).—Москва, 1896 г.).

II. **Д-ръ Э. Ф. Беллинъ** (пр.-доц. суд. медицины Имп. Харьк. унив.). **Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ**, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ (Съ тремя таблицами рисунковъ.—Харьковъ, 1896 г.).

III. **П. Богаевскій. Мултанское моленіе вотяковъ** въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ, съ рисунками. Москва, 1896 г. (изд. І. Кнебеля, „Вопросы науки, искусства, литературы и жизни“, № 3).

Чѣмъ-то мрачнымъ, таинственнымъ и средневѣковымъ вѣетъ отъ такъ называемаго „мултанскаго дѣла“, по праву привлекающаго къ себѣ очень широкое вниманіе печати и общества, отмѣченнаго не только у насъ, но и заграницей. M-r Edward Clodd, предсѣдатель лондонскаго фольклорнаго общества, въ своей годичной рѣчи въ 1895 году,—въ числѣ другихъ фактовъ сообщилъ, что „въ одной деревнѣ въ Вяткѣ, во время большого русскаго голода, нѣсколько крестьянъ, принадлежащихъ къ какой-то мѣстной сектѣ, напоили нищаго допьяна, послѣ чего перерѣзали горло, обезглавили его и вынули сердце и легкія для жертвоприношенія злому духу Курбану“ (for use in sacrificial rites to propitiate the evil spirit Kourbane). При этомъ уважаемый президентъ сослался на газетныя извѣстія: „Pall Mall Gazette“ отъ 25 октября 1895 г. и „S-t James Gazette“ отъ 12 января, — послѣдняя сообщала приговоръ надъ вотяками, постановленный въ Малмыжѣ. Въ настоящее время послѣ вторичнаго приговора въ

Елабугѣ — можно было бы цитировать десятки иностранныхъ газетъ, принявшихъ фактъ человѣческаго жертвоприношенія „to propitiate the evil spirit Kourbane“, какъ вполнѣ доказанный, и дѣлающихъ къ нему весьма нелестныя для нашего народа комментаріи.

Совершенно понятно, что отечественная пресса обратила еще больше вниманія на это дѣло, пытавшееся раскрыть такую мрачную страницу нашей культуры. Что у насъ еще много тьмы и невѣжества самаго глубокаго,—это, разумѣется, фактъ, не подлежащій сомнѣнію; однако, простая и самая элементарная справедливость къ своему народу требуетъ, чтобы обвиненіе въ такомъ ужасномъ изувѣрствѣ, какъ культъ человѣческихъ жертвоприношеній въ земледѣльческой средѣ одной изъ земскихъ губерній, было, по крайней мѣрѣ, обставлено доказательствами, болѣе достовѣрными, чѣмъ слухи и толки, которые всегда тѣмъ нелѣпѣе, чѣмъ темнѣе среда. Настоящее дѣло является первымъ, въ которомъ обвиненіе основанное на темныхъ слухахъ, принимаетъ опредѣленную форму и направляется на опредѣленныхъ лицъ. Понятно, поэтому, что приговоръ суда не можетъ не возбуждать самаго глубокаго интереса въ русскомъ обществѣ. Разбираемый нами отчетъ даетъ фактическій матеріалъ по дѣлу, почерпнутый изъ второго судебнаго разбирательства (въ гор. Елабугѣ) и снабженный обильными ссылками на письменные матеріалы слѣдственнаго производства. „Считаемъ нелишнимъ указать читателю, — говорится въ предисловіи, — что онъ встрѣчаетъ здѣсь судебный матеріалъ, явная односторонность и пристрастіе котораго дважды признана сенатомъ“ (вслѣдствіе существенныхъ правонарушеній отмѣнившимъ два раза обвинительные вердикты). Составители отчета имѣли въ виду вывести этотъ матеріалъ изъ тѣсной залы суда, на отдаленной окраинѣ, и подвергнуть его анализу настоящей науки, которая въ данномъ случаѣ можетъ оказать неоцѣненныя услуги и самому правосудію.

Цѣль эта въ значительной степени достигнута. Помимо обширной газетной литературы и протоколовъ ученыхъ обществъ,—передъ нами два отдѣльныхъ изданія, разсматривающихъ вопросъ при свѣтѣ этнографическихъ и судебно-медицинскихъ данныхъ. Г. Богаевскій, уже раньше полемизировавшій съ экспертомъ обвиненія, г. Смирновымъ,—приводитъ данныя о языческой религіи вотяковъ и о подробностяхъ жертвеннаго ритуала. Если,—справедливо разсуждаетъ нашъ авторъ,—вотяки способны были принести въ жертву даже человѣка, то это возможно лишь при условіи, что въ ихъ

средѣ еще очень жива языческая обрядность *). Приверженность къ формальному культу, къ малѣйшимъ мелочамъ ритуала—характеризуетъ язычество въ особенности. Малѣйшее отступленіе отъ установленныхъ вѣками правилъ навлекаетъ, по мнѣнію язычника, гнѣвъ божества и вмѣсто милости обрушиваетъ несчастіе на головы молящихся. Чѣмъ важнѣе жертва, тѣмъ, очевидно, строже должны соблюдаться правила. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ обвиненіе обставляетъ предполагаемое жертвоприношеніе цѣлымъ рядомъ вопіющихъ нарушеній ритуала и обрядовъ, расходящихся со всѣмъ, что извѣстно этнографической наукѣ. На этомъ основаніи г. Богаевскій въ своей обстоятельной работѣ, чрезвычайно осторожной въ аргументаціи и выводахъ, совершенно присоединяется къ мнѣнію, уже ранѣе высказанному С. К. Кузнецовымъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ не жертвоприношеніе, а лишь грубую поддѣлку подъ неясное представленіе о жертвоприношеніи. Нужно сказать, что (кромѣ г. Смирнова) ни одинъ ученый этнографъ еще не высказался въ иномъ смыслѣ.

Особенно важное, можно даже сказать рѣшающее значеніе имѣетъ ученая работа Э. Ф. Беллина, приватъ-доцента харьковскаго университета, извѣстнаго авторитета въ вопросахъ судебной медицины, автора выдающихся работъ изъ этой области. Произведя самые тщательные опыты надъ трупами, для провѣрки судебно-медицинскихъ данныхъ, г. Беллинъ приходитъ къ заключеніямъ, совершенно совпадающимъ съ заключеніями С. К. Кузнецова и П. М. Богаевскаго. По его мнѣнію, обставленному строго-научными доказательствами, операція, которая приписывается рукамъ вотяковъ, приносившихъ будто бы нищаго въ жертву,—въ томъ видѣ и въ тѣхъ условіяхъ, какъ она описана въ протоколѣ вскрытія,—могла быть продѣлана лишь надъ разложившимся трупомъ въ то время, когда онъ (въ теченіе мѣсяца!) ожидалъ вскрытія, находясь подъ ежедневно смѣняющимся карауломъ. Такимъ образомъ и судебная медицина подтверждаетъ мнѣніе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ симуляціей, очень грубой съ точки зрѣнія этнографа, очень ловкой, какъ анатомическая операція, имѣвшей цѣлью направить поиски властей на ложную дорогу, сваливъ убійство на вотяковъ. Мы не имѣемъ въ виду воспроизводить здѣсь всѣ подробности аргументаціи разбираемыхъ авторовъ. Отсылая всякаго, кто пожелаетъ ближе

*) Замѣтимъ, что мултанцы—болѣе ста лѣтъ уже православные и село ихъ служитъ центромъ православнаго прихода.

ознакомиться съ интереснымъ дѣломъ, непосредственно къ разбираемымъ книгамъ,—мы позволимъ себѣ привести, въ заключеніе, мысль А. Ѳ. Кони, высказанную имъ по другому поводу. Для того, чтобы приговоръ присяжныхъ былъ дѣйствительно *приговоромъ*, а не случайнымъ *мнѣніемъ* двѣнадцати человѣкъ, необходимо, чтобы матеріалъ, надъ которымъ работаетъ умъ и совѣсть присяжныхъ, обладалъ всѣми гарантіями достовѣрности, установленными закономъ".

Мы не хотимъ сомнѣваться, что въ концѣ-концовъ, послѣ двухъ кассацій, мултанское дѣло предстанетъ въ условіяхъ, достойныхъ суда просвѣщенной страны, которыя дадутъ намъ, наконецъ, настоящій „приговоръ". А пока можно констатировать съ полной достовѣрностью, что двукратно выраженное „мнѣніе 12 человѣкъ", основанное на слухахъ, неизвѣстно откуда исходящихъ, стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ выводами науки—и нѣтъ сомнѣнія, что evil spirit Kourbane долженъ быть изгнанъ изъ ученыхъ анналовъ.

Книжка г. Богаевскаго снабжена рисунками, — въ томъ числѣ набросками самыхъ мѣстъ, гдѣ разыгрывалась таинственная мултанская драма, а къ работѣ проф. Беллина приложены очень убѣдительныя иллюстраціи его опытовъ.

1896.

VIII.

Толки печати о мултанскомъ дѣлѣ.

Эту часть текущей нашей хроники мы начинаемъ подъ впечатлѣніемъ извѣстія объ оправдательномъ вердиктѣ по мултанскому дѣлу.

Исторія эта съ внѣшней стороны въ значительной степени извѣстна нашимъ читателямъ. Въ Малмыжѣ и Елабугѣ подсудимые вотяки были обвинены въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ. Сенатъ дважды кассировалъ дѣло, находя въ немъ такія существенныя нарушенія судопроизводства, которыя внушали сильное сомнѣніе въ правильности самаго приговора, поставленнаго на основаніи слишкомъ односторонняго слѣдственнаго и судебнаго матеріала. Послѣ второй кассаціи дѣло было изъято изъ Сарапульскаго округа и передано въ Казанскій. Въ печати появился отчетъ о засѣданіяхъ елабужскаго суда, послужившій матеріаломъ для сужденій прессы и спеціалистовъ. Сомнѣніе въ виновности вотяковъ все крѣпло въ обществѣ, а заключенія спеціалистовъ отчасти приподымали завѣсу, опущенную надъ этой таинственной драмой вопіюще небрежнымъ и одностороннимъ слѣдствіемъ.

Тѣмъ не менѣе, въ газетахъ уже весной настоящаго года появились извѣстія, сначала показавшіяся весьма сомнительными, но впослѣдствіи получившія полное подтвержденіе. Оказалось, что казанскій судъ назначилъ разбирательство въ уѣздномъ городѣ Мамадышѣ, хотя и Казанской губерніи, но расположенномъ на самой границѣ Малмыжскаго уѣзда, т.-е. въ сферѣ тѣхъ же „слуховъ и толковъ“, ареной которыхъ является этотъ послѣдній уѣздъ въ теченіе вотъ уже 4-хъ лѣтъ. Затѣмъ газеты принесли извѣстіе, что во всѣхъ ходатайствахъ защиты о вызовѣ новыхъ экспертовъ и свидѣтелей казанскимъ судомъ отказано и что, такимъ образомъ, дѣло предстанетъ передъ присяжными совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ оно являлось уже два раза: въ Малмыжѣ и Елабугѣ.

Затѣмъ изъ телеграммы „Русскихъ Вѣдомостей“ мы узнали, что 28 мая открылось въ Мамадышѣ засѣданіе выѣздной

сессіи, подъ предсѣдательствомъ г. Завадскаго. Обвинителемъ явился прикомандированный спеціально для этого дѣла тов. прокурора г. Раевскій (обвинявшій вотяковъ въ Малмыжѣ и Елабугѣ и руководившій предварительнымъ слѣдствіемъ) и прок. казанскаго суда г. Симоновъ. Защита состояла изъ гг. Дрягина, Карабчевскаго, Короленка и Красникова. Это усиленіе состава защиты и являлось, если не ошибаемся, единственной чертой, отличавшей новое засѣданіе отъ прежнихъ; обвиненіе же усилило число ранѣе вызванныхъ свидѣтелей 11 новыми.

Изъ той же телеграммы мы узнали, что защита предъявила вновь ходатайство о вызовѣ съ своей стороны свидѣтелей, въ опроверженіе новыхъ показаній, но ей въ этомъ было отказано. Въ залѣ присутствовали профессора судебной медицины казанскаго университета г. Леонтьевъ, и харьковскаго— г. Патенко, явившіеся сюда съ научными цѣлями, въ виду огромнаго интереса, возбужденнаго этимъ дѣломъ. Съ этою же цѣлью пріѣхалъ изъ Томска ученый этнографъ С. К. Кузнецовъ. Защита просила судъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ и дополнить экспертизу уѣздныхъ врачей заключеніемъ признанныхъ ученыхъ спеціалистовъ.

Судомъ и въ этомъ ходатайствѣ отказано.

Затѣмъ извѣстія смолкли, и въ теченія 8 дней въ далекомъ Мамадышѣ, въ тѣсной и душной залѣ, едва вмѣщающей нѣсколько десятковъ постороннихъ зрителей, — разыгрывался третій (надѣемся, послѣдній) актъ судебной драмы, которой предстоитъ надолго остаться въ лѣтописяхъ нашего суда „конца XIX вѣка“. 4-го іюня телеграфная проволока разнесла изъ Мамадыша во всѣ концы Россіи извѣстіе о приговорѣ: всѣ подсудимые оправданы, и кошмаръ „человѣческаго жертвоприношенія“ разсѣянъ.

Судьбѣ угодно было, такимъ образомъ, обставить этотъ вердиктъ такой комбинаціей обстоятельствъ, при которой онъ получаетъ особенныя, совершенно исключительныя силу и значеніе.

Мы видѣли, что и въ этотъ разъ защита была обезоружена въ то время, когда обвиненіе усилило кадры своихъ свидѣтелей на цѣлую треть. Работы спеціалистовъ, вызванныя появленіемъ отчета, были совершенно устранены, и, наконецъ, двери суда были широко открыты для всевозможныхъ слуховъ, „неизвѣстно откуда исходящихъ“. И если, даже при этихъ условіяхъ, судъ присяжныхъ, наконецъ, разобрался въ туманѣ, окутавшемъ это таинственное дѣло, и вынесъ свой вердиктъ, освободившій несчастныхъ мултанцевъ отъ четырех-

лѣтняго заключенія, а вотскую народность — отъ обвиненія въ существованіи ужаснаго культа, — то это, полагаемъ, говоритъ ясно, гдѣ въ этомъ дѣлѣ правда!

Мы ждемъ полнаго отчета, который, надо надѣяться, не замедлитъ появиться, и намъ еще придется вернуться къ „мултанскому моленію". Да, это дѣло ставитъ еще цѣлый рядъ вопросовъ, на которые отрицательное рѣшеніе присяжныхъ, формулированное въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ: „нѣтъ, не виновенъ",—еще не даетъ намъ отвѣта. Мы не говоримъ уже о полной бытового интереса и своеобразныхъ красокъ этнографической сторонѣ этого замѣчательнаго дѣла, не говоримъ и о спеціально юридическихъ вопросахъ, возникающихъ въ изобиліи на всемъ протяженіи мрачной и трогательной драмы. Но насъ, но все общество, но высшія юридическія сферы, наконецъ, не можетъ не интересовать глубоко-тревожный вопросъ о томъ, какимъ образомъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ создавалось это обвиненіе, которое нельзя было доказать даже при такихъ исключительныхъ, при такихъ односторонне-благопріятныхъ обстоятельствахъ?

Уже изъ газетныхъ отчетовъ, пока еще весьма неполныхъ и отрывочныхъ, выясняются нѣкоторыя черты предварительнаго слѣдствія, которымъ, казалось бы, не должно быть мѣста въ нашемъ судѣ. Однако, мы не имѣемъ пока въ виду подробно касаться и этой стороны дѣла. Не сомнѣваемся, что казанскій судъ обратитъ на нихъ свое вниманіе. Намъ даетъ право надѣяться на это и отмѣчаемое газетами образцовое безпристрастіе, сказавшееся въ резюме предсѣдателя казанскаго суда, г. Завадскаго... А пока, мы только отмѣчаемъ фактъ оправданія и остановимся на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ прессы, вызванныхъ этимъ фактомъ.

Въ этомъ отношеніи отзывы печати единодушны. Сомнѣваться въ правильности приговора, вынесеннаго при такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, трудно, а нарушеніе правъ защиты, конечно, не можетъ служить поводомъ для ослабленія значенія *оправдательнаго* вердикта... Если, такимъ образомъ, есть какая-нибудь почва для разногласій и споровъ, то она лежитъ въ области не частнаго факта, а въ сферѣ общихъ вопросовъ о значеніи его для оцѣнки нашего суда вообще и института присяжныхъ въ частности.

Казалось бы, и въ этомъ отношеніи дѣло довольно ясно. Законъ недаромъ обставляетъ собираніе и предъявленіе слѣдственнаго матеріала извѣстными гарантіями, безъ которыхъ, по удачному выраженію А. Ѳ. Кони, „мнѣніе" 12 человѣкъ, сидящихъ на судейской скамьѣ, не можетъ пріобрѣсти зна-

ченіе и силу „приговора“. Если эти гарантіи нарушались—вина не присяжныхъ. Читатели, вѣроятно, замѣтили, что въ нашемъ журналѣ нѣтъ ни одной строки, ни одного слова горечи и упрека по адресу присяжныхъ. И это не результатъ доктринерскаго предубѣжденія, закрывающаго глаза на значеніе живаго факта; это—глубокое убѣжденіе въ томъ, что сами присяжные стали 2 раза жертвой изумительныхъ слѣдственныхъ, а также и судебныхъ порядковъ, практиковавшихся,—скажемъ такъ,—въ Сарапульскомъ судебномъ округѣ... Лица, бывшія на послѣднемъ разбирательствѣ дѣла, отзываются съ глубокимъ уваженіемъ о томъ неослабѣвавшемъ вниманіи, съ какимъ въ теченіи $7^1/_2$ дней „десять мужиковъ, мѣщанинъ и дворянинъ“ слѣдили за всѣми изгибами запутаннаго дѣла, за всѣми тонкостями этнографической экспертизы, за всѣми аргументами обвиненія и защиты. И если бы, при одностороннемъ матеріалѣ, предоставленномъ ихъ вниманію, они еще разъ вынесли обвинительный вердиктъ,—кто, по совѣсти, могъ бы поставить имъ это въ вину, кто отнесъ бы на ихъ счетъ грѣхи односторонне-обвинительнаго слѣдствія и судебной процедуры, стѣснившей въ такой степени голосъ защиты?..

Но присяжные вышли съ честью изъ тяжелаго испытанія. Живымъ чутьемъ они различили, наконецъ, истину подъ грудой односторонне набросанныхъ деталей. Такимъ образомъ, мултанское дѣло прибавляетъ лишь новое доказательство благотворности и жизненности суда присяжныхъ. Судъ людской—не Божій. Присяжные—тоже люди и, конечно, способны поддаваться и молвѣ, и предразсудку, и заблужденію. Тѣмъ важнѣе соблюденіе всѣхъ законныхъ гарантій, обезпечивающихъ достовѣрность судебнаго матеріала. Но развѣ не страшно подумать, что было бы, если бы вердиктъ былъ предоставленъ тому самому составу сарапульскаго суда, который умѣлъ *такъ* обставить двукратное засѣданіе... Нѣтъ,—въ данномъ дѣлѣ вина двукратной судебной ошибки лежитъ, очевидно, не въ институтѣ присяжныхъ.

Она не можетъ быть также отнесена за счетъ дѣйствующихъ судебныхъ установленій въ цѣломъ, какъ это пытаются сдѣлать „Московскія Вѣдомости“. Указавъ на двукратную отмѣну приговора и на то, что для этого понадобились, между прочимъ, экстраординарныя усилія печати, газета дѣлаетъ выводъ: „Нѣтъ надобности входить въ обсужденіе вопроса, кто виноватъ въ подобныхъ ошибкахъ: слѣдствіе, судъ или сами присяжные, но во всякомъ случаѣ ясно, *что при существующемъ порядкѣ вещей гарантіи правосудія оказываются весьма шаткими*“ („Моск. В.“, № 55,—курсивъ нашъ).

Что порядки, уже отчасти вскрывшіеся въ мултанскомъ процессѣ и ожидающіе еще дальнѣйшаго освѣщенія, весьма плохо гарантируютъ правосудіе, съ этимъ, конечно, согласится всякій, кому дороги интересы справедливости и правосудія въ нашемъ отечествѣ! Но если такъ, то тѣмъ болѣе *есть надобность* отыскать источники этой шаткости, тѣмъ необходимѣе найти больное мѣсто нашего правосудія... Къ сожалѣнію, всѣ эти нападки на судъ присяжныхъ и на „духъ судебныхъ уставовъ“ только мѣшаютъ выясненію истинной причины зла, и въ этомъ отношеніи замѣтка почтенной газеты представляется особенно типичной. И передъ нею мултанское дѣло ставитъ „тревожные вопросы“: „допуская, что третій вердиктъ окажется послѣднимъ и что онъ вполнѣ согласенъ съ требованіями справедливости“,—авторъ невольно задается вопросомъ: чѣмъ вознаградить несчастныхъ мултанцевъ за 4-лѣтнія мученія? Далѣе: „что, если бы дважды судебное рѣшеніе не дало сенату кассаціонныхъ поводовъ или поводы эти прошли незамѣченными?“ Наконецъ, газета дѣлаетъ допущеніе, что, „если бы не В. Г. Короленко, никакого отношенія къ суду не имѣющій, то дѣло могло бы остановиться на первомъ или второмъ вердиктѣ, и обвиняемые были бы невинно осуждены“.

Въ этихъ пессимистическихъ разсужденіяхъ есть нѣсколько очень крупныхъ недоразумѣній и одна не менѣе крупная наивность. Первое изъ этихъ недоразумѣній касается роли В. Г. Короленко въ этомъ дѣлѣ. Какъ ни лестно для насъ допущеніе, будто безъ вліянія статей нашего сотрудника дѣло могло остановиться на первомъ или второмъ вердиктѣ, но мы, быть можетъ, съ нѣкоторымъ невольнымъ сожалѣніемъ, должны отказаться отъ этой иллюзіи *). Дѣло въ томъ, что первая кассація мултанскаго дѣла въ сенатѣ послѣдовала тогда, когда В. Г. Короленко не написалъ о дѣлѣ ни одной строчки и когда огромное большинство прессы было далеко отъ какихъ бы то ни было сомнѣній въ наличности печальнаго факта. А такъ какъ второе засѣданіе того же сарапульскаго суда (въ Елабугѣ) лишь усилило отмѣченныя сенатомъ нарушенія,—то вторая кассація была просто логической необходимостью и, очевидно, ни о какой связи ея съ тѣми или другими статьями прессы тутъ не можетъ быть и рѣчи...

Что же касается вопроса газеты: „что было бы, если бы судъ не подалъ поводовъ для кассаціи“, — то отвѣтъ такъ простъ и ясенъ, что мы склонны считать наивностью самую

---

*) Эта статья была напечатана безъ моей подписи. *В. К.*

его постановку. Поводы для кассаціи такъ примитивно внушительны, нарушенія правъ защиты такъ осязательны, такъ существенны и важны, что, если бы ихъ не было, то не было бы и надобности въ кассаціи; если бы свидѣтели защиты были выслушаны на первомъ судѣ, то истина предстала бы и ранѣе, и полнѣе, чѣмъ она предстала теперь, и мултанцы были бы оправданы еще въ Малмыжѣ.

Нѣтъ, къ счастію, какъ ни темно еще теперь мултанское дѣло, но одинъ выводъ изъ него совершенно ясенъ: не судъ присяжныхъ и не судебные уставы повинны въ такихъ ошибкахъ. Причина ихъ въ системѣ предварительнаго слѣдствія и собиранія доказательствъ, а отчасти и въ томъ, что въ магистратуру проникла въ послѣднее время излишняя терпимость къ такимъ пріемамъ „подготовительныхъ къ суду дѣйствій“, какіе вскрылись, хотя, быть можетъ, еще не вполнѣ,— во время мултанскаго процесса... Въ заключеніе этой замѣтки, мы приводимъ самое „свѣжее“ извѣстіе, относящееся къ области „косвенныхъ вліяній“ мултанскаго дѣла, и достовѣрность котораго гарантируется уже самымъ источникомъ, откуда мы его заимствуемъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Вятскихъ Губ. Вѣдомостей“ сообщаютъ, что въ селѣ Кизнерѣ, сосѣднемъ съ Мултаномъ, повѣсился вотякъ-десятскій. Это было въ то время, когда, передъ судомъ, все еще „дополнялось слѣдствіе“, и мѣстный урядникъ употреблялъ десятскаго для какихъ-то дѣйствій по мултанскому дѣлу. Несчастный повѣсился, чтобы избѣжать, какъ сказано въ „Губ. Вѣдомостяхъ“, „посредничества между вотяками и начальствомъ“...

Не правда ли, какая печальная, но и какая знаменательная заключительная нота въ этомъ глубоко-мрачномъ аккордѣ... И неужели мы не узнаемъ, что это за „посредничество“, котораго требовали гг. урядники по мултанскому дѣлу и отъ котораго люди ищутъ спасенія въ смерти?!.

1896.

IX.

Живучесть предразсудковъ.

(По поводу доклада священника Блинова: „Новые факты изъ области человѣческихъ жертвоприношеній“).

24 августа на кіевскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей вятскій священникъ Н. Н. Блиновъ прочиталъ докладъ о религіи вотяковъ, а въ бесѣдѣ, вызванной этимъ докладомъ, коснулся, между прочимъ, вопроса о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ.

„Читатели, конечно, помнятъ, — пишутъ по этому поводу въ „Кіевскомъ Словѣ“ (25 августа),—какое сильное волненіе вызвалъ во всемъ русскомъ интеллигентномъ обществѣ этотъ процессъ. Цѣлая народность, хотя и немногочисленная, обвинена въ чудовищномъ преступленіи — принесеніи своимъ языческимъ богамъ человѣческой жертвы... Защита вотяковъ привела къ тому, что судъ, въ концѣ концовъ, вынесъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ... Но вотъ, на X съѣздѣ естествоиспытателей и врачей изъ глубины Вятской губ. является священникъ Блиновъ и категорически (!) утверждаетъ, что человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ дѣйствительно существуютъ... Понятно, съ какимъ глубокимъ интересомъ слушала его аудиторія“.

Понятно также, что теперь докладъ о. Блинова обошелъ уже или обходитъ всю русскую прессу, и передо мною куча газетъ, повторяющихъ или комментирующихъ данныя этого „ученаго“ доклада. Перечитывая ихъ, я вижу, что въ своей бесѣдѣ почтенный докладчикъ счелъ нужнымъ упомянуть мое имя, хотя и съ лестными эпитетами, но при такихъ, однако, условіяхъ, которыя подаютъ поводъ къ недоумѣніямъ въ публикѣ и къ самымъ неудобнымъ для меня толкованіямъ въ нѣкоторой части прессы. А такъ какъ и самое содержаніе „бесѣды“ о. Блинова также подаетъ поводъ къ весьма существеннымъ недоумѣніямъ, то я вижу себя вынужденнымъ взяться за перо, чтобы сказать нѣсколько словъ по этому предмету.

Прежде всего pro domo. „На съѣздѣ выяснилось, между

прочимъ,—читаю я уже въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ (№ 235),—что во время мултанскаго дѣла о. Блиновъ не выступалъ ни за, ни противъ вотяковъ“. И виною того, что это дѣло лишилось столь компетентнаго и авторитетнаго эксперта, оказываюсь я,—В. Г. Короленко. Дѣло въ томъ, что „онъ (т. е. о. Блиновъ) написалъ письмо В. Г. Короленко, что тотъ заблуждается, отрицая такъ страстно наличность и даже возможность (?) человѣческой жертвы у вотяковъ. Почтенный писатель, будто бы, отвѣтилъ, что въ настоящее время (т. е. тогда) рѣчь идетъ о томъ, чтобы оправдать ни въ чемъ неповинныхъ темныхъ вотяковъ; выясненіемъ же вопроса о возможности у вотяковъ человѣческаго жертвоприношенія вообще придется заняться впослѣдствіи“.

Прежде всего, долженъ оговориться, что о „возможности“ или „невозможности“ человѣческихъ жертвоприношеній я о. Блинову не писалъ. „Все возможно въ этомъ мірѣ“ — въ этомъ мои оппоненты несомнѣнно правы. Возможно ли, чтобы въ томъ или другомъ, скажемъ, департаментѣ, образовалась шайка грабителей, которые, положимъ, и стали бы заниматься разбоемъ и грабежомъ, скрывая поличное въ канцелярскихъ шкафахъ? Это мыслимо, скажете вы, но невѣроятно. Вы бывали въ канцеляріяхъ, знаете ихъ составъ и, наконецъ, условія ихъ занятій... Но что, если бы противники, не слушая этихъ резоновъ, стали васъ обвинять въ томъ, что вы не допускаете „самой возможности“, чтобы чиновникъ занялся предосудительнымъ ремесломъ, и на этомъ сосредоточили бы споръ? И вамъ стали бы приводить отдѣльные случаи предосудительныхъ поступковъ не только мелкихъ чиновниковъ, но даже дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ... И разные глубокомысленные люди стали бы мотать головами: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, отрицать „даже возможность“...

Такъ вотъ, во 1-хъ, и я ни о какой „самой возможности“ не говорилъ. Наоборотъ, когда мои товарищи, провинціальные корреспонденты, прислали мнѣ первый газетный отчетъ, гдѣ нѣсколько десятковъ свидѣтелей обвиненія, подбиравшіеся полиціей въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ, говорили довольно согласно разныя мрачныя вещи, то вначалѣ я и самъ усумнился въ невинности вотяковъ. Но затѣмъ, изучивъ тщательно характеръ обвинительнаго акта, переполненнаго непозволительными и доказанными впослѣдствіи „неточностями“ *), а также познакомившись на мѣстѣ со всѣми обстоятельствами дѣла и

*) См. объ этомъ „Новое Время“, мое письмо въ редакцію 23 янв. 1896, № 7149.

перечитавъ не особенно богатую литературу вопроса, я пришелъ къ глубокому убѣжденію въ томъ, что обвиняемые — сами жертвы своего рода „человѣческаго жертвоприношенія“ и что религія ихъ „не требуетъ человѣческой жертвы“... Это—слова эксперта, тоже (какъ и о. Блиновъ) — вятскаго священника Верещагина. Итакъ, я говорилъ лишь о существованіи или несуществованіи даннаго явленія въ данной средѣ и въ данное время, оставляя вопросъ о „возможностяхъ“ вообще Кіоѣ Мокіевичу и философамъ той же школы...

Однако, дѣло, конечно, и не въ этой неточности. Сообщеніе Н. Н. Блинова о нашей перепискѣ есть одна сплошная неточность, кидающая на меня, какъ на профессіональнаго писателя (и лишь случайнаго адвоката въ единственномъ дѣлѣ) самую невыгодную тѣнь. Въ самомъ дѣлѣ, изъ цитированнаго выше сообщенія о. Блинова слѣдуетъ какъ будто, что я, во 1-хъ, страстно доказывая въ печати „невозможность“ человѣческихъ жертвоприношеній, самъ въ то же время считалъ этотъ вопросъ еще открытымъ; во 2-хъ, что, опасаясь вліянія взглядовъ о. Блинова на исходъ дѣла, я старался въ его лицѣ зажать ротъ одному изъ сильныхъ приверженцевъ противоположнаго мнѣнія и, значитъ, въ 3-хъ, что вообще я въ этомъ случаѣ сдѣлалъ печатное слово адвокатскимъ орудіемъ въ степени, далеко не соотвѣтствующей искренности и достоинству профессіональнаго писателя.

Этотъ упрекъ, въ болѣе или менѣе замаскированномъ видѣ, я встрѣчаю уже не впервые въ печати. „Слухи и толки“ самаго невѣжественнаго свойства—огромная сила. Мнѣ невольно вспоминается теперь одинъ эпизодъ. Во время елабужскаго (значитъ, второго) разбирательства, по окончаніи судебнаго слѣдствія былъ объявленъ перерывъ, и я съ защитникомъ М. І. Дрягинымъ (которому должна быть приписана главная заслуга въ дѣлѣ мултанцевъ) вышли, чтобы прогуляться по городу и нѣсколько отряхнуться отъ мрачныхъ впечатлѣній процесса. На одной изъ пустынныхъ улицъ Елабуги намъ попался мальчишка извозчикъ, и мы рѣшили проѣхаться за городъ.

— Откуда ты?—спросилъ я у нашего возницы.

— Изъ N. (онъ назвалъ село Елабужскаго уѣзда).

— Не вотякъ?

— Нѣту-у... — отвѣтилъ онъ, растягивая слова чисто по вотски, что и подало поводъ къ моему вопросу.—У насъ ихъ и по близости нѣту...

И черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Я ихъ боюся... Сказываютъ,—людей рѣжутъ они.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что страхъ мальчишки, не знавшаго вотяковъ, былъ уже производнымъ отъ четырехлѣтняго мултанскаго процесса.

— Вотъ что погубитъ мултанцевъ,—сказалъ М. І. Дрягинъ, печально пожимая плечами. И дѣйствительно, присяжные, подавленные массой односторонне-обвинительныхъ слуховъ и толковъ, которые были тѣмъ болѣе мрачны, чѣмъ менѣе въ нихъ было точности и опредѣленныхъ указаній, вынесли въ Елабугѣ обвинительный приговоръ всѣмъ безъ исключенія подсудимымъ, что,—я хорошо помню, — поразило тогда даже обвинителя.

Обвиненіе въ мултанскомъ дѣлѣ хорошо чувствовало силу этого элемента и на третьемъ разбирательствѣ (назначенномъ въ Мамадышѣ, т. е. на границѣ того же Малмыжскаго уѣзда, въ самомъ очагѣ „толковъ и слуховъ“) одиннадцать новыхъ свидѣтелей, со стороны обвиненія главнымъ образомъ, дали опять цѣлую серію „слуховъ и толковъ“,—къ счастью, впрочемъ, уже явно абсурднаго характера, совершенно скомпрометировавшаго обвиненіе. Затѣмъ, усиленіе защиты, а также нѣкоторыя новыя обстоятельства, раскрытыя разспросами Н. П. Карабчевскаго, — измѣнили картину, и приговоръ послѣдовалъ оправдательный.

Казалось, послѣ этого атмосфера „неизвѣстно откуда исходящихъ толковъ и слуховъ“ значительно разсѣяна. Печать единодушно безъ различія направленій (даже „Новое Время“ и „Московскія Вѣдомости“) привѣтствовала этотъ исходъ, и можно было думать, что вопросъ о самомъ существованіи человѣческихъ жертвоприношеній среди вотяковъ, если совсѣмъ не сойдетъ со сцены, то во всякомъ случаѣ будетъ уже поставленъ на дѣйствительно научную почву, а толки и слухи вынуждены будутъ появляться впредь въ сопровожденіи критики, опредѣленныхъ указаній и доказательствъ.

Но это только казалось. Уже по истеченіи самаго короткаго времени „слухи и толки“ опять заняли свое мѣсто даже на страницахъ газетъ и нѣкоторыхъ журналовъ. Если не ошибаюсь, починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ г-ну Дѣдлову изъ „Недѣли“. „Недѣля“ въ свое время тоже привѣтствовала рѣшеніе присяжныхъ, разсѣявшее инквизиціонный кошмаръ, а г. Дѣдловъ печаталъ лично по моему адресу разные комплименты. Но вотъ, вскорѣ послѣ этого онъ попадаетъ мимоѣздомъ въ гор. Сарапулъ. Въ городѣ Сарапулѣ есть клубъ, а въ клубѣ есть лакей, который и поднесъ г-ну Дѣдлову цѣлый букетъ „слуховъ и толковъ“. Разумѣется, лакей могъ быть вполнѣ искреннимъ и очень почтеннымъ человѣкомъ,

но что же новаго узналъ отъ него г. Дѣдловъ? Что въ вятскомъ краѣ ходятъ слухи и толки, которые, однако, по провѣркѣ, напр., въ мултанскомъ дѣлѣ, гдѣ они выступили во всеоружіи, оказались вполнѣ несостоятельными. Казалось бы, кромѣ вопроса и новой критики едва ли заслуживалъ чего-нибудь большаго и авторитетъ клубнаго лакея. Но г. Дѣдловъ быстро становится на его сторону. „Можетъ быть,—пишетъ онъ,—защитники на этотъ разъ совершенно правы. Можетъ быть, ихъ мултанскіе кліенты никого не убивали (спасибо и за это послѣ оправдательнаго вердикта!). Но почему, зачѣмъ отрицать возможность (опять „возможность“!) человѣческихъ жертвъ, вопреки народному мнѣнію“. Вопросъ, на который очень легко отвѣтить. Говорятъ, одного изъ генераловъ Людовика XIV обвинили въ томъ, что онъ не отдалъ артиллеріи приказа стрѣлять, когда это было необходимо. Когда король потребовалъ у генерала объясненія, тотъ началъ такъ: „у меня есть тысячи причинъ, ваше величество. Во 1-хъ, не было ни зерна пороху...“ — „Довольно, сказалъ король. Докажи мнѣ эту единственную причину, и не надо остальныхъ“.

Г. Дѣдловъ гораздо строже Людовика. Я легко могъ бы отвѣтить на его вопросъ—„почему и зачѣмъ?“ Потому, что я вмѣстѣ съ очень почтенными изслѣдователями вотскаго быта (и при томъ уроженцами вятскаго края, какъ и клубный лакей),—глубоко убѣжденъ въ томъ, что человѣческихъ жертвъ у вотяковъ нѣтъ, и представлялъ посильныя доказательства этому своему убѣжденію, которыя успѣли убѣдить часть прессы и присяжныхъ. Пока эти доказательства вами не опровергнуты, вы не вправѣ подозрѣвать искренность моего убѣжденія: народная молва — не доказательство съ вашей стороны, потому что народная молва приписывала человѣческія жертвы даже христіанамъ первыхъ вѣковъ. Но г. Дѣдловъ недоступенъ этимъ простымъ требованіямъ самой элементарнѣйшей житейской порядочности. И посмотрите, съ какой развязностію этотъ господинъ суетъ свою „смѣлую“ руку въ мою душу и начинаетъ въ ней распоряжаться, докапываясь непремѣнно низкихъ и дрянныхъ побужденій... По его мнѣнію, я могъ дѣйствовать такъ, какъ я дѣйствовалъ, лишь „для поэзіи, для эффекта, для геройничества (sic!). Для того, чтобы произнести нѣсколько словъ объ угнетенномъ племени, о достоинствѣ Россіи...“ и т. д. Послушайте, однако, господинъ Дѣдловъ, что я вамъ скажу. Вотъ вы ѣздите по Россіи и мимоходомъ вамъ случается писать восторженныя статьи о генералахъ разныхъ рапговъ. Что, если бы я, увлекшись вашимъ примѣромъ, сталъ васъ допрашивать, „почему,

зачѣмъ?“ и откапывать непремѣнно гадкія, низенькія и дрянныя побужденія. Не сказали ли бы вы мнѣ: „какое вы имѣете право читать въ моей душѣ и какія у васъ доказательства? И неужели нельзя похвалить генерала безъ того, чтобы не вызвать низкія подозрѣнія?“ Такъ вотъ и я спрашиваю у васъ, г. Дѣдловъ: какія же у васъ основанія читать въ моей душѣ? Неужели только то, что вы, подобно гоголевскому Тентетникову, пишете о генералахъ, а я осмѣлился приводить резоны въ пользу вотяковъ, которые не умѣютъ заступиться не только уже за меня, но и за себя...

Я долго оставлялъ безъ отвѣта и г. Дѣдлова, и много другихъ господъ, которыхъ „толки и слухи“ и „народная молва“ вдохновляли на разныя инсинуаціи по моему личному адресу. Я полагалъ, что теперь, когда вопросъ потерялъ стою остроту и страстность, — люди науки sine ira et studio приступятъ къ разбору тѣхъ и другихъ собственно этнографическихъ мнѣній, подвергнутъ критикѣ, а можетъ быть и изслѣдованію „толки и слухи“. Мнѣ лично, по многимъ причинамъ, было бы гораздо пріятнѣе остаться въ сторонѣ въ этомъ (полагалъ я) чисто научномъ спорѣ. Къ сожалѣнію, неосторожное (вполнѣ убѣжденъ, что именно неосторожное) упоминаніе Н. Н. Блинова о моей съ нимъ перепискѣ подаетъ уже болѣе осязательный поводъ для разговоровъ во вкусѣ г. Дѣдлова, направленныхъ по моему адресу и обязывающихъ меня къ отвѣту. Такъ „Московскія Вѣдомости“, цитируя (изъ № 509 газ. „Народъ“) извѣстіе о докладѣ Н. Н. Блинова, снабжаютъ цитату слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Факты, сообщенные отцомъ Блиновымъ, весьма краснорѣчивы, и надо удивляться только стараніямъ нашего либерализма закрывать глаза на всякія преступленія, если только они совершаются инородцами“. Это по адресу либерализма, а вотъ что говоритъ газета уже прямо по моему личному адресу: „Когда надѣлавшее не мало шума мултанское дѣло подняло вопросъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ среди вотяковъ, всполошивъ всю администрацію и русское общество, защитникомъ вотяковъ выступилъ г. Короленко. Дѣло это, *благодаря ему, заглохло* (?!), оставивъ подъ сомнѣніемъ вопросъ о фактѣ совершившагося въ Мултанѣ жертвоприношенія...“

Это довольно ясно. Дѣло мултанскихъ вотяковъ велось 4½ года; свѣдѣнія о немъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ тов. прокурора г. Раевскаго, собирали 2 пристава, 5 урядниковъ, не считая сельской администраціи. Г. Короленко написалъ о немъ первыя строки уже послѣ того, какъ сенатъ отмѣнилъ одно разбирательство,

вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій и правонарушеній въ пользу обвиненія. Послѣ этого тотъ же тов. прокурора, съ тѣми же помощниками „дополняли слѣдствіе“ еще 2½ года, вызвали на послѣднее засѣданіе еще 1½ десятка свидѣтелей; между тѣмъ, какъ во всѣхъ ходатайствахъ защиты до суда и на судѣ—было отказано... Какимъ же образомъ г-ну Короленко удалось „заглушить“ дѣло, веденное такъ долго и съ такой энергіей?.. Или онъ имѣлъ право распоряжаться слѣдствіемъ, или отказывать въ вызовѣ свидѣтелей и экспертовъ?

Разумѣется, ничего подобнаго г. Короленко сдѣлать не могъ... Если авторъ этихъ строкъ потрудится заглянуть хотя бы въ отчетъ о мултанскомъ дѣлѣ, въ свое время напечатанный въ тѣхъ же „Моск. Вѣдомостяхъ“, то онъ увидитъ, что обвиненіе было совершенно свободно, а на всѣ просьбы защиты до суда и на судѣ — слѣдовали неизмѣнные отказы. Отсюда очевидно, что, если я всетаки повиненъ въ какомъ-то „заглушеніи“ дѣла, то это можетъ относиться лишь къ одному предмету: благодаря мнѣ, въ мултанскомъ дѣлѣ не было слышно авторитетнаго голоса о. Блинова, нынѣ выступившаго со своимъ ученымъ докладомъ.

Что дѣлать, приходится защищаться отъ обвиненія, которое, если бы оно было справедливо, дѣйствительно должно быть признано существеннымъ для совѣсти профессіональнаго писателя.

Прежде всего, я долженъ возстановить фактъ, неточно изложенный о. Блиновымъ. Въ письмѣ, которое онъ мнѣ написалъ 4-го декабря 1895 года и которое въ настоящую минуту лежитъ передо мною, никакихъ новыхъ фактовъ и даже взглядовъ на мултанское дѣло не содержится. Мнѣніе свое по этому вопросу Н. Н. Блиновъ изложилъ въ рукописи, которую я получилъ въ Нижнемъ, въ декабрѣ же 1895 года, съ просьбой „отдѣлать ее для печати“ и потомъ напечатать. Въ январѣ 1896 года, переѣхавъ въ Петербургъ и успѣвъ здѣсь ознакомиться со статьей Н. Н. Блинова, я увидѣлъ, во 1-хъ, что это не статья, а торопливые, необработанные наброски, въ которыхъ, кромѣ изображенія невѣжества вотской среды и „толковъ“, циркулирующихъ о вотякахъ въ неменѣе невѣжественной средѣ ихъ русскихъ сосѣдей,—ничего не было.

Что оцѣнка моя вѣрна, доказываетъ всего лучше слѣдующее обстоятельство: уже въ январѣ я получилъ другое письмо о. Блинова, въ которомъ онъ пишетъ: „у меня явилось опасеніе, что вы напечатаете мои замѣтки. Но въ томъ видѣ, какъ онѣ изложены въ рукописи, я *нахожу невозможнымъ появленіе ихъ въ свѣтъ*“. Поэтому Н. Н. Блиновъ проситъ меня

послать ему рукопись обратно для дополненій и исправленій. Совершенно понятно, что мнѣ не оставалось ничего больше, какъ исполнить желаніе автора.

Слѣдующее извѣстіе о статьѣ я получилъ уже послѣ процесса, и значитъ, очевидно, ничего тутъ заглушать мнѣ не приходилось. Но меня, дѣйствительно, нѣсколько изумила поспѣшность, съ которой Н. Н. Блиновъ счелъ нужнымъ послать необработанныя замѣтки со „слухами и толками“, какъ бы торопясь внести ихъ, въ качествѣ матеріала, въ разбирающееся дѣло. Это заставило меня, высылая обратно статью, написать о. Блинову письмо слѣдующаго, между прочимъ, содержанія:

„Мултанское дѣло имѣетъ двѣ стороны. Одна изъ нихъ человѣческое жертвоприношеніе вообще,—другая—виновность данныхъ лицъ“. Приведя затѣмъ причины, почему я ни мало не сомнѣваюсь въ невинности обвиняемыхъ, я продолжаю: „Теперь вы поймете и мое отношеніе къ *слухамъ*, которыми переполнено это дѣло. Основное требованіе юридической справедливости—не осуждать людей на основаніи слуховъ, потому что слухами даже о вѣдьмахъ и лѣшихъ полна наша земля. На основаніи слуховъ же св. инквизиція сжигала нѣкогда колдуновъ и язычниковъ... Вотъ почему въ этомъ дѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ участи живыхъ людей, и безъ того опутанныхъ слухами и толками,—печать, понимающая свое назначеніе, должна стремиться къ тому, что ясно и точно, а не плодить еще новые „толки и слухи“, неопредѣленные и неясные. Пусть лишь точно установленные факты даютъ матеріалъ, на основаніи котораго людей ссылаютъ въ каторгу,—это азбука справедливости. Для общаго вопроса будетъ еще время, когда онъ и будетъ разсматриваться, какъ общій, безъ отношенія къ участи живыхъ лицъ. *Я убѣжденъ* и тутъ (вмѣстѣ съ Богаевскимъ, Магницкимъ, Кузнецовымъ и др.), что культа *человѣческихъ жертвоприношеній у насъ нѣтъ въ земледѣльческомъ населеніи.* Вы думаете иначе... Но вѣдь, кромѣ невѣжества вотяковъ (а русскіе не невѣжественны?) и *темныхъ слуховъ,—тоже ничего не приводите.* Я полагаю, что *съ этимъ* (кажется, понятно—съ чѣмъ?) во всякомъ случаѣ слѣдуетъ воздержаться до окончанія дѣла. Слухами, темными и неопредѣленными, оно и безъ того переполнено стараніями гг. Раевскихъ и Шмелевыхъ. Задача печати внести хоть нѣкоторую долю свѣта, а свѣтъ—въ точности, въ ясности, въ отысканіи чего-нибудь опредѣленнаго среди толковъ и слуховъ, слишкомъ часто неопредѣленныхъ и невѣжественныхъ“.

Полагаю, этой справки совершенно достаточно. Н. Н. Бли-

новъ прислалъ торопливую статью, *которую самъ призналъ непригодной для печати*. Я съ этимъ вполнѣ согласился какъ по существу, такъ и по формѣ, и высказалъ г. Блинову свое мнѣніе, состоявшее изъ трюизмовъ: рѣшеніе общаго вопроса оставляетъ вамъ достаточно времени для провѣрки и критики вашихъ „толковъ и слуховъ“, а въ частномъ дѣлѣ обвиняемыхъ вотяковъ приводить одни толки и слухи уже совсѣмъ грѣшно и неприлично:—вотъ сущность моего мнѣнія. Не знаю, можно ли съ этимъ спорить, — и мнѣ приходится лишь пожалѣть, что о. Блиновъ, приводя только мою фразу „объ общемъ вопросѣ“ и умолчавъ о томъ, что она вызвана торопливостью и недостатками присланной имъ статьи, — подалъ поводъ нѣкоторымъ изъ моихъ собратьевъ по перу для поспѣшныхъ заключеній по моему адресу...

Но, можетъ быть, моя оцѣнка была пристрастна и невѣрна? Очень хорошо. Послѣ моего письма прошло болѣе двухъ лѣтъ, и у о. Блинова было достаточно времени для дополненій и для критики. И вотъ, о. Блиновъ бесѣдуетъ въ средѣ ученаго общества, передъ ученой аудиторіей, при чемъ каждое слово докладчика по вопросу, все еще, очевидно, занимающему общество, — подхватывается газетами и разносится по лицу русской земли въ сотнѣ тысячъ экземпляровъ. Очевидно, это уже не торопливая статейка и не частная переписка по ея поводу. Очевидно, мы встрѣтимъ здѣсь интересные факты, строго провѣренные и подвергнутые ученой критикѣ. Условія для меня, очевидно, невыгодныя, и, однако, я охотно соглашаюсь на провѣрку моего мнѣнія даже при этихъ условіяхъ.

Вотъ два „факта“, которые о. Блиновъ вноситъ въ качествѣ своей ученой лепты для рѣшенія интереснаго вопроса, и которые я беру въ очень, повидимому, толковомъ изложеніи „Кіевск. Слова“.

Фактъ первый. „Лѣтъ *за десять* до поступленія въ приходъ о. Блинова, *въ одно прекрасное время* исчезъ молодой парень, русскій, служившій въ работникахъ у вотяка. Случилось это осенью, а весной его нашли въ лѣсу, при чемъ у трупа не хватало головы, правой руки и правой ноги. Полицейское дознаніе рѣшило, что человѣкъ замерзъ, а голову, руку и ногу у него отъѣли собаки“.

Казалось бы, что можно сдѣлать изъ такого случая? Очевидно, что о. Блиновъ не читалъ самъ полицейскаго дознанія, иначе онъ не говорилъ бы „лѣтъ за десять, въ одно прекрасное время“, а прямо привелъ бы даты: „такого-то числа и года“ и т. д. Затѣмъ онъ разобралъ бы точно актъ осмотра. Ничего этого нѣтъ. О. Блиновъ просто заявляетъ, что отсут-

ствіе головы, руки и ноги — молва считаетъ признакомъ ритуальнаго убійства; что же касается собакъ,—то ихъ дѣйствія обнаруживаютъ явную непослѣдовательность: „докладчикъ удивляется, почему собаки не тронули другихъ частей тѣла“...

Признаюсь, если бы о. Блиновъ ограничился этимъ случаемъ, я не понялъ бы, почему его докладъ произвелъ на слушателей „тяжелое“, а не совсѣмъ противоположное впечатлѣніе. Полагаю, что и мнѣ можно было бы въ такомъ случаѣ не пускаться въ длинныя объясненія... Отчего въ самомъ дѣлѣ собаки съѣли только половину трупа? Можетъ быть только половина оттаяла, обнажившись изъ-подъ снѣга? Можетъ быть собаки насытились, можетъ быть ихъ испугалъ кто-нибудь, можетъ быть... можетъ быть просто, „молва“ уже забыла подробности того, что было „лѣтъ за десять, въ одно прекрасное время“. Вообще, трудно иногда объяснить причудливость собачьихъ вкусовъ, но нѣтъ основанія ставить ихъ въ вину вотякамъ.

Случай второй уже не подаетъ повода для невольной улыбки, вызываемой первымъ. Случай этотъ производитъ дѣйствительно тяжелое впечатлѣніе, и онъ-то именно, очевидно, вызываетъ негодующее замѣчаніе „Моск. Вѣдомостей“ о либеральномъ потакательствѣ мрачнымъ инородческимъ преступленіямъ. Въ то самое время,—говорилъ Н. Н. Блиновъ,—какъ только началось громкое мултанское дѣло, — когда въ деревню (село) Старый Мултанъ то и дѣло наѣзжали судебныя и административныя власти, когда *вотяковъ таскали то къ слѣдователю, то къ становому, то къ уряднику* (курсивы мои), слѣдовательно, когда вотяки были очень напуганы совершеннымъ уже ими (какъ предполагали власти) человѣческимъ жертвоприношеніемъ, въ это самое время, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, и въ сосѣдней же деревушкѣ Кизнеры (опять неточность: Кизнеры село и волость!), по словамъ о. Блинова, еще одинъ разъ погибъ человѣкъ жертвой кровожаднаго вотяцкаго божества. Только на этотъ разъ въ жертву былъ принесенъ не русскій бродяжка-нищій, какъ въ Мултанѣ, а *коренной вотякъ*. Почему именно вотякъ, это г. Блиновъ объясняетъ тѣмъ, что вотяки желали избѣжать громкаго скандала и вторичнаго наѣзда всяческихъ властей, что имѣло мѣсто послѣ мултанскаго жертвоприношенія (удивительно глупый народъ: они полагаютъ, очевидно, что власти наѣзжаютъ только изъ-за убитыхъ русскихъ!). Но былъ ли этотъ второй случай случаемъ ритуальнаго убійства?

О. Блиновъ *увѣряетъ, что народная молва (!) не оставляетъ въ этомъ тамъ, на мѣстѣ, никакого сомнѣнія*. Кромѣ

того, на лицо *всѣ аттрибуты* ритуальнаго убійства. Вотякъ этотъ исчезъ внезапно и еще за нѣсколько дней до исчезновенія обнаруживалъ безпокойство и сожалѣніе о своей жизни, даже, какъ увѣряетъ о. Блиновъ, говорилъ объ этомъ православному священнику! Нѣсколько дней спустя, его нашли на опушкѣ лѣса повѣшеннымъ, при чемъ на его тѣлѣ были обнаружены характерныя раны — двѣ глубокія по обѣимъ сторонамъ груди и двѣ небольшія на бедрахъ. По мнѣнію докладчика, *основанному на знакомствѣ съ полицейскимъ дознаніемъ по этому дѣлу*, удушеніе вотяка было пожизненное, т. е. онъ былъ повѣшенъ уже послѣ того, какъ умеръ отъ ранъ. Полицейское дознаніе (было ли слѣдствіе, о. Блиновъ не сказалъ) признало, что удушенный *вотякъ страдалъ умопомышательствомъ, каковое и было причиной его смерти. Но, добавляетъ докладчикъ, если человѣкъ, хотя бы и помышанный, нанесъ себѣ двѣ смертельныя раны, ему уже не было надобности вѣшаться на вязовомъ суку и наоборотъ — вися на немъ, онъ лишенъ былъ возможности наносить себѣ раны*".

Прежде всего, я долженъ замѣтить, что о. Блиновъ и здѣсь опять изумительно неточенъ, не смотря на то, что, повидимому, черпалъ свои свѣдѣнія изъ весьма компетентныхъ, хотя, очевидно, односторонннихъ источниковъ. Не говорю уже о томъ, что Мултанъ не деревня, а большое село съ церковью и школой; что Кизнеры — не деревушка, а тоже большое село, съ волостнымъ правленіемъ и мѣстопребываніемъ властей, „главная квартира" всѣхъ дѣятелей по мултанскому процессу. Но самое важное—случай этотъ имѣлъ мѣсто не въ самомъ началѣ, а наоборотъ, въ самомъ концѣ мултанскаго дѣла. Въ это время Казанскій окружный судъ уже назначилъ разбирательство въ Мамадышѣ, а товарищъ прокурора г. Раевскій, который наблюдалъ за этимъ дѣломъ, со всѣми его вопіющими, отмѣченными сенатомъ правонарушеніями, почти съ самаго возникновенія, въ теченіе 4-хъ лѣтъ,—получилъ командировку въ Малмыжскій уѣздъ для наблюденія за новымъ „дополненіемъ слѣдствія". Правда, этотъ конецъ для Мултана и его окрестностей былъ совершенно похожъ на начало дѣла, такъ какъ опять тотъ же товарищъ прокурора, слѣдователь и полицейскіе принялись за тѣ же дѣйствія. Это, вѣроятно, и ввело въ заблужденіе о. Блинова, очевидно, не особенно склоннаго къ точности приводимыхъ имъ свѣдѣній. Какъ бы то ни было, именно во время пребыванія властей, когда вотяковъ таскали на допросы, — найдена повѣсившейся, по словамъ полицейскаго дознанія, или повѣшенной—по мнѣнію

о. Блинова—новая жертва „человѣческаго жертвоприношенія“. Отецъ Блиновъ нимало въ этомъ не сомнѣвается. Онъ находитъ, что здѣсь на лицо *всѣ признаки* ритуальнаго убійства...

Меня это категорическое заявленіе нѣсколько смущаетъ. Какъ *всѣ* признаки? У мултанскаго нищаго не было головы, легкихъ и сердца,—это были признаки ритуала. У неизвѣстнаго, умершаго „въ одно прекрасное время за десять лѣтъ“—есть легкія и сердце, но отсутствуетъ голова, руки и ноги. Это тоже признаки ритуала. Наконецъ, у несчастнаго вотяка въ Кизнерахъ—и голова, и сердце, и легкія, и руки, и ноги—все на мѣстѣ. Есть только раны неизвѣстнаго происхожденія (неужели о. Блиновъ не привелъ въ своемъ докладѣ точнаго описанія изъ врачебнаго акта?)—и опять признаки ритуала. Помилуйте, господа „ритуальные“ „ученые“! Не слишкомъ ли ужъ много признаковъ? Вѣдь съ этакими точными указаніями науки не останется ни одного убійства, которое не подошло бы подъ признаки человѣческаго жертвоприношенія! Въ судебной рѣчи по поводу экспертизы г-на Смирнова, допустившаго всѣ исключенія изъ „выводовъ науки“, мнѣ пришлось уже вспоминать извѣстнаго въ свое время „ученаго“ г-на Вельтмана, о которомъ писалъ когда-то Добролюбовъ. Желая доказать во что бы то ни стало, что всѣ люди, въ сущности, славяне,—этотъ ученый филологъ руководствовался (очевидно, для облегченія дѣла) слѣдующими упрощенными правилами словопроизводства: 1) При переходѣ словъ изъ одного языка въ другой—всякая гласная буква можетъ превращаться во всякую гласную. 2) Всякая согласная можетъ превращаться во всякую гласную. 3) Во всякомъ словѣ, согласно требованіямъ благозвучія, можетъ быть выпущена или прибавлена всякая какъ гласная, такъ и согласная буква. NB. Нерѣдко также гласныя превращаются въ согласныя и наоборотъ.

Совершенно понятно, что съ этими облегченными правилами можно доказать что угодно. Я помню, съ какими усиліями, достойными лучшаго успѣха, И. Н. Смирновъ старался во время разбирательства въ Елабугѣ удержаться на почвѣ научной экспертизы. Оказалось, что мултанское убійство противорѣчитъ многимъ несомнѣнно установленнымъ понятіямъ о родовомъ бытѣ и вотскомъ культѣ. Прежде всего, напримѣръ, по указаніямъ самого профессора-эксперта, никогда представители разныхъ родовъ не смѣшиваются на моленіяхъ въ одномъ родовомъ шалашѣ. А „мултанская“ жертва, якобы, принесена въ шалашѣ и при томъ обвиняются

представители разныхъ родовъ. Г. Смирновъ вполнѣ добросовѣстно отмѣтилъ это противорѣчіе.

— А не можете ли вы допустить, что подъ вліяніемъ опасеній и т. д., — спрашиваетъ обвинитель, — они всетаки смѣшались въ одномъ шалашѣ?

Сначала г. Смирновъ никакъ не можетъ этого допустить, но и обвинитель, и предсѣдатель опять и опять возвращаются къ этому вопросу...—„Не можете ли, всетаки, признать возможнымъ?..“ Приглашенія такъ настойчивы, что рѣчь, очевидно, идетъ уже не о наукѣ, а лишь о твердости характера. И вотъ, черезъ нѣкоторое время, г. Смирновъ соглашается, что все возможно въ этомъ мірѣ, и покорно слѣдуетъ за обвиненіемъ въ злополучный шалашъ. А тамъ, — послѣ рокового шага онъ уже даетъ разрѣшеніе на вся. И вотъ „дѣло“ составляется все изъ такихъ исключеній... Всѣ гласныя переходятъ во всѣ согласныя и обратно...

То же самое теперь происходитъ и съ „признаками ритуала“. Передъ нами три случая, изъ которыхъ ни одинъ не похожъ на другой, и всетаки ученые-обвинители во всѣхъ этихъ случаяхъ видятъ „всѣ признаки ритуала“.

Однако, случай, очень похожій на тотъ, о которомъ говоритъ Н. Н. Блиновъ, всетаки имѣлъ мѣсто. И не въ сѣдой древности, и даже не „лѣтъ за десять въ одно прекрасное время“, а совсѣмъ, можно сказать, на дняхъ. Когда во время самаго процесса рѣчь зашла о томъ, почему же въ самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ столь частыхъ случаевъ „жертвоприношеній“ до сихъ поръ ни разу не былъ предметомъ судебнаго разбирательства, то обвинитель, г. Раевскій, объяснилъ дѣло очень просто: извѣстно, что „въ старину“ полиція брала взятки, суды тоже не были чужды корысти и потому мировлили преступникамъ. „Тотъ взялъ взятку, другой взялъ взятку, ничего и не вышло“ *).

Объясненіе, казалось бы, весьма вѣроятное. Но вотъ теперь передъ ученымъ обществомъ выступаетъ г. Блиновъ и разсказываетъ публикѣ и всей читающей Россіи, что въ то самое время, когда современная малмыжская полиція и самъ обвинитель мултанцевъ производили свои разслѣдованія, у нихъ на глазахъ (Кизнеръ расположенъ не далѣе 5—6 верстъ отъ Мултана) совершено новое жертвоприношеніе. Докладчикъ *самъ читалъ* полицейскій протоколъ, изъ котораго будто бы выходитъ, что повѣсившись, можно еще наносить себѣ смертельныя раны, или нанеся себѣ смертельныя раны, еще можно повѣситься! Какъ же могло случиться, что современныя власти

*) См. „Дѣло мултанскихъ вотяковъ“. Москва. 1896. Стр. 178.

опять закрыли глаза на этотъ новый случай и опять явно „заглушили“ вопіющее преступленіе инородцевъ? Не чувствуете ли вы, какое ужасное обвиненіе сквозитъ между строкъ ученаго доклада уже не по отношенію къ вотякамъ, но и по адресу тѣхъ самыхъ полицейскихъ и судебныхъ властей, которыя приложили столько труда въ мултанскомъ дѣлѣ.

Просто трудно повѣрить и, изъ чувства справедливости, я позволю себѣ заступиться за „современныхъ властей“, обвиняемыхъ Н. Н. Блиновымъ. Не можетъ быть, чтобы они были повинны въ столь явномъ укрывательствѣ человѣческаго жертвоприношенія. Подумайте только: люди 4½ года трудились, собирая и дополняя данныя слѣдствія. Они добыли свидѣтелей противъ вотяковъ вообще и мултанцевъ въ частности даже изъ другихъ уѣздовъ. Они не проронили ни одного двусмысленнаго словечка, которое кто-нибудь когда-нибудь сболтнулъ въ мултанскомъ питейномъ заведеніи... Этого мало. Лѣтъ 15 назадъ въ Ледовитомъ океанѣ, на пустынномъ островѣ Новой Землѣ номадъ Пырерка, оголодавшій и вѣроятно помѣшанный, убилъ дѣвочку въ угоду своему идолу. Зная, что даже номады не одобрятъ этого поступка, и боясь доноса, онъ убилъ еще жителей сосѣдняго самоѣдскаго чума. Остался, значитъ, на зимовкѣ только Пырерка, да олени, да холодное море. И всетаки онъ не избѣгъ карающей десницы правосудія. Все дѣло возстановлено, оформлено въ протоколахъ, съ острова Новой Земли переѣхало (въ дореформенный, замѣтьте) архангельскій судъ, а оттуда было вытребовано въ Мамадышъ и положено на столъ передъ судьями въ назиданіе защитникамъ, „отрицающимъ самую возможность“... Наконецъ, извѣстно изъ газетъ, что уже послѣ дѣла, когда одинъ „русскій мальчикъ, жившій среди вотяковъ“ въ одинъ прекрасный день исчезъ, то малмыжская полиція немедленно вся встала на ноги, и въ газетахъ появились извѣстія и о пропажѣ этого мальчика, и объ обыскахъ у „заподозрѣнныхъ вотяковъ“, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока мальчикъ не нашелся здравымъ и невредимымъ на базарѣ въ „Вятскихъ Полянахъ“, куда ушелъ самъ*)...

На этомъ основаніи я совершенно не допускаю и мысли, чтобы „современныя“ малмыжскія власти, во время самаго мултанскаго дѣла, помирволили явному жертвоприношенію, не воспользовавшись этимъ фактомъ, какъ матеріаломъ на судѣ, и скрыли бы преступниковъ отъ новаго суда и наказанія.

---

*) Бѣда съ этими русскими, работниками и мальчиками, живущими среди инородцевъ,—см., напримѣръ, случай съ еврейскимъ мальчикомъ въ Нижнемъ, „Русское Богатство“, августъ н. г.

И однако дѣло не возбуждено. Что же это значитъ?

Утвержденіе, будто въ прессѣ тоже не было ни строчки объ этомъ замѣчательнѣйшемъ изъ всѣхъ „человѣческихъ жертвоприношеній", опять совершенно невѣрно, и меня повергаетъ въ глубочайшее изумленіе то обстоятельство, что почтенный докладчикъ не зналъ или умолчалъ о печатныхъ извѣстіяхъ по этому предмету, не смотря на то, что они появились первоначально въ мѣстномъ оффиціальномъ органѣ („Вятскія Губернскія Вѣдомости", 1896 г.), затѣмъ воспроизведены въ „Вятскомъ Краѣ" и, наконецъ, мною же, „заглушающимъ истину" въ этомъ вопросѣ, перепечатаны въ журналѣ „Русское Богатство". Вотъ это извѣстіе, въ томъ видѣ, какъ оно появилось въ оффиціальномъ губернскомъ органѣ:

„**Село Мултанъ, Малмыжскаго уѣзда.** (*Передъ разборомъ Мултанскаго дѣла*). На-дняхъ мултанскіе вотяки получили повѣстки о явкѣ на третій разборъ дѣла о человѣческомъ жертвоприношеніи въ г. Мамадышѣ. Такой оборотъ дѣла, какъ назначеніе слушанія въ Мамадышѣ, ихъ совершенно ошеломилъ: они надѣялись, что судъ будетъ въ Казани, такъ какъ ихъ защитникъ ходатайствовалъ объ этомъ, и они почему-то были увѣрены, что въ Казани имъ больше шансовъ на оправданіе. Въ настоящее время не только обвиняемые, но и прочіе *вотяки находятся въ паникѣ* (всѣ курсивы наши). *Одинъ даже покончилъ съ собою.*

„Дѣло было въ концѣ апрѣля сего (т. е. 1896) года. *По мултанскому дѣлу и до сихъ поръ* (т. е. черезъ 4½ года, — замѣчу я отъ себя) *не прекращались различные допросы судебной и полицейскихъ властей.* Одинъ вотякъ села Кизнери, смежнаго съ Мултаномъ, будучи *полицейскимъ десятникомъ, часто находился на посылкахъ у мѣстнаго урядника* за лицами, подлежащими къ допросу по мултанскому дѣлу, и, какъ говорятъ, *не желая быть посредникомъ между властями и вотяками, повѣсился*" *).

Какъ видите, здѣсь, въ оффиціальномъ органѣ, дѣло излагается нѣсколько иначе, чѣмъ его представилъ Н. Н. Блиновъ. Перепечатывая извѣстіе въ журналѣ „Русское Богатство" (1896 г., кн. 6, стр. 196), хроникеръ внутренней жизни прибавляетъ: „Неправда ли, какая печальная, но и какая знаменательная заключительная нота въ этомъ глубоко-мрачномъ

*) См. „Вятскія Губернскія Вѣдомости", 25 мая 1896 г., № 41, часть неоффиц., стр. 7, столбецъ 3-й.

(мултанскомъ) аккордѣ... И неужели мы не узнаемъ, что это за „посредничество“, котораго требовали гг. урядники по мултанскому дѣлу и отъ котораго люди ищутъ спасенія въ смерти“.

Мнѣ кажется, что хроникеръ нашего журнала имѣлъ право предложить этотъ вопросъ. Во первыхъ, извѣстіе появилось въ оффиціальномъ органѣ безъ всякой прямой связи съ человѣческими жертвоприношеніями. Во вторыхъ, объясненіе, данное въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, имѣло всѣ признаки вѣроятности. Газеты очень настойчиво подчеркивали характеръ полицейской дѣятельности во время мултанскаго слѣдствія, и характеръ этотъ былъ таковъ, что въ газетахъ того времени появилось даже извѣстіе о привлеченіи приставомъ Шмелевымъ редактора „Вятскаго Края“ къ уголовной отвѣтственности за прямыя и категорическія обвиненія полиціи въ истязаніяхъ. Но никакого привлеченія не состоялось... По *оффиціальному дознанію* самъ г. Шмелевъ былъ признанъ подлежащимъ отдачѣ подъ судъ за превышеніе власти, незаконные аресты свидѣтелей и принужденіе вотяковъ къ кощунственной присягѣ надъ медвѣжьимъ чучеломъ *). Всѣ эти проступки были, впрочемъ, покрыты манифестомъ. Но, если уже оффиціально установлены такія дѣянія, то становилось вѣроятнымъ, что и остальныя утвержденія газеты, а также подсудимыхъ и нѣкоторыхъ свидѣтелей на судѣ— о пріемахъ мултанскаго дознанія не далеки отъ истины. Наконецъ, И. Н. Смирновъ, задолго до мултанскаго дѣла, когда онъ еще не разрѣшилъ во имя науки „всѣмъ гласнымъ буквамъ переходить во всѣ согласныя“,—написалъ довольно объективное изслѣдованіе о вотякахъ, въ которомъ говорится слѣдующее: „Страхъ вотяковъ передъ начальствомъ — не имѣетъ предѣловъ. Страхъ передъ грядущей бѣдой, въ особенности передъ судомъ, доводитъ вотяка зачастую до самоубійства“**). При этомъ г. Смирновъ ссылается на Осокина, Гаврилова и Кошурникова. Итакъ, авторитетъ четырехъ изслѣдователей вотскихъ нравовъ и вотскаго быта могъ утверждать нашего хроникера въ убѣжденіи, что объясненіе

*) „Нижегор. Листокъ“, № 188, 10 іюля 1896 г. Постановленіе Губ. Присутствія было прочитано въ судѣ. Интересно, что и это дознаніе возбуждено было, по словамъ самого Шмелева, вслѣдствіе газетныхъ статей. Тов. прокурора Раевскій, „наблюдавшій“ за всѣмъ дѣломъ, отрицалъ эти факты.—См. Отчетъ.

**) См. „Извѣстія общества археологіи, ист. и этногр. при императ. казанск. унив.“. Томъ VIII. вып. 2. *Вотяки*, историко-этногр. очеркъ И. Н. Смирнова. Казань. 1890. Стр. 225

„Губернскихъ Вѣдомостей“ справедливо и что кизнерскій вотякъ—жертва самоубійства отъ страха передъ полиціей и властями.

Но, скажетъ читатель, изслѣдователи, на которыхъ ссылается г. Смирновъ, писали о временахъ давно прошедшихъ и теперь, конечно, страхъ глупыхъ вотяковъ совершенно неумѣстенъ. Къ сожалѣнію, и это соображеніе совершенно не убѣдительно. Уже въ маѣ настоящаго года въ казанской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей „слушалось дѣло о приставѣ *Малмыжскаго* уѣзда Иванѣ Андреевѣ Ивановскомъ, 31 года, и полицейскомъ урядникѣ *Акимѣ Пантелеймоновѣ Жуковѣ* (прошу замѣтить эту фамилію), 29 лѣтъ, обвиняемыхъ въ истязаніи крестьянскаго мальчика 12 лѣтъ (!) Егора Булатова во время предварительнаго дознанія“. Дознаніе,—читаю я въ отчетѣ, опять таки помѣщенномъ въ *мѣстной* газетѣ *),—производилось слѣдующимъ образомъ: „Жуковъ взялъ мальчика за уши и подвелъ къ становому, а тотъ сталъ бить его по щекамъ. Затѣмъ они повалили мальчика на полъ и приставъ собственноручно далъ ему 6—7 ударовъ розгами. Тогда мальчикъ, съ цѣлью избавиться отъ побоевъ, сказалъ, что спряталъ деньги у пруда“. Такъ какъ денегъ, конечно, не оказалось, то Егора истязали опять. „Приставъ возилъ мальчика съ собой по деревнямъ и грозилъ неоднократно, что привяжетъ его къ хвосту лошади, отрѣжетъ носъ и уши, если онъ не сознается“. Въ дер. Кисели „приставъ поставилъ мальчика на ночь подъ ружье“ (буквальное выраженіе отчета). Что, собственно, значитъ „ставить подъ ружье“, этого, къ сожалѣнію, въ газетѣ не объяснено (вообще извѣстіе видимо сокращено до невозможности), но должно быть это нѣчто хорошее, если даже „урядникъ Жуковъ, когда приставъ заснулъ,—отпустилъ мальчика“. Все это продолжалось цѣлую недѣлю, и все это не одни толки и слухи, которыми оперируетъ г. Блиновъ. Все это настолько достовѣрно и точно, что „судъ призналъ обоихъ виновными и приговорилъ заключить въ тюрьму: пристава на 8, а урядника на 6 мѣсяцевъ“.

Вы видите, читатель, что считается иногда въ Малмыжскомъ уѣздѣ полицейскимъ дознаніемъ, и согласитесь, что если такова „дѣтская порція“ этого дознанія, то взрослымъ, да еще инородцамъ, она могла доставаться и въ усиленномъ размѣрѣ.

Но всего замѣчательнѣе и всего интереснѣе въ этомъ дѣлѣ

*) „Русскій Край“, 1898 г., № 57.

слѣдующая черта: истязаніе мальчика Егора произведено въ 1894 г., а судили виновныхъ лишь въ 1898 г. Я, конечно, совершенно не знаю, стоитъ ли это позднее преданіе суду урядника Жукова въ какой-нибудь связи съ перемѣной личнаго состава прокурорскаго надзора въ Малмыжскомъ уѣздѣ, происшедшей послѣ мултанскаго дѣла *), но всякій, кто читалъ отчеты по этому дѣлу, не можетъ не вспомнить, что осужденный лишь въ 1898 г. за истязаніе, произведенное въ 1894 г., „урядникъ Акимъ Пантелѣевъ Жуковъ“ *принималъ выдающееся участіе въ мултанскомъ „дознаніи“*, являясь въ качествѣ одного изъ видныхъ помощниковъ гг. Раевскаго, Шмелева и Тимоѳеева по „раскрытію истины“...

Все это, полагаю, достаточно объясняетъ, почему ни нашъ хроникеръ, ни я лично не могли ни мало усумниться въ справедливости того объясненія таинственной смерти несчастнаго кизнерскаго вотяка, какое дано въ оффиціальномъ органѣ. Даже и заявленіе священника села Кизнеръ о томъ, что несчастный томился, „обнаруживалъ безпокойство и сожалѣніе о своей жизни“—находитъ здѣсь свое естественное мѣсто. Я думаю, и мальчикъ Егоръ тоже вѣроятно томился. Наконецъ, при этой гипотезѣ о самоубійствѣ было совершенно понятно, почему ни малмыжская полиція, ни малмыжскія судебныя власти не старались во что бы то ни стало освѣтить обстоятельства и условія смерти глупаго вотяка, „повѣсившагося отъ страха передъ посредничествомъ между ними и населеніемъ“. При этомъ не приходилось и прибѣгать къ чудовищному предположенію о потакательствѣ культу человѣческихъ жертвоприношеній со стороны современныхъ полицейскихъ и судебныхъ властей...

Но вотъ теперь Н. Н. Блиновъ, въ ученомъ докладѣ, перепечатанномъ во всѣхъ газетахъ, утверждаетъ, что „по его мнѣнію, *основанному на знакомствѣ съ полицейскимъ дознаніемъ*, удушеніе вотяка было пожизненное, т. е. онъ былъ повѣшенъ уже послѣ того, какъ умеръ отъ ранъ“ **), и, значитъ, заключеніе „полицейскаго дознанія“ о самоубійствѣ должно быть признано явно, я даже сказалъ бы—преступно нелѣпымъ...

Что же теперь думать, читатель? Неужели о. Блиновъ просто выдумалъ всѣ эти раны, выдумалъ, что онъ читалъ

---

*) Г. Раевскій получилъ послѣ своихъ подвиговъ по ритуальному дѣлу лестное повышеніе: онъ переведенъ изъ вятскихъ дебрей въ Петербургъ (Позднѣйшее примѣчаніе В. К.).

**) „Кіевское Слово“, 25 августа 1898 г., стр. 2, столб. 4, стр. 6—7 снизу.

самъ полицейскій протоколъ? Я это считаю просто невѣроятнымъ.

Но тогда — неужели „современныя власти“ Малмыжскаго уѣзда завѣдомо скрыли случай „несомнѣннаго человѣческаго жертвоприношенія“?

Это, по моему мнѣнію,—которое, надѣюсь, раздѣляетъ и читатель,—вѣроятно въ еще меньшей степени. Но въ такомъ случаѣ—что же такое произошло въ 1896 году въ Кизнерѣ, рядомъ съ Мултаномъ, „въ то самое время, когда въ Мултанъ то и дѣло наѣзжали судебныя и административныя власти, когда вотяковъ то и дѣло таскали то къ слѣдователю, то къ становому, то къ уряднику“ (слова доклада), и при томъ случилось съ десятскимъ, т. е. однимъ изъ тѣхъ, кого именно и таскали всего больше?..

Я не берусь отвѣтить на этотъ вопросъ, но, такъ какъ еще года два назадъ фактъ былъ отмѣченъ въ совершенно иномъ и при томъ „оффиціозномъ освѣщеніи“, то, полагаю, пока дѣло остается неразъясненнымъ,—у г. Блинова нѣтъ достаточныхъ основаній останавливаться на вотскомъ культѣ, какъ на единственно возможномъ объясненіи. Едва ли также о. Блиновъ выказалъ достаточно ученаго безпристрастія, совершенно умолчавъ о гипотезѣ „Губернскихъ Вѣдомостей“, а также не обративъ вниманія на то, что вотяки, „боясь принести въ жертву русскаго“, избрали для этого какъ разъ десятскаго, находившагося въ это время въ усиленныхъ сношеніяхъ съ властями. Если такъ о. Блиновъ возстановляетъ и анализируетъ въ ученомъ докладѣ факты, имѣвшіе мѣсто въ самые послѣдніе годы, то что же говорить о другихъ случаяхъ, бывшихъ „лѣтъ за десять, въ одно прекрасное время“*)...

О. Блиновъ въ заключеніе призываетъ „просвѣщеніе и просвѣщеніе“. Что говорить,—просвѣщеніе вещь превосходная... Но и справедливость также принадлежитъ къ числу хорошихъ вещей, которыми не слѣдуетъ поступаться; недурно также хоть немножко критики въ ученомъ докладѣ... Полагаю, это тоже необходимые аттрибуты того же „просвѣщенія“...

Таковы-то, читатель, „два новыхъ факта изъ области человѣческихъ жертвоприношеній“.

1898.

---

*) Здѣсь авторомъ допущена фактическая ошибка. Оказалось впослѣдствіи, что о. Блиновъ имѣетъ въ виду другой случай, впрочемъ столь же мало убѣдительный. См. слѣдующую статью.

X.

Изъ Вятскаго края.

(„Ученый трудъ“ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ *).

Передо мной лежитъ только что появившаяся въ Вяткѣ книжка свящ. Н. Н. Блинова, „Языческій культъ вотяковъ“, составляющая болѣе полное изложеніе взглядовъ, высказанныхъ почтеннымъ авторомъ на X съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, а также статья В. Г. Короленко въ сентябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства“. Очень жаль, что г. Короленко писалъ свою статью до появленія книги, на основаніи однихъ газетныхъ отчетовъ о докладѣ. Мы, конечно, не увѣрены, что теперь взглядъ автора на работу Н. Н. Блинова подвергся бы сильному измѣненію по существу. Можетъ быть даже—напротивъ. Несомнѣнно, однако, что нѣкоторыя фактическія „неточности“ и неполнота свѣдѣній, приписанныя г-мъ Короленко г-ну Блинову, должны быть отнесены или насчетъ сжатости устнаго доклада, или же насчетъ газетнаго репортера. Нѣкоторыя заключенія г. Короленко теперь, по выходѣ книги, должны подвергнуться измѣненіямъ, которыя я и укажу ниже.

Если докладъ Н. Н. Блинова на съѣздѣ вызвалъ значительный интересъ въ общей прессѣ и среди читающей публики, то нетрудно себѣ представить значеніе его работы для вятскаго края. Вотъ уже почти 1½ года, какъ кончено громкое мултанское дѣло, почти годъ въ общей прессѣ о немъ не было никакихъ почти упоминаній. Но въ вятскомъ краѣ послѣдствія этого дѣла сказались для значительной части его населенія самымъ реальнымъ образомъ. Съ позволенія редакціи „Русскаго Богатства“, я намѣренъ впослѣдствіи коснуться этого интереснаго явленія. Настоящее же письмо я посвящу книжкѣ о. Блинова и взглядамъ его на вопросъ о пресловутыхъ „человѣческихъ жертвоприношеніяхъ“.

---

*) Статья эта была помѣщена въ „Р. Богатствѣ“ (октябрь 1898), подъ псевдонимомъ Парфенъ Зыряновъ. В. К.

Отношеніе Н. Н. Блинова собственно къ мултанскому дѣлу довольно своеобразно: онъ ставитъ тезисъ, что „судившіеся три раза мултанскіе жители невиновны въ убійствѣ нищаго, но *вообще* человѣческія жертвоприношенія въ исключительныхъ случаяхъ *возможны* у вотяковъ нѣкоторыхъ мѣстностей“ (стр. 7). Дальнѣйшее изложеніе значительно расширяетъ это заключеніе и заставляетъ думать, что человѣческія жертвоприношенія чрезвычайны часты, а на стр. 49 находимъ утвержденіе, что, если повнимательнѣе разспросить жителей самого Мултана, „то навѣрное окажется гдѣ-нибудь поблизости селенія подходящая для собраній гора, лѣсокъ и вообще „веселое мѣсто“. „Это, по мнѣнію о. Блинова, и будетъ то самое мольбище Булдѣ, гдѣ „моленія“ живыхъ существъ (?) могутъ случаться“. А такъ какъ все обвиненіе мултанцевъ подсудимыхъ строилось на убійствѣ въ шалашѣ Моисея Дмитріева и безъ него теряетъ рѣшительно всякую почву, то выводъ, который слѣдуетъ изъ этихъ положеній Н. Н. Блинова по отношенію къ данному процессу, ясенъ: между тѣмъ, какъ полиція и судебныя власти старались обвинить владѣльца шалаша и его сосѣдей,—истинные виновные, которые „могли замолить“ нищаго на „веселомъ мѣстѣ“ внѣ села, остались совсѣмъ въ сторонѣ.

Нечего и говорить, что собственно „мултанское дѣло“ въ его фактической части не даетъ никакихъ основаній для подобнаго заключенія, которое, если бы оно было вѣрно, должно было бы рисовать „слѣдственное производство“ въ гораздо худшемъ свѣтѣ, чѣмъ это представляется до сихъ поръ. Но Н. Н. Блиновъ и не касается „криминальной части процесса“. Его дѣло—наука.

Какая это „наука“—увидимъ ниже.

Какъ извѣстно, въ этнографической части мултанскаго дѣла, не смотря на 4½ года слѣдственныхъ розысканій, все-таки остался значительный пробѣлъ. А именно — не было установлено того божества, которому могла быть принесена человѣческая жертва. Стараніемъ нѣкоего Кобылина и урядника розыскано злое божество „Курбонъ“, которое и было водворено въ обвинительномъ актѣ. На судебномъ слѣдствіи, однако, было констатировано съ полнѣйшей несомнѣнностію, что такого божества вовсе нѣтъ, а курбонъ значитъ „моленіе“ (вспомнимъ мусульманское „курбанъ-байрамъ“). Такимъ образомъ, мѣсто Курбона въ дѣлѣ такъ и осталось пустымъ. Теперь о. Блиновъ старается заполнить этотъ существенный недостатокъ, и вся его книга клонится къ доказательству, что вотяки — буддисты (!) и что божество, которое требуетъ отъ

вотяковъ человѣческой жертвы и которому они ее приносятъ, есть никто иной, какъ кроткій царевичъ Сиддарта Сакьямуни Готама-Будда, учившій, какъ извѣстно, что „высшая жертва— когда не лишаютъ жизни ни одно живое существо, когда избѣгаютъ лжи и обмана“ *).

Открытіе это, если бы о. Блиновъ не только высказалъ, но и доказалъ его, безъ сомнѣнія должно было бы опрокинуть многіе установившіеся въ наукѣ взгляды; оно навсегда внесло бы имя о. Блинова въ скрижали исторіи и этнографіи и, наоборотъ, выкинуло бы изъ этихъ скрижалей имена всѣхъ прежнихъ непроницательныхъ изслѣдователей, проглядѣвшихъ такой крупный фактъ, какъ буддизмъ нашихъ инородцевъ такъ называемаго финско-тюркскаго племени. Каковы же, однако, „доказательства“ о. Блинова?

Самъ онъ резюмировалъ ихъ и въ дневникѣ съѣзда, и въ своей книгѣ слѣдующимъ образомъ: „народная жизнь вотскаго племени въ идеалѣ (sic!) есть проявленіе тѣхъ духовныхъ силъ, о которыхъ выражено въ формулѣ буддійскаго догмата о тройственности: Будда, законъ и община“.

Это странное и неопредѣленное указаніе на „народную жизнь въ идеалѣ“ (?) и на проявленіе „тѣхъ духовныхъ силъ, о которыхъ выражено въ догматѣ (?) о буддизмѣ“ — повидимому, обязываетъ г. Блинова доказать намъ, что „народная жизнь вотяковъ“ проникнута тѣмъ, что „наложило (на буддизмъ) особый отпечатокъ“, а именно — „глубоко-прочувствованное и ясно выраженное убѣжденіе, что все земное бытіе преисполнено страданій и что искупленіе можетъ быть найдено только въ самоотреченіи и вѣчномъ покоѣ“ **). Но Н. Н. Блиновъ распоряжается гораздо проще. „Буддійскій символъ вѣры,— поясняетъ онъ въ примѣчаніи, — выражается слѣдующими членами: 1) Я вѣрую въ Будду. Онъ возвышенный, святой, высочайшій, Будда, знающій ученый (знающій ученіе?), знающій міръ, высочайшій, укрощающій людей, какъ укрощаютъ дикихъ быковъ, учитель боговъ и людей, возвышенный Будда. 2) Я вѣрую въ ученіе; оно возвѣщено возвышеннымъ... Оно ведетъ къ спасенію, мудрый познаетъ его въ сердцѣ своемъ (затѣмъ—о самомъ ученіи Будды уже ни слова!). 3) Я вѣрую въ *общину*. Справедливой, праведной и истинной жизнію живетъ община учениковъ возвышеннаго“.

„Эти завѣты, увѣряетъ насъ Н. Н. Блиновъ, усвоенные по мѣрѣ возможности и культурнаго развитія, *неизмѣнно*

*) См., напр., Ольденберга: „Будда, его ученіе и община“, изд. Солдатенкова, стр. 146.

**) Ib., стр. 1.

сохраняются въ вотскомъ племени второе тысячелѣтіе". Вотъ доказательства Н. Н. Блинова:

Будда. Возможно ли выше чествовать Будду, если фанатики не останавливаются передъ человѣческой жертвой для умилостивленія бога (которымъ, какъ извѣстно, Будда никогда и не былъ).

Законъ. Усвоенныя вѣрованія и религіозныя воззрѣнія на боговъ, природу и свою жизнь сохраняются вотяками неизмѣнно, неподвижно: съ нелицемѣрнымъ, рѣшительнымъ принятіемъ „русской" христіанской вѣры вотякъ „сжигаетъ" символъ буддизма (!) „мудоръ", а не допускаетъ компромиссовъ, какъ того добиваются съ миссіонерскими цѣлями.

Община. Вотякъ весь въ семьѣ и въ общинѣ и почти не имѣетъ личной иниціативы... Попалъ вотякъ въ бѣду — вся деревня за него ходатайствуетъ, и т. д. (стр. 53—54).

Не нужно, кажется, быть ученымъ и совершенно достаточно имѣть хотя бы самыя общія представленія о буддизмѣ, чтобы замѣтить, что здѣсь нашъ авторъ впадаетъ въ самую забавную ошибку. Прежде всего — „община" буддистовъ это совсѣмъ не деревенская община, выражающаяся въ земельныхъ или общественно-деревенскихъ распорядкахъ. Буддійская община есть монастырь, одна изъ стадій отрѣшенія отъ жизни и приближенія къ буддійскому искупленію (нирванѣ). Ольденбергъ, на котораго ссылается самъ авторъ, всюду совершенно ясно говоритъ о „монашеской общинѣ" (см. стр. 273). „Какъ могутъ монахи, приверженцы сына Шакіи, вести себя подобно свѣтскимъ людямъ" (275). Въ дѣйствительности... „есть только общины или братства монаховъ, живущихъ въ одной діокесіи" (279)... Что теперь скажутъ намъ гг. Смирновы, господа Магницкіе, Кузнецовы, Потанины, Кошурниковы, Гавриловы, Богаевскіе и всѣ другіе изслѣдователи, проглядѣвшіе не только буддизмъ вотяковъ, но и то обстоятельство, что это племя представляетъ собою лишь „монашескія общины, живущія въ одной діокесіи" и „неизмѣнно хранящіе монастырскіе общинные уставы"!..

Далѣе: *законъ* буддизма есть совершенно законченная система, выраженная въ опредѣленныхъ формулахъ буддійскаго „откровенія". Вообще, религія буддистовъ одна изъ четырехъ, въ основѣ которыхъ лежитъ „откровеніе" и стройная догматика, установленная даже на соборахъ *), и смѣшать такое ученіе съ аморфнымъ и первобытнымъ культомъ вотяка, не имѣющаго ни письменности, ни іерархіи, ни систематическаго

*) Ib., стр. 283.

„ученія“,—это ошибка, не уступающая открытію въ вятской деревнѣ монашеской общины!

Что за несчастное это мултанское дѣло! Это уже второй случай, когда злополучный процессъ съ тенденціозностью его первоначальной постановки компрометируетъ очень почтенныя репутаціи. Г. Смирновъ, ученый профессоръ и очень трудолюбивый изслѣдователь, до мултанскаго дѣла доказывалъ лишь несомнѣнную истину, что въ „старыя времена“ (неизвѣстно когда) у вотяковъ существовали человѣческія жертвоприношенія. Мултанское дѣло втянуло его въ оцѣнку запутанныхъ, весьма далекихъ отъ всякой этнографіи чисто „бытовыхъ“ и вполнѣ „современныхъ“ обстоятельствъ, и вотъ мы увидѣли, какъ ученый, взявшійся совсѣмъ не за свое дѣло, сталъ оцѣнивать эти „обстоятельства“ уже совсѣмъ не съ ученой точки зрѣнія.

Теперь г. Блиновъ, никогда не бывшій ученымъ, опять подъ вліяніемъ злополучнаго дѣла, пускается въ науку, открываетъ несуществующіе вятскіе буддизмы и приводитъ аргументы самаго удивительнаго свойства. Воображаю, съ какой улыбкой читаетъ эти открытія „буддійской общины“ въ вотской деревнѣ тотъ же г. Смирновъ, который, страдая дальтонизмомъ въ отношеніи къ данному дѣлу,—обладаетъ, однако, несомнѣнными научными познаніями! Все „ученіе“ Будды г. Блиновъ свелъ къ тому, что вотяки не легко поддаются обращенію. „Вотякъ, говоритъ онъ, рѣшительно не допускаетъ компромиссовъ“...

И это говоритъ человѣкъ, живущій среди вотяковъ, послѣ мултанскаго дѣла, которое, если и установило что-либо вполнѣ неопровержимо, то это именно печальную истину, что даже въ селѣ, болѣе столѣтія исповѣдующемъ христіанство, рядомъ съ православнымъ храмомъ сохранились языческія „куалы“ и жертвоприношеніе животныхъ. Работа г. Смирнова („Вотяки“) приводитъ рядъ самыхъ краснорѣчивыхъ фактовъ именно этого „компромисса“ между христіанствомъ и язычествомъ; наконецъ, самое поверхностное наблюденіе показываетъ, что между вотякомъ-язычникомъ и вотякомъ-христіаниномъ, „сжегшимъ даже мудора“—расположенъ цѣлый пластъ полухристіанъ, полуязычниковъ, на разныхъ ступеняхъ перехода отъ стараго къ новому. Но г. Блинову нужно непремѣнно „буддійское ученіе“, сущность котораго онъ усматриваетъ въ „упорствѣ“, и онъ, ничто же сумняся, увѣряетъ, что весь этотъ пластъ — сознательные буддисты, лицемѣры, хранящіе всецѣло „буддійское“ ученіе и лишь для обмана посѣщающіе церковь и чтущіе христіанскіе праздники.

Все это, къ сожалѣнію, совершенно подрываетъ довѣріе къ безпристрастію Н. Н. Блинова уже какъ наблюдателя. Закрывать глаза на существованіе въ безформенной религіи вотяковъ многочисленныхъ компромиссовъ и въ томъ числѣ главнаго—съ христіанствомъ, это уже не дальтонизмъ, а полная неспособность или умышленное нежеланіе „видѣть слона“.

Теперь вернемся къ Буддѣ, и посмотримъ, какъ онъ перекочевалъ со своей родины въ глубину вотскихъ лѣсовъ? Нужно сказать, что этому въ весьма значительной степени содѣйствовала „филологія“ и именно филологія того типа, о которомъ уже говорилъ въ своей статьѣ г. Короленко. У Н. Н. Блинова тоже всѣ гласныя переходятъ во всѣ согласныя, какъ у Вельтмана, но нашъ авторъ даже въ это упрощенное словопроизводство вноситъ еще свои собственные облегчительные пріемы.

Начинается эта исторія слѣдующимъ образомъ: „въ юго-восточной части Елабужскаго уѣзда сохраняется преданіе, что лѣтъ полтораста назадъ одинъ вотякъ заблудился на охотѣ и долженъ былъ ночевать въ лѣсу *). Подъ утро онъ увидѣлъ во снѣ сѣдого *величественнаго старца*, который сказалъ, что на этомъ мѣстѣ нужно устроить мольбище и приносить жертвы чрезъ три года, при чемъ старецъ прибавилъ: „я—страшный богъ“ (когда это „страшные боги“ представлялись народу въ видѣ сѣдыхъ, величественныхъ старцевъ?). Послѣ того черезъ годъ и устроено мольбище въ лѣсу, нынѣ г. Ушкова, и аккуратно черезъ три года происходятъ моленія“. „Они называются „Булда“, будто бы, по имени вотяка изъ деревни Юмьи, видѣвшаго вѣщій сонъ“, — прибавляетъ г. Блиновъ. „Потомки его до настоящаго времени сохраняютъ старшинство надъ этимъ мольбищемъ, старшій изъ этого рода—главный жрецъ“ (стр. 43). „По отзывамъ вотяковъ, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ мольбища въ Кокшанской дачѣ, молиться Булдѣ не слѣдуетъ“.

Повидимому, тутъ есть вѣроятность, что Булда въ самомъ дѣлѣ было имя родоначальника „самаго древняго поселенія вотяковъ“ (стр. 44), а такъ какъ религія вотяковъ носитъ явные признаки родового быта, то это объясненіе является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ другихъ мѣстахъ существуютъ „малыя булды“, какъ вѣтки на главномъ родовомъ стволѣ, и что всѣ извѣстія объ этомъ Булдѣ пока пріурочиваются къ одному уѣзду.

*) При этомъ авторъ совсѣмъ умалчиваетъ о томъ, - когда, гдѣ, отъ кого и въ какой формѣ онъ слышалъ этотъ разсказъ.

Но это объясненіе для Н. Н. Блинова слишкомъ просто, и онъ прибѣгаетъ къ помощи своей филологіи. При ея посредствѣ онъ доказываетъ, во 1-хъ, что вотяки вышли именно изъ Алтая, и Булда не можетъ означать ничего другого, какъ Будду. Это потому, во 1-хъ, что самое названіе Алтай „даетъ намъ нарицательное имя *а-тай*, что значитъ *отецъ семьи*“, а Будда долженъ перейти въ Булду на основаніи филологическаго правила: „при соединеніи гласныхъ *д* и *т* въ вотскомъ языкѣ,—пишетъ онъ на стр. 41 (примѣчаніе), — одна изъ нихъ переходитъ въ *л*. Напримѣръ: *ат*-тай — *ал*-тай, будда—булда и др.“.

Вы, конечно, изумлены. Во 1-хъ во всѣхъ курсахъ географіи вы читаете, что Алтай есть русское искаженіе монгольскаго Ала-тау, что значитъ бѣлыя горы. И дѣйствительно въ Сибири даже русскіе зовутъ снѣговые хребты Алтая, далеко видимые уже отъ Нижнеудинска—Бѣлогорьемъ. Такимъ образомъ, если даже правило Н. Н. Блинова о сдвоенныхъ буквахъ вѣрно, то все же ему приходится надъ словомъ Ала-тау произвести слѣдующую сложную и весьма сомнительную операцію: Ала-тау, гдѣ нѣтъ никакого сдвоенія согласныхъ, онъ переводитъ въ русское искаженіе Алтай, потомъ къ вотскому слову а-тай совершенно незамѣтно прибавляетъ *т* (*ат*-тай) и тогда уже сравниваетъ ихъ между собою. Неправда ли, это получше всѣхъ Вельтмановъ на свѣтѣ. Но еще, кажется, замѣчательнѣе самый силлогизмъ о. Блинова: А-тай онъ переводитъ въ Алтай, а Будду въ Булду на основаніи правила о сдвоенныхъ буквахъ, а самое правило подтверждаетъ примѣромъ... того же Будды и того же Алтая *), словъ совсѣмъ даже не вотскаго корня!

Нужно ли мнѣ продолжать этотъ разборъ? Н. Н. Блиновъ взялся доказать, что вотскій Богъ, которому приносятъ человѣческія жертвы, существуетъ. Это именно Булда-Будда. Вы ждете, конечно, что вамъ сначала приведутъ доказательства существованія самыхъ жертвоприношеній, а затѣмъ хоть какой-нибудь связи ихъ съ именемъ Булды. Совершенно напрасно. Авторъ много распространяется о разныхъ мелочахъ вотскаго культа, но главное свое положеніе ставитъ просто и безъ всякихъ доказательствъ: „человѣческія жертвы приносятся Булдѣ“ (стр. 46).

*) Одинъ компетентный человѣкъ, которому я прочиталъ это мѣсто изъ брошюры о. Блинова, говорилъ мнѣ, что ему извѣстно изъ монгольскихъ нарѣчій другое правило. Такъ, напримѣръ, киргизы „муллу“ называютъ „мулда“, а слово „Алла“ произносятъ: Алда. Если бы это правило примѣнить къ данному случаю, то первоначальное произношеніе Булды должно быть Булла.

Очевидно, силлогизмъ почтеннаго автора опять тотъ же: Булда-Будда страшное божество (?), значитъ кому же и приносить человѣческія жертвы? А хотите доказательства, что Будда дѣйствительно самое страшное божество? Извольте: „возможно ли выше чествовать Будду, если фанатики не останавливаются передъ человѣческой жертвой для умилостивленія бога“ (стр. 53—54). Дѣло ясно: человѣческія жертвы приносятся Буддѣ, потому что онъ богъ. А богъ онъ потому, что ему приносятся человѣческія жертвы! Дѣло выяснено окончательно и, какъ видите, вполнѣ „научно“.

Послѣ этого о. Блиновъ возвращается къ Мултану и достаточно ясно ставитъ положеніе: „*Изъ процесса о мултанскомъ жертвоприношеніи*,—говоритъ онъ,—*извѣстно*, что въ томъ селѣ живутъ вотяки двухъ родовъ: *будла* и *удчуръ*... Слово *будла* что же иное, какъ не *будда?*“ (стр. 49). И уже затѣмъ идетъ цитированное выше положеніе: если поискать повнимательнѣе, то поблизости Мултана можно отыскать „веселое мѣсто“, гдѣ нищаго принесли въ жертву въ честь Булды.

Я внимательно прочелъ все мултанское дѣло и, однако, нигдѣ не нашелъ того слова, которое служитъ о. Блинову для этого заключенія. Во всемъ *процессѣ о мултанскомъ жертвоприношеніи* не только слова *булда*, но и *будла* не употреблено ни разу, и два рода, о которыхъ говоритъ г. Блиновъ, назывались „*учуръ*“ и „*будлукъ*“. Очень можетъ быть, что опять найдется филологическое правило, по которому *будлукъ* переходитъ въ *будла*. Но тогда о. Блинову слѣдовало бы пояснить намъ это, такъ какъ теперь мы можемъ подумать, что авторъ совершаетъ грубо тенденціозныя искаженія словъ. Если даже буквы сдваиваются, то все же между словами *будлукъ* и *Булда* разстояніе не менѣе, чѣмъ между кроткимъ Сиддартой и фантастически-кровожаднымъ Булдой!

Есть, правда, у о. Блинова еще разныя детали, которыми онъ разбавилъ курьезное основное заблужденіе свое относительно „будды“, „закона“ и „общины“. Такъ, авторъ, между прочимъ, находитъ еще значительное сходство между вотскимъ и буддійскимъ культами въ томъ, что „у первобытныхъ арійцевъ всякій домохозяинъ тоже былъ жрецъ“. При жертвоприношеніяхъ индійцевъ употреблялся огонь, какъ и у вотяковъ. Индійцы лили въ огонь сому, вотяки льютъ кумышку, индійцы кидали въ огонь коровье масло и части жертвы, вотяки дѣлаютъ то же: у индійцевъ были жертвенники, у вотяковъ ихъ нѣтъ, но г. Блиновъ полагаетъ, что когда-то были. У индійцевъ есть идолы, у вотяковъ они тоже были. Даже

употребленіе чаши при жертвоприношеніи говоритъ о буддизмѣ, ибо „безъ чаши совершенные будды не могутъ принимать пищи“ (58) и т. д.

Говорятъ объ одномъ очень ученомъ нѣмцѣ, будто онъ написалъ изслѣдованіе о древнихъ грекахъ, которое начиналось словами: „греки временъ Гомера, какъ и современные люди, вкушали пищу“. И затѣмъ—привелъ цитаты изъ Гомера и многихъ древнихъ авторовъ въ доказательство этого „научнаго положенія“. Н. Н. Блиновъ тоже могъ бы значительно продолжить свои параллели, вплоть до того, что вотяки рождаются, брачутся, посягаютъ и умираютъ совершенно такъ же, какъ древніе буддисты. А мы, въ свою очередь, могли бы, пользуясь пріемомъ о. Блинова, доказать, что греки временъ Сократа и римляне времени Цезаря—тоже были буддисты. Въ самомъ дѣлѣ: при жертвоприношеніяхъ пенатамъ глава семьи тоже являлся жрецомъ; безъ огня дѣло не обходилось никоимъ образомъ, на огонь лили вино совершенно такъ же, какъ буддисты сому, части жертвъ тоже сжигались, а ужъ чаши... да какое въ самомъ дѣлѣ пиршество могло обходиться безъ этой принадлежности?

Переходимъ теперь къ фактамъ, которые авторъ приводитъ, какъ наблюдатель. Если вообще можно было отнестись съ нѣкоторымъ ожиданіемъ къ работѣ о. Блинова, то именно въ этой части вопроса. Мы никогда не знали о. Блинова, какъ ученаго. Но мы знали, что о. Блиновъ—давній житель вятскаго края, знакомый съ мѣстной жизнью, работавшій въ мѣстной литературѣ и снискавшій себѣ на поприщѣ мѣстной общественной дѣятельности почтенное имя. Поэтому, мы въ правѣ были ожидать, что въ вопросѣ, переполненномъ тенденціозными и невѣжественными слухами, слово о. Блинова внесетъ нѣкоторую ясность и точность. О. Блинову должно быть хорошо извѣстно, насколько необходима критика во всѣхъ случаяхъ, когда въ мѣстномъ обществѣ или даже печати появляются эти слухи.

Къ сожалѣнію, и въ этой части своего труда Н. Н. Блиновъ держится совершенно тѣхъ же пріемовъ, какъ и въ части „научно-этнографической“. Именно къ тому, что всего болѣе спорно и требуетъ доказательствъ, авторъ относится наиболѣе беззаботно. Каковы, напр., самые пріемы человѣческаго жертвоприношенія? Это, конечно, узнать очень трудно. „Только наивные люди или желающіе показаться таковыми (кто это?) могутъ разсуждать, что, если уже приносить въ жертву человѣка, то вотяки должны сдѣлать это, какъ въ циркѣ, всенародно“ (стр. 82). „Если уже жертвоприношеніе

совершено, то ни о немъ, ни объ участвовавшихъ въ немъ лицахъ никто изъ вотяковъ, хотя бы между ними были противники всѣхъ языческихъ жертвъ, не согласится не только свидѣтельствовать передъ начальствомъ, *а даже не выскажется въ разговорѣ съ частнымъ лицомъ*“ (81).

Вотъ видите, до какой степени невозможно узнать что-либо о пріемахъ жертвоприношенія. Это на страницѣ 81. Но уже на стр. 82, непосредственно послѣ насмѣшки надъ наивными людьми, г. Блиновъ, безъ всякихъ опять указаній на источники, продолжаетъ: „участники задуманнаго „моленія“ избранную жертву, напоивъ кумышкой, тщательно обмываютъ, окутываютъ, вмѣсто бѣлья, съ ногъ до головы чистымъ холстомъ, выводятъ на дворъ или какое-нибудь холодное зданіе, или уносятъ въ подполье. Тамъ (въ подпольѣ?) сначала привязываютъ обреченнаго къ столбу. Жрецъ молится и парчаськись вонзаетъ въ пахъ жертвы узкій, какъ шило, ножъ. Бодзимъ восясь подставляетъ чашку для вытекающей крови...“ и т. д., и т. д.

Неправда ли,—какое подробное описаніе! И ни слова въ объясненіе источниковъ. Ни одного указанія! О. Блиновъ какъ будто даже не подозрѣваетъ, что читатель ждетъ отъ него точныхъ разъясненій. Онъ не замѣчаетъ даже, что набросанная имъ фантастическая картина совершенно противорѣчитъ всѣмъ его предыдущимъ соображеніямъ. Не онъ ли утверждалъ, что вотяки-буддисты, строго держащіеся „ученія“, совершаютъ свои моленія Буддѣ непремѣнно въ лѣсу и при томъ подъ деревомъ („такъ какъ и Будда сидѣлъ подъ деревомъ“). Не онъ ли совѣтовалъ поискать въ окрестностяхъ Мултана „гору. лѣсокъ“, вообще „веселое мѣсто“, гдѣ и будетъ мольбище Будды и гдѣ „моленіе живыхъ существъ можетъ случаться“. И вотъ теперь совершенно неожиданно онъ ведетъ насъ, вмѣсто „веселаго мѣста“, въ мрачное подполье, рисуетъ такія подробности, какъ будто въ самомъ дѣлѣ присутствовалъ при обрядѣ, и не желаетъ даже объяснить видимое противорѣчіе!

Разыскивая объясненіе столь загадочнаго обращенія о. Блинова съ самыми существенными положеніями его труда, мы не можемъ не придти къ заключенію, что полное отсутствіе критическаго чутья является главной чертой нашего автора. До такой степени нынѣшній трудъ его отмѣченъ чертами легковѣрія и отсутствія даже представленія о необходимости какихъ-нибудь доказательствъ въ такихъ важныхъ пунктахъ его работы. Для меня совершенно очевидно, что главная часть его „ритуала“ составляетъ просто пересказъ показаній

одного изъ свидѣтелей по мултанскому дѣлу, каторжника Гòлова, который далъ показанія „послѣ нѣсколькихъ свиданій въ малмыжской тюрьмѣ“ съ знаменитымъ по этому дѣлу приставомъ Шмелевымъ. Это заключеніе я въ правѣ сдѣлать потому, что дальше, въ изложеніи „фактовъ“ жертвоприношеній г. Блиновъ пользуется „разсказами свидѣтелей“, наводнившихъ судебное слѣдствіе извѣстными уже читателямъ „слухами и толками“. И при этомъ опять не всегда ссылается даже на этотъ источникъ!

Для характеристики этого „матеріала“, приведу слѣдующій „разсказъ очевидца“ на послѣднемъ разбирательствѣ. Одинъ изъ урядниковъ въ томъ самомъ 1896 году, проѣзжая по такому-то участку Мамадышскаго уѣзда, увидѣлъ подъ лѣсомъ кучу народа. Онъ подъѣхалъ туда и увидѣлъ на землѣ трупъ безъ легкихъ и сердца, съ такими же совершенно поврежденіями, какъ у мултанскаго нищаго. „Всѣ говорили, конечно, что его „замолили“ вотяки“.

Разумѣется, защита пожелала узнать, какъ послѣ этого поступилъ урядникъ. Вѣдь онъ обязанъ былъ донести своему начальству. Онъ и донесъ приставу, а тотъ—исправнику. А судебному слѣдователю? Донесено и судебному слѣдователю, и теперь дѣло находится въ производствѣ.

Тогда защита настойчиво и единогласно просила, во 1-хъ, занести это показаніе цѣликомъ въ протоколъ и, во 2-хъ, пріостановить разбирательство или хотя бы сдѣлать отъ суда запросъ по телеграфу судебному слѣдователю, камера котораго находится въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Мамадыша. Обстоятельство это казалось защитѣ существеннымъ: обвиненіе представило суду дѣло о самоѣдинѣ Пыреркѣ съ Новой Земли, но вотъ передъ присяжными встаетъ новое человѣческое жертвоприношеніе, вполнѣ современное, вполнѣ сходное съ разбирающимся дѣломъ, заявленное лицомъ полицейскаго надзора на судѣ, со ссылкой на судебнаго слѣдователя такого-то участка, того самаго уѣзда, въ которомъ разбирается мултанское дѣло!..

Судъ отказалъ въ ходатайствѣ защиты. Нужно ли прибавлять, что вотъ теперь прошло уже около двухъ лѣтъ,—и ни о чемъ подобномъ не слышно, ни одинъ судебный слѣдователь Мамадышскаго уѣзда и не видѣлъ такого дѣла, и все это показаніе не что иное, какъ одинъ изъ завѣдомыхъ вымысловъ, какими полно вообще это дѣло.

Можно ли послѣ всего этого пользоваться слѣдственнымъ матеріаломъ мултанскаго дѣла безъ всякой критики, даже безъ указаній, что „случай“ почерпается изъ этого источ-

ника, какъ это дѣлаетъ Н. Н. Блиновъ на стр. 88 (разсказъ мельника Котельникова) и другихъ. Когда-нибудь, въ другой разъ я постараюсь свести во едино все, что до сихъ поръ писалось и говорилось по этому предмету, и тогда среди разсказовъ гг. урядниковъ, Кобылиныхъ, Новицкихъ, Котельниковыхъ найдутъ мѣсто и собственныя повѣствованія Н. Н. Блинова. Такъ ужъ лучше брать каждое „извѣстіе“ для анализа изъ первыхъ рукъ.

А пока я не могу еще не остановиться на тѣхъ двухъ случаяхъ, которыми Н. Н. Блиновъ дѣлился съ аудиторіей кіевскаго съѣзда и которые въ его собственномъ изложеніи являются въ печати впервые. Я долженъ сдѣлать это, главнымъ образомъ, потому, что въ анализъ этихъ двухъ случаевъ, сдѣланный г. Короленко, вкралось нѣкоторое недоразумѣніе.

Читатель помнитъ вѣроятно, что въ одномъ случаѣ рѣчь шла о трупѣ вотяка, найденнаго въ лѣсу весной и признаннаго по дознанію замерзшимъ, чему, однако, Н. Н. Блиновъ не вѣритъ. Г. Короленко въ своей статьѣ иронически подчеркивалъ, что это было „лѣтъ за десять до поступленія о. Блинова въ приходъ“, „въ одно прекрасное время“. Такъ, дѣйствительно, было изложено это въ газетныхъ отчетахъ. Въ книгѣ Н. Н. Блинова и время, и мѣсто обозначены болѣе „точно“. А именно—дѣло это было въ деревнѣ Маканъ Пельга,—„десять лѣтъ назадъ, въ 1885 году“ (стр. 82). Къ сожалѣнію, и эта точность нѣсколько странна, такъ какъ десять лѣтъ назадъ, повидимому, должно было бы означать 1888 годъ, а не 1885-й. Но всетаки это хоть какое-нибудь указаніе, а г. Блиновъ не балуетъ насъ и этимъ. Впрочемъ, мы не имѣемъ ничего прибавить къ оцѣнкѣ этого случая, сдѣланной въ статьѣ г. Короленко: „добродушный приставъ“ и понятые повѣрили, что часть трупа съѣдена собаками, Н. Н. Блиновъ не вѣритъ „въ пристрастіе собакъ къ головѣ и рукѣ“... Трудно рѣшить, кто правъ...

Теперь о второмъ случаѣ,—съ вотякомъ села Кизнери, который повѣсился—по мнѣнію полицейскаго дознанія—и принесенъ въ жертву, по мнѣнію г. Блинова. Г. Короленко, основываясь на „неточности“ сообщенія Н. Н. Блинова и на томъ, что въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ было сообщено о десятскомъ того же села Кизнери, повѣсившемся отъ страха передъ урядникомъ,—предположилъ, что оба эти случая представляютъ, въ сущности, одинъ и тотъ же эпизодъ въ разныхъ освѣщеніяхъ, и что Н. Н. Блиновъ только ошибся во времени, пріурочивъ смерть несчастнаго вотяка къ началу мултанскаго дѣла, вмѣсто конца его. Въ такое заблужденіе

былъ введенъ газетнымъ отчетомъ не одинъ г. Короленко, но и нѣкоторые мѣстные жители, такъ какъ дѣйствительно въ печать не проникло ни одного слова о первомъ случаѣ загадочнаго самоубійства или еще болѣе загадочнаго „жертвоприношенія“.

Теперь Н. Н. Блиновъ сообщаетъ подробно, что это было именно въ 1892 году 30 іюня. „Жребій закланія“ выпалъ Григорію Анисимову, кузнецу... „Жена его потомъ говорила, что онъ хворалъ, два раза ходилъ исповѣдываться“... „Въ тотъ день мимо дома Анисимова шли со святою иконою 30 іюня, вечеромъ. Григорій предъ нею усердно молился, плакалъ (припомнимъ соображенія о. Блинова о буддистахъ, „не допускающихъ никакихъ компромиссовъ“). Какъ только толпа народа скрылась за домами, по пути въ Трыкъ, Анисимова немедля увлекли и „замолили“ въ мякинницѣ (сарай, въ который ссыпаютъ мякину), сзади двора. Въ такомъ видѣ разсказъ циркулировалъ въ народѣ вслѣдъ за происшествіемъ. Голову Анисимову *не отрѣзали*, а только сдѣлали два глубокихъ прокола ножомъ, проникавшіе до брюшины, и два меньшихъ прокола ножомъ на лѣвомъ и правомъ бедрахъ (оффиціальныя данныя). На другой день сельскому старостѣ заявлено (кѣмъ?), что Григорій неизвѣстно куда исчезъ, а въ мякинницѣ оказался ножъ и пятна крови на бревнахъ. Безвѣстно пропавшаго искали всей деревней по три дня, пока не прибылъ становой приставъ (надо думать г. Тимоѳеевъ, тотъ же, что и въ Мултанѣ?). При немъ трупъ оказался за пахотными полосами, въ неочищенномъ перелѣскѣ парового поля. Тамъ пасется скотъ. За нимъ почти изъ каждаго дома по человѣку и по два вечеромъ обходятъ весь перелѣсокъ вдоль и поперекъ, а вотъ никакъ не усмотрѣли! Трупъ былъ привязанъ на вязовомъ сукѣ, вдали отъ ствола дерева, и повѣшенъ на лыкѣ въ два аршина длины, при чемъ ноги находились надъ землей выше на четверть или немного болѣе. При вскрытіи, раны оказались съ кровоподтеками, значитъ—прижизненныя; но на шеѣ, гдѣ была петля, борозда плохо выражена, *кровоподтека нѣтъ, языкъ за зубами. Вообще о самоубійствѣ не можетъ быть и рѣчи:* если покойный такъ энергично зарѣзался въ деревнѣ (?), то не могъ уже вѣшаться въ лѣсу, и наоборотъ. Вотъ примѣрный случай,—такъ заключаетъ о. Блиновъ свое повѣствованіе,—*почему* дѣлъ о жертвоприношеніяхъ не возникало; *не дешево обходилось!* И все это продѣлывалось „подъ шумокъ“ мултанскаго слѣдствія, энергично веденнаго менѣе, чѣмъ въ двадцати верстахъ отъ Кизнерскаго моленія“.

Въ этомъ видѣ нельзя отказать указаніямъ о. Блинова въ нѣкоторой точности, хотя за то нельзя не замѣтить, что здѣсь уже, кромѣ „слуховъ на мѣстѣ“, нѣтъ рѣшительно никакихъ признаковъ „ритуала“. Ни голова, ни правая рука, ни нога, ни сердце, ни легкія не взяты. Нѣтъ даже „укола въ пахъ острымъ ножомъ“, который, по свѣдѣніямъ автора, неизвѣстно откуда исходящимъ, „дѣлается прежде всего“ при человѣческомъ жертвоприношеніи. Почему же Н. Н. Блиновъ заключаетъ, что тутъ было непремѣнно жертвоприношеніе, а не простое убійство? Развѣ простыя убійства не могутъ быть „прикрываемы“ по тѣмъ же причинамъ, какъ и жертвоприношеніе?

„О самоубійствѣ,—пишетъ о. Блиновъ, не можетъ быть и рѣчи“. Конечно, при томъ описаніи, какое дано авторомъ,—не можетъ быть и рѣчи объ одномъ самоубійствѣ, такъ какъ повѣшеніе, очевидно, посмертно. Но почему же о. Блиновъ не сообщаетъ, какъ кончилось это дѣло, кто повиненъ въ этомъ явномъ укрывательствѣ преступленія? Приставъ, судебный слѣдователь, тов. прокурора? На какой именно изъ этихъ ступеней застряло это дѣло? И кто именно его прикрылъ? И съ какими цѣлями его „прикрыли тѣ самыя власти, которыя съ такимъ усердіемъ разыскали человѣческое жертвоприношеніе даже на Новой Землѣ?..

P. S. Статья была уже написана, когда мы получили возможность свѣрить съ печатными источниками „первыя свѣдѣнія“ о появленіи Булды. Вотъ результаты:

„О Булдѣ,—пишетъ Н. Н. Блиновъ (стр. 42),—уже проникали въ печать сообщенія. Въ 1859 году въ „Вятскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ *упоминается, между прочимъ, о явленіи Булды* въ Варзіятчинскомъ приходѣ, Елабужскаго уѣзда. Въ 1881 году въ „Извѣстіяхъ Общ. Археологіи, Ист. и этнографіи при каз. унив.“ (т. III) описывается *праздникъ* „булда“, устраиваемый поочередно въ одной изъ трехъ деревень (Елабужскаго у.) — Старой Зимьѣ, Арліановой и Варзи-ятчи. Здѣсь угощеніе предлагается болѣе обильное, чѣмъ когда-либо. О времени моленія оповѣщается недѣли за двѣ на базарахъ. Скотина оплачивается всѣми молящимися. Одинъ изъ такихъ праздниковъ Булды (?) подробно описанъ г. Потанинымъ (въ 1881 г. съ 30 іюня). Вотъ все, что извѣстно о невѣдомомъ Булдѣ“.

Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что это краткое резюме, сдѣланное Н. Н. Блиновымъ изъ печатныхъ источниковъ — совсѣмъ не все, что изъ нихъ извѣстно, и въ этихъ нѣсколькихъ маленькихъ строчкахъ авторъ съумѣлъ вмѣстить мно-

жество крупныхъ искаженій: то, что онъ сообщаетъ, неполно и часто невѣрно, а то, о чемъ умалчиваетъ—совершенно разрушаетъ его теорію. Мы имѣли терпѣніе, по очень неточному указанію на „Вятскія Губ. Вѣдомости“ 1859 г. (безъ ссылки на мѣсяцъ и число), разыскать статью анонимнаго автора, сообщающаго о явленіи Булды. Здѣсь (часть неоффиц. № 32, стр. 280) разсказъ о томъ, что какому-то мѣстному „туну“ явился младшій Булда, авторъ сопровождаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „У вотяковъ елабужскихъ существуетъ преданіе, *что свят. Николай*, изъ любви къ русскимъ, *поселился въ с. Березовкѣ*... и *имѣетъ трехъ меньшихъ братьевъ, одноименныхъ „Булдѣ“*, покровителей вотяцкаго народа“... Въ виду этого близкаго родства Булдъ къ святителю Николаю,—продолжаетъ авторъ,—вотяки „исключительно привержены къ этому святому, для поклоненія явленной иконѣ котораго слѣдуютъ въ село Березовку во время поста безпрерывные караваны вотяковъ, крещенныхъ и некрещенныхъ, даже изъ отдаленныхъ уѣздовъ—Малмыжскаго и Глазовскаго“.

Итакъ, въ „ученомъ трудѣ“ свящ. Блинова, ясное и категорическое указаніе на святителя Николая превращается въ доказательство буддійскаго культа. А кроткій Готама Сиддарта, основатель этого культа—превращенъ въ свирѣпаго „Бога“, по кровожадности и достовѣрности не уступающаго знаменитому Курбону *)...

1898.

---

*) Все это мѣсто, начиная отъ новой строки, было въ свое время вычеркнуто цензурой.

Оглавленіе

IV тома.

	стр.
Безъ языка. Разсказъ	3
Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды	132
Тѣни. Фантазія	152
Мгновеніе. Очеркъ	176
Необходимость. Восточная сказка	185
Въ борьбѣ съ дьяволомъ. Эскизъ изъ дорожнаго альбома	200
Фабрика смерти. Эскизъ	215
„Драка въ домѣ". Очерки изъ заграничной поѣздки	225
Русская дуэль въ послѣдніе годы	255
Господа дуэлянты	285
Русскій взглядъ на дуэли и польское „коло"	296
Честь мундира и нравы военной среды:	
I. Два убійства	303
II. „Тѣнь Сморгунера". Къ дѣламъ ген. Ковалева и Е. Голицынскаго	308
III. Продолженіе дѣла ген. Ковалева и д-ра Забусова	313
IV. Новая „Ковалевщина" въ Костромѣ	316
V. Еще о дѣлѣ генерала Ковалева	319
VI. Трагедія Ковалева и взгляды военной среды	326
VII. Кто виноватъ? Нѣсколько словъ „Русскому Инвалиду"	343
Мултанское жертвоприношеніе:	
I. Къ отчету о мултанскомъ жертвоприношеніи	361
II. Предисловіе къ отчету о мултанскомъ дѣлѣ	368
III. Мултанское жертвоприношеніе	378
IV. Мой отвѣтъ г-ну Крылову	403
V. Приносятся ли вотяками человѣческія жертвы?	406
VI. Рѣшеніе сената по мултанскому дѣлу	412
VII. Библіографическая замѣтка	421
VIII. Толки печати о мултанскомъ дѣлѣ	425
IX. Живучесть предразсудковъ	431
X. Изъ Вятскаго края	450

BINDING LIST OCT 13 1949

489677
LR
K8467
Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Полное собраніе сочиненій.
v.4.
[Translit: Polnoe sobranie sochinenyi]
DATE.
NAME OF BORROWER.
BINDING LIST MAY 20 1949

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET